

АКАДЕМИЯ НАУК
СОЮЗА СОВЕТСКИХ СОЦИАЛИСТИЧЕСКИХ РЕСПУБЛИК

ИНСТИТУТ ЛИТЕРАТУРЫ

(ПУШКИНСКИЙ ДОМ)

ТРУДЫ
ОТДЕЛА ДРЕВНЕ-РУССКОЙ
ЛИТЕРАТУРЫ

VI

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР
МОСКВА · 1948 · ЛЕНИНГРАД

Редакторы:

чл.-корр. АН СССР В. П. Адрианова-Перетц
и проф. И. П. Еремин

И. П. Еремин № 10237

СТАТЬИ И ИССЛЕДОВАНИЯ

В. П. АДРИАНОВА-ПЕРЕТЦ

Основные задачи изучения древне-русской литературы в исследованиях 1917—1947 гг.¹

Советское литературоведение в минувшие тридцать лет шло трудным, но плодотворным путем освобождения от методологических ошибок прошлого, которые искажали верное представление о сущности литературного развития и не позволяли правильно оценить отдельные литературные памятники. Однако традиции буржуазного литературоведения не преодолены ещё до конца. Критическое отношение к этим традициям притуплялось в целом ряде исследований отходом от центральных проблем литературоведения и, прежде всего, от проблем национального своеобразия и классового осмысления литературы. Этим объясняются попытки сделать для советского литературоведения пригодными некоторые методологические приемы Веселовского, принципиально неверный подход к вопросу о литературных влияниях, преувеличенное внимание к „маленькому кругу профессиональных интересов“ (Ленин).

Всех этих методологических ошибок не избежал и ряд исследований по истории древнерусской литературы, выходявших за последние тридцать лет. Беспощадная борьба с такими пережитками методологии буржуазного литературоведения — первоочередная и неотложная задача советской науки.

Однако, подводя итоги научной разработке литературного наследия русского средневековья, мы можем отметить и ряд достижений и новую, принципиально правильную постановку основных проблем истории древнерусской литературы.

Дореволюционная наука о древнерусской литературе открыла основной репертуар памятников, которыми и до сих пор оперирует исследователь. Новая точка зрения на этот репертуар и пополнение его новыми находками и включением в кругозор литературоведа произведений,

¹ Доклад, прочитанный на юбилейной сессии Института литературы Академии Наук СССР 15 октября 1947 г.

ранее остававшихся вне его поля зрения, радикально изменили наше представление о самом происхождении древнерусской литературы и о преобладающем ее характере.

Два тезиса прочно утвердились у дореволюционных историков древнерусской литературы: 1) русская литература возникла в XI в. под влиянием византийско-славянских образцов; 2) в течение XI—XVI вв. литература носила преимущественно религиозный характер и только в XVII в. началось ее „обмирщение“. Когда советские литературоведы широко вовлекли в круг своего изучения богатейший и разнообразный материал летописей и исторических повестей и подошли к этому материалу как к своеобразному литературному творчеству, — оба тезиса оказались неверными.

Согласованная работа историков и литературоведов над летописями показала, что не религиозно-дидактическая литература (в самом деле возникшая по образцу переводной), а историческое повествование в его многообразных разветвлениях представляет собой действительное начало русской литературы, что это начало вышло из глубоких народных корней, чем именно и обусловлено своеобразие литературной формы и мировоззрения первых русских писателей-историков; что воздействие на исторический стиль византийских исторических сочинений было явлением вторичным, гораздо более слабым, чем это представлялось раньше, притом и сказалось оно по преимуществу в XV—XVI вв., а не в период зарождения русской литературы.

Поставив в центре внимания исторические жанры, лишь в очень ограниченном количестве включавшиеся в историю литературы в дооктябрьский период, советские литературоведы опровергли и второй тезис своих предшественников: в свете нового материала и новой точки зрения на него стало ясно, что не религиозно-дидактическая, а историческая тема характеризует русскую литературу с ее начала почти до середины XVII в.; что эта тема проникает и в собственно религиозные жанры, нередко оттесняя на второй план их непосредственно религиозно-дидактические задачи. Религиозный жанр часто оказывается лишь специфичной для средневековья формой выражения все той же исторической темы. Такое перемещение внимания на иные группы памятников, вовлечение в исследование новых типов исторического повествования и истолкование всего этого материала с позиций марксистско-ленинского метода сказались не только в трудах отдельных исследователей, но оно определило и характер нового опыта обобщения, сделанного в первых двух томах „Истории русской литературы“ коллективом специалистов, организованным сектором древнерусской литературы Института литературы АН СССР. Этот опыт завершал собою определенный этап в развитии нашей науки и вместе с тем своими проблемами и ошибками показывал путь ее дальнейшего движения.

Круг изучаемых советскими литературоведами памятников древнерусской литературы расширился не только за счет исторических жанров.

Разыскания и открытия в области повествовательной литературы, новые находки, обнаружившие существование своеобразной сатирической литературы посада XVII в., изучение досиллабического стихотворства и памятников старинного русского театра значительно пополнили теперь число памятников, входящих в историю литературы XI—XVII вв. Пристальное изучение этого нового материала в разных направлениях углубило наше понимание литературного развития древней Руси.

Публикация новых текстов заставила пересмотреть всю методику издания древнерусских литературных памятников, применявшуюся нашими предшественниками. В итоге было признано, что много изданий было в свое время сделано по случайным спискам, искажающим наше представление об авторских текстах, что история многих памятников в рукописной традиции показана „книговедчески“, т. е. без внутреннего осмысления исторической закономерности появления тех или иных „редакций“ памятников. Советские текстологи поставили перед собой ряд новых задач: 1) опубликовать, с учетом всего сохранившегося рукописного материала, не только неизданные еще памятники, но и те, приемы издания которых не отвечают новым научным требованиям; 2) дать предположительно восстановленные авторские тексты путем исключения позднейших добавлений и изменений, или хотя бы наиболее близкие к этим оригиналам редакции; 3) создать на основе подготовленного такими изданиями материала „Библиотеку древнерусской литературы“; 4) показать в последовательных изменениях первоначального текста памятников под рукой редакторов-переписчиков закономерное отражение изменений классово-эстетического сознания, переживаний разных общественных групп в разные исторические моменты, выразившееся в активном отношении читателей к старому литературному тексту; такое изучение „редакций“ литературных произведений, отодвинув „книговедческие“ задачи, на первый план поставит характеристику каждого нового вида старого памятника как закономерного продукта общественного сознания определенного исторического момента.

Общая перестройка науки об искусстве, вытекающая из принципов марксистско-ленинской методологии, и расширение самого репертуара древнерусской литературы поставили заново перед литературоведами проблему периодизации литературного развития XI—XVII вв. Заранее следует оговориться, что неразработанность исторической поэтики русского средневековья вынуждает пока основывать периодизацию главным образом на исторической схеме.

Опыты такого рода периодизации, учитывающей смену исторических эпох, делались и в дореволюционных обзорах. Однако принципиальное отличие от них советских „историй древнерусской литературы“ заключается в том, что коренным образом изменилось, в итоге перестройки советской исторической науки, само наше представление о ходе общественно-экономического и политического развития древней Руси. Неиз-

бежно по-новому поэтому представилась и смена литературных направлений, определявшихся этим развитием.

Значительными общественно-экономическими и политическими сдвигами границы литературных периодов определяются в наиболее типичных для нашего времени общих обзорах учебного и не учебного характера (см. три издания учебника для высших учебных заведений Н. К. Гудзия; три издания научно-популярного очерка академика А. С. Орлова „Древняя русская литература XI—XVI вв.“, в последнем издании дополненного главой о литературе XVII в.; учебник, изданный коллективом сотрудников Института литературы АН СССР, и, наконец, первые два тома „Истории русской литературы“, составляющие начало многотомного издания Института литературы АН СССР). Однако внутри намеченных в этих обзорах больших периодов необходимо дальнейшее членение материала, учитывающее и исторические и стилистические основания. Развитие литературы с точки зрения ее художественного выражения показано в этих обзорах далеко не достаточно: для полной картины этого развития недостает специальных исследований художественного стиля древней Руси.

Опираясь на итоги исследований общественно-экономической и политической истории древней Руси, литературоведы за минувшие три десятилетия стремились осветить и вопрос об отражении этой истории в литературных памятниках, показать их классовую сущность. Обстоятельствами классовой и политической борьбы мы можем теперь осмыслить появление и собственно исторических сочинений XI—XVII вв., и своеобразной публицистики этого времени, и беллетристики, и даже части религиозно-дидактической литературы. Классические исследования Ф. Энгельса учат нас правильному отношению к „религиозному облачению“ средневековой литературы, за которым мы видим теперь жизнь в значительной части разнообразных интересов, столкновений и устремлений. Конечно, далеко не все в этом направлении сделано для осмысления древнерусской литературы, но самая проблема поставлена и пути ее исследования намечены.

Изучение классовой сущности древнерусской литературы позволило широко поставить вопрос о „народности“ литературы XI—XVII вв., не ограничивая его, как это делалось прежде, указанием на отражения в литературе фольклора. Строгая историчность марксистско-ленинского метода направила внимание советских исследователей на ту лучшую часть древнерусской литературы, которая обнаруживает признаки подлинной народности: своеобразное выражение интересов народа, его прогрессивных устремлений, высокого гуманизма, хотя и облеченного в обязательные для средневековья формы христианского „милосердия“ и осуждения социального зла как „греха“ против религии и ее морали. Исследования такого типа нередко вскрывают глубокие противоречия между обязательной идеологией — феодальной и религиозной — с одной стороны, и требованиями, диктовавшимися реальными условиями жизни, —

с другой. Влияние определенной исторической обстановки на усиление „народности“ в литературе установлено пока, главным образом, в исторических жанрах; в полном объеме проблема народности еще не разрешена.

В связи с широкой постановкой проблемы народности древнерусской литературы, предстоит заново выяснить отношение книжной и устной литературы древней Руси. Советское литературоведение не может ограничиться указанием отдельных случаев отражения фольклора в литературных жанрах. Опровергая господствовавшее в дореволюционной науке представление об оторванности в средние века книжности от устной поэзии, исследователи за последние десятилетия доказали непрерывавшееся общение этих двух областей словесного творчества, наметили периоды, когда это общение становилось особенно оживленным, и поставили вопрос об исторической обусловленности процесса взаимодействия литературы и фольклора. Впереди большая работа над изучением того, как протекал этот процесс в каждую эпоху, в каждом литературном жанре, какую функцию выполняли элементы фольклора в формировании идейно-художественного своеобразия литературы, в чем их качественное отличие от специфически книжных.

Как уже сказано, углубленное изучение исторической темы в древнерусской литературе показало прочную связь литературы с реальной действительностью. Советские исследователи ставят задачу обнаружить те особые, специфичные именно для средневековья художественные средства, с помощью которых писатели выражали свое отношение к действительности. В свете такой постановки вопроса переоценивается, например, роль религиозного и религиозно-фантастического элементов в светской литературе. Достаточно вспомнить исследования биографий таких героев русского средневековья, как Александр Невский и Дмитрий Донской; функция религиозно-дидактических эпизодов в этих биографиях определена как закономерное для средневековья выражение высшей оценки их подвигов. Религиозная фантастика воинских повестей — знак особого покровительства божества правому делу или, наоборот, наказания „греховного“; этим своеобразным средством авторы выражали оправдание одной и осуждение другой стороны в феодальной борьбе или в борьбе русских с внешними врагами; религиозной фантастикой доказывалась правомочность того или иного политического действия, „чудесами“ и „видениями“ защищались областные сепаратисты от наступления централизующей московской власти и т. д.

Так открывался широкий простор для объяснения воздействия на светскую литературу религиозно-дидактических жанров, в свою очередь вместе с исторической темой впитывавших и элементы светского повествовательного стиля. Стало ясно, что историческая тема, проникая в религиозный жанр, разрушает его форму, вводя в нее элементы иного стиля. С другой стороны, религиозная форма, врывающаяся в исторический рассказ, заменяет условными схемами некоторые реальные его эпизоды.

В тесной связи с изучением проблемы „историзма“ в древнерусской литературе, начинается решительный пересмотр того, как выделилась из общего фонда древнерусской книжности собственно художественная литература, имевшая свои, независимые от задач исторического повествования, цели; когда и при каких условиях свободный вымысел сюжета заменил воспроизведение — более или менее точное — реально случившегося события.

Все эти вопросы намечаются уже в исследованиях последних лет, посвященных литературе XVII в. Вскрываются свободные вариации на исторические темы, которые не боятся анахронизмов, смелого перенесения на одно лицо эпизодов, приуроченных к другому, введения сказочной фантастики и т. д.; характеризуется сплетение вымысла с отголосками исторически точно переданных фактов в легендах, приближающихся, таким образом, к бытовой повести, и, наконец, определяются зачатки будущего романа.

Так подготавливается материал для установления признаков перелома в средневековой литературе, и появления качественно новых литературных явлений. Эти признаки и породившие их причины были сложны и многообразны. Решительно отвергая господствовавшее в дореволюционном литературоведении представление, будто одной из главных причин литературного перелома в середине XVII в. было „западное влияние“, советские исследователи связывают этот перелом с условиями общественной жизни, ростом значения демократических классов, выдвинувших свои интересы в обстановке начавшегося освобождения личности от средневековой авторитарности.

Изучая содержание литературы древней Руси и ставя проблему художественной формы литературы, мы неизбежно приходим к необходимости разобратся до конца в своеобразном мировоззрении средневековья, изучить склад понятий, господствовавший в эпоху феодализма на данном его этапе, способ воспринимать эти понятия, отражавшиеся и на отношении к фактам реальной действительности. Известно, что в средние века воздействие теории, системы, общепризнанных норм на сознание было значительным; между тем нельзя не признать, что для русского средневековья сделано еще далеко не достаточно, чтобы его мировоззрение предстало перед нами во всей отчетливости.

В любом общем обзоре мы найдем перечень тех памятников книжности „феодализованного христианства“, которые в течение всего средневековья входили в круг чтения образованного человека вообще, а следовательно, и большинства писателей и читателей. Общие обзоры дореволюционного времени ограничивались обычно информационно-библиографическими сведениями об этой книжности, давая формальные пересказы содержания наиболее популярных памятников. Учитывая зна-

чение этого рода книжности для формирования моральных норм, представлений о мироздании и общественных отношениях и т. д., т. е. всего того склада понятий, который отразился и в древнерусской литературе, советские литературоведы стремятся показать, что эта книжность давала русскому читателю, что она сама впитывала в себя, бытуя на русской почве, как преломлялись ее идеи и представления в классово-эстетическом сознании русского читателя.

Одностороннее отношение к вопросу о культурных связях древней Руси с соседями, как они сказались в литературе, привело к тому, что дореволюционное литературоведение почти исключительно занималось изучением перехода на Русь литературной культуры сначала византийской и югославянской, позднее — западнославянской и западноевропейской. В советском литературоведении начато исследование взаимных отношений древнерусской литературы с соседними, ее воздействия на зарубежные литературы.

Особое внимание привлекает проблема русско-славянских культурных взаимоотношений. Уже отмечен ряд фактов, свидетельствующих об усвоении южными и западными славянами памятников древнерусской литературы (и искусства). Однако советское литературоведение стремится расширить вопрос и, не ограничиваясь указаниями на заимствования одними славянскими народами у других, поставить проблему общности культуры славянских народов в средние века.

Эта именно общность служила и служит подлинной причиной интенсивного сближения культур русской и славянских на разных этапах их истории. Если в X в. русские легко понимали памятники, перешедшие к нам на юго-славянском (церковно-славянском) языке, то в XIV в. юго-славянские реформаторы литературного языка предлагали взять за образец русский литературный язык того времени, признавая его наиболее совершенным. Русский Хронограф становится с XV в. широко популярным на славянском юге. Число таких наблюдений растет, и при согласованной работе литературоведов и фольклористов русско-славянские культурные, в частности литературные, взаимоотношения в средние века представляются достаточно тесными.

Значительный шаг вперед сделало советское литературоведение в новой постановке проблемы художественной формы древнерусской литературы. Изучение этой формы — от языка как материала до поэтического стиля в целом — в ее историческом развитии, обусловленном мировоззрением средневековья, — очередная неотложная задача литературоведения.

Вслед за лингвистами (акад. С. П. Обнорским), выясняющими роль живого русского языка в процессе выработки литературной речи средневековья, литературоведы все более четко определяют границы применения двух разновидностей литературного языка, отказавшись от старой точки зрения, будто литературным языком древней Руси был всегда церковно-славянский, в той или иной мере пропитанный элементами

русского языка. Лингвистика и литературоведение советского времени установили, что в светской литературе, особенно старшего периода и второй половины XVII в., язык большинства памятников в своей основе — русский, но усваивающий некоторые черты церковно-славянского; в религиозно-дидактической литературе — в основном язык церковно-славянский, который, однако, прибегает к отдельным формам живой речи по связи с исторической или бытовой темой, когда она входит в содержание памятника. Так сделана существенная поправка к тезису об оторванности языка древнерусской литературы от русского языка в его живом применении.

Однако и в данном вопросе можно считать лишь правильно намеченным путь исследования. Самый процесс внедрения в литературу русского языка в его разнообразных видах (просторечный, фольклорный, документальный, воинский и т. д.), формы борьбы и объединения его с выработанными нормами книжного церковно-славянского языка, причины преобладания то одной, то другой языковой стихии, — все это темы, подлежащие разработке. В итоге должно быть представлено во всей полноте соотношение в литературном языке разных эпох обеих языковых стихий, определена зависимость этого соотношения от классового происхождения памятника, его жанра, общего направления литературной деятельности данного автора (если он известен) или господствующих в данной среде литературных вкусов и т. д. Тесное сотрудничество литературоведов с лингвистами в разработке всех этих вопросов необходимо.

С начала 30-х годов советскими литературоведами формулирована проблема исторической поэтики, обусловленной своеобразным мировоззрением средневековья и специфичными задачами древнерусского писателя. Попыты изучения древнерусской стилистики в историческом плане относятся еще к дореволюционному времени, однако даже у наиболее пристально занимавшихся данными вопросами исследователей самое направление работ было чисто эмпирическим и описательным, притом они чаще всего ограничивались „воинским“ стилем древней Руси. Повторяющаяся „формула“, как характерный признак этого стиля, не была объяснена с точки зрения своей функции и обусловленности задачами средневековой литературы.

За последние годы интерес исследователей к вопросам исторической поэтики, несомненно, оживился. Общее направление, в каком идут исследования русской культуры XI—XVII вв., захватило и опыты изучения древнерусской стилистики. Труды специалистов по истории материальной культуры, изобразительного искусства и литературного языка древней Руси вскрыты глубокие национальные истоки всех этих разновидностей культуры; показано, что усвоение культурных достижений народов, соприкасавшихся в средние века с Русским государством, было творческим и что направление этого усвоения определялось той местной почвой, на которой оно происходило. Литературоведение в последние

годы ставит своей задачей подтвердить эти выводы на исследовании системы художественных средств древнерусской литературы.

В этих исследованиях предстоит прежде всего определить роль устной поэзии и образности живого русского языка (в разных его видах) в создании этой системы, с одной стороны, и, с другой — способ усвоения изобразительных приемов библейско-византийской литературы. Уже и то небольшое, что сделано для изучения этих вопросов, привело к некоторым положительным результатам, намечающим путь исторического развития древнерусского художественного литературного стиля. Выясняется, что светская литература, в самый момент своего возникновения поставившая в центре внимания историческую тему, в способе ее выражения пошла по пути, проложенному национальными формами словесного творчества. Литературный эпос XI в. продолжил традиции устных эпических и отчасти лирических жанров и широко применил образность живого русского языка. Этими наблюдениями в корне подрывается представление о том, будто бы исходным в процессе образования литературного стиля древней Руси было усвоение переводной книжности.

Поставленный литературоведами вопрос о функции наиболее характерных приемов древнерусского литературного стиля разрешен пока еще применительно к части материала. Но и то, что сделано, позволяет наметить некоторые общие положения. Становится очевидно, что в литературе (как и в изобразительном искусстве и в фольклоре) русское средневековье принципиально стремилось прежде всего выразить общее, а не индивидуальное, независимо от того, шла ли речь о чертах положительных или отрицательных. Эти общие элементы в каждый исторический период получали и некое постоянное эстетическое выражение в слове, как для изобразительного искусства — в красках или архитектурных формах. Ставя вопрос о причинах стойкости форм такого художественного выражения, исследователи приходят к выводу, что замедленность общественного развития в средние века и наличие религиозного мировоззрения, связывавшего сознание твердо установленными нормами, надолго закрепляли в сознании определенные представления, а в искусстве — их художественное воплощение.

Таким образом, современное литературоведение подошло к объяснению давно уже выделенных в древнерусском литературном стиле повторяющихся приемов, „формул“. Эти „формулы“ представляются нам теперь особо выразительными средствами художественного языка, отбрасываемыми традицией потому, что они наилучше передавали отстоявшиеся в сознании нормы, представления. Они жили полноценно до тех пор, пока отвечали, таким образом, общественному и художественному сознанию.

Наметившиеся общие тенденции древнерусского литературного стиля должны изучаться в их историческом развитии. Предстоит разрешить вопрос о причинах разрушения средневековых литературных норм и выработки нового художественного стиля, найти объяснение этих явлений в росте общественного и художественного сознания.

Залог успешной работы над стоящими перед историками древнерусской литературы проблемами — в окончательном освобождении из плена методологических ошибок прошлого, в четком проведении принципа партийности науки. Отодвинув мелкие профессиональные вопросы, мы обязаны все свои силы сосредоточить на решении основных проблем классово-эстетического сознания древней Руси и представить в полный рост национальную самобытность литературного наследия древней Руси, обусловленного своеобразием русского исторического процесса.

И. П. ЕРЕМИН

„Слово о полку Игореве“ в советском литературоведении¹

В истории изучения „Слова о полку Игореве“ истекшие тридцать лет — целая эпоха, во многом обогатившая наше представление об этом величайшем памятнике древнерусской литературы. Не имея возможности охарактеризовать все работы, написанные о „Слове“ советскими литературоведами за этот период (их свыше 150), ограничусь наиболее значительными, распределяя материал по тем научным проблемам, которые выдвигались в ходе изучения „Слова“.

Сюда прежде всего относится проблема его текста — проблема старая, но в то же время и всегда новая, ибо материал для ее решения все тот же: первое издание 1800 г. и впервые опубликованная акад. П. Пекарским в 1864 г. так называемая Екатерининская копия. В начале революции некоторые надежды возлагались на архив А. Ф. Малиновского, поступивший в Московский Государственный исторический музей: казалось, что в нем найдется некий дополнительный материал для реконструкции „Слова“. Но надежды эти не оправдались — это с полной очевидностью показала статья акад. М. Н. Сперанского, напечатанная в 1920 г. и специально посвященная „бумагам“ Малиновского. Давая некоторый небезинтересный материал для истории первого издания „Слова“, бумаги Малиновского ничего или почти ничего не дают нового исследователю его текста.

За истекшие тридцать лет было предложено немало новых конъектурных поправок к тексту первого издания „Слова“, более или менее остроумных, более или менее убедительных. Не буду специально останавливаться на их характеристике, так как в методологическом отношении они ничего принципиально нового в себе не заключают: все они идут в колею, уже хорошо проторенную текстологами дореволюционной эпохи. Несколько больший интерес представляют перестановки в тексте первого издания „Слова“, предложенные за этот период. Мысль о том, что в дошедшем до нас тексте „Слова“ некоторые его части нуждаются в перемещении, высказывалась и раньше, но только теперь она получила

¹ Доклад, прочитанный 15 октября 1947 г. на юбилейной сессии Института литературы Академии Наук СССР.

научное обоснование. Еще в 1916 г. акад. А. И. Соболевский, вслед за ним, в 1918 г. — П. Л. Маштаков, в 1926 г. — акад. В. Н. Перетц, в 1928 г. — П. В. Булычев показали возможность палеографического обоснования ряда перестановок в тексте „Слова“. Одна из этих перестановок, именно в начале „Слова“, где говорится об Игоре и о затмении, может теперь рассматриваться, с моей точки зрения, как прочно установленный научный факт: писец мусин-пушкинского сборника или его предшественник несомненно держал в руках рукопись, у которой были перебиты листы, и отрывок „Тогда Игорь възрѣ на свѣтлое солнце...“ необходимо, конечно, несколько передвинуть, чтобы восстановить первоначальный порядок, — читать после слов: „...ищучи себе чти, а князю славу“.

Из числа изданий „Слова“, вышедших за истекшие тридцать лет (их было более десятка), наибольший интерес представляет издание акад. В. Н. Перетца в составе его известного исследования о „Слове“, напечатанного в 1926 г. АН УССР. Издание это является своеобразной реализацией тех положений, которые были высказаны и автором этого исследования и его предшественниками в связи с палеографическим обоснованием перестановок в тексте „Слова“, — о формате протографа мусин-пушкинского списка, о его правописании, о генезисе тех или иных его ошибок. В отличие от большинства своих предшественников, В. Н. Перетц печатает не мусин-пушкинский список, а текст его предполагаемого протографа XV в. Реконструкция этого протографа сделана на основе всех имеющихся в нашем распоряжении данных: издания 1800 г., Екатерининской копии, бумаг Малиновского, выписок Карамзина; реконструируя текст, В. Н. Перетц учел все сделанные исследователями „Слова“ конъектурные поправки, тщательно отбирая из их числа наиболее вероятные и, в ряде случаев, исправляя текст собственными конъектурами („Не ваю ли вои злачеными шелома по крови плаваша?“ и др.). Реконструкция В. Н. Перетца ставит своей задачей воспроизвести с максимальной приближенностью не только текст этого протографа, но и его правописание, его распределение по листам рукописи. Издание В. Н. Перетца замечательно и само по себе (это — безупречный текстологический эксперимент) и как исчерпывающий свод всего того, что было сделано в этом направлении русской филологической наукой.

Весьма энергичной за последние тридцать лет была и работа по комментированию „Слова“. В особенности много ценного и интересного в этом направлении дал покойный член-корреспондент АН СССР Д. В. Айналов. С 1918 г. по 1936 г. он опубликовал серию небольших заметок о „Слове“, каждая из которых представляет собою развернутый комментарий к тому или иному чтению „Слова“: „чрълеными щиты“, „злат стол“, „жемчужна душа“, „злато ожерелье“, „стружие“ и т. п. Крупнейший знаток древнерусского искусства, Д. В. Айналов очень часто, комментируя то или иное чтение в „Слове“, привлекал материал и из этой столь хорошо известной ему области; так, например, он удачно сближал „чръленые щиты“ „Слова“ с соответствующими щитами в изо-

бражении древнерусских миниатюр; „злато ожерелье“ — с золотой гривной, которую в древности имели обычай носить на шее князья. Мимо заметок Д. В. Айналова не пройдет ни один комментатор „Слова“, как не пройдет он и мимо заметок другого исследователя — В. Ф. Ржиги, тоже немало потрудившегося за последние тридцать лет над истолкованием ряда трудных для понимания мест „Слова о полку Игореве“. Для характеристики пережитого этапа в истории изучения „Слова“ небезинтересно отметить тот факт, что некоторые чтения в „Слове“, отдельные его „темные“ места явились предметом обширных исследований объемом иногда в несколько печатных листов. Такова, например, напечатанная в 1935 г. статья Н. Н. Зарубина, посвященная толкованию словосочетания: „Заря свѣтъ запала“; статья акад. Н. С. Державина „«Троян» в «Слове о полку Игореве»“, полностью опубликованная в 1941 г. в его „Сборнике статей и исследований в области славянской филологии“ (здесь в особенности интересен комментарий автора к чтению: „рища в тропу Трояню чрез поля на горы“; в этой „тропе“ Трояня автор усматривает „отложение названия совершенно реального географического пункта“, а именно триумфального памятника „Тропаеум Траяни“, построенного римским императором Траяном в 108—109 гг. на полуострове в области нынешней Добруджи, в самом центре бывших владений киевского князя Святослава Игоревича).

Одной из ближайших задач нашей науки является задача собрать воедино весь накопленный комментаторами „Слова“ богатейший материал по толкованию всех трудных для понимания мест „Слова“; рассеянный по разным специальным изданиям, материал этот нуждается в критическом отборе и обобщающей сводке. Такой сводкой до известной степени является издание акад. А. С. Орлова (второе издание — 1946 г.), но сводкой далеко не полной, не исчерпывающей всего накопленного материала, — да А. С. Орлов и не ставил себе такой задачи.

Много ценного было сделано советской филологической наукой в области изучения идейно-политического содержания „Слова о полку Игореве“. Здесь большую помощь исследователям оказали известные высказывания Маркса и Энгельса о „Слове“ (имею в виду письмо Маркса к Энгельсу от 5 марта 1856 г. и письмо Энгельса к Марксу от 7 марта 1856 г.). Высказывания эти не раз привлекались к истолкованию идейно-политического замысла автора „Слова“, и методологическая ценность их не раз подчеркивалась исследователями. Переписка Маркса и Энгельса о „Слове“ и сама по себе была предметом изучения; обстоятельный историко-литературный комментарий к ней находим в статье акад. А. С. Орлова, специально посвященной этой переписке и впервые напечатанной в 1933 г., а также в статье члена-корреспондента АН УССР П. Н. Попова, напечатанной на украинском языке в 1938 г. (№№ 2—3 „Радянського літературознавства“). Ценный вклад в дело изучения идейно-политического содержания „Слова“ внесли историки — акад. Б. Д. Греков и проф. М. Д. Приселков: анализ „Слова“ на фоне конкретной исторической

обстановки конца XII в. позволил этим исследователям выяснить идейно-политический замысел его автора в деталях, до сих пор никем не отмеченных. Призыв к единству Русской земли не раз раздавался в древнерусской литературе, но в разные исторические эпохи он приобретал разное политическое звучание — работы Б. Д. Грекова и М. Д. Приселкова показывают это с большой отчетливостью; оба исследователя — и в этом несомненная их заслуга — в свою интерпретацию идейно-политического содержания „Слова“ внесли ту историческую конкретность, которой недоставало их предшественникам.

Уже давно, с 60-х годов прошлого века, началась работа по изучению „Слова“ в его связях с современной ему оригинальной и переводной прозой — исторической повествовательной прозой в первую очередь. Начатая трудами акад. Н. С. Тихонравова, акад. В. Ф. Миллера, Е. В. Барсова, работа эта в сущности никогда не прекращалась. В последнее время в особенности много сделал в этом направлении акад. В. Н. Перетц. И в своей уже упоминавшейся книге и в ряде статей он собрал громадный словарно-стилистический материал, во много раз превосходящий по объему собранный его предшественниками. В свете этого материала стала совершенно очевидной литературная природа „Слова“. Выяснилось, что „Слово“ в современной ему литературе стояло не одиноко, что в словарно-стилистическом отношении оно теснейшим образом связано с этой литературой, что оно органически впитало в себя всю богатейшую литературную культуру, накопленную к концу XII в. Киевской Русью. Отрицать теперь литературную природу „Слова о полку Игореве“ — значило бы отрицать факт, установление которого является одним из наиболее прочных завоеваний нашей науки. В самое последнее время замечается кое у кого тенденция выводить „Слово“, все целиком, только из фольклора. Тенденция эта должна быть безусловно осуждена, ибо она не поддерживается фактами, противоречит всему тому, что нам известно о „Слове“, продиктована ложной мыслью, что только „фольклорное“ — народно.

Утверждая вслед за В. Н. Перетцем, А. С. Орловым, Н. К. Гудзием и другими литературную природу „Слова о полку Игореве“, я отнюдь не хочу сказать, что в „Слове“ нет фольклорных реминисценций: они налицо в „Слове“, и их больше в нем, чем в каком-либо другом из дошедших до нас памятников литературы Киевской Руси. Первоочередная задача нашей науки — обнаружить эти реминисценции. Что в „Слове“ следует отнести за счет фольклора — на этот вопрос мы, к сожалению, не найдем точного ответа в нашей науке, несмотря на то, что вопрос о фольклорных элементах „Слова“ был поставлен еще в прошлом веке, что вопроса этого не раз касались и многие советские ученые (Ю. М. Соколов, А. И. Никифоров и др.). Такое положение отчасти объясняется тем, что все писавшие на эту тему обычно ограничивались подбором буквальных словесно-стилистических фольклорных параллелей к „Слову“, забывая о том, что фольклорные элементы „Слова“ могут и не исчерпываться этими параллелями, могут корениться глубже — в фольклорной

трактовке того или иного его эпизода, в фольклорном преломлении фактов действительности.

Не раз обсуждался за последние тридцать лет и вопрос, впервые поставленный еще А. Востоковым в 1812 г., — прозой или стихами написано „Слово о полку Игоре“е“. В процессе обсуждения этого вопроса с полной очевидностью выяснилось, что в такой форме вопрос должен быть снят, ибо дилеммы никакой нет: ни одна из попыток доказать стихотворную природу „Слова“, предпринятых в прошлом веке и в начале нашего, — как известно, успехом не увенчалась; временная инерция ритма в „Слове“ не подлежит сомнению, но наличие этой инерции еще отнюдь не доказывает его стихотворной природы. Новейший исследователь вопроса М. П. Штокмар (имею в виду его превосходную работу о ритмике „Слова“, опубликованную в 1941 г. в сборнике статей „Старинная русская повесть“) уверенно говорит о прозаической природе звуковой организации „Слова“, и мнение это представляется мне единственно правильным решением вопроса. Нельзя отстаивать стихотворную природу ритмики „Слова“, не имея в запасе ни одного научно обоснованного довода в пользу этого утверждения.

Начиная примерно с 1925 г., внимание исследователей „Слова“ стали привлекать и некоторые другие элементы его художественной структуры: изредка встречающаяся в „Слове“ морфологическая рифма, аллитерация, поэтический синтаксис и пр. Изучение этих элементов, однако, носило случайный и чисто описательный характер: художественная структура „Слова“ в целом, в единстве всех своих составных частей, предметом специального исследования ни разу не становилась; отдельные элементы художественной структуры „Слова“ брались в отрыве один от другого, без учета их внутренне-закономерного соотношения. Очередная задача нашей науки — восполнить этот пробел. Тогда несомненно получит свое разрешение и дискуссионный вопрос о жанровой природе „Слова“. В нашей науке по этому последнему вопросу, как известно, имеются две точки зрения, взаимно исключающие одна другую: одни утверждают, что „Слово“ — героическая поэма; другие держатся того мнения, что „Слово“ — историческая повесть. Изучение художественной структуры „Слова“ в целом, в единстве всех ее элементов, привело меня к выводу, что ни та ни другая точки зрения действительности не соответствуют. „Слово“ — не повесть и не героическая поэма. „Слово“ — речь, памятник так называемого торжественного политического красноречия Киевской Руси XII века.

В 1929 г. акад. А. И. Соболевский высказал мнение, что „Слово“ в том его виде, в каком мы его теперь знаем, было написано в два приема: сперва была написана первая его часть — до плача Ярославны включительно, а затем, три года спустя, — вторая, заключительная. Эту точку зрения — ее, кстати сказать, еще в самом начале нашего века пытался обосновать В. В. Каллаш — в последнее время энергично отстаивал и Н. К. Гудзий. Лично я не вижу достаточных оснований к тому,

чтобы дробить „Слово“ на части: „Слово“, как показывает изучение его композиционной структуры, обнаруживает замечательное единство всех своих составных частей и несомненно — так мне по крайней мере представляется — было написано в один прием — весной 1187 г.

Привлекал к себе внимание и вопрос об авторе „Слова“. И лет десять назад и совсем недавно были предприняты в этом направлении даже специальные поиски; есть мнение (И. Новикова), что автором „Слова“ был сын тысяцкого — один из дружинников Игоря, вместе с ним попавший в плен к половцам; есть мнение (А. Югова), что автором „Слова“ был упоминаемый Галицко-Воынской летописью певец Митус. По поводу этих предположений сказать могу только одно: жаль времени, потраченного на их обоснование. Вопрос о том, кто именно написал „Слово о полку Игореве“ — вопрос праздный, ибо для решения его у нас нет никаких данных, пока что, во всяком случае.

Из работ о „Слове“, вышедших в самое последнее время, особо должна быть отмечена книга акад. С. П. Обнорского — „Очерки по истории русского литературного языка старшего периода“ (М. — Л., 1946). Последняя глава этой книги — первый в сущности опыт систематического исследования языка „Слова о полку“ в нашей науке — его фонетики, морфологии, синтаксиса, лексики. Автор рассматривает „Слово“ как памятник древнерусского языка — не старо-славянского (автор строго различает эти два понятия); подчеркивает в строе его языка архаические черты, сближающие его с древнейшими памятниками русского языка, такими, например, как „Русская Правда“; доказывает, что дошедший до нас текст „Слова“, за немногими исключениями, относительно точно воспроизводит первоначальное его чтение; для нас, историков древнерусской литературы, это последнее утверждение С. П. Обнорского, раскрывающее некоторые новые перспективы в деле реставрации текста „Слова“ по мусин-пушкинскому списку, в особенности дорого — дорого именно потому, что это утверждение специалиста-лингвиста.

Необходимо, наконец, отметить, что советские ученые приняли самое активное участие в обороне „Слова о полку Игореве“ от покушений на него со стороны группы иностранных „скептиков“ во главе с французским ученым проф. А. Мазоном. Этот последний, как известно, с 1938 г. на страницах редактируемого им журнала „Revue des études slaves“ начал печатание обширного исследования, где подверг сомнению подлинность „Слова“ и пытался доказать, что „Слово“ было написано (Н. Н. Бантыш-Каменским — как теперь утверждает автор) в конце XVIII в. в подражание, главным образом, „Задонщине“. В 1940 г. исследование это вышло в Париже отдельной книгой под заглавием „Le Slovo d'Igor“. Первым в защиту „Слова“ выступил действительный член АН УССР Н. К. Гудзий, посвятивший в 1946 г. обстоятельной критике этой „теории“ две статьи: одну на украинском языке (Вісті Академії Наук УРСР, № 2), другую, объемом в несколько печатных листов, в „Ученых Записках“ Московского Государственного университета.

До известной степени против А. Мазона и его последователей направлены также: статья чл.-корр. АН СССР С. Е. Малова о „тюркизмах“ в языке „Слова“, напечатанная в 1946 г. в „Известиях“ Отделения литературы и языка АН СССР; уже упоминавшееся исследование акад. С. П. Обнорского; статья о „Задонщине“ В. П. Адриановой-Перетц, опубликованная в 1947 г. в №№ 7—8 „Радянського літературознавства“. Poleмике с А. Мазоном посвятил главу и акад. А. С. Орлов во втором издании своей известной книги о „Слове“ (М. — Л., 1945).

За последние тридцать лет появилось немало и переводов „Слова“ на современный русский язык, сделанных советскими поэтами.

По тому, как эти поэты решают проблему поэтического перевода „Слова“, все они могут быть подразделены на четыре группы: одни, примыкая к уже давно сложившейся традиции, переводят „Слово“ в стиле того или иного поэта, подчеркнуто модернизируя оригинал; другие, следуя примеру Л. Мея и его эпигонов, считают своим долгом придать „Слову“ недостающий ему „народный“ колорит и соответственно этому переводят его в народно-песенном ладе; третьи не столько переводят, сколько создают свои собственные вольные композиции на текст „Слова“; четвертые — их меньшинство — экспериментируют, ищут путей к такому переводу „Слова“, который наиболее адекватно оригиналу передавал бы не только его текст, но и его своеобразный, в силу своей архаичности нелегкий для нашего современного понимания, поэтический стиль.

Типичным представителем современных переводчиков „Слова“ первой группы является Д. Семеновский. Опубликованный им в 1939 г. перевод „Слова“ возвращает нас к временам Гербеля. Подобно Гербелю, переводчик разделил текст на песни, каждой из которых дал особое заглавие: „Запев“, „Поход“, „Встреча с половцами“, „Роковая сеча“ и т. п.; подобно Гербелю перевел „Слово“ разными русскими классическими размерами, специально подобранными для каждой песни. Новинкой в переводе Д. Семеновского является попытка в одном случае переложить „Слово“ явно под Некрасова. Под этого поэта, сколько мне известно, до Д. Семеновского никто переводить „Слово“ не брался.

Прошли века Трояновы,
 Дни Ярослава минули,
 Олега Святославича
 Полки в боях погнули.
 Олег-то князь мечом ковал
 Крамолу окаянную
 И сеял стрелы по земле
 Рукою неустанною.
 Вражды братоубийственной
 Подняв знамена черные,
 В Тмутаракани в стремена
 Вступал он золоченые...

К переводчикам „Слова“ второй группы прежде всего следует отнести А. И. Никифорова. Перевод А. И. Никифорова, опубликованный

в 1938 г., выдержан в том условном народно-песенном, былинном складе, который в свое время культивировался в нашей поэзии и создал даже прочную традицию в ней. О тенденции переводчика переложить „Слово“ именно в этом складе красноречиво свидетельствуют и его пристрастие к дактилическим окончаниям, и его стремление усилить „народный“ колорит „Слова“ обычным в таких случаях ассортиментом синонимических повторов и ласкательно-уменьшительных слов: путь-дороженька, князя-молодца, дани-подати, стремечко, обидушка, зорюшка, белочка и т. п. В наши дни этот псевдо-народный стиль на пути к вырождению. Перевод „Слова“ А. И. Никифорова — один из показательных тому примеров... Перевод нередко выпадает из стиля. В переводе А. И. Никифорова немало слов и словосочетаний, которые на фоне его условной народно-песенной лексики звучат резкими диссонансами, разрушающими стилистическое единство этого фона:

Не плохо нам было бы, братие,
Начать старинной манерою
Повесть эту трудную...
Испить мне *безумно* хочется
Шеломом воды из Дона...
Жутким клетком орлы зверей
Созывают на кости мертвые...

В особенности антихудожественно звучат эти модернизмы, когда они у переводчика непосредственно сочетаются с его „народными“ словами и словосочетаниями.

Трепещет сама земля,
Мутно текут реченьки...
В синем море у Дона купаючись,
(дева-„обидушка“) усыпила эпохи богатые...

Сюда же должен быть отнесен и перевод „Слова“ С. Басова-Верханицева с той, однако, оговоркой, что перевод этот имитирует „словарь современных народных песен и сказок“ с неизмеримо большим вкусом и художественным тактом.

„Переводчиков“ третьей группы, как было уже указано, „Слово“ в том виде, в каком оно дошло до нас, мало устраивает; переводам они предпочитают вольные композиции на темы „Слова“. Против этих вольных композиций на темы „Слова“ можно было бы и не возражать, если бы они не претендовали на большее; в принципе я ни в какой мере не возражаю против рифмованной „вариации“ на темы „Слова“, допустим, А. Заболоцкого, напечатанной в 1946 г. в журнале „Октябрь“ (№№ 10—11), но решительно возражаю против таких „вольных“ композиций, которые объявляют себя без всяких к тому оснований переводами, — более того, зеркалом будто бы нашего, современного отношения к „Слову о полку Игореве“. Прав я или не прав — пусть скажет об этом отрывок из одного такого перевода „Слова“ на „эмоциональный экран

нашей эпохи“. Имею в виду „перевод“ М. Тарловского. Вот как в его переложении звучит всем известное вступление „Слова“:

Товарищи, старую быль взворозить
 Не стоит ли нам для почина,
 Чтoб Игорев' конный марш изложить
 Рейд Святославова сына?
 Мы слогом теперешним речь начнем,
 На происшедшее глянув:
 Певцу не к лицу изжитый прием,
 Ветхий обычай Боянов.
 Уж так он, Боян, в заповке мудрил:
 Как векша, скакал через ветки,
 Волком он серым в ловитве кружил,
 Сизым орлом на разведке.
 Програвит он, вспомнив завязку смут,
 Лебедек соколиным десятком —
 И птице, которую первой сгребут,
 Петь гимн усобищным схваткам.

Характерной особенностью переложений „Слова“, принадлежащих переводчикам последней группы, переводчикам-экспериментаторам, — Г. Шторму, С. Шервинскому, И. Новикову, А. Югову — является прежде всего их относительная близость к тексту оригинала. Именно поэтому они так предельно лаконичны. Следуя примеру В. А. Жуковского, Шторм Шервинский, Новиков, Югов перевели „Слово“ ритмической прозой, а не стихами. Отказавшись от стилизации „Слова“ под тот или иной жанр, под того или иного поэта, они поставили себе трудную и ответственную задачу: воспроизвести с максимальной приближенностью к оригиналу не только его текст, но и его поэтический стиль. Жаль, что переводчики эти иногда, в стремлении точнее передать смысл тех или иных слов оригинала или устранить так называемые „темные“ места, впадают в ненужный ученый педантизм: предпринимают целые изыскания в области технической терминологии и диалектологии, грешат необоснованной гиперкритикой текста. Этот последний упрек относится в первую очередь к А. Югову. Он в значительной степени сам обесценил свой местами совсем неплохой перевод многочисленными конъектурными поправками, малоубедительными, а подчас, с точки зрения специалиста, и просто фантастическими.

Основная заслуга советских поэтов-переводчиков „Слова“ этой группы заключается в том, что они, впервые в истории художественного переосмысления „Слова“ нашей поэзией, поставили проблему точного (точного и в отношении текста, и в отношении стиля) художественного перевода „Слова“ на современный русский язык. Но в то же время было бы, конечно, большим преувеличением сказать, что они эту проблему уже полностью разрешили. В какой-то степени советская поэзия все еще в долгу перед „Словом“.

А. Н. РОБИНСОН

**Поэтическая повесть об Азове и политическая борьба
донских казаков в 1642 г.**

I

Первая редакция Поэтической повести об Азове представлена в классификации А. С. Орлова единственным списком У, в котором нехватает нескольких листков в середине и утрачена значительная часть конца повести.¹

Вторая редакция, в особенности лучший ее список Б, близка к первой вплоть до конца картины предсмертного прощания казаков. По мнению А. С. Орлова, о содержании утраченной середины У мы можем иметь „лучшее представление“ по II редакции.² Но вопрос о первоначальном виде конца повести на основании имевшихся до сих пор данных представляется неразрешимым.

В списках II редакции после сцены прощания казаков кратко рассказывается о неожиданном бегстве турок из-под Азова и о преследовании их со стороны осажденных.

В III редакции после прощания казаки идут еще на вылазку, потом ведут переговоры с противником при помощи стрел, затем к ним „является“ сама „богородица“ и ободряет их, открываются и другие традиционные „чудеса“, казаки снова выходят и побивают многих „бусурман“. Захваченные „языки“ объясняют, что турки побежали, так как „убоялись страху божия“, видя „тучу великую“, а перед нею „юношей“ с мечами и т. д. Конец бравурно-оптимистический: казаки отправят „гонцов скорых“ к государю, а сами „забыли все свое житие горкое и печальное, почали пойло пити молодетц[к]ая...“ (202).

По IV редакции после такого же по общему содержанию рассказа о переговорах с помощью стрел, о „чудесах“, о показаниях „языков“

¹ А. Орлов. Исторические и поэтические повести об Азове (взятие 1637 г. и осадное сидение 1641 г.). Тексты. М., 1906, стр. 92. Далее цитируем повесть по этому изданию, в скобках указаны страницы. Сокращенные названия списков Поэтической повести взяты из того же издания.

² Там же, стр. 124.

дается, напротив, печальная концовка: казаки „место азовское покинули“, построили монастырь, постриглись в монахи, „а атамана поставили игуменом, и в монастыре атаман умре“ (236). Таков же в общих чертах конец и Сказочной повести, которая возникла на основе Поэтической.¹

Вопрос о конце повести вызвал разноречивые суждения исследователей. А. С. Орлов настойчиво высказывал мнение о том, что „текст второй редакции (в его конце, — А. Р.) вообще разнствует с остальными редакциями Поэтической повести и почти не отражает их прототипа“, или „является сильной переработкой прототипа“.² Он считал, что последняя часть повести „восстановима для прототипа“ сличением I, III и IV редакций, но признавал, что „все-таки кое-что остается не ясным, ибо I редакция вскоре обрывается (дефект листов У), III редакция хотя и доходит до конца, но сильно переставляет и пересказывает текст, а IV редакция сокращает и тоже, кажется, употребляет перестановку“.³ Отсюда видно, что если и в общем содержании конца повести по всем этим вариантам не все еще ясно, то о восстановлении авторского текста на их основе нечего и думать. Позднейший характер конца повести по II редакции признавался и Ф. И. Буслаевым, который в основу своего сводного текста положил У, исправлял его по Б и другим спискам, но основное содержание конца (пострижение казаков в монахи и т. д.) взял по IV редакции.⁴

Н. И. Сутт поставил своей задачей „на основе всех дошедших до нас списков Поэтической повести сконструировать такой сводный текст, который можно было бы считать приближенным к авторской редакции“.⁵ Но задача эта „оказалась не из легких“.⁶ „Возникает, — пишет он, — трудно разрешимая проблема реставрирования конца повести“.⁷ Затруднение это исследователь пытается преодолеть следующим способом. Не привлекая новых рукописных материалов, он просто объявляет первоначальным тот конец повести, который представлен во второй ее редакции. Если в авторском тексте говорилось о помощи „небесных сил“ казакам, чего нет в конце по II редакции, то почему же, — недоумевает Н. И. Сутт, — составитель этой редакции „изъял именно этот сюжетный момент? Спрашивается: что он вольнодумец? не верил в чудеса? в помощь неба?“⁸ Основываясь только на этих умозрительных доводах, исследователь и предполагает: „скорее могло случиться обратное: соста-

¹ А. С. Орлов. Сказочные повести об Азове. Варшава, 1906, стр. 267—270.

² Там же, стр. 22, 23.

³ Там же, стр. 23.

⁴ Ф. Буслаев. Русская хрестоматия. Изд. 10-е, М., 1907, стр. 298. — А. Орлов. Исторические и повтческие повести..., стр. 93—95, 126—123, 222.

⁵ Н. И. Сутт. Повести об Азове (40-е годы XVII в.). МГПИ, Уч. зап. Каф. русск. лит., вып. II, М., 1939, стр. 5—6.

⁶ Там же, стр. 6.

⁷ Там же.

⁸ Там же.

витель последующего списка (редакции? — А. Р.), заметив, что предшественник (или автор) забыл небесное воинство и отнес всю честь победы на долю казаков, ... от себя внес соответствующие дополнения сообразно существовавшим стереотипам русских воинских повестей".¹ Но аргумент подобного рода мало помогает делу, так как, исходя из данных III, IV редакций и Сказочной повести, мы с таким же успехом можем отнести эти „риторические“ вопросы к автору повести и заявить, что и он не мог быть „вольнодумцем“, и он не мог объяснить, казалось бы, неожиданную победу без традиционной для повестей вообще помощи „небесных сил“. В заключение своей работы Н. И. Сутт еще раз отмечает, что только впоследствии, в результате переработок, текст повести, „пополнялся за счет литературных шаблонов, за счет включения элементов церковной фантастики, далекой от всякой историчности“.²

Однако правильна ли попытка Н. И. Сутта рассматривать изображенные в повести картины помощи „небесных сил“ казакам просто, как позднейшие наслоения риторических „шаблонов“, чуждых ее автору и далеким „от всякой историчности“? Отрицание „всякой историчности“ данных фантастических представлений для идеологии средневековья означало бы отказ от правильного понимания этой идеологии. Такая попытка, как нам кажется, обнаруживает не только игнорирование названным исследователем существенных элементов содержания и стиля повести, но и слишком невнимательное отношение его к тем историческим условиям, в которых это произведение возникло.

Сами казаки, как и все их сторонники в политической борьбе за присоединение Азова к России, которая разгорелась в Москве в 1642 г., в своих официальных документах на царское имя не только не относили „всю честь победы“ на долю казачества, как кажется Н. И. Сутту, но, напротив, постоянно подчеркивали, что Азов взят и удержан „помощью и заступлением“ „небесных сил“. Мы коснемся этого вопроса подробнее несколько ниже, а здесь только заметим, что автор нашей повести, как современник событий и защитник интересов Войска Донского,³ стремился всячески подчеркнуть и опозитизировать „бogoугодность“ борьбы казачества за Азов, помощь ему якобы самого „господа бога“ и, напротив, оттенял „нечестивость“ противников — „прегордых варваров“, которые „обнадежились“ только на свою силу и „тленное“ богатство. Такая аргументация была весьма существенной в политической борьбе вокруг азовской проблемы. Вспомним основополагающие указания Ф. Энгельса о том, что „мировоззрение средних веков было по преимуществу теологическим“ и „церковная догма была исходным моментом

¹ Н. И. Сутт, ук. соч., стр. 6.

² Там же, стр. 49.

³ Наша гипотеза об авторе повести, высказанная еще в 1940 г. в докладе на занятиях семинария проф. Н. К. Гудзия (МИФЛИ им. Чернышевского), в настоящее время развита в статье „Вопросы авторства и датировки Поэтической повести об Азове“ (МГУ, Докл. и сообщ. Филол. фак., вып. V).

и основой всякого мышления“.¹ В другом случае Ф. Энгельс указал, что в средние века „догматы церкви были одновременно и политическими аксиомами, а библейские тексты имели во всяком суде силу закона“.² Интересно отметить, что это последнее суждение Ф. Энгельса прямо отвечает явлениям общественной жизни Войска Донского в XVII в. В казачьем кругу „дела решались без каких-либо писаных законов, а по древним... казачьим обычаям, причем в основание решений всегда применялась та или другая евангельская заповедь“.³

Показать, в чем же состояла та самая „церковная фантастика“, от которой отказывается Н. И. Сутт, неосновательно старающийся модернизировать изучаемую повесть, показать, как эта фантастика служила нашему автору в качестве определенных „политических аксиом“ для идейного оправдания и пропаганды насущных политических интересов Войска Донского, — значило бы осветить важную и не изученную еще сторону содержания и стиля Поэтической повести в ее непосредственных связях с ближайшей к азовским событиям исторической действительностью.

Таким образом, ничем не подтвержденное предположение Н. И. Сутта об авторе повести как чуть ли не о „вольнодумце“, который наперекор мнению самих казаков стал изображать их подвиг, минуя картины заступничества „небесных сил“, противоречит историческому пониманию условий возникновения повести и не отвечает данным ее III и IV редакций. Вывод же, который следует из этого предположения, является в классификации исследователя решающим: если конец II редакции первоначален, то „в таком случае I (по А. С. Орлову) редакция на самом деле окажется второй, а вторая (по А. С. Орлову) — первой, и задача реставрирования авторского текста значительно упростится“.⁴

Каким же образом пытается Н. И. Сутт доказать первоначальность II (по А. С. Орлову) редакции? Списки II редакции не дают для этого никаких данных и поэтому исследователь подходит к вопросу с другой стороны — он старается доказать позднейшее происхождение списка У. Казалось бы, для этого нужно было бы в первую очередь сравнить историческое содержание повести по У и по II редакции и посмотреть, в каком варианте события азовской осады переданы более полно и правильно.

¹ Ф. Энгельс. Юридический социализм. К. Маркс и Ф. Энгельс, Сочинения, т. XVI, ч. 1, стр. 295.

² Ф. Энгельс. Крестьянская война в Германии. К. Маркс и Ф. Энгельс, Сочинения, т. VIII, стр. 128.

³ Е. П. Савельев. Войсковой круг на Дону. Исторический очерк. Новочеркасск, 1902, стр. 3.— Ср. проф. М. Т. Иовчук. Формирование философской и общественно-политической мысли в России XV—XVIII веков. Стенограмма лекций, прочитанных в Высшей партийной школе при ЦК ВКП(б), М., 1946, стр. 11: „религиозная идеология (в России в XV—XVII вв., — А. Р.) была не только господствующей, она была общепризнанной в обществе“.

⁴ Н. И. Сутт, ук. соч., стр. 6.

Но, обходя вопросы содержания повести, Н. И. Сутт пытается основать свою точку зрения только на формальных данных.

Доказательством более позднего происхождения У „служит, — по его мнению, — в первую очередь наличие в нем интерполяций, добавлений переписчика от себя, совершенно не отразившихся в списках Б, Е, К, ИЗ, ИО 8“.¹ При этом метод определения „интерполяций“, как и вся текстологическая работа Н. И. Сутта, диктуется поисками простейшего пути для составления „реставрированного“ протографа на основе текстов, изданных А. С. Орловым. Отсюда искомая величина — первоначальность II редакции — априорно превращается в аксиому и все, что в У не подходит к ней, объявляется „интерполяциями“. Но почему бы не предположить обратное? То есть, если в У полнее и, как увидим, правильное раскрывается историческое содержание повести, если подробнее и богаче рисуются некоторые поэтические картины, то почему бы это изложение не считать более близким к протографу, чем варианты списков II редакции, которые могли явиться результатом последующих переделок и сокращений?

В подтверждение этой точки зрения рассмотрим хотя бы первую из обнаруженных Н. И. Суттом „интерполяций“ списка У. По его мнению, после слов: „из Дону вода на береги выступила“ в У добавлено: „От таких великих тягостей и из мест своих вода на луги пошла“.² Полностью это место читается так: „От силы их (турок, — А. Р.) многия и от уристанья их конского земля у нас под Азовом потряслася и погнулась, и из реки у нас из Дону вода на береги выступила от таких великих тягостей, и из мест своих вода на луги пошла“ (У, 98). Во-первых, утверждение Н. И. Сутта, что данные „интерполяции“ У „совершенно“ не отразились в списках Б, Е, К, ИЗ, ИО 8, которые он относит к I редакции повести, не верно, так как именно в списках ИЗ, ИО 8 есть чтение: „... реки у нас из Дону... вон на береги выступила мест своих“ (174), т. е. дается несколько испорченный вариант У. Делая сводку всех вариантов, А. С. Орлов по поводу этого места заметил: „во всяком случае в первооригинале было — «из мест своих»“ (174, прим. 28). Во-вторых, прежде чем спешить с констатацией „интерполяции“, следовало бы обратить внимание на литературный источник ряда образов нашей повести — Сказание о Мамаевом побоище, — откуда и заимствовано данное место.³ Например, в одной из редакций „Сказания“ читаем: „Поле же Куликово прегигающеся, вострепеташа лузи и болота, реки же и озера из мест своих выступиша, яко николи же убо толиким полком быти на месте том“, и далее опять: „езера выступиша из мест своих“.⁴

¹ Н. И. Сутт, ук. соч., стр. 7.

² Там же.

³ См. в нашей статье „Из наблюдений над стилем Поэтической повести об Азове“ (Уч. зап. МГУ, вып. 118, Тр. Каф. русск. лит., кн. II, М., 1946, стр. 56—50).

⁴ Русский исторический сборник, т. III, ч. 1, М., 1838, стр. 49, 55. — Ср. С. Шамбинаго. Повести о Мамаевом побоище. СПб., 1906, тексты, стр. 27, 62, 112.

Здесь наблюдается не только тот же поэтический мотив, но и характерный дважды повторенный оборот — вода выступила „из мест своих“, что совпадает с чтениями У, ИЗ, ИО 8 нашей повести и подтверждает мнение А. С. Орлова о наличии данного места в ее первооригинале.

Продолжая в таком же духе отыскивать „интерполяции“ в У, Н. И. Сутт далее пишет: „Иногда вставки редактора составляют целый абзац, например, после слов: «их мудрость земляная с тех мест миновалас» читаем: «Почали они от нас страшны быти, в рати их почела меж их роздряга быти великая. Паши ж турецкие почали крычать на царя крымского, что не ходит он к приступу с ордою с крымскою»¹. Этот отрывок содержит важное указание на то отсутствие единого командования, которое послужило одной из причин поражения осаждающих. Факт разногласий в турецком лагере отнюдь не случаен, о чем свидетельствует следующий документ. На основании показаний захваченных „языков“, казаки сообщили в Посольском приказе (29 сентября 1640 г.), что „Крымский царь им (туркам, — А. Р.) отказал же, что ему под Озов не хаживать, хотя и турской салтан велит, потому что де он не городоимец, а хотя де пойдет под Озов, и он де станет на поле“². Это и естественно, так как татары составляли тогда легкую конницу. Таким образом, еще в период подготовки осады между крымским командованием начались те трения, которые сказались в ходе боевых действий и правильно отразились в повести. Нет никаких оснований для того, чтобы этот существенный момент содержания произведения отнести к „интерполяциям“ только потому, что он уже утрачен во II редакции.

В начале повести по списку У говорится, что в Москву приехали казаки и „своему осадному сиденью привезли роспись и тое роспис подали на Москве в Посольском приказе печатнику и думному дьяку Федору Федоровичу Лихачеву, а в росписи их пишет“ (У, 96). Во II и остальных редакциях указания на Посольский приказ и имя Ф. Ф. Лихачева утрачены. Думный дьяк Лихачев, начальник Посольского приказа, действительно принимал казачьи документы и вел все дела, связанные с азовским вопросом.³ Казалось бы ясно, что и здесь У дает первоначальное чтение. Но верный своей задаче „реставрировать“ текст повести непременно на основе II редакции, Н. И. Сутт и в этом случае, впрочем, молчаливо и без объяснений, допускает „интерполяцию“ и исключает данное верное чтение из „реставрированного“ текста.⁴

Не будем умножать примеров, но заметим, что под видом подобного рода „интерполяций“ Н. И. Сутт пытается лишить текст повести

¹ Н. И. Сутт, ук. соч., стр. 7.

² Донские Дела, кн. II, стб. 55. (Русская историческая библиотека, т. 24, СПб, 1906).

³ См. о Ф. Ф. Лихачеве: С. А. Белокуров. О Посольском приказе. М., 1906, стр. 110; Собрание государственных грамот и договоров, ч. III. М., 1822, стр. 378; Донские дела, кн. I, стб. 700—701; кн. II, стб. 754, 333.

⁴ Н. И. Сутт, ук. соч., приложение, стр. 50.

по списку У весьма ценных и правильно переданных этим списком элементов ее стиля и содержания.¹ Нет надобности, конечно, утверждать, что список У свободен от интерполяций. Интерполяции есть и в этом и во всех других списках повести, хотя в У их и меньше. Но выбранный Н. И. Суттом критерий для первоочередного „доказательства“ якобы позднейшего происхождения У, в виде произвольного отнесения тех его чтений, которых нет во II редакции, к „интерполяциям“, не дал, да и не мог дать желаемых для исследователя результатов. Мнение А. С. Орлова о старшинстве У остается непоколебленным.

Стараясь „окончательно“, как он пишет,² опровергнуть классификацию А. С. Орлова, Н. И. Сутт встречает на своем пути еще одно затруднение. Список У ближе других стоит к Документальной повести,³ которая по мнению А. С. Орлова, легла в основу повести Поэтической.⁴ Каким же образом в этом случае доказать, что II редакция повести, не обнаруживающая такой близости к повести Документальной, является все же не II, а I редакцией? Оказывается, стоит только перевернуть схему А. С. Орлова.

Сначала Н. И. Сутт признает вслед за А. С. Орловым, что одна из разбираемых повестей „является прямым заимствованием другой“⁴ и что список У ближе других стоит к Документальной повести. Затем порядок этого „заимствования“ он изменяет на обратный и полагает, что сначала возникла Поэтическая повесть, а затем в самом конце XVII в. на основе текста, близкого к У, была составлена повесть Документальная. Отнесение к позднему времени списка У и Документальной повести дает, на первый взгляд, возможность назвать II (по А. С. Орлову) редакцию редакцией первой. Чтобы обосновать такой порядок, Н. И. Сутт предлагает привлечь царскую грамоту 1641 г., которая отвечает на не дошедшую до нас войсковую отписку об азовской осаде и частично повторяет ее содержание. Сопоставление повестей с грамотой, как справедливо отмечает исследователь, показывает, что „автор прототипа повестей об Азове или был причастен к составлению казачьего доклада царю, или, во всяком случае, хорошо его знал“.⁵ Н. И. Сутт считает, что та из повестей будет „изначальной“, которая окажется ближе к грамоте. Такой повестью он считает Поэтическую, хотя соответствующего сличения текстов и не приводит.⁶ Внешне это построение кажется вполне логичным, но в действительности оно развивается без учета генезиса изучаемых повестей.

¹ Н. И. Сутт, ук. соч., стр. 7—8.

² Там же, стр. 10.

³ А. С. Орлов. Сказочные повести..., стр. 17, 23.

⁴ Н. И. Сутт, ук. соч., стр. 11.

⁵ Там же, стр. 11; царскую грамоту см. Донские дела, кн. II, стб. 365—372.

⁶ Там же, стр. 12.

Мы имели уже случай подробнее показать, что Документальная и Поэтическая повести генетически вовсе не связаны.¹

Первая восходит к „распросным речам“ приехавших в Москву казаков, о чем говорят ее подзаголовок — „Список с записки с роспросных речей, слово в слово“ (85), а также особенности ее жанра и стиля; вторая по тем же признакам была составлена по образцу войсковой отписки, которую привезли эти же казаки. Близость обеих повестей, равно как и характерные различия их, объясняются сходством с некоторыми различиями их параллельных документальных источников.

Документальная повесть, таким образом, теряет то непосредственное значение, которое приписывалось ей и А. С. Орловым и Н. И. Суттом, для определения порядка редакций повести Поэтической. Сопоставление обеих повестей с царской грамотой для установления „изначальности“ одной из них стало излишним. Показания же царской грамоты, как и некоторых других, отражающих отписку, документов, которые мы приведем ниже, не только не теряют, но, наоборот, с устранением затемнявшей картину Документальной повести, полностью сохраняют свое значение для классификации повести Поэтической. Для нас не понятно, каким образом сопоставление текстов Поэтической повести с грамотой, о которой говорит Н. И. Сутт, не открыло ему очевидного факта, что именно список У ближе всех остальных стоит к тексту грамоты? Этот факт, который мы подтвердим далее соответствующим материалом, свидетельствует, что список У правильнее других передает протограф, так как ближе стоит к отразившейся в грамоте войсковой отписке и, следовательно, вопреки мнению Н. И. Сутга, сохраняет свое положение первой редакции повести.

Таким образом, „окончательно опровергнутой“, говоря словами Н. И. Сутта, остается пока что не классификация А. С. Орлова, а его собственная чисто умозрительная классификация. „Реставрированный“ им на основе II, а не I редакции текст повести не соответствует действительному содержанию и стилю этого произведения. Система А. С. Орлова, напротив, сохраняет свое значение, за исключением только его ошибочного представления о том, что в основу Поэтической повести будто бы легла повесть Документальная.

II

Дефектность единственного списка I редакции Поэтической повести заставила нас обратиться к отысканию новых рукописей. Оказалось, что многолетние разыскания А. С. Орлова при всей их широте и тщательности содержат некоторые пропуски. Например, в собрании В. М. Ундольского, из которого исследователь извлек несколько списков повести об Азове, он пропустил список Поэтической повести IV редакции (см. № 764, л. 305).

¹ См. нашу статью „Из наблюдений над стилем...“ (стр. 44—47).

Существенное другой пропуск. В собрании Н. С. Тихонравова, которым также пользовался А. С. Орлов,¹ под № 135 хранится тетрадь, описанная Г. П. Георгиевским следующим образом: „Сборник, писан скорописью XVII в., в 4-ку, на 77 лл.; содержит: 1) Повесть об Аполлонии Тирском, 1—41 лл., 2) О Азове граде, 42—49 лл., 3) Сказание об азовском сидении, 49 об.—77 лл.“² Под названием „О Азове граде“ здесь читается Историческая повесть об азовском взятии, под „Сказанием“ — Поэтическая повесть, данный список которой мы обозначаем Тх. 5. Этот список местами не вполне удовлетворителен, так как содержит ряд мелких пропусков и некоторые искажения. Листы 15, 16, 23, 40 отсутствуют.³ Но редакция, которую он представляет, имеет большую ценность.

Тх. 5 почти полностью совпадает с фрагментарными списками ИЗ и частично ИО8. Эти списки стали известны А. С. Орлозу, когда большая часть его исследования была уже напечатана, и он поместил их дополнительно, первоначально обозначив: „Дополнение к описанию и изданию повестей... Поэтической II-ой редакции“.⁴ Но далее, противореча себе, относительно редакции, представленной этими двумя списками, он писал: „Назовем ее V-ю редакцию“.⁵ Колебания А. С. Орлова и условность этих обозначений следует из того, что оба списка дают лишь начало повести, несколько первых листов, и, кроме того, попали они в руки исследователя уже тогда, когда его классификация была закончена. Но в то же время тщательнейшее сличение этих списков с остальными позволило ему справедливо заключить, что данная редакция „характеризуется 1) то родством с У, то с Б, Е, частью в зависимости от соблюдения ими прототипа, 2) близостью к Кр (IV редакции. — А. Р.), опять-таки в основном чтении“.⁶ Определяя отношение ИЗ к авторскому тексту повести по сравнению с другими списками, А. С. Орлов указывает, что „ИЗ вообще часто дает вернейшие чтения“.⁷

Эта высокая оценка ИЗ в полной мере относится и к почти совпадающему с ним Тх. 5, тем более, что в ряде случаев привлекаемый нами список по сравнению с ИЗ дает лучшие чтения.⁸ Например:

Список У	Список Тх. 5	Список ИЗ
... окромѣ вымышленниковъ нѣмецъ и черныхъ мужиковъ (98).	... кромѣ вымышлянковъ немецъ и черныхъ мужиковъ (л. 17).	... окромѣ вымышленова люду немецъ и горныхъ мужиковъ (174).

¹ А. Орлов. Исторические и поэтические повести..., стр. 216.

² Собрание Н. С. Тихонравова, I, М., 1913, стр. 23.

³ Рукопись имеет нумерацию старую и новую. В отличие от Г. П. Георгиевского, мы пользуемся старой, так как она составлена до утраты указанных листов.

⁴ А. Орлов, ук. соч., стр. 156—182.

⁵ Там же, стр. 169.

⁶ Там же.

⁷ Там же.

⁸ Не имея возможности в пределах этой статьи поместить полный текстологический анализ Тх. 5, мы ограничимся далее лишь минимальным количеством примеров.

в трубы болшия, и
игры многия, и писки
(98).

Как есть стала гроза ве-
ликая над нами страшная
(99).

... донское и волное
свирепое (100).

... в трубы великия,
игры многия, писки вели-
кия (л. 18).

Как есть стояла над нами
страшная гроза небесная
(л. 18).

... казачество донское
и волное и свирепое
(л. 20).

... в трубы великия и
игры многия, песни вели-
кия (175).

Как есть стояла над нами
страшная грозная туча.
(175).

... казачество донское
и волское, свирепии со-
седи (178).

Но вскоре, после слов: „вас казаков он государь наш турецкой...“ (182) список ИЗ обрывается, а Тх. 5 дает изложение повести до конца. Дальнейший анализ Тх. 5 показывает, что он в целом ряде случаев ближе всего стоит к У, особенно в древнейших чтениях. Например:

Список У

Отвѣтъ нашъ казачей
(105).

... и орду нагайскую
всю с лошадей збили (110).

от безпрестаннаго стрел-
бы глаза наши выжгло их,
стреляючи порохом (113).

Список Тх. 5

Отвѣтъ нашъ казачей
(л. 24).

... и орду нагайскую
всю с лошадей збили
(л. 36 об.).

от беспрестанной стрел-
бы глаза наши выжгло,
в них стреляючи порохом
(л. 40 об.).

Список Б

Отвѣтъ донскихъ казаков
(135).

... и орду нагайскую
всю же (150).

и глаза у нас [по]рохом
выжгло от бѣспрестанной
стрелбы (152).

В некоторых случаях Тх. 5 оказывается ближе к Б, реже — к Е, чем к У. Например:

Или у него, царя, не
стало золота и сребра
(105).

... побивало многих нас
(111).

.. и выгянуть нас из
них неalzъ (110).

Али у него, царя, не
стало за моремъ сребра
и золота (л. 24).

... побивало мно их нас
и опалили (л. 38).

выгянуть намъ из ямъ
не дали (л. 37).

Или у него, царя, не ста-
ло за морем сребра и
золота (Б, 135).

... побили многих нас
и опалили (Б, 151).

выгянуть нам из ямъ
не дали (Е, 150).

В отдельных случаях Тх. 5 совпадает только то с I, то со II редакциями. Например:

постыли уж имъ тѣ всѣ
подкопные мудрости (111).

(У — нет)

постыли уж имъ те пот-
копные промыслы (л. 38).

... накормим ужъ их
вами до сыту (л. 26 об.)

(Б, Е — нет)

накормимъ же их вами
до сыта (Б, 137)

Сп. Тх. 5 нередко дает вернейшие чтения. Например:

(У — отсутствие листа).	Не продаем мы трупу николи мертвого. Не до- рого намъ ни золото, ни серебро (л. 34).	Не продаем мы мертвого трупу на поли. Не доро- го их нам серебро и зла- то (Б, 147).
(У — отсутствие листа).	Будем ему впрям дарю турскому в слуги толко надобны и мы, отсидевся (л. 30).	Будем впрямъ ему дарю турскому надобны. И мы отсидимся (Б, 140),
[нанял . . .] из 4 земель немецких салдат 6000 (105).	. . . из четырех немецких рекъ салдат 6000 (л. 24 об.).	. . . из 4-х земель немец- ких салдат 6000 (Б, Е, 135).

Последнее чтение Тх. 5 — „из четырех немецких рекъ . . .“ первоначально и характерно, так как отражает специфически казачье представление о территории, занимаемой населением, как о „реке“. Ср., например, в переписке донских и запорожских казаков, которые (в 1685 г.) совещались „о братской любви и о совете, чтоб промеж собою река с рекою мы в совет были. . .“¹

Мы уже говорили о том, что в передаче конца повести II редакция стоит особняком и дает явную переработку, а III, IV редакции и в дополнение к ним Сказочная и частью Документальная повести в основном содержании конца имеют много общего, но в текстовом отношении заметно отличаются друг от друга и тоже носят очевидные следы переработок. Конец повести, наиболее близкий к авторскому, дает нам только список Тх. 5.

В I редакции У, как и в III и в IV, рассказывается, что после предсмертного прощания казаки идут еще на вылазку, затем ведут переговоры с противником при помощи стрел. На этом У обрывается, но Тх. 5, дающий совершенно аналогичное изложение, подхватывает и продолжает рассказ.

Обратимся прежде всего к историческому свидетелю — упомянутой выше царской грамоте — и сравним ее с У. В грамоте, передающей содержание войсковой отписки, в данном месте сказано: „И в то осадное сиденье к вам, атаманом и казаком, злочестивые с великим своим лукавым прельщением и з грозами перекидывали на стрелах многие свои грамоты, а сулили на казака по тысяче талерей, чтоб вам, атаманом и казаком, ту многую казну у них взять, а город покинуть. И вы, атаманы и казаки, на их бусурманскую прелесть не покусились и им во всем отказали. . .“²

В У в соответствии с этим говорится: „И онъ к нам на стрелах почали ерлыки метат. А въ ерлыках они в своих пишутъ, просятъ

¹ В Г. Дружинин. Раскол на Дону в конце XVII века. СПб., 1889, стр. 34, прим. 104.

² Донские дела, кн. II, стб. 368—369.

у нас пуста мѣста азовскаго, а дают за него выкуп на всяково молотца по 300 талерей серебра чистово, да по 200 золотых червонных арапских. — А в том вам паши и полковники шертуют душою царя турского, что на отходе ни чѣм не тронут вас“ (115—116). Список Тх. 5 здесь не имеет листа (л. 40), но далее, перед самым концом У, продолжает свое изложение на следующем листе. Сопоставим эти списки.

С п и с о к У

... не тронут вас. Подите с серебромъ и в золотом в свои городки казаки к своим товарищем, а нам лиш отдайте пустое мѣсто азовское. — Мы к им напротив пишем: — Не дорого нам ваше серебро и золото собаче похабное бусурманское, у нас в Азове на Дону золота и серебра своего много. То нам молотцамъ дорого и надобно, чтоб. . .² (117).

С п и с о к Т х. 5

... вас.¹ Подитѣ серебромъ и златомъ в горотки свои к своим товарищемъ, а нам лише отдайте пустое место азовское. — И мы к нимъ напротив пишемъ: — Не дорого нам ваше серебро и злато собаче, у нас в Азове и на Дону своего много. То намъ молотцамъ дорого и надобно, чтобы наша была слава вечная по всему свету, что не страшны намъ ваши паши и силы турецкие (л. 41).

Весь этот эпизод во II редакции отсутствует. Показания грамоты, как и некоторые другие, приведенные выше, материалы, свидетельствуют что У правильнее передает историческое содержание повести и по праву считается первой ее редакцией.

Список Тх. 5 обнаруживает ближайшую связь с У и ведет изложение повести в той же последовательности. После обрыва У в Тх. 5 рассказывается следующее. Казаки заканчивают свой ответ туркам дерзкими насмешками. После этого им „полехчало“, так как противник прекратил штурм. Оказывается, многие казаки будто бы видели „во сне и вне сна“ „богородицу“, которая ободрила их и подробно разъяснила „богоугодное“ значение их борьбы за Азов. Выясняется теперь, что на вылазках казакам якобы помогал „ангел“. Турки побежали, а захваченные „языки“ объяснили казакам, что бегство это произошло от явления „небесных сил“, которые пришли на помощь осажденным не откуда-нибудь, а именно „от Руси, от вашего царства Московского“. Между всем этим сообщаются реально-исторические даты начала и конца осады и другие данные, о которых мы будем говорить далее.

Наконец, в заключение, все „перераненные“ „сидельцы азовские“ от имени Войска Донского „просят милости“ царя Михаила Федоровича, чтобы он „велел у нас принять с рукъ наших свою государеву вотчину Азов град. . .“ (л. 45), сами же они собираются выполнить свое осадное „обещание“ — основать „лавру Предтечеву“ и постричься в ней. Этого ценнейшего, исторически верного свидетельства — казачьей просьбы о принятии Азова нет ни в одном из до сих пор известных списков повести. В остальном конец по Тх. 5 напоминает варианты конца по III,

¹ До слова „вас“ в Тх. 5 утрачен л. 40.

² После слова „чтоб“ У оборван.

IV редакциям, по Сказочной и частично Документальной повестям, но далеко опережает их в своей близости к авторскому тексту.

Отличия Тх. 5 от У имеют большей частью характер сокращений, но не обнаруживают стремления редактора к серьезной переработке оригинала, как это наблюдается в конце II и на протяжении всей III и IV редакций. И все же нет оснований просто возводить данную редакцию (Тх. 5, И3, ИО8) к тому же оригиналу, от которого произошел У, так как она обнаруживает в некоторых случаях чтения, отсутствующие в У, но имеющиеся во II редакции, и отличается, по справедливому замечанию А. С. Орлова, „то родством с У, то с Б, Е“.¹

Связи Тх. 5 с У должны определиться узами не прямого, а, так сказать, двоюродного родства. Список Тх. 5 и примыкающие к нему И3, ИО8 восходят к оригиналу, очень близкому к протографу, но все же, по сравнению с оригиналом У, уже сделавшему следующий шаг в отдаление от авторского текста в сторону оригинала II редакции, исключая только ее конец. Нашу редакцию, носящую промежуточный характер, следует считать не „редакцией“ в собственном смысле, а более мелкой классификационной единицей, для которой мы принимаем термин „варианта“. Списки Тх. 5, И3, ИО8 образуют второй вариант первой редакции повести. Первым вариантом I редакции является список У.

Тх. 5 III

По списку Тх. 5 повесть заканчивается словами: „Будет во вѣки слав[н]а лавра Предтечева“. Сразу же за этим следует интересная приписка: „И по скаскѣ тех же атаманов и казаков, что имѣ надобно в Азов для осаднаго сидѣния 10 000 людѣи, 50 000 всякого запасу, 20 000 пуд зеляя, 10 000 му[ш]кетов, а денег на то на все надобно 221 000 рублев. Нынѣшняго 150 году (т. е. 1642! — А. Р.) по прошению и по присылке турскима Ибрагима салтана царя, государь царь и великий князь Михайло Федоровичь всеа Росии пожаловал турскима Ибрагима салтана царя, вѣлел атаманомѣ и казакомѣ Азовѣ градѣ покинут[ь]. Конец“ (л. 46).

Текст показывает, что он был записан „нынѣшняго“ 1642 г. „Присылка“, т. е. посольство Ибрагима, действительно, прибыло в Москву 10 февраля 1642 г. и требовало „решительного ответа по азовскому вопросу“.² После долгих обсуждений и колебаний царь внезапно 27 апреля, „слушав турецкие грамоты“, принял окончательное решение. Он „велел“ привезшим войсковую отписку и упомянутым в нашей повести атаману Науму Васильеву с товарищами в тот же день быть „у бояр“ в „Золотой палате“. Здесь им и был объявлен царский приказ: „атаманам

¹ А. Орлов, ук. соч., стр. 169.

² Проф. Н. А. Смирнов. Россия и Турция в XVI—XVII вв., т. II. Уч. зап. МГУ, вып. 94, М., 1946, стр. 79.

и казакам Азов покинуть¹, т. е. то же самое, что сказано в приписке

Ясно, что повесть написана раньше приписки. В повести от лица Войска Донского выражена просьба к царю принять Азов к себе „в вотчину“. Такая просьба после официально объявленного царского приказа „Азов покинуть“ была бы невозможна. Следовательно, Поэтическая повесть написана до 27 апреля 1642 г., но, разумеется, после правильно обозначенной в ней даты приезда казаков в Москву с отпиской — 28 октября того же года.² Эти полугодовые хронологические рамки можно, видимо, несколько сузить и отнести написание повести к концу декабря — началу января 1642 г. Не располагая этими материалами, Н. И. Сутт тем не менее предположил, что повесть была написана „перед созывом земского собора“³ (январь), который должен был решить вопрос: „Азов у казаков принимать ли?“⁴ Постараемся подкрепить это предположение следующим.

В период созыва собора обсуждение азовского вопроса достигло наибольшей гласности и возбуждения. Дела собора обросли большой документацией. Упомянутый в повести „печатник и думной диак“ Ф. Ф. Лихачев открыл собор оглашением царской речи („письма“), в которой согласно казачьей отписке и со ссылкой на нее излагались азовские события. В заключение, как и в повести, излагалась просьба Войска: „И государь бы их (казаков, — А. Р.) пожаловал, велел то место у них принять . . .“⁵ Далее „таковожь письмо разных всяких чинов выборным людям, для подлинного ведома, роздано порознь при боярех“. Предлагалось им „помыслить о том (о принятии Азова, — А. Р.), накрепко, и государю. . . мысль свою объявити на письме. . .“⁶ Каждая делегация подавала свое мнение — „сказку“ в письменной форме. Письмо же, розданное „выборным людям“, называлось еще „рописью“, как говорится о нем в их ответе — „сказке“: „А что, государь, написано в росписи, что война бывает от турецких людей. . .“⁷ Казаки подали привезенную отписку с просьбой о принятии Азова Ф. Ф. Лихачеву, но на этом не успокоились. В период подготовки собора они проявили большую активность в борьбе за интересы Войска. „И ныне, — говорит черновой документ, — атаман Наум Васильев и ясаул с товарищи бьет челом государю царю и великому князю Михаилу Федоровичю всеа Руси

¹ Донские дела, кн. II, стб. 326—328.

² Следует учитывать, что год начинался в те времена с 1 сентября и, таким образом, октябрь месяц предшествовал апрелю того же года.

³ Н. И. Сутт, ук. соч., стр. 44.

⁴ Собрание государственных грамот и договоров, ч. III. М., 1822, № 113. — С. В. Рождественский. О земском соборе 1642 года (Оттиск из „Сборника в честь В. И. Ламанского“, СПб., 1905, стр. 1—10).

⁵ Собр. гос. грамот. . . , стр. 379.

⁶ Собр. гос. грамот. . . , стр. 380.

⁷ Там же, стр. 393.

беспрестанно, чтоб государь пожаловал, Азов город велел у них принять. . .¹

По мнению Н. И. Сутта, казаки даже „приняли участие в земском соборе“.² Но это не верно, так как их нет в подробном перечне участников.³ Напротив, правительство обычно стремилось изолировать казаков от населения. Жили они „обыкновенно в Ордынской слободе, за Москвой рекою, или в Пятницкой улице на постоялом дворе, причем для караула приставляли к ним. . . сотника и стрельцов, которые бы без указа великого государя «на двор к ним, и их, казаков, со двора никого не пускали»“.⁴

Казаки имели доступ только в Посольский приказ и через него к государю. Не имея возможности открыто отстаивать свое дело на соборе, они целиком зависели от той интерпретации азовского вопроса, которая будет угодна правительству. Мы думаем, что именно в этот напряженный момент политической борьбы за Азов, когда к тому же по рукам ходило много экземпляров официальной „росписи“, кратко передающей от имени правительства содержание войсковой отписки, в этот момент было наиболее естественным и удобным пустить в свет и свою казачью „роспись“, составленную по образцу той же отписки, в ее же жанровой форме рассказа от лица всего Войска („мы, казаки. . .“). Поэтому-то, очевидно, в подражание официальной „росписи“, и Поэтическая повесть носит такое наименование: „Осадному сиденью привезли роспись. . . а в росписи их писать“ (У, 86), — хотя она и написана всецело в форме отписки, для которой такое название не свойственно.

Кто же из приехавшей „станции“ мог быть автором повести? Мы высказывались уже более подробно⁵ о том, что повесть до мельчайших деталей своего жанра, стиля и языка проникнута особенностями формы войсковых отписок и могла быть написана только донским канцеляристом-профессионалом. Кроме того, по своему историческому и идейному содержанию, по ярчайшим следам влияния донского казачьего фольклора она с несомненностью обличает в своем авторе человека, который был близок к казачеству и сам наблюдал осаду Азова. Такая характеристика автора повести подходит только к скрывавшемуся под маской есаула при атамане Науме Васильеве составителю подлинной, им же привезенной отписки войсковому дьяку Федору Иванову Порошину, беглому холопу знаменитого вельможи князя Н. И. Одоевского, проявившему себя активным защитником интересов Войска Донского и сторонником присоединения Азова еще в период подготовки его обороны.⁶

¹ Цит. по рукописи: Турецкие дела. № 1, 1642 г., л. № 11 (Гос. Архив древних актов СССР, М.).

² Н. И. Сутт, ук. соч., стр. 44.

³ Собр. гос. грамот. . . , № 113.

⁴ В. Г. Дружинин, ук. соч., стр. 43—49.

⁵ См. обе наши названные выше статьи.

⁶ См. аргументацию в нашей указанной печатающейся статье.

Вернемся к цитированной выше приписке. Припиской к повести этот текст мы считаем потому, что, в отличие от повести, изложение в нем ведется в третьем лице с характерным указанием: „И по скаске тех же атаманов и казаков, что имъ надобно в Азов. . .“. В Москве знали, что в случае принятия Азова предстоит новая борьба с Турцией. Прежде чем ответить на просьбу казачества, прежде чем созывать собор, царь должен был выяснить, каких средств может стоить восстановление и удержание этой разрушенной крепости. Еще неизданные полностью черновые материалы подготовки собора говорят, что, „слушав“ доклад, царь „указал о том азовском деле говорити боярам: толко Азов город у казаков принять и сколко в него с воеводою ратных и каких людей послати и что им дати ево государева денежнава жалованья и сколко хлебных всяких запасов. . .“¹ В ответ на это „бояре приговорили“, что в случае принятия Азова, туда „ратных людей. . . менши 10 000 человек послат нелезе. . .“. Далее в перечислении расходов они указывают, что „хлебных всяких запасов толко послати для осадного времени 50 000 чети. . . пороху. . . послати 20 000 пудов. . . самопалов ручных толко послати 10 000. . . И всего иметца по сему писму. . . 221 000 рублей“² Эти цифровые данные точно совпадают с данными приписки к повести.

Откуда же бояре могли получить все эти сведения? Только от Наума Васильева „с товарищи“, так как, кроме них, в это время в Москве никто не знал о состоянии Азова. Посланный для его обследования А. Желябужский вернулся уже после собора — 8 марта.³ Приписка прямо говорит, что сведения получены „по скаскѣ тех же атаманов и казаков. . .“. Следовательно, и приписка и боярский доклад основаны на этой „сказкѣ“. Отсюда ясно, что переписчик, который добавил к повести последние новости в виде этой приписки, словами „тех же атаманов и казаков“ как бы объединял тех казаков, от имени которых вела изложение повесть, т. е. все Войско, и тех, которые сообщили данную „сказку“ — казаков Наума Васильева. Не служит ли это также указанием на то, что повесть, как и подлинная отписка, явилась из рук именно „тех же“ приехавших в Москву казаков?

Сведения боярского доклада, основанного на казачьей „сказке“, так и не вышли из канцелярии Посольского приказа и на соборе не оглашались. После решения о возвращении Азова Турции они и вовсе утратили свое значение. Но именно поэтому они для нас интересны. Знакомство переписчика с данной казачьей „сказкой“ показывает, что повесть начала свое литературное бытование в среде людей, имевших ближайшее служебное отношение к обсуждению азовской проблемы в Москве. Литературный путь повести начался в 1642 г., в канцелярских

¹ Цит. по рукописи: Турецкие дела, № 1, 1642, л. 13.

² Цит. по указанной рукописи, л. 13—14; подробнее цифры приведены у С. В. Рождественского (ук. статья, стр. 2—3).

³ Донские дела, кн. II, стб. 261—262.

кругах Посольского приказа, с которым все время держали тесную связь Наум Васильев и Федор Порошин с казаками, бывшие челом „беспрестанно“ и об Азове и о жалованьи. В этих же кругах „ведались“ все дела земского собора. Отсюда же каждой делегации собора давались подъячие для оформления ее документации.¹ Сюда же, в приказную канцелярию, могла первоначально перейти от казаков, от их канцеляриста Федора Порошина, Поэтическая повесть. Затем через посредство этой среды она вышла в свет.

Итак, повесть была написана в Москве до 27 апреля 1642 г. по свежим следам событий, в пору жарких споров об Азове. Этот факт дает нам твердую основу для всех дальнейших суждений о Поэтической повести.

IV

Историческое и идейное содержание повести, особенности ее стиля и жанра могут быть раскрыты полнее и правильнее после того, как нам стал известен конец этого произведения. Мы не имеем возможности в пределах статьи полностью осветить эти вопросы и постараемся только кратко их наметить, обращая основное внимание на заключительную часть повести по списку Тх. 5.

Поэтическая повесть после небольшого вступления — выписки из бумаг Посольского приказа о приезде „к Москве“ казаков с „росписью“ — представляет собой как бы передачу подлинного документа Войска Донского, его „росписи“ о событиях осады, т. е. представляет собою как бы поэтического близнеца его же войсковой отписки.

В полном соответствии с историческими фактами автор от лица Войска подробно, точным канцелярским языком цифр и перечислений, описывает состав „многособранной“ турецкой армии, присланной султаном под Азов.² Читатель убеждается в действительно огромных по тем временам размерах почти 300-тысячной армии врага, которая пришла с намерением „нас, казаковъ, многолюдством своим в Азове городе живых загрести и засыпати“ и тем стяжать султану славу вечную, „а нам бы христианом учинит укоризну вѣчную“ (У, 96—97).

Турецкая армия приходит в движение и окружает город. Картина мгновенно оживает: „Гдѣ у нас была степь чистая, тут стала у нас однемъ часом людьми их многими, что великие леса темныя“. Земля под Азовом погнулась и вода из Дона выступила, шатры турецкие, что горы забелелись, стрельба врага разразилась подобно грозе, крепости азовские потряслись, само солнце померкло и наступила тьма. Ужас охватил казаков. Исключительность события вызывает в памяти лишь один всемирно известный случай: „Подобно тому, — рисуется воображению рассказчиков-казаков азовская осада, — как царь греческий приходил под Троянское государство многими государствами и тысячи“

¹ Собр. гос. грамот. . . , № 113.

² См. подробнее: Н. И. Сутт, ук. соч., стр. 24—26.

(У, 100). Чудовищная мощь воинственных турок, с одной стороны, и горсточка, 5-тысячная „дружина малая“, как будто бы даже испуганных казаков — с другой. Читатель заинтересован, даже взволнован необычайностью этого контраста, но он не знает еще, почему же и во имя чего началась эта неравная борьба.

Для разъяснения исторических причин и политических целей борьбы за Азов автор, следуя манере войсковых отписок, вводит изумительные по своей идейной выразительности, эмоциональной напряженности и литературно-публицистическому мастерству „речи“, которыми обмениваются противники. Основное „сюжетное“ содержание „речей“ не представляет чего-либо особенного: турки предлагают различные условия сдачи Азова, казаки их отклоняют. Но этот прием воспроизведения в повести как бы подлинных переговоров использован автором с таким мастерством и живостью непосредственного чувства, что создается настоящее художественное выражение основных моментов идеологии донского казачества данной эпохи.

Жанр повести — „отписка“ уже предполагает не какое-либо отвлеченное повествование („не ведая ни жалости, ни гнева“), но политически целеустремленное воздействие на адресата. Для подлинной отписки корреспондентом было Войско, а адресатом царь Михаил, для поэтической же „отписки“ адресатом были московские ее читатели, обсуждавшие в это время проблему Азова, а корреспондентом — внешне оставалось то же Войско, но по существу им становился лично автор, говоривший от имени Войска.

Устами турок, в качестве особо убедительного признания как бы самого врага, автор раскрывает перед московским читателем стратегическое и политическое значение взятия Азова казаками в 1637 г. Они говорят казакам: „Разделили вы. . . царя турского тѣм Азовым городомъ со всею ево ордою крымскою и нагайскою. . . разлучили его с карабелным пристанищем. Затворили вы все море синее (Черное — Б, 133), не дадите проходу по морю ни кораблем, ни катаргам царевым ни в которые поморские города. . .“, захватили в Азове „и рыбной двор“ (У, 101). После долгих укоров и традиционных риторических угроз турки меняют тон и предлагают казакам перейти на службу к султану. Брань уступает место особо почетным именованиям защитников Азова: „богатыри святорусские“, „Дону славного рыцари знатные, казаки избранные“. Уважение, которое будто бы сами турки оказывали своим врагам, как бы намекало читателю на всю несправедливость презрения к казакам — „беглым холопам“ со стороны московского боярства.

Ответная „речь“ казаков — это целая политическая программа Войска — строится автором как последовательно развернутая антитеза к посланию турок. Если в турецком „слове“ в соответствии с реальной политикой Турции этого времени¹ проявлена была циничная беспринцип-

¹ Н. А. Смирнов, ук. соч., т. I, стр. 16.

ность, готовность решить военный спор подкупом, невнимательность к вопросам религиозных различий, то ответ казаков, наоборот, проникнут единым патриотическим чувством, „рыцарским“ бескорыстием и самоотверженностью, нетерпимостью к „бусурманам“ и к их „вере“.

Этот ответ по своему содержанию строится в трех переплетающихся планах: традиционно-религиозном (в виде общего фона „речи“), „рыцарско“-эпическом и главном — политическом, каждый из которых соответственно привлекает либо старые церковно-книжные, либо литературно-повествовательные и фольклорные, либо официально-канцелярские средства стиля. Все это в то же время богато насыщено выразительным просторечием и хлестким, хотя и грубоватым, народным юмором.

Если турецкая „речь“ начиналась обращением: „О люди божи царя небеснаго..!“, то ответ открывается обращением-антитезой: „О прегордыи и лютыи варвары!“ (У, 105). Риторический вопрос в начале турецкого послания: „Кому приносите вы такие обиды великие и страшные грубости?“ — парируется здесь контрвопросом: „Где полно вам Обрагим турецкой царь ум свой дел?“

Причиной безумия султана, его несбыточной мечты вернуть себе Азов, объявляется его сатанинская „гордость“. Назвал он себя выше всех царей и даже „богом вышним... своим безумием пишетца“. Подобно тому, как некогда Мамай, „аки демон гордяся“,¹ шел на Русь, но „смирил“ его „бог“ и он „высоко вознесся до небес и до ада шшел еси“,² так и здесь, оказывается, „гордому ему бусурману царю... бог противитца...“ (136). И казаки готовят ему участь всех „поганых“ гордецов, начиная от прародителя их „сатаны“; „вознесся отец ево сатана гордостию до небес, а опустил ево богъ за то с высоты в преисподнюю бѣздну во вѣки, и от нашия руки малыя, — добавляют они, — срамота ему будет вечная царю вашему турецкому“. Такие представления вполне отвечали заявлениям войсковых отписок об азовских делах, в одной из которых (март 1641 г.) например, казаки писали: „А мы, государь, холопи твои, над ними турецкими и крымскими людьми... над агарянским исчадием, прося у бога милости..., войною ходили за их неистовство и злую их гордость“.³

Казаков немного, но они „люди божи“, как это признали будто бы сами турки в своем обращении к ним и как они повторяют в ответной „речи“. Султан „не положил... бога събѣ помощника, обнадежился на тлѣнное свое великое богатство и славу“, они же говорят: „А мы люди божи и надежда у нас на него, бога, и на мать его пречистую богородицу... и на свою братю товарищев...“. Ср. аналогичный ход мысли в былине, где богатырь отвечает королю „Ботияну“:

¹ Полн. собр. русск. лет., т. XI, стр. 46, 47.

² С. Шамбинаго, ук. соч., стр. 31.

³ Донские дела, кн. II, стб. 123.

У меня столько надеюшка
 Что на спаса, на пречисту богородицу,
 Да на своего братца на крестового
 Да на молода Добрынюшку Микитинца.¹

Таково это первое характерное для идеологии изучаемой эпохи вообще объяснение борьбы за Азов.

Эти мотивы сочетаются в казачьей „речи“ с очень характерными для Войска Донского мотивами „рыцарско“-эпическими. Если турки упрекали казаков: „вы же взяли любимую ево цареву отчину, красной и славной Азов град... не пощадили вы в нем никакова мужеска возраста...“, то казаки резонно отвечают: „А красной хорошей Азов городъ взяли мы... не татыным промыслом, впрям в день взятъемъ взяли и дородством своим...“ (137). Ср. такую же окраску борьбы за взятие Азова в Исторической повести: „... и учал говорить атаман Михайло Ицанов (историческое лицо, — А. Р.)... Атаман и казаки и все великое донское и запорожское Войско! Пойдем мы под тот град Азов среди бела дни, не украдом, не ночью, не устыдим лица своего от тѣх поганых бусурманов“ (55, 65).

Казаки особенно заботятся о своей „чести и славе“. Готовясь к обороне Азова, Войско призывает на помощь „верховых“ казаков и мотивирует это в своей грамоте необходимостью „попомнить престол Ивана Предотеча... и свою атаманскую и молодецкую славу не потерять“.² Допуская даже возможность поражения, казаки в своем ответе заявляют, что и в этом случае султан не приобретает „чести“ победителя, так как воюет он наемными силами, „умом немецким и промыслом“, а не своим. И, наоборот, „есть ли толко избавит нас бог от руки ево... и отсидимся от вас в Азове городе..., срамота ему, царю вашему турецкому, и позор будет во веки...“.

Но, наряду со всей этой типичной для данной эпохи и среды идеализацией своей борьбы, Войско не забывает о главном — о социально-политических условиях своего противоречивого положения в Московском государстве. Эта тема вводится вместе с прославлением каждой стороной своих „царей“. Если турки заявляли, что султан „всех... болши земных царей“, что он „страж гробу божию“, то казаки отвечают гиперболической похвалой русскому царю, используя форму его титула: „А государь нашъ великий... Михайло Федоровичъ всеа Росии самодержецъ и многих государствъ... государь и обладателъ“, — и далее развивают этот титул: „много у него великого государя на вѣчном холопстве таких бусурманских царей служить..., как и вашъ Обрагим турецкой царь“ (138). Турки грозили, что казакам из Москвы не будет „помощи и выручки“ и что „хлѣбного запаса с Руси николи к вам не пришлют“. Здесь они попали

¹ Онежские былины, записанные А. Ф. Гильфердингом, т. II. Изд. 2-е, СПб., 1896, стр. 83.

² Донские дела, кн. I, стб. 810; „верховые“ казаки — живущие в верховьях Дона.

не в бровь, а в глаз. Московское правительство, с одной стороны, почти не помогая казакам, всячески толкало их на оборону Азова, а с другой — еще в 1637 г. после азовского взятия царь писал султану о казаках: „Мы за них не стоим, хотя их воров всех, в один час, велите побить“.¹ Те же самые русские послы, которые проездом доставляли казакам царское жалованье, в Константинополе убеждали султана, что „казаки издавна воры... беглые холопы боярские... бежали Московского государства... заворовав, от смертные казни... государю нашему непослушны и Азов взяли без царского величества ведома... самовольством... и помочи царское величество к ним не посылавал“.² „Вероломство здесь самое неприкрытое... казачество находилось как бы между наковальной (Москва) и молотом (Турция)...“.³ Заявить об этом прямо автор повести, конечно, не мог. Но когда перед глазами московского читателя будто бы сами турки в своей „речи“ первые раскрыли эту тайну царской дипломатии, то это, как бы независимо от автора, вывело на свет данную тему и создало уже повод для того, чтобы в казачьем ответе была развернута яркая картина обостренных отношений между Войском и московской боярской верхушкой.

Ссылаясь якобы на слова турок, казаки намекают: „Да вы же нас пужайте..., что с Руси к нам запасов не пришлют..., и о том будто к вам... бусурманом из государства Московьскаго и писано“ (137). И теперь словами казаков к туркам, но, имея в виду, конечно, московского читателя, автор разъясняет создавшееся положение: „И мы про то и сами вѣдаем, какие мы на Руси... люди дорогая, ни к чему мы там не надобны...“. Но эта грустная ирония над собственным положением перебивается патриотической хвалой: „А государство Московское многолюдно, велико и пространно, сияет светло посреди паче всѣх иных государствъ и ордъ... аки в небѣ солнце“. И сразу же за этим опять грустная констатация: „А нас на Руси не почитают и за пса смердящаго“. Почему же? А вот почему: „Отбегаемъ мы ис того государства Московскаго из работы вѣчныя ис холопства невольнаго, от бояр и от дворянъ государевых... Кому об нас тамъ потужит, ради там все концу нашему“ (137—138).

Боль и горечь этих справедливых упреков казаки оттеняют очень выразительно. Если московские власти бросили их „в пустыни непроходней“ на произвол судьбы, то зато они якобы нашли здесь помощь самого „бога“: „кормит нас на поли господь бог“, — говорят они. Опять проступает характерная для ориентации повести на московского читателя авторская идеализация героев. Оказывается, казаки, презираемые боярами, выполняют в „пустыне“ заветы самого Христа: „Питаемся мы, — говорят они, — аки птицы небесныя, не съем, ни орем, ни в житницы збираемъ,

¹ Н. А. Смирнов, ук. соч., т. II, стр. 53.

² Врем. Моск. общ. ист. и древн. росси., кн. 9, 1851, стр. 10, 32, 38, 89.

³ Н. И. Сутт, ук. соч., стр. 39, 41.

так питаемся подле море Черное“. Перед нами две антитезы: внешняя, сюжетно-тематическая—огромные рати „прегордых варваров“ и „малое“, но „молодецкое“ казачество, уповающее к тому же на помощь „бога небесного“, и антитеза скрытая, внутренняя, раскрывающаяся через внешнюю, через переговоры турок с казаками, — это казаки, беглые холопы, с одной стороны, и извечный домашний, классовый враг — „бояре и дворяне государевы“ — с другой.

Но и в самом отношении Войска к Москве заметно резкое противоречие. С одной стороны, вражда к правящим классам, с другой — прославление государства в целом и наивная идеализация царя Михаила. Казаки отбегают из боярского „холопства невольного“, но и в повести и в отписках¹ называют себя „природными холопами“ государя и в то же время людьми „вольными“, которые охраняют „украины“ государства и ведут борьбу с турецкими завоевателями² как борьбу за „веру христианскую“. В одной из отписок, например, они передают свой ответ крымскому хану на предложение сдать Азов: „Ради мы с вами битись и пострадати и стояти за свою истинную православную христианскую веру...“³

Охрана южных границ Войском Донским, считалась ее „службой государю“. Войско отчитывалось только перед царем, сносилось с ним через Посольский приказ как иностранное государство,⁴ получало от него привилегии в торговле и, главное, признание „права не выдавать бежавших на Дон“.⁵

Недавний „холоп“, „отбежав“ на Дон и заслужив там доверие Войска, мог приехать в Москву в составе „станицы“, принимался чуть ли не как посол в Кремлевском дворце и спокойно подходил к царской руке и садился за стол на глазах, может быть, своего бывшего хозяина-боярина. И если хозяин снова пытался его „похолопить“, то казак просил защиты прямо у царя, и тогда в ответ на встречное „челобитье“ боярина государем бывало боярину „отказано для того, что николи донские казаки челобитчикам не отдаваны“.⁶

Все эти исторически сложившиеся условия способствовали развитию в идеологии казачества первой половины XVII в. того „наивного монархизма“,⁷ исконной крестьянской веры в „царя батюшку“, ⁸ которые были определены В. И. Лениным. Казаки были „плоть, взятая от плоти Московского государства, выросшие до побега на Дон среди

¹ Донские дела, кн. III, стб. 41.

² Н. А. Смирнов, ук. соч., т. I, стр. 5—7, 17—21.

³ Донские дела, кн. II, стр. 121—122.

⁴ Т. Тхоржевский. Донское войско в первой половине семнадцатого века. Русское прошлое, Исторические сборники, № 3, Пгр.—М., 1928, стр. 16—25 и др.

⁵ В. Г. Дружинин, ук. соч., стр. 47.

⁶ Там же, стр. 3, прим. 7.— Донские дела, кн. I, стр. 555—560.

⁷ В. И. Ленин, Сочинения, изд. 4-е, т. 9 стр. 80.

⁸ Там же, т. 8, стр. 91.

чисто русских традиций...".¹ Вдали от родины, в непрерывных боях с „бусурманами“ их патриотическое чувство крепло. Подобно средневековым эпическим богатырям, стоящим „на заставе“, они чувствовали себя представителями всего своего народа, государства и веры. Подобно им, казаки говорят в повести, что бьются и умирают „за все государство Московское“ (149) „и за веру крестьянскую, и за имя царское и все крестьянство московское“ (153). Но в то же время казаки ясно видели, что в важнейшем для них деле борьбы за Азов московские власти ведут уклончивую, а подчас и вероломную политику. На земском соборе как раз крупное боярство отнеслось наиболее холодно и нечувствительно к просьбе Войска принять Азов.

Повесть с исключительной точностью отражает, таким образом, те противоречивые исторические условия жизни казачества, которые и порождали у него, с одной стороны, прославление Московского государства, сознание высокого патриотического значения „своей службы“ на его „украинах“, наивную идеализацию царя, а с другой — поддерживали исконную вражду к боярам-угнетателям, которая как две капли воды похожа на отношение былинных богатырей к „боярам кособрюхим“.² По вине же этих последних и „служба“ казачества, как и „служба“ богатырей, не встречала „на Руси“ соответствующей оценки.

Содержание казачьей „речи“ казалось бы, видимо, автору неполным, если бы оно ограничилось публицистическим раскрытием московскому читателю насущных проблем, вызванных азовскими событиями. Казаки рисуют еще ту перспективу, которая могла бы открыться, по мысли автора, в случае успешного исхода борьбы за Азов и присоединения его к России. Насмешливо отвечая на предложение турок перейти на службу к султану, казаки иронически обещают побывать в Цареграде, посмотреть его „строение“, послужить Ибрагиму „своими сабельки вострыми“. Это вызывает на память известные исторические обстоятельства: „Предки ваши, бусурманы поганые“, взяли Царьград, убили „Константина благовернаго... , искоренили до конца всю веру крестьянскую“ (141). Казаки грозят возмездием и, по меткому замечанию Ф. Буслаева, „как средневековые рыцари замышляют новый крестовый поход“.³

Эта идея тоже не случайна. Мысль об освобождении Царьграда от власти „бусурман“ издавна была популярна на Руси. Она, как известно, отразилась и в Повести о взятии Царьграда,⁴ и в былинах, где Илья Муромец, узнав, что в Цареграде и в Иерусалиме вера „не по прежнему“, едет туда и побеждает „поганое Идолище“. Но наиболее реально и живо эта идея осознавалась среди казаков, которые постоянно разоряли турецкие приморские города и еще на живой памяти участников

¹ В. Г. Дружинин, ук. соч., стр. 63; см. 64, 65.

² А. Марков. Беломорские былины. М., 1901, стр. 42, 45 и др.

³ Ф. Буслаев. Русская хрестоматия, изд. 13-е, М., 1917, стр. 282.

⁴ Н. К. Гудзий. История древней русской литературы. Изд. 3-е, М., 1945, стр. 249—250.

азовского „сидения“ в 1623 г. совершили набег на самый Царьград и нанесли ему значительный урон.¹

По Исторической повести, возникшей также в среде казачества,² взятие Азова с самого начала рассматривалось как „богоугодное“ предприятие, направленное на освобождение исконно христианского города и имеющее в своей перспективе стремление к движению на Царьград и даже Иерусалим. Поэтическая повесть выступает в этом отношении как прямое продолжение повести Исторической. Казаки заявляют, что Азов они взяли „для опыту, коковы оне люди турецкия в городках от нас съдят“, собираются сами теперь отсидеться „для опуту же“ и не упускают из виду якобы настоящей дальнейшей своей цели: „а все примѣняемся к Ерусалиму и к Царю граду, потому что было царство крестьянское“ (137). И дальше — „взять бы ныне нам Царьград взятъем...“ и т. д. Автор рисовал тем самым перед московскими читателями широкие, как ему казалось, горизонты, которые будто бы уже обозначились успехом первого „опыта“ — победоносной борьбой казаков за Азов. Азовские победы осознавались в этом отношении как начало осуществления казаками, „людьми божьими“, особой миссии по выполнению долга всех „православных христиан“, а следовательно, и Москвы, как центра православия, преемницы „второго Рима“. Более того, автор рисует перспективу конкретных военных возможностей и устами казаков говорит, что если бы только царь захотел, то одни лишь люди — „украинцы“ разгромили бы Турцию и был бы „за ним, великим государем, одньмь лѣтомь Ерусалимь и Царьград по прежнему...“ (140). Здесь уже эта идея рассматривается не в отвлеченном свете освобождения „христиан“, но политически осмысливается как возвращение „под руку государеву“ будто бы его собственных земель.

Завоевание Азова, как первый удачный шаг на этом пути, должно было получить, как, вероятно, казалось автору, высшее политическое одобрение в глазах московских читателей. Но вся беда была в том, что именно эти идеи и планы резко противоречили московской внешней политике в 1641—1642 гг. Горячая приверженность автора к казачеству настолько увлекла его, что он в пылу полемики не прислушался с должным вниманием к той все более крепнущей политике „дружбы и любви“ между царем и султаном, которая не только делала совершенно одиозными всякие мысли о „крестовом походе“, но и вылилась в конце концов в приказ царя Войску Донскому — „Азов покинуть“. Результаты этого авторского промаха, как и резкие выпады против бояр, и вся эта слишком смелая в условиях того времени идеологическая защита интересов Войска не преминули сказаться. Все „станичники“ Наума Васильева

¹ В. М. Истрин. Греческая запись о нападении казаков на Константинополь в начале XVII века. Зап. Одесск. общ. ист. и древн., т. XXI, 1898, отд. V, стр. 51—52.

² Акад. А. С. Орлов. Древняя русская литература XI—XVII веков. М.—Л., 1945, стр. 330.

были богато одарены царем и отпущены на Дон, а есаул Федор Порошин, видимо автор повести, был сослан в Сибирь.¹

После этого краткого анализа идейного содержания „речей“ повести, минуя интересный рассказ о самом ходе боевых действий, мы можем обратиться к рассмотрению заключительной части произведения, открывшейся нам по списку Тх. 5. Мы оставили выше цитацию этого списка в том месте, где оборвался список У и где казаки начинают свое насмешливое письмо к туркам в ответ на их предложение сдать Азов за выкуп. Вернемся немного назад. Казаки уже измучены непосильной осадой до последней крайности, у них уже „от истомы“ и язык „во устах... не воротится“. Помолвившись в последний раз „своему помощнику Предтечеву образу“, они расплакались и с горечью спросили Предтечу и Николу: „Али мы вас свѣтов прогнѣвали чѣм, что опять хотите итти в руки бусурманския?“ (У, 112). Это вопрос критический. Документ свидетельствует, что еще незадолго до начала осады приехавшие в Москву казаки прямо заявляли в Посольском приказе в своих „распросных речах“, что они „большую надежду имеют, и веру держат Предтече Иванну, святой де Иванн Предотеча упросит у Христа бога Азов город соблюсти и дому своего в бусурманские поганые руки не отдаст“.²

Казаки и не думают о сдаче, они обращаются к родине, людям и окружающей природе с изумительным по своему лиризму и повтическому совершенству последним прощанием. Они уже видят „от турок... смерть свою лютую“. И вот теперь, в эту страшную минуту оправдает ли себя их неуклонная вера в правоту своей борьбы за „исконно христианский“ город, за „дом“ их небесного „помощника“? Ответ на этот решающий, как им кажется, вопрос дается всем содержанием конца повести.

Отклоняя в ответном письме предложения о выкупе Азова, казаки приводят свою излюбленную мысль: „не дорого намъ ваше сребро и злато“, дорога „слава вечная“. Они напоминают далее о своей первой „речи“ и с гордостью говорят: „Сперва мы сказали вам — дадимъ мы вам про себя знат и ведат паметно навѣки во все ваши краи бусурманские, чтобы вамъ было сказат, пришедь от нас, за моремъ царю своему турецкому глупому, каково приступат х казаку рускому“. Письмо оживляется интересным сравнением: „А скѣлко у нас в Азове граде розбили кирпичю и камени, и столко уже взяли мы у вас турецких голов ваших за порчю азовскую. В головах уже да в костях ваших складемъ Азов город лутче прежнего“ (л. 41). Подобные мотивы, связанные, может быть, с мотивом древних легенд о постройке города на крови,³ были типичны для казаков. Ср. слова турок в Исторической повести: „Сколко де в Азове в стенахъ камения, и столко де ваших голов казачихъ

¹ См. подробнее об этом в нашей указанной печатающейся статье.

² Донские дела, кн. II, стб. 125.

³ Ср., например, Повесть о начале Москвы: М. Н. Тихомиров. Древняя Москва. Изд. МГУ, М., 1947, стр. 210.

под ним погибло“ (59). А в отписке передается такой ответ казаков послам крымского хана: „Не токмо, что город дать вашему царю, и мы не дадим з городовоу стени и одного камня снять вашему царю, нешто будет наши головы так же волятца станут полны рвы около города, как топеря ваши бусурманские головы ныне воляются, тогды нешто ваш город Азов будет“.¹

После этого казакам „полехчало“, „приступы“ прекратились. Отсутствие единого командования и внутренние раздоры, истощение запасов, огромные потери, приближение зимы, периода непогод, опасных для флота, несокрушимость азовской твердыни — все эти причины заставили турецкую армию „внезапно, — как пишет очевидец Эвлия Эфенди, — снять осаду“, ² как раз тогда, когда самим казакам падение крепости казалось уже неизбежным. Такой исход нуждался со стороны автора повести в объяснениях, причем, разумеется, именно таких, какие, в условиях политической борьбы за Азов в Москве, могли бы наилучшим образом истолковать в пользу Войска Донского неожиданную победу. Предложенное в повести толкование с необходимостью вытекало из прочно уже установившегося в Войске, проявившегося и на земском собрании освещения азовских событий как борьбы за освобождение исконно „христианского“ города. Для поэтического оформления этих идей пришла на помощь старая литературная традиция.

Азов был разбит „до основанья“, ³ Войско совершенно истощено,⁴ а турки готовили новый поход. Еще после взятия Азова казаки писали, что турки собираются „нас... з Дону перевестъ и Дон реку очистить“. Теперь эта перспектива потери любимого „тихого Дона Ивановича“, как величают его наша повесть и казачьи песни, потери вместе с ним и „воли“ становилась реальной. Все мысли и чувства Войска сосредоточились на том, чтобы удержать Азов хотя бы силами „государевых ратных людей“.⁵

В условиях сложной политической обстановки, создавшейся в Москве в этот период, казакам казалось недостаточным просто „бить челом“ об Азове, нужно было подкрепить свою просьбу веской по тем временам идеологической аргументацией, тем, что победа досталась им не просто „молодецким мужеством и промыслом“, как говорится в повести, но „сослана“ была „с небеси“ (л. 43, 45 об.).

На собрании мнения разделились. Сторонники присоединения Азова — часть дворян, дети боярские, купцы — считали, что, имея в руках такой „крепкой украиный город“, Русь обеспечит себя от „татарской войны“.⁶

¹ Донские дела, кн. I, стб. 769.

² Зап. Одесск. общ. ист. и древн., т. VIII, 1872, стр. 167.

³ Турецкие дела, № 1, 1642, л. 7.

⁴ Н. А. Смирнов, ук. соч., т. II, стр. 47.

⁵ Там же, стр. 73.

⁶ Собр. гос. грамот..., стр. 386.

В соответствии с этим и автор повести писал, что государь будет спокоен „от войны и от татар и во веки, какъ сядуть в Азове граде...“ (л. 45).

Эти мотивировки сейчас же подкреплялись следующими. Казаки писали в отписке, что они побили врагов „божиею милостию“, Ивана Предтечи и Николы „умолением, а государским счастьем“.¹ И в повести и на соборе говорилось буквально то же самое.² Многие „выборные люди“ указывали еще, что „Азов взят изволением вышнего бога... донскими казаками, во отмщение крови православных крестьян“, что именно Предтеча и Никола город „отстояли“, так как сам „бог“ якобы хотел „избавити православных христиан от варварского нахождения“.³ Вспомним антитезу повести: казаки — „люди божи“, турки — „прегордый варвары“.

По мнению участников собора, примером обороны Азова будто бы хотел „господь бог прославити преславныя своя чудеса“.⁴ В чем же, однако, эти „чудеса“ состояли и как рисовалась воображению современников помощь „небесных сил“ защитникам Азова? Как бы отвечая на этот вопрос, автор повести в пышных картинах воплощает все эти характерные для данного исторического момента мотивы идеологического оправдания известных политических интересов.

По словам Исторической повести, еще перед взятием Азова казакам „во сне видение было“: видели старца и „жену светлообразну“, которая сказала, чтобы спешили со „взятием града, что уже де время пришло православной христианской вере быти“ (61).

Во время осады, по Поэтической повести, как бы в ответ на благочестивое поведение казаков, имевших „чистоту телъсную и душевную“, опять является то же видение, причем поясняется: „та нас мать божия... не предала в руцѣ бусорманские...“. Далее сама „богородица“ обращается к казакам с целой программной речью, искусно сотканной автором из традиционных литературных формул. „Мужайтесь, казаки, а не ужасайтесь!“ — говорит она и указывает далее, что христиане, жившие некогда в Азове, жестоко пострадали от „беззаконных агарян“, которые „разлучиша мужей от законных женъ, сыны и дщери разлучаху от отцовъ и матерей..., а о чистых девахъ... уста моя не могутъ изрещи...“ (л. 42 об.). Но затем „услыша бог молѣние ихъ“ и „далъ вам на бусорман отомщѣние, предал вам градъ сей и их в руцѣ ваши“. После этого сомнение в том, что все происшедшее направлялось „божественной“ волей, не может, казалось бы, проникнуть в душу не только московского читателя повести, но и самих турок: „не рекут нечестивыми — где есть бог нашъ христианской?“ В том же торжественном церковно-книжном

¹ Турецкие дела, № 1, л. 1.

² А. Орлов, ук. соч., стр. 114.— Собр. гос. грамот..., стр. 386, 389.

³ Собр. гос. грамот..., стр. 386—389.

⁴ Там же стр. 386.

стиле „богородица“ обещает казакам победу, а тем, кто погибнет, „венец нетленной“ и блаженство христианских мучеников: „имате царствовати со Христомъ во вѣки“ (л. 43).

В Исторической повести события истолковывались так же. Христиане в Азове от тех же „агарян“ долго терпели „лютую скорбь“, но настал час, „и вложи господь искру ревности в сердца казачьи“; или „и повеле... итти под град Азов и взяти его, бусурманскую поганую веру искоренити, а православную... веру утвердити попрежнему...“ (63).

Итак, в борьбе за Азов, и по документам и по повестям, Войско выполняет якобы повеление самого „бога“. Насколько злободневным было тогда это истолкование, можно судить хотя бы по тому, что на соборе сторонники присоединения Азова в своих официальных докладах на царское имя указывали: „а отдать Азов бусурманом, навещь на Всероссийское государство гнев божий“.¹ Вспомним слова Ф. Энгельса о том, что в средние века „догматы церкви были одновременно и политическими аксиомами...“.²

Вслед за речью „богородицы“ в нашей повести рассказывается о том же, что и в Особой и в Документальной повестях об Азове, о полюбившемся казакам традиционном знамени: от „образа Ивана Предтеча течаху от очей ево слѣзы многия по вся приступы...“ (л. 43).³ Однако такая „моральная“ поддержка казакам „свыше“ показалась автору недостаточной. Нужно было наглядно показать читателю, в чем именно проявилась эта помощь. Как и следует по традиции воинских повестей, турки, оказывается, во время вылазок казаков видели вместе с ними „мужа храбра... со единомъ мечомъ голым на бою ходяще, множество бусурман побивашь“. Автор пытается даже доказать реальность этого. Казаков убеждает в помощи ангела осмотр трупов противника: „мы по... убитом знаем, что дѣло божие, не рук наших... Сослана на них победа была с небѣси...“ (л. 43).

Теперь, по мнению автора, победа получила свое полное объяснение, и внезапное бегство турок становится понятным.

Отмечая правильную дату, повесть рассказывает далее: „А сентября въ 26 день в нощи от Азова города турецкие паши... со всеми своими силами... побежали никемъ намъ гоними с вѣчным позоромъ. Пошли паши турѣцкие к себѣ за морѣмъ, а крымский царь пошел в орду к себѣ, черкасы пошли в Кабарду, свое-то нагаи пошли в улусы“ (л. 43 об.). Под „своими“ нагаями здесь, очевидно, разумеются те нагайцы, которые в эту эпоху то подчинялись султану, то переходили „под руку“ русского царя. Реальность изложенного здесь подтверждается описанием Эвлия Эфенди: „Армия пошла (от Азова, — А. Р.) разными путями,

¹ Собр. гос. грамот..., стр. 393, ср. 389.

² К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. VIII, стр. 128.

³ Ср. А. Орлов. Особая повесть об Азове, 1637—1641 гг. Чтения в Общ. ист. и древн. рос., кн. 4, М., 1907, стр. 30. — Он же. Об особенностях форм русских воинских повестей (кончая XVII в.). М., 1902, стр. 47.

частью сухим путем, частью морем в Константинополь, частью же через кипчакскую степь, перейдя в шесть суток к реке Кубани, в Черкессию, Тамань и Крым; некоторые, наконец, возвратились в свою родину Черкессию северным путем через степи Гейгата“.¹

Однако и этого всего мало нашему автору. Переменяя вполне реальные сообщения с фантастическими образами, он хочет окончательно убедить читателя и в достоверности изображаемого, и в „святости“ борьбы казаков. Как и в „речах“ повести, он привлекает мнение будто бы самих противников. Из уст врага должен услышать читатель о причине бегства турецкой армии. Казаки пошли на опустевшие „таборы“ турецкие и успели захватить там десять „языков“. „Языки“ эти „в роспросе и с пыток“ говорили все единодушно от чего в нощи побежали от града паши их и крымской царь со всеми своими силами:—в нощи дѣ в той с вечера (т. е. накануне отступления, — *А. Р.*) было нам страшное видѣние“, говорят они, — по небу „шла вѣликая и страшная туча от Руси, от вашего царства Московскаго. И стала она против самого табору нашего, а перед нею, тучею, идут по воздуху два страшные юноши, а в руках своих держать мечи обнаженные, а грозятся на наши полки бусурманские. В те поры мы их всех узнали“. Но и этого мало. По показанию „языков“, чудесная помощь „от Руси“, „юноши“, видимо, Борис и Глеб, объединились с местными силами и „тою нощию страшные воеводы азовские... выходили на бой... пластали нас (т. е. турок, — *А. Р.*) и в збруях наших надвое“ (л. 44). После признания противников и казаки признаются: „А нам, казакамъ, в ту нощь в вечерѣ видѣние всемъ виделос: по валу бусурманскому, гдѣ ихъ наряд стоял, ходили тут два мужа леты древними (т. е. Предтеча и Никола, — *А. Р.*) на одном власяница мохнатая“. Они-то и сообщили осажденным о победе: „А сказывают намъ: Побежали, казаки, паши турецкие... и пришла на них победа от Христа сына божия...“ (л. 44 об.).

Самое интересное в этих традиционных для воинских повестей образах — тщательное приурочение их автором повести к местной обстановке и интересам казачества. Явление „тучи“ с двумя „юношами“ создано, повидимому, под влиянием видения Фомы в Повести о Мамаевом побоище, где сказано: „откры ему (бог) видение, в нощи той виде: на востоце облак изрядно идяще от востока, из него же изыдоша два юноши светлы, имуще в обох руках мечи остры и ркуще полковником (татарским, — *А. Р.*): кто вам повеле требити отечество наше? Нам бо дарова господь. И начаша их сечи“.²

Интересно отметить, что и фольклорная символическая туча тоже имеет обыкновение являться с восточной стороны, хотя бы символизированная ею опасность надвигалась с другого направления. Так, казанская царяца видит вещий сон о нашествии Ивана Грозного на Казань:

¹ Зап. Одеск. общ., т. VIII, 1872, стр. 167.

² Русский исторический сборник..., III, стр. 47—48.

Да как-будто со востоцьню-то стороночку,
Там ведь грозна-та тученька подымалася.¹

Но автор нашей повести отнюдь не рабски следует за традицией. Он очень удачно заменяет это абстрактно-шаблонное движение тучи „от востока“ конкретным и недвусмысленным явлением ее вместе с „юношами“ „от Руси“, с уточнением — „от вашего царства Московского“. Автор заставляет тем самым эту традиционную „тучу“ символизировать вполне определенную мысль. Если казаки боролись за торжество „истинной православной веры“ в Азове по прямому повелению „божии“, то естественно, что и поддержка должна направляться к ним „от Руси“, из центра православия. Эта картина прозрачно намекала читателю на то, что раз уже сами „небесные силы“ так активно вступились за казаков и прислали им помощь именно „от царства Московского“, то следовало бы и земным, военным силам поспешить на помощь к Азову оттуда же.

Историческая реальность этих настроений среди защитников Азова подтверждается интересным свидетельством Эвлия Эфенди. Незадолго до конца осады, — пишет он, — „распространился слух, что русский царь приближается с двадцатитысячным войском, и слух этот, хотя и был только выдумкою неприятеля (т. е. казаков, — *А. Р.*), тем не менее произвел большое замешательство“.²

Итак, вся эта обычная в старой литературе символика „небесной помощи“ ставилась автором на службу политическим интересам Войска Донского.

Далее, от этих „видений“ повесть опять переходит к документальному изложению. „Да нам же сказывали языки тѣ про изронѣ людей своих“. Оказывается, врагов под Азовом побито было 96 000. Цифра эта, конечно, сильно преувеличена, но характерно, что она в самом преувеличении не так далеко ушла от сведений второй отписки об азовской победе, которая также на основании якобы распроса „языков“ определяла потери противника в 70 000 человек.³ „А нас всех, казаков, — продолжает повесть, — в осаде было...“ 5307 человек, что почти совпадает с официальными данными, называющими цифру 5367 человек.⁴

Но теперь, как говорится в пересказе царю войсковой отписки казаков, Азова „держать им стало невозможно..., что де они от них, злочестивых, великую скорбь и нужду и страдание терпели... и всем стали скудны, перераненых без глаз, и без рук, и без ног стало много“.⁵ Отсюда и вытекала единомушная просьба Войска, „чтоб государь пожаловал — Азов город велел у них принять“.⁶ Еще до осады казаки неодно-

¹ А. Марков. Беломорские былины, стр. 291.

² Зап. Одесск. общ., т. VIII, стр. 164.

³ Донские дела, кв. II, стб. 285.

⁴ Н. А. Смирнов, ук. соч., т. II, стр. 68.

⁵ Турецкие дела, № 1, л. 7—8.

⁶ Там же, л. 11.

кратно писали: „взят град Азов божиею милостию, вам, государем, в вотчину“, и „били челом государю, чтоб Азов государь велел у них принять в вотчину“.¹

В момент острой политической борьбы вокруг азовского вопроса автор наш всей силой своего поэтического и публицистического таланта пропагандировал среди московских читателей интересы и идеалы казачества. Повесть его заканчивается той же просьбой об Азове и так же от лица всего Войска.

Повесть говорит: „а которые остались мы, холопы государевы, осады той и тѣ все переранены. Нет у нас человека целова ни единого, кой бы не пролил крови своея, в Азове сидячи, за имя божие и за веру христьянскую. А топер мы Войскомъ всемъ Донскимъ государя царя и вѣликого князя Михаила Федоровича всеа России просимъ милости, сиделцы азовские и которые по Дону и в горотках живут, ... холопей своих,² чтоб велел у нас принять с рукъ наших свою государеву вотчину Азов град для светов Предтечина и Николина образа, что имъ, свѣтом, [у]годно тутъ всемъ Азовымъ градомъ заступити и... онъ,³ государь, от войны и от татар и вовеки, какъ сядуть в Азове граде“ (л. 45).

Та же аргументация относительно обеспечения от „татарской войны“ давалась, как мы говорили, и на соборе. И на соборе включали в свои доводы соображения об „образе“ Предтечи: „Азов будет за бусурманом, и образ великого во пророцех крестигеля господия Ивана Предотеци будет у них же бусурманов“.⁴

Повесть написана в жанре войсковой отписки от лица самого Войска. Формально автора в ней нет, и читатель непосредственно знакомится как бы с живым рассказом самих героев осады. Такая форма повести сочетала в себе элементы документальности с поэтическим вымыслом и эмоционально напряженным, захватывающим течением повествования от первого лица. Этот единственный в литературе образец жанра повесть-отписки был основан на привычной всем официальной форме, принятой в сношениях Москвы с Доном, и убедительность такого рассказа о далеком Азове в виде как бы подлинного документа, привезенного оттуда, от этого только выигрывала.

Интересно отметить в связи с этим одну деталь, которая при общем сходстве манеры изложения в повести и в отписках, тонко отличает их друг от друга. В отписках Войско всегда адресуется прямо к царю, включая в свой рассказ непосредственные к нему обращения („государь“). Так, например, во второй отписке после азовской осады, где казаки напоминают о своей просьбе принять Азов и прислать туда гарнизон „к рождеству христову“, говорится: „И тот, государь, срок давно прошел,

Донские дела, кн. II, стб. 156, 62.

² Перед словом „холопей“, видимо, пропуск, по смыслу должно быть, вероятно: „чтобы пожаловал холопей своих“.

³ Перед „он“ пропуск.

⁴ Собр. гос. грамот... стр. 389.

а к нам твоих... ратных людей... не бывало. И буде, государь, вскоре твоего... воеводы с ратными людьми к нам не будет, и нам за нашу нужду то место будет покинуть, потому, государь, что никаких у нас хлебных запасов... нет, а и жить, государь, стало не в чем да некем и нечем".¹ В Поэтической повести изложение ведется также от лица Войска, но уже без прямых обращений к царю. Прямые обращения здесь заменены как бы пересказом того же текста для третьего лица. Например: „и он, государь, от войны и от татар... А мы, холопи ево (в отписке было бы: „холопи твои“)... А будѣ государь нас, холопей своихъ далних, пожалует...“ (л. 45—45 об.).

Жанр, таким образом, остался прежним, но адресат изменился. Если подлинная отписка апеллировала с просьбой об Азове только и прямо к самому „государю“, то параллельная ей повесть, сохраняя ее жанровую форму, как бы расширяла свою аудиторию, выводила этот вопрос за пределы Посольского приказа и дворца и обращалась уже с рассказом о тех же азовских делах к московским общественным кругам, которые как раз в это время живо интересовались этой проблемой.

Вернемся к тексту повести. Многие на земском соборе предлагали принять Азов, но „ратных людей“ туда не посылать, предоставив его дальнейшую оборону тем же казакам, да „охочим людям“. Как бы в ответ на это герои повести говорят: „А мы, холопи его, которые остались у осады азовские, все уж мы старцы увечные а промыслы и боя уж не будет [с]нась“. Теперь „осадным сидельцам“ осталось только одно: выполнить „обещание всех нас у Предтечева образа в монастырь ево постричис, принять образ мнишеский“ (л. 45). Но заслуга их забыта не будет. За них „государь станет бога молить до вѣку“ (л. 45 об.).

Эпический конец повести — намерение героев „постричься“ после того, как их миссия по изгнанию „беззаконных агарян“ со славой закончена, — этот конец реально отражал настроения „осадных сидельцев“.

У казаков издавна вошло в обычай в трудные минуты боевых схваток с врагом давать обещание своим „небесным“ заступникам отправиться в случае избавления в какой-нибудь из дальних монастырей на богомолье. „Почти из каждой зимовой станицы несколько человек“ отправлялись с разрешения царя выполнять такие обещания.² А во время осады 1641 г. все Войско дало следующее обещание: „и мы, холопи ваши, — говорит отписка, — сидечи от них в осаде и призывая на помощь... нашего бога..., чтоб господь бог нас... от таких нечестивых врагов, турок... избавил, и обещались, государь, мы в те поры всем Войском воздвигнути в Азове церковь божию...“³ Но осуществить этого сразу не удалось, так как Азов был отдан Турции.

Казаки имели в те годы два своих монастыря — Боршевский и Чернеев. Первый из них был построен Войском еще в 1614 г. и служил

¹ Донские дела, кн. II, стб. 287—288.

² В. Г. Дружинин, ук. соч., стр. 64.

³ Донские дела, кн. IV, стб. 440.

„перепутьем для донских казаков при их поездках в Москву“.¹ Монастыри эти содержались „обильными вкладами казаков“.² „В сих же монастырях сохранялись и частные пожитки многих казаков, особенно дорогие вещи...“.³ Но для чего же главным образом эти монастыри нужны были Войску? На этот вопрос отвечает войсковая отписка (1686 г.): „В прошлых, государи, годах, — писали казаки, — за наши службишки, за кровь и за раны и за полонное терпенье, даны нам, холопом вашим, на Воронеже Борщев, да в Шацком Чернеев монастыри для пропитания нашей братье донским казакам, старым и увечным и раненым и для постригания безвкладно“.⁴

Уход „от мира“ в монастырь был вообще обычным житейским явлением изучаемой эпохи, но для казаков он имел свою особенность. Поступая согласно известной былинной формуле „смолоду бито много, граблено, под старость нада душа спасти“, ветераны Войска постригались или просто жили при монастырях „на положении бобылей“⁵ „для пропитания“. Не связанные большей частью ни постоянной семьей, ни наследованием определенной недвижимости, вольные „рыцари“ Дона жили обыкновенно холостыми по 10 или 20 человек в одном курене — „в одной суме и одной каше“.⁶ Иначе говоря, они вели образ жизни своеобразной средневековой военной корпорации. И как только кто-либо из них не мог больше „служить государю“ своей саблей, он прибегал к помощи другой средневековой корпорации — монастыря.

Интересно отметить, что эти явления казачьего быта отразились не только в Поэтической, но и в написанной в Азове несколько ранее Особой повести. В ней рассказывается, что в 1640 г. жил в Азове некто казак Еунтропий и был он когда-то у турок в плену и „обещался, как бог ис полону вынесет, и ему итти... в Чернеев монастырь, постричься“. Казак спасся, но обещание забыл, и за это „отня бог очи его“. Потом он все же прозрел „ото образа Иоанна Предтечи“ и тогда „опаметовался своим обещанием, пошел з Дону в монастырь“.⁷ В Исторической повести говорится, что по взятии Азова „повелеша... все великое Донское Войско по своим побитых атаманех и казакех памят творити вечную и казну многую розослаша в монастыри и в сенодики имени их велеша написати...“ (60—61). В Борщевском монастыре хранился такой казачий

¹ Л. М. Савелов. Борщевский монастырь и его синодик, как материал для генеалогии донских родов. Сборник областного Войска Донского статистического комитета, вып. III, Новочеркасск, 1902, стр. 35.

² В. Г. Дружинин, ук. соч., стр. 65.

³ В. Д. Сухоорук. Общежитие донских казаков в XVII и XVIII столетиях. Русская старина. Карманная книжка для любителей отечественного на 1825 г., изд. А. Корниловичем, изд. 2-е, СПб., 1825, стр. 204.

⁴ В. Г. Дружинин, ук. соч., стр. 65, прим. 70.

⁵ С. Тхоржевский, ук. соч., стр. 24.

⁶ А. Савельев. Сборник донских народных песен. СПб., 1866, предисловие, стр. 42.

⁷ А. Орлов. Особая повесть об Азове, стр. 30—31.

синодик XVII в., в котором был записан „род донского атамана Наума Васильева“,¹ действующего в Поэтической повести.

Итак, разновременную, но однотипную судьбу многих казаков автор наш эпически обобщил на всех „осадных сидельцев“ — „перераненых“, „старцев увечных“, для которых обычный казачий исход в таком положении и был — монастырь. Толчком к такой замене данного Войском во время осады обещания построить церковь на обещание его построить монастырь и постричься в нем послужила для автора, видимо, не только тесная связь Войска с его монастырями как с приютом казаков, с которых „промысла и боя уже не будет“, но и традиционность такого именно конца повествования о жизненном пути „молодца“ или богатыря в литературе и в фольклоре. Напомним замечательную повесть о Горе-Злочастии и народные песни о горе или былины, например, старую запись-обработку одной из них, где богатырь после победы над „царем Бахметом“ отказывается от всех наград и просит князя Владимира: „пожалуй, государь, отпусти ты меня... в монастырь постригца“. Он осуществляет свое желание: „постригся в монашеский чин, и стал в том монастыре жить в великой славе и чести до смерти своей“.²

В отписке своей об азовской победе Войско видело для себя только один исход в двух возможных случаях. Если царь не примет Азов, то „им то место покинуть... бресть всем будем розно по старым своим юртам“. Если же примет и пришлет своего „воеводу с ратными людьми“, то и в этом случае „изволил бы, государь, итти (казакам, — *А. Р.*) жить по старым своим юртам“.³ Так же и в такой же последовательности дается решение Войска и в Поэтической повести: оно в обоих случаях покинет город, но только здесь казаки хотят итти не по „старым юртам“, а согласно „обещанию“ в монастырь.

Первую возможность — что царь велит принять у них в свою „вотчину Азов град“, а они постригутся, — мы уже проследили. А вот и второй вариант: „А будь государь нас, холопей своих далних, [не] пожалует, не велит у нас принят с рукъ наших Азова града, заплакав нам ево покинути“. Как много непосредственной безысходной горечи в этих словах о городе, за который казаки столько голов своих положили, сколько в стенах его „камения“. И тогда, продолжают герои, „подыметь мы, грешные, икону Предтечеву да пойдем с нимъ, светомъ, гдѣ нам онъ вѣлить...“ (л. 45 об.). И действительно, впоследствии, после приказа царя „Азов покинуть“, казаки не допустили, чтобы их „помощники“ опять пошли „в руки бусурманские“. Наряду с вооружением, они и „образ де Ивана Предтечи, и иные образы... вывезли (из Азова, — *А. Р.*) в Махин же остров и устроили часовню“.⁴ Позднее, в 1650 г.,

¹ Л. М. Савелов. Борщевский монастырь..., стр. 45.

² Русские былины старой и новой записи..., стр. 67.

³ Турецкие дела, № 1, л. 7—8.

⁴ Донские дела, кн. II, стб. 336.

„вспомняв“ об осаде, они „похотели свершити... прежнее свое и богу обещание“¹ и построили первый собор в Черкасском городке.

Опоэтизовав все эти настроения и социально-бытовые особенности жизни казачества, автор наш и изобразил их как решение всего Войска во что бы то ни стало удалиться в монастырь после осады. Это стремление, независимое от тех или иных результатов, которые должна была принести ему победа над врагом, должно было, по мысли автора, окончательно растрогать московских читателей и убедить их в особой „богоугодности“ и бескорыстии борьбы казачества за присоединение Азова.

Но любопытнее всего, что поэтизация и идеализация этих якобы имевших место намерений и настроений Войска протекает в повести в характерных именно для казачьей идеологии формах. Герои повести мечтают о своей будущей монашеской жизни во вновь основанной ими „лавре Предтечевой“, как о новом, лишь видоизмененном по форме, продолжении привычного бытия их единодушной и сплоченной в жестокой борьбе за Азов „дружины малой“. Они, по мысли автора, собираются атамана своего поставить „игуменом, а ясаула пострижемъ, то нам будет строителем“. Выходит, что войсковая администрация и функции ее остаются и распределяются попрежнему, меняются только боевые казаки „зипуны кровавые“ на мирное „монашеское“ облачение. Более того, сохраняется как будто даже принцип выборности казачьих властей. Ведь вместо назначения на главные монастырские должности в „лавре“ — особо важном монастыре — лиц, определенных для этого высшими иерархами церкви или самим царем, казаки мечтают о своем собственном порядке и собираются посадить туда по своей воле своих же боевых начальников — атамана и есаула. А сами, они, казаки, стоявшие на смерть на стенах Азова, и здесь за стенами тихой „лавры“ сохраняют до конца твердость духа и верность своим идеалам: „А мы, бедные, — говорят они, — хоть дряхлые все, а не отступимъ сво Предтечева образа, по-мремъ все тут до единого“.

Казалось бы все осталось попрежнему, только с переменой обстоятельств „рыцарско“-эпический идеал средневекового сознания донских „людей божьих“ сменился идеалом „монашеско“-эпическим. И подобно тому, как прежде славилось Войско „свирепое и бесстрашное“ пред всеми „царствами“ и „ордами“, так и теперь, восклицают герои: „Будет во вѣки слав[н]а лавра Предтечева!“ (л. 45 об.).

Таков конец повести. Этот конец во всех особенностях своего содержания и стиля, и идейно, и логически, и поэтически вытекает из всего предшествующего повествования и увенчивает его определенным политико-публицистическим заданием автора, выразившего интересы, чувства и настроения Войска Донского сразу же после осады, в период его борьбы за присоединение Азова к Московскому государству.

¹ Донские дела, кн. IV, стб. 442.

Древняя русская литература насчитывает не много произведений, которые отличаются такой же исторической правдивостью и полнотой, таким пониманием социальных отношений своего времени, глубоким демократизмом, неподдельным чувством и теплотою, таким высоким патриотизмом и поэтической чуткостью, как Поэтическая повесть об Азове.

И. П. ЛАПИЦКИЙ

Повесть о суде Шемяки и судебная практика второй половины XVII в.

I

„Строго говоря, в повести о суде Шемяки собственно русского — не ее характер, общее содержание и мотив, а многие подробности, взятые из русского быта“, — писал акад. М. И. Сухомлинов в своем исследовании „Повесть о суде Шемяки“.¹

В науке прочно утвердилось это мнение Сухомлинова, и в повести „Шемякин суд“ исследователи видели „русский колорит“ только в имени Димитрия Шемяки.² Не только сюжет, но даже и сатира повести, по мнению исследователей компаративной школы, сложились под влиянием международных сказаний о праведных и неправедных судьях. Неудивительно поэтому, что все предшествующее нам изучение „Шемякина суда“ было историей собирания многочисленных сюжетов и мотивов в литературах Запада и Востока, из которых многие иногда только внешне напоминали русскую повесть XVII в. Но текст самой повести оставался неизученным. Этот пробел и пытается восполнить настоящее исследование. Первоочередная задача исследования — историко-юридический комментарий к тексту повести.³

„В неких местех живяше два брата земледельца“⁴

Слово „земледелец“ известно в памятниках русского языка не ранее XVI в.; это книжное по своему происхождению слово во многих памятниках XVI и XVII вв. употребляется в значении, очень близком термину „крестьянин“: „В лето 7071. Приходили литовские люди во Псковщину...“

¹ М. И. Сухомлинов. Повесть о суде Шемяки. Сб. ОРЯС АН, т. 85, 1903, стр. 666.

² А. С. Орлов. Переводные повести феодальной Руси и Московского государства XII—XVII веков. Л., 1934, стр. 87.

³ Юридические термины читаются одинаково во всех списках „Шемякина суда“ XVII и XVIII вв.

⁴ Текст повести цитируется здесь и ниже по списку ГПБ, ОЛДП, № 962, XVII в.

и полону много взяша, скота и людей посекоша, и церкви пожегоша и дворы боярские, и земледельцов“.¹ В XVII в. термин „земледельцы“ очень часто употребляется в том же значении, какое в XVIII в. присваивалось понятию „земледельческое сословие“, и обозначает крестьянское состояние. Контекст повести подтверждает, что убогий и богатый братья, действительно, были крестьянами.

Крестьянство в XVII в. было подсудно местным земским судьям и воеводам. Гражданские дела монастырских крестьян обычно судил „монастырский слуга“ совместно с местным священником и целовальником.² Дворцовые крестьяне в селах и волостях судились „приказчиками“ и выборными „судейками“.³ Наконец, „помещичьих“ и „вотчинных“ крестьян судили сами помещики и вотчинники через старост и приказчиков.⁴ Уголовные преступления и значительная часть гражданских дел крестьянства судились самим воеводой в приказной избе или под его наблюдением „приказчиками“ и „губными старостами“.⁵ Участие крестьян в „судном деле“ позволяет нам, основываясь на юридической подсудности XVII в., заключить, что „суд“ Шемяки в повести был местным, областным судом первой инстанции.

„Брат же убоги, видя, что брат ево пошел на него бити челом, поиде и он за братом своим, ведая то, что будет на него из города посылка, а не итти, ино будет езда приставом платить“

Приставом в XV—XVII вв. называлось должностное лицо, которое вызывало тяжущихся на суд. Именно в этом смысле слово „пристав“ мы встречаем уже во Псковской судной грамоте 1467 г. Из этой грамоты мы узнаем, что во Пскове для вызова в суд были особые должностные лица — „позовники“, „приставы“, „дворяне“ и „подвойские“. Все эти служители суда вызывали к суду тяжущихся, имея на руках особую грамоту, писанную „княжим писцом“, которая называлась „позывницей“.

Судебник 1497 г. впервые говорит о недельщиках; последний термин означал специальное название для приставов, которые вызывали тяжущихся в Москву из других городов и волостей. Вызов ответчиков по Судебнику 1497 г. производился посредством особой грамоты, которая еще с конца XIV в. в Москве называлась „приставной памятью“.

Судебник 1550 г., сохранив в целом старый порядок вызова в суд, постановил, чтобы во всех приказах были заведены особые книги, в которые дьяки записывали бы имена „товарищей“ недельщика. Все

¹ Полн. собр. русск. лет., т. IV. Псковская первая летопись, стр. 314. — См. также Сказание Авраамия Палицына. Русск. ист. библ., т. XIII, вып. 1, стр. 512.

² Акты Арх. эксп., т. IV, № 67 и 112; Акты юрид., № 334.

³ Котошихин. О России в царствование Алексея Михайловича. СПб., 1906, гл. XI, ст. 1; см. также Уложение царя Алексея Михайловича 1649 года, гл. X, ст. 161, в изд. Е. П. Карновича. Собрание узаконений Русского государства, т. I, СПб., 1875.

⁴ Уложение, гл. X, ст. 161.

⁵ Там же, гл. XIII, ст. 3.

эти „товарищи“ состояли с недельщиком в „заговоре“ и потому носили название „заговорщиков“ или „ездок“.¹

В XVII в. мы не находим существенных различий в правилах вызова в суд по сравнению с XVI в. Необходимо отметить, что в Судебнике 1550 г. и в более ранних документах, наряду с терминами „пристав“ и „недельщик“, существуют и другие названия этих же должностных лиц: „отроки княжеские“, „доводчики“, „подвойские“, „позовники“, „дворяне“, „рассыльщики“, „ходоки“, „ездоки“.² Но в Уложении 1649 г. мы не встречаем других терминов, кроме „пристав“, „недельщик“ и „заговорщик“.

По Уложению 1649 г. истец подавал в суд подписанную им самим „приставную память“, в которой были указаны: имена истца и ответчика, место жительства ответчика, существо иска и цена иска. И только при наличии всех этих данных дьяк мог подписать „приставную память“ и этим начать судопроизводство.³ Дьяк записывал дату „приставной памяти“ в книгу приказа и затем отдавал „память приставу, а ему по той памяти сыскав ответчика, дати на поруки, и к суду ответчику срочити безволокитно“.⁴ Выражение „дати на поруки“ означает личное поручительство, которое давали „поручники“ в том, что обвиняемый явится на суд. Об этом ручательстве „площадными подъячими и дьячками“ составлялась „поручная запись“, которая подписывалась „поручниками“ и „послухами“ (свидетелями).⁵ Ответчик должен был явиться на суд не позже, чем через семь дней, считая со дня составления „поручной записи“.⁶ Если же ответчик „скрывался“ или „отбивался“ от „пристава“, отказываясь дать „поруки“, то в этих случаях Уложение предлагает привлекать к делу „окольных людей“, „подъячих и понятых“, которые должны были или взять, наконец, „поруки“, или „поставить“ в приказ „людей“ или „дворника“ ответчика.⁷ „Будет по ответчике поручников не будет, и его держать в приказе скована, доколе поруки будут или судное дело окончится, или его отдадут в бережение приставом в руки“, — говорит Котошихин.⁸ В пользу приставов и истцов и ответчиков взимались особые пошлины, именовавшиеся „ездом“ или „хоженным“.

В это же время должностные лица, занимавшиеся вызовом в местные суды городских „наместников“, „волостелей“ и воевод, сохранили старое название „приставов“. Подобное различие „приставов“, как служителей местного суда, и „недельщиков“, исполнявших ту же службу

¹ Судебник 1550 г., ст. 47.

² Акты Арх. эксп., т. I, № 131. — Собр. грам. и догов., ч. I, № 158. — Судебник 1550 г., ст. 47 и 48. — См. также: Герберштейн. *Rerum Moscoviticarum*, 40.

³ Уложение, гл. X, ст. 100, 137.

⁴ Там же, ст. 137.

⁵ Там же, ст. 111 и 131. — Акты юрид., № 307.

⁶ Уложение, гл. X, ст. 111.

⁷ Там же, ст. 139.

⁸ Котошихин, ук. соч., гл. VII, ст. 40.

в центральных московских судах, наблюдается и в Уложении 1649 г.: „А быть недельщиком во всех приказах...“¹ Указанное нами выше различие между „приставом“ и „недельщиком“ как представителями местного и Московского суда впервые было отмечено И. Д. Беляевым.² Мы видим подтверждение справедливости этого мнения Беляева в постановлениях обоих Судебников и Уложения. Так, Судебник 1497 г. для разграничения обязанностей „приставов“ и „недельщиков“ запрещал последним ездить с „приставными“ в местах собственного жительства: „А в котором городе живет недельщик, ино ему с приставными в том городе не ездити, ни посылати ему с приставными в свое место, ни в какове деле“. Судебник 1550 г. в статье 48 постановляет, что если „недельщик“ не представил „приставной памяти“ наместнику, волостелю или их тиунам, то лишался за это не только своего „езда“, но еще и сам платил „хоженое“ „местному приставу“, который брал „поруки“ с ответчика. Уложение 1649 г. также подтвердило запрещение Судебника: „А в котором городе недельщик живет, и ему в тот город с наказными памятьми ни ездити, и в свое место товарищев своих не посылати“.³ Различие между „приставом“ и „недельщиком“ подтверждается также и величиной „езда“, который полагает Уложение этим служителям суда: „А будет на службе же пристав, по чьему челобитью по кого послан будет в уезд: и ему ездю имати на челобитчике на пять верст по две деньги же“.⁴ „А ездю недельщиком имати на сто верст по полтине“.⁵ Цитированные статьи убедительно показывают, что „пристав“ вызывал в пределах уезда в местные городовые суды, между тем как „недельщик“ вызывал ответчиков из дальних городов в московские суды. Заметим здесь также, что некоторые статьи Уложения употребляют термины „пристав“ и „недельщик“, имея в виду как будто только московское приказное судопроизводство.⁶ Мы считаем, что свидетельства этих статей отнюдь не противоречат нашему положению, ибо здесь имеется в виду как центральное московское, так и местное воеводское судопроизводство. Мы ссылаемся здесь на мнение К. Д. Кавелина, который объяснял такую противоречивость многих статей двойственностью самого Уложения: „Казуистический характер Уложения в особенности высказывается тем, что оно, будучи по своему назначению Уложением всей России, по форме относилось к одной Москве“.⁷

Замечание автора „Шемякина суда“, что „убогий“ предпочел из страха перед приставами итти на суд вместе с истцом, не дожидаясь

¹ Уложение, гл. X, ст. 147; см. также гл. X, ст. 145 и 148.

² И. Д. Беляев. О вызове в суд по древним русским законам до Уложения 1649 года. Журн. Мин. юст., 1860, кн. 2, стр. 113.

³ Уложение, гл. X, ст. 148.

⁴ Там же, ст. 145.

⁵ Там же, ст. 148.

⁶ Там же, ст. 42 и др.

⁷ К. Д. Кавелин. Основные начала русского судопроизводства и гражданского судопроизводства... Собр. соч., т. IV, СПб., 1900, стр. 209.

„посылки“, вполне соответствует действительному состоянию судопроизводства XVII в. Несмотря на то, что вызов в суд был тщательно разработан Судебниками и Уложением 1649 г., на практике именно в этой области судопроизводства было более всего злоупотреблений. Даже само законодательство в 1628 г.¹ вынуждено было признать, что законный порядок вызова в суд совершенно не соблюдается. Так, ответчики жаловались на истцов, что последние, затягивая срок суда, хотят их „изубыточить“, „распродать“ „проестями и волокитами“; истцы, в свою очередь, жаловались, что ответчики, не дождавшись суда, „съезжают с Москвы“. Злоупотребления „недельщиков“, их самоуправство и „лихимство“ отмечаются уже Судебником 1550 г.: за „взятие посулов“ „недельщик“ подвергался „торговой казни“, штрафу в размере утроенного посула и затем исключался из „недельщиков“.² „А будет которой недельщик норовя кому по посулом, или по дружбе, истцов с ответчики к суду вскоре ставити не учнет, или сверх указу возмет лишнее хоженое, и в том на него будут челобитчики, и сыщется про то допряма: и тому недельщику за то учинити наказание, бити батоги нещадно, а лишнее хоженое велети на нем доправити и отдати челобитчику. А будет он так сворует въдругие или вътретьи, и его бити кнутом и из недельщиков выкинуть“, — также говорит Уложение.³ Если верить Флетчеру, то приставы, желая „вынудить взятку“, заковывали своих подсудимых в „кандалы“, хотя бы иск и не превышал „6 копеек“. Неудивительно поэтому, что истцы, опасаясь вымогательства приставов и недельщиков, иногда собственноручно „приволакивали“ ответчиков к суду.⁴

Судопроизводство в „Шемякином суде“ также дает нам косвенное указание, что автор повести имеет в виду местный суд: суд начинается здесь немедленно при первой же явке ответчика и истца к судье, между тем как судебному разбирательству в московских приказах всегда предшествовало составление „приставной памяти“, на основании которой „недельщик“ вызывал затем ответчика на суд.

Итак, упоминание в „Шемякином суде“ о „приставах“ и „езде“ позволяет нам заключить, принимая во внимание другие указания текста, что повесть рассказывает о суде местном, областном, а не Московских приказов.

„После же суда изыдоша исцы со ответчиком
из приказу“

Слово „приказ“, в смысле учреждения, в первый раз встречается в 1512 г. в грамоте великого князя Василия Ивановича Владимировскому Успенскому монастырю.⁵ В Судебнике 1550 г. находим уже такое поста-

¹ Дополнительные статьи к Судебнику, ст. 3.

² Судебник 1550 г., ст. 32.

³ Уложение, гл. X, ст. 146.

⁴ Доп. к Акт. ист., т. I, № 51, V и IX.

⁵ Акты Арх. эксп., т. I, № 155.

новление: „а которому боярину придет жалобник его приказу“. В XVI в. упоминаются с достоверностью только Приказ Большого двора и Разбойный приказ. Но в начале XVII в. в „записке о приказах“ перечисляется уже 19 приказов, а в 60-х годах XVII в., по свидетельству Котошихина, число их достигает 42. В XVII в. „приказы“ были не только органами центральной власти в Москве, но и учреждениями местного воеводского управления в городах. В конце XVI в. наряду с существовавшими ранее „полковыми воеводами“ появляются „городовые воеводы“. З „Разрядной росписи“ воевод 1617 г. имеется следующее указание о времени появления воевод: „Выписано в Разряде. С 121 году при государе царе и великом князе Михаиле Федоровиче всеа Руси в городех учинены воеводы и приказные люди; а до 121 году при боярех и при царе Василье в тех городех воеводы были ж; а при царе Федоре Ивановиче и при царе Борисе по 113 год по Ростригин приход в тех городех воевод не было, а были в них судьи и губные старосты, и городовые приказчики“.¹ Место, где воевода „с товарищи“ „давал суд“, называлось „городовым приказом“² или „приказною избою“,³ а иногда „съезжей избой“⁴ и „приказною палатою“.⁵ „Приказные избы“ получают широкое распространение только с развитием системы воеводского управления в середине XVII в. Документы XVII в., описанные Голомбиевским и Ардашевым в московском архиве Министерства юстиции, свидетельствуют, что большинство „приказных изб“ существовало только во второй половине XVII в.⁶

На основании ряда свидетельств текста „Шемякина суда“ можно думать, что повесть имеет в виду именно местные воеводские „приказные избы“, а не центральные московские приказы. Такими свидетельствами текста являются порядок вызова в суд через приставов, подсудность истцов и ответчика, особенности процесса судопроизводства, которые убеждают нас в том, что автор повести рассказывает о местном суде первой инстанции. Упоминание в тексте повести „приказа“ является важным указанием при датировании „Шемякина суда“, ибо „городовые приказы“ или „приказные избы“ появились с развитием воеводского управления только в середине XVII в.

¹ Врем. Общ. ист. и древн. рос., 1349, кн. 3, Смесь, стр. 6; там же, Материалы, стр. 117—120; об этом же: Доп. к Акт. ист., т. I, № 14; Древн. рос. Вивлиофика, т. XVIII, Двинский летописец, стр. 15; Симбирский сборник, изд. Валуевым, М., 1845, стр. 14, 19; 91, 97; Старинные акты Шуи, № 1.

² Котошихин, ук. соч., гл. VII, ст. 36.

³ Полн. собр. зак., №№ 213, 302, 1527 и др.

⁴ Акты юрид., № 307, II, IV.

⁵ Например, в Ярославле — указ 1692 г., июля 27, именный (Полн. собр. зак. № 145), и в Тобольске — указ 1695 г., декабря 30, именный (Полн. собр. зак., № 1527).

⁶ А. А. Голомбиевский и Н. Н. Ардашев. Приказные, земские, таможенные, губные, судовые избы Московского государства. Зап. Моск. археол. инст., т. IV, вып. I, М., 1909.

„...пойде на него бить челом во град к Шемяке судии...“

Термин „судья“ в XVI и XVII вв. имел разнообразные значения в зависимости от положения лица, имевшего право суда. Уложение 1649 г. называет судьями всех должностных лиц, которые вообще „судили суд“, т. е. имели право суда как в Москве, так и в „городах“ и „волостях“: „А будет которой боярин, или окольниковый, или думной человек, или дьяки или иной какой судья...“,¹ „и бояре, и окольниковы, и дьяки, и иные судья“.² Уложение 1649 г. употребляет также общий термин „судья“ в специальном значении должностного лица московских приказов: „и тому... являть окольным людям, и в приказах судьям“.³ Судьями в московских приказах были „думные бояре“, а иногда „стольники“ или „дворяне“, которые „вершили дела“.

Многочисленные областные „судьи“ в XVI в. представлены были „наместниками“, „волостелями“ и их „тиунами“.⁴

В 1539 г. были „установлены“ Иваном Грозным выборные „губные старосты“, которые судили „разбойные“, „душегубные“ и „татинные“ дела.⁵ С 1552 г. появляются выборные „излюбленные судьи“, ведавшие делами крестьянских общин.⁶ Они назывались также „излюбленными старостами“, „земскими судьями“, „мирскими судьями“, „выборными судьями“ и просто „судейками“.⁷ Наконец, существовали местные судебные власти в лице „разъезжих“, „данных“, „третейских“ и „вотчинных“ „судей“.⁸

В начале XVII в. „наместники“ в городах повсеместно были заменены воеводами. Судебная власть городских „воевод“ определялась иногда величиной города. По свидетельству Котошихина, города разделялись на „большие“, „средние“ и „меньшие“.⁹ В „больших“ городах воеводами были „бояре“ и „окольниковы“, которые посылались на воеводство из московского „розряда“ (а с ними „товарищи“: с „боярами“ были „окольниковы“, „стольники“ и „дьяки“, а с „окольниковыми“ — „стольники“ и „дьяки“). Воеводами в „средних“ городах были „стольники“, „дворяне“ и „дьяки“, а „товарищами“ „подьячие“. Наконец, в „малых“ городах воеводами были „дворяне“ и „дети боярские“.¹⁰ Некоторые

¹ Уложение, гл. X, ст. 5.

² Там же, ст. 14 и другие статьи Уложения.

³ Там же, ст. 251.

⁴ Акты Арх. эксп., т. III, № 139.

⁵ Акты юрид., № 203 и № 365; Акты Арх. эксп., т. III, № 152, 154, 163, 201, 210, 257, 295 и 297.

⁶ Акты Арх. эксп., т. I, № 242 и 243; т. II, № 52.

⁷ Акты ист., т. I, № 248; Акты Арх. эксп., т. I, № 250; т. II, № 52 и 69.

⁸ Акты Арх. эксп., т. III, № 277; Акты юрид., № 66 и 67; Уложение, гл. X, ст. 14⁹ и 145.

⁹ Котошихин, ук. соч., гл. VIII, ст. 3.

¹⁰ Там же, ст. 2, 3.

„меньшие“ города были „приписаны“ к „большим“ и „средним“ городам и назывались „пригородами“. Воеводы „пригородов“ назначались не из Москвы, а воеводами главных городов. Судебная власть воевод, при которых не было „дьяков“, была ограничена исками не более 20 рублей и запрещением судить „вотчинные“, „поместные“ и „холопья“ дела: „давать суд по двадцать рублей, а больше двадцати рублей и в вотчинных и в поместных, и в холопных делах на них в городех суда не давать, опричь тех городов, в которых городех по Государеву указу бывают с воеводами дьяки, и опричь понизовых городов, которые города ведают в Казанском дворце“.¹ Воеводы, при которых находились дьяки, имели право судить тяжбы с исками до 10 000 рублей.² Право судить „поместные“, „вотчинные“, „холопья“ дела и иски свыше 20 рублей, кроме воевод „пониловых городов“, принадлежало еще воеводам новгородским, псковским и казанским.³

Судебная власть воевод в гражданских делах простиралась на жителей „города“ и его „уезда“.⁴ От подсудности местному воеводе было освобождено: духовенство,⁵ „гости“ „гостиной и суконой сотни“,⁶ „архирейские“ и „монастырские“ крестьяне.⁷

Крестьяне по гражданским делам обычно судились в своих судах,⁸ но во многих случаях они судились непосредственно у воеводы.⁹ Таким образом, за названными исключениями воевода судил „служилых людей“, большинство уездных крестьян и посадских людей, а в некоторых случаях даже и неподсудных ему лиц.¹⁰ Не только гражданский, но во многих местах и уголовный суд находился в XVII в. в ведении воеводы. „Губные старосты“, которым принадлежал уголовный суд, иногда не избираются местными жителями, а назначаются самим воеводой.¹¹ В тех же городах, где не было губных старост, „губными“ (т. е. уголовными) делами ведал воевода.¹² Следствие по уголовным делам производилось обыч-

¹ Уложение, гл. XIII, ст. 3.

² Котошихин, ук. соч., гл. VIII, ст. 3.

³ Уложение, гл. XI, ст. 20; Котошихин, ук. соч., гл. VIII, ст. 1.

⁴ Новоуказанные статьи о татинных, разбойных и убийственных делах. Полн. собр. зак., № 441. — Котошихин, гл. VIII, ст. 1. — Указ 1657 г., февраля 23. Полн. собр. зак., № 200 и др.

⁵ Жалованная грамота патриаршему престолу 1653 г., февраля, № 93; указ 1672 г., января 28, № 505 и др.

⁶ Акты Арх. эксп., т. II, № 49. — Доп. к Акт. ист., т. I, № 117 и 119; т. III, № 44.

⁷ Акты Арх. эксп., т. I, № 5, 15 и 17; т. II, № 16; т. III, №№ 84, 89 и 114. — Акты ист., т. I, № 155; т. II, № 166; т. III, №№ 76, 79 и др.

⁸ „Судейки“ — Котошихин, ук. соч., гл. XI, ст. 1.

⁹ Уложение, гл. XIII, ст. 3.

¹⁰ Акты Арх. эксп., т. III, № 255. — Доп. к Акт. ист., т. III, №№ 18, 19, 20, 65 и 67; т. IV, № 134; т. V, № 84. — Акты юрид., № 25 и 26. — Акты ист., т. III, № 202. — Акты, относ. до юрид. быта, т. I, № 58. — Полн. собр. зак., № 2139.

¹¹ Акты Арх. эксп., т. III, № 171.

¹² Уложение, гл. XXI, ст. 3.

но по приказанию воеводы. В случаях бесчестья, побоев, воровства или убийства пострадавший приносил жалобу в „приказную избу“ и воевода приказывал затем „губным старостам“ и „целовальникам“ произвести расследование по этому делу.¹ Воеводе подчинялись также судьи первой инстанции: „городничие“, „стрелецкие головы“, „сборщики“, „слободчики“ и „приказчики“.

Мы решительно отклоняем предположение, что „град“ в повести есть сама Москва, так как такое допущение не только не имеет каких-либо подтверждений, но и прямо противоречит свидетельствам текста, которые прямо указывают на местный суд в первой инстанции — „городовом приказе“.

В повести „судья“ Шемяка судит в „городе“ и в „приказе“ — отсюда возможен только один вывод, что „Шемякин суд“ рисует „городовой суд“ XVII в. (см. выше). Так как „городовой суд“ в „приказах“ („приказных избах“) XVII в. принадлежал воеводам, то автор повести может изображать только приказно-воеводское судопроизводство. Мы считаем поэтому, что „судья“ Шемяка в повести — или сам воевода, или дьяк приказной избы.

„Принес же брат его челобитную на него исковую в лошеди и нача на него бити челом судии Шемяке. Выслушав же, Шемяка, челобитную, глаголе убогому отвечаи!“

Автор повести здесь точно воспроизводит судоговорение в гражданском суде XVII в.

Во многих частях гражданского процесса судопроизводство долго сохраняло свой древний устный характер. В то время, когда решение суда уже облекалось в письменную форму „правой“ или „бессудной“ грамоты, „челобитья“ попрежнему представляли устную жалобу, которую приносил истец „перед судьей“. Так, в „Судном списке“ 1503 г. судебное разбирательство начинается следующим образом: „Тако рек Оброско (истец): жалоба ми, господине, на того Овсяника, живет, господине...“²

Письменную „челобитную“ мы находим не ранее конца XVI в.: „подал судьям жалобницу, а в жалобнице пишет“.³ Только к началу XVII в. „челобитные“ постепенно приобрели свою традиционную форму: в них стали указывать имена и звания истца, ответчика и поверенных, обозначать цену иска, существо дела и самой просьбы. Обычай указывать цену иска в „челобитных“ как в устных, так и в письменных, появляется в середине XVI в.: „отнял, господине, у меня невода, да две лодки...“

¹ Акты, относ. до юрид. быта древн. Росс., т. I, №№ 55, 78, 87 и 102.

² Акты юрид., № 9; там же Правые грамоты, 1—23 — выражение „там рек“, „так ркли“.

³ Акты юрид., № 23, 1575 г.; см. также № 32, 1593 г.

а цена, господине, двум неводам, да двум лодкам полтора рубля“ (Правая грамота 1530 г.).¹

Уложение 1649 г. во всех случаях имеет в виду только письменные, а не устные „исковые челобитные“.² Уложение рассматривает обозначение цены иска как необходимую принадлежность „исковой челобитной“: ответчик мог даже не отвечать на „челобитную“, в которой не была указана цена иска.³

Судебное разбирательство в XVII в. начиналось с чтения „челобитной“, которая „вычитывалась ответчику“⁴ по приказанию судьи. Выслушав истца, судья в присутствии тяжущихся обращался к ответчику со словами: „отвечай!“. Термин „ответчик“, повидямому, и происходит от этого судейского обращения к одной из сторон суда („отвещай!“ — в повести). Ответчик, в свою очередь, возражал на „челобитную“ истца и также устно приводил свои доказательства. Таким образом, судоговорение представляло словесный спор истца и ответчика, который иногда подкреплялся доказательствами.⁵ Приведение доказательств на суде в XVII в. называлось „ссылкою“.⁶

Все доказательства и возражения истцов и ответчиков как устные, так и письменные, а также и речи судьи записывались приказными подъячими: „А судные дела в приказах записывати подъячим... А как суд отойдет, и истцу и ответчику к тем запискам прикладывати руки...“.⁷ На основании такой „записки“ „истцовых и ответчиковых речей“ подъячий составлял краткую выписку, которая называлась „судным списком“. Дьяк сверял затем „судный список“ с „запискою судного дела“ и скреплял своей подписью.⁸ На основании „судного списка“ судьи делали „вершенья“, т. е. выносили приговор по спорному делу. Приговор затем устно объявлялся тяжущимся — „сказывали приговор“.⁹

Гражданское судопроизводство в XVII в. отличалось крайним формализмом. Так, например, истца обвиняли „ростискою“ без суда в том случае, если иск, написанный им в „исковой челобитной“, был больше или меньше того же иска, указанного в „приставной памяти“.¹⁰

Итак, обращение Шемяки к „убоному“ — „Отвещай!“ было в XVI—XVII вв. обязательной словесной формулой, которая означала, что судья разрешает говорить и „ответчику“. Упоминаемая „Шемякиным судом“

¹ Акты юрид., № 18; см. там же, № 19.

² Уложение, гл. X, ст. 20, 21, 101, 102, 108 и 111; гл. XXIV, ст. 2; — Котошихин, О России..., гл. VII, ст. 42.

³ Уложение, гл. X, ст. 102.

⁴ Котошихин, ук. соч., гл. VII, ст. 42.

⁵ Акты юрид. Правые грамоты.

⁶ Уложение, гл. X, ст. 22, 168—171 и 178.

⁷ Там же, ст. 11.

⁸ Котошихин, ук. соч., гл. VII, ст. 42.— Уложение, гл. X, ст. 11, 22.

⁹ Уложение, гл. X, ст. 11³.

¹⁰ Там же, ст. 104.

„исксовая челобитная“ была письменным документом, характерным для гражданского судопроизводства только в XVII в.

„После же суда изыдоша исцы со ответчиком...“

Юридические документы XV и XVI вв. не имеют еще установившейся терминологии для названия тяжущихся сторон на суде. В некоторых документах „истцами“ называются вообще все тяжущиеся, в том числе и ответчики.¹ Псковская судная грамота называет также всех тяжущихся собирательным именем „сутяжников“. Иногда документы разделяют тяжущихся на „ищею“ и „ответчика“.² В Судебнике 1550 г. встречаются разнообразные названия тяжущихся сторон: „жалобник“, „истец“, „ответчик“. Термин „истец“ в значении обвиняющей стороны приобретает широкое распространение не ранее конца XVI в. Уложение 1649 г. везде употребляет только термины „истец“ и „ответчик“ в их современном значении.

Автор повести употребляет также термины „истец“ и „ответчик“ именно в тех значениях, которые известны только по документам XVII в.

„И потом нача другой суд быти:... и потом нача трети суд быти“

Слово „суд“ в XVII в. никогда не имело значения „присутственного места“, с которым оно употреблялось в русском языке в XVIII и XIX вв.: „а будет... пришед в который приказ к суду“.³ Слово „суд“ в документах XVII в. имело значение специального термина, означавшего гражданское обвинительное судопроизводство (*processus accusatorius*).

„Суд“ в XVII в. был одной из форм судопроизводства, которая представляла собой юридический спор истца и ответчика в присутствии судьи. Роль судьи на „суде“ сводилась только к тому, что он разрешал или прекращал спор тяжущихся, не прибегая сам к специальному исследованию обстоятельств дела. Поэтому такая форма процесса и называется „обвинительной“, в отличие от „следственной“, когда „судья“, кроме судебного разбирательства, пользовался „пыткой“ и „обыском“ для установления виновности подсудимого.

Обвинительный процесс применялся в XVII в. при решении разнообразных тяжб, которые имели своим предметом гражданские иски. Иски в „брани“, „бесчестьи“, „бое“, „увечьи и ранах“, „грабеже“, „поджоге“, „насильстве“, „разореньи“ и вообще в „обидах и убытках“ также под-

¹ Псковская судная грамота, Новгородская судная грамота, Правая грамота — Акты юрид., № 11.

² Акты юрид., №№ 5 и 13.

³ Уложение, гл. X, ст. 106; см. также гл. X, ст. 109.

лежали „судебной“ форме судопроизводства.¹ Наконец, убийство без „поличного“, „язычной молки“ или „лихованного обыска“ судилось не „розыском“, а „судом“.²

Следственный процесс, применявшийся в XVII в. для уголовных дел, носил специальное название „розыска“. Наиболее важными доказательствами при „розыске“ считались „признание“ обвиняемого и „повальный обыск“. Признания „подсудимого“ судьи добывались обычно „под пыткой“ и в этом основное отличие следственного процесса от обвинительного, ибо в последнем ответчик признавался добровольно.

Пытка считалась настолько важной частью следственного процесса, что слово „пытать“ противопоставляется в документах термину „суд“: „а приведут кого с поличным впервые, ино его судити да послати про него обыскати. И назовут его в обыску лихим человеком, ино его пытати... А скажут в обыску, что он добрый человек, ино дело вершити по суду“.³ Применение „пытки“ было решающим признаком, который разграничивал следственное и обвинительное судопроизводство: „на которых людей истцы бьют челом в татьбах и разбоях, без поличного и без язычной молки, и не по лихованным обыском, и тех челобитчиков отсылати в Судный приказ; а будет в Судном приказе сыщется, что те дела разбойные дошли до пыток, и тех истцов и ответчиков из Судного приказа отсылать в Разбойный приказ“.⁴ Пытка применялась даже и в тех случаях, когда подсудимый добровольно сознавался в своем преступлении.

История судопроизводства XVII в. характеризуется развитием следственных форм, которые постепенно вытесняли в уголовных и большинстве гражданских дел обвинительный процесс. Так, например, „сыск“ и „очные ставки“ в эпоху Уложения применяются в „поместных делах“ и делах о „беглых холопах“, хотя раньше эти тяжбы судились только „судом“. Но такое распространение следственного судопроизводства на гражданские иски стало, наконец, недопустимым с правительственной точки зрения, так как при „розыске“ казна никогда не собирала столько пошлин, как это удавалось ей на суде. Эти убытки „государевой казны“ заставили законодательство в 80-х годах XVII в. восстановить опять „суд“ во многих из тех дел, которые до того разбирались „розыском“.

В 1683 г. „именным указом“ от 3 мая „очные ставки“ были отменены во всех гражданских делах: „во всех делах... и в Поместном приказе велено... давать суд... чтобы пошлинные деньги не пропадали, а ист-

¹ Уложение, гл. IX, ст. 3; гл. X, ст. 29, 30, 31, 85 и др.; гл. XXII, ст. 11, 17; гл. X, ст. 134, 136, 142, 186; гл. XX, ст. 4, 65; гл. XVIII, ст. 39; гл. VII, ст. 6, 30; гл. X, ст. 207, 203, 210; гл. IX, ст. 12, 13.

² Там же, гл. VII, ст. 30; гл. X, ст. 133; гл. XXII, ст. 17.

³ Судебник 1550 г., ст. 52.

⁴ Уставная книга Разбойного приказа, ст. 18.

цам не повадно было затевать и неправдою исков своих лишку приписывать“.¹

Рассмотренное нами выше судоговорение в повести указывает, что автор „Шемякина суда“, действительно, изображает состязательный процесс, лишенный каких-либо форм „розыска“, т. е. инквизиционного, следственного судопроизводства. Применение в повести „суда“ вместо „розыска“ в разбирательстве уголовных преступлений „убогого“ указывает на судебную практику второй половины XVII в.

„И потом нача други суд быти; поп ста искати смерти сына своего, ... глагола попу судия:... и ты де отдай ему свою жену попадию...“

По этому приговору „поп“ страдал не только как оскорбленный муж. но и как священник, который лишился своего „места“ (т. е. прихода). По церковным правилам XVI и первой половины XVII в. безбрачие и второбрачие духовенства одинаково преграждали доступ к священству. Строгость в выполнении этого правила доходила до того, что овдовевший священник или диакон должен был постригаться в монахи, иначе ему запрещалось священнослужение.

Тяжба „попа“ с „земледельцем“ — „убогим братом“ у „судьи“ Шемяки любопытна также с точки зрения подсудности по законодательству XVII в. Духовенство было не подсудно светскому суду, за исключением тех дел, когда духовное лицо выступало истцом против ответчика-мирянина. В этом последнем случае духовное лицо судилось в судебной инстанции своего ответчика. Такой судебной инстанцией в „городе“ для попа и крестьянина мог быть только воеводский суд. Таким образом, сам факт подсудности „попа“ „суду“ Шемяки дает новое дополнительное свидетельство в пользу нашего мнения о воеводском суде в повести.

„Судия ж... глагола брату ево: Коли он лошади твоей оторвал хвост, и ты у него лошади своей не замай до тех мест у лошеди выростет хвост...“
 „...глагола попу судия: Коли де у тебя ушибь сына, и ты де отдай ему свою жену попадию до тех мест, покамест у попадьи твоей он добудет ребенка тебе“.
 „Судия... глагола ему, у кого убит отец: Взыди ты на мост, а убивы отца твоего станет под мостом, и ты с мосту вержися сам на него—такожде убий его, яко же он отца твоего“

Необычайные приговоры судьи Шемяки всегда привлекали внимание исследователей повести своей „затейливостью“ и анекдотичностью. Наказание в повести, действительно, является пародией на буквальное

¹ Полн. собр. зак., № 1022.

понимание возмездия в смысле моисеевых „око за око, зуб за зуб“. Однако пародийная форма судебных приговоров отнюдь не служит еще подтверждением того известного мнения, что „Шемякин суд“ является только бродячим литературным анекдотом. Приговоры Шемяки, при всей их сказочности и пародийности, для XVII в. не были только забавной выдумкой, они в то же время явственно намекали читателю той поры на реальную судебную практику.

Мы имеем здесь в виду прежде всего материальный тальон, который, судя по Уложению 1649 г., еще существовал в уголовном праве XVII в. Но еще более важным фактом для юридического истолкования приговоров Шемяки является необычайное распространение неопределенных санкций наряду с множественностью наказаний за одно и то же преступление в законодательстве XVII в.

Казуистические приговоры Шемяки во многом могут быть объяснены множеством неопределенных санкций, которые предусматривало законодательство XVII в. за различные преступления. Закон очень часто указывает только один род наказания, но совершенно не предусматривает размеров последнего.

Так, во многих статьях Уложения 1649 г. имеется только неопределенная санкция: „взять пеню, что государь укажет“; „учинить жестокое наказание, что государь укажет“; „наказание, смотря по вине“; „быть в опале и в казни“.¹

Отдельные указы и грамоты XVII в. только разнообразят эти грозные, но совершенно неопределенные формулы, под которые можно было подвести любые наказания: „от великого государя быть в великой опале и в торговой казни без всякие пощады“; „быть в великой опале и в жестоком наказанье, и во всяком вечном разоренье, без всякие пощады“; „быть от великого государя в наказаньи и в казни, и в разоренье“; „в жестоком наказаньи и во всяком разореньи“² или: „в великой опале и в наказаньи, и в казни“; „быть в жестоком наказании под смертною и непрощаемою казнию...“³ и т. д.

¹ Уложение, гл. I, ст. 9; гл. II, ст. 22; гл. III, ст. 8; гл. VI, ст. 2; гл. VII, ст. 6, 7, 11, 12, 24, 30 и 32; гл. X, ст. 8, 9, 10, 15, 24, 90, 106, 140, 148, 161, 186—188, 198, 222, 233, 251, 268; гл. XV, ст. 5; гл. XVI, ст. 43, 45, 66; гл. XIX, ст. 13, 15, 40; гл. XX, ст. 28, 113; гл. XXI, ст. 42—44, 71, 86; гл. XXV, ст. 2, 6.

² Акты Арх. эксп., т. IV, № 126, стр. 170; Окружная грамота 1661 г.; Акты, относ. до юрид. быта, т. II, № 230, стр. 695—696, „память“ 1668 г.; Полн. собр. зак., № 467, указ 1670 г., апреля 17 о мерах предосторожности от огня; № 600 и 603, наказы объезжим, 1675 г., апреля 14 и мая 24; № 821, указ 1680 г. о мерах предосторожности от огня; Собр. гос. грам. и догов., т. IV, № 19, стр. 72—73, наказ о розыскании серебряной руды 1661 г.

³ Акты ист., т. II, № 349, I и II, стр. 416 и 417, наказная смоленским посадским старостам 1608 г.; Доп. к Акт. ист., т. VI, № 120, стр. 166, грамота Каширскому воеводе 1674 г.; Акты Арх. эксп., т. IV, № 92, стр. 132, наказ сотскому Кашинского уезда 1656 г.

Но в то же время право XVII в. употребляет очень часто такие определенные санкции, которые на практике имели значение только общей угрозы. Так, например, санкцию „смертная казнь“ предусматривают 60 статей Уложения 1649 г. и еще большее число отдельных указов. Смертная казнь предусматривается в таких случаях, когда на практике она почти никогда не применялась. Так, например, в 1658 г. была определена смертная казнь на тот случай, если крестьяне дворцовых волостей будут жениться и выходить замуж за тех, кто не приписан к дворцовым волостям.¹ Не менее сомнительной кажется и угроза наказа 1697 г., где объявляется „указ с великим подкреплением под смертную казнь, чтобы кореня ревеню не покупали и не привозили“.²

Отсюда ясно, что если само законодательство очень часто не устанавливало не только размер, но даже и род наказания за каждое конкретное преступление, то приказные судьи по необходимости вынуждены были изощряться в казуистических решениях при разбирательстве спорных дел. „В судах в законы играют, как в карты, требуя указа на указ, чтоб удобнее было в мутной воде рыбу ловить“, — писал Петр I в одном из своих указов конца XVII в.

Неопределенность санкций в законодательстве на практике приводила к неизбежному произволу и казуистическому формализму в приказном судопроизводстве. Насколько велика была здесь изобретательность „приказных людей“ в сочинении казуистических решений, показывают „пометы“ (т. е. резолюции) на „челобитных“, которые делались в „Челобитном приказе“: „будет так, как бьет челом — учинить указ по государеву указу“; „будет так, как бьет челом — дать грамоту к воеводе“; „будет иным таким давано, ино и ему дать“. Наконец, если мы рассмотрим преступления „убогого“ с точки зрения гражданского и уголовного права XVII в., то и здесь приговоры Шемяки, наряду со сказочной фантастикой, содержат много реальных черт.

По „исковой челобитной в лошеди“ судья мог бы „доправить“ „иск“ на ответчике, т. е. заставить „убогого“ возместить убытки за „испорченную“ лошадь: „А чему в исковых челобитных цены будет не написано, и тому цена положить по сему указу. Конь восм рублей. Кобыла ногайская шесть рублей. Жеребенок ногайский три рубли, мерин четыре рубли...“.³

Но два других преступления „убогого“ по законам XVI и XVII вв. вообще не могли считаться наказуемыми, так как оба убийства были совершены без умысла. Уголовное право XVII в. уже различало три вида убийства: 1) „учиненное умышлением“, за которое полагалась смертная казнь; 2) убийство, „учиненное в драке“, „пьяным делом“, за которое убийцу, „бив кнутом“, „дати на чистую поруку с записью“, и,

¹ Акты Арх. эксп., т. IV, № 101, стр. 142, окружная грамота в Углич 1658 г.

² Полн. собр. зак., № 1594, наказ Тобольскому воеводе 1697 г.

³ Уложение, гл. XXIV, ст. 2.

наконец, 3) убийство „грешным делом“, без умысла или при самообороне, которое вообще не наказывалось.

„Будет кто стреляючи из пищали, или из лука по зверю, или по птице, или по примете, и стрела, или пулька всплвет и убьет кого за горою, или за городьбою, или кто каким-нибудь обычаем кого убьет до смерти деревом, или камнем, или чем-нибудь ненарочным же делом, а недружбы и некакия вражды наперед того, у того, кто убьет, с тем, кого убьет, не бывало, и сыщется про то допряма, что такое убивство учинилось не нарочно без умышления: и за такое никого смертию не казнить, и в тюрьму не сажать, по тому, что такое дело учинится грешным делом без умышления“.¹

Таким образом, судья Шемяка на законных основаниях должен был оправдать „убогого“, т. е. отказать всем трем истцам в исках, и он в повести так и поступил, хотя приговор свой облек в казуистическую форму: формально он обвинил „убогого“, но тальонная форма наказания заставила истцов немедленно мириться с ответчиком.

С формальной точки зрения Шемяка судил законно и не сделал каких-либо нарушений процессуальных норм XVII в. Ответчик в повести во всех трех случаях отвечал молчанием на вопросы судьи, и он тем самым уже проигрывал дело без суда.² По указанной статье Уложения Шемяка вполне справедливо признал „убогого“ виновным и „удовлетворил“ иски истцам, хотя и в самой странной форме.

Итак, сказочные по своему происхождению приговоры Шемяки служат для автора повести формой для сатирического обличения корыстного крючкотворства и казуистического формализма приказно-воеводского суда XVII в.

„Судия ж высла человека к ответчику и веле у него показанные три узлы взять...“

Приказной обычай брать „посулы“ не собственноручно, а через подставных людей был широко распространен в XVII в. „Человек“, который принимал „посулы“ для судьи именно так, как это происходит в повести, упоминается даже в законодательстве XVII в.: „А будет кто учнет бити челом на судью, что он обвинял его не делом по посулом, а взял де от того неправого дела на судью посул брат его, или сын, или племянник, или человек...“³

Число исторических документов XVI и XVII вв., в которых содержатся известия о взяточничестве и продажности судей, необычайно

¹ Новоуказные статьи о татевных, разбойных и убийственных делах 1669 года, генваря 22, ст. 106: Полн. собр. зак., № 441; См. также: Уложение, гл. X, ст. 107 и 200, Новоуказные статьи, ст. 85; Акты юрид., № 270; Акты ист., т. I, № 105, 153, ст. 59 и 61. № 167; Акты Арх. эксп., т. I, №№ 123, 150 и 240.

² Уложение, гл. X, ст. 101.

³ Там же, ст. 7.

велико. В Судебнике 1497 г. уже находим такое предписание: „прокликать по торгам на Москве и во всех городах Московския земли и Новгородские земли, по всем волостям заповедати, чтобы ищя и ответчик судиям и приставам посула не сулили в суду“.¹ В Судебнике 1550 г. взяточничество впервые квалифицируется как преступление в собственном смысле. Бояре, дьяки и подьячие, обвиненные в „посулах“, присуждались по этому Судебнику к денежному взысканию, тюрьме, торговой казни и наказанию кнутом.

„А будет которой боярин, или окольник, или думной человек, или дьяк, или иной какой судья, истца или ответчика посулом или по дружбе, или по недружбе правого обвинит, а виноватого оправит, а сыщется про то допряма: и на тех судьях взяти истцов иск втрое, да и пошлыны и пересуд и правой десяток взяти на государя на них же, да за ту же вину у боярина, и у окольника, и у думного человека отняти честь. А будет которой судья такую неправду учинить не из думных людей: и тем учинити торговая казнь, и вперед им у дела не быти“, — предписывает и Уложение 1649 г.² Но все эти попытки законодательства заставить, наконец, бояр, дьяков и подьячих „судить беспосульно и безволокитно“ оставались безуспешными, ибо взяточничество в XVII в. достигло невероятных размеров. Многие „челобитные“ XVI в. сравнивали поборы „кормленщиков“ с „насильством“, которое бывает от „лихих людей, татей и разбойников“. „Кормленщики“ „многие грады и волости пусты учинили“, читаем мы в таких челобитных. Максим Грек говорит о „иудейском сребролюбии слуг царя“, а Крижанич с горечью восклицает: „ради тако неправедных судов бог неустано казнит русский народ: и не отходит бич божий от наших хребтов“.³ Потрясающую картину воеводских бесчинств нарисовал и протопоп Аввакум в своей „записке“ о злоупотреблениях воеводы Афанасия Пашкова.⁴

Даже само правительство иногда вынуждено было признать, что „посулы“ и „насильства“ местных властей угрожают государственным интересам: „а то нам подлинно ведомо, что ногайские мурзы от нашей милости отступили от вашего и иных наших воевод насильства и гонения“, — читаем мы в царской грамоте астраханским воеводам 1634 г., посланной по поводу перекочевки ногайских улусов из русских земель в Крымские степи.⁵

Многочисленные документы свидетельствуют, что каждая справка, подпись, „помета“, „печать“, едва ли не каждый шаг тяжущихся на суде —

¹ Судебник 1497 г., гл. „О посулах и послушестве“.

² Уложение, гл. X, ст. 5; см. также: Уложение, гл. X, ст. 6, 7, 8, 9, 12, 13, 14, 15 и 16; гл. VII, ст. 3, 6, 11; Полн. собр. зак., № 123, Указ именной, сказанный перед Разрядом князю Александру Кропоткину и дьяку Ивану Семенову о наказании их за посулы.

³ Крижанич. Разговоры об владетьстве, т. I, стр. 294.

⁴ Материалы для истории раскола, т. V, стр. 133—136.

⁵ Русск. ист. библ., т. II, № 163, стр. 570.

все требовало „посулы“ и „подарка“. В „Записи расходов Хлыновского причта по спорному делу о пожне Покровской церкви“ 1684 г. имеется редкий по своей обстоятельности перечень множества взяток, которые пришлось платить Хлыновскому причту; здесь мы встречаем даже такую удивительную взятку: „Подъячего Герасима Шмелева родителей записали в Синодик за 8 гривен“.¹ В другой такой же „росписи“ „челобитчик“ упоминает, что, кроме подарков самому воеводе и его дьяку, он „людям его дал две деньги, малым ребятам два алтына“. Даже московские „бояре“ и „думные дьяки“, вроде известного Емельяна Игнатьевича Украинцева, не брезговали брать посулы „солеными рыжиками“.² „Подарки“ и „посулы“ необходимы были не только в судебных тяжбах, но даже и при выплате жалования „служилым людям“.³ До какой степени взятки в XVII в. были обычным явлением, показывает заслуживающий полного доверия рассказ Татищева об одном „честном“ воеводе: царь Алексей Михайлович в награду „за службу“ послал одного „служилого дворянина“ воеводой в маленький город для того, чтобы тот „нажил“ 500—600 рублей и затем купил себе деревню. Когда окончился срок воеводства, „дворянин“ „бил челом“ царю, что он „нажил“ всего только 400 рублей. Царь даже послал дьяков проверить на месте, и оказалось, что „честный“ воевода „нажил“, действительно, всего только 400 рублей. Этот „дворянин“ ни у кого не вымогал насильно „подарков“ и „посулов“, а довольствовался только тем, что ему добровольно приносили сами „челобитчики“ „в почесть“. Узнав об этом, удивленный Алексей Михайлович дал „доброму человеку“ другой „прожиточный“ город.

Но как ни привыкли „приказные люди“ брать „посулы“, однако боязнь наказания „кнутом“ все же заставляла их прибегать к разным уловкам, которые спасли бы их от „огласки“: „наказания не страшатся (судьи, — И. Л.), от прелести очей своих и мысли содържати не могут, и руки свои ко взятию скоро допущают, хотя не сами собою, однако по задней лестнице чрез жену или дочь, или чрез сына или брата, не ставят того себе во взятые посулы, будто про то и не ведают“, — говорит Котошихин.⁴ Коллинз рассказывает, что царь Иван Васильевич казнил одного дьяка за то, что он принял „посул“ в виде жареного гуся, начиненного деньгами. Иногда изошренные „челобитчики“, входя к судье, „привешивали“ подарки к „образам“ „будто бы на свечи“. Наконец, даже закон вынужден был признать эти укоренившиеся обычаи,

¹ Древние акты, относящиеся к истории Вятского края. Приложение ко 2-му тому сборника „Столетие Вятской губернии“, изд. Вятск. статист. комит., Вятка, 1881, № 154, стр. 219.

² Сборник князя Хилкова. СПб., 1879, № 102, стр. 325—349. Письма „доверенных калужан“ земскому старосте 1690—1691 года.

³ Доп. к Акт. ист., т. III, № 36, стр. 119; Акты Приказа Новгородской четверти 1647 и 1648 гг.

⁴ Котошихин, ук. соч., гл. VII, стр. 28.

и на Святой неделе судьям разрешено было принимать от „челобитчиков“ подарки не только красными яйцами, но и деньгами от 1 до 12 рублей.¹

Угроза „убогого“ отомстить „судье“ Шемяке „камнем“, при всей своей анекдотичности, не менее характерна для нравов XVII в., чем „посулы“. Уложение не только требует от тяжущихся „став перед судьями искать и отвечать вежливо и смиренно и не шумко, и перед судьями никаких невежливых слов не говорить и меж себя не браниться“,² но даже предусматривает наказание за убийство судьи на суде: „А будет кто судью чем зашибет или ранит: и его за то казнити, отсеки рука, да на нем же велеть судье за раны и за безчестие доправити вдвое. А будет кто судью в приказе, или где ни буди убьет до смерти: и того убойду самого казнити смертию же, да из тех же его животов взяти убитого кабальные долги“.³

Вся повесть „Шемякин суд“ рисует в пародийной форме яркую сатирическую картину взяточничества и продажности приказного суда XVII в.

Заканчивая анализ исторических реалий повести, с одной стороны, и многочисленных соответствий свидетельствам повести в документах XVI и XVII вв. — с другой, мы в праве сделать следующие выводы.

1. Юридическая терминология повести о суде Шемяки указывает, что автор повести имеет в виду приказно-воеводский суд, ибо „судья“ Шемяка „судит“ в „приказе“ и в „городе“, а не в Москве. Отсюда представляется возможным датировать „Шемякин суд“ как повесть, которая могла быть написана не ранее 60-х годов XVII в., так как воеводский суд в „приказных избах“ известен только во второй половине XVII в.

2. Если Шемяка в повести — воевода или дьяк „приказной избы“, то отсюда становится ясным и адресат сатиры „Шемякина суда“: повесть обличает не „кривосуд“, заимствованный из семитических легенд, как это думали прежние исследователи, а продажность и корыстное крючкотворство приказно-воеводского суда в России XVII в. Пародийно-сатирическое изображение воеводского „правосудия“ составляет наиболее характерную особенность „Шемякина суда“ как оригинального произведения русской литературы XVII в.

3. Все сказанное выше дает нам основание отрицательно разрешить проблему гипотетического польского оригинала „Шемякина суда“: описание гражданского обвинительного процесса — „суда“ — в повести настолько точно и исторически достоверно, что оно могло быть написано только русским автором второй половины XVII в.

¹ Adam Olearius. Ausführliche Beschreibung..., 229; S. Collins. The present State of Russia in a letter; русск. перевод: Русский вестник, 1811, кн. 7, стр. 177—179.

² Уложение, гл. X, ст. 105.

³ Там же, ст. 106.

II

Имя судьи в повести „Шемякин суд“ привлекает внимание исследователей уже более столетия.

Еще в 1816 г. Н. М. Карамзин в „Истории государства Российского“ первым высказал мнение, что пословица о Шемякином суде возникла в память о вероломных поступках галицкого князя Дмитрия Юрьевича Шемяки: „Не имея ни совести, ни правил чести, ни благоразумной системы государственной, Шемяка в краткое время своего владычества усилил привязанность москвитян к Василию, и в самых гражданских делах попираля ногами справедливость, древние уставы, здравый смысл, оставил память своих беззаконий в народной пословице о суде Шемякине, до ныне употребительной“.¹ В подтверждение своей мысли Карамзин привел свидетельство Хронографа, на которое впоследствии ссылались исследователи повести: „В Хронографе: от сего убо времени в Велицей России на всякого судью и восхитника во укоризнах прозвася Шемякин суд“.²

Позднейшие исследователи повести единодушно следовали за Карамзиным и рассматривали эту цитату из Хронографа как неоспоримое доказательство тождества имени героя повести с личностью галицкого князя XV в. Научная критика исторических источников о Шемякиной смуте XV в. у многих исследователей XIX в. часто заменялась моральными обличениями, направленными против Д. Ю. Шемяки, этого „мелодраматического злодея“ среди удельных князей.

Примером такого морально-дидактического истолкования повести „Шемякин суд“ может служить „Предисловие“ П. Свиньина к его одноименному роману: „Эпизод сей и с других сторон исполнен романтизма и интереса. ... характер Шемяки, который есть идеал непостоянства, вероломства, жестокости и сластолюбия, соединение низких страстей — корыстолюбия, расточительности и разврата, и возвышенных доблестей — мужества и предприимчивости. Злодейский его поступок с Васильем, облеченный в форму законного приговора, вместе с бесчисленным множеством вопиющих несправедливостей, насилий и хищничества, также прикрытых личиною правосудия, — оставили навеки поговорку о суде Шемякином“.³

Оригинальное толкование имени „Шемяка“ в повести дал в 1833 г. Н. Полевой в своей „Истории русского народа“. Полемизируя с общей исторической концепцией Карамзина, Полевой справедливо указывал, что „знаменитый историограф“ в своей оценке деятельности Д. Ю. Шемяки слишком доверял летописным источникам, между тем как послед-

¹ История Государства Российского, т. V, стр. 311.

² Там же, стр. 545, примеч. 338.

³ Шемякин суд, или последнее междоусобие удельных князей русских. Исторический роман XV столетия. Сочинение Павла Свиньина, ч. I, М., 1833, стр. III.

ние были написаны политическими противниками этого князя. „Шемяка, — по словам Полевого, — хогел добра, мирился искренно — увидим это из последствий, а из дел узнаем характер сего князя, храброго, доброго, пылкого, готового на зло только в минуту гнева, но всегда способного загладить потом свое преступление раскаянием, охотно прощавшего обиду и доверчивого до легкомысленности“.¹ Оправдывая таким образом Д. Ю. Шемяку от обвинений Карамзина. Полевой возражал также и против приурочивания повести „Шемякин суд“ к имени галицкого князя XV в.²

По мнению Полевого, сатира повести не могла иметь своим адресатом Д. Ю. Шемяку, уже потому, что сама сказка о Шемякином суде, как свидетельствует Толстовский список, была переведена с польского языка. Второе доказательство необоснованности мнения Карамзина Полевой видит в том, что имя Шемяка носил не один только Дмитрий Юрьевич, но и некоторые другие исторические лица, например князь Пронский и князь Голибесовский, к которым, следовательно, также могла относиться сатира повести.

А. Н. Пыпин в своем исследовании „Шемякин суд“³ признал приведенные выше доводы Полевого „весьма недостаточными“ и со своей стороны в защиту мнения Карамзина привел сомнительную цитату из книги Каменевича-Рвовского, где Шемякин суд также приурочивается ко временам великого князя Василия Васильевича. По мнению Пыпина, сходство сюжета „Шемякина суда“ с тибетским сказанием из Дзанглуна должно убедить нас в том, что русская повесть в момент своего возникновения не была сатирой на какое-либо определенное лицо и только впоследствии этот старинный „народный рассказ“ примкнул к исторической личности Д. Ю. Шемяки.

Позднейшие исследователи Ф. И. Буслаев,⁴ И. М. Снегирев,⁵ С. П. Шевырев,⁶ А. Н. Афанасьев,⁷ М. И. Сухомлинов,⁸ Ф. Булгаков,⁹

¹ Н. А. Полевой. История русского народа, г. V. М., 1833, стр. 320.

² Там же, стр. 372, примеч. 353.

³ А. Н. Пыпин. Шемякин суд. Архив Калачова, 1859, кн. 4, отд. V, стр. 5. — Он же. История русской литературы, т. II. СПб., 1898, стр. 500.

⁴ Ф. И. Буслаев. Историческая хрестоматия церковно-славянского и древнерусского языков. М., 1861, стб. 144б.

⁵ И. М. Снегирев. Лубочные картинки русского народа в Московском мире. М., 1861, стр. 59.

⁶ С. П. Шевырев. История русской словесности, ч. IV. Изд. 1-е, СПб., 1837, стр. 71—72.

⁷ А. Н. Афанасьев. Народные русские сказки, т. IV. Изд. 4-е, 1913, стр. 244

⁸ М. И. Сухомлинов. Повесть о суде Шемяки. Изд. 2-е, Сб. ОРЯС АН, г. 85, 1908, стр. 66б.

⁹ Ф. Булгаков. Повесть о суде Шемяки. ОЛДП, XXVIII, 1879, стр. 7. — Он же. Пам. древн. письменн. ОЛДП, Отчеты, вып. II, СПб., 1830, стр. 27.

Д. А. Ровинский,¹ В. Неринг,² А. Шифнер,³ И. Я. Порфирьев,⁴ С. Бейлин,⁵ Е. В. Петухов⁶ и М. Н. Сперанский⁷— все, следуя за Пыпиным, видели в имени Шемяки намек на галицкого князя XV в., воспоминание о котором явилось наслоением на традиционный сюжет повести.

Насколько велика была уверенность исследователей в том, что судья Шемяка и Д. Ю. Шемяка одно и то же лицо, свидетельствуют мнения С. П. Шевырева и И. Я. Порфирьева, из которых первый в 1860 г. считал повесть о Шемякином суде памятником XV в., а второй называл „судом Шемяки“ ослепление Василия Васильевича Темного.⁸

А. И. Соболевский⁹ был единственным исследователем, для которого имя Шемяки в повести представлялось только внешним совпадением, лишенным какой-либо исторической связи с Д. Ю. Шемякой. К сожалению, А. И. Соболевский ограничился только краткими замечаниями, помещенными в учебной литературе, и не привел никаких доказательств в подтверждение своей точки зрения на судью Шемяку.

История изучения „Шемякина суда“ убеждает нас в том, что многие исследователи повести склонны были доверять авторитету „Истории государства Российского“ более, чем подлинным свидетельствам исторических источников. Примером такого сознательного забвения исторических фактов может служить ошибка Ф. Булгакова, по словам которого приурочивание „приговоров“ к имени Шемяки основано будто бы на том, что галицкий князь Дмитрий Юрьевич, лишив зрения Василия Васильевича, отомстил этим за свое (!) ослепление, хотя давно известно, что не Шемяка, а его брат Василий Косой был ослеплен великим князем.¹⁰

Исторические известия убедительно свидетельствуют, что имя „Шемяка“ не было случайным прозвищем одного только галицкого князя Дмитрия Юрьевича, а принадлежит к числу распространенных в XIII—XVII вв. русских имен.

¹ Д. А. Ровинский. Русские народные картинки, т. IV. СПб., 1831, стр. 175.

² W. Nehring, Archiv für slavische Philologie, B. V, Berlin, 1831, стр. 429.

³ Tibetan Tales. Derived From Indian Sources. Translated from the Tibetan of the Kan-gyur by F. Anton von Schiefner. Trübner's, Oriental Series, London, 1832, p. XLI.

⁴ И. Я. Порфирьев. История русской словесности, ч. I. Казань, 1897, стр. 158.

⁵ С. Бейлин. Странствующие или всемирные повести и сказания в древнерусской письменности. Иркутск, 1907, стр. 142.

⁶ Е. В. Петухов. Русская литература. Древний период. Пгр., 1916, стр. 323.

⁷ М. Н. Сперанский. Русская устная словесность. М., 1917, стр. 430.— Он же. История древней русской литературы. Московский период. М., 1921, стр. 179.

⁸ С. П. Шевырев, ук. соч., стр. 71.—И. Я. Порфирьев, ук. соч., стр. 158.

⁹ А. И. Соболевский. Русская хрестоматия. Памятники древней русской литературы и народной словесности, сост. Ф. Буслаевым, изд. 13-е, доп. и исправл. А. И. Соболевским, М., 1917, стр. 203. См. также: История русской словесности древней и новой А. Галахова. СПб., 1880, стр. 433.

¹⁰ Ф. Булгаков. Пам. древн. письменн. ОЛДП, Отчеты, вып. II, СПб., 1880, стр. 27.

1. Василий Шемяка, рыльский князь, XIII в. — „Повесть о граде Курске...“, ркп. собр. Уварова, № 117.
2. Дмитрий Юрьевич Шемяка, галицкий князь, зачинатель Шемякиной смуты, умер в 1453 г. — ПСРЛ, т. III, 113 и др.; IV, 122 и др.; V, 267 и др.; Ник., V, 136 и др.; VI, 169 и др.; VIII, 122 и др.; XII, 17 и др.; XVI, 183 и др.; XVIII, 172 и др.; XX, 239 и др.; XXI, 53 и др.; XXII, ч. 2, 431 и др.; XXIII, 147 и др.; XXIV, 184 и др.
См. также: Собр. гос. грам. и догов., №№ 46—48, 49—50, 52—59, 61, 62; Акты Арх. эксп., I, №№ 29, 43, 372; Акты ист., I, №№ 40, 53; Житие Григория Пельшемского. Чет. мин., сентябрь; Житие Маргиниана Белоозерского, ркп. ГПБ, Погодин. № 739; краткое житие Пафнутия Боровского, ркп. Волоколамский сб. № 515, л. 419; Житие Михаила Клопского, ркп. Волоколамская, Троицк. Акад., № 659.
- С уверенностью отметим, что во всех названных летописях, житиях и грамотах, содержащих известия об этом галицком князе, отсутствуют даже самые отдаленные намеки на „суды“ Шемяки.
3. Князь Иван Дмитриевич Шемячич (или Шемякин), сын предыдущего, XV в. — ПСРЛ, т. III, 199; IV, 215—216 и др.
4. Князь Семен Иванович Шемячич, внук Д. Ю. Шемяки, XV в. — Акты, относ. к ист. Южн. и Зап. России, т. II, 123
5. Князь Василий Иванович Шемякин, брат предыдущего, „запазущный враг“ Ивана III, XVI в. — ПСРЛ, т. III, 199; IV, 272; VI, 45, 47, 243 и др.; VII, 228 и др.; VIII, 5, 6 и др.; XII, 252 и др.; Герберштейн, 51.
6. Князь Иван Васильевич Шемячич, сын предыдущего, XVI в. — ПСРЛ, т. XXI, ч. 2, 575.
7. Князь Дмитрий Данилович Шемяка из рода Гагариных, воевода, XVI в. — ПСРЛ, т. XIII (1), 264; Древн. рос. вивлиофика, XIV, 290; Бархатная книга, ч. 2, 67.
8. Князь Иван Васильевич Шемяка Нелюбов-Пронский, воевода, XVI в. — ПСРЛ, т. VII, 245; XIII (1), 108, 138; Ист. сб., т. II; Разрядная книга П. Ф. Лихачева, 116—117.
9. Князь Юрий Иванович Шемякин-Пронский, известный военачальник Ивана Грозного, отличился при завоевании Казани и Астрахани — ПСРЛ, т. XIII (1), 199, 203—205, 208 и др.; XIII (2), 495 и др.; Древн. рос. вивлиофика, VIII, 4; XIII, 29, 33 и др.; XX, 36.
10. Княгиня Евдокия Ивановна Шемякина-Пронская, жена предыдущего — Акты А. Федотова-Чеховского, I, 223.
11. Князь Иван Иванович Пронский-Шемякин, XVI в. — Древн. рос. вивлиофика, XIII, 36.
12. Князь Александр Андреевич Шемяка, XVI в. — Бархатная книга, ч. 1, 138—149.
13. Князь Иван Федорович Большой Шаховской (Шемякин), воевода, в 1643 г. был судьей в Володимирском судном приказе — Русск. ист. библ., т. IX, 420, 445, 566 и др.; X, 453; Акты Арх. эксп., III, 271, 344 и др.; Портфели Миллера, 130, V.
14. Князь Иван Федорович Меньшой Шаховской (Шемякин) был вторым судьей в приказе Новой чети в 1643 г. и в 1648—1654 гг. был судьей в Разбойном приказе — Акты Арх. эксп., III, 271, 344 и др.; Русск. ист. библ., т. VIII, 952, 955 и др.; X, 402 и др.; XXIV, 486; Доп. к Акт. ист., IV, 126; Акты Моск. гос., II, 280; Дворцовые разряды, II, 708; Столб. Дворц. приказов, 3176, 41750, 42071; Столб. Моск. стола Разряда, 183, 8, 881; Сборник князя Хилкова, 258.
15. Князь Мирон Михайлович Шаховской (Шемякин) в 1617 г. был судьей в Холопьем приказе — Доп. к Акт. ист., IV, 179; Собр. гос. грам. и догов., I, 640; II, 213; Акты Моск. гос., I, 41, 43; Книги разрядные, I, 195, 522 и др.; II, 62; Столб. Дворц. приказов, 42678.
16. Князь Михаил Семенович Шаховской (Шемякин) был первым судьей в Московском судном приказе в 1660 г. и во Владимирском судном приказе вторым судьей в 1661—1666 гг. — Акты ист., IV, 254—273; Доп. к Акт. ист., IV, 134—140 и др.; Собр. гос. грам. и догов., IV, 30, 80 и др.; Русск. ист. библ., X, 117, 140, 145 и др.; Акты Моск. гос., II, 444—445, 454—460 и др.; III, 37—41 и др.; Дворц. разряды, доп. 246—274; Столб. Моск. стола Разряда, 320, 357 и др.

17. Тимофей Шемяка Григорьев сын, XVI в. — Акты А. Федотова-Чеховского, II, 507, 543.
18. Шемяка, дворовый человек, Шелонская пятина, XVI в. — Новгородск. писц. кн., IV, 351.
19. Шемяк, дворовый человек, Шелонская пятина, XVI в. — Новгородск. писц. кн., IV, 423.
20. Василий Шемяка, сын владельца солеварницы, XVI в. — Акты юрид., 158.
21. Шемяка Захарьев сын Бетин, боярский сын, Тверь, XVI в. — Моск. стол, 4, 190—196; Акты Моск. гос., I, 120.
22. Шемяка Сысуев, крестьянин Суздальский уезд, XVI в. — Акты юрид., 92.
23. Шемяка Васильев сын Смолин, крестьянин, Вологодский уезд, XVII в. — Акты юрид., 453.
24. Шемяка Пикин, ратный голова под Смоленском, XVII в. — Акты Моск. гос., I, 120.
25. Василий Шемяков, стрелецкий голова в Брянске, XVII в. — Акты Моск. гос., I, 81.
26. Перша Шемяков, стрелецкий голова в Брянске, XVII в. — Акты Моск. гос., I, 81.
27. Савва Шемяков, стрелецкий голова в Брянске, XVII в. — Акты Моск. гос., I, 81.
23. Алексей Васильев сын Шемяков, помещик, Переяславский уезд, XVII в. — Акты А. Федотова-Чеховского, II, 270, 272.
29. Афанасий Савельев сын Шемяков, помещик, Переяславский уезд, XVII в. — Акты А. Федотова-Чеховского, II, 270, 272
30. Петр Шемяка, стрелецкий голова в Царицыне, XVII в. — Доп. к Акт. ист., XII, 241, 245.

Русские личные имена или, как их иначе называли, „мирские имена“ встречаются на Руси в XI—XIII вв. значительно чаще, чем заимствованные из православных святцев „христианские“ или „крестные“ имена.

В летописях некоторые князья этой поры называются иногда одновременно двумя именами, из которых одно христианское, а второе языческое, причем главным считалось все-таки „княжое“, т. е. языческое имя. Такое употребление двух имен в древнейшей летописи можно найти только в известиях о кончине или крещении князей, например: „Преставися князь Михайло, зовомый Святополк“ — 1113 г.;¹ „Родися у Ярослава сын Михаил, а княже имя Изяслав“ — 1190 г.² Во всех же остальных случаях русские князья XI—XIII вв. носят только языческое имя (исключение представляют, кажется, только шесть или пять Рюриковичей: Василько, Давыд, Андрей, Юрий и Константин).

Имя рыльского князя XIII в. Василия Шемяки также необходимо рассматривать как сочетание двух имен — „крестного“ и „мирского“, причем слово „Шемяка“ было не прозвищем, а княжим именем (ср. — „в крещении Иосиф, а мирскы Остромир“, 1096 г.).³ В XIV в. княжие имена исчезают, и русские имена князей употребляются только наряду с христианскими в значении прозвищ. Слово „Шемяка“ в составе имени галицкого князя Дмитрия Юрьевича, князей Пронского, Гагарина и Шаховского не является уже личным именем и употребляется только как прозвище. В XV—XVI вв. отчество производилось не только от лич-

¹ ПСРЛ, VII, стр. 22.

² I Новгородск. лет., 163.

³ Ф. И. Буслаев. Историческая хрестоматия... , стб. 1.

ного имени отца, но и от его прозвища: „Данило Сопля... Ивашко Соплин“, сын первого, крестьяне, 1557 г.¹ Слово „Шемячич“ или „Шемякин“, которым сопровождаются христианские имя и отчество потомков Д. Ю. Шемяки и князей Пронских и Шаховских, также было вторым отчеством, образованным от фамильного прозвища „Шемяка“. Исчезнув в среде князей и боярства, русские личные имена вплоть до конца XVII в. были весьма обычны в кругу крестьян, посадских и служилых людей. В документах XVI—XVII вв. часто приводятся русские имена рядом с христианскими в значении личных имен: „Михайло и Шарап Плещеевы“, 1534 г.;² „Минка да Козел Денисовы дети“, 1555 г.³ „Мирские“ имена в глазах населения Московского государства не представляли ничего уничижительного по сравнению с „молитвенными“, „крестными“ именами. Даже в Синодиках умершие прозываются не христианскими, а своими мирскими именами. Так, например, в Синодике 1582 (или 1588) г. мы находим такие имена: Смирной, Брех, Ждан, Кожара, Корепан, Бык, Рудак, Шарап, Мисюр, Сарыч, и т. д.⁴

Обычное в это время образование отчеств от русских имен наряду с христианскими также убеждает нас в том, что в XVI—XVII вв. мирские имена считались вполне равноценными с крестными именами из святцев.

Писцовые и отказные книги, судные дела, поручные записи, приставные памяти, челобитные и другие документы XVI и XVII вв. пестрят разнообразными прозвищами, которые обычно „прописывались“ после имени и отчества: „Васька Иванов сын, прозвище Дылда“, крестьянин, 1629 г.;⁵ „Микифорко Григорьев, прозвище Семихвост“, крестьянин, 1631 г.⁶

Начиная с XV в. в значении прозвищ очень часто употребляются также и русские мирские имена: „Поп Назарей, а прозвище Бажен“, 1626 г.;⁷ „Богдан, а имя ему бог весть“, казак, 1642 г.⁸

Различие в употреблении русских мирских имен, в значении личных имен, с одной стороны, и прозвищ — с другой, представляется весьма относительным и зависело, повидимому, от личных мнений писцов, которые составляли названные выше челобитные, судные дела и писцовые книги. Иначе трудно объяснить многочисленные факты, когда одно и то же лицо на протяжении нескольких строк называется то двумя именами — русским и христианским, то одним только русским именем: „Жук... Василий Жук“, 1482 г.⁹ Русское имя часто намеренно выдвигается

¹ Акты, относящиеся до гражданской расправы древней России, А. Федотова-Чеховского, т. I, Киев, 1860, стр. 143.

² Акты, относящиеся до истории Западной России, т. II, стр. 332.

³ Доп. к Акт. ист., т. I, стр. 73.

⁴ Устрялов. Сказания князя Курбского, СПб., 1868, стр. 373—391.

⁵ Доп. к Акт. ист., т. II, стр. 95.

⁶ Акты юрид., стр. 181.

⁷ Там же, стр. 460.

⁸ Акты Арх. эксп., III, стр. 456.

⁹ Там же, I, стр. 81.

автором документа на первый план как самостоятельное личное имя, но несколькими строками ниже то же самое лицо называется уже христианским именем и русское имя указывается только как прозвище: „Смиряй Гордеев сын Катунин..., Иван Катунин, а прозвище Смиряй“, 1584 г.¹

Все эти наблюдения позволяют нам считать, что и слово „Шемяка“ в XVI—XVII вв. имело одно общее значение личного имени, а не прозвища в тех случаях, когда носителями этого имени были не князья, а упомянутые выше холопы, крестьяне и служилые люди.

Н. А. Полевой в 1833 г. высказал предположение, что само слово „Шемяка“ татарского происхождения; не указывая своего источника, Полевой назвал при этом ногайского хана, который будто бы носил имя Шемяки.² А. С. Орлов³ также считал имя Шемяки заимствованным с Востока. Это мнение о восточном происхождении имени „Шемяка“ не может не вызывать сомнений в своей истинности, так как до сих пор оно не подкреплено никакими доказательствами.

Принимая во внимание почти непреодолимые затруднения, которые обычно возникают при этимологии личных собственных имен, мы ограничимся здесь только некоторыми лексическими параллелями к имени „Шемяка“.

В тюркских языках нам неизвестно ни одной лексемы, которую можно было бы сблизить с интересующим нас словом „шемяка“. В виде исключения приведем один пример из топографической номенклатуры казанских татар: „Шәмек“ — деревня Апастовского района Татарской АССР.

Позднейшие исследователи нигде не упоминают также имени татаро-монгольского хана, который, по словам Н. А. Полевого, прозывался „Шемякою“. Некоторый интерес представляют также словарные параллели из монгольских языков.⁴ В монгольском языке находим глагол *šimekü* (чímэху) — украшать, наряжать, убирать, прикрашивать речь, говорить с прикрасами — и отглагольное имя *šimeg* (чимэк; основа „šime“ + аффикс отглагольного имени „g“) — украшение, убранство, наряд, прикрасы, изящество в речи. Эта же основа известна и в бурято-монгольском языке, где слова „шэмэк“ и „шэмэхэ“ имеют те же значения. Нако-

¹ Доп. к Акт. ист., т. I, 270—272.

² Н. А. Полевой. История русского народа, т. V. М., 1833, стр. 372, прим. 353.

³ А. С. Орлов. Переводные повести феодальной Руси и Московского государства XII—XVII веков. Л., 1934, стр. 36.

⁴ О. Ковалевский. Монгольско-русско-французский словарь, тт. I—III. Казань, 1844—1849; — К. Ф. Голстунский. Монгольско-русский словарь, тт. I—III. СПб., 1893—1895.

нец, можно привести монгольский глагол *šimekü* (шимэху) — сосать, высасывать, отсасывать.

Все эти лексические параллели могли бы служить основанием для этимологии имени „Шемяка“, но отсутствие историко-семантических связей между этим русским именем и названными иноязычными лексемами исключает в данном случае возможность заимствования из тюркских и монгольских языков или, по крайней мере, делает последнее мало вероятным.

Существуют также и другие соображения, которые заставляют нас отказаться от гипотезы заимствования слова „Шемяка“ из тюркских и монгольских языков. Во-первых, само это личное имя имеет если не исконно русскую, то вполне обруселую форму, потому что флексия „а“ чисто русского происхождения и решительно противоречит законам тюркского и монгольского вокализма. Во-вторых, хронология имени „Шемяка“ не позволяет в данном случае усматривать влияние тюркоязычной культуры Золотой орды, относящейся к XIV в., ибо первый известный нам Шемяка, рыльский князь Василий, жил во второй половине XIII в. и был современником первых татаро-монголов, которые пришли на Русь вместе с Батыем.

Таким образом, мы отказываемся от реконструкции слова „Шемяка“ из словаря тюркских и монгольских языков и, не имея в настоящее время лингвистических фактов из каких-либо других языков, например финно-угорских, должны склониться к мысли о происхождении этого загадочного имени из корнеслова диалектов русского языка. В пользу такого предположения говорит и факт существования среди древнерусских мирских имен обширной группы слов, которые также не поддаются этимологии путем сравнения со словарем тюркских, монгольских и финно-угорских языков. А. Соколов¹ уже высказал мнение, что такие имена вроде: „завьяла“, „курбат“, „салтык“, „шарап“, „шаньга“, „шелгун“, „шемет“, „шибан“, „шишмар“ и т. д., память о которых сохранилась не только в исторических документах, но и в современных фамилиях, скорее всего могут быть объяснены из анализа словаря русских диалектов.

Сближение и отождествление имени судьи в повести с историческими личностями, носившими имя Шемяка, вызывает прежде всего общие методологические затруднения, которые обычно возникают при сопоставлении собственных имен в художественном произведении и историческом документе. Эти затруднения усугубляются еще и тем соображением, что при распространенности имени „Шемяка“ в XVI—XVII вв. оказывается очень много исторических лиц и, между прочим, приказных судей, которые могли бы быть прототипами для героя повести. Между тем в научной литературе, как мы видели выше, почти безраздельно господствует мнение, отождествляющее судью Шемяку с галицким князем

¹ А. Соколов. Русские имена и прозвища в XVII веке. Казань, 1891, стр. 15 и др.

Дмитрием Юрьевичем, хотя единственным доказательством для такого сближения имен служит свидетельство „старого Хронографа“. Все это заставляет нас вновь вернуться к знаменитому примечанию 338 в пятом томе „Истории государства Российского“ Карамзина — „В Хронографе: от сего убо времени в Велицей Руссии на всякого судью и восхитника во укоризнах прозвася Шемякин суд“. Каждый автор, в какой-либо связи упоминавший о „Шемякинском суде“, считал своим долгом привести эту цитату из „старого Хронографа“. Но рукописный источник этого известия и по сей день остается неизвестным, ибо никто, кроме Н. М. Карамзина, никогда не читал в хронографах чего-либо о Шемякинском суде. Неудивительно поэтому, что исследователи, не зная первоисточника, вынуждены были заимствовать эту цитату друг у друга. Такая традиция заимствования цитат привела, наконец, Снегирева,¹ а потом и Афанасьева² к замене „восхитника“ в примечании Карамзина словом „восхищник“. Была забыта даже честь „открытия“ Карамзиным этой цитаты в Хронографе, и А. И. Яцимирский³ не без иронии приписывал эту заслугу Сахарову.

Цитата Карамзина о Шемякинском суде возбуждает сомнение уже потому, что в примечании 338 тома V „Истории государства Российского“ не указан рукописный источник; общая же ссылка на хронографы проливает очень мало света на действительный источник, которым пользовался Карамзин, ибо, по свидетельству П. М. Строева, в 1828 г. было уже известно 60 списков хронографов.⁴

Однако мы не можем заподозрить автора „Истории государства Российского“ в мистификации, ибо еще И. И. Срезневский писал, что „о многих из древних памятников Карамзиным сказано первое слово и ни об одном не сказано слова некстати и без критики“, и потому вынуждены искать источник для примечания 338.

Из примечаний к „Истории государства Российского“ известно, что Карамзин часто пользовался известиями хронографов и, что особенно важно для нас, в большинстве случаев точно называл используемую им рукопись. Таким образом, нам известны следующие исторические сборники, которыми пользовался Карамзин:

1. Хронограф Толстова,⁵ ркп. ГПБ ЛФ, IV, № 212 (по каталогу собрания графа Толстого, отд. I, № 64). А. Попов относит этот сборник Толстого к спискам I разряда III редакции хронографов.⁶

¹ И. М. Снегирев. Лубочные картинки в Московском мире. М., 1861, стр. 59.

² А. Н. Афанасьев. Русские народные сказки, т. IV. Изд. 4-е, М., 1911, стр. 244.

³ А. И. Яцимирский. Шемякин суд. Энцикл. слов. Брокгауза и Эфрона, полугом 77, стр. 463.

⁴ П. М. Строев, Тр. Общ. ист. при Моск. унив., 1828, ч. IV, стр. 120.

⁵ История государства Российского, т. VII, примеч. 343; т. VIII, примеч. 336; т. IX, примеч. 66, 356, 394, 648; т. X, примеч. 136.

⁶ А. Попов. Обзор хронографов русской редакции, вып. II, М., 1869, стр. 151.

2. Хронограф Сергея Кубасова¹ — „Гранограф сиречь Летописец от сотворения света“, по Демидовскому списку в библиотеке Московского университета. Демидовский список был описан К. Ф. Калайдовичем,² в настоящее время эта рукопись утрачена. А. Попов относит исторический сборник Кубасова к хронографам особого состава.³

3. Хронограф Столяра,⁴ названный так по имени владельца, у которого Карамзин купил этот сборник. Рукопись в лист, XVII в., писанная скорописью на 729 листах. Русские известия заканчиваются 1613 г. и далее следуют приложения: а) 522 л. — Краткий летописец, с 1604 по 1628 г.; б) 533 л. — выписка из Степенной книги; в) 643 л. — Разрядный список с 1632 по 1646 г.; г) 660 л. — Краткий летописец, 1613—1667 гг.; д) 716 л. — „Ведомость о Китайской земле и о глубокой Индеи“, сочиненная в 1669 г. Сборник этот принадлежал Спасского монастыря в Арзамасе игумену Корнилию. На переплете рукой Карамзина написано: „Столяр...“ А. Попов относит Хронограф Столяра к „Хронографам особого состава“.⁵ Хронограф Столяра с 1838 г. принадлежал Археографической комиссии, а в 1878 г. в числе других рукописей Карамзина был передан в Публичную библиотеку.

4. Хронограф Ключарева.⁶

В 1838 г., вдова историографа, Е. А. Карамзина передала рукописи покойного мужа в распоряжение Археографической комиссии. Из реестра рукописей Карамзина, который составил главный редактор и член Комиссии Я. Беренников, следует, что из Карамзинского собрания хронографов сохранились к 1838 г. только четыре сборника:

1. Хронограф Столяра.

2. Хронограф, в лист, XVII в., писан скорописью на 795 лл. Русские события изложены до 1618 г. В конце приложена „Краткая родословная книга“. Сборник принадлежал думному дворянину Федору Ивановичу Чесоданову.

3. Хронограф, в лист, XVII в., писан скорописью на 801 лл. Русские события описаны до 1649 г. Приложения: а) 757 л. — „Повесть о некоем калугере именем Феодоре“; б) 760 л. — „Повесть о рождении Петра Великого“, без конца, писанная позднейшим почерком; в) 763—773 лл. — вpletена новая тетрадь, писанная почерком XVIII в.: „История о начале Русския земли и о сдании Новагорода, и откуда влечашесь род словенских князей“.

4. Хронограф, в лист, конца XVII в., писан скорописью, на 732 лл. Русские события изложены до 1613 г. На переплете рукой Карамзина: „опрошнина, время царя Ивана Васильевича“.⁷

В 1878 г. эти четыре списка хронографов вместе с остальными рукописями историографа были подарены Публичной библиотеке сыновьями Н. М. Карамзина.⁸

¹ История государства Российского, т. I, примеч. 289; т. IX, примеч. 3, 135; т. XI, примеч. 205, 308; т. XII, примеч. 2.

² К. Ф. Калайдович. Русские достопамятности. Изд. Моск. общ. ист. и древн. I, М., 1315, стр. 170—175.

³ А. Попов, II, стр. 231.

⁴ История государства Российского, т. XII, примеч. 46, 47, 61, 64 и др.

⁵ А. Попов, II, стр. 252.

⁶ История государства Российского, т. XII, примеч. 67, 182, 350, 352, 520, 529.

⁷ Протоколы заседаний Археографической комиссии 1835—1840 гг., вып. I, СПб., 1885, стр. 297—298, Протокол заседания 16 августа 1838 г.

⁸ В. С. Иконников. Опыт русской историографии, т. I, кн. 1, Киев, 1891., стр. 801.

Русские статьи до 1453 г. во всех указанных сборниках непосредственно примыкают к тексту редакции Хронографа 1512 г.

Известные в настоящее время 53 списка этой старшей из дошедших до нас редакций Хронографа восходят к архетипу, который лучше всего передается чтениями так называемой I группы полных списков редакции 1512 г.: список Публичной Библиотеки F. IV, 178 и его продолжение; список ОЛДП из собрания князя Вяземского № ХСVII; список Румянцева № 461.¹

В этом старшем чтении редакции Хронографа 1512 г. в гл. 205 „Великое княжение Московское“ мы находим краткие известия о Д. Ю. Шемяке, а именно: упоминается о ссоре на свадьбе Василия Васильевича, убийстве Семена Морозова, битве великого князя с Юрьевичами на реке Куси и о заточении Шемяки в Коломне в 6944 г. Повествование о Шемякиной смуте продолжается в гл. 207, где есть известия о походе Василия Васильевича в 6950 г. против Шемяки в Углич, ослеплении великого князя, изгнании Дмитрия Юрьевича из Москвы, столкновении великого князя с Дмитрием Юрьевичем под Ярославлем и, наконец, о поражении, нанесенном Шемяке в 6958 г. под Галичем, и бегстве последнего в Новгород.

Летописный рассказ о Д. Ю. Шемяке во всех списках Хронографа 1512 г. заканчивается следующей фразой: „В лето 6958 князь великий Василей Васильевич бился в Галиче с князем Дмитрием Шемякою гедваря в 27 день, и поможе бог великому князю, а Шемяка убежал в великий Новгород“ (исключение представляет только список Публичной библиотеки, Погодина № 1443, в котором после упомянутой фразы имеется известие о смерти Шемяки в Новгороде 1453 г.).²

Русские статьи, в которых содержатся известия о Д. Ю. Шемяке, в хронографах редакции 1617 г. и редакции, возникшей позднее 1620 г., по своему происхождению представляют только сокращения соответствующих статей редакции 1512 г. В редакциях 1617 и 1620—1646 гг. сохранилось только три известия о Д. Ю. Шемяке: ослепление Василия Васильевича, столкновение великого князя с Шемякой под Ярославлем и бегство Шемяки в Новгород после поражения под Галичем.³

Источником для русских статей Хронографа редакции 1512 г. от 6901 до 6959 г. послужили выписки из летописи, близкой по своему составу к I Софийской.⁴

¹ С. П. Р о з а н о в. Хронограф редакции 1512 года. Летопись занятий Археографической комиссии за 1905 г., вып. XVIII, СПб., 1907, стр. 16.

² А. П о п о в. Изборник славянских и русских сочинений и статей, внесенных в Хронографы русской редакции, М., 1869, стр. 76 и 81 (по спискам XVI в. — Погодина №№ 1439—1443; Эрм. № 2; Щапова и трем спискам, принадлежащим издателю, под №№ 1—3).

³ А. П о п о в. Изборник... стр. 159; по списку Московской синодальной библиотеки № 135, XVII в.

⁴ А. П о п о в. Обзор хронографов русской редакции, вып. II. М., 1869, стр. 62.

Таким образом, в хронографах всех трех редакций, из которых последняя возникла в 30—40-х годах XVII в., нет да и не могло быть каких-либо свидетельств о Шемякинском суде, ибо подобных известий мы не находим и в единственном источнике интересующих нас статей хронографа, а именно в Летописной повести о Шемякиной смуте.

В IX, X, XII и особенно XI томе „Истории государства Российского“ Карамзин ссылается в примечаниях на хронографы вообще, не указывая при этом названий рукописных сборников, служивших ему источниками.¹ Такая общая ссылка на хронографы объясняется, повидимому, тем, что Карамзин подчас затруднялся в определении названия разнообразных рукописных сборников, из которых большинство впервые привлекалось им как исторический источник. Карамзин сам сомневался в правильности своей классификации списков хронографов и в своем письме к Строеву в 1818 г. писал: „Хронографы разных сочинителей: отвечаю вам за три, в которых известия и порядок различны“.²

Принимая во внимание сказанное выше о I, II и III редакциях Хронографа, мы имеем все основания предполагать, что под хронографом в примечании 338 т. V „Истории государства Российского“ следует подразумевать неизвестный исторический сборник второй половины XVII в.,³ который, повидимому, был утрачен еще в начале XIX в.

Доказательством для такого определения источника к примечанию 338 служит мнение самого Карамзина, который под хронографами подразумевал не только I, II и III редакции хронографа, но и разнообразные исторические компиляции XVII в.: „Так называемые Хронографы, или всеобщая история по византийским летописям, со внесением и нашей весьма краткой. Они любопытны с XVII века, тут уже много подробных современных известий, которых нет в летописях. Доныне еще не издано ни одного хронографа: они разных сочинителей, и тем любопытнее“.⁴

Наконец, текст самой цитаты из неизвестного хронографа содержит указание на то, что подобная запись в сборнике могла быть сделана не ранее 60-х годов XVII в.: „От сего убо времени в Велицей России...“ Искусственное, риторическое название „Великая Руссия“ или равнозначная ему форма „Великая Россия“ впервые упоминается в первопечатном Апостоле 1556 г. и „Чине венчания“ царя Феодора Иоанновича 1584 г. Значение географического и политического термина словосочетание „Великая Руссия“ приобретает не ранее 1654 г., когда произошло воссоедине-

¹ История государства Российского, т. III, примеч. 8; т. V, примеч. 338; т. IX, примеч. 3; т. X, примеч. 137 и др.

² Н. П. Барсуков. Жизнь и труды П. М. Строева. СПб., 1878, стр. 43.

³ В доказательство укажем, что эта цитата Карамзина из мнимого „Хронографа“ имеется в рукописном сборнике XIX в. „Книга глаголемая летописец“, Гос. Литерат. музей, собрание Титова, № 3243, л. 80 (сборник этот указан нам В. И. Малышевым).

⁴ История государства Российского, т. I, стр. XXXV, и примеч.; см. также заметку Карамзина „об издании Хронографов“ за подписью „Неизвестный грек“: — Сын отец, 1816, ч. 27, № 6, отдел „Смесь“, стр. 254—256.

ние Украины с Московским государством. Именно в этом 1654 г. в царском титуле по повелению Алексея Михайловича появляется формула: „самодержец всея Великия и Малыя России“. В приказных документах это новое название государства утвердилось только в 90-х годах. Так, например, еще в 1688 г. особый „Великороссийский приказ“ исключительно ведал делами Слободской Украины с полками ахтырским, сумским, харьковским и изюмским.¹

Замечание А. Н. Пыпина, что „в одном месте книги Каменевича-Рвовского Шемякин суд относится опять ко временам князя Василия Васильевича“,² не только не противоречит нашим наблюдениям, но, наоборот, подтверждает мнение о случайном и позднем происхождении известной цитаты из „старого хронографа“.

В Синодальной библиотеке, в сборнике Никодима Селлия №№ 963—965 (у Карамзина по старому каталогу № 529) в 4° находится обширная компиляция, которая в научной литературе носит краткое название „О древностях Российского государства“. В этом сборнике помещены и два сочинения Каменевича-Рвовского с такими пышными заглавиями:

1. „Книга, именуемая история еллиногрецкая и грекословенская, в память предъидущим родом, от кого и в кая лета зачаса наша Словено-Русская земля и кто въ ней первый начат княжити... нынешнего 192 августа дня 6 новоизследовася и исправися леты, съческих и сербских историков, и книг великих и повестописательных, Стриковского и Нестора руского, летописцов изящных; — смиреннейшим иеро-кенъселиром троицким, молодежским, покровским Рвовским, царьским, кафолицким Каменевичем, жительствующим в Углече Польсте, на юстии Мологи в монастыри святом Холопи, безмертия тезоименитом тако именуемом“ (№ 946, лл. 166—181).

2. „Историчествующее и древнее описание и сказание всем вамъ есть во указание: о начале родов Московского рода и славенороссийского превеликаго народа, и о преименовании их, и о зачале превеликих градов их, царствующаго и превеликаго и первопробытнаго града Москвы, и государствущаго второпредбытнаго же Великаго Новаграда; и о древности первопробытнаго же ихъ здания и именовзвания известнейшее летописание и первопробытное же о сихъ и правое мое сказание и основание ихъ бывшее. Сице сущее предлагаю во уведение слышащим и во предъуверение сия чтущим“ (в конце этого „Описания“ сказано, что оно „сочинено в 7207 году Тимофеем Кифичем или Каменевичем, диаконом монастыря Холопиаго на усть Мологи“) (№ 964, лл. 494—517).³

Одни эти заглавия изобличают Рвовского как типичного представителя „исторического баснословия“ XVII в. Дальнейшее повествование этого писателя представляет пестрое собрание самых причудливых исто-

¹ Лакиер. История титула государей российских. ЖМНП, 1847.

² Архив Калачова, 1859, кн. 4, отд. V, стр. 6.

³ Библио-логический словарь П. М. Строева, СПб., 1882, стр. 161; Словарь Евгения, т. II, стр. 265; Обзор Филарета, стр. 368.

рических „басен“ вроде того, что „брат словенов, Рус, основал город Русу и назвал там одну реку Порусью, а другую Полистою: так именовались жена и дочь его. Потомки сих князей обогатились и прославились мечем своим, завладев всеми странами северными до Ледовитого моря и желтовидных вод, и за высокими каменными горами в земле Сибири до Оби, и до устья беловидных, млечных реки, где ловят зверя дынку или соболя. Они воевали в Египте, в странах Иерусалимских, Еллинских и варварских; мир ужасался их храбрости. Во время Александра македонского управляли словенами и Руссами князья Великосан, Асан, Авехасан...“; или, что Мосох, сын Иафетов, был первым князем и патриархом России и имел „прекрасную жену именем Ква“, „сына Я“ и „дочь Взу“, откуда и пошли названия города Москвы, основанной тем же Мосохом, и реки Яузы.

Карамзин в „Истории государства Российского“ (откуда, между прочим, и заимствовал Пыпин свое известие из Каменевича-Рвовского) иронически называет Рвовского „забавным“, а его сочинения „баснями“ и „сказками“.¹

В. М. Перевощиков первый указал, что „нелепые сказки“ Рвовского послужили источником для пресловутой Иоакимовской летописи, которая была напечатана Татищевым.²

Другие сочинения Тимофея Кифича (Каменевича) Рвовского: переделка „Повести о семи мудрецах“,³ четыре проповеди и послание к Кариону Истомину „Божий град“, написанное прозой и силлабическими виршами, — также отличаются, по словам Сироева, „превеликим многословием и пустословием“.⁴

Известие о Шемякином суде мы находим на 517 л. упомянутого выше „Историческую и древнего описания и сказания...“ Каменевича-Рвовского в сборнике „О древностях Российского государства“: „На устии славные Мологи реки древле были торги великие, даже и до дней грозного Господаря Василия Васильевича Темного, усмирившаго Русскую землю всю от разбоев правдою скиптродержавства своего, и во время его, прежде Шемякина суда, бывшего на него Государя“.⁵

Из этой цитаты не трудно заметить, что Каменевич-Рвовский подразумевает под „Шемякиным судом“ ослепление великого князя. Источники XV—XVI вв., как мы видели выше, никогда не называют „судом“

¹ История государства Российского, т. I, примеч. 70, 91, 377; т. II, примеч. 301; т. IV, примеч. 323; т. IX, примеч. 391.

² В. М. Перевощиков. О русских летописях и летописателях по 1240 год. Тр. имп. Росс. Акад., ч. IV, СПб., 1841, стр. 95.

³ Списки Гос. Публ. библ., собр. Толстого, отд. II, №№ 181, 215 и 370.

⁴ В. Лествицын. Каменевич-Рвовский, мологский проповедник XVII века. Яросл. епарх. вед., 1875, № 9, стр. 65. — А. Титов. Рукописи В. Вахромеева, вып. II, М., 1892; он же. Два поучения Каменевича-Рвовского, М., 1892; Библиогр. зап., 1892, № 3; Ист. вестн., 1897 г., т. 67, стр. 1012—1014.

⁵ Ф. Гилляр о в. Предания русской начальной летописи. М., 1878, стр. 39.

заговор удельных князей против Василия Темного, да и трудно предположить, чтобы события княжеской междоусобицы, столь обычные для той поры, могли носить в устах современников такое мало подходящее название, как „суд“.

Не менее важно и то соображение, что Рвовский писал свое сочинение в 1699 г., и потому, рассказывая о событиях 1446 г., должен был пользоваться какими-то источниками. Благодаря А. Д. Черткову стал известен и один из источников, которым пользовался Рвовский в своих исторических сочинениях, а именно „сказание о начале града Москвы и о великом князе Данииле Александровиче“.¹

Нет необходимости доказывать, что те немногие исторические факты, которые можно было бы найти в повестях о начале Москвы и в некоторых других полуполюгендарных источниках, в сочинении Рвовского бесследно затерялись среди квази-исторических домыслов и многословных риторических украшений.

Таким образом, известие Каменевича-Рвовского о Шемякином суде представляет ценность только как свидетельство современника о бытовании одноименной повести в 1699 г., но это же известие никак не может служить историческим источником при исследовании событий Шемякиной смуты XV в. и поэтому не заслуживает доверия.

Упоминание о „Шемякином суде“ в сочинении Каменевича-Рвовского и в неизвестном историческом сборнике, который цитировал Карамзин в примечании 338 т. V „Истории государства Российского“, до некоторой степени объясняет и происхождение этой „пословицы“ о „неправедном суде“.

Мы указывали уже выше, что отождествление имени „неправедного судьи“ с галицким князем Д. Ю. Шемякой, которое мы находим в названных двух памятниках конца XVII в., не подтверждается документами XV и XVI вв.

С. М. Соловьев, следуя за Карамзиным, объяснял происхождение „пословицы о Шемякином суде“ тем впечатлением, которое произвели на московских жителей Шемяка и его сподвижники-галичане: окруженный в Москве врагами, Шемяка вынужден был в своей деятельности, в том числе и судебной, уступать требованиям князей-союзников и дружины в ущерб интересам москвичей, поэтому в памяти последних понятие о неправедном суде связалось с именем Шемяки.² Предложенное

¹ По списку Новгородской летописи XVII—XVIII в., напечатанному Чертковым, см. „Врем. Моск. общ. ист.“, XI, стр. 25—29; см. также Х. Лопарев. Повесть о смерти князя Даниила Александровича и о начале Москвы. Отчеты о заседаниях ОЛДП в 1899—1900 гг., СПб., 1901, Памятники древней письменности и искусства, № СХП, стр. 15—34; С. К. Шамбинаго. Повести о начале Москвы. Тр. Отд. др.-русс. лит. ИРЛИ АН СССР, т. III, М. — Л., 1936, стр. 76—92.

² С. М. Соловьев. История России с древнейших времен, т. IV, стр. 75—76.

С. М. Соловьевым объяснение генезиса „пословицы“ о Шемякином суде было принято впоследствии К. Н. Бестужевым-Рюминым,¹ А. А. Экземплярским² и В. С. Иконниковым.³

Такое объяснение „пословицы“ о Шемякином суде страдает логической ошибкой порочного круга, ибо Соловьев пытается объяснить „пословицу“ бесчинствами Д. Ю. Шемяки, преждевременно считая судью Шемяку и вероломного соперника Василия Темного одним и тем же лицом, хотя именно причастность этого галицкого князя к „кривосуду“ прежде всего нуждается в доказательстве. Не менее сомнительным в толковании Соловьева кажется и то запоминающееся „впечатление“, которое будто бы произвела на москвичей судебная деятельность Дмитрия Юрьевича и галицких бояр, так как чрезвычайно трудно предположить, что удельный князь, который на несколько месяцев занял Московский великокняжеский престол, мог бы создать какое-то своеобразное судопроизводство; и, наконец, из того достоверного факта, что галицкие бояре притесняли москвичей, также невозможно сделать вывод о влиянии княжеской междоусобицы на состояние примитивного судостроительства XV в., которое всегда преследовало интересы „княжьей казны“.

Таким образом, несмотря на внешнее правдоподобие, интерпретация Соловьева основана на субъективных домыслах ее автора, и в этой связи такое толкование „пословицы“ очень напоминает целиком вымышленное описание „Шемякина суда“ в романе П. Свиньина: „Суд и расправа достались в руки людей пронырливых и неспособных, сделавшихся орудием других. Следствием сего было криводушие и лихоимство... К особенностям княжения Шемяки должно заметить, что как он, так и его тиуны умели придавать вид законности самым кривым, вопиющим решениям, и, к несчастью, положили основание науке толковать и применять законы к своим видам и выгодам, науке, которая увы! до поздних времен имела большое число учеников на святой Руси! Злопамятное предание сохранило некоторые примеры сих пристрастных решений Шемяки, кои удивляют утонченностью крючкотворства и вместе наглостию. Мы хотели было рассказать оные при сем случае, но побоялись, чтоб кривосуды не растолковали их иначе, ... для того скажем только, что всякая несправедливость оттоль стала называться «Шемякиным судом»“.⁴

Итак, попытки всех исследователей, которые стремились объяснить генезис пословицы или поговорки о кривосуде „воспоминаниями“ о Д. Ю. Шемяке, оказались безуспешными, и поэтому с уверенностью

¹ К. Н. Бестужев-Рюмин. Русская история, т. I, СПб., 1872, стр. 414.

² А. А. Экземплярский. Великие и удельные князья Северной Руси в татарский период с 1233 по 1505 год, т. II, СПб., 1889, стр. 243.

³ В. С. Иконников. Опыт русской историографии, т. II, кн. 2. Киев, 1903, стр. 1808, примеч. 3.

⁴ П. Свиньин. Шемякин суд или последнее междоусобие удельных князей русских, ч. IV. М., 1832, стр. 57—58.

можно считать, что нарицательное имя „Шемякин суд“ возникло без влияния преданий о галицком князе XV в.

Поговорка о Шемякином суде, подобно многим другим русским пословицам и поговоркам, возникла как сентенция, почерпнутая из литературного текста, а именно из одноименной повести XVII в. Отсюда следует вывод, что не поговорка хронологически предшествует повести, как это думали исследователи Шемякина суда, а наоборот: повесть старше пословицы или поговорки.

Генезис пословичного выражения „Шемякин суд“ может служить одним из многочисленных примеров такого распространенного в русском фольклоре явления, как сокращение сказки в пословицу и поговорку; такую аналогию, которая объясняет возникновение поговорки о Шемякином суде, представляет, например, сказочное происхождение украинской поговорки: „Товчетця, як Марко по пеклу“, которая восходит к сказке о Марке Богатом; поговорки: „Прямой дурак“, „Дурному горя мало“, „И бог за дурнем“—являются непосредственным заимствованием из сказок о дурнях; наконец, Л. Э. Колмачевский убедительно доказал, что многие пословицы имеют своим источником сказки о животных.¹

Популярностью повести „Шемякин суд“ в конце XVII в. можно объяснить и „исторические“ домыслы Каменевича-Рвовского и составителя карамзинского Хронографа о „судах“ галицкого князя Дмитрия Юрьевича: оба эти автора XVII в., основываясь на совпадении имен обоих Шемяк, без труда перенесли „кривосуд“ с имени литературного героя на исторического князя XV в., который был хорошо им известен по летописной повести о Шемякиной смуте.

Мы неоднократно подчеркивали выше, что имя судьи в повести только внешне совпадает с прозвищем галицкого князя Дмитрия Юрьевича, исключая тем самым возможность существования исторической связи между героем „Шемякина суда“ и этим удельным князем XV в. Мы отказываемся также и от поисков других исторических прототипов для образа лихоимного судьи XVII в., хотя бы уже потому, что очень многие исторические лица той поры носили имя Шемяка.

Историческая интерпретация имени Шемяка вызывает много затруднений, ибо сюжет повести о Шемякином суде в процессе своего бытования мог применяться к разным историческим личностям.

Насколько превратна в этом отношении судьба некоторых сюжетов, свидетельствует, например, история сказок об Иване Грозном, записанных Коллинзом в XVII в.: сказка „О лапотнике“ (по Указателю Аарне-Андреева № 921) и сказка „О царе и воре“ (Аарне-Андреев, №№ 950

¹ Л. Э. Колмачевский. Животный эпос на Западе и у нас. Казань, 1892, стр. 30—35. — См. также: А. Н. Пыпин. О русской народной сказке. Отеч. зап., 1856, № 5, стр. 25; Ф. И. Буслаяев. Русский быт и пословицы. Исторические очерки русской народной словесности и искусства, т. I, СПб., 1861, стр. 91.

и 951).¹ Сказка „о царе и воре“, связанная в этой записи XVII в. с именем Грозного, через несколько десятилетий рассказывалась уже по поводу действий Петра I: таковы записи той же сказки в протоколах показаний обвиняемых в тайной канцелярии в 1730, 1745, 1752 и 1754 гг., т. е. буквально спустя несколько лет после смерти Петра I.²

Не трудно заметить, что фольклорная традиция приурочивает некоторые сказки и анекдоты к имени того или иного лица очень часто вопреки исторической действительности, основываясь при этом на сходном отношении к сближаемым героям.

Судьба сказки об Иване Грозном в записи XVII в. составляет важный прецедент при истолковании имени судьи Шемяки, ибо повесть о Шемякином суде по своей жанровой природе также представляет новеллистическую сказку.

Интересно отметить, что „Шемякин суд“ не является единственной оригинальной повестью XVII в., герой которой носит „историческое“ имя. Аналогичное явление находим мы в повести о Карпе Сутулове, в основе которой тоже лежит сказочный сюжет, и в повести о Савве Грудцыне: фамилии Сутулова³ и Грудцына⁴ в одноименных повестях также совпадают с именами крестьян и купцов XVII в., известных из исторических документов.

Подобная аналогия в известной мере убеждает нас в том, что признание герою повести имени Шемяка вряд ли может быть объяснено только прямым влиянием исторического события и что здесь скорее имеет место особый литературный прием, бытовавший в XVII в. Внешнее выражение этого приема состоит в том, что авторы повестей XVII в. обильно включали в свое повествование разнообразные реалии современного им быта и поэтому, между прочим, избегали вымышленных имен для своих героев.

¹ Samuel Collins. The present State of Russia in a letter to a friend at London... London, 1667, русский перевод П. В. Киреевского в „Чтениях Общ. ист. и древн. рос. при Моск. унив.“, 1846, № 1, стр. 1—41, и „Русский вестник“, 1811, кн. 7, стр. 161—162 и кн. 9, стр. 567—594; см. также Dictionary of National Biography, vol. XI, 1921, стр. 375—376.

² В. Ф. Миллер. К песням, сказкам и преданиям о Петре Великом. Русск. филол. вестн., т. LXI, 1909, № 1, стр. 40 и сл. — П. К. Симоны. Сказки о Петре Великом в записях 1745—1754 гг. Жив. стар., 1903, вып. I—II, стр. 225.

³ Гридя Иванов сын Сутулова, крестьянин близ Вологды — Акты юрид., 171; Ю. М. Соколов. Повесть о Карпе Сутулове, М., 1914.

⁴ Имена московских и устюжских купцов: Якима Грудцына, сосредоточившего в своих руках 1/23 всех капиталов в Московской сотне, Алексея Грудцына, который закупил „с товарищи“ 12327 с половиною четвертей хлеба, а также Ивана, Степана, Силы и Василия Грудцыных — были достаточно известны в Московском государстве XVII в. См.: Е. Сташевский. Пятна 142 г. и торгово-промышленные центры Московского государства. ЖМНП, № 5, 1912, стр. 113; А. А. Титов. Летопись Великоустюжская, М., 1889, стр. 66; М. О. Скрипиль. Повесть о Савве Грудцыне. Тр. Отд. арх.-русск. лит. ИРЛИ АН СССР, т. II, М.—Л., 1935, стр. 193—194.

Такое стилистическое использование собственных имен характерно для памятников сатирической литературы XVII в. вроде „Калязинской челобитной“ и „Праздника кабацких ярыжек“, в которых имена героев составляют только колоритную деталь в общей „натуралистической“ картине „кабацкого разорения“ и „монастырского разгула“, нарисованной их авторами. Героями „Калязинской челобитной“ оказываются по замыслу автора этой пародии известные исторические личности: Симеон, архиепископ Тверской и Кашинский (с 16 апреля 1676 г. до июня 1681 г.) и его современник Гавриил, архимандрит знаменитого Троицкого Калязина монастыря.¹

Имена пьяниц в „Празднике кабацких ярыжек“ — Розянка, Кокорка, Трус, Куреха, Гомзин и Черный — также засвидетельствованы в документах XVI—XVII вв. на северо-востоке России; появление в сатире этих имен, известных только на северо-востоке Московского государства, тем более естественно, что автор „Праздника кабацких ярыжек“ сам, повидимому, был жителем Сольвычегодского края.²

Все эти наблюдения над отражением исторической действительности в сказках и повестях XVII в. заставляют нас быть особенно осторожными в интерпретации имени судьи в повести „Шемякин суд“, тем более, что в этой повести мы имеем не определенную фамилию вроде „Грудцын“ или „Сутулов“, а только распространенное в XVII в. русское имя сказочного героя.

Решение проблемы взаимоотношений исторической действительности и народного предания в данном случае означало бы уяснение историзма сказки, т. е. того, в какой мере сказка может служить историческим источником для характеристики легендарной личности и в чем проявляется это соответствие между исторической действительностью и сказочным повествованием. Историческую действительность в сказке необходимо искать не в бытовых деталях ее сюжета и не в самой фабуле, но в общем отношении к действительности, т. е. в той оценке, которую сказочник дает своему герою. Сказки об Иване Грозном³ являются историческими не потому, что в них имеются реалии XVI в., а потому, что в них выражается отношение народа к деятельности Грозного, которое сказалось в отборе определенных сюжетов, объединенных в цикл вокруг личности легендарного царя. Творчество народа отличается верным пониманием истории, которое побуждает народных сказителей приурочивать к своему герою лишь те издавна знакомые сказки и анекдоты, которые действительно отвечали народному пониманию истори-

¹ П. М. Строев. Списки иерархов и настоятелей монастырей Российской церкви. СПб., 1877, стр. 448. — Л. Денисов. Православные монастыри Российской империи. М., 1908, стр. 826—829.

² Н. М. Тупиков. Словарь древнерусских личных собственных имен. СПб., 1903. — В. П. Адрианова-Перетц. Очерки по истории русской сатирической литературы XVII века. М.—Л., 1937, стр. 54.

³ Древняя и Новая Россия, 1876, № 4, стр. 313—323.

ческого лица. В таком именно, и лишь в этом, смысле и сказки могут служить исторической характеристике. Такое понимание историзма объясняет, почему одни и те же сказки приурочивались то к имени Ивана Грозного, то к имени Петра I: народ видел нечто общее в деятельности обоих царей¹ и, выражая свои симпатии к обеим историческим личностям, он приурочивал к именам Ивана Грозного и Петра I одинаковые сказки.

Эти выводы можно распространить и на повесть о Шемякином суде, ибо эта сказочная повесть XVII в. имеет типологическое родство с современными ей новеллистическими сказками об Иване Грозном. В таком случае все „исторические“ аналогии между вероломством галицкого князя Дмитрия Юрьевича и крючкотворством судьи Шемяки теряют какой-либо смысл, потому что сказочный сюжет повести есть продукт художественного вымысла, а не предание о каком-то историческом событии.

Рассуждая таким образом, мы должны будем признать, что, вопреки мнению прежних исследователей,² склонных видеть „историзм“ повести в одном только имени Шемяка, это имя судьи представляет наиболее сомнительную историческую реалию в тексте „Шемякина суда“, особенно если сравнивать этот факт с достоверными свидетельствами из истории судопроизводства XVII в., которые имеются в этой повести. Что же касается ответа на вопрос: почему же все-таки автор повести избрал имя Шемяки, а не какое-то другое для своего одиозного героя, олицетворяющего приказное взяточничество и крючкотворство, то здесь возможны только предположения, которые, однако, будут более соответствовать исторической действительности, чем досужий вымысел представителей „исторического баснословия“ XVII в. о галицком князе Дмитрии Юрьевиче.

Так, например, естественно будет предположить, что легендарную личность неизвестного нам судьи Шемяки (если такой вообще существовал) нужно искать не среди удельных князей XV в., весьма далеких от приказного суда Алексея Михайловича, а между деятелями московских приказов эпохи, современной автору повести. И действительно, среди многих Шемяк мы можем указать на князей Шаховских-Шемякиных, четверо из которых, как мы указывали выше, были судьями в Московском судном, Владимирском судном, Холопьем, Новой чети и Разбойном приказах в середине XVII в. и, следовательно, могли быть возможными, хотя и мало вероятными прототипами для литературного героя повести. От других гадательных гипотез мы отказываемся.

¹ И. Сенигов. Народное воззрение на деятельность Иоанна Грозного. СПб., 1882, стр. 9.—В. Кордт. Чужоземні подорожні по східній Європі до 1700 р. Киев, 1926, стр. 126.

² М. И. Сухомлинов. Шемякин суд. Сб. ОРЯС АН, т. 85, СПб., 1908, стр. 665.—Ю. М. Соколов. Русский фольклор. М., 1941, стр. 343.

Заканчивая этим исторические разыскания о Шемяке и Шемякином суде, мы считаем возможным сделать следующие выводы.

1. Слово „Шемяка“ в XVI—XVII вв. было распространенным русским „мирским“ именем и уже поэтому всякие сближения имени героя повести „Шемякин суд“ с историческими Шемяками, основанные на одном только внешнем совпадении имен, теряют всякий смысл.

2. Вопреки мнению Н. А. Плеваго, А. Н. Веселовского и А. С. Орлова о восточном происхождении имени судьи в повести, мы должны признать, что слово „Шемяка“ не имеет родственных параллелей в словаре тюркских, монгольских и финских языков, и поэтому будет правомерным предположение, объясняющее этимологию имени Шемяка из лексики диалектов русского языка.

3. Свидетельство загадочного „старого хронографа“, на которое ссылался Карамзин, в действительности оказывается позднейшей интерполяцией, сделанной не ранее конца XVII в. в неизвестном историческом сборнике, отличном по своему тексту от хронографов редакции 1512, 1617 и 1620—1646 гг.

4. Упоминание о Шемякином суде в „Историческую... сказании...“ Каменевича-Рвовского, написанном им в 1699 г., убеждает нас в том, что писатели конца XVII в., подобные Рвовскому, основываясь на совпадении имен обоих Шемяк, без труда „перенесли“ „кривосуд“ с имени героя популярной в то время повести на знаменитого галицкого князя XV в.

5. Поговорка о Шемякином суде возникла не из преданий о судебной деятельности Д. Ю. Шемяки, которые при ближайшем рассмотрении оказываются только субъективными домыслами С. В. Соловьева, а из текста одноименной повести, и поэтому повесть в данном случае старше поговорки.

6. Мнение М. И. Сухомлинова и Ю. М. Соколова, видевших „историзм“ повести „Шемякин суд“ в одном только имени судьи, представляется более чем сомнительным, потому что сказочный сюжет о судебных приговорах мог быть приурочен к разным историческим лицам, и к тому же судья в повести назван только по имени, а не по фамилии.

7. Из всего этого следует, что общепризнанное мнение исследователей „Шемякина суда“, которые усматривали в имени судьи отголосок предания о Д. Ю. Шемяке, должно быть отвергнуто как необоснованное, ибо такое отождествление имен возникло в научной литературе только благодаря доверчивому и некритичному отношению со стороны Карамзина к историческому баснословию XVII в.

Д. С. ЛИХАЧЕВ

Еллинский летописец второго вида и правительственные круги Москвы конца XV в.

Значение Еллинского летописца в русской средневековой литературе и в летописании еще недостаточно оценено. Исследования А. А. Шахматова, посвященные Русскому хронографу, перевели внимание исследователей именно на этот последний памятник русской хронографии, заслонив ценность Еллинского летописца. Между тем несомненно, что основное место в русской хронографии должно принадлежать не Русскому хронографу, а Еллинскому летописцу — самой крупной литературной энциклопедии русского средневековья.

Еллинский летописец сопутствует русскому летописанию на всем его протяжении. В одной из своих разновидностей (ее можно вслед за В. М. Истриным условно называть „Хронографом по великому изложению“) Еллинский летописец отразился в Повести временных лет, затем в Галицко-Волынской летописи и в житии Александра Невского. В других разновидностях он отразился в общерусском летописании начала XV в. (повлияв на „хронографическую“ часть Владимирского полихрона), в летописании второй половины XV в. (хронографический список Новгородской пятой летописи) и даже в летописании XVI в. (первый Остермановский том Лицевого свода). Его влияние оказывалось действенным даже в русской историографии XVII в. (ср. отмеченное А. Поповым сильное влияние Еллинского летописца на так называемый Хронограф второй редакции).

Искусство и эрудиция, проявленные составителями Еллинского летописца, были таковы, что А. А. Шахматов явно произвольно отказывался видеть в последнем произведение первых веков русской книжности. Резюмируя выводы своей статьи 1900 г. „Древнеболгарская энциклопедия X в.“, А. А. Шахматов писал: „Итак, мы видим уже в самом начале древнеславянской письменности стремление объединить в форме одной обширной энциклопедии почти всю переводную литературу того времени. Такая энциклопедия могла занимать тома три или четыре, и составление ее, конечно,

было возможно только благодаря щедрости царя Симеона¹. Последующие исследования В. М. Истрина неопровержимо доказали, однако, что Еллинский летописец возник в России еще в первые, домонгольские века русской письменности.²

Особое значение имеет второй вид Еллинского летописца, рукописи которого в основном древнее рукописей других видов Еллинского летописца. Второй вид Еллинского летописца уже в первой половине XIII в. оказал влияние на компилятивное „Пророчество Соломона“,³ на Хронографическую палею (в ее полном виде и отдельно — в кратком); в XV—XVI вв. Еллинский летописец второго вида оказал влияние на летописание, например на Лицевой свод XVI в.⁴ и на Русский хронограф. Этот последний при ближайшем рассмотрении оказывается составленным по схеме всемирной истории, предначертанной Еллинским летописцем второго вида, и на основании его же, в основном, материалов: заимствования Русского хронографа из Амартола, Малалы и некоторых других византийских хронистов, по существу, оказываются заимствованиями из Еллинского летописца второго вида.⁵

Несмотря на значительность Еллинского летописца, до сих пор он изучен весьма слабо. Препятствием служили: огромный объем этого памятника, сложность его состава, сложность истории его текста, насчитывающего более 500 лет действительного существования. В описаниях рукописных собраний Еллинские летописцы почти не определены и значатся большей частью под неопределенными терминами „хронограф“ или „библейские книги“.

Ввиду трудности изучения хронографов и Еллинских летописцев, в научной литературе неоднократно указывалось на необходимость привлечения к исследованию новых списков. Очень решительно высказался в этом смысле С. П. Розанов в заключении к своей работе „Заметки по вопросу о русских хронографах“: „Таким образом, первый и необходимый шаг на пути дальнейшей разработки вопроса о русских хронографах — приведение в наличность всего хронографического материала наших общественных и частных библиотек“. ⁶ Аналогично высказывались и другие исследователи.⁷

¹ Визант. врем., т. VII, вып. 1—2, 1900, стр. 34.

² В. М. Истрин. Летописные повествования о походах русских князей на Царьград. Изв. ОРЯС, т. XXI, кн. 2, 1916.—В. М. Истрин. Хроника Георгия Амартола, т. II. Изг., 1922, стр. 363 и сл.

³ В. М. Истрин. Из области древне-русской литературы. ЖМНП, 1903, октябрь, В. М. Истрин относит составление „Пророчества Соломона“ к 1234 г. См. поправку этой даты на 1246 г. у А. А. Шахматова: Новая хронологическая дата в истории русской литературы. ЖМНП, 1904, январь.

⁴ Влияние Еллинского летописца на позднюю летопись до сих пор, впрочем, не изучалось.

⁵ С. П. Розанов. Заметки по вопросу о русских хронографах. ЖМНП, 1904, январь.

⁶ ЖМНП, 1904, № 1, стр. 136.

⁷ См., например: В. М. Истрин. Особый вид Еллинского летописца из собрания Тихонравова. Изв. ОРЯС, т. XVII, кн. 3, 1912, стр. 2.

Рассматриваемый ниже Еллинский летописец второго вида в научной литературе по русской хронографии не упоминался. В „Описании Рукописного отделения Библиотеки Академии Наук СССР“, т. 3, вып. 1 (Л., 1930), составленном В. И. Срезневским и Ф. И. Покровским, он кратко описан на стр. 4.

Еллинский летописец хранится в Рукописном отделении Библиотеки Академии Наук СССР под шифром 33. 8. 13 (новые поступления — 985); список полууставом XV в. в два столбца на 298 листах in folio; филигранны — все второй половины XV в.;¹ приобретен в 1905 г. из собрания старообрядца Ф. Плигина. На л. 1 внизу на поле надпись: „Романа Котенева“. На первых двух нумерованных листах и на последнем, относящихся к переплету, и на тыльных сторонах переплета следующие надписи: на тыльной стороне верхней крышки переплета — „Собрание Ф. Плигина № 46“; на листе I карандашом, новым почерком — „Хронографъ. Клеймо бумаги 1450 году“; на листе II надпись начала XIX в., зачеркнутая крест-накрест — „Макея Котенева купца Коломецкого“; ниже более новым почерком — „1851 года марта 29 дня, куплена она у вдовы Анисьи Котеневой. Купецъ Никонъ Обуховъ“. В конце рукописи на листе III — проба пера; на тыльной стороне нижней крышки переплета карандашом — „298 лл. 1908 г.“ и красными чернилами внешние данные о рукописи, подписанные Е. Шиповой 27 апреля 1933 г. Сохранность рукописи хорошая, кое-где выцветший текст подведен чернилами почерком XVII — начала XVIII в. Оборваны с небольшой частью текста лл. 1, 80, 189, 198, 297. Уже после 1933 г. переплет, а также несколько последних листов незначительно изъедены шашелем.

Начала рукописи недостает. По старому счету она начинается с листа 434, с окончания „Слова ѿ Тархвинии царе“ — точнее, с его последней части, имеющей подзаголовок „Царство Малеоне в Риму и о убиении Фебруариа“.² Первые слова рукописи: „из града римска тѣ болярин умре, пожерт преисподним богом...“ Заканчивается рукопись полной статьей (л. 297 об.) „О Казарине и о жене его“.

По своему составу Еллинский летописец 33. 8. 13 Библиотеки Академии Наук СССР (в дальнейшем сокращенно обозначаем — БАН) принадлежит ко второму виду (по классификации А. Попова, В. М. Истрина и А. А. Шахматова). А. Поповым введены в научный оборот следующие древнейшие списки Еллинского летописца второго вида (со времени выхода исследования А. Попова число этих рукописей не пополнялось, хотя и указывались некоторые рукописи, близкие ко второму виду Еллинского летописца):

¹ Разные типы головы быка с короной. Briquet, № 14573 — последняя четверть XV в.; № 14578 — также; № 14572 — 1467 г.

² Безинтересно, что принадлежащий к тому же типу, что и список БАН 33. 8. 13, Кирилло-белозерский ¹/₆, представляющий собой первую часть списка Синодального № 86, заканчивается на той самой статье, с середины которой начинается список БАН. Не был ли список БАН разделен для целей переписки и не представляет ли Кирилло-белозерский список копию с несохранившейся его первой части?

1. Чудовской № 51/353 половины XV в. Описан М. Н. Сперанским: Библиографические материалы, собранные А. Поповым. Чтения в Общ. ист. и древн. рос., 1889, кн. III. Находится в Государственном Историческом музее в Москве. В дальнейшем обозначаем буквой Ч.

2. Пискаревский (б. Румянцевский музей, № 597) 1485 г. Описан А. Е. Викторовым в „Каталоге славяно-русских рукописей Д. В. Пискарева“, М., 1871. Хранится в Библиотеке им. Ленина. В дальнейшем обозначаем буквой Р.

3. Кирилло-белозерский список 1/6¹ XVI в. Хранится в Государственной Публичной библиотеке им. Салтыкова-Щедрина в Ленинграде; его продолжение —

4. Синодальный № 86 XVI в. Хранится в Государственном Историческом музее в Москве. Обе последние рукописи имеют на полях одинаковую запись: „В лета 6705 в дом Пречистой и Кирилу чудотворцу белозерскому дал сию книгу владыка Касян рязанскы и муромскы“. В дальнейшем Кирилло-белозерский список 1/6 и Синодальный № 86 обозначаем буквой К.

Списками Ч, Р и К пользовался В. М. Истрин в своем издании „Александрии русских хронографов“ (текст Александрии опубликован им под названием второй редакции). К описанию списка Ч, данному А. Поповым, В. М. Истрин сделал следующее примечание: „с своей стороны добавлю, что на бумаге виден водяной знак, который у г. Лихачева (Бумажные мельницы) отмечен годом 1448 (№ 601)“.²

Попробуем установить отношение списка БАН к спискам Ч, Р и К.

Все перечисленные выше списки отчетливо разбиваются на две группы. К первой и древнейшей относится список Ч. Он отличается некоторыми особенностями текста, менее подвергшегося влиянию югославянской орфографии, отчасти киноварными заголовками, часть из которых находится не в тех местах, что в списках Р, К и БАН, затем отсутствием множества небольших мест текста, имеющих в списках Р, К и БАН, и отличным от списков Р, К и БАН окончанием.

Различие в расстановке в тексте киноварных заголовков объясняется, очевидно, тем, что в общем протографе списков Ч, Р, К и БАН заголовки находились на полях рукописи и вносились в текст позднее — при переписке. Часть заголовков в списке БАН до сих пор находится на полях рукописи. Наблюдение это имеет некоторое значение для решения спорного вопроса о том, какой из видов Еллинского летописца является древнейшим. Заголовки, очевидно, вносились в текст позднее, и Еллинский летописец первого вида, где заголовков относительно мало, сохраняет в этом отношении более древний тип, чем Еллинский летописец второго вида.

¹ У А. Попова — Кирилло-белозерский 1 (Обзор хронографов русской редакции, вып. 1, М., 1866, стр. 2).

² Александрия русских хронографов. М., 1893, стр. VI.

Другое отличие группы *Р*, *К* и *БАН* от списка *Ч*, как мы отметили, заключается в обилии мелких добавлений (часто в 1—5 слов). Следует подчеркнуть следующее обстоятельство: многие из этих добавлений, читающихся в списках *Р*, *К* и *БАН*, соответствуют тексту Малалы, Амартола или Еллинского летописца первого вида. Ср., например, вставку из Малалы на листе 88 об. (вторая колонка) списка *БАН*, вставку из Амартола на л. 115 (вторая колонка) до л. 116 (вторая колонка), на листе 117 (первая и вторая колонка) и др. Вряд ли поэтому мы можем предполагать, что составитель протографа списков *Р*, *К* и *БАН* самостоятельно пользовался Малалой, Амартолом и первым видом Еллинского летописца, производя мелкую инкрустационную работу по восполнению своего текста. Скорее всего здесь мы имеем дело не со вставками в текст протографа *Р*, *К* и *БАН*, а с опущениями списка *Ч*. Список *Ч*, очевидно, по составу сохранил текст своего протографа менее полно, чем списки *Р*, *К* и *БАН*, хотя самый текст Еллинского летописца в списке *Ч*, в основном, более близок к первоначальному.

Различия групп *Ч* и *Р*, *К* и *БАН* в окончании заключаются в следующем. В окончании списка *Ч* перед Повестью 1204 г. о взятии Царьграда крестоносцами (на ней список *Ч* оканчивается) читается список византийских императоров, доведенный до Алексея Дуки Мурдуфла, т. е. до самого начала XIII в. Между тем списки *Р*, *К* и *БАН* перечень византийских императоров имеют после Повести 1204 г., причем он продолжен до Мануила II Палеолога. За перечнем императоров следует повесть о Казарине и его жене. Список *Р* имеет, кроме того, за повестью о Казарине, следующие статьи: „О Александрове телеси“, несколько статей о пленении Иерусалима, „Царие царствующие в Константине граде, православнии и еретици“, Иоанна Дамаскина о рождестве Христове и несколько мелких отрывков. Из перечня византийских императоров можно заключить, что общий протограф *Р*, *К* и *БАН* составлен в 1392 г. — во втором году царствования Мануила II Палеолога (о нем сказано: „Мануила Палеолога сын его лето, православен“).¹

Таким образом, список *БАН* относится ко второй определенной нами группе — 1392 г. — Еллинского летописца второго вида. Чтобы показать, насколько близко соприкасаются по тексту списки *К*, *Р* и *БАН* и как они отличаются от списка *Ч*, приведу разночтения к некоторым местам списка *БАН*. Беру лист 1, левый столбец (конец статьи о Тарквинии) и лист 75, левый столбец (конец статьи „Начало царства Римского“).²

¹ Мануил II Палеолог царствовал с 1391 по 1423 г. Отметка о нем, что он царствует только „лето“ означает, очевидно, что она составлена его современником, дополнявшим список византийских императоров Еллинского летописца в 1392 г.

² Пользуюсь чистыми листами погибшего в 1917 г. издания Еллинского летописца под ред. К. Истомина. Листы эти хранятся в Ленинградском отделении Института истории АН СССР. При передаче текста допущены следующие изменения орфографии подлинников: *ук*, *юс* большой, *юс* малый, *и* с точкой, *омега* передаются через *у*, *у*, *я*, *и*, *о*.

Лист 1, левый столбец, список БАН

БАН	Р	К	Ч
из града Римска пожертъ преисподним богом	из града Римска пожертъ преисподним богом	из града Рульска пожертъ преисподним богом	из града Римска пожертъ predisподним богом
повелѣ жерцомъ сии Малеос	повелѣ жерцомъ сии Малеос	повелѣ жерномъ сии Малеос	Малеонъ же повеле жрьцемъ
Римстѣ тѣмъ	Римстѣ тѣмъ	Римстѣмъмъ (затем передано в „Римстѣмъ“)	Римстѣмъ тѣмъ
в рогозину	рагозиноу ся	рагозиноу ся	в рагозиноу
Февруаря месяца	Февруаря месяца	Февруаря месяца	Февруаріа
и яльскую победу	и яльскоу победу (на поле приписано „Галеку“)	и яльскоую победу	и Гальскоую побѣдоу
По въздвиженіи же Таркоувья царя	По въздвиженіи же Таркоувья царя	По въздвиженіи же Таркоувья царя	По изгнании же Таркувіа царя ¹
Оупатіа	Оупатіа	Оупатіа	Оупатѣ
и Скеписунъ великыи, Врутосъ великыи	и Скеписунъ великыи, Врутосъ великыи	и Скеписунъ великыи (на поле приписано: „Врутосъ великыи“)	Вруотос (на поле приписано: „Скипеуснъ великыи“)
Оупати	Оупатѣ	Оупатѣ	Оупатѣ
мнози	мнозѣ	мнозѣ	мнозѣ
Житіе и жизнь и дѣяние, и вся бранна. Александра царя Макидонскаго (киноварный заголовок)	Житіе и жизнь и дѣяние и вся събранна Александра, цря Макидонскаго (киноварный заголовок)	Житіе и жизнь и дѣяние и вся бранна Олександра, царя Макидонскаго (киноварный заголовок)	Царство Александрово, царя Макидонскаго (киноварный заголовок)
По Дарьи же цари (буква П киноварная)	По Дарии же цари	По Дарии же цари	По Дарии же цари (буква П киноварная)
доблестъ моужества и яко поспѣвающе	доблестъ мочества яко поспѣвающе	доблестъ моужества яко поспѣвающе	доблестъ моужества яко поспѣвающеу

Лист 75, левый столбец, список БАН

БАН	Р	К	Ч
водньныя по поути	водньныя по поути	водньныя по поути	водньныя поути
понови	понови	понови	поновивъ
И въ Александрию създа тоу сии кесарь, въ имя своего сына	И въ Александрию създа тоу сии кесарь, въ имя своего сына	Въ Александрию созда тоу сии кесарь, въ имѣ своего сына	И въ Александрию създа тоу сии Кесарь Кесарию ² въ имя сына своего
От своего еи	От своего и	От своего и (передано в еи)	От своего еи
разгнѣвавшуся	разгнѣвавшуся	разгнѣвавшася	разгнѣвавшуся
Сии Кесарь растливъ сътворивъ Кесарна	Сии Кесарь растливъ сътворивъ Кесарна	Сии Кесарь растливъ сътаривъ Кесарна	Сии же Кесарь растливъ ю створи Кесария
Оулиос Кесарь тоу	Оулиос Кесарь	Оулиос Кесарь	Иоулиос Кесарь
еи	еи	еи	ея

¹ Греческий текст Малаалы: Μετά δὲ τὸ ἐκβλήθηναί τὸν ταρχύνιον τῆς βασιλείας.

² В соответствующем тексте Малаалы этого названия нет.

Слова и да еи то царство Египетско пропущены. Тем же почерком знак вноски, но сама вноски срезана при переплете.	и да еи то царство Египетско	и да еи то царство Египетско	и вда еи то царство Египетско
изгнавша	изгнавша	изгнавша	и изгнавшаа
Сынъ же Клеопатры и кесаревъ (буква С киноварная)	Сынъ же Клеопатры и Кесаревъ	сынъ же Клеопатроу и Кесарев	сынъ же Клеопатры Кесарь
пришед	пришед	пришед	Пришед (буква П киноварная)
Иоуль Кесарь наречена	Иоуль Кесарь наречена	Июль Кесарь наречеса	Иоулии Кесарь наречена

В большинстве случаев список *Ч* сравнительно со списками *БАН*, *Р* и *К* дает более древние и правильные чтения, более близкие греческим оригиналам в тех случаях, когда последние имеются. Однако в общем протографе *БАН*, *Р* и *К*, как это видно из приведенных таблиц, не редко встречаются более правильные чтения, чем в *Ч*. Приведу еще примеры. На л. 2, первая колонка, по списку *БАН* правильно читается: „в Адоутъ градъ“¹; также в списках *Р* и *К*; в списке же *Ч* стоит: „в градъ ту“ (л. 64). В списках *БАН*, *Р* и *К* про дощицу, которую вынимает из-за пазухи Нектанав, правильно сказано, что она была „слономъ обложена“, т. е. обложена слоновой костью; в списке же *Ч* непонятно: „словом обложена“ (л. 64 об., первая колонка). На л. 10, вторая колонка, по списку *БАН* читается следующее место: „старьи же пръвое размыслив, како поити на противныа, блюдется, како бы избыл от него пагубы. Вы же убо, отци, поидите с нами на воину“. Так же точно это место читается в списках *Р* и *К*. В списке же *Ч* это место читается следующим образом: „Старьи же пръвое, како поити на противныа, блюдется, како бы. Вы же убо, отцы, поидите с нами на воину“ (л. 75 об., первая колонка). На л. 24, вторая колонка, по списку *БАН* читается киноварное заглавие „О парменех“ (также и в списках *Р* и *К*); в списке *Ч* это заглавие неправильно: „О Арменѣхъ“ (л. 94 об., вторая колонка). На л. 32, первая колонка, в списке *БАН*, а также *Р* и *К* правильно: „вѣмы же...“, в списке *Ч*: „вѣкы же“ (л. 106, вторая колонка), и т. д.

Таким образом, протограф *К*, *Р* и *БАН* (редакция 1392 г. второго вида Еллинского летописца) не только полнее, но в иных случаях дает более древние чтения, чем список *Ч*, относящийся к более древней редакции Еллинского летописца второго вида. Это значит, что редакция 1392 г. не может быть выводима из редакции *Ч*, а что обе вместе восходят к общему протографу.

¹ Ср. в греческом тексте Псевдокалксифена: „ἐν τῷ ἀδοῦτῳ“ и в первом виде Еллинского летописца: „соущи же в Адоутъ бог“.

Заметим, что внутри группы списков *БАН*, *Р* и *К* также может быть замечено подразделение. Списки *БАН* и *Р* очень близки, тогда как *К* чаще, чем *БАН* и *Р*, дает испорченное чтение. Так, например, вм. „пльнищемъ“ (*БАН*, л. 32 об., первый столбец) в списке *К* читается „пшеница“; вм. „Одино око в члѣѣ в челѣ“ (*БАН*, л. 35, первый столбец) в списке *К* читается: „едино имя в члѣѣ в челѣ“ (в списке *Р*: „Одино соко в челѣ в челѣ“; в списке *Ч*: „Одино око в челе“); вм. „Алумпийскую вѣину“ (*БАН*, л. 7, вторая колонка) в списке *К* читается: „Алимпийскую страну“; вм. „идет за него“ (л. 9 об., первый столбец) в списке *К* читается: „изыдетъ за него“ (речь идет о замужестве) и т. п. Впрочем, список *К* иногда (хотя и редко) дает более правильные чтения, чем *БАН* и *Р*; это указывает на то, что список *К* нельзя возводить ни к *БАН*, ни к *Р*, ни к их общему протографу. Так, например, список *К* заполняет общий пропуск списков *Р* и *БАН* (по последнему на л. 28, второй столбец) и т. п.

Списки *БАН* и *Р* очень близки и повторяют друг друга даже в описках. Например „О мазаонѣхъ“ (*Р* и *БАН*, л. 59, второй столбец) вм. „О Амазонѣхъ“ в списках *Ч* и *К*; „человек бо сый соуд“ (*Р* и *БАН*— л. 38, первый столбец) вм. „человек бо сый хоуд“ в списках *Ч* и *К* и т. д.

Чем объяснить исключительную близость списков *БАН* и *Р*? Просматривая немногие случаи расхождений обоих списков, заметим, что почти всегда более правильное чтение дает список *БАН*. Например: в списке *БАН* „Поусании“ (л. 9 об., первый столбец), а в списке *Р* „Усании“; в списке *БАН*: „они ж рѣша; не вѣмы...“ (л. 12 об., второй столбец), а в списке *Р*: „они же рѣша: «и свѣмы...»“; в статье „О птицах“ в списке *Р* пропуск слов: „зело егда како изъедят ны, и абие тѣкохомъ на ня“, имеющийся и в списке *БАН* (л. 35, первый столбец); в списке *БАН* „повѣле вѣмъ“ (л. 39 об., первый столбец), а в списке *Р* „повелевъ ему“; в списке *БАН* „кругла“ (л. 62, второй столбец), а в списке *Р* „другла“ и т. д.

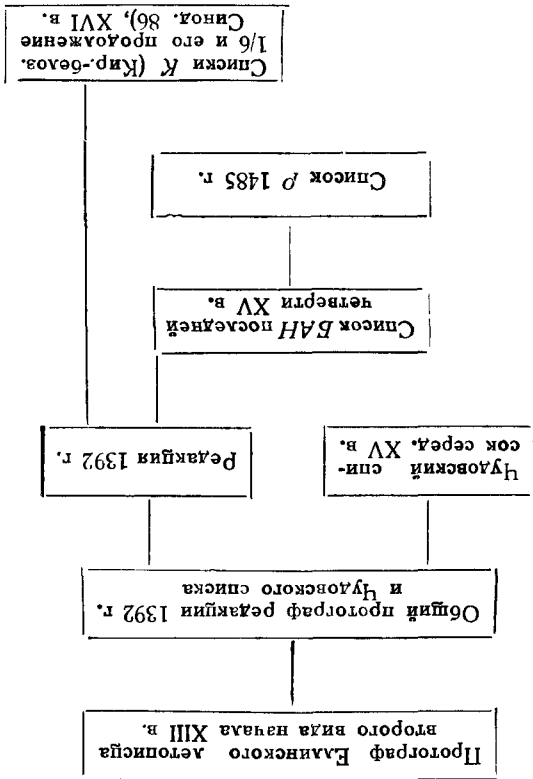
Не трудно заметить, что многие из ошибок списка *Р* объясняются особенностями списка *БАН*. Так, например, в списке *Р* в Александрии (II. 10)¹ пропущены слова: „ти я моуками, чада бо соуть“. В списке *БАН* эти слова (л. 24 об., второй столбец) как раз занимают строку

„ подобает же ти
моихъ нещадити, нъ озлоби
ти я моуками. чада бо соуть
ратных. ни милуа бо их обря
щещи мя друга “

Другой пример: в списке *БАН* в киноварном заголовке „И повѣльние написав сице“ (л. 31, второй столбец) — слово „сице“ пропущено и написано на полях с прописной буквы без указания места, в которое его следует вставить; в списке же *Р* это „сице“ попало не на место: „Сице и повѣльние написав“.

¹ В. Истрин. Александрия русских хронографов. М., 1893. стр. 171.

Еще пример: в списке *Р* пропущены слова, имеющиеся в *К* и *Ч*, — “тѣло же ихъ быше кроваво и промрачено. Многымъ же Промьт и оти- нудъ потыбшимъ” (*Ч*, в. 100, первый столбец). Соответственно этому месту в списке *ВАН* пропущены две строки, приблизительно соответ- ствующие числу букв в этом пропуске; это указывает на то, что про- пуск обусловлен дефектом оригинала, что сказано и в списке *Р*.
 Нередко переписчик списка *Р* принимал высокое *ъ* за *ѣ*: ср. в спи- ске *ВАН* “кръмимъ” (в. 5 об., второй столбец — соответствует “кормим” в списке *Ч*) понято переписчиком *Р* как “кръмимъ”. “Горгнемъ” в списке *ВАН* (в. 29 об., первый столбец) в списке *Р* передано как бесмысленное “горгнемъ” (передано затем в “горгнемъ”) и т. д. Приведенные примеры говорят за то, что список *Р* является копией либо списка *ВАН*, либо списка очень близкого к нему.
 Изложенные наблюдения позволяют предложить следующую схему взаимоотношения списков Евангелиста второго вида:

Таким образом, список *ВАН*, наряду со списком *Ч*, является одним из основных списков Евангелиста второго вида. Он имеет ряд преимуществ и перед списком *Р* и перед более поздними списками *К*, а также восполняет дефекты *Ч*.
 1 Список *ВАН* следует непременно приваеч при издании Евангелиста второго вида или входящих в него произведений, например Александрийской второй редак- ции (В. М. Истрин издал вторую редакцию по спискам *Ч*, *Р* и *К*).

Определив взаимоотношение древнейших списков Еллинского летописца второго вида, обратим внимание на то, что Еллинский летописец второго вида возник, без сомнения, в Новгороде. За это говорят многие отличительные особенности его сравнительно с первым видом Еллинского летописца: наличие в нем новгородской по своему происхождению повести 1204 г. (она включена также в Синодальный список Новгородской первой летописи) и совпадающий во многом с новгородскими летописями рассказ о походах русских князей на Царьград.¹ Еще при первом описании списка Ч было обращено внимание на наличие в нем новгородизмов в языке.² Такие же новгородизмы в языке встречаются и в списке БАН: „попещися“ (л. 3, первый столбец), „имияше“ (л. 6, первый столбец), „о перци“ вместо „о перцѣ“ (л. 38 об., второй столбец) и др.³

Список Р имеет этих новгородизмов гораздо меньше, и еще меньше их в списках К. В связи с этим обратим внимание на следующую приписку, читающуюся в списке Р на л. 420: „написана бысть сия книги в дни благочестиваго великаго князя Ивана Васильевича владимерскаго и новгородскаго и московскаго и всея Росия, и в дни сына его великаго князя Ивана Ивановича всея Росия и при архиепископе Геронтии митрополите всея Росия в преименитом в велицем граде Москве, лету сущу 6993 (1485) месяца иулиа 22, индиктиона втораго... Ио. чръны званием и деанми“.

Кто такой был этот „Иоанн Черный“? Любопытные сведения о нем находим в послании новгородского архиепископа Геннадия к собору епископов, читающемся в сборнике Публичной библиотеки в Ленинграде, XVI в., Q XVII; 15, на лл. 377—380. Здесь на л. 378 находим любопытные сведения о составе московского кружка жидовствующих. Привожу это место полностью: „Спросили мы Самсонка, — Юри Захарич да аз, — были есте на Москве — с ким ся есте вдворяли? Ведаеш ли, что говорят на Москве? И Самсонко молвил: «ведаю деи, господине, — как ми деи не ведати? Ходили деи есмя за все к Федору к Курицыну диаку великаго князя, а приходит к нему Олексеи протопоп, да Истома, да Сверчек, да Ивашко Чръной, что книги пишет, да поучают ся деи на православных“.

О том же Ивашке Черном, как об одном из главных представителей московских жидовствующих, пишет

¹ В. М. Истрин. Летописные повествования о походах русских князей на Царьград. Изв. ОРЯС, т. XXI, кн. 2, 1916.

² Библиографические материалы А. Н. Попова. Хронографы Московского Чудова монастыря. Напечатал М. Н. Сперанский. Чтения Общ. ист. и др. рос., 1839, кн. III, стр. 3.

³ На новгородское происхождение Еллинского летописца второго вида косвенно указывают и некоторые компилятивные памятники, использовавшие его. Укажу на особый вид Еллинского летописца из собрания Тихонравова, обследованный В. М. Истриным (Изв. ОРЯС, т. XVII, кн. 3, 1912). Этот хронограф, относящийся ко времени до 1453 г., по языку отличается теми же новгородизмами (В. М. Истрин, ук. статья, стр. 27).

и Иосиф Волоцкий в своем „Просветителе“: „В лето же 6988 прииде князь великий Иван Василиевич в великий Новгород. И тогда взят Алексея попа на Москву на протопопство, к церкви пречистыя Успения, и Дениса попа к архагелу Михаилу. Но кто без слез имать исповедати, елика и какова сътвориша сии сквернии пси с своими поборники. По пришествии бо на Москву в великом оном и многочислестем граде еще не смеюще проявити ничтоже неподобно, но таяхуся яко же змиеве в скважине, человеком же являющесе святи и кротци, праведни и въздержници, тайно же сеюще семя скверное и многыя душа погубиша и в жидовство отведоша, яко же некым отбежати и обрезатися в жидовскую веру, от них же есть Ивашко Черный, яко же именем, тако же и дела, и стаинник его Игнать Zubов“.¹ Слова Иосифа Волоцкого об Ивашке Черном: „Ивашко Черный, яко же именем, тако же и дела“ заставляют предположить, что Иосиф Волоцкий был знаком и с переписанным Ивашкой Еллинским летописцем, где Ивашко расписался в сходных выражениях: „Ио. чръны званием и деанми“.

Факт работы одного из главных представителей ереси жидовствующих в Москве — Ивашки Черного — над Еллинским летописцем второго вида отчасти рисует те связи, которые существовали между жидовствующими и московским двором Ивана III. Еллинский летописец второго вида не мог входить в круг специфических интересов жидовствующих. Против этого говорит и та длительная история этого памятника, которая предшествовала ереси жидовствующих, и последующая исключительная роль Еллинского летописца в официальной московской литературе XVI в.² Копирование обширного Еллинского летописца второго вида, позднее широко использованного в московском летописании, было, несомненно, выполнено Ивашкой Черным по поручению правительственных кругов и стояло, очевидно, в связи с повышенным интересом именно этого времени ко всемирно-исторической роли Москвы.

Таким образом, рассмотрение древнейших списков Еллинского летописца второго вида раскрывает любопытную страницу из использования Москвою новгородских литературных богатств в последней четверти XV в. и отчасти указывает на характер деятельности некоторых из представителей жидовствующих при дворе Ивана III, заставляя догадываться, что связи жидовствующих и правительственных сфер Москвы лежали вне самой „ереси“.

¹ „Просветитель“ Иосифа Волоцкого. Изд. 4-е, Казань, 1903, стр. 133 слав. (36).

² Это составит предмет одной из наших последующих работ.

Н. В. ШАРЛЕМАНЬ

Из реального комментария к „Слову о полку Игореве“

Работая над изучением зоогеографии и истории фауны Украины, автор настоящего исследования, для того чтобы восстановить животный мир Киевской Руси, обратился к литературным источникам и памятникам изобразительного искусства. В настоящей статье естественно-исторические элементы „Слова о полку Игореве“ привлекаются для объяснения некоторых его поэтических образов и „темных мест“.

Краеведческие элементы в тексте „Слова о полку Игореве“ занимают почетное место. „Зооморфологический орнамент“, по определению проф. В. Ф. Ржиги, составляет основной фон Слова. Зоологу-фаунисту Слово дает много материала; целый ряд сведений найдет в нем флорист и географ. Для историко-литературного освещения Слова этот материал представляет исключительную ценность: в свете его становится ясно, что многие поэтические образы Слова, его метафоры и символы возникли в сознании автора, чуткого наблюдателя окружавшей его природы, претворившего свои впечатления в художественные картины, умело соотнесенные с изображаемыми историческими событиями.

В насыщенном конкретными данными Слове животные, — за двумя-тремя исключениями, дикие, среди которых преобладают охотничьи звери и птицы, — упоминаются свыше 80 раз. Древние источники свидетельствуют, что добывание зверя на мех и на мясо и ловля птицы на мясо составляли один из важнейших промыслов населения Киевской Руси. Даже в ближайших окрестностях Киева, по свидетельству Повести временных лет, „бѣше около града лес и бор велик и бѣху ловяща зверь“ (по изданию 1926 г., стр. 8—9). Охотничьи сюжеты в стенописи Софийского собора в Киеве, Русская правда и Поучение Владимира Мономаха также свидетельствуют о большом экономическом значении охотничьего промысла в древнее время. Еще в XVIII в. были на Черниговщине специализированные цехи охотников: бобровники, гоголятники, соколятники. Раньше были еще и пардусники.

Автор Слова, надо полагать, был сам охотником, в частности ловцом-соколятником; он прекрасно был знаком со всем охотничьим обиходом. Сравнение героев с соколами — его излюбленный прием. Из более чем 80 упоминаний животных на долю сокола приходится 15 (и однажды назван кречет). Привычки сокола автор знает превосходно, и это знание отражено им в ряде высоко художественных образов. В „златом слове“ Святослава: „Коли соколъ въ мытєхъ бываєть, высоко птиць възбиваєть, не дасть гнѣзда своего в обиду“. Выражение „въ мытєхъ“ и до настоящего времени сохранилось кое-где среди охотников; этим термином обозначают линьку, главным образом тот период, когда молодая птица надевает оперение взрослой птицы, т. е. достигает половой зрелости.¹ Птицеводам хорошо известно, с какой отвагой прогоняет сокол от своего гнезда даже значительно более сильного, чем он сам, орла-беркута.

Наблюдательный знаток природы сказался и тогда, когда автор Слова создал следующее уподобление „буести“ князей Романа и Мстислава: „яко соколъ на вѣтрєхъ ширяєся, хотя птицю въ буйствѣ одолѣти“. Крупные хищные птицы могут „ширяться“, т. е. парить преимущественно тогда, когда есть течение воздуха. Только с развитием авиации выяснился механизм парящего полета птиц, когда на крыло, согласно принципу так называемой „пластинки Филиппса“, действуют две силы: встречное давление воздуха и вес птицы. От взаимодействия этих сил птица, не двигая крыльями, летит вперед. Термин „ширяться“ сохранился в украинском языке, как единственное слово для обозначения парения.

Мысль об углубившемся в степь войске Игоря вызывает снова у автора образ сокола: „О! далече зайде соколъ, птиць бя, къ морю“. Это утверждение вполне отвечает привычкам сокола-сапсана (*Falco peregrinus Tunst.*), который, вслед за стаями диких уток, осенью улетает к Черному и Азовскому морям — местам зимовок большинства видов наших северных уток. Соколы, упомянутые в Слове, повидимому, принадлежат преимущественно к сапсанам и кречетам. Об этом свидетельствует следующий отрывок: „полете соколємъ подь мьглами, избивзя гуси и лебеди“. Третьего нашего сокола — балобана (*Falco cherrug Gray*) реже употребляли для ловли таких сильных птиц, как гуси и лебеди. Их могли бить, преимущественно, сапсаны, более крупные самки и кречеты. Кречет, кречат или кричат, как его иногда называют в древних источниках, был, повидимому, норвежский кречет (*Falco gyrfalco L.*). Из Скандинавии эту ценную ловчую птицу привозили на юг в княжеские охоты („сизый кречет“ часто упоминается в украинских думах XVI—XVII вв.). Ловчие птицы — сокол, кречет и ястреб — дорого ценились в Киевской Руси. В Русской Правде за кражу ловчей птицы был

¹ Нельзя поэтому признать правильным перевод Жуковского: „сокол в мытєхъ“ — „сокол ученый“.

определен штраф в три гривны, тогда как конь в XII в. стоил от одной до двух гривен. Победивши врага, прежде всего в виде дани требовали отдать ловчих птиц. Эти птицы не только развлекали хозяина, но и приносили ему значительную пользу. Еще и в наше время ловчий беркут или сокол в Казахстане стоит дороже доброго коня.

Немало труда положили комментаторы Слова на объяснение эпитета „не худа гнѣзда шестокрилицѣ“, сопровождающего обращение к князьям Ингварю и Всеволоду. „Шестокрилицѣ“ повидимому, тоже соколы, у которых обычное для большинства птиц (кроме страусов, киви и пингвинов) деление оперения крыла на три части (большие маховые — *remiges I*, малые маховые — *remiges II* и крылышко — *alula*) особенно ясно видно во время парения. Таким образом, весь летательный аппарат сокола состоит как бы из шести частей, отсюда — „шестокрилицѣ“.

После сокола из птиц наибольшее внимание уделено в Слове лебедям (шесть упоминаний). Лебедь был, повидимому, излюбленной птицей для охоты, желанной добычей ловца-соколятника. На лебедей, гусей и уток охотились не только для развлечения, но „избивали“ их к „завтраку, обѣду и ужинѣ“. Кроме лебедя-шипунa (*Cygnus olor* Gm.), гнездящегося еще и в наше время в устье Днѣпра и Днѣстра, а в старые времена распространенного по всему южному краю, в Слове, надо полагать, упоминается и северный лебедь-кликун (*Cygnus cygnus* L.). На это, указывает образное сравнение струн Бояна с лебедями: „который дотечаше, та преди пѣснь пояше“. Лебедь-кликун прославился своим мелодичным криком — „лебединой песней“. Одно из научных названий этого вида лебедя — *Cygnus musicus* — отмечает его крик. Воспоминанием о нем навеян и другой образ Слова: „крячать тѣлѣгы полунощы, рци, лебеди роспужени“. Осенью, когда лебеди-кликуны тысячами летят зимовать на Черное и отчасти на Азовское моря, темными ночами от криков этих могучих птиц и в наше время порою нельзя уснуть в приморских селах, над которыми лебеди пролетают.

Дважды упоминается в Слове нырковая утка-гоголь (*Vesperhala clangula* L.). Название дополняется цветовым признаком — „белый“ („бѣлымъ гоголемъ на воду“) и характерной повадкой („стрѣжаше его гоголемъ на водѣ“). Охотники и птицеводы хорошо знают, что гоголь — одна из наиболее осторожных птиц: держась на открытой воде, он еще издали замечает человека и улетает, громко свистя крыльями. Точно так же чутки чайки („стрѣжаше его... чайцами на струяхъ“), повидимому, речные чайки (*Larus ridibundus* L.), встречающие весною назойливыми криками всякого, кто приближается к реке. Вельма чутки и „чръняди на ветрѣхъ“. Чернеть (*Nyroca*) — сборное родовое название нескольких видов нырковых уток (*Fuligulinae*). Ап. Майков неудачно заменил „белого гоголя“ Слова „серой уткой“, а „чернедь“ — „чирком“, исказив смысл эпизода. Перечисленные птицы, по нашему пониманию, должны были предупреждать Игоря о приближении людей, когда он во время бегства отдыхал на берегу Донца („стрѣжаше“). В давние времена, когда в пой-

мах южных рек еще в изобилии росли старые деревья, гоголь гнезвился в их дуплах в большом количестве. Специальный цех охотников-гоголятников, ловивших этих птиц, существовал на Черниговщине еще в XVIII в.

Упоминается в Слове и ряд птиц, не имеющих экономического значения. Можно с известной уверенностью допустить, что под „сизым орлом“ автор понимает орла-беркута (*Aquila chrysaëtos* L.), которого во многих песнях и в разговорной речи и теперь еще на Украине называют „сизий орел“. Но в выражении: „орли клетомъ на кости звѣри зовуть“ предположительно можно определить другую птицу — орлана-белохвоста (*Haliaëtos albicilla* L.), чаще других видов питающегося падалью; его клетот приходится слышать чаще, чем других орлов. Белохвосты еще гнездятся в последние годы в долинах Донца и Дона, т. е. в районе действий войска Игоря.

Четыре раза в Слове упомянут ворон — то с определением „черный“, то „бусый“. В первом случае идет речь о черном вороне (*Corvus corax* L.), охотно питающемся падалью и трупами. „Бусые“ вороны, вслед за Далем, переводим, как „серодымчатые“ (в этом значении „бусый“ употребляется иногда и теперь на Украине). Серые вороны собираются в местах их массовых ночевок, издавая неприятное карканье, тогда как черные вороны не собираются на ночевках в стаи, и ночного „гряния“ их не бывает. Поэтому во сне Святослава выражение: „Всю ночь съ вечера бусови врани възгряху“ следует относить к серым воронам, а не к черным, как в переводе А. Югова. И черные и „бусые“ вороны охотно питаются трупами, поэтому собираются во множестве на местах сражений, о чем упоминает и Слово: „часто врани гряхуть, трупиа себѣ дѣляче“. Потому-то этих птиц издавна считали зловещими, и автор Слова, говоря о поражении русских, усиливает настроение печали, вводя упоминание о воронах. Врановые птицы часто каркают, кружась над каким-нибудь местом — „играя“ в воздухе. На Украине есть выражение: „крук (ворон) грає над лісом“.

Четыре раза в Слове называются „галици“ — галки (*Coloeus tenebula* L.): „говоръ галичь убуди“, „галици свою рѣчь говоряхуть, хотять полетѣти на уедие“, „галици стады бѣжать“, „галици помлѣкоша“. Эти выражения точно передают характер крика и повадки галок. В криках собравшихся в стаю галок можно услышать приятные гласные звуки, напоминающие человеческий говор („свою рѣчь говоряхуть“). Непонятно, почему А. Югов дважды перевел „галици“ — галки, а дважды „галичане“!

Характерно определено в Слове стрекотанье сорок: первый раз с ним сравнивается разговор Гзэка и Кончака: „а не сорокы втрескоташа“; второй раз тишина в природе, помогающей бегству Игоря, подчеркивается тем, что „сорокы не трескоташа“. Среди древесных зарослей в поймах южных рек сороки (*Pica pica* L.) иногда собираются в таком огромном количестве, что их стрекотание не может не обратить на себя

внимания. Только „трескотанием“, или по-современному, „стрекотанием“, и можно назвать звуки, издаваемые сорокой.

Целая картина природы скрывается в короткой фразе Слова: „Дятлове тектомъ путь къ рѣцѣ кажутъ“. Дятлы, преимущественно весной, вместо пения или иных звуков, издаваемых в брачную пору птицами, „барабанят“ крепкими клювами по сухим веткам деревьев. Этот громкий характерный звук слышно еще издали, иногда на несколько километров. В степи деревья растут только в балках — долинах речек. Издали не видно речки, спрятавшейся в ложбине, не видно и деревьев, растущих по ее берегам, однако издали слышен стук, издаваемый дятлами. Понявая значение этого признака присутствия деревьев, а следовательно, и реки, Игорь во время бегства из плена легко находил путь к воде, к зарослям, в которых можно укрыться. На родине Игоря, на Черниговщине, леса растут на возвышенных местах; там по стуку дятла не найдешь реки. С повадками дятлов в степной местности автор мог познакомиться в плену или во время побега. Странно, что эта вполне реальная по смыслу фраза вызвала у А. Потебни представление о „гадании по стуку дятла“.

„Зегзица“, с которой сравнивается в Слове тоскующая Ярославна, обычно толкуется как кукушка. Однако следует напомнить, что на Десне между Коропом и Новгород-Северском крестьяне называют местами „гігічкой“, „зігічкой“, „зізічкой“ — чайку, по-русски пигалицу или чибиса (*Vanellus vanellus* L.). Может быть, в данном случае и автор Слова сравнил Ярославну с той птицей, которая издавна на Украине была эмблемой печали, т. е. с чайкой, как в песне: „Ой біда, біда чайці небозі, що вивели дітки при битій дорозі“.¹ Может быть, эту чайку автор Слова назвал именем „зигичка“, которое в его время, возможно, было более распространено; а позднее переписчиками было славянизировано и превратилось в „зегзицу“. Названия зигичка, гигичка — звукоподражательные, передающие отчасти крик птицы — ки-ги, отчасти звуки, слышимые при взмахмах ее крыльев во время полета — зиг, зиг. О пигалице на Украине говорят, что она „кигикаетъ“ — ср. „кычетъ“ в Слове.

Восемь раз Слово, не называя вида, употребляет общее наименование „птицы“. В некоторых случаях можно догадаться, каких именно птиц имел в виду автор. Когда читаем: „Уже бо бѣды его пасеть птицъ по дубию“, то, повидимому, речь идет о хищниках, собравшихся в дубраве. Эти птицы, следуя за войском, ждут добычи после боя: они своими криками как бы вещают „беды“ войску. Так и в переводе акад. А. С. Орлова: „Уже ведь беды его стережет птица по дубам“. В народном творчестве, в литературе и в живописи давно отмечено, что хищники — четвероногие и пернатые — в древности передвигались вслед за войсками. Отряд двигался медленнее птиц, поэтому они останавливались в лесах на ночлег и отдых. На карканье многочисленных воронов

¹ М. Максимович. Украинские народные песни. М., 1834.

и ворон, на клетот белохвостов, „ржание“ коршунов автор и указывает в приведенном эпизоде.

По фразе: „дружину твою, княже, птицъ крылы приодѣ“ можно догадаться, что речь идет тоже о хищниках, питающихся трупами. Когда орлан-белохвост или гриф, паря „под облакы“, увидит труп, он камнем бросается на землю и, опустившись на свою находку, как бы прикрывает ее, „приодевает“, по образному выражению Слова, своими широко распростертыми крыльями. Этим движением хищник заявляет свое право на добычу, удерживает на известном расстоянии других зверей и птиц. Во времена похода Игоря грифы, возможно, встречались довольно часто на Руси. Их еще в XVII в. находили на гнездовании на Воляни,¹ а в середине XIX в. — на скалах Днестра.² И даже в начале XX в. гнезда белоголовых грифов и стервятников находились на среднем Днестре. В восточной части Киевской Руси эти птицы могли гнездиться по меловым обрывам Донца или на выходах гнейсов в Каменных Могилах в нынешней Сталинской области. Птицы, которые „почнуть наку бити в полѣ Половецкомъ“, конечно, тоже хищники, которые в давнее время были опасны для воюющих: раненых в большинстве случаев не убирали с поля битвы, и орлы и вороны часто начинали клевать тела еще живых людей. Этими впечатлениями подсказаны образы умирающего воина и орла, либо ворона в украинских думах XVI—XVII вв.

В фразе: „О! далече зайде соколь, птицъ бья, къ морю“ — следует видеть птиц из семейства утиных; вслед за ними и летят соколы к нашим южным морям. Птицы, которых гроза „убуди“, вероятно, принадлежали к семейству врановых. Разбуженные грозой, эти птицы тревожно мечутся по лесу, громко каркая.

Из четвероногих в Слове чаще всего (11 раз) упоминается „волк“, обычно с определениями „серый“ и „бусый“, т. е. серодымчатый (Жуковский неудачно перевел — „бесовский“). На Украине серого волка местами тоже называли „бусым“. Волк, по выражению Слова, „въ ночь рыскаше“, „вльци грозу въсрожать по яругамъ“. Этим точно отражены привычки зверя: волк — ночное животное и в поисках добычи должен пробегать большие пространства. Внимание, уделенное автором Слова именно волку, свидетельствует о том, что в жизни населения Киевской Руси этот зверь имел большое значение: он был врагом развивающегося животноводства. Волков было много, и позднее, например в XIII в., их добывали в таком количестве, что из шкур (вероятно, из голов) делали шлемы для вывоза в западноевропейские страны.

Тур, преимущественно как эпитет к имени князя, повторяется в Слове пять раз. Под этим названием в древних источниках, повидимому, фигу-

¹ Kzасzуński. Historia naturalis etc. (1721). Книга издана спустя сто лет после ее написания.

² К. Кесслер. Естественная история губерний Киевского учебного округа, т. II, 1851.

рируют два вида диких быков: первобытный бык, настоящий тур (*Bos primigenius* Војан.), от которого произошел домашний бык (ближайшим потомком тура считают серого украинского быка), и зубр (*Bison bonasus* L.). На Украине еще недавно крупных быков называли местами турами („погнав турів“, „напувати турів“ — вблизи Умани). Это название для домашнего быка сохранилось и в западных областях Украины — на Галичине. Название „зубр“ в наших источниках, повидимому, не встречается, и зубра от тура как будто не отличали. Об этом свидетельствует следующий факт. Когда византийский наследник престола Андроник Комнин приехал в 1154 г. к галицкому князю Ярославу Осмомыслу, то Ярослав вместе с великим князем киевским и другими князьями устроили для своего гостя охоту „на туров“, как читаем в летописи. В то же время византийский историк по этому поводу писал, что Андроник убивал на Руси „зумпров“ — зверей многочисленных в названной стране и размерами больших, чем медведь и леопард. Настоящие туры в Киевской Руси исчезли рано, а их название было перенесено на зубров, которые вывелись, повидимому, лишь в начале XVII в.

По одному разу в Слове названы лисица, горностай, бобр, белка и пардус — но каждое животное представлено с характерными для него признаками. „Лисици брешуть на чръленья щиты“, — читаем в описании начала похода. На Украине в степях, где еще много лисиц, например около Аскания Нова Запорожской области, их лай (укр. „брехання“) на проезжих и теперь еще приходится иногда слышать. Горностай (*Mustela erminea* L.) на нашем юге чаще всего живет в пойме реки, в кустарнике, а где его нет — в тростнике. Эта особенность зверька тонко подмечена в Слове: „Игорь князь поскочи горностаемъ къ тростию“. Бобр (*Castor fiber* L.) в XII в. был широко распространен на Руси. Его мех дорого ценился и шел на обшивку рукавов и на воротники. В Слове, в плаче Ярославны, упомянут „бебрянь рукавъ“. А. Югов, сохранив определение „бебрян“ в переводе, в „Обосновании перевода“, однако, пишет: „Как бы омочив рукав «тигровый» (ибо «бабр — бѣбр» — не бобр, а царственный тигр — и Вл. Даль даже зло издевается над этим смешением). . .“¹ Но переводчику следовало бы учесть, что толстой, как у быка, покрытой жесткой шерстью тигровой шкурой никто не вздумал бы обшивать рукава женской одежды, да еще в стране, славившейся обилием бобров. Что же касается „бабра — бѣбра“, то этими словами называют курды и туркмены тигра, русские охотники — тигра и леопарда, но не в Киевской Руси в XII в., а в Восточной Сибири в XIX в.² Непонятно, почему А. Югов стал искать корень слова „бебрян“ так далеко от истины. Ведь „бѣбр“ и „бобр“ на древнерусском языке синонимы. Это название созвучно санскритскому *babru*, белорусскому бабер, литовскому *babru*, *bebris*, а также большинству названий этого зверя на древних и современных языках Европы и передней Азии.

¹ Слово о полку Игореве. 1915, стр. 163.

² А. Черкасов. Записи охотника Восточной Сибири. 1883.

„Бѣль“ — белка упомянута в Слове в следующем отрывке: „А князи сами на себе крамолу коваху; а погании (т. е. половцы) сами побѣдами нарищуше на Рускую землю, емляху дань по бѣль отъ двора“. Белка, как об этом свидетельствуют древние источники и стенопись Софии в Киеве, была объектом промысловой охоты с собакой типа современной лайки. Добыча белки была массовой, и дань платили преимущественно беличьими шкурками: „Козари имаху на Полянехъ, и на Сѣверѣхъ и на Вятчѣхъ, имаху по бѣльи вѣвериць отъ дыма“ (Повесть временных лет, под 859 г.). „Бѣльи вѣвериць“ иногда читали как два равнозначущие слова: „по бѣль и вѣвериць“, вследствие чего получилось повторение двух названий одного и того же предмета, тогда как в данном случае мы имеем лишь определение „бѣльи“ к названию „вѣверица“, зимний мех которой только и имеет ценность; поэтому и в древности лишь он шел на уплату дани и для других расчетов. Рыжий летний непрочный мех не имел ценности. Определение-прилагательное „белый“ в конце концов заменило существительное, и старое славянское название вевериця, векша (укр. вивірка, польск. wiewiórka) исчезло, уступив имени белка. В более поздние времена промысловая охота на белку пришла в упадок. Фрагмент изображения такой охоты сохранился на стенописи Софии киевской. В Киевской Руси бѣль или белка была мелкой денежной единицей. А. Югов искажил Слово, переведя „бѣль“ — „горностаи“ (стр. 146—147), хотя в подкрепление своего толкования и привел довольно большую литературу. Автор Слова прекрасно знал зверей и приводил их под точными, сохранившимися до наших дней названиями. Горностаи он упомянул именно под этим названием. Добыча горностаи, принимая во внимание его узкую локализацию в природе, не могла быть массовой, и когда Владимир I приказал платить церкви „десятая“ векша от князя суда, то это, конечно, была белка, а не горностаи; так же точно и хозары, собирая дань „бѣльми веверицами от дыма“, получали зимних белок, а не горностаев.¹

Некоторые комментаторы и переводчики Слова (Е. Барсов, Ап. Майков, Н. К. Гудзий, А. Югов и другие) в выражении „растѣкшется мысию по древу“ (ср. трижды „пѣсь“ вместо „пѣсны“) пытались видеть белку — мышь. И. Новиков,² вслед за Е. Барсовым, на том основании, что где-то в б. Псковской губернии словом „мысь“ (фонетически соответствующим слову мышь) называют иногда летягу — „летучую векшу“ (как пишет автор), — утверждает, что „мысь“ Слова и есть летяга (*Pteropus volans* L.). С этим толкованием нельзя согласиться. Не удивительно, что мало заметную и редкую в Псковской области летягу народ называет сборным именем „мышь“ или „мысь“ по местному произношению. Так и на Украине „мышами“ иногда называют тоже мало заметных ночных грызунов — сонь (*Muoxidae*), живущих, подобно летягам, на деревьях.

¹ Не соглашаюсь с трактовкой акад. Б. Д. Грековым „бели“ как „серебряной монеты“.

² Слово о полку Игореве. М., 1938, стр. 89.

Немцы мышами называют и таких далеких от мышей зверьков, как суслик (*Zieselmaus*) и слепыш (*Blindmaus*). Было бы, однако, удивительно, если бы автор Слова, составленного, без сомнения, где-то в пределах Новгород-Северской земли (об этом свидетельствует знание автором своего края и прилегающего к нему Северского Донца, где лежат нет и не было), — упомянул бы этого никому не известного здесь зверька. Метафора „мышь-летяга“ была бы непонятной для местного читателя. Нельзя согласиться и с поправкой Ф. Е. Корша: „растькашется рысию по древу“, так как рысь не принадлежит к зверям, способным „растекаться“, т. е. стремительно носиться по дереву. Безусловно правы исследователи, читающие „мышь“ в данном эпизоде — „мышль“. Ведь несколькими строками ниже мы встречаем выражение „мыслено древо“.

Пардус Слова, или гепард, как мы теперь называем этого зверя, не принадлежал к составу дикой фауны Киевской Руси. Можно думать, что его привозили с юго-востока; пардуса хорошо знали в древности. Летописец сравнивает с ним князя Святослава: „легко ходя, аки пардусь“ (Повесть временных лет под 964 г.). В 1139 г. Святослав Ольгович подарил своему зятю Юрию Долгорукому пардуса: „ѣха напередъ къ Гюргеви и да ему пардуса“ (Ипатьев., под 1159 г.); „Да Святослав Ростиславу пардуса и два коня борза“ (там же). Интересно проследить, как историки и комментаторы Слова и других древних источников колебались в истолковании упоминаний о пардусе: то они полагали, что князья дарили друг другу лишь шкуры пардусов (Карамзин), то отождествляли пардуса с рысью (Аристов), с барсом (С. Шамбинаго, В. Ржига, Г. Шторм и другие), с „выводком барсов“ (А. Югов), с леопардом. Ближе всех к истине подошел И. Новиков, отметивший, что слово пардус нельзя переводить как барс, что пардус — это гепард или охотничий леопард, как еще неправильно его называют. Но и И. Новиков ошибся, полагая, что в Слове идет речь об африканском гепарде (*Acinonux guttatus Fenn.*), будто бы встречающемся у Каспийского моря на Усть-Урте. В действительности же в Слове и в иных древних источниках фигурирует азиатский гепард или чита (*Acinonux venaticus Smith.*). Этот вид и теперь еще водится в незначительном количестве на восточном берегу Каспийского моря, в Мангышлакских горах и в Туркестане.¹ Чаще он встречается в Афганистане и Иране. Вторая ошибка И. Новикова и других переводчиков состоит в том, что они слово „гнездо“ переводят „стая“. В действительности же автор имел в виду не стаю гепардов, а гнездо — семью, выводок (в этом значении слово гнездо употребляют охотники и в наше время). Для гепардов весьма характерно выходить на охоту „гнездом“ — семьей или выводком, а не стайей. Кстати, ни один из представителей зоологического семейства кошек (*Felidae*) не выходит на охоту стайей: кошки всегда преследуют добычу либо

¹ По новейшим данным, в настоящее время встречается лишь в южной Туркмении см.: Бобринский, Кузнецов, Кузякин. Определитель млекопитающих СССР. М., 1944, стр. 161.

в одиночку, либо в паре, либо „гнездом“. Правильно поэтому перевел данное выражение Ап. Майков: „пардусовы гнезда“. Кроме свидетельств древних литературных источников, на стене киевской Софии сохранилось изображение трех гепардов („гнездо“), из них два гепарда повергли на землю дикого коня-тарпана или, возможно, дикого осла-онагра; третий — гонится за диким конем. За ним спешит охотник с копьем.

Охотничьи гепарды или пардусы, как их называли в древности, широко применялись для охоты. Иосиф Барбаро в 1471 г. видел у князя Армении сотни этих зверей; владетельные лица Монголии имели такое большое количество гепардов, что порою их брали до тысячи на одну охоту. Гепарды попадали не только к русским, но позднее и в Западную Европу (XVII—XVIII вв.). Еще в наше время при княжеских дворах Индии держат этих зверей; их ловит и дрессирует специальная „каста“ людей. Следует отметить, что и на Руси существовали специалисты по уходу за гепардами — пардусники; о них упоминается в ханских ярлыках (Арислов). Возможно, что пардусы попадали к князьям как военная добыча или как дань от побежденных кочевников. Повидимому, русские имели пардусов еще в XI—XII вв., так как именно с этим зверем летописец сравнил Святослава, уловив сходство в легкости их движений. Однако в Киевской Руси гепарды, видимо, были редкостью и владели ими лишь некоторые князья. Поэтому в „Русской Правде“, где упоминаются соколы, ястребы, охотничьи собаки, кони и охотничья снасть для ловли дичи, о пардусах сведений нет. Предположение акад. А. С. Орлова, будто „лютый зверь“, о котором говорят Слово и Поучение Владимира Мономаха, а также Летописи, есть зверь „из породы пардусов“, безусловно ошибочно. Прежде всего пардусы или гепарды в Киевской Руси не водились в диком состоянии, поэтому пардус не мог „скакнуть на бедра“ Мономаху. Далее, случаи нападения пардуса-гепарда на человека неизвестны в литературе. В древнее время, как уже отмечено, держали для охоты дрессированных гепардов, так называемых „пардус кротких“.¹ В киевской Софии на стенописи есть две сцены нападения зверей на конных охотников — но это волк и медведь. Волк изображен прыгающим на бедро охотника, поэтому „лютым зверем“, нападавшим на Мономаха, вероятнее также считать волка. Как вообще охотились с гепардами, видно из иранской литературы и старинных миниатюр. Гепардов и ловчих птиц брали с собой даже в походы, как об этом можно заключить из поэмы Абуль Касим-Туси „Бижан и Маниже“²

С собою гепардов он взял, соколов,
К охоте веселой в дороге готов.
Он мчался как лев, полон гнева и сил,
Онагров, оленей нещадно рубил.
Гепарды кидались на ланей степных,
Когтями сердца вырывали у них.³

¹ Александрия, стр. 89.

² Литература Ирана, 1935, стр. 95

³ Перевод Дьяконова.

Гепардов или чит вывозили на ловлю, как и теперь еще их вывозят в Индии, на повозках; иногда охотник сажал гепарда позади седла на круп своего коня; иногда гепарда несли на носилках, как это видно на многочисленных миниатюрах, материях и коврах и на ряде современных рисунков (преимущественно в английских охотничьих изданиях).

В Слове упоминаются иногда звери без точного обозначения их породы, однако не трудно догадаться, о ком именно говорит автор. Так, И. Новиков имел полное основание утверждать, что „свист зверин“ — это свист сурков и сусликов.¹ Местность на пути Игорева войска еще сравнительно недавно была густо заселена байбаками (*Marmota bobak Müll.*). Как указывал Боплан,² в XVII в. эти зверьки были распространены на Украине к западу до Днепра. В наше время они еще живут отдельными колониями, иногда в несколько тысяч штук, в Старобельском округе и в Велико-Бурлуцком и Волчанском районах на Харьковщине. На восток от Донца их количество постепенно увеличивается. В огромном числе на пути Игоря жили и живут еще и теперь суслики: крапчатый (*Citellus suslica Guld.*) — к северу от колена Донца и серый (*Citellus rugtaeus Pall.*) — к югу от него. Суммарным выражением „свист зверин“ автор отмечает производимые названными грызунами звуки, так как свистели и байбаки и суслики. В несметном количестве водились эти грызуны в то время, когда степь еще не была распахана, и издавали громкий свист, когда их что-нибудь волновало. Предположения Е. Барсова, что в Слове отмечен свист волков, и акад. А. С. Орлова, что свистеть могли какие-то „kozy“, возможно, сайгаки, ни на чем не основаны. Ни „kozy“, ни волки не свисят. Автор Слова превосходно знал привычки зверей, и словом „свист“ он не мог охарактеризовать вой волков или бляение коз. Байбаки и суслики — дневные животные — показываются из нор и начинают свистеть только после восхода солнца. Поэтому фраза — „свист зверин вста“ означает, что ночь прошла и наступило утро. Здесь мы видим пример „поэтической лаконичности автора, ясной для его современников и скрытой для поздних поколений“.³

В предложении: „а звери кровь полизаша“ речь идет, по всей вероятности, о лисицах: как случилось это наблюдать автору настоящей работы, лисицы не пожирают трупы людей, а только лижут кровь и откусывают пальцы.

В Слове приведено название одного пресмыкающегося: крупной змеи — полоза. В местах, где проходило войско Игоря, водятся три вида полозов (*Coluber jugularis Pall.*, *Elaphe dione Pall.*, *Elaphe quatorlineata Lec.*). Название „полоз“ — не книжное, а широко распространенное, народное. Полозы, или, по выражению Слова, „полозие“, и в настоящее время нередко встречаются в Приазовских степях, а еще недавно,

¹ И. Новиков, ук. соч., стр. 99.

² Beauplan. Description d'Oukraine. A Rouen, 1660.

³ А. С. Орлов. Слово о полку Игореве. М.—Л., 1938, стр. 12.

когда много было целинных степей, полозы водились в таком огромном количестве, что поселенцы бросали из-за них свои земли и переселялись на новые места, боясь этих безвредных животных. Трудно вообразить, сколько их было в XII в., когда степь еще не была тронута человеком. Полозы, несмотря на свои крупные размеры (некоторые экземпляры доходят почти до двух метров в длину), быстро и бесшумно скользят среди степной травы. Автор Слова, с большим знанием природы, использовал эту особенность полозов, чтобы подчеркнуть тишину в степи во время бегства Игоря: все животные молчали и, не нарушая тишины, „полозие ползоша только“. На родине Игоря, на Черниговщине, полозы не водятся и никогда не водились; с ними автор мог познакомиться лишь в степях.

К сожалению, фразу „полозие ползоша только“, правильно приведенную в первом издании Слова и его перепечатках, исказили позднейшие издатели и комментаторы Слова. А. А. Потехня, не считаясь с конкретным изображением природы, видел здесь „пестрого дятла“. Змей он отрицал, так как, по его мнению, „сомнительна в авторе Слова о полку мелочность изображения“.¹ Птицу „ползика“ предлагал видеть в „полозие“ В. С. Миллер,² забывая, что птицы поползни (*sitta*) — типичные лесные животные, которых не только в степи, но даже на юге лесостепи нет. И. Новиков пытался тоже доказать, что „полозие“ это „ползик“ — „видимо местное название поползней“.³ А. Югов счел необходимым заменить конкретное название „полозие“ обобщенным — „змеи“.⁴ Некоторые комментаторы считали, что следует переставить буквы и читать фразу так: „сороки не трескоташа, по лозию ползоша только“. Надо слишком мало знать сороку, чтобы допустить, что она может ползать, да еще „по лозию“. Жуковский перевел эту фразу совсем неудачно: „Сороки не стрекотали, ползком ползали только“. Предлагали объединить данную фразу с началом следующей и читать: „по лозию ползоша только дятлове“. Дятел „по лозию“, т. е. по кустарниковой иве, не ползает, да и вообще его передвижение по коре нельзя назвать ползанием. Кроме того, дятел не пригоден для подчеркивания тишины, как это требовалось по замыслу автора, так как он либо громко стучит, либо звонко покрикивает. Таким образом, домыслы комментаторов только затемняли первоначальный вполне ясный смысл данного эпизода.

Уделив особенное внимание охотничьим зверям и птицам, автор Слова прекрасно передал и охотничью терминологию своего времени, частично сохранившуюся в языке и до наших дней. И современный охотник редко скажет: „волк бежит рысью“, а чаще употребит выражение „волк трусит“, „бежит трусцой“ или „рыщет“. Так и в Слове: „влькомъ рыскаше, влькомъ прерыскаше“, „дорыскаше“, „нарыщуце“.

¹ Слово о полку Игореве. Изд. 2-е, Харьков, 1914, стр. 146.

² Взгляд на Слово о полку Игореве. М., 1877, стр. 245—246.

³ И. Новиков, ук. соч., стр. 156.

⁴ А. Югов, ук. соч., стр. 97.

В современном охотничьем языке еще сохранились термины „дорыщ“, „отрыщ“, т. е. поймай, возьми и оставь, отойди. Так приказывают гончим или борзым собакам, когда хотят, чтобы они взяли зверя или остановились, перестали давить свою добычу. Термин „нарыск“ обозначает след лисицы.

К охотничьей терминологии должно быть отнесено выражение „след править“: „Гзакъ бѣжитъ сѣрымъ вѣлкомъ, Кончакъ ему слѣдъ править къ Дону великому“. „След править“ значит передвигаться друг за другом, след в след. Так бежит семья, иногда стая волков, ступая след в след (так ходили когда-то индейцы).

„Гнездо“ в смысле выводок, семья, пять раз упомянутое в Слове, также относится к охотничьим терминам. Еще в наше время его употребляю, когда говорят „гнездо“ волков. В обыденной речи значение этого термина сузилось и свелось к понятию о птичьем гнезде или логове зверя. Но в художественной литературе есть такое же метафорическое применение, как в Слове: „птенцы гнезда Петрова“ (ср. „Ольгово гнездо“).

Сокол в Слове не ловит добычу, как выразился бы современный писатель — не охотник, а бьет — „избивает“ ее: Игорь „полетѣ соколомъ подѣ мѣглами, избивая гуси и лебеди завтроку, и обѣду, и ужины“. Это вполне соответствует повадке сокола: он с такой стремительностью нападает на преследуемую им птицу, что ударом вытянутых вперед лап, вооруженных длинными когтями, наносит смертельные раны, часто убивает ее с одного удара. Иная повадка у ястреба. В Слове ястреб не упоминается. Но в рассказе о походе Игоря в Ипатьевской летописи, где описывается его пребывание в плену, читаем: „где хоцетъ, ту и ездяшетъ и ястребом ловяшетъ“ — ястреб не бьет, а ловит свою добычу.

„Лебеди распужени“ соответствует современному — „дичь распугана“.

Соколов „опуташа в путины желѣзны“, „соколца опутаевѣ“ — читаем в Слове, в соответствии с современным охотничьим „путы“, которые надевали ловчим птицам на ноги (позднее путы называли ногавками).

Внимательный наблюдатель природы, автор Слова с изумительной точностью передает своеобразный характер звуков, издаваемых животными — зверями и птицами. Лебедь у него „пояше“ или, будучи вспугнутым, „крычит“; соловей „ущекотал“, его пение — „щекот“; орлы „клектом зовут“, дятлы „тектотом“ „путь кажут“; вороны „граяхуть“; галки „говоряхуть“, их крик — „говор“; зегзица — „кычетъ“; сороки „троскоташа“; кони „ржутъ“; степные зверьки, байбаки и суслики, издают „свист“; „лисицы „брешут“; туры „рыкают“. Этой точностью Слово напоминает украинские думы и песни, где лебедь „співає“ или „ячить“, возуля „кує“, вороны „крячуть“ или „грають“, сокол „квілить“, „поквиляє“, кречет „куркує“, чайка (пигалица) „кигикає“.

„Зооморфологический орнамент“ в Слове, как и вообще все картины природы, имеет не только символическое или метафорическое значение. Природа в Слове реально существует, и естественно-исторические

данные Слова могут быть использованы натуралистом так же, как соответствующие страницы произведений поэтов-охотников — С. Аксакова, И. Тургенева, в наши дни — М. Пришвина, Арсеньева и других писателей-пейзажистов. В целом Слово не только гениальное литературное произведение, но и своеобразный источник по краеведению. Кроме точной номенклатуры и терминологии, в нем легко обнаружить точные биогеографические и фенологические элементы, полностью отвечающие действительности, т. е. условиям места и времени года.

И. П. ЕРЕМИН

Поэтический стиль Симеона Полоцкого

1

Оба сборника стихотворений Симеона Полоцкого — „Вертоград многоцветный“ и „Рифмологион“, если рассматривать их с точки зрения их поэтического содержания, производят впечатление своеобразного музея, на витринах которого расставлены в определенном порядке („художественнѣ и по благочинию“) самые разнообразныя вещи, часто редкiе и очень древнiе („вещь“, „вещи“ — так нередко и сам Симеон называл свои стихотворения; см. его предисловія к „Вертограду“ и „Рифмологиону“); именно они лежат на самой поверхности его обширнаго поэтическаго наследія и прежде всего обращают на себя вниманіе. Этот безпримѣрный — в русской поэзіи — стихотворный музей Симеона Полоцкаго так велик и экспонаты его так многообразны, что нельзя не пожалеть об отсутствіи путеводителя по нему, каталога. Такого каталога нет, к сожаленію; как известно, и „Вертоград многоцветный“ и „Рифмологион“ до сих пор не только не изданы, но не имеют даже своего краткаго библиографическаго описанія (первый сборник ниже цитирую по экземпляру Библиотеки Академіи Наук СССР 31. 7.3.; второй — по экземпляру Московскаго Государственнаго историческаго музея, Синод. собр. № 287).

Между тем именно тут выставлено для обозрѣнія все основное, что успел Симеон, библиофил и начетчик, любитель разных „раритетов“ и „курьезов“, собрать в теченіе своей жизни у себя в памяти: цѣлая коллекція драгоценныхъ камней — „сапфиръ камень“, который имели обычай носить египетскіе жрецы (В., л. 33), „амефистъ камень“ (В., л. 496 об.), не тонущій в водѣ „камень фирреосъ“ (В., л. 464 об.) и пр.; не менѣе драгоценная по подбору экземпляровъ коллекція редкихъ животныхъ и птицъ: „слонъ“ (В., л. 283 об.), „птица финиксъ“ (В., л. 333 об.), „птица неясътъ“ (В., л. 334), „левъ“ (В., л. 104), „райская птица“ с яркимъ разноцветнымъ опереньемъ (В., л. 135 об. — л. 136 об.), плачущій „крокодилъ“ (В., л. 247 об.), „пификъ“, ласкою убивающій своихъ

детенышей (В., л. 252 об.), „хамелеонъ“ (В., л. 252 об.), птица „струфионъ“, имеющая крылья, но не могущая летать (В., л. 254), „заяць морской“ (В., л. 223), „василискъ“, свистанием своим убивающий птиц (В., л. 229 об.), „скорпиѣ“, рождающий одиннадцать чад, из числа которых он только одного оставляет себе, а остальных съедает (В., л. 431 об.), и пр.; есть вращающееся колесо — символ бренности всего существующего (В., л. 388 об.) и магнитная стрелка (В., л. 270); медное кольцо с бесценным „адамантом“ (В., л. 143 об.) и песочные часы (В., л. 317); полное облачение царское: саккос из парчи, бармы, усыпанный драгоценными камнями венец, скипетр и держава (Р., л. 573 об. — л. 574); панорама звездного неба с солнцем посередине в окружении планет и „круга животных“ — зодиака (см. „Орел Российский“); есть тут вещи и совсем редкие: престол царя Соломона из золота и слоновой кости (Р., л. 579 об.), чудесный египетский столп, поющий на заре (Р., л. 534 об.), „жель Аароновъ“ (В., л. 156 об.), „голубица Ноева“ (В., л. 100 об.), „челюсть осла мертваго“, которую Самсон побил филистимлян (В., л. 31), и многое другое. Сюда же к числу экспонатов этой поэтической кунсткамеры Симеона Полоцкого относятся и читающиеся в составе преимущественно „Вертограда“ многочисленные стихотворные анекдоты и повести: о благодарном льве („Левъ“), о женщине, которая родила поросят („Казнь хулы“), о невинно оклеветанной царице („Клевета“), о богородице, принявшей младенца у одной монахини, согрешившей, но раскаявшейся („Блудъ со сродником“), о человеке, на сердце у которого, когда его после смерти вскрыли, нашли изображение распятия („Распятие в сердце“), о гордом монахе, которого прельстил демон в образе блудницы („Гордость“), о каре, постигшей одного грешника: на него вскочила жаба и прилипла к его телу („Казнь сыну за отца“); об одном паломнике, которого ангел в образе всадника в течение нескольких часов чудесно доставил из Иерусалима домой („Литургия“); о человеке, который выколол око на иконе богородицы и за это был наказан тем же („Око избоденно образу“), о Семирамиде, которая обманом воцарилась и обезглавила царя („Жена“), о Марке Курции, для спасения города бросившемся в пропасть, о Кодре, царе Афинском (см. „Орел Российский“, и пр.¹

Так называемые „книжицы“ Симеона Полоцкого свидетельствуют, что этот его стихотворный парад вещей иногда принимал форму настоящего зрелища — зрелища в буквальном смысле этого слова: стихи можно было не только читать, но и рассматривать, как рассматривают здание или картину. „Книжиц“ этих у него пять (три „привѣтственные“ и две траурные): „Благоприветствование“ царю Алексею Михайловичу „о ново богом дарованном сынѣ государѣ нашем царевичѣ и великом князѣ

¹ Ср. А. И. Белецкий. Повествовательный элемент в „Вертограде“ Симеона Полоцкого. Сборник статей к сорокалетию ученой деятельности акад. А. С. Орлова, Изд. АН СССР, Л., 1934, стр. 329—333.

Симеонъ Алексиевичъ“ (1665), „Орел Российский“ (1667), „Френы, или Плачи всѣх санов и чинов православно Российскаго царства“ о смерти царицы Марии Ильиничны (1659), „Глас похвальный ко господу богу“ царя Алексея Михайловича (1676), „Гусли доброголасная“ (1676). Каждая из них в свое время была Симеоном лично „вручена“ царю в специально изготовленном для него экземпляре. В 1678 г. Симеон включил их в состав своего „Рифмологиона“, куда, как известно, вошли и все другие его произведения, „в благодарствие, похвалу и привѣтъ“ написанные. И „Рифмологион“ (до нас дошел только черновой экземпляр этого сборника), в составе которого „книжицы“ заняли центральное место, и в особенности дошедший до нас подносный экземпляр „Орла Российскаго“ (см. рукопись Библиотеки АН СССР 16. 5. 7) раскрывают секрет этого зрелищного эффекта: в помощь к слову Симеон привлекал живопись, графику и даже отдельные архитектурные мотивы, следуя в данном случае, быть может, примеру своих современников-живописцев и зодчих, охотно во второй половине XVII в. экспериментировавших в том же направлении, с той, разумеется, только разницей, что они внедряли литературу в свои композиции.¹ Живопись и графика помогли Симеону придать его стихотворным экспонатам там, где он находил это нужным, недостающую им живописную наглядность; архитектура помогла наиболее эффектно расставить эти экспонаты.

Уже первая по времени „книжица“ приветственная Симеона Полоцкого — царю Алексею по случаю рождения царевича Симеона — характеризуется ясно выраженным стремлением к этому „синтезу“ всех искусств в рамках одного, в данном случае литературного произведения. Начинается она с пространной оды в честь царя Алексея. За одой следует: контурное, во весь лист, изображение креста красного цвета со вписанными в него стихами (л. 430 об.). Крест — дар новорожденному царевичу от автора, о чем и сообщается в следующем стихотворении, заканчивающемся „многолетием“ царевичу в форме так называемого „лабиринта“. Далее — изображение двух звезд красного цвета (одна вписана в другую), контуры которых составляют стихи, и стихотворное пояснение этого изображения (лл. 432-432 об.). Далее — „Беседа со планеты“ (наименования отдельных планет, равно как и заглавие „Беседы“ — яркокрасного цвета): Луна, Меркурий, Венера, Солнце золотосветное, Марс, Юпитер, Сатурн сообщают поочередно автору — что несут они в дар царевичу. Далее — „Апостроф ко преподобному“, в честь которого назван царевич (заглавие — красного цвета), с просьбой взять под свое покровительство царя Алексея и все его семейство. Заканчивается „книжица“ многолетием царю — опять в форме „лабиринта“, на этот раз со стихотворным ключом к нему („Начало в кентрѣ,

¹ Б. В. Михайловский и Б. И. Пуришев. Очерки истории древнерусской монументальной живописи со второй половины XIV в. до начала XVIII в. „Искусство“, М.—Л., 1941, стр. 130—131.

чтется во вся страны...“). Перед нами, как видим, целое словесно-архитектурное сооружение с двуцветной окраской и многочисленными графическими инкрустациями.

Еще в большей степени тот же характер сложного словесно-архитектурного сооружения — словесного зрелища — носит и следующая по времени аналогичная композиция Симеона Полоцкого — „Орел Российский“, замечательная своими живописными изображениями в экземпляре, поднесенном царю Алексею Михайловичу и сыну его Алексею 1 сентября 1657 г. В центре этой композиции великолепная живописная панорама звездного неба с солнцем посередине; солнце испускает сорок восемь лучей; в каждый луч вписана одна из присущих царю Алексею добродетелей: „правдолюбие“, „правосудство“, „щедродаяние“, „словопостоянство“, „добронравие“, „увѣтливость“ и пр.; на фоне солнца — затемняющий его венценосный двуглавый орел со скипетром и державою в когтях; солнце движется по „кругу животных“ — зодиаку, знаки которого — раскрашенные иллюстрации к тексту. Поддерживает эту панораму „Елогион“ (ода в честь царя Алексея) — стройная колонна, в свою очередь опирающаяся — в начале „книжицы“ — на массивный „Енкомийон“ в прозе.¹

Эффектной симметричностью своих словесно-архитектурных ансамблей обращают на себя внимание также обе траурные „книжицы“ Симеона Полоцкого. Первой из них предшествуют: арка заглавия, пышная как катафалк („Френы, или Плачи всѣх санов и чинов православно Российскаго царства о смерти благозѣрных и христолюбивых государыни царицы и великия княгини Марии Иличны...“), и речь автора в прозе к царю Алексею Михайловичу. Затем следуют: „плачи“ с одной стороны, с другой — „утѣшения“ Веры, Надежды, Любви, Благоговенства, Мудрости, Воздержания, Мира, Заступления, Страннолюбия, Милостыни, всех Добродетелей и, в заключение, Церкви Торжествующей. „Плачи“ и „утѣшения“ — их двенадцать пар — движутся параллельными рядами (заглавия первых окрашены в черный цвет; вторых — в красный) и производят впечатление двусторонней колоннады; опирается она в монолог покойной царицы: „от гроба к оставшим“. Монолог этот завершается „вечной памятью“ царице в форме „лабиринта“. За монологом — две легкие пристройки к нему: „Епитафион, или Надгробие“ царице Марии и „Епитафион“ царевне Евдокии. За ними — новый словесно-архитектурный ансамбль: „Емлимата и их толкования, стихами красогласными равномернѣ сложенная“, как характеризуется он в заглавии; запроектирован был он с живописными иллюстрациями: каждая из девяти эмблем должна была найти — и в подносном экземпляре, несомненно, нашла — свое живописное воплощение; в дошедшем до нас черновом экземпляре

¹ Орел Российский. Творение Симеона Полоцкого. Сообщил Н. А. Смирнов. Памятники древней письменности, СХХХІІІ, 1915. (В дальнейшем цитируется сокращенно: Орел Российский).

„Рифмологиона“ эти изображения отсутствуют; для них оставлено место, — читаются только „девизы“ (л. 511 об. — л. 515). Завершает всю композицию „желание стихотворца“ — графема: квадрат, в который симметрично вписаны еще четыре таких же квадрата; в каждом квадрате — посвящения, а по бокам, в промежутках, буквы, сочетание которых в разных комбинациях составляет „многа лѣта“ царю, царевичам, царевнам, „всѣм православным христианом“ (л. 515 об.).

Вторая траурная „книжица“ Симеона — „Глас последний“ царя Алексея Михайловича, — как и первая, открывается пышным, во весь лист, заглавием, эпиграфами и предисловием, в прозе, „благочестивѣйшему, тишайшему, пресвѣтлѣйшему“ Федору Алексеевичу. Далее — „Глас послѣдний“ царя Алексея „ко господу богу“ и его же „Глас послѣдний“ царевичу Федору — два стихотворных монолога, наподобие столпов, поддерживающих центральный словесно-архитектурный ансамбль всей композиции: „Завет“ царя Алексея. „Завѣт“ этот — заглавие его ярко выделяется (киноварь) на фоне остального текста — состоит из восьмидесяти „вѣлнй“ царя Алексея, от шести до двадцати стихов каждое. За ним — „Отвѣт“ Федора и новая двусторонняя колоннада стихов: царь Алексей поочередно обращается с „гласом послѣдним“ к патриарху Иоакиму, царице Наталье, царевичам, царевнам, князьям, боярам и пр.; те, тоже поочередно, выступают с „ответом“. К этому диалогу покойного царя Алексея с его родными и подданными, напоминающему известную элегию Проперция в честь Корнелии, примыкает второй массивный словесно-архитектурный ансамбль: двенадцать чередующихся один за другим „плачей“ с небольшим преддверием в прозе и стихах (л. 543 об. — л. 544). Заканчивается композиция особым „Заключением“ в стихах и уже традиционным для Симеона „лабиринтом“: „вечной памятью“ покойному царю.

Большой парадностью характеризуется и последняя по времени приветственная „книжица“ Симеона — „Гусль доброгласная“, врученная царю Федору Алексеевичу 18 июня 1676 г. в день венчания его на царство. Построением своим она несколько напоминает предшествующую „книжицу“, написанную пятью месяцами ранее: как и там, здесь в центре композиции два основных словесно-архитектурных ансамбля в обрамлении сооружений более мелкого масштаба, преимущественно декоративного назначения. Первый такой ансамбль в данной „книжице“ составляют „желания благая“ (заглавие — красного цвета): высказывают их царю Федору, в стихах, поочередно, патриарх, царица-мать, царевичи, царевны, князья, бояре и пр. Преддверием к нему служат эпиграфы, приветствие в прозе царю и контурное изображение креста со вписанными в него стихами (л. 562 об.); завершением — „лабиринт“ („царствуй многа лѣта“) с небольшим стихотворным посвящением Федору. Второй ансамбль составляет цикл из двадцати четырех „привѣтств“ неодинаковой фактуры; „привѣтства“ 4-е, 5-е, 10—19-е, 23-е составлены „сапфическими“ строфами, несколько нарушающими графи-

ческую монотонию этой композиции. Предшествует ему особое „Предпривѣтствие“; завершает — „Колофон“ („окончение“).

Живописные и графические инкрустации „книжиц“ Симеона Полоцкого составляют неотъемлемую часть этих „книжиц“ и органически связаны с ними: одни носят чисто декоративный характер и выполняют служебную функцию — орнаментального украшения; другие составляют часть экспозиции и, следовательно, образуют самостоятельный компонент экспозиции, равноправный в ряду ее остальных, словесных компонентов. К первой группе графических и живописных инкрустаций — исполнение их Симеон, конечно, поручал помощникам-специалистам — относятся все так называемые „лабиринты“ и остальные графемы того же типа; в большинстве случаев они завершают у него какой-либо цикл (ансамбль) стихотворений и служат своеобразной словесно-графической вignetкой в финале этого цикла; сюда же должны быть отнесены и некоторые заглавные арки, выделенные особым шрифтом, перевитые растительным орнаментом, например, в подносном экземпляре „Орла Российскаго“; сюда же могут быть отнесены и два „афиеросиса“ (ἀφιέρωσις — посвящение) — две стихотворные криптограммы в том же „Орле Российском“, привлекающие внимание причудливой графикой своих стихов, рассчитанной, несомненно, на зрительный эффект. Образцом инкрустаций второго типа может служить панорама небесных светил в „Орле Российском“, составляющая в сущности основное содержание всей композиции. Значение вполне самостоятельных единиц в системе целого имеют также: изображения креста и звезд в „Благопривѣтствовании“ Симеона Полоцкого царю Алексею по случаю рождения царевича Симеона, сердца — в „Орле Российском“, эмблем — во „Френах“, изображение креста — в „Гусли dobroгласной“.

2

Обращает на себя внимание одна характерная особенность этой стихотворной и нестихотворной кунсткамеры Симеона Полоцкого: он отбирал для нее вещи преимущественно редкие, вещи-феномены, вещи, которых никто никогда не видел, „курьезы“. Чем причудливее, чем химернее вещь, тем больший интерес она обычно для него представляла, тем охотнее выдвигал он ее на первый план.

Тенденция эта рассматривать на одной плоскости возможное и невозможное для Симеона Полоцкого не случайна: он никогда не дорожил правдоподобием созданного им мира вещей. Истина для него лежит за пределами этого мира. Вещь сама по себе — ничто. Вещь — только форма, в которой человек созерцает истину, только „знак“, „гиероглифик“ истины.

Этот „гиероглифик“ можно и должно прочесть. Вещи могут и должны заговорить, и Симеон Полоцкий, чтобы заставить их говорить, систематически, от стиха к стиху, переводил их с языка конкретных образов

на язык понятий и логических абстракций, т. е. систематически, без сожаления, разрушал им же созданный мир, вещь за вещью.

Хамелеонту вражда естеством всадися
 къ животнымъ, их же жало яда исполнися.
 Видя убо онъ змяя, на древо вехождаетъ
 и изъ усть нить на него нѣкую пушаетъ;
 Въ ея же концѣ капля, что бисерь, сияеть,
 юже онъ ногою на змяя управляетъ.
 Та повнегда вмиевѣй главѣ прикоснется,
 абие ядоносный умерщвлен прострется.
 Подобно дѣйство имать молитва святая,
 на змяя ветга изъ усть нашихъ пущенная;
 Въ ней же имя „Иисусъ“, якъ бисерь, сияеть,
 демона лукаваго в силѣ умерщвляет.
 Трепещуть сего бѣси, отсюду гонзають,
 чрезъ то заклинаеми гдѣ либо бывають.

Стихотворение это, читающееся в „Вертограде“ (лл. 297 об.—298), — типичный образец его, Симеона, поэтического мышления, его отношения к им же созданному миру вещей. От „гиероглифика“, от образа к „логической“ интерпретации этого образа — таково нормальное для Симеона движение его поэтической темы. Почти все стихотворения Симеона, независимо от их объема, построены по такой схеме; с редким постоянством ее воспроизводят и коротенькие двустишия, нередко встречающиеся в его „Вертограде“, и обширные „поэмы“:

Яко цвѣтъ селный скоро оцвѣтаеть,
 такъ человекъ вѣкъ свой преживает.
 (В., л. 90)

Колесо скрипящее путнику стужаетъ,
 человекъ же ропотный богу досаждаетъ.
 (В., л. 423)

Левъ ввѣря низу падша никогда терзаетъ,
 грѣшника смирившася богъ не погубляетъ.
 (В., л. 457)

Не сила капли камень пробиваетъ,
 но яко часто на того падаетъ.
 Тако читай часто научится,
 аще и не остръ умомъ си родится.
 (В., л. 556 об.)

Комаръ в нощи ко свѣщѣ горячей лѣзаетъ,
 яко любовь к свѣтлости в себѣ соблюдаетъ;
 Но елма ко огнеси излише сближатся,
 безумнымъ неопаствомъ впад во огонь спалится.
 Точнѣ оплавивши людие творяють,
 в свѣтъ вѣжества о бозѣ любовь простиряють;
 Но елма продерзливо тѣатся испытати,
 обыкоша в грѣхъ нѣкий, яко в огонь, впадати.
 И тако сами себѣ убийцы бывають,
 яко выше силъ своихъ о бозѣ дерзають.
 (В., л. 574)

Переосмысляя образ, Симеон очень часто разбирал его по частям, дробил на составные элементы, — ибо вещи многозначны. Значение „гиероглифика“, подлежащего дешифровке, нередко под пером Симеона приобретала не только вещь в целом, но и все ее свойства, ее качества, взятые в отдельности; например, радуга в одном из стихотворений того же „Вертограда“ (лл. 131—131 об.) не только радуга в целом, но и ее „атрибуты“ — внешняя форма („два рога“), ее спектральные цвета здесь получили у Симеона, в переводе на язык его поэтической метафизики, новое, иносказательное значение.

По всемирномъ потоцѣ дуга положися
 На облацѣхъ во знамя, яко богъ смирися
 Съ человѣческимъ родомъ: ни имать казнити
 к тому толь лють, аще и будетъ грѣшити.
 Та дуга во обрави Христа воплощенна,
 въ знамя мира со богомъ въ мирѣ положенна:
 Ибо яко же дуга въ облацѣхъ родится,
 егда на не сияние солнца изводится,
 Тако есть сияние славы божественны
 Христось, въ чловѣчестей плоти проявленны.
 И яко дуга въ себѣ два содержитъ рога,
 подобнѣ два естества суть у Христа бога.
 Въ дузѣ три суть цвѣти: багряный, зеленый,
 третій имъ примѣсяи видомъ си червленый.
 Въ Христе три суть образы житія святаго,
 земнаго, небеснаго и болѣзненнаго.
 Небесно веселое значитя въ зеленомъ,
 болѣзненное паки во цвѣтѣ червленомъ;
 Иже по чловѣку земное въ багряномъ,
 проявленное въ ползу вѣрнымъ христианомъ.

Стихотворение это и ему подобные сближают поэзию Симеона с его „Объдом Душевым“ и „Вечерей Душевной“ — с сборниками его проповедей, где подобные богословско-схоластические „подобенства“ занимают большое место и составляют основное содержание едва ли не каждого его „казаня“.

Всегда, как правило, исходя от образа, Симеон обычно большое внимание уделял его поэтическому описанию: вещь под его пером нередко перерастала в целую законченную „картинку“, не лишенную подчас выразительности и драматического движения. Таково, например, описание кораблекрушения в стихотворении „Пособие“ того же сборника (л. 381):

Корабелници, егда преплывають
 пучину моря, аще усмотряють
 Инныя в бѣдствѣ тошения быти,
 всячески тщатся онымъ пособити.
 Прибытковъ своихъ тогда не смотряють,
 удержать корабль, парусъ низпускають;

Верви подають, да бы ся имати
 тонуцьымъ за ня, а не погибати;
 Дски и дрєвеса разлїчна вергають,
 елико могуць, помощь сотворяють...

Или, там же, портрет промывающего рану врача — в начале стихотворения „Врачь“ (лл. 86 об. — 87):

Врачи ови наипаче блажими бывають,
 иже не чрезъ рабы си больныхъ посѣщають,
 Но сами приходяще, касаются дѣлу
 и пособие дѣють уязвленну тѣлу.
 Низложше с плещу паллий, ленте приемлют,
 тѣмъ препоясавшесе, от раны отемають
 Платенца, и своими персты ощущають
 раны, и в нихъ смердящий отокъ очищают,
 Не гнушающеся тѣмъ, но вся тощю дѣють,
 яже хитростию си во ползу умѣють...

В свете такого рода развернутых описаний становится понятным наличие и в том и в другом сборнике целых стихотворных „повѣстей“, по терминологии самого Симеона; каждая „повѣсть“ выполняет у него ту же поэтическую функцию, что и единичный образ: как правило, она тоже — только формообразующий стихотворение материал, только „вещественная“ опора поэтической темы. Разница между единичным образом и „повѣстью“ у Симеона — чисто количественная: „повесть“ — система единичных образов, связанных между собою фабульным единством, подлежащая переводу на язык понятий и логических абстракций, как и всякий иной образ, всякая иная вещь. Повествовательный элемент и „Вертограда“ и „Рифмологиона“ Симеона Полоцкого (он налицо и в этом последнем сборнике, правда, в меньшей пропорции) — элемент, органически свойственный этим сборникам, предопределенный самой природой его, Симеона, поэтического мышления. В типологическом родстве „повѣстей“ Симеона с вышеприведенными стихотворениями легко убедиться на примере любого „фабульного“ его стихотворения, — допустим, такого, читающегося в „Вертограде“ под заглавием „Труба“ (лл. 498 об. — 499):

Трубитель нѣкий рыбы ловити хотяше,
 и пришедь на брегъ рѣки, надолзь трубяше,
 Призывая ко себѣ. Но ты не идяху,
 токмо во быстрой водѣ с собою играху.
 Онъ же, восприемъ мрежу, нача я ловити
 и, заемъ множество ихъ, на брегъ извлачити.
 Рыбы же, елма из водѣ извлеченны бяху,
 по обычаю пред нимъ от нужды скакаху.
 Онъ рече: „Престаните прочее скакати,
 ибо азъ уже престахъ трубный глас даяти.

В не же время трубих вам, в то вы не скакасте,
 но елма яхъ мрежею, скакати начасте.
 Не скаканию время нынѣ вамъ дается,
 но во сладкое брашно всяка заколется".
 И нача по единой оны закалати
 и во пиру мертвыя свою полагати.
 Тако грядущий господь во послѣднемъ часѣ
 во грубѣ божественнѣй, в архаггелстем гласѣ
 Над моремъ мира сего трубить нынѣ выну
 усты проповѣдниковъ чловѣчю сыну
 Всякому, да приходитъ из пучины к нему,
 яко ко истинному госпуду своему,
 Да из глубины греховъ къ нему претекаетъ
 и от адскихъ челюстей тако ся спасаетъ.
 Аще убо кто гласа не послушавъ сего,
 играя в безднѣ грѣховъ, бѣгаетъ от него,
 Мрежею смерти иматъ уловенный быти,
 ею же никому же подобно избѣгти.
 Изъять же на брегъ суда иматъ не скакати,
 но от страха и бѣды лють трепетати.
 Наконецъ закланъ будетъ ножемъ казни вѣчны
 и вовержется во адъ в муки безконечны.
 Тамо огнемъ сжарится и сварится зѣло,
 будетъ в нищу демономъ и душа и тѣло.
 Оле казни лютыя! Тоя вси гонзайте,
 на гласъ проповѣдниковъ къ богу притекайте
 Бѣжите грѣховъ бездны, ко спасу теците,
 донелѣ же есть время бѣгствомъ ся спасите.
 Не ожидайте мрежи смерти, ибо тако
 заятый поневоли, не спасется всяко.

Схема, как видим, та же. Стихотворение делится на две части: образ и его „логическую“ интерпретацию. В результате обычная для Симеона метаморфоза: „курьезный“ анекдот стал прообразом последнего страшного суда; фабульная канва распалась на полные трагического пафоса логизированные метафоры („море мира“, „мрежа смерти“, „брегъ суда“, „нож казни вѣчны“, „грѣховъ бездна“ и пр.).

Очень редко, но встречаются у Симеона Полоцкого стихотворения, внешне отступающие от этой нормальной для него схемы: образ налицо, а иносказания нет, нет двойного плана, нет традиционного для него соотношения между образом и поэтической темой. Стихотворение „День и ночь“ в „Вертограде“ — типичный пример такого внешне „чистого“, себе довлеющего образа (л. 123):

1. Денница

Темную ночь денница свѣтла разсыпаетъ,
 краснымъ сияниемъ си день в миръ впроваждаетъ.
 Нудить люди ко дѣлу; овъ въ водахъ глубокихъ
 рибствуетъ, овъ въ пустыняхъ лов дѣетъ широкахъ,
 Иный что ино творить. Спяй же на день много
 бѣднѣ, раздраноривно поживетъ убого.

2. Полудень

Оже средѣ небесе солнце бѣгъ свой дѣветъ,
 палитъ нивы, а скоты лучми зѣло грѣветъ,
 Иже въ сѣни при водахъ от трудовъ кладятся, —
 жнеци пищую и сномъ по трудѣхъ крѣпятыя.
 Такъ естество отчески строить еже быти:
 законъ всѣмъ пишеть вещемъ нуждный сохранити.

3. Вечеръ

Якъ зоря день вѣщаеть, такъ нощь вечеръ вводитъ;
 въ хлѣвину си скоть идетъ; орачъ в домъ входитъ;
 Рало оставивъ, хлѣбомъ стомахъ укрѣпляетъ,
 утружденныя силы пищи обновляетъ;
 Таже сномъ сладкимъ плоть си покоитъ стружденну, —
 сонъ бо богомъ дадеся въ покой труду дневну.

4. Нощь

Нощь мрачная тму страшну на землю наводитъ;
 извѣты часто, злобы и поводы родитъ
 Въ готовыхъ на вся злая, что злыи умъ вмѣщаетъ.
 Обаче своя игры, утѣхи нощь знаетъ:
 Временемъ есть полезна, но мудръ сый блюдется
 тмы нощныя — день любить, да в ней не преткнется.

Себе довлеющая образность этой не лишенной настроения сельской идиллии Симеона Полоцкого — мнимая; в действительности перед нами такое же дидактическое иносказание, как и многие другие его стихотворения в „Вертограде“; разница только в том, что здесь эта дидактическая тема, навязанная образу, осмысляющая образ, дана не прямо, а косвенно — в форме подтекста, только временами, в финале каждого шестистишия, всплывающего на поверхность изложения („Сплай же на день много бѣдяъ, раздраноризно поживеть убого“, „мудръ сый блюдется тмы нощныя — день любить, да в ней не преткнется“).

Образ сам по себе, в своей осязаемой конкретности, никогда не привлекал творческого внимания Симеона; он приобретал для него эстетическую ценность только тогда, когда обнаруживал возможность переосмысления. Свой мир вещей Симеон созидал только для того, чтобы его разрушить, — затем, тут же, воссоздать, но воссоздать уже на новой, логизированной основе. И вещь, и каждая ее составная часть, взятая отдельно, обычно рождала под пером Симеона свой новый, „логический“ эквивалент, переключалась в новый ряд. В установлении этого нового ряда, отвлеченного от ряда конкретных вещей, от образов путем их последовательного иносказательного переосмысления — весь пафос поэзии Симеона Полоцкого.

В подавляющем большинстве случаев вещь отягчалась у Симеона новым значением насильственно, — насильственно потому, что переводит

лась им из одного плана в другой, иносказательный, аллегорический, как правило, при помощи аналогии, основанной на сходстве не основных, а второстепенных, случайных признаков. Отсюда: в процессе своего вторичного рождения вещи у него нередко перевоплощались самым неожиданным и химерным образом; радуга перевоплощалась в богородицу, зеркало становилось прообразом Христа, молния стала обозначать богатство, ласточка — друга, рыба — душу человеческую, свеча — веру, овца — церковь, лев мог стать прообразом бога, орел — Христа, червь — ереси, сокол — грешника и т. п. Характерный пример такого рода сближений — стихотворение „Судь“ в „Вертограде“, где Симеон предлагает читателю подражать... собаке и овце (л. 485):

Песь утруженный, егда хочеть спати,
 обыче прежде сам ся обращати,
 Нежели ляжеть. Егда осмотрится
 окресть на мѣстѣ, тогда положится.
 Онъ по естеству нам же подобаеть,
 да кождо во нравъ то себѣ взимаеть:
 Еже на ложе спати отходящу,
 быти окресть ся прилѣжно смотрящу,
 Еже есть весь день умомъ разсудити,
 не случилися в онъ что согрѣшити.
 И аще кая злоба усмотрится,
 абие овцы да уподобится.
 Овца бо, егда придетъ время спати,
 нравъ на колѣна имать припадати.
 Овчествууй кождо, — прежде преклонися
 на колѣна ти: сердцемъ сокрушися
 О твоихъ грѣсѣхъ, таже положися,
 божией стражи говѣнно вѣручися.
 Полезно к тому ложе измывати,
 Давыдски слезми постель омочати.
 Ибо кто сице въ вечеръ умилится,
 въ утрий день свѣтло той возвеселится.

Это закономерное для Симеона совмещение несовместимого на одной плоскости, эта всегда занимавшая его игра отдаленными аналогиями, бросают свет и еще на одну характерную особенность его поэтического творчества: бесконечное вращение по одному и тому же кругу. Возможность сближать между собою самые разнообразные и часто несовместимые явления позволяла Симеону без особого труда варьировать одну и ту же тему десятки и сотни раз, — ибо и зеркало, и лев, и птица Феникс, и море, и сосуд, и камень, и виноградная лоза могли обозначать у него одно и то же (Христа); солнце могло обозначать и Христа, и царя Алексея Михайловича, и царевича Алексея, и царя Федора Алексеевича; овца могла обозначать и церковь, и человека, и даже богородицу; столп, свеча, звезда могли обозначать и веру, и раскаявшегося грешника, и еще многое иное. Та же возможность позволяла

Симеону любое стихотворение оборвать и на десятом, и на сто десятом стихе, — ибо он всегда мог, закончив вращение — от образа к его иносказанию — по одному кругу, возобновить его снова по другому. Графомания, свойственная Симеону (впрочем, и не только ему в эту эпоху), — такое же проявление его поэтического стиля, как и все его химерные уподобления, его вычурные аллегии.

Художественная природа этого стиля не вызывает сомнения; это — „барокко“, в том его варианте, носителями которого на Украине и в Белоруссии во второй половине XVII в. были школьные поэты-силлабики, а на Западе в XVII в. — преимущественно неолатинские поэты (Я. Бальде, К. Сарбевский и др.).

3

Порожденная волной феодальной реакции и контрреформации, возникшая в ожесточенной полемике с традициями Ренессанса, поэзия „барокко“, однако, никогда не порывала связи с внешней стороной поэтической культуры Ренессанса, — даже при самых крутых своих поворотах назад, к дидактическому аллегоризму средневековой католической поэзии; об этой связи в особенности наглядно свидетельствуют многочисленные у поэтов „барокко“ реминисценции из античного мира — античной мифологии и поэзии.

Реминисценции эти налицо и у Симеона Полоцкого; они встречаются у него и в том и в другом сборнике. В „Орль Российском“, например, упоминаются едва ли не все канонизованные поэзией Ренессанса античные боги и герои: Аполлон, Афина, Диана, Вулкан, Дий (Зевс), Беллона, Эол („Еоль“), Нептун, Арей, Феб („Фоеб“, „Фоев“, „Фоиф“), Геркулес, Эней и др.; античные поэты, ораторы, философы: Гомер („Омир“), Эврипид („Еврипп“), Вергилий, Овидий, Демосфен, Цицерон, Аристотель и др.; в той или иной связи упоминаются: Геликон, Парнас, Пегас, музы („мусы“) и пр.; излагаются мифы: о двуглавом Янусе, о Касторе и Поллуксе.¹

Редко, но встречаются у Симеона даже стихи, где эти античные реминисценции носят характер прямого подражания античным образцам — совсем в манере поэтов Ренессанса:

Дий небовладный скипетръ ти посылаеть,
 о Алексие! Арей же вручаеть
 Черезь орла сего мечь обоестранный,
 хитримь Вулканом добръ укуванный...²
 Плыви в Россию по морской пучинѣ,
 Арион славный, хотя на дельфинѣ,

¹ Орел Российский, стр. XIV—XIX.

² Там же, стр. 37.

И Амфиона привледи з собою,
 да в струны бить свою рукою...¹
 Тамъ гдѣ Дианна бодрая з стрѣлами
 между сатырми гонить за звѣрами,
 Тамъ користь стрелцу...²

Изучение античного наследия в поэзии Симеона Полоцкого, однако, показывает, что эти и аналогичные им стихи — всего лишь случайные реликты чуждой ему поэтической системы. У Симеона Полоцкого, как и у его собратьев по стилю, нет и никогда не было непосредственного творческого интереса к античному миру; его восприятие античного наследия — типично „барочное“, во многом диаметрально противоположное Ренессансу, условное, далекое от понимания, от ощущения этого наследия, как некоей замкнутой в себе поэтической категории.

В подавляющем большинстве случаев, в том числе в „Орлѣ Российском“, античные боги и герои у Симеона — просто слова чисто номенклатурного назначения, слова-заменители, условно-поэтические обозначения того или иного понятия. В „Орлѣ Российском“ слово „огонь“, например, имеет у Симеона свой равнозначный условно-поэтический дубликат — „зари Вулкана“; замена эта менее всего вызвана стремлением Симеона обогатить стих какими-либо новыми, специально „античными“, семантическими ассоциациями: контекст свидетельствует,³ что перед нами простая поэтическая условность, — попытка придать рядовому слову „огонь“ несколько более „высокое“ звучание. В поэтическом словаре „Орла Российскаго“ такие „античные“ слова-дубликаты встречаются нередко: небо — „емпир“, „лоно Диево“ (стр. 14); солнце — „Фоиив златый“ (стр. 20), „Кинфий, в свѣтлу одежду свѣтло одѣяны“ (стр. 39), „златовласый Кинфий“ (стр. 41), „свѣтородный Фоиив“ (стр. 69), „свѣтлый Фаефон“ (стр. 75), „лоно Диево“ (стр. 30); геральдический орел Российский — „Диева птица“ (стр. 29); царевич Алексей — „Фоииве наш светлый“ (стр. 41), „Фоииве красный“ (стр. 41), „Фоииве наш презлатый“ (стр. 50), „Фоииве наш словесный“ (стр. 53) и т. п. И Дий (Зевс), и Феб здесь — условно-поэтические „клише“, никакого прямого отношения к античной мифологии не имеющие и рассчитанные, как и „зари Вулкана“, на „пиитическое“ парение. И только.

До какой степени безразлична была для Симеона античная природа его поэтического Олимпа, — красноречиво свидетельствуют и выступающие у него в том же „Орлѣ Российском“ Аполлон и музы (стр. 26—38); музы у него нередко забывают о своем происхождении и говорят вещи, в устах муз более чем странные, — допустим, муза „Клио“ (стр. 27):

¹ Орел Российский, стр. 39.

² Там же, стр. 53.

³ Там же, стр. 50

... се зрите, роды, прилѣжно смотрите,
яко Россійскій Орель ся вселяеть
Вѣроу в солнце, в Христа облакает...

Или муза „Фаллиа“, цитирующая „Песнь песней“ царя Соломона (стр. 32—33):

Негли нѣкто почюдиться,
егда Орлу присмотрится, —
Вскую, иже убѣленный,
егда в Христа облеченный,
Той ся чернымъ проявляет; —
тѣмъ ся вѣрнымъ похваляет,
Съ невѣстою глаголь дая,
въ пѣснехъ пѣсней воспѣвая:
Азъ есмь черный, дщи Сиона...

Показателен для характеристики действительной природы его, Симеона, „классицизма“ и монолог Аполлона: обращаясь к музам, Аполлон выражает решительное сомнение в том, что музы смогут достойным образом воспеть царевича Алексея — новоявленное „солнце“ на „Россійском небѣ“ (стр. 38—39):

Сама Афина едва здѣ довлѣть,
Толику славу Россна имѣть.
Омиръ преславный въ стихотворении
не могъ бы пѣти о семъ явлении.
О Енеевыхъ Виргилию бранехъ,
Овидию же о Гетійскихъ странехъ
Метротворити, — а здѣ не довлѣють;
и риторове о семъ не умѣють
Рещи довольно; Демосфинъ нѣмствуеть,
Кикеронъ славный ему пособствуетъ
Всуе Евриппу много почюдися
Аристотелесъ и во всемъ трудися:
Здѣ чело ему мощно бы потити
и всепостижный умъ свой утрудити,
На славу зряще свѣта Алексія,
Царьскаго сына, иже Руси всея
Есть веселие...

Не трудно заметить, что весь этот длинный перечень античных авторов сюда введен отнюдь не для античного „колорита“: он понадобился Симеону только как опорный материал для столь обычной для него безудержной „поэтической“ гиперболы:

...нужда здѣ пѣвцовъ от небесна лика,
Еже вопѣти, како онъ сияеть,
како Россію свѣтомъ озаряеть
Славы своея...

Гомера, Вергилия, Демосфена, Цицерона здесь с успехом могли бы заменить другие прославленные поэты и ораторы, необязательно античные: ничего бы не изменилось, нужная гипербола воспарила бы к царевичу с меньшим подъемом.

Печатью типично „барочного“ восприятия античного наследия в еще большей степени отмечены те, довольно многочисленные, стихотворения Симеона Полоцкого, и в „Рифмологионе“ и в „Вертограде“, где античный сюжет — только повод для очередного иносказания.

Таково, например, читающееся в „Вертограде“ стихотворение „Богатство“, в основе которого образ бога Плутона (л. 56):

Еллинѡмъ богатствъ богъ бѣ, нареченный Плутонъ;
 азъ его именуу: во истинну плутъ онъ.
 Плуѡаетъ бо излиха и зѣло вплетаетъ
 въ сѣти диаволския, яже уловяетъ.
 Хрома же писааху, егда въ домъ вхождаше,
 а крылата, — оттуду елма исхождаше;
 Знаменати хотяще косо стяжаніе
 богатствъ быти, скоро же тѣхъ изчезаніе.
 Яко зѣло медленно стяжанна бывають,
 а многажды въ единъ часъ въ концѣ изчезають.
 Аще же и послужать до кончины кому,
 но по смерти нужда есть лишити иному.

Античный бог здесь у Симеона — не только объект шуточного каламбура (Плутон — плут он), но и традиционной для Симеона развернутой аллегории (богатства) с характерным в духе христианской морали переосмыслением атрибутов Плутона, присвоенных ему античной мифологией.

Таково же и стихотворение — в том же „Вертограде“ — „Погребение“, героем которого является некто „Симонид рифмотворец“, очевидно, Симонид Кеосский (л. 370):

Симонидъ рифмотворецъ по мори плаваше;
 егда у пристанища нѣкоего сташе,
 Обрѣте тѣло наго, земли не отдано;
 воземъ е, сотвори быти въ ямѣ закопано.
 Обноществовавъ тамо, видѣ погребенна
 челоуѣка собою во снѣ си явленна,
 Глаголюща то к себѣ: „Се тя увѣщаю,
 утро да не плывеши: милость ти воздаю“.
 Возбнувъ Симонидъ, начатъ сонъ той разсудати,
 вѣру поемъ, не хотѣ от брега отстати.
 Иний, смѣющеся, от брега отплыша
 и, возвѣявшей бури, потоплени быша.
 Видящу Симониду: тако возплатися
 соблюденіемъ милость, яже сотворися.
 Он же въ горницѣ нѣдѣй вечерю ядаше,
 от предстоящихъ людей сие слово взяше:

„Се у вратъ два юноша надолзѣ толцають,
 да изыдеши скоро, тебе призывають“.
 Онъ не вѣдый кто бяше, изшедь соглядаше
 и се ни единого мужа обрѣташе.
 А въ то время горница она повалися,
 и кто-либо в ней бяше до смерти убися.
 О чудо! Егда кого Вышний соблюдаетъ,
 не обычными средствами от смерти спасаетъ.

Последние два стиха этой стихотворной „повести“ Симеона обнажают ее художественную природу: перед нами типичный морально-дидактический „приклад“; „античного“ здесь ничего нет, — разве только имя героя. И тема стихотворения („Егда кого Вышний соблюдаетъ, не обычными средствами от смерти спасаетъ“), и самый жанр его (традиционный средневековый *exemplum*) — все исключало здесь античный „колорит“: стихотворение и без него вполне достигало своей цели.

„Богатство“ и „Погребение“ Симеона Полоцкого (стихотворений на античные сюжеты аналогичного типа у него немало, в особенности, в „Вертограде“) свидетельствуют, что античный мир представлял для Симеона преимущественно чисто утилитарную ценность в его поэтическом хозяйстве; для него это был тот — далеко не единственный, кстати сказать, — склад, откуда он по мере надобности черпал редкие и „курьезные“ экспонаты для своей поэтической кунсткамеры. Его восприятие античного наследия одинаково далеко и от Ренессанса и от классицизма.

4

В процессе своего исторического развития „барокко“ рано стало обнаруживать одну характерную тенденцию: форма стала вытеснять содержание. Произошло то, что обычно бывает, когда искусство принципиально отказывается от постановки проблем, так или иначе связанных с жизнью. Поэта стал занимать уже не столько „прообраз“, сколько сам процесс его проявления: аллегоризация вещей приобрела самодовлеющий эстетический интерес. Совмещение несовместимого из эстетического принципа стало вырождаться в простой прием, в формалистическую игру слов и понятий.

Так называемые *carmina curiosà* — одно из наиболее типичных порождений „барокко“ на данном этапе его истории: предметом формалистической игры стал сам стих; поэты стараются превзойти друг друга в изобретении трудных версификационных задач; замысловатыми и необычными становятся и сама структура стиха, и даже его графическая композиция.

Дань этой моде отдал и Симеон Полоцкий. В его поэтическом наследии налицо почти все основные типы таких стихов, таких „поэтицких штучок“ (говоря словами Иоанна Величковского, украинского поэта и теоретика поэзии конца XVII в.), — начиная с простейших и кончая самыми трудными.

Сюда относятся прежде всего стихи с рифмующимися полустиптичными („леонинские“). В „Рифмологионе“ у Симеона читается цикл стихотворений, объединенных заглавием: „Стиси на воскресение Христово общи“ (лл. 245—287 об.); четыре стихотворения этого цикла написаны так:

Богъ всемогущий, небомъ владущий
днесь торжествует, миръ ликовствует,
Яко геена днесь побѣждена,
грѣхъ упразднися, смерть умертвися...

Так же написано и стихотворение „Тѣло красное“ — в „Вертограде“ (л. 502 об.):

Красное тѣло зрѣти весело;
егда растлится, мерзко явится.
Тое кто любить, душу си губить,
ибо то будить, да всякъ с ним блудит.
Не люби тѣла и будетъ цѣла
душа конечно, поживеть вѣчно
При жизни хлѣбѣ, со Христомъ в небѣ.
Душы любите, тѣло мертвите,
Да его страсти васъ во напасти
никогда вводить, но да отходить,
Ничто вредивше, цѣлы лишивше.

„Пѣснь, из полскаго диалекта преведенная на славенский, о прелести мира“ в „Рифмологионе“ — эффектный образец такого же стихотворения, но написанного в еще более усложненной форме (л. 423):

Есть прелесть в свѣтѣ, як в полномъ двѣтѣ, ту ты остави,
возлюбленная, душе грѣшная, от злоб воспряни.
Преходит время, а грѣховъ бремя тя угнѣтает,
демонъ же смѣлый на тебе в стрѣлы яд свой впускает...

Разновидностью стихов этого типа является так называемое „эхо“ — форма, получившая широкое распространение в современной Симеону латино-польской и украинской „барочной“ поэзии и, частично, даже в драматургии; строится „эхо“ (сакмен ехисум) обычно так: стих делится на части — чаще всего две; каждая часть в свою очередь делится на два связанных между собою парной рифмой отрезка: риторический вопрос и ответ на него („эхо“). Написанное таким образом стихотворение обычно представляет собою некое замкнутое целое; читается или отдельно или в составе какой-либо большой композиции — „книжицы“. В „Орль Росийском“ Симеона стихотворение „Фефон и Ихо“ — типичный образец этого жанра:

Образъ божия славы азъ есмь, свѣтородный
Фоивъ. А ктожь ми есть с твари в свѣтлости подобны?

Кто видѣ или слыша? Молю, да ми повѣсть. *Есть.*
 Гдѣ? *Здѣ.* Какъ ему имя? Кто есть сий? *Алексий.*
 Кто саомъ есть имѣяй сицевый даръ? *Царь.*
 Самъ ли честенъ вамъ? *Самъ.* Токмо единъ? *И сынъ.*
 Имя како? *Еднако.* Равни оба два? *Два.*
 Рци ми, чимъ дрази? *Блави.* Рци, кому? *Всякому...*¹

В „Рифмологионе“ имеются у Симеона и еще два стихотворения аналогичного типа: „Диалогъ краткий“ (л. 375 об.) и „Диалогъ краткий о государѣ царевичѣ и великомъ князѣ Алексии Алексиевичѣ“ (л. 376 об.—377).

„Привѣтство“ Симеона царю Федору Алексеевичу, в том же „Рифмологионе“, — „о благословенномъ въ святое супружество поятии благовѣрныхъ царицы и великия княгини Агафии Симеоновны“ (л. 299 — 301) свидетельствует, что знаком был Симеону и стих — „многoprименительный“, по терминологии Иоанна Величковского; в „Привѣтствѣ“ имеются стихи, основанные на игре буквальнымъ значениемъ одних и тех же слов, — на „реализации“ буквального значения именъ царя и его супруги (Феодор — „божий дар“, Агафия — „благая“):

Богъ убо благий, благо хотя сотворити,
 изволялъ ти всечестну супругу дарствити,
 Ту же *блаюю*, яко имя извѣщаетъ,
 ибо *Агафия*, что *благая*, являетъ.
 Ей благо, *божий даре*, будить ти съ *блаюю*,
 за благость обою богъ с нею и с тобою.
 Благо и *благой с даромъ божиимъ* обитати,
 тѣмъ бо честь и славу богъ изволил ей дати.
 Егда ти, *даре божий*, богъ ю сочесталь есть, —
 роду руску царицу *блаю* дароваль есть...

Умел справляться Симеон Полоцкий и с более сложными по построению *carmina curiosa*.

В мае 1680 г. Симеон написал „Привѣтство“ боярину Михаилу Тимофеевичу * * * — „о поятии супруги втория“ (Р., л. 397 об.—399 об.); завершает композицию следующий „узелъ привѣтственный“:

Богъ смй въ небѣ	Боже благий
Радость тебѣ	Свѣте драгий
Да даруетъ	Да храниши
Честъ и славу	Марфу здраву
Мужу праву	В твою славу
Да готуетъ	Юже зриши
За то, яко	Тя любящу
Всѣмъ благу всяко	И служащу
Бываеши	Сердцемъ правымъ
Бѣднымъ милость	Умомъ деснымъ
Скорбнымъ радость	Словомъ честнымъ
Творяеши...	Не лукавымъ...

¹ Орел Российский, стр. 69—70.

Секрет этого „узла“ в том, что прочесть его можно и как одно стихотворение и как три: в любом случае стихи не утратят смысла; если прочесть его в целом, получим стихотворение с двойными рифмами — восьмисложное; если — по полустияшам, получим два четырехсложных стихотворения весьма изысканной по тому времени строфической композиции (аасбвс). „Узел“ этот требовал не только большой изобретательности, но и незаурядного версификационного мастерства.

В „Орле Российском“ обращают на себя внимание в этой связи: „акrostих“, начальные буквы которого составляют ц е л о е предложение — „Царю Алексею Михайловичу подай, господи, многа лѣта“ (стр. 71) и, в особенности, два „афиеросиса“; каждый „афиеросис“ — своеобразный графический ребус; разгадка его требует ключа. Вот первый из них (стр. 5):

Надеждо	Ру	си	е привѣтство
Але	кси	е	же въ
	ца	ру	цѣ твой
Сего не	пре	зри	ащѣ рабѣ приносит
малѣй	ша	го	рѣ
	да	ру	цѣ свои
Праведно	солн	це	ркве ко главѣ
ты	лѣ	по	днесшѣ миль
ре	че	ся	дѣя
Кто же от	солн	ца	ру десницѣ
.	ког	да	ткнетѣ
не при	зрѣ	ся	твоея.

„На первой строке читаются только первые пять слогов, — объясняет этот ребус издатель «Орла» Н. А. Смирнов, — на второй — первые четыре слога, на третьей — первые два. Четвертая, пятая и шестая строки читаются в том же порядке, как и первые три строки. Седьмая — первые пять слогов. Восьмая — первые три. Девятая — первые три. Десятая — первые пять. Одиннадцатая — первые два и двенадцатая — первые четыре. Затем надо вернуться к первой строке и читать по порядку с последнего слога каждого уже прочтенного стиха“ (стр. V). Прочитанный при помощи этого ключа данный „афиеросис“ даст следующие стихи:

Надеждо Руси, Алексие царю,
Сего не презри малѣйшаго дару.
Праведно солнце ты лѣпо речеся, —
Кто же от солнца когда не призрѣся!
Сие привѣтство, еже въ руцѣ твои
Зри, ащѣ рабѣ приносит горѣ руцѣ свои,
Церкве ко главѣ поднесшѣ миль ся дѣя,
Царю, десницѣ да ткнетѣ ся твоея.

В поэзии „барокко“ охотно культивировались стихи, составленные на разных языках. Образцы таких „многоязычных“ стихотворений нахо-

дим и у Симеона Полоцкого в „Рифмологионе“. Его приветственные стихи „На именьны боярина Богдана Матвѣвича Хитрого“ (л. 416—416 об.) составлены на славянском языке и польском:

Радости полный днесь день совершаемъ,
Иова свята свѣтло прославляемъ.
Ktorego dał bog tobie za patrona,
Moy dobrodzieciu, on tobie obrona...

Стихи „К томужде на рождество Христово“ (л. 416 об.—417)— на славянском языке, польском и латинском:

День превеселый нынѣ совершамъ,
Христа рожденна пѣсньми прославляемъ.
Ktoremu niebo posyła anioły
Z wdzięcznemi hymny na fest przewesoły.
Ni nunciarunt Deum in carnatum,
Turba pastorum in Bethlehem natum

Волови со дари ко Христу приидоша,
Миро, кадило, злато принесоша.
Ktorem na drodze gwiazda wodzem byia
Aż do Bethlehem, gdzie Panna powiła.
Pastores autem ut Christum widerunt,
Diwino culta mox adorawerunt...

В „книжницах“ Симеона, наконец, встречаем и так называемые фигурные стихи (*carmina figurata*), т. е. стихи, графическая композиция которых напоминает какую-либо геометрическую фигуру или даже предмет (герб, чашу и пр.). Фигурные стихи были хорошо известны уже античной поэзии; их деятельно культивировали „александрийские“ поэты; большое распространение получили они в панегирической поэзии на Западе в эпоху Ренессанса; восприняли эту изысканную форму и поэты „барокко“. У Симеона Полоцкого фигурные стихи подразделяются на две группы: одни действительно образуют тот или иной предмет, другие просто вписаны в его контурное изображение; к группе первой относятся: сердце — в „Орль Российском“ (стр. 65), звезды — в „Благопривѣтствовании“ царю Алексею по случаю рождения сына Симеона (Р., л. 432); ко второй — изображения креста — в том же „Благопривѣтствовании“ (Р., л. 430 об.) и в „Гусли Доброгласной“ (Р., л. 562 об.).

Carmina curiosa — форма, которой Симеон Полоцкий владел в совершенстве; если они встречаются у него сравнительно редко, то объясняется это, видимо, просто боязнью его чрезмерно в этом направлении „европеизировать“ свою поэзию, и без того вызывавшую кое у кого в Москве скептическое к себе отношение и критику (см. предисловие к „Рифмологиону“).

5

В научной литературе Симеон Полоцкий обычно характеризуется как основоположник русского силлабического стиха. Такая оценка исторического значения Симеона Полоцкого, по существу правильная, нуждается, однако, как видим, в одной существенной поправке: Симеон Полоцкий — не только мастер силлабического стиха, фактический его основоположник в русской поэзии, но и первый по времени русский поэт, творчество которого уже опиралось на определенную систему поэтического стиля.

В свое время Н. Г. Чернышевский, характеризуя историческое значение Пушкина, писал: „Великое дело свое — ввести в русскую литературу поэзию, как прекрасную художественную форму, — Пушкин совершил вполне и, узнав поэзию, как форму, русское общество могло уже идти далее и искать в этой форме содержания. Тогда началась для русской литературы новая эпоха, первыми представителями которой были Лермонтов и особенно Гоголь“.¹ Если отвлечься от конкретного содержания этой формулы, оставить в стороне вопрос о соотношении „формы“ и „содержания“ в творчестве Пушкина, — она могла бы послужить наиболее точным и исчерпывающим определением той объективно прогрессивной роли, которую сыграл, при всей ограниченности своего скромного таланта, Симеон Полоцкий. Свое „великое дело“ он выполнил с честью: он сделал то, чего не удалось сделать ни одному из его предшественников, ремесленников „двострочного согласия“, — он первый внес в русскую литературу поэзию, как „художественную форму“, первый ремесло „поэтического рифмотворения“ поднял до уровня искусства. Не ему, правда, суждено было заполнить эту „форму“ общественно-актуальным „содержанием“; скованная литературной традицией поэзия Симеона Полоцкого никогда в сущности не выходила за пределы традиционной проблематики панегирической и дидактической поэзии школьного „барокко“. И, тем не менее, заслуга его перед русской литературой неоспорима; брошенные им семена не погибли, оставленной им в наследство „художественной формой“ воспользовалось подрастающее поколение русских поэтов, под пером которых эта „форма“ уже стала заполняться „содержанием“: от школьного („кнево-могилянского“) „барокко“ Симеона Полоцкого к петербургскому „барокко“ Феофана Прокоповича — именно таков был прямой путь исторического развития русской поэзии на рубеже XVII—XVIII вв.

¹ Н. Г. Чернышевский. Сочинения Пушкина. Избранные сочинения. Эстетика. Критика. Редакция Н. В. Богословского, А. В. Луначарского, И. В. Фролова, ГИХЛ, 1934, стр. 242.

1

Предисловие ко благочестивому читателю¹

Твари, свѣтомъ разума во плоти от бога украшенной, обычай есть: еже аще кому прилучится во вертоградѣхъ богатыхъ быти, и различныхъ цвѣтовъ сладкимъ благовониемъ и сердцевеселящимъ добродичиемъ и краснолѣпымъ цвѣтениемъ увеселитися, и о ползѣ ихъ здравію тѣлесному много и скоро успѣшной извѣщенну быти, то абие всеусердное тѣхъ полагати, да от тѣхъ же обилия нѣчто себѣ получить и въ домашнихъ своихъ оградѣхъ или насѣть сѣмена, или насадить корение во общую пользу и веселие всѣмъ домашнимъ и не успѣвшимъ отстоящихъ посѣщати вертовъ цвѣтоносныхъ. Благопохвалный же той обычай нещуется всѣми и воистинну есть таковъ: ибо егда другъ от друга, ихъ же въ домѣхъ нашихъ лишаемся вещей, угождение, или даiania средствомъ или продаiania образомъ, приемлемъ, союзъ друголюбия и склеверетства сосяжемъ, его же и само по намъ требуетъ естество, понеже человекъ нѣсть звѣрь дивный, но содружный, — отнюду же градове и села вину насаждения прияша, да во содружествѣ жительствоюще взаимъ помощь намъ дѣемъ и купно создаваго ны о всяческихъ его благотворенийхъ славословимъ. И самъ всяческихъ естество вина и господь явѣ истяжущъ быти показуется, занеже не единому человеку, ни единому селу, граду или царству вся нужная отдалъ есть, но различнымъ странамъ различныя земли плоды, роды ихъ, виды и силы, художества же, обилия, богатства, искусства благоволилъ дарствовати, да вси всѣхъ требующе. нуждею ко знаемости и дружеству убѣждаеми, любовь взаимтворимую стяжемъ. Аще же въ чувственныхъ мирскому сожитию полезныхъ сицевъ обычай не токмо гаждения не причастенъ, но ублажения достоинъ, колми паче во духовныхъ вещехъ стяжемый, ими же не что ино перво намѣрствуется, точию слава, честь, хвала, благодарствие, величание, создателя всяческихъ, второ же усмотряется всѣхъ душевная вѣрныхъ полза и спасение, — есть весьма бл[а]жителенъ и подражателен. Тѣмъ же азъ, многогрѣшный рабъ божий, его божественною благодатию сподобивыйся странныхъ идиоматъ пребогатоцвѣтныхъ вертограды видѣти, посѣтити и техъ пресладостными и душеполѣзными цвѣты услаждения душеживителнаго вкусити, тѣхъ положихъ многое и трудъ немалый, да и в домашний ми языкъ славенский, яко во оплотъ или ограждение церкви Россійския, оттуду пресаждение корней и пренесение сѣменъ богодухновенноцвѣтородныхъ содѣю, — не скудость убо исполняя, но богатому богатство прилагая, занеже имущему дается.

¹ Предисловие Симеона Полоцкого к „Вертограду многоцветному“; печатается по рукописи Библиотеки Академии Наук СССР 31. 7. 3, лл. 2-4 об.

Потщахся убо дому божию, святѣй церкви восточнѣй, яко едему мысленному, раю духовному, вертограду небесному, присовокупити сей мой вертъ многоцвѣтный во славу, всяческих содѣтеля и во ползу душевную всѣхъ благочестно жити тщащихся, непрелестну имѣя надежду, яко всякъ хотяи душевнаго услаждения и ея здравия желаяи извѣстнаго доволны себѣ обрящеть здѣ цвѣты во ползу. Иже убо удобнѣйшаго ради обрѣтения не яко трава, на поли не хитростию художника искуснаго, но естествомъ изводимая, смѣшенно раждается и не скоро ищущимъ обрѣтаема бываетъ, насадишася, но яко же есть обычай цвѣт-вертникомъ искуснымъ всяческихъ цвѣтовъ и зелий, роды же и виды благочинно по сподом и лехамъ сѣяти и садити, — тако и во моемъ семъ вертѣ многоцвѣтномъ художественнѣ и по благочинию вся устроишася, ибо по алфавитному славенскаго диалекта сочинению. Елико убо обрящещи, благочестивый читателю, писмень здѣ начинателныхъ, именованьемъ вещей обрѣтаемыхъ, толико нещуй сподѣ или лѣхъ быти верта сего. А елико вещей измѣнныхъ, толико родовъ на нихъ сѣянныхъ или саженныхъ да разумѣши. Еще колико вещей от части измѣняемыхъ узриши, толико видовъ цвѣтовыхъ да имѣши. На послѣдокъ елико статей числа надзнаменанныхъ усмотриши единыя вещи, толико числъ единовидныхъ цвѣтъ да числиши или различие родовъ цвѣтовъ сихъ духовныхъ сице да сочтеши: инъ родъ суть подобия, инъ родъ образы, инъ присловія, инъ толкованія, инъ епитафія, инъ образы подписанія, инъ повѣсти, инъ лѣтописная, инъ молитвы, инъ увѣщанія, инъ обличенія. И тако о прочихъ да умствуеши. Вся же сия имуть силу, здравыхъ душъ веселиемъ исполнения, въ здравии утверждение и от недуговъ предсоблюдения. Къ тому и украшения богу любезнаго и челоувѣкомъ. Болезнующихъ же грѣховными недуги душеврачеванія, прилѣжно чтущимъ я и во умѣ си, яко во изящнѣйшей силѣ душевнѣй, часто разсуждающимъ и во сокровище памяти, яко въ хранилище души, во соблюдение дающимъ. Обрящеть здѣ юный укротительная стремленийъ страстей си и угасительная пламеней ярости и похоти, отемляющая нещевание о многолѣтствии, показующая прелести сего мира и от бога удаляющая. Обрящеть старый утверждающая немощь его ко подвигомъ духовнымъ и наставляющая ко памяти краткости вѣка и поминанію близъ сущія смерти и прочихъ послѣднихъ. Обрящеть здѣ благородный и богатый врачевства недугомъ своимъ: гордости смирение, сребролюбію благорасточение, скупости подаяние, велехвалству смиренномудріе. Обрящеть худородный и нищій своимъ недугомъ цѣлебная: роптанію терпѣние, татѣ трудолюбіе, зависти тѣннихъ презрѣние. Обрящеть неправду творящійъ врачевное недугу си быліе: правды творение; гнѣвливецъ — кротость и прощение удобное; лѣнivecъ — бодрость; глупецъ — мудрость; невѣжда — разумъ; усумлящійся в вѣрѣ — утверждение; отчаянникъ — надежду; ненавистникъ — любовь; продерзивый — страхъ; сквернословецъ — языка обузданіе; блудникъ — чистоту и плоти умерщвление; пьяница — воздержание. И всякими инѣми недуги одержимии обрящуть по своей нуждѣ полезная

былиа и цвѣты. Иже убо не вѣтійскаго художества ухищрениемъ мною насадишася, но питическаго рифмотворения равномѣриемъ слоговъ по различнымъ устроишася родомъ. Того ради, да присвойственную себѣ сладостию сердца́мъ читателей приятнѣйший суще, аки нуждею влекутъ я ко читанію частнѣйшему. И яко в немнозе пространствѣ многая заключающесе удобнѣе памятику содержатися могутъ. И на память изученная вегда провѣщаються, временно благослаждающая суть слухи и сердца слышащихъ. К тымъ и того ради, да рифмотворное писание распространяется въ нашемъ славенстемъ книжномъ языкѣ, — еже во инѣхъ волею честь имать и ублажение и творцевъ си достойнаго не лишаетъ от бога и от человекъ возмездія и славы. Ея же азъ ми не требуя в мирѣ семъ, яко оставлей и со всѣми его красными суетами и суетными красоты; не ишу оныя от человекъ написаниемъ книги сея, но глаголю со царствующимъ пророкомъ: Не намъ, господи, не намъ. но имени твоему даждь славу. Тебѣ, господи, слава, яко даль еси и еже хотѣти, и еже мощи, и еже начати, и еже трудитися се же здраво и благополучно, и еже совершити добровременно по желанію сердца моего. Тебѣ слава о всѣхъ и здѣ и в небеси, и нынѣ и во вся будущія вѣки. Мнѣ же, грѣшному, даждь славу от тебе самага сущую, наипаче въ жизни будущей пред твоими небесными гражданы, ея же не пренебрезати, но искати всѣми силами нашими повелѣваемся гобою, елма пренебрегательіе тоя, искательіе же славы человекския сиче от тебе суть обличаеми: Како вы можете вѣровати, славы другъ от друга приемающе, и славы, яже от единого бога, не ищите?¹ Возмездіе же временное потоліку ми желателно, поеліку нужно къ доволному препитанію мене грѣшнаго и труды всегда полагающихъ в моихъ потребахъ.

Но то по превеличѣй милости и премногимъ щедротамъ святопочившаго о господѣ бозѣ святыхъ и блаженныхъ памяти благочестивѣйшаго тишайшаго и самодержавнѣйшаго великаго государя царя и великаго князя Алексіа Михайловича всеа Великия и Малыя и Бѣлыя, Россіи самодержца не скудное, но доволное по моему чину и званію чрезъ лѣтъ тринадесятъ имѣя, прерадостно во царствующемъ и богоспасаемомъ градѣ Москвѣ прежихъ, присно ко господу богу теплыя моя молитвы о немъ, великомъ государѣ, возсылая и труды трудомъ, ово по повелѣнію началствующихъ, ово по моему свойственному благохотѣнію, да не празденъ жизни моя воще иждиву время, прилагая. По блаженномъ же его царскаго величества во вѣчная отшествіи присно во моихъ иноческихъ молбахъ молю и до послѣдняго моего издыханія имамъ непремѣнно господа бога молити о еже проститися всякому его согрѣшенію и вселитися души его въ селенія приснаго веселія и жизни безконечныя со духи небесными и душами всѣхъ праведныхъ, от вѣка благоугодившихъ господеві. Его же благочестиваго и приснопамятнаго самодержца выну во памяти отшествіе от мира содержа и въ благодар-

¹ На полях. Іоан. 5. 44.

номъ сердца, аки на твердо́мъ адамантѣ, премногая его царская ко мнѣ благотворения написанная читая, не возмогъ бымъ никогда же веселию мѣста во сердцѣ моемъ дати, аще не бы ми печалнаго ума лучесы милости и щедротъ своихъ возбуждалъ ко веселию от его же царскихъ чреслъ равнѣ добротворный намъ свѣтъ возсиявший и солнце и на его же царстемъ престолѣ богомпосажденный сынъ его, а наш великий государь благочестивѣйшій тишайшій самодержавнѣйшій великий государь царь и великий князь Феодоръ Алексѣевичъ всеа Великия и Малыя и Бѣлыя России самодержецъ. Его бо царскимъ благоутробнымъ милосердиемъ и множествомъ щедротъ и оцеподражателною царскою призра́н есмь милостию и въ равномъ бывшему хранимъ доволствѣ, ни в чесомъ скудости стражду. И въпред упование въ госпode божѣ имамъ, яко благая о мнѣ, грѣшном, на его царстемъ сердци положить. Онъ же богомъ вѣнчанный монарха не отвратитъ пресвѣтлаго лица своего от худости моея, но по врожденной милости своей благоволитъ весельма на мя призирати зѣницами и нуждныхъ жителству моему от обилия богомъ себѣ даннаго подаяние доволное творити. И се ми есть возмездие превеликое, нудящее мя ко благодарствию непрестанному и къ молбамъ повседневымъ, от скипетродержца благочестивѣйшаго. От васъ же, благочестивыхъ читателей, богатое ми будетъ за труды воздаяние, егда ползу от цвѣтъ верта сего приемше, речете о мнѣ ко госпodu молитву о еже оставитися грѣхомъ моимъ. Аще живу ми сушу, аще по преставлении моемъ, то ми едино от вашей любви желателно. Въмъ бо, яко внушаетъ госпody молитвы вѣрныхъ рабъ своихъ и по прошению ихъ милость проявляетъ. И мне убо за ваши святыя молитвы проститъ долги моя и сотворитъ возмездие вѣчное во царствии си небесномъ, его же азъ единаго рачитель есмь и искатель, а вашему благочестию всяческихъ благъ душевныхъ и тѣлесныхъ, вѣчныхъ и временныхъ присно истинный желатель.

Благочестию твоему временныхъ и вѣчныхъ
благъ истинный желатель
Симеонъ Полоцкий
иеромонахъ недостойный.

II

Предисловіе ко благочестивому читателю¹

Дѣлатель всякий плоды своя любитъ,
хранитъ, яко да всуе не погубитъ;
Да бы ся тѣми напредъ ползовати,
нуждѣ пришедшей ихъ употребляти.

¹ Предисловіе Симеона Полоцкого к „Рифмологиону“; печатается по рукописи Московскаго Государственнаго историческаго музея, Синод. собр., № 287, лл. 5—6 об.

- 5 Домовить бодрый вся нести въ домъ тѣится,
 что-либо земныхъ прижити случится;
 Да в нужды время возможесть имѣти
 имъ же бы скудость скорбну одолѣти.
 Сѣятель класы въ жатву собираетъ,
 10 блюдетъ, да ничто возще погибаесть;
 Прятаеъ в гумнѣ, потомъ вземлетъ себѣ
 на пици нужду, елико есть требѣ.
 И трудолюбный мравий зѣло тѣится,
 да в лѣто брашно къ зимѣ готовится,
 15 Имъ же ся хладу пришедшу питаеъ.
 Благо есть убо, кто плодъ собираетъ
 Не токмо земный, но паче духовный,
 ибо есть лучший плода вещна словный,
 Трудники слова Павелъ почитаеъ,
 20 честь имъ сугубу дати увѣщаеъ.
 Сию ми ползу дадеся познати,
 по щедрой бога жива благодати,
 Въ юности верстѣ, егда отрекохся
 мира и в ризы черны облекохся.
 25 Тѣмъ же что писахъ, тѣахся то хранити,
 зная, яко впредѣ можеъ в ползу быти.
 Быхъ же азъ инокъ, в четвертой седмицы
 лѣтъ моихъ, токмо кромѣ единицы;
 Негли же двѣ ихъ, языкомъ учихся,
 30 даже дидаскаль быти сподобихся.
 Писахъ въ началѣ по языку тому,
 иже свойственный бѣ моему дому.
 Та же увидѣвъ многу ползу быти
 славенскому ся чистому учити;
 35 Взяхъ Грамматику, прилѣжахъ читати,
 бог же удобно даде ми ю знати.
 Къ тому странная сущи ей подобна,
 в знания ползу бѣше ми удобна.
 Тако славенскимъ рѣчемъ приложихся,
 40 елико даль богъ знати научихся;
 Сочинение возмогохъ познати
 и образная въ славенскомъ держати.
 Писахъ книжная, яко же вѣтии
 пишутъ и яко от вѣтій вящшии.
 45 Яже возможно будетъ созерцати,
 елма богъ дасть я миру показати.
 Днесъ не являю ради завидящихъ,
 ихъ же не знаютъ пред людми хулящихъ;
 Иже в то время не будутъ хулити

- 50 егда ми дасть богъ миръ духомъ лишити.
 Тогда бо ревность и зависть престанеть,
 а кождо суду божию предстанеть
 За рвение си должну мзду прияти.
 Но ты даждь, боже, здѣ всѣмъ ся каяти,
 55 Да о зависти сей никто судится,
 но всякъ во любви сушь тебѣ явится.
 Писахъ и рифмы многи, той я знаеть,
 кто „Многоцвѣтный Вертоградъ“ читаеть,
 Мною сложенный, и псалмы святыя,
 60 яже сведохъ вся в метры славенския.
 Особно сия книга есть списанна,
 не во едино лѣто начертанна;
 Въ различныхъ лѣтѣхъ многи нужды быша,
 яже ми сия писати бѣдиша;
 65 Яже въ старости могутъ в ползу быти,
 егда не лѣтъ ми будетъ ся трудити.
 От трудъ готовыхъ мощно будетъ взяти,
 аще ми дасть богъ старости дождати.
 Днесь бо точию лѣто совершаю,
 70 еже писменемъ нашъ право считаю.
 Нуждѣ же тѣхъ вещи хоцещи ли знати,
 оглавление изволи читати;
 Въ немъ ти всякая нужда изъявится
 и листъ, на немъ же лежить, объяснится.
 75 Да дасть же господь здраву ти читати,
 яже потщахся здѣ азъ написати
 И юнымъ твоимъ въ науку даяти,
 да возумѣютъ чинно глаголати
 Въ славу божию, такожь святыхъ его,
 80 въ научение возраста своего.
 Ползу ти сими прияти желаю,
 а любовь твою тошно умоляю:
 Да аще нѣчто погрѣшно узриши,
 то ми прости возблаговолиши,
 85 Вѣдая, яко не от злобы тое
 погрѣшение, здѣ есть внесенное.
 Но или яко не успѣхъ познати
 или в памяти не могохъ держати.
 Ина писатель преступно писаше,
 90 ихъ же не узрѣ бренно око наше.
 Церкви согласно вся тщахся писати,
 противныхъ во умъ не мыслихъ пуцати.
 Тѣбѣ аще что противно явится,
 любовь не скоро судити да тщится:

95 Мощно и тебѣ есть нѣкихъ не знати,
изволи ума словесъ поискати.
Аще же весма что не согласится,
молю, тобою то да исправится:
За любовь господь сие вмѣнить тебѣ,
100 юже на земли возмездить и въ небѣ.
Чесого вѣрно азъ тебѣ желаю,
святымъ молитвамъ твоимъ ся вручаю, —
Помоли о мнѣ всещедраго бога,
да мя не лишитъ небесна чертога,
105 Дасть же съ ангелы вѣчно в немъ ми жити,
гдѣ богъ и тебѣ да дасть выну быти.

Благочестію твоему всякихъ благъ земныхъ и
небесныхъ вседушный желатель
Симеонъ Полоцкий
иеромонахъ недостойный

ЖЕЛАНІЕ СТИХУТЕРЦА

Л	Т	Ѣ	Л	А	Л	Ѣ	Т	А
Т	Блгобестикѣишемъ Тишайшемъ самодеятѣ внейшемъ великогѣ Дарю црю и великимъ и свято Дас зю Мухайловичю всея вєр іи и мѣла и ефѣмъ рвстїи само держецѣ				Г	Блгороднымъ Црремъ ншимъ Цречитемъ и великимъ и свято АЛЕКСІЮ . ДЕОДОРУ СУМЕШУ . ІОАННУ АЛЕКСЕВИЧЕМЪ .		Т
Ѣ					О			Ѣ
Л					Н			А
Л	Г	О	Н	М	Н	О	Г	А
Л	Блгородны Цркнѣ и великимъ и свято Иринѣ . Антѣ . Плат іанѣ . Мухайлонѣ . Евдо іи . Малотѣ . Софїи . Сїла ринѣ . Марїи . Готевїи . А лексеинамъ				Н	Прощенны Архїерей Серемъ . Иже притѣ Црковномъ . Иже Бо лдромъ : кѣ Хрїтомеи ко коннепѣ . Иже кѣ прако славнымъ Хрїтіаномъ		Л
Ѣ					О			Ѣ
Т					Г			Т
Л	Т	Ѣ	Л	А	Л	Ѣ	Т	А

„Рифмологіон“ Симеона Полоцкого.
 (Рук.оп. ГИМ. Синод. собр., № 287, л. 515 об.).

А. П. ЕВГЕНЬЕВА

О некоторых поэтических особенностях русского устного эпоса XVII—XIX вв. (постоянный эпитет)

Эпитет принадлежит к числу таких художественных средств языка, которые известны с древнейшей поры и с древнейшей поры вошли в „ретиорики“ и „питики“. Античные писатели дали характеристику эпитета, опираясь на свою художественную практику. На протяжении многовекового развития литературы изменялись и семантико-стилистические функции художественных средств языка. Хотя изменения в использовании эпитетов изредка отмечались учеными, но тем не менее понятие эпитета для отдельных эпох и многих жанров художественной литературы остается неясным и спорным. Особенно неясно оно по отношению к устной народной поэзии, так как никогда не ставился вопрос о реальной истории эпитета в устном творчестве по имеющимся записям. Статьи и отдельные замечания об эпитете в народном творчестве касаются, главным образом, былин, причем все статьи отмечают только одну особенность былинного эпитета — его „постоянство“ и никогда не ставят вопроса об исторических изменениях как самого жанра былины, так и его художественной системы.

Однако трудно представить, чтобы на протяжении многих веков своего существования былина оставалась совершенно неизменной. Настоящая работа посвящена частному вопросу — эпитетам русских былин и исторических песен в записях XVII—XIX вв. — и представляет собой попытку проследить исторические изменения в использовании эпитета, с одной стороны, а с другой — установить жанровые особенности его употребления в сравнении с другим видом устного творчества, также традиционным.

Многие поэтические средства представляют собой нарочитое, специфическое, отлившееся в систему использование той или иной языковой особенности или закономерности. Эти особенности могут относиться к различным сторонам языковой структуры (например использо-

вание уменьшительно-ласкательных суффиксов как особый поэтический прием в „причетах“, лирических песнях; синтаксический параллелизм, инверсии, тавтология, синонимия и т. д.). Использование закономерностей языка в качестве поэтических средств, акцентуация тех или иных из них с целью поэтической, художественной выразительности различна в разные исторические эпохи.

Грамматическое определение, атрибут, (выражающееся, главным образом, прилагательным) — одно из важнейших средств языка, при помощи которого передается богатство и многообразие „предметов“ и их признаков; средство, при помощи которого, с одной стороны, — можно типизировать, обобщать, указывать идеальные, общие признаки, с другой, — индивидуализировать, выделять тончайшие отличия, фиксировать временные признаки. И грамматическое определение с древнейшей поры было использовано как поэтическое средство, но поэтические функции определения изменялись в различные исторические эпохи потому, что они тесно связаны и определяются не только поэтические системой той или иной эпохи, но также историческим движением самой грамматической категории в структуре языка, отражающей определенную ступень в развитии сознания.

История прилагательного (оно, главным образом, и выступает в качестве определения), если брать ее в широком плане и во всем языке в целом, заключается не только в чрезвычайном количественном увеличении (количественно растут и другие категории речи), но также и в расширении возможностей производить, образовывать новые прилагательные. Изменилась и семантико-синтаксическая функция прилагательных в языке в целом; чрезвычайно расширилась роль прилагательных в образовании новых понятий (в сочетании их с существительными), в индивидуализации и выделении понятий, предметов из ряда им подобных или, наоборот, в обобщении, типизации их. Язык художественной литературы XIX—XX вв. обнаруживает богатство и своеобразие функций прилагательных-определений. В настоящее время это — богатейшая категория с очень разнообразной и сложной системой суффиксов для новообразований от существительных, глаголов, наречий. Разнообразна и богата также их семантико-синтаксическая роль: от такого индивидуального поэтического определения, которое выражает не признак предмета или понятия, а субъективное восприятие его автором в какой-то определенный момент (потому оно может по своей общей семантике даже противостоять определяемому существительному, например, „звонко-звучная тишина“ в стихах В. Я. Брюсова, сочетаясь с ним в редких, а иногда единичных случаях), — до таких соединений, где прилагательное ничего не прибавляет к смыслу существительного, является повторением того, что уже дано в существительном: светлая светлица, белый свет, или до таких, которые, соединяясь с существительным, образуют неразрывное сочетание, единое понятие („железная дорога“, „трамвайный парк“, „семантическое поле“ и т. п.). Семантические и стилистические

функции сочетаний прилагательных-определений с существительными многообразны, и число их значительно больше в настоящее время, чем в предшествующие эпохи. В отношении прилагательных, их состава, количества, их семантико-стилистической роли художественная литература средневековья глубоко и принципиально отличается от литературы нового времени.

В научной литературе нет определенного, ясного мнения о времени сложения былины как жанра, но можно с полной уверенностью говорить, что формы, известные нам по записям XIX в., определились не позднее XVI в. (вероятно, значительно раньше), так как записи былин XVII в. очень близки к записям XVIII—XIX вв. Таким образом, поэтическая система былин складывалась на основе иных художественных представлений по сравнению с XIX в.

Естественно возникает вопрос о степени сохранности отдельных деталей, а также поэтической системы в целом и об изменениях, которые в нее вносятся. Исследователи определяли художественные особенности былин, и в частности эпитет, противопоставляя их художественной системе литературы XIX в.

Чтобы выяснить расхождения и совпадения использования эпитета в былине, устном традиционном произведении, и в художественной литературе XIX в., бегло остановимся на роли эпитета в произведениях 40—60-х годов.

Литература XIX в., используя прилагательное-определение как художественный прием, подходит к нему иначе, чем в предыдущие эпохи, выдвигает на первый план новую стилистическую функцию, которая хотя и находится в теснейшей связи с развитием категории прилагательного, но определяется прежде всего отношением к окружающему миру. Бурный рост прилагательных в литературном языке обусловлен стремлением выразить окружающий мир в его разнообразных связях и отношениях, в движении, в его изменениях. Важными и существенными представляются не только „типические“, „общие“ признаки, но и изменчивые, частные, определяемые временем, движением, точкой зрения. И то, что в поэтической системе средневековья и классицизма XVIII в. рассматривалось как „прозаизм“, *epitheton necessarium* — „логическое определение“, в реалистической литературе XIX в. приобретает исключительную силу как художественное средство. Достаточно напомнить пейзажи и портреты в „Записках охотника“ И. С. Тургенева. Их художественная сила и прелесть достигается при помощи определений, которые отнюдь не могут быть включены в старое понятие „украшающего эпитета“. Напомним, например, пейзаж из рассказа „Касьян с Красивой-Мечи“: „*молодые отпрыски, еще не успевшие вытянуться выше аршина, окружали своими тонкими гладкими стебельками почерневшие низкие пни; круглые губчатые наросты, из которых вываривают трут, лепились к этим пням... Ноги беспрестанно путались и цеплялись в длинной траве, пресыщенной горячим солнцем; всюду рябило в гла-*

зах от *резкого металлического сверкания молодых красноватых листьев на деревьях...*“ и т. д.¹

„Недавно расчищенная дорожка“, „старые яблони“, „круглые бледно-зеленые кочаны капусты“, „высокие тычинки хмеля“, „бурые прутья“, „засохший горох“, „большие плоские тыквы“, „запыленные угловатые листья“, „высокая крапива“, „красноватая слизистая вода“, „толстые ракиты“, „старенький серый дом“ с „тесовой крышей“ и „кривым крыльцом“ — вот те поэтические краски, из которых создается художественный пейзаж в рассказе „Мой сосед Радилов“. Яркие портреты и интерьеры в романах и рассказах Л. Н. Толстого рисуются также при помощи определений, которые с точки зрения поэтики классицизма должны быть зачислены в категорию „логических определений“.

Реалистическая проза XIX в. широко пользуется прилагательными и причастиями, доводя количество определений при одном существительном до 4, даже до 6—7. „По ясному небу едва-едва неслись *высокие и редкие* облака, *изжелта-белые*, как весенний запоздалый снег, *плоские и продолговатые*, как опустившиеся паруса“.²

„*Старый, обширный, тянувшийся* позади дома сад, *выходивший за село и потом пропадавший* в поле, *заросший и заглохлый*, казалось один освежал эту обширную деревню...“,³ „но у той (Элен) все освещалось *жизнерадостною, самодовольною, молодою, неизменною* улыбкой жизни и *необычайною, античною* красотой тела“,⁴ „...но этот страх мог относиться только к тому *умному* и вместе *робкому, наблюдательному и естественному* взгляду, *отличавшему* его от всех в этой гостиной“,⁵ „...и *хорошенькая, румяная, слишком полная* по своей молодости, *маленькая княгиня Болконская*“.⁶

Употребление этих художественных определений покоится на совершенно иных принципах, чем те, которые лежат в характеристике, данной эпитету античными поэтиками. На равных основаниях, с одинаковой стилистической функцией используются прилагательные, выражающие идеальный признак предмета, высшую степень качества, и прилагательные, указывающие временные, редкие, индивидуальные признаки. „Прекрасное лицо“ Элен, „красивое лицо“ Бориса, „маленькие белые ручки“ князя Андрея, „беззаботная, веселая улыбка“ Пьера, „ясные голубые глаза“ Долохова, „быстрый бег“, „быстрые ножки“, „лучистый яркий блеск“ и т. д. и т. п. стоят в одном ряду с такими: „худое истощенное желтоватое лицо“ Билибина, „огромные красные руки“ Пьера, „равно-

¹ Записки охотника. СПб., 1911, стр. 119.

² И. С. Тургенев. Касьян с Красивой-Мечи. Записки охотника. СПб., 1911, стр. 118.

³ Н. В. Гоголь. Мертвые души. Собрание сочинений, т. V, СПб., 1900, стр. 111.

⁴ Л. Н. Толстой. Война и мир. Сочинения, т. V, М., 1911, стр. 19.

⁵ Там же, стр. 15.

⁶ Там же, стр. 17.

душные руки“, „глупая, притворная, не скрывающая своего притворства улыбка“ военного министра, „глубоко поставленные небольшие глаза“, „испуганная радость“, „отрицательные достоинства“, „горловой голос“, „решительный пьяный жест“, „сердитое белячье выражение красивого личика“¹ и т. п.

Художественная литература показывает, как исторически изменчива стилистическая функция определения. Следовательно, не только расширение, обогащение категории определений, развитие вариаций, но, прежде всего, изменение стилистической функции представляет собой историю эпитета или какого-нибудь иного художественного приема. Едва ли нужно подыскивать новые термины для художественного определения в разные эпохи и в различных литературных направлениях, целесообразнее оставить общий термин „эпитет“, различая его исторические изменения: античный эпитет, классический, романтический, реалистический и т. д.

1

По отношению к русской народной песне, к героическому устному эпосу ни у кого нет сомнений, что художественное определение в них представляет собой типический „украшающий эпитет“, характеризующийся постоянством употребления. Бесплезно излагать положения по этому поводу, ставшие трюизмами. Однако бесспорность этих положений не подкреплена достаточно широким материалом. Эпитет русского фольклора почти совсем не исследован и не описан, если не считать замечаний о нем в ряду других художественных приемов (у Ф. И. Буслаева, А. А. Потебни и др.) и нескольких статей общего и частного характера. Вопрос об особенностях эпитета устной поэзии, отличающих его от эпитета письменной литературы, требует, прежде всего, выяснения его стилистических функций в разных жанрах и в записях разных эпох.

Суждения об эпитетах русского устного творчества, сложившиеся в XIX в. и сохраняющиеся без изменений до сих пор, опирались на материалы, которые тогда были доступны. Это — Сборник Кирши Данилова в издании Калайдовича (1818 г.), отдельные публикации фольклора первой половины XIX в., а с 60-х и 70-х годов классические собрания П. Н. Рыбникова, А. Ф. Гильфердинга, П. В. Киреевского, т. е., в основном, былины и исторические песни.

Роль эпитета в различных жанрах устной поэзии не однородна. Есть произведения, в которых он совсем отсутствует, но для некоторых жанров эпитет является основным художественным средством.

Чтобы ярче выступили характерные особенности употребления эпитетов в произведениях данного жанра, необходимо сопоставить их

¹ Примеры взяты из I тома романа Л. Н. Толстого „Война и мир“ (Сочинения т. V, М., 1911).

применение в произведениях разных жанров. При таком сопоставлении всегда надо иметь в виду время и место записи. Для определения стилистической функции эпитета в русских былинах чрезвычайно удобным представляется сопоставление записей былин и причитаний П. Н. Рыбникова и А. Ф. Гильфердинга с записями тех же жанров у Е. В. Барсова, так как сделаны они в одно время (60—70-е годы) в одних и тех же местах, следовательно, в одной и той же традиции (записи былин, сделанные Е. В. Барсовым от И. А. Федосовой, и записи похоронных причетов у П. Н. Рыбникова подтверждают это).

Остановимся сначала на записях причитаний Е. В. Барсова и П. Н. Рыбникова.¹

Причитание, плач — произведение лирическое, по преимуществу. Олонецкие причитания, в особенности причитания И. А. Федосовой, лироэпические.² Специфической особенностью похоронных причитаний, несмотря на глубокую древность их происхождения, является отражение в них живой, современной плачу, действительности, хотя изображается она в традиционных формах. Даже самый беглый взгляд на причитания, собранные Е. В. Барсовым и П. Н. Рыбниковым, обнаруживает, что эпитет является в них основным поэтическим средством (то же самое и в более поздних записях Н. С. Шайжина, К. Ф. Филимонова, М. М. Михайлова — от Богдановой, Конихиной, Ланевой, Пашковой, сделанных в тех же местах), чего нельзя сказать о причитаниях белорусских, украинских, о „ленских причитаниях“, где положение несколько иное, так как и самые причитания отличаются от причитаний олонецких и северных. Но в данном случае мы вправе не принимать их во внимание, так как для сопоставления мы берем одну общую поэтическую традицию в одно и то же время, только проявляющуюся в разных жанрах.

Глубокое чувство горя, утраты, бессилие перед совершающимся, одиночество, брошенность, сознание ответственности за дальнейший жизненный путь вдовы и детей — все это с особенной силой выражается в причитаниях при помощи эпитетов. Они богаты, разнообразны, и количество их несравнимо по отношению к другим жанрам (за исключением причитаний „завоеванных“ и свадебных, в которых эпитет также выступает как основное поэтическое средство).

Самая яркая черта эпитетов устной поэзии — их „постоянство“.

¹ Для анализа привлекаются только похоронные плачи, так как они более традиционны, чем „завоеванные“.

² Совершенно закономерно в данном случае сопоставление причитаний И. А. Федосовой с былинами, хотя в литературе неоднократно высказывалось мнение, что плачи И. А. Федосовой стоят особняком (например в работе М. К. Азадовского: Ленские причитания. Чита, 1922, стр. 10 и сл.), но записи П. Н. Рыбникова, свадебные причитания в сборнике П. В. Шейна, в записях М. А. Колосова, П. Н. Рыбникова, А. А. Шахматова показывают, что, несмотря на исключительное дарование, И. А. Федосова создавала плачи в поэтической традиции своих мест

Постоянство эпитета, естественно, предполагает если не единичность употребления, то, во всяком случае, ограниченность сочетаний определения с определяемым — в этом именно и заключается постоянство. В качестве примеров постоянных эпитетов обычно приводятся: „красна девица“, „белы руки“, „чисто поле“, „сине море“, „мать — сыра земля“, „зелено вино“ и некоторые другие. Это, действительно, постоянные сочетания эпитета с его определяемым, они сохраняют свое постоянство во всех жанрах устного творчества. Но таких сочетаний немного, и они могут быть перечислены. В действительности же „постоянство“ эпитетов устной поэзии относительно.

В похоронных плачах вдовы по мужу главными темами являются горе утраты, тяжесть вдовьего положения, горечь и тяжесть сиротства предстоящее одиночество и т. д. Темы эти раскрываются в эпитетах, сопровождающих существительные, которые обозначают носителей темы. Вот несколько примеров. Существительное „дитя“, „дети“ имеет около 30 определений: сиротны, малы, милы, рожонные, бажонные, любезные, сердечные, возрошонные, обидные, несчастные, болезно, глупо, позябло, таланные, игривые, многоуходные, безуненные, беспокойные, хлопотливые, дурливые, гульливые, самовольные, большевытные, вольные, едучие, желанные, бедные, жадобные и т. п.

Вы не сгрустнитесь, желанные родители,
На позябло это глупо, мало дитяtko...¹

Не покиньте сироту вы горегорькую
Со сердечныма, малыма детушкам...²

Сиротать будут сиротны малы детушки...³

Как послушай ко, сердечное,
Рожоное, милое дитяtko...⁴

Вдовья жизнь — „жирушка“, „живленьцо“ характеризуется следующими эпитетами: бобыльная, сиротская, горегорькая, победная, маётная, сколотная, бедная, суетливая, несчастная, сиротна, несчастная, — в противоположность утраченной: веселой, прохладной, богатой, пространной и т. п.

На словах скажи ж спорядной мой суседушко,
Ты про мое про несчастное живленьцо,
Про бобыльную, сиротску мою жирушку...⁵

Будешь жить да без надежной как семеюшки
Во сколотной, во маётной этой жирушке...⁶

¹ Е. В. Барсов. Причитания Северного края, I. М., 1872, стр. 87.

² Там же, стр. 21.

³ Там же, стр. 17.

⁴ Песни, собранные П. Н. Рыбниковым, III, М., 1910, стр. 123.

⁵ Е. В. Барсов. Причитания Северного края, I. М., 1872, стр. 15.

⁶ Там же, стр. 24.

„Головушка“ (так называет себя лицо, понесшее утрату): буйная, бедна, победная, обидная, безрассудная, бесприютная, несчастная, бесталанная, безначальная, кручинная, многокручинная, печальная, молодая. „Головушка“ (умерший): надежная, многоумная, веселая, рассудная, удалая, разумная, милая и т. п.

Обумись моя *бессчастлива буйна голова*...¹

Не убоюсь *бедна, кручинная головушка*...²

Не обидьте вы *печальную головушку*...³

Я о том прошу, *победная головушка*...

Потеряла я, *беднушка,*

Многоумную, рассудную,

удалую головушку...⁴

Не только существительные, обозначающие конкретные понятия, непосредственно связанные с темой, имеют такое большое количество определений, но и отвлеченные понятия сопровождаются часто не меньшим количеством эпитетов. Например, существительное „слова“ имеет больше 20 определений: ласковые, прелестные, учтивые, обманные, хитрые, бранные, премудрые, несговорные, приветливые, мудрые, любимые, вдовиные, жадобные, тайные, непроносные, грубые, напрасные, обидные и т. д.

Воспромолви хоть единое словечушко,

Словцо тайное, непроносное,

Со мной да *спротиночкой!*⁵

Где оставила, *сердечное желаньице,*

*Свои ласковы, прелестныи словечушка?*⁶

Со мной *тайного словечка* не забаве...⁷

Пройде *бранное словечко несговорное*...⁸

Столько *грубыим словечком* не грубите-тко...⁹

Буду бить, бранить *сердечных* я вас *детушек,*

Обиждать буду *словечушком обидным.*¹⁰

Штобы *господи* тебя да всё *помилував,*

От *злого человека* от *опасного,*

От *бранного словечка* от *напрасного*...¹¹

¹ Там же, стр. 257.

² Там же, стр. 34.

³ Там же, стр. 32.

⁴ Песни, собранные П. Н. Рыбниковым, III. М., 1910, стр. 125.

⁵ Е. В. Барсов. Причитания Северного края, I. М., 1872, стр. 71.

⁶ Там же, стр. 62.

⁷ Там же, стр. 81.

⁸ Там же, стр. 82.

⁹ Там же, стр. 87.

¹⁰ Там же, стр. 186.

¹¹ Там же, стр. 17.

Некоторые эпитеты чаще сочетаются с существительными, другие — реже, но совершенно ясно, что при таком количестве художественных определений для одного существительного „постоянство“ эпитета понятия весьма относительное и требует особой характеристики.

Чрезвычайно важным является вопрос о стилистической функции этих эпитетов. Очень многие из них не подходят под характеристику, которая дана эпитетам устной поэзии, но в них нельзя также искать резко индивидуальных определений, фиксирующих неповторимость, единичность признаков, т. е. тех особенностей, которые характеризуют эпитеты письменной художественной литературы той же эпохи. И хотя многие из приведенных эпитетов довольно часто сочетаются с существительным, это не постоянство в буквальном смысле этого слова. Следует отметить, что даже при некотором постоянстве сочетания, эпитет далеко не всегда указывает типический признак — часто это будет частный признак. Явление, понятие выступает не в своей монолитности, целостности, а в многообразии. Именно, богатство и разнообразие признаков явления или богатство оттенков какой-нибудь стороны явления и раскрывается в эпитетах-определениях, поэтому у существительного может быть два, три и даже четыре определения.

Как поехали по *темному* Онегу *свирепому*
 На *милой* да *улыбчатой* сьемке.¹
 У нас то у *бедных* у *бесчастных* родителей
 Как разошлись да и *разъехались*
Милыи то баженныи детушки —
 Наши младши ясны соколы,
 По *чужой-то* *дальней ознобной* сторонушке...²
 Как весной живёт великое распутьице,
 Разольются *круглы, малыи* озерышки,
 Из-за гор да пройдут *быстры* эти риченьки;
 Мне нельзя *бедной* горющице пронятися,
 На *родимую* сторонку передатися;
 У озер нет *перегребных* *малых* лоточек,
 Через реченьку *дубовой* нет мостиночки...³
 Прибери да *неподвижной* *синей* камешек...⁴
 Тут я села на *катучий* *белый* камышек...⁵
 Нет проезду в *темных* *лесах дремучих,*
Почтовой, ямской, широкой нет дороженьки,
 Столько *малая* *единая* тропиночка.⁶
 Укатилося великое желаньице
 Оно во *водушки* *желанье* во *глубокии*

1 Е. В. Барсов. Причитания Северного края, I. 1872, стр. 268.

2 Там же, стр. 269.

3 Там же, стр. 91.

4 Там же, стр. 14.

5 Там же, стр. 256.

6 Там же, стр. 142.

Во дики тёмныи леса да во дремучии.¹
 Возбуждать стану победна их головушка
 Я не ласковым словечком не прелестным:
 Беззаботны вы сердечны милы дитятки,
 На кого да, бедны детушки, надитесь?²
 Тайны, милыя, советны, дружны подружки...³

Эпитеты к слову „головушка“ (вдова) представляют собой, с одной стороны, ряд синонимов: бедная, победная, обидная, несчастная, бесталанная, кручинная, печальная, многокручинная, с другой, они фиксируют различные признаки вдовства: головушка — безначальная, бесприютная.

Эпитеты к существительному „слова“ раскрывают не только богатство сторон, признаков в самом понятии: мудрые, хитрые, обманные, бранные, грубые, учтивые, приветливые, ласковые, но и признаки, принесенные извне, дающие субъективную оценку: прелестные, любимые, жадобные, тайные, непроносные, обидные, напрасные.

Голос не только „громкий“, „зычный“, „звучный“, „взышон“, но и „тухлый“, „жалобный“, „жалкий“, „унылый“.

Для слова „тоска“ в причитаниях целый ряд синонимических эпитетов, передающих оттенки, степень, силу чувства: неугасимая, несносная, неудольная, злодийная, злая, обидная, тошная, великая.

Зла, несносная тоска неугасимая
 Всё долит мою несчастную утробушку.⁴

В причитаниях большую роль играют эмоциональные эпитеты. Их много, и они определяют не только переживания, чувства, но характеризуют субъективное восприятие окружающей действительности.

Лучше жить буду победная головушка
 Во своем я во строеньце унылом,
 На печальной кирпичной своей печенъке...⁵
 Тут я лягу на спокойну тёмну ноченьку,
 На унылую, тесовую кроваточку,
 На печальную, пуховую перинушку,
 На слезливо, круто складнее зголовъце;
 В добры люди я виду не даваю,
 Тёмну ноченьку слезами обливаюсь.⁶
 Ой, несчастное хоромное строеньце!⁶
 Супротив нашей страдомой хороминки
 Пекё солнышко теперь да не попрежнему.⁷

¹ Там же, стр. 61.

² Там же, стр. 181.

³ Там же, стр. 121.

⁴ Там же, стр. 63.

⁵ Там же, стр. 113.

⁶ Там же, стр. 229.

⁷ Там же, стр. 95.

В причитаниях довольно часты эпитеты, которые (если пользоваться терминологией В. М. Жирмунского) следует называть „индивидуальными художественными определениями“. Примером могут служить только-что процитированные, а также и целый ряд других: „счастливая таланная девушка“, „угрюмо место“, „ой, несчастны мои думы бесталанные“, „дырявая люльчѣнка“, „неражи пеленчѣнки розномокрые“, „кафтанишко стозаплатное“, „оцень длинная трава да выростала“, „горькая молодость“, „летняя трава подкошена“, „словольные, заботные хлебушки“, „беззаботны, сердечны милы дитятки“, и т. д. и т. п.

Эпитеты в причитаниях разнообразны и ярки, они служат не только выражению чувства, но раскрывают тему в конкретных, живых художественных деталях.

Часто „постоянные эпитеты“ сочетаются с более подвижными, и это соседство делает постоянные эпитеты семантически полновесными.

Предостерегая молодую вдову от „ошибок“ в ее „сиротском живленьице“ причитание говорит:

Не окинься, бедна вдовушка молодая,
Ты на этых на удалых, добрых молодцов,
На баску их молодецкую походочку,
На их цветно ты улярное на платьице,
Не окинься на басу-красу с угрожеством,
Не на желтый завивный кудерышки,
На учливу, чваковиту поговорюшку,
Не прикинься к ихным ласковым словечушкам.
Живут ласковы словечушка обманчивы,
И прелестной разговор да их надсмечливой.¹
Сварядилася в путь широку дороженьку;
Не страшилась лесов да я дремучих,
Не боялась я мхов да там дыбучих,
Не ужахнулася я гор да всё высоких,
В тѣмных лесах зверей я не страшилася...²

В приведенных отрывках все определения, независимо от „постоянства“, указывают на конкретные признаки, несущие в данном случае тематическую нагрузку. Это — лучшее доказательство совершенно иного отношения к эпитету, чем то, которое дано в его традиционной характеристике.

Система использования эпитетов в причитаниях очень сложна, так как в ней мы находим, с одной стороны, элементы нового отношения к старому художественному приему, проявляющегося в стремлении показать предметы и отношения в их многообразии, показать богатство оттенков и силу чувства, с другой — в причитаниях много примеров того

¹ Е. В. Барсов. Причитания Северного края, I. М., 1872, стр. 22.

² Там же, стр. 149.

отношения, которое уводит нас в далекое прошлое различных исторических эпох.

„Красное солнышко“, „часты звезды“, „мать — сыра земля“, „буйны ветры“, „белый свет“, „белый снег“, „сине море“, „чисто поле“, „быстры реченьки“, „дубовый стол“, „косивчато окошечко“, „стекольчаты околенки“, „золота казна“, „цветное платье“, „скатный жемчуг“, „сахарные кушанья“, „питьица медвяные“, „красна девица“, „буйная головушка“, „белы рученьки“, „резвы ноженьки“, „тело белое“ — будут встречаться на каждом шагу. Кроме этих и подобных им постоянных эпитетов, известных и в других жанрах фольклора, в причитаниях есть круг своих постоянных эпитетов: „колода белодубова“, „тонки белы саваны“, „скорая смерётушка“, „трудная постелюшка“, „законная, надёжная сдержавушка“, „умершая могилушка“, „спорядовые суседи“, „роспашисты полосушки“, „луговые поженки“ и т. п. Постоянные эпитеты, таким образом, сохраняются в причитаниях, и в некоторых случаях это постоянство настолько твёрдо, что другие определения, нужные воплощению, присоединяются к сочетанию постоянного эпитета с существительным, воспринимаемому как смысловое целое.

*Наглядитесь, мои несчастны,
Слезливыи очи ясны!*¹

*Тут раздумываюь обидна красна девушка.*²

*Уж я бедная, кручинная головушка
Быв упалой как зананой серой зайушко.*³

Постоянный эпитет устной поэзии нельзя рассматривать только как украшение, он делает предмет наглядным, указывает характеристический его признак. Это с большой яркостью выражается в причитаниях. Старый „постоянный эпитет“, иногда представляющий собой смысловую тавтологию (белый свет) или указывающий идеальный, желаемый признак, не утратил семантико-стилистической функции и является часто образцом, по которому создаются новые эпитеты.⁴ В „Причитаниях Северного края“ огромное количество, несомненно, поздних эпитетов (много эпитетов XVIII—XIX вв.), основой для создания которых послужили старые принципы: 1) подновление нарицательного значения, т. е. смысловая тавтология, 2) подчеркивание выдающегося качества предмета, 3) указание

¹ Там же, стр. 107.

² Там же, стр. 221.

³ Там же, стр. 42.

⁴ Постоянные эпитеты по времени возникновения чрезвычайно неоднородны. Среди них есть древнейший слой (например эпитеты, известные уже в „Слове о полку Игореве“: серый волк, сизый орел, чистое поле, стрелы каленые, синее море, лютый зверь, зеленая трава и т. д.) и эпитеты более поздние, например, палаты белокаменные, гравовитая палата, стекольчата околенка и т. д.

на идеальный, желаемый признак или на самую высокую степень признака.

Например: 1) луговые поженки, раскосистые луга сенокосные, распашистые полосушки, хоромное строеньеице, роженое дитятко, обидная обидушка, горюша горегорькая и т. д. и т. п.; 2) студеная, холодная зима; разливна красна вёснушка, перистый снежок, шумячие самовары, суелливая стряпня, хлебородные поля; 3) а) жемчужные подвесочки, раструбисты сарафаны, сарафаны новомодные, башмачки козловые, желтые завивные кудерышки; ясно, развеселое личико; вилки золоченые и т. п.; б) неугасимая, неудольная тоска, крепкая думушка и т. п.

Эти и подобные им эпитеты довольно часто сочетаются с тем или иным существительным, но постоянными эпитетами в буквальном смысле (т. е. такими, как сочетания: красна девица, сине море, мать-сыра земля, чисто поле и т. п.) их нельзя назвать, так как наряду с ними в сочетании с тем же существительным употребляются и другие эпитеты. В предмете или понятии воплощенная видит не „один существенный признак“, а несколько, это, — во-первых, а во-вторых, она выделяет „существенный признак“ в зависимости от обстоятельств, от времени, и в этом случае „постоянство“ эпитета ограничивается темой и даже произведением. Так, в плаче „О потопших“: „малогребная, малая, утлая лоточка“, „напрасная смерть“, „непомерная погода“, „туча темна, неспособная“. В „Плаче об убитом громом и молнией“: „туча темна, грозна неспособная“ с „громом толкучим“, „свистучей молнией“, в „Плаче о жене“, если сирота ребенок, то о нем говорится: „болезно“, „позябло, мало дитятко“; „камышек неподвижный синий“ и „белый катучий“. Идеальные, желаемые признаки также оказываются разнообразными: „кашемировы“, „левантеровы“ — одинаково показатели высокой степени качества платков; „мелкоскладние“, „раструбисты“, „новомодные“ — сарафанов; „бриллиантовые“, „золотые“, „позолоченные“ — колечек и т. п. Свободное, а не постоянное сочетание прилагательного с существительным характеризует „причитания Северного края“, потому что чрезвычайное обилие различных художественных определений дает возможность самых разнообразных комбинаций и соединений.

Перед нами своеобразная картина, раскрывающая не только богатство, но и разнообразие эпитетов в причитаниях. Если пользоваться принятыми характеристиками эпитета, то мы должны будем сказать, что в причитаниях есть 1) постоянные эпитеты, т. е. определения безотносительные к положению данного момента, 2) эпитеты, постоянство которых относительно и определяется темой, 3) эпитеты украшающие и 4) индивидуальные поэтические определения. Поэтические краски в причитаниях черпаются из окружающей действительности, и несмотря на традиционность жанра, новое отношение к миру и, в соответствии с этим, новые задачи художественного выражения проявляются в поэтике плачей с большой силой и яркостью.

2

Существенное отличие былин, исторических песен, как особого жанра, заключается не только в их „эпичности“ (в противоположность „лиричности“ плачей), а также в том, что самое содержание былин должно препятствовать внесению в былинку элементов живой, конкретной действительности XIX в. (речь идет о записях А. Ф. Гильфердинга и П. Н. Рыбникова). Оценка, трактовка событий может изменяться, но фактическая сторона противостоит поздней действительности и ограждает (в значительной степени) былинку от ее вторжения. Если в былине утрачивались древние детали, то замещение их могло происходить только до той поры, пока окружающая обстановка и отношения имели в своей основе общие черты с событиями и отношениями, послужившими материалом для создания былин. Герой былины — богатырь — вооружен луком со стрелами, мечом, саблей, копьём. Ружья, пушки появляются только в исторических песнях.

Отдельные анахронизмы (например „подзорная трубка“), представляют собой незначительные исключения и касаются, почти всегда, бытовых, побочных деталей.

Сопоставление былин в записях П. Н. Рыбникова и А. Ф. Гильфердинга с записями плачей Е. В. Барсова обнаруживает значительную разницу в составе эпитетов, в их стилистической роли. Удельный вес прилагательных-определений в предложении в былинах (по сравнению с причитаниями) значительно ниже; смысловой акцент падает, прежде всего, на глагол — сказуемое.

П. Д. Первов, автор статьи „Эпитеты в русских былинах“,¹ собравший обширный материал по записям А. Ф. Гильфердинга, П. Н. Рыбникова и П. В. Киреевского, приходит к выводу, что „область эпитетов довольно строго ограничена: они сопровождают почти исключительно предметные названия, особенно названия предметов осязаемых“.² В его классификации представлены следующие категории: 1) древнейшие или, как говорит П. Д. Первов, эпитеты „органические“, т. е. тавтологические, воспроизводящие „коренное древнейшее значение“ слова (белый свет), далее — 2) эпитеты, обозначающие цвет (зелена трава), 3) материал (булатная сабля), 4) чувственное отношение человека к предмету (милый, дорогой), 5) размеры предметов (широкий, высокий, глубокий) и далее категория, которую автор не определяет, но в ней перечисляет „более обычные эпитеты“ (частый дождь, тихое плесо, сладкий напиток и т. д.).

В этой чрезвычайно сбивчивой классификации самым существенным недостатком является семантический анализ эпитетов, безотносительно

¹ Филологические записки, Воронеж, 1901, №№ 1—VI.

² Там же, № I, стр. 2.

к их синтактико-стилистической функции. Существенное наблюдение П. Д. Первова, что эпитеты в былинах „сопровождают почти исключительно предметные названия“, получает у него следующее объяснение: „Отвлеченные понятия утратили свою образность, а эпитеты мыслимы лишь там, где название предмета вызывает реальный, живой образ“.¹ В качестве примера сохранившегося старого эпитета он дает „горе лютое“ и пишет: „называя горе лютым, народ представлял себе его в образе живого существа (lû-scindere, vellere — естественный эпитет волка, лат. — lupus, льва, литовск. — lutas)“.² Но весь строй былин, состав эпитетов, их сочетания с существительными, обнаруживают не то древнее отношение к окружающему миру, которое хочет видеть П. Д. Первов, а современное, основанное на мироощущении крестьянина XIX в., в котором от старых анимистических представлений почти ничего не осталось. В былинах нет метафорических эпитетов, за немногими исключениями, например, „сахарные уста“, где эпитет „сахарные“ несомненно, поздний, а отвлеченные понятия сопровождаются определениями, в которых проявляется не древнее, а современное сознание (горе лютое — почти единственный пример).

Слова — ласковые, речи — похвальные, молодецкие, игра, наигрыши — хорошенькие.³

В наблюдении П. Д. Первова, что эпитетами в былинах сопровождаются „исключительно предметные названия“, следует подчеркнуть, что характер „эпитетов“ очень своеобразен: это, прежде всего, указание на 1) материал, 2) цвет, 3) существенный признак предмета. Встречаются и другие виды определений „эпитетов“: оценочные, эмоциональные и т. д. Преобладают прилагательные относительные и „качественно-относительные“ (по характеристике В. В. Виноградова).⁴ В качестве примера можно привести хотя бы то, что в былинах наличествуют прилагательные, указывающие все основные породы деревьев Средней России: дубовые и белодубовые — столы, скамьи, двери, доски, конюшни, коромысла, бочки и т. д. (это — наиболее часто встречающийся вид дерева), кленовые — двери, доски, коромысла, мосты, столы, скамеечки и т. д., а также калиновые, вязовые, липовые, сосновые, яровчатые, кипарисные, валжаные, осиновые. Из прилагательных, обозначающих металл, в былинах мы находим: золотой, позолоченный, серебряный, медный, булатный, железный, чугунный (последний — редко).

¹ Филологические записки, Воронеж, № I, стр. 2.

² Там же, стр. 3.

³ Например:

„А выслужил у ты хлеб-соль мягкую,
Да у ты еще слово гладкое,
Да еще уветливо да приветливо . . .

(Гильф., 241).

⁴ См. об этом ниже.

Очень часты в былинах прилагательные собственно относительные: княженецкий (княжеский), царский, крестьянский, дворянский, вдовиный, каличий, богатырский, молодецкий (два последних употребляются и в значении качественных прилагательных). Довольно значительна группа качественных прилагательных отглагольных: горючий, катучий, капучий, кипучий, валучий, толкучий, топучий, крыкучий, кыкучий, певучий, зыбучий, бродучий, поклевучий, подкупучий, стоячий, шумячий, ходячий и т. д., стоялый, езжалый, зяблый, переходный, переезжий и т. д., точеный, толченый, кованый, кормленый, званный, нежданный и т. п.

Этот своеобразный, очень конкретный по семантике, состав прилагательных, выступающих в роли эпитетов, выдвигает вопрос об истории эпитета в былине, хотя бы на протяжении доступной обозрению зафиксированной записями традиции (от начала XVII в. до наших дней), а также вопрос о том, какой принцип лежит в основании употребления эпитетов (1—повторение, подновление значения существительного; 2—выделение существенного признака; 3—указание на идеальный, желаемый признак или нечто другое).

Пока оставим записи XVII в. (к ним обратимся несколько позднее), а остановимся на Сборнике Кирши Данилова в сравнении его с записями А. Ф. Гильфердинга и П. Н. Рыбникова.

Количество прилагательных-определений, которые могут сочетаться с каким-нибудь существительным (имеющим одинаковую функцию в этих сборниках), значительно больше в записях А. Ф. Гильфердинга, и они гораздо разнообразнее, чем в Сборнике Кирши Данилова.¹ Несомненно, в Сборнике Кирши Данилова есть определения, которых совсем нет в известных нам записях XIX—XX вв., но это — единичные случаи, в которых речь идет о качествах и признаках предметов, вышедших из употребления, или эти определения представляют собой местный, диалектный вариант тех, которые имеются в более поздних записях, например: „баберековый камзол“, „грамота тарханная“, „дробные деньги“, „дороги увольные“, „бурнастая лиса“, „торженные усы“.

Абсолютное количество прилагательных-определений значительно выросло, если можно так сказать, за счет тех, которые характеризуют явления природы, бытовые детали, обстановку действия.

В Сборнике Кирши Данилова „море“ только „синее“, хотя в целом ряде сюжетов море имеет существенное значение (Соловей Будимирович, Садко, Василий Буслаев, Азов-город и т. п.), тогда как в „Онежских былинах“ А. Ф. Гильфердинга море: синее, славное, широкое, глубокое, славное синее, глубокое, синее солоное.²

¹ Такая же картина получается при сопоставлении Сборника Кирши Данилова с записями А. В. Маркова, А. Д. Григорьева („Беломорские былины“, „Архангельские былины“).

² В сборниках А. В. Маркова и А. Д. Григорьева существительное „море“ также имеет и другие эпитеты: солоное, черное, арапское, глубокое и т. д.

„Лес“, „леса“ в Сборнике Кирши Данилова — темные, брынские, в „Онежских былинах“ — темные, дремучие, стоячие, шумячие, мелкие, превысокий, сухой, жаровой (и в сочетании, мелкий шумячий, сухой жаровой — „Ай как силушки на чистом поли, | Ай как мелкого лесу да шумячего || Ай как знаменьев на чистом поли | Ай как будто сухого лесу жарового...“).

Горы — высокие, каменные (К. Д.);¹ высокие, превысокие, крутые, каменные, толкучие, сильные, претолстые (Гильф.).

Поле — чистое (К. Д.); чистое, великое, широкое, славное чистое (Гильф.).

Облака — отсутствуют в Сборнике Кирши Данилова, а у Гильфердинга встречаются часто и имеют следующие эпитеты: летучие, ходячие, черные, темные.²

Река — быстрая (К. Д.); быстрая, глубокая, мелкая, широкая, свирепая, кровавая (Гильф.).

Дуб — сырой, сырой кряковистый, зеленый кряковистый (К. Д.); сырой, старый сырой, кряковистый, широкий, столетний, сорочинский (Соловей-разбойник сидит „на двенадцати дубах да сорочинских“) (Гильф.).

Камень, встречающийся на пути богатыря (с надписью и без надписи), — горячий, белый; висячий большой („... на той Чюсовой реке на висячем большом камню“ — Ермак) (К. Д.); горячий, белый, серый, синь, великий, сыр-горюч, синь-горюч, горячий белый, серый угрюмый, катучий, валучий, белый (Гильф.).

Явления природы в „Онежских былинах“ получают более разнообразную характеристику, чем в Сборнике Кирши Данилова. Нельзя думать, что в записях А. Ф. Гильфердинга мы имеем дело с остатками более богатой и древней традиции, чем в былинах из Сборника Кирши Данилова. Этот вывод может быть сделан только в отношении единичных случаев, тем более, что приведенные примеры показывают, как крепко сохраняются старые традиционные определения: записи А. Ф. Гильфердинга всегда дают все встретившиеся в Сборнике Кирши Данилова эпитеты, а сверх этих еще ряд новых. Нельзя также предполагать, что обилие эпитетов — особая специфическая особенность поэтической школы Прионежья. Та же самая картина получается и при сопоставлении с записями А. Д. Григорьева, А. В. Маркова. Это — северная традиция, говоря в широком плане, в которую входят и записи в Сборнике Кирши Данилова. Сборники А. Д. Григорьева и А. В. Маркова по языку значительно „современнее“ сборников А. Ф. Гильфердинга и П. Н. Рыбникова. Новые эпитеты встречаются реже, чем „старые“ постоянные и очень часто присоединяются к этому старому традиционному эпитету, который иногда представляется почти неотделимым от существительного.

В „Онежских былинах“ встречается слово „озеро“, „озера“, которого нет в Сборнике Кирши Данилова. Если объяснять появление этого

¹ В дальнейшем пользуюсь сокращениями: К. Д. — Сборник Кирши Данилова, Гильф. — Онежские быliny А. Ф. Гильфердинга.

² Слово „гуча“ в Сборнике Кирши Данилова имеет только один эпитет — „грозная“, в сборнике А. Ф. Гильфердинга встречается значительно реже (всего несколько раз), чем слово „облака“, и имеет два эпитета: „темная“, „грозная“.

слова специфическими природными условиями Озерного края, то это не меняет положения дела. Слово „озера“ имеет следующие определения: широкие, глубокие, мелкие, большие (в „Причитаниях Северного края“ определений для слова „озеро“ гораздо больше; там мы находим: круглое, малое озерышко, синее, славное, тёмное, свирепое — Онего и Ладожско и т. д.).

Особенно резко возрастает количество определений в отношении к бытовым деталям, к обстановке.

Дорога — широкая, окольная, неближняя, прямоезжая, увольная (К. Д.); широкая, прямая, дальная, окольная, прямая неокольная, прямоезжая, прямохожая, проходящая, проезжая, путистая, большая, мерная, першпехтивная, почтовая, глиняная, широкая, тёрная (Гильф.).

Крыльцо, крылечко — красное (К. Д.); перёное, перинчато, точёное, красное, крутой красный (крылец), крутое, дубовое, белодубово, золочёное, переднее, парадное (королевское, царское) (Гильф.).

Сени — косящатые, решетчатые (К. Д.); новые, белые, решетчатые, косивчатые (и косерчатые), стекольчатые, нарядные, серебряные, челядинны, княженецкие (Гильф.).

Стол, столы — дубовые, белодубовы, убранные, круглый (дорог рыбий зуб) (К. Д.); дубовые, белодубовы, сыродубые, кленовый, золоченый, золот, большой, меньший, белый, круглый, задний, нижайший, окольные (Гильф.).

Стул — золот, ремешчатый (К. Д.); золот, золоченый, ремешчат (и ремешный) черешный, дубовый, бархатный (Гильф.).

Печь — муравленая, глиняная (К. Д.); муравленая, глиняная, кирпичная, каменная, земляная, изразцовая, хрустальная (Гильф.).

Ковюшня — белодубовая (К. Д.); белодубова, стоялая, дубовая, новая, великая, богатырская, княженецкая, кониная, лошадиная (Гильф.).

Мост, мосты (через реку, через топкое место);¹ (мост) — жив-калинов (К. Д.); (мосты) калиновые, кленовые, каленые, деревянные, сосновые, поддельные, фальшивые (Гильф.).²

Очень большое количество определений имеет слово „платье“, но не все они представляют собой эпитеты, тем не менее привожу их все, так как они показывают, по какой линии идет появление новых определений.

Платье — цветное, белое, черное, разноцветное, богатое, саксонское, опальное будто тюремное, посольское, богатырское, царское, каличье, женское (К. Д.); цветное, самоцветное, драгоценное, черное, тонкое, белое, красное, одноцветное, нецветное, опальное, печальное, отличное, лучшее, лосиное, звериное, дорожное, нищенское, старческое, мужское, женское, мужичье, богатырское, молодецкое, каличье, скоморошье (Гильф.).

¹ В былинах (северных) слово „мост“ имеет и другое значение: пол.

² Подделали мосточки поддильные.

В Сборнике Кирши Данилова нет слова одежда, „одежа“; в записях А. Ф. Гильфердинга часто встречается это слово и сопровождается следующими определениями: драгоценная, сменная, снарядная, хорошая, хорошенькая, распечальная, самолегкая, дорожная, сорочинская, липовая, стариковская.

Рубашка — белая, кисейная, красная (К. Д.); тонкая, белая, тонкая мягкая, миткальная, шелковая, красная, полотняная (Гильф.).

Шуба — соболиная, барсовая, переменная, долгополая (К. Д.); соболиная, кунья, енотовая, теплая, расхожая, купеческая (Гильф.).

Гусли — звончатые (К. Д.); яровчатые, звончатые, муравчатые, хрустальные, скомошьи, немедкие (Гильф.).

Шатры — белые, полотняные (К. Д.); белые, полотняные, белополотняные, (шатер) широкий белый, тонкий белый, шелковы, белодубовы, царский (Гильф.).

Можно продолжить перечень примеров, но картина будет одинакова.

Несомненно, особый интерес представляют определения к тем существительным, которые обозначают основные предметы и понятия для содержания былины: богатырь, его вооружение, бой.

Богатырь, богатыри обычно сопровождается двойным синонимическим эпитетом „сильные могучие“. Этот двойной эпитет мы находим и в записях XVII в. (в былине о Михаиле Потоке и в отрывке былины об Алеше Поповиче); иногда стоит один из этих эпитетов; кроме этого, очень часто стоит: „святорусский“, „русский“ в сочетании с одним из приведенных выше.

В сборнике Кирши Данилова: могучий, сильный могучий, святорусский могучий, русский могучий; в записях А. Ф. Гильфердинга: сильные, могучие, сильные могучие, святорусские, русские (богатыри), чудный, дивный, славный, государский, неверный, престрашный, порный (богатырь).

Верный друг богатыря, его конь, имеет очень большое количество определений.

Конь — добрый, наступчивый, богатырский, стоялый, сухопарый (бур космат — в сказуемом), (бурочко косматочко троелеточко) (К. Д.); добрый, наступчивый, косматый, богатырский, вороненый, рыжий, белый, карий, однокарий, бурый, златогривый, сивогривый, ученый, снарядный, крылатый, суший вещей, рыцарский, сменный, переменный, дедушков (малый шахманок, улетуник) (Гильф.).

Жеребец, жеребцы — похваленые, любимые, латынские, сив, кологрив, (полонян воронко) (К. Д.); вороной, сивогривый, кологривый, темнокарие, латынские, бухарские, хорошие, неученые, некладеные, нелегченые, неезженные (Гильф.).

Лошадь — хромая (К. Д.); добрая, вороненая, рыжая, пеганенькая, ежжальная халстаная, бережа, богатырская (Гильф.).

Приведенные примеры показывают, как резко увеличилось количество определений у существительных, обозначающих предметы обихода, быта. Несколько меньше оно в отношении к явлениям природы, но это понятно,

так как 1) по ходу действия они не имеют особого значения, и 2) даже в письменной, художественной литературе, будучи взяты в таком обобщенном виде, в каком они выступают в былинах, явления природы не имеют и не могут иметь объективно большого количества определений. Рост определений идет по двум направлениям: во-первых, по линии выдвигания новых признаков, — кроме тех, которые имеются в традиции (печь — кирпичная, земляная, каменная, изразцовая; сапоги — козловые, одноличные, шелком таченые; столы — белые, окольные, задние, кленовые), во-вторых, по линии развития эпитетов украшающих, выражающих „идеальный, желаемый“ признак (в этом случае появляются такие сочетания, как „хрустальная печь“, „золотой“, „золоченый стол“, „серебряные сени“ и т. п. Но и эти, на первый взгляд, „сказочные“ эпитеты, имели реальные основания: достаточно представить себе обстановку не только царских и боярских дворцов, усадеб XVII—XVIII вв., но и дворянских усадеб XVIII—XIX вв., где были и золоченая мебель, и мраморные каминные зеркала и украшения, и многое другое, что могло войти в устные произведения).

Растет количество определений, относящихся к предметам быта, обихода, и почти не увеличивается оно по отношению к тем предметам, которые вышли из употребления, но представляют неотъемлемую, обязательную часть в содержании былин. Так, предметы вооружения богатыря, его доспехи сохраняют старые определения, а иногда даже теряют их, поскольку реальное представление о предмете исчезает. Слово „доспехи“ имеет только одно определение — „крепкие“ и в Сборнике Кирши Данилова и в „Онежских былинах“.

Кольчуга — красна золта (К. Д.), золоченая (Гильф.).

Латы — булатные (К. Д.), железные (Гильф.).

Стрела — каленая, булатная, переная (К. Д.); калёная, ракитова, перьями орловыми сажаная, золоченая, расстрельчатая (Гильф.).

Чрезвычайное увеличение количества определений, сопровождающих существительное „конь“, идет не по линии раскрытия его особых качеств, присущих богатырскому коню, а, главным образом, за счет обозначения масти (белый, рыжий, карий, однокарий).

Число различных прилагательных-определений значительно выше в „Онежских былинах“ Гильфердинга, чем в Сборнике Кирши Данилова. Но это нельзя объяснить только объемом собрания Гильфердинга. Сборник Кирши Данилова содержит почти все основные сюжеты былин и исторических песен. Если же принять во внимание, что большая часть сюжетов развивается по общему плану (пир у князя, отъезд на подвиги, совершение подвигов, возвращение; или — приезд ко князю Владимиру, состязание или получение поручения от князя и т. д.), что главные детали плана часто представляют собой, если не в буквальном смысле общие места, то близкие к ним описания, придется дать только одно

объяснение: в традиционный текст включены новые определения. Приведенные выше примеры показывают, что рост их идет за счет бытовых деталей, явлений природы и почти не затрагивает предметы и понятия, не известные сказителю или ставшие архаическими. Следовательно и традиционный жанр — былина подчиняется той тенденции в поэтическом языке, которую мы отметили в плачах — показать мир в разнообразных его свойствах и качествах.

Новые эпитеты в сборнике А. Ф. Гильфердинга — новыми и прилагательными для языка в целом не являются. Почти все они, за единичными исключениями (почтовая, першпехтивная дорога, парадное крыльцо, поддельные фальшивые мосты) являются чрезвычайно древними не только по своему происхождению, но и по возможности и даже обязательности сочетания с теми же существительными, с которыми мы встречаем их в записях былин XIX—XX вв. Но их нет не только в записях фольклора XVII—XVIII вв., а и в письменной художественной литературе этих и более ранних эпох. Объясняется это жанровыми и стилистическими особенностями древней литературы, обусловленными в свою очередь эстетическими и идейными воззрениями эпохи. Но такие „прозаические“ документы, как описи имуществ, духовные, запродажные и т. п. обнаруживают чрезвычайное богатство прилагательных и возможностей их сочетаний с существительными. В них мы найдем не только все приведенные выше, но во много раз больше.

Крыльцо — переное, перинчатое, с болясами точеными; окна — красные, волоковые, двойные и т. д.; окончины — стекольчатые, слюдяные, слюдяные кубчатые, клинчатые и т. д.; крюки и пробои — луженые, белые, ревные и т. д.; столы — дубовые, сосновые, круглые, золоченые, расписанные красками, украшенные „рыбьим зубом“ и т. д.; стулья — бархатные, из золоченой кожи, дубовые, обиты красным сукном, триповые, золотые, кожаные и т. д.; печи — кирпичные, муравленые, изразчатые, ценинные¹ и т. д.

Особенно разнообразны и богаты прилагательными описания тканей, одежды, вооружения.

Бархат — рытый, двоёморхий, червчат, золотный, лазорев, турецкий, кизыбашский, венецицкий и т. д.; камка — бурская, кизыбашская, индейская, китайская, золотная, белозолотная, двуличная, полосатая, чешуйчатая, хрущатая, всевозможных цветов и узоров, имеющих свои определения; чрезвычайно много прилагательных, указывающих цвет ткани.

Предметы вооружения: сабля, стрелы, лук, копьё в описях имеют свои определения. Копья, ножи, сабли — „булатные“, „стальные“, они имеют всевозможные украшения. Вот несколько примеров из описей XVII в.

¹ И. Е. Забелин. Домашний быт русских царей. М., 1915.

„Бархат турской золоткой морх червчет да зелен с серебром“,¹ „Ферези камка кизылбашская на сини розные шолки с золотом, мужички сидячие, образцы низаны на проем... кафтан камка бурская на бели шолк червчат зелен с золотом круги листье большое вострое, а другое листье косое“,² „Летник камка бурская на червце шолк бел лазорев зелен с золотом круги большие вострые около их бел шолк с лазоревым вошвы бархат венединцкой черн с золотом...“, „Летник камка бурская на серебряной земле черчат да жолт шолк копытца, вошвы бархат венединцкой зелен двоёморх с золотом и с петаями“,³ „чоботы сафьян синь с золотыми лисицами“,⁴ „чоботы сафьян светлогзелен с индрог“,⁵ „чоботы турские сафьян червчат шиты золотом да серебром, полмы старые“,⁶ „Копье черкасское булатное, тощое, наведено золотом, яблочко серебряно гладкое... Копье стальное плоское, остроколючное, оиненное, у замка трубка золочена; ратовище деревянное, оклеено кожей золоткою; цена полтора рубля“. ⁷ „Нож бухарской булатен; черен волчей складной“, „нож стальной турской, саблю, с долом с кованым... черен кость волчья бела, устье медяно, оков раковинной“.⁸

„Хоромы ж двойня рублены из Муромского красного брусья в ус;... 6 окошек, в них рамы двойные; с одну сторону наливники липовые, с другую дубовые столярные, в них 12 окончин слюденых кубчатых, на них орлики оловянные золоченые, денежки оловянные; по три прута железных луженых,... 2 стола дубовых столярных; 3 скамьи сосновых; 2 печи ценинных круглых...“⁹

„Подклет под комнату по мере 3 сажен; три окошка, печь зеленая, мурамленая... Два чулана косящетые, а в чуланах 2 окна больших двойных“.¹⁰

„Кругом всех нижних хором перила на взрубях, по перилам поставлены боляски точеныя. Сени передняя, а в них 18 окон красных, да сени боковыя... Во всех середних житиях полы кирпичныя дубовыя“.¹¹

„Столовая, в ней семь окон двойных столярного дела; валячники и шпренгель писаны красками, в них окончины стекольчетые, у окончин петли и крюки луженые; лавки с опушки, два стола, скамья, четыре дюжины и два стула, обитые кожей золоченою; стол круглой росписан красками на китайское дело...“¹²

„Под хоромами государынь царевен больших три подклета... в подклете два окошка красных, три окошка волоковых, печь кирпичная... перед подклетом рундук рубленой оперен болясы точеными“.¹³ „Под столовую к подклетам рундук круглой о пяти степенях; перед подклетами мост, кругом его болясы, столбы точеныя... стол росписной... кресла золоченые обиты бархатом лимонным... 8 стулов нужных обиты красным сукном, стулов 206 коженных красных... кресла дубовые обиты китайским обоем гарусным, обложены позументом золотным“.¹⁴

¹ Там же, стр. 633.

² Там же, стр. 854.

³ И. Е. Забелин. Домашний быт русских цариц. М., 1872, стр. 36—37 (материалы).

⁴ Он же. Домашний быт русских царей. М., 1915, стр. 851.

⁵ Там же, стр. 867.

⁶ Там же, стр. 860.

⁷ П. И. Савваитов. Описание старинных русских утварей... СПб., 1896, стр. 62.

⁸ Там же, стр. 85.

⁹ И. Е. Забелин. Домашний быт русских царей. (Опись Измайловского дворца 1683 г.). М., 1895 стр. 503—504.

¹⁰ Там же, стр. 488—489.

¹¹ Там же, стр. 490.

¹² Там же, стр. 459 (Опись Коломенского дворца).

¹³ Там же, стр. 473.

¹⁴ Там же, стр. 475—476.

Исследователи, останавливавшиеся на поэтических особенностях былин, опирались, главным образом, на записи XIX в. и Сборник Кирши Данилова, беря их в целом, и давали характеристику стилистических особенностей безотносительно ко времени записи или архаичности сюжета. Такое отношение возможно только при признании тезиса, что традиционные жанры устного поэтического творчества в отношении поэтических средств остаются неизменными со времени своего возникновения или изменения эти так незначительны, что на них можно не обращать внимания.

Отдельные замечания относительно изменения формы устных произведений изредка встречаются в литературе, но они представляют собой лишь фиксацию впечатлений, мнений, не развернутых и не подтвержденных материалами. Укажу хотя бы на замечание А. Х. Востокова по поводу народного стиха. Он пишет: „Народное стихосложение русское, т. е. склад песен, в новейшие времена начинает переменяться. Песни старинные, и те, кои сочинены в позднейшее время, распознать можно по разности стихосложения... Известно, что мы не имеем самых древних по сей части памятников. По крайней мере они дошли до нас не в первоначальном виде, бывши сохраняемы через долгое время одним только изустным преданием, которое поступает со вверенными ему сокровищами так, как обыватели с древними зданиями: поновляют, перестраивают, поправляют или портят их на свой лад; — на досаду знатокам и антиквариям, коих любопытный взор едва уже где может, сквозь новые обмазки, починки и переделки, читать на памятниках следы почтенной древности. Памятники слова человеческого, ежели переданы не на письме, а изустно, скорее еще изменяются и погибают, нежели произведения зодчества“.¹

Подобное замечание было сделано А. С. Орловым в статье „об особенностях формы воинских повестей“: „Вообще я думаю, — писал А. С. Орлов, — что устная поэзия значительно изменила свою оболочку за время от Слова о полку Игореве до «Задонщины» и от создания «Задонщины» до «Азовских сидений»“.²

Для исследователей конца XIX в., а тем более XX в. историческое изменение былин было одним из положений, которое служило основанием для восстановления первоначального их содержания, для объяснения анахронизмов в них (см. работы представителей исторической школы). Но эти изменения отмечаются только в отношении к содержанию былин, а поэтика былин представляется как нечто неизменное от момента возникновения жанра до наших дней; несмотря на отдельные замечания общего характера о том, что форма былин также изменялась, нет ни одной работы, в которой были бы указаны и объяснены эти изменения.

¹ А. Х. Востоков. Опыт о русском стихосложении. СПб., 1817, стр. 91—92.

² Чтения в ОИДР, М., 1902, стр. 131.

Статья А. Н. Веселовского „Из истории эпитета“, как и другие его работы по исторической поэтике, построена на чисто формалистическом сравнении употребления эпитета в различные исторические эпохи у разных народов, безотносительно к жанрам и семантико-стилистическим функциям в них эпитета, не может раскрыть его реальной истории.

П. Д. Первов, автор цитированной выше статьи „Эпитеты в русских былинах“,¹ теоретически пытается сочетать положения Ф. И. Гуслаева, А. А. Потебни и А. Н. Веселовского. Все эпитеты былин он разбивает на три категории: „Первичные, наиболее древние эпитеты воспроизводят и повторяют коренное, древнейшее значение данного наименования; они наглядно воспроизводят то, что уже заключено в корне слова, но со временем затемнилось, стало неясным. Вторую группу составляют эпитеты, указывающие на новый признак предмета, не отмеченный в его наименовании, но столь же характерный и специальный для него... Третью категорию составляют эпитеты *ognantia* в тесном смысле: здесь признак уже не связан с коренным значением слова“.² Эта классификация с одинаковым успехом может быть отнесена к любому жанру и устной и письменной поэзии и к языку в целом. Для характеристики эпитетов былин она ничего не дает.

Анализируя отдельные эпитеты, автор, путем сравнительной этимологии, восстанавливает древнейшее значение слова, которое ему нужно для доказательства древности его употребления в качестве эпитета, но это отнюдь не может служить доказательством древности происхождения былин как поэтического жанра, так как все „наиболее древние“ постоянные эпитеты (красна девица, сине море, чисто поле, серый волк и т. п.) встречаются во всех жанрах устной поэзии и во многих случаях в письменной средневековой литературе. Методологически в данном случае представляется не менее, а более важным проследить изменения явления сначала в определенных, конкретных, исторически ограниченных условиях в теснейшей связи с другими явлениями, составляющими определенную поэтическую систему жанра, в свою очередь исторически обусловленного.

3

Первые дошедшие до нас записи былин и исторических песен относятся к XVII в. Их немного, но они, тем не менее, дают ясное представление об эпической традиции в XVII в., так как записи эти сделаны в разных местах и разными людьми. Это четыре

¹ Филологические записки, Воронеж, 1901, вып. I—II, III, IV—V, VI.

² Там же, вып. I—II, стр. 1—2.

былины: ¹ „Сказание о киевских богатырях“ ² в копии первой половины XVII в., былина о Михаиле Потоке в записи конца XVII в., ³ отрывок былины о Ставре, записанный на столбце в середине XVII в., ⁴ и отрывок былины об Алеше и Тугарине в записи середины XVII в.; ⁵ четыре исторических песни: 1) о Скопине, 2) о возвращении Филарета Никитича в Москву, 3) набег крымского хана (песни, записанные для Ричарда Джемса в 1619—1620 гг.), 4) о Григории Огрепьеве (текст этой песни был опубликован П. А. Бессоновым в „Приложениях“ к 7-му выпуску „Песен, собранных П. В. Киреевским“ со ссылкой на то, что листок находится в бумагах К. Ф. Калайдовича).

В четырех текстах былин XVII в. мы находим почти все основные „постоянные“ эпитеты былин: „сильные могучие богатыри“, „ласковый князь Владимир“, „млад Алеша Попович“, „добры кони“, „зелено вино“, „меды сладкие“, „питье пьяное“, „море синее“, „чисто поле“, „сыра земля“, „лебедь белая“, „крепкий лук разрывчатый“, „калена стрела“, „вроstro копье“, „булатный нож“, „бел шатер“, „товары заморские“, „доски дубовые“, „пески желтые“, „сторожа крепкая“, „гусли звончатые“, „свечка серебряная“, „колючко позолоченое“, „грозен посол“, „красна девица“, „руки белые“, „уста сахарные“, „крепкие доспехи“, „палица булатная“, „перехожая калика“, „золота казна“, „черкасское седло“ и т. д. и т. п. ⁶

¹ „Сказание о молодде, коне, и сабле“, которое также причисляется к былинам, былинной не является: это эпическое стихотворное произведение другого жанра (Гос. Публ. библ. им. Салтыкова-Щедрина, Погод, 1772).

² В рукописном сборнике из собрания Е. В. Барсова (Гос. Ист. музей, Барс. 1463).

³ В рукописном сборнике Гос. Публ. библ. им. Салтыкова-Щедрина, Q. XVII. 44.

⁴ В собрании А. А. Пазухина, опубликован А. И. Соболевским. Известия ОРЯС, 1911, № 1 (где находится в настоящее время, неизвестно).

⁵ В собрании А. А. Маслова. См. Н. С. Тихонравов и В. Ф. Миллер. Русские былины старой и новой записи. М., 1894.

⁶ Чтобы иметь возможность сопоставлять особенности употребления эпитетов в текстах XVII в. с употреблением их в более поздних записях, приведу здесь из текстов XVII в. все сочетания прилагательных с существительными (за исключением отвлеченных от имен собственных: князь киевский, владыка черниговский и т. д.). В отрывке былины об Алеше Поповиче: „сильные, могучие богатыри“, „шутка тяжелая“, „шутка несвойская“, „ласковый князь Владимир“, „млад Алеша Попович“, „усердия доброва“, „лебедь белая“, „болван нетесанный“, „меду сладкого“, „корова обжорчива“. В былинe о Михаиле Потоке: „славный град“, „славный богатырь“, „сильные могучие богатыри“, „добры кони“, „братцы милые“, „море синее“, „лебедь белая“, „руки белые“, „уста сахарные“, „крепкий лук“, „калена стрела“, „красная девица“, „золота казна“, „сыра земля“, „чисто поле“, „зелено вино“, „меды сладкие“, „пески желтые“, „доски дубовые“, „вольный свет“, „змея лютая“, „бел шатер“, „сторожа крепкая“, „соседи ближние“, „смерть скорая“, „злая смерть“, „вести недобрые“, „камка белая“, „питье пьяное“, „злая жена“, „царь Кошей неверный“, „пированье великое“, „служба великая“, „люди многие“, „многие князи и бояры“, „войско безвинное“, „товары заморские“, „стена городова“, „мертвая жена“, „тробница каменная“, „отхожая горница“, „девка поспадская“, „богатырский двор“, „ружье богатырское“, „богатырь святорусский“.

Кроме этих сочетаний (они „постоянны“ в записях XIX—XX вв.), в текстах XVII в. есть значительное количество других, в которых прилагательные не могут быть названы постоянными эпитетами, так как сочетания эти встречаются редко или совсем не встречаются в поздних записях. Прилагательные в них, например: „мертвая жена“, „злая жена“, „вести недобрые“, „прямые неизменные вести“, „камка белая“, „камка венецкая“, „голуб скорлат“, „соседи ближние“, „войско безвинное“, „шутка тяжелая“, „шутка несвойская“, „стрела копейчатая“, „борцы умеющие“, „худые кони“, „отхожая горница“, „ножевое острие“ и т. д., указывают частный, временный признак, особенно важный по ходу действия, и служат резкому и категорическому выделению предмета из ряда ему подобных; встречаются сочетания, которые представляют собой термин, особое понятие: „посольский двор“, „пивной котел“, „мертвая вода“, „большая сажень“, „красное окно“, „калицкое платье“, „станные люди“, „великий князь“ и т. д.

Но дело не в том, вошли ли все эти сочетания прилагательных с существительными в поздние записи, т. е. являются ли они „постоянными“, а в том, какова семантическая и стилистическая функция прилагательных во всех этих сочетаниях в текстах XVII, XVIII, XIX, XX вв. „Постоянный эпитет“ характеризуется как эпитет украшающий.¹ В. М. Жирмунский в статье „К вопросу об эпитете“, суммируя результаты работ своих предшественников и намечая принципы новой классификации, считает не подлежащим сомнению, что „постоянный эпитет

„земля святорусская“, „чужая жена“, „человеческий голос“, „мертвая и живая вода“, „великий князь“. В бытline о Ставре: „грозен посол молод Василий Иванович“, „посольская палата“, „посольский двор“, „посольское место“, „посольские хоромы“, „посольское платье“, „государев двор“, „палата государева“, „борцы умеющие“, „крепкий лук разрывчатый“, „булатный нож“, „востро копье“, „калена стрела копейчатая“, „гусли звончатые“, „руки белые“, „сваечка серебряная“, „колючко позолоченное“, „потеха молодецкая“, „платье дороженное“, „сбруя богатырская“, „жеребцы, кони латынские“, „робячья игра“. В „Сказании о киевских богатырях“: „белая палица“, „белый шелк“, „благочерный царь Константин, царица Елена“, „богатырский голос, служба, сбруя, лошади, сряды“, „большая сажень“, „булатное копье, пряжи, палицы“, „великая хлеб-соль, срамота, похвала, слава, сила, пагуба, выслуга, радость“, „венецкая камка“, „вольный человек“, „вострое копье“, „вязовая палица“, „голубой скорлат“, „государева чаша, двор“, „грозный богатырь“, „громкий голос“, „добрые кони, слава, язык“, „золотые чепи“, „злаченные пуговицы“, „злые полки татарские“, „калицкое платье“, „калические гласы“, „красное окно“, „красный перепускной булат“, „красное золото“, „крепкие доспеки“, „молод Алеша Попович“, „млад Тугарин“, „милая братия“, „недобрый богатырь“, „прямые неизменные вести“, „несметная казна“, „перехожая калка“, „пивной котел“, „поганая сила татарская“, „русский богатырь“, „камень самоцветный пламень“, „светлое платье“, „серебряная цепь“, „серая свита“, „скорлатная гуня“, „славный богатырь“, „станные люди“, „стольный славный Киев град“, „татарская голова, полки, сила, речи“, „удалый молодец, богатырь, лошади“, „худые кони“, „царев двор, палата“, „черный волос“, „черкасское седло“, „четий жемчуг“, „чистое поле“.

¹ См., например, статью В. М. Жирмунского, где сделана попытка на более ограниченном исторически материале дать характеристику эпитета (Сб. „Памяти Сакулина“, М., 1931).

гомеровского эпоса или русской былины есть украшающий эпитет". Этим самым утверждается тезис, что характерной чертой поэтики русской былины является стремление к украшению (поскольку постоянные эпитеты играют в ней очень важную роль). Это, в свою очередь, как будто гармонирует с другой поэтической особенностью былины — гиперболизацией. Герой былины, богатырь, обладает исключительными качествами, все его поступки, все предметы, всё окружающее его должно проявляться в высочайших степенях качеств и идеальных признаках.

Стилистическая функция постоянного эпитета заключается, таким образом, в том, что в нем с особенной силой должен проявляться тот общий идеальный, „праздничный“ план, в котором ведется, по мнению исследователей, эпическое повествование. Роль эпитета в развитии действия чрезвычайно незначительна, он — „украшает“ определяемый предмет, а иногда даже превращается в словесное украшение, так как логически не может сочетаться с существительным. Этот вывод естественно вытекает из характеристики постоянного эпитета, данной на основе записей XIX—XX вв., к которым исследователь подходит с точки зрения норм современной ему художественной литературы.

Ай не пьют да не кушают,
 Белой лебеди да не рушают,
 А сидят, повешены буйныя головушки
 Ай пониже своих плеч могучих
 Ай притуплены очушки ясны в кирпичный пол.

(Гильф. 400).

Эпитеты в сочетаниях „белая лебедь“, „кирпичный пол“ отнюдь не обусловлены описываемой картиной, развитием действия былины. Почему же они сопровождают эти существительные?

Чтобы ответить на этот вопрос, обратимся к текстам XVII в., т. е. к наиболее древним из имеющихся у нас записей.

Несмотря на то, что в четырех небольших текстах XVII в. мы встречаем многие из тех прилагательных, которые хорошо известны как постоянные эпитеты записей XIX—XX вв., стилистическая и семантическая функция их несколько иная, по сравнению с записями XVIII и в особенности XIX, XX вв. Значительно выше их смысловая роль в развитии содержания былины, „постоянство“ многих из них относительно: они не обязательно сопровождают то или иное существительное, а присоединяются к нему в зависимости от хода действия; целый ряд прилагательных, воспринимаемых нами в текстах XIX—XX вв. как эпитеты украшающие, в текстах XVII в. таковыми не являются. Например, былина о Михаиле Потоке (текст XVII в.) рассказывает, как Поток уехал „в чисто поле тешитца“, а „без него пришел купчина Золотой Орды с тавары заморскими“, об этом узнала жена Потока „я пошла Михайлова жена смотреть товаров заморских“. Пораженный ее красотой, „купчина“ возвращается в Орду и рассказывает Коцею: „сколько де я ни еживал по иным землям купчиною, а такой

прекрасной не выдвигал...“ Определение „заморские“ в данном случае имеет узкое, совершенно конкретное значение, и с точки зрения традиционной поэтики эпитетом не является, это — логическое определение, здесь „заморские товары“ — одна из деталей, двигающих действие.¹

В былинах о Ставре Годиновиче одной из важнейших перипетий является состязание жены Ставра с воинами Владимира в борьбе и в меткости стрельбы. Текст XVII в. детально изображает состязание в стрельбе. На вопрос князя Владимира: „горазд ли ты из лука стрелять?“ — „грозен посол“ (жена Ставра) отвечает: „Горазд я стреляю из крепкова лука разрывчата — убью я в ножевая острей...“

Князь Владимир Велел воткнуть в столп *буладной нож*
велел принести ис казны
крепкой лук разрывчатою
и колену стрелу *копейчату*...

„Грозен посол“ Натсгаваает *крепкой лук*,
накладаваает *колену стрелу*
и бьет он в *буладной нож*.
И пришла *колена стрела* в *буладной нож*
И расколола *востро копые* на двое:
Ни одна половина *половины* не болши.
И бьет он челом князю Владимиру
Своею *потехою молодецкою*.²

„Потеха молодецкая“ — технический термин, обозначающий спортивное воинское, богатырское состязание. В этом трудном состязании есть обязательные условия: только „булатный“ (из стали особой закалки) нож может расколоть „калену“ стрелу; огромное значение имеет сила удара, следовательно необходим „крепкий лук разрывчатый“. Сложность задачи заключается еще и в том, что надо „расколоть“ пополам стрелу „копейчату“, т. е. оканчивающуюся копьездом, а не шишечкой или лопаточкой.³

Таким образом и здесь, как и в предыдущих случаях, определения указывают на частные, временные признаки, которые обусловлены содержанием былины и двигают ее действие. В награду князь Владимир предлагает „грозну послу“ „сбрую богатырскую и платье дорогоценное

¹ В Сборнике Кирши Данилова в некоторых текстах тоже раскрывается реальное значение определения „заморские товары“ (напр. стр. 26, стр. 45), так как оно представляет деталь в развитии действия былины.

² Известия ОРЯС, т. XVI, кн. 1, СПб., 1911, стр. 3.

³ См., например: П. И. Савваитов. Описание старинных русских утварей... СПб., 1897, стр. 131—132; И. Е. Забелин. Домашний быт дарей и дарид. II гр., М., 1915, стр. 588—590. — Стрелы были разнообразны: одни оканчивались копьездом, другие — костяной или каменной шишечкой, третьи — заостренной лопаточкой, и т. д.

и *кони латыньския*“, но „грозен посол“ от всего этого отказывается и просит „игреца, который бы горазд в гусьли играть“. ¹ Прилагательные „дорогоценное“, „латыньские“, хотя и обозначают „идеальный, желаемый признак“ (збруя богатырская — единое понятие, технический термин, обозначающий доспехи, вооружение), но они несут большую смысловую нагрузку и поставлены так, что указывают частный признак, важный по ходу действия былины. В текстах XVII в. большая часть прилагательных свободно перемещается и сочетается с различными существительными, многие из них имеют единичное употребление.

В небольшом отрывке XVII в. былины об Алеше и Тугарине содержится описание пира у Владимира, где происходит столкновение Алеси с Тугарином. Вот несколько стихов из этого описания:

Что взговорит чашник фрязин Матвей Петрович:
 Ой еси ты млад Алеша Попович,
 Не шути ты *шуткою несвойскою*
 Нат Тугарином Змеевичем,
 Тугарин Змеевич *усердия добрая*
 Не любит *шутки тяжелыя*²

В былине о Михаиле Потоке эпизод о смерти жены излагается так:

А Михаила побивъ силу
 и едет х Киеву наскоре,
 скачет через *стѣну горадавую*
 и становитца на свой *богатырской двор*.
 И ништо ево не встречает,
 и за *руки* не примаеть,
 и во *уста* не цалуеть,
 встречают ево *люди дворовыя*,
 сказывают *вѣсти недобрыя*,
 что жена ево переставилас.

 и приходит в *отхожую горницу*,
 где жила жена ево.
 Ажно лежить мертва жена ево
 покрыта *камкою белою*.³

В этом отрывке все прилагательные несут большую смысловую нагрузку и указывают частные, существенные признаки, важные и нужные по ходу действия (обратим внимание на то, что существительные

¹ Известия ОРЯС, т. XVI, кн. 1, СПб., 1911, стр. 3.

² Н. С. Тихонравов и В. Ф. Миллер. Русские былины старой и новой записи. М., 1894, стр. 59.

³ Там же, стр. 29; рукопись Гос. Публ. библ. им. Салтыкова-Щедрина, Q. XVII. 44, лл. 146 об. — 147.

„руки“, „уста“ стоят здесь без эпитетов). Таковую же картину в отношении употребления прилагательных дает и „Сказание о киевских богатырях“. Например, в нем значительную роль играет эпизод с похищением коней, и слова: „лошадь“, „конь“ имеют несколько различных определений на протяжении нескольких стихов: „царские лошади“, „богатырские лошади“, „простые лошади“. Когда речь идет о силе богатырского свиста и голоса, „добрые кони“ составляют с „худыми“:

свиснули крикнули богатыри богатырским голосом,
от свисту и от крику
лес розсытилаетца,
трава постилаетца,
добрыя кони на окарашки падают,
худыя кони и живы не бывали.¹

„Сказание о киевских богатырях“ в списке первой половины XVII в. представляет собой копию с более ранней записи. Несмотря на то, что это наименее совершенная запись среди текстов XVII в., в ней прекрасно сохранились общие места и наиболее типические для былин части: отправление на подвиги, сборы и седлание коней, встречи с каликами и богатырями, характеристика врагов, описание боя, пира и т. п., например:

Учали на них (на коней) класти *седла черкасские*,
подтягивают подпруги *шелку бѣлово*,
у всѣх *пряжи булатные красного булату перепускнаго*,
да кладут на себя *доспехи крѣпкия*,
емлют с собою *палицы булатныя*
того *булату перепускнаго*
и всю свою *збрую богатырскую*...²

Процитированный отрывок стоит очень близко к записям XIX—XX вв., и все прилагательные, за исключением двух в сочетании „красного булату перепускнаго“ (представляющем собой определенное понятие — „технический термин“), являются „постоянными эпитетами“ поздних записей.

Прилагательные в сочетаниях: „черкасские седла“, „булатные или серебряные пряжки“, „крепкие доспехи“, „булатная палица“, „богатырская збруя“ трактуются обычно как эпитеты, указывающие идеальный, желаемый признак. Это правильно (до известной степени) определяет семантико-стилистическую функцию их в записях XIX—XX и даже отчасти XVIII в., так как образ богатыря, побивающего целые войска врагов, обладающего непомерной, огромной силой, в течение веков получивший обобщенные, типические черты, определяет и характер кон-

¹ П. К. Сямоги. Памятники старинного русского языка и словесности, вып. I. Пгр., 1922, стр. 32.

² Там же, стр. 6—7.

кретных деталей, с ним связанных. Реалистические (для XVII в. и более ранней поры) детали переосмыслиются на основе отношения к богатырю, переводятся в „идеальный“ план, становятся показателями высшего качества предмета, прилагательные относительные переходят в категорию качественных, получают значение оценочных. „Збруя богатырская“ — в новых записях былины не та, которая вообще полагается богатырю, воину (т. е. доспехи, вооружение, в отличие от „збруи слесарской, токарной, столярной—орудий ремесленников“¹⁾, а самая лучшая, какую себе можно представить—достойная богатыря. Этому в чрезвычайной степени способствует то, что для XIX—XX вв. (и даже для XVIII в.) утрачена живая связь с реалиями, изображенными в былине. Не только герои и их отношения, но и предметы, многие стороны быта живут уже только в сознании, а не в окружающей осязаемой действительности, поэтому происходит некоторое переосмысление текста.

Иначе обстоит дело в XVI—XVII вв., когда действительность, по непосредственной связи с прошлым, содержала богатый конкретный материал для восприятия этого прошлого в живых осязаемых формах. Несомненно, шлем, меч, сабля, лук, стрелы, копьё и вся „збруя богатырская“ XI—XII вв. отличались от этих же предметов XVI—XVII вв., но они продолжали жить и функция их почти не изменилась.

Поэтому описание отъезда семи богатырей в „Сказании о киевских богатырях“ — реалистическая картинка снаряжения воина в соответствии с действительностью XVI—XVII вв. Не только указание на то, что „пряжи“ у богатырей „красного булату перепускнаго“ (как известно, были различные сорта булата: белый, синий, красный, „перепускной“, „коленчатый“ и т. д.), но и „черкасские седла“, „булатные палицы“ (булавы, буздуганы, шестоперы), „булатные копьё вострые“ характеризуют живые типичные детали и предметы.

Из разнообразных седел, известных по описям XVI—XVII вв. (крымских, арапских, бухарских, кизылбашских, турецких и т. д.), черкасские и русские представлялись наиболее удобными для воина в походе, и они были наиболее распространенными, типическими, а отнюдь не исключительными по богатству и роскоши отделки. Богатыми, роскошными чаще были другие седла: крымские, бухарские, турецкие, которые украшались серебряной и золотой чеканкой, отделявались бархатом, шелком, золотой вышивкой. Стремена, пряжи, гвозди у седел и на всем конском уборе делались серебряные, железные, покрывались позолотой. „Войлоки“, которые подкладывались под седла, обшивались атласом. Подпруги, узды, пахви (или похви) и другая конская „снасть“ были ремённые (сафьян, хоз) или из шелковой тесьмы, и также украшались серебряными с позолотой и медными с позолотой гвоздиками, перечен-

¹ Словарь Академии российской, ч. III. СПб., 1792, стр. 25; Словарь церк.-слав. и русского языка, ч. II. СПб., 1847, стр. 78.

ками, вышивались серебром и золотом. „Черкасское седло“¹, „крепкий доспех“, „булатная палица“ (ср. особую палицу у седьмого богатыря: „бѣлая палица красным золотом украшена, чечьим жемчугом унизана. Посреде то палицы камень самоцвѣтной пламень“², и палицы у цареградских богатырей: „а палицы у них вязовые, с конца в конец свинцу налиты, а Никиты палица вся золотая“³), „булатные копьа вострые“⁴ и „вся збуря богатырская“ — краткий перечень того, что было необходимо воину, отправлявшемуся в поход.

Из богатого и разнообразного по своим качествам и оттенкам арсенала воинского снаряжения XV—XVII вв. (и более ранней поры) в былинку включается то, что имеет непосредственное отношение к действию, двигает его, причем основой и принципом выбора является реальное изображение „факта“, „действия“. В „Сказании о киевских богатырях“ мы находим 4 вида различных палиц: „белая палица, украшенная золотом и драгоценными камнями“, представляет собой точное описание булавы (булава в более древнюю пору была оружием и только позднее стала знаком воинской власти и отличия), „золотая палица“ Никиты — также указывает на то, что он не „рядовой“ богатырь, а начальник — у всех остальных цареградских богатырей палицы вязовые, налитые свинцом, у киевских богатырей палицы — булатные. В былинах Сборника Кириши Данилова палицы упоминаются довольно часто (Волх Сеславьевич, Василий Буслаев, о женидьбе князя Владимира, Алеша Поповичь, Калин царь, Царь Саул Леванидовичь, Агафонушка, Илья ездил в Добрынею), но они не имеют таких реальных черт, какие имеются в „Сказании о киевских богатырях“. Например, Волх просит мать положить ему в колыбель „тяшку палицу свинцовую, а весом та палица триста пуд“ (стр. 19); у Екима Ивановича (Женидьба Князя Владимира) „палицы тяшкия а тяшкия медны литы, оне были в три тысячи пуд“ (стр. 39). Такая же палица („в три тысячи пуд“) у Ильи

¹ См., например, описание седел в различных перечнях имуществ XVI и XVII вв.: „Седло старой Крым, краски на лазори кайма на бели, писано золотом, на стелке бархат червчат с золотом; крыльца и вошвы шиты золотом и серебром по бархату по черному, а в середках врезано у крылец бархат червчат, по нем шито золотом и серебром; гвозди пупыши серебряны белы; снасть у него шолк червчат; наконешники серебряны, пряжи у снасти железные, стремена железные... войлоки ординские белы, пушены атласом алым, подложены крашениною лазоревою...“ или „Седло с приступом зделано креслами, обиты бархатом зеленым з бахрамоу шолковоу лазоревою, подпруги тесма шолковая, пряжи серебряныя...“ (П. И. Савванитов. Описание старинных русских утварей... СПб., 1896, стр. 141—142).

² П. К. Симоны, ук. соч., стр. 4.

³ Там же, стр. 11.

⁴ См., приведенное выше описание копьа или у П. И. Савванитова, например: „Копье черкасское булатно, тощое, наведено золотом, яблочко серебряно гладкое... Копье прорезное троегранное с яблоком, на яблоке голова зменная, трубка витая, мѣсты золочена“... (стр. 62).

(стр. 103), у Саула Леванидовича и т. д. Здесь уже элемент сказочности, гиперболизации, который мы найдем и в записях XIX—XX вв.: палица в 90, в 40 пуд и „стопудовая“, например: „брала она стрелочку каленую, палицу да во сорок пуд“ (Гильф, 114), „он берет себе коня да богатырсково, во других-то берет себе палицу стопудовую“ (Гильф., 131, 132 и т. д.). Прилагательные-определения к слову „палица“ в Сборнике Кириши Данилова: железная, свинцовая, медная, боевая, тяжкая; в сборнике Гильфердинга: булатная, боевая, военная. Несомненно, определения „боевая“, „военная“, „тяжкая“ — более поздние, заменившие собой старые конкретные определения.

Четыре текста XVII в., к тому же дефектные, безусловно не могут отражать во всей полноте былевую традицию XVII в., но они с достаточной яркостью обнаруживают стилистические принципы ее и, в частности, способ использования определения-эпитета.¹

Кроме былин, в записях XVII в. имеется 4 исторических песни: три в записной книжке Р. Джемса (о Скопине-Шуйском, о возвращении в Москву Филарета Никитича, о набеге Крымского хана) и о Григории Отрепьеве — в бумагах Калайдовича.²

Эти записи с еще большей силой обнаруживают иное употребление прилагательного-определения в XVII в., чем в более позднее время. Большую роль, несомненно, играет жанр произведения. В песне о Скопине-Шуйском мы находим только одно существительное с эпитетом: „Высоко сокол поднялся, и о сыру материю землю ушибся“ (причем это в индифференциальной фразе, объясняющей гибель Скопина — „высоко сокол под-

¹ В былинах, записанных в XVIII и XIX вв., изредка встречаются отголоски тех конкретных описаний, которые отражали действительность XV—XVII вв., например в былине „Царь Саул Леванидович“ седло изображено так:

... конохи приспешники,
оседлайте скоро мне добра коня
под то седельцо черкасское —
а в задней слуге и в передней слуге
по тирону по камению,
по дорогу по самоцветному.

(К. Д., стр. 106).

И черкасское седельшко хорошенько,
Да которое седельшко было да изукрашено,
Дорогима-то щелками пообшивано,
Дай червоным золотом оббивано.

(Гильф., стр. 485).

Съехались на копья на вострыи,
Копья по яблокам срывалисе,
А друг друга они не ранили,
А съехались они на палицы,
Ай на палицы тыи военныи.

(Гильф., стр. 351).

² По свидетельству П. А. Бессонова, опубликовавшего ее, она относится к первой половине XVII в. На ней позднейшей рукой есть помета „въ 196-м году въ 7-и тысяче“ См. П. В. Киреевский. Песни, вып. 7, Приложения. М., 1868, стр. 62.

нялся“). В песне о возвращении Филарета Никитича — несколько постоянных эпитетов, но позднего происхождения или вошедших из книжной литературы: „ко сильному царству Московскому“, „из славного града каменной Москвы“, „чесных молебнов“, „чада милого“ и старый эпитет „красное солнце“. В исторической песне о набеге крымского хана постоянных эпитетов также мало: „сильное царство Московское“, „каменна Москва“, „белы шатры“, другие эпитеты к числу постоянных не относятся: „сильная туча“, „сильные громы“, „Рязань старая“, „со цела ума“, „свет добры дни — батюшка“, „не по знамени не по черному“.

В большой по объему песне (97 стихов) о Григории Отрепьеве почти совсем нет постоянных эпитетов. Можно назвать только „сабля вострая“, „громким голосом“, „саян красна золота“, „шуба соболиная“, „каменна Москва“, „проклята Литва“, „сильно царство Московское“, „чудны кресты“, „тестя любимого“, „велик тяжкий грех“, „дитя рожденое“, „глупые бояре неразумные“, „цари благоверные, благочестивые“, „спас милостивый“. Большая часть этих эпитетов имеет особый характер и входит в историческую песню потому, что тема развивается на противопоставлении „еретичества“ Отрепьева православному царству Московскому. Все другие прилагательные-определения выступают в качестве уточняющих, выделяющих предмет из ряда ему подобных, а в некоторых случаях образуют вместе с существительными новое понятие:

Варите вы *яству скоромную и посную,*
скоромную еству — гуси лебеди!
а посную еству — рыбу белую...¹
 и тут же бояра домышлялися,
 и думны дияки догадалися...²

Несомненно, 8 эпических произведений, сохранившихся в записях XVII в., не могут дать полной картины употребления прилагательных-определений в качестве эпитетов в устном эпосе этой эпохи, но вместе с дополнительным материалом XVII в. (лирические песни, заговоры, произведения, опирающиеся на устную традицию: Повесть о Горе злочасти и некоторые другие) они показывают эту картину в ее основных, характерных чертах: 1) почти все сочетания „постоянных эпитетов“ с существительными, которые мы находим в записях XVIII и позднее — XIX—XX вв., известны и в XVII в., но 2) степень постоянства и обязательность сочетания в XVII в. совершенно иная по отношению ко многим эпитетам, чем в поздние эпохи; 3) эпитеты сопровождают те существительные, которые служат раскрытию темы произведения, поэтому эпитеты несут большую тематическую нагрузку; 4) как эпитеты, так и другие прилагательные-определения (за немногими исключениями для эпитетов) указывают всегда конкретный, живой признак предмета.

¹ Песни, собранные П. В. Киреевским, вып. 7, Приложения. М., 1868, стр. 64.

² Там же, стр. 64.

К сожалению, нельзя говорить об объеме эпитетов и определений, которые были наиболее употребительны в былинах и исторических песнях XVII в., так как мы располагаем единичными и в большинстве случаев дефектными записями XVII в. Записи исторических песен XVII в. отличаются от записей былин тем, что эпитету отводится в них ничтожное место. Это может служить показателем ощущения иного жанра, который отталкивается от былины в ее традиционной части.

Тексты исторических песен в Сборнике Кирши Данилова подтверждают это, так как целый ряд записей Сборника: „Ермак взял Сибирь“, „Поход селенгинских казаков“, „Борис Шереметев“ стоят в том же ряду. Близки к ним и некоторые другие исторические песни Сборника, например „Взятие Казанского царства“, „Гришка Растрига“. В исторических песнях другого типа, сложившегося на основе использования поэтики былин, эпитетам отводится значительное место, но они фиксируют признаки не только общие, а прежде всего характеризующие предметы и понятия в связи с темой.

6

Выше была показана количественная разница эпитетов в записях XVIII и XIX вв., но записи XVIII в. в свою очередь отличаются от записей XVII в. Надо сказать, что употребление эпитетов в былинах Сборника Кирши Данилова лучше, чем в других записях, подходит под характеристику их, данную в науке XIX в.

Постоянство эпитетов — наиболее характерный признак былин Сборника; количество прилагательных, которые могут сочетаться с тем или иным существительным, очень ограничено в нем (см. приведенные выше примеры). В Сборнике Кирши Данилова растет, по сравнению с текстами XVII в., количество украшающих эпитетов; все более крепким, постоянным становится сочетание прилагательного с существительным, и оно, в отличие от записей XVII в., неизбежно повторяется даже там, где по ходу действия в нем нет надобности. Записи Гильфердинга и Рыбникова, отстоящие не менее чем на 100 лет от записей в Сборнике Кирши Данилова, обнаруживают новую черту: наряду с традиционными эпитетами появляется огромное количество новых определений-прилагательных, которые употребляются по отношению к существительным, обозначающим бытовые, близкие сказителю предметы и понятия, явления природы и т. д. Вопрос об определении или употреблении постоянных эпитетов в русском эпосе значительно более сложен, чем это представлено в литературе: 1) выработка и отбор „постоянных“ эпитетов не принадлежат какой-то ограниченной и древней эпохе, они продолжают почти до наших дней, причем это — сложный процесс, так как отбору подвергаются и новые, более поздние эпитеты („каменна Москва“, „проклята Литва“, „палаты белокаменные“, „окошечко, околелка стекольчатые“) и т. п.; 2) постоянство может быть результатом не только отбора, но и естествен-

ной утраты различных определений, обозначающих признаки предмета, вышедшего из употребления и неизвестного сказителю; 3) целый ряд предметов и понятий в силу своей природы, отношения к сюжетам русского эпоса не может быть охарактеризован со стороны всех, присущих ему признаков, потому и характеризуется одним, двумя признаками.

Понятие постоянства должно быть расчленено, так как в русском устном эпосе оно выступает в различных видах: 1) в некоторых случаях прилагательное настолько слилось с определяемым существительным, что представляет с ним одно целое, хотя данное сочетание и не относится к числу тех, которые образуют новое понятие. Примерами подобных неразрывных сочетаний являются: „чисто поле“, „сине море“, „белы руки“, „лебедь белая“, „зелено вино“ и т. д., поэтому, когда сказитель XIX в. вводит новое определение, он сохраняет и старое, так получается: „славное синее море“, „море синее глубокое“, „синее солоное море“ и т. п.; 2) другой вид постоянства заключается в том, что существительное имеет несколько (2—3) определений, и они более или менее равномерно сочетаются с существительными (в зависимости от темы, школы, традиции), например, „добрый, дородный, удалый молодец“; 3) третий вид постоянства заключается в том, что традиционный постоянный эпитет уже не удовлетворяет, и рядом с ним появляется целый ряд новых, иногда стоящих рядом, иногда замещающих его. Таким образом, и в устном эпосе, несмотря на его традиционность, изменяется отношение к эпитету как поэтическому средству, а это — показатель изменений и движения самого жанра.

МАТЕРИАЛЫ И СООБЩЕНИЯ

В. И. МАЛЫШЕВ

Новый список Слова Даниила Заточника

Выпущенное в 1932 г. Н. Н. Зарубиным¹ издание Слова Даниила Заточника, по всем известным доселе спискам, создало основу для всестороннего изучения замечательного произведения древнерусской литературы домонгольского периода, дошедшего до нас в очень небольшом количестве рукописей, разделяемых исследователями на две редакции.

Мною обнаружен еще один список Слова Даниила Заточника, восходящий к редакции, представленной текстами Академическим, Толстовским, Никольского, основного собрания Публичной библиотеки в Ленинграде, Барсовским и Копенгагенским. Список этот находится в сборнике № 22 Института истории, языка и литературы Карело-Финской базы Академии Наук СССР в г. Петрозаводске. Рукопись приобретена мною в 1940 г. в Беломорске во время археографической поездки по Поморью по командировке Института культуры, ныне Института истории, языка и литературы Карело-Финской базы АН СССР.²

Сборник (сборная рукопись) № 22 (за исключением последней тетради, лл. 303—312) написан в первой половине XVII в. скорописью нескольких почерков; листы 303—312 написаны не раньше середины XVII в. Он состоит из 319 листов размером в малую осьмушку. Рукопись, в деревянном обтянутом орнаментированной кожей переплете, сохранилась хорошо. Как видно из хозяйственных записей на последних листах рукописи (лл. 316—319), пометы на „Алфавите“ (л. 12) и приписки к „Сказанию о ризе христовой“ (л. 212), сборник, возможно, написан в Соловецком монастыре и находился в нем или в одной из его помор-

¹ Памятники древнерусской литературы, вып. 3. Слово Даниила Заточника по редакциям XII и XIII вв. и их переделкам. Приготовил к печати Н. Н. Зарубин. Изд-во Академии Наук СССР, Л., 1932.

² См. нашу статью „Заметки о рукописных собраниях Петрозаводска и Тобольска. Труды Отдела древнерусской литературы, т. V, стр. 149—154. В организации этой экспедиции большую помощь оказали академик Н. С. Державин и В. И. Машезерский. В. М. Морозов был ее участником.

ских вотчин до конца XVII столетия. В середине XIX в. владельцем рукописи был известный в Поморье книголюб крестьянин-старообрядец Федор Илларионович Норкин: ему сборник достался в 1850 г. „по семейному разделу“, о чем мы узнаем из заметки, сделанной на верхней корке переплета.

Содержание сборника таково: Канон ангелу грозному воеводе (лл. 4—10); Азбуковник (лл. 12—171); Стословец Геннадия Константинопольского (лл. 172—191); Стихи говоримые на переносе (лл. 192—193); Сказание о ризе христовой (лл. 196—212); Сказание о Тахтамыше (лл. 213—232); Слово о старце Варлааме пустынноике (лл. 236—249); Слово Даниила Заточника (лл. 252—263); Сказание о Темир-Аксаке (лл. 268—283 об.); Послание Псковского старца Филофея к дьяку Мисюрю Мунехину (лл. 284—301 об.); Слово о купце Дмитрие Басарге (лл. 303—312 об.)

Список Слова Даниила Заточника в сборнике неполный. Он обрывается словами „Но послушайте, жены, слова Павла апостола, глаголюща“, после чего следуют четыре незаписанных листа.

Сравнение нового текста с известными доселе показывает, что переписчик его имел под руками не вполне исправный и плохо читаемый оригинал. Сам он, кроме того, свободно обращался с оригиналом при передаче его текста. Отсюда ряд слов и выражений остались или плохо прочтенными или совсем непонятыми, некоторые слова просто выпущены. Во многих местах сделана перестановка слов и фраз: см., например, параграфы 4(3), 6(2), 7(1), 9(4), 10(5), 11(1), 19(2), 20(4), 23(1,2), 27(4), 32(2), весь параграф 34. Переписчик заменил некоторые старые морфологические и фонетические формы новыми: „враги“, „полки“, „союз“ вместо „врази“, „полцы“, „соуз“; расширил предложения вставками частиц „то“, „но“, слов „всех“, „когда“, „всегда“, „себе“, „свое“; усилил формулу „поженет бо един сто“, заменив ее через „поженет бо един тысящу“.

Кроме того, местами заметна попытка по-своему исправить памятник, приблизив его к своему времени, к кругу своего чтения и привычной ему, очевидно, монастырской обстановке. Так, вместо „лучше бы ми смерть, ниже Курское княжение“ сказано: „лучше бы ми смерть нежели Курбьскаго княжения“. Выброшена очень резкая концовка в параграфе 39 — „да будет проклят“. В параграфе 34 писец добавил: „Ни в слугах слуга, иже чернице работает“; выражение „зверь велик, а глав не имеет“ переделано им так: „собор велик, а глав не имеет“. Географическое название озера Лача заменено „веселым озером“: вместо „кому Лаче (Лачь) озеро“ читаем „кому веселое озеро“; вместо слов „овца“, „зрак“, „лишаются“ и т. д., сказано „агница“, „образ“, „отлучаются“ и т. д. Встречаются новые рифмованные строки: например, в параграфе 37 „женися у богатого тестя великия ради чести“. Может быть некоторые из индивидуальных чтений нового списка были и в оригинале, но большинство их, кажется, принадлежит нашему переписчику.

Новый список Слова Даниила Заточника восполняет некоторые части текста, утраченные в Академическом, к которому он ближе всего примыкает, объясняет отдельные испорченные места в других списках этой редакции, являясь вместе с тем одним из древних ее текстов. В нем хорошо видно, как проходило осмысление „Слова“ в определенной среде, как постепенно оно утрачивало свои характерные особенности стиля и содержания под пером многочисленных своих переписчиков. В этом главная ценность печатаемого ниже Петрозаводского списка Слова Даниила Заточника.¹

При издании текста сделаны следующие упрощения орфографии подлинника: *ук*, *омега*, *а* йотированное, *юс* малый, *и* десятиричное и *ять* передаются через *у*, *о*, *я*, *и*, *е*; надстрочные буквы внесены в строку; выносные *ж* и *б* передаются через *же* и *бо*; титлы раскрыты без соответствующей оговорки в тексте; пунктуация и употребление *й* современные; в ломаных скобках < > помещены буквы и слова, добавленные мною для правильного понимания текста. Разночтения нового списка, не встречающиеся ни в одном из других, подчеркнуты.

Слово Даниила Заточника, еже написа своему князю Ярославу

1. Вострубим <яко> в златоконьяны трубы <в разум ума своего и> начнем бити в сребряныя органы воизвятие мудрости своея. Востани слава моя, востани во псалтыри и в гуслех. Востану рано и исповем ти ся. Да разверзу в притчах уста моя и провещаю во языцех славу мою. Сердце бо смысленнаго вкрепляется в телеси его красотю и мудростию.

2. Бысть язык мой <яко> трость книжника скорописца, уветлива уста, аки речная бы (л. 252) стрость. Сего ради покушаюся написати всяк союз сердца моего и разбив зле, аки древния младенца о камень.

3. Не боюся ныне похуления твоего на мя.

4. Аз бо есмь, яко она смоковница проклятая: не имею плода покаянию; имею сердце, аки лице без очию; и бысть ум мой, аки нощный

¹ См. еще не напечатанные тексты Слова Даниила Заточника: 1) „Слово Даниила Заточельника о злых женах“, рукопись первой половины XVII в. Гос. Истор. музей № 3807/н. Текст этой рукописи представляет собой механическое соединение писцом отрывков из Пчелы, Слова Даниила Заточника в Чудовской и отчасти Академической редакции и рассказа о прельщении бесом милостынею св. Иоанна Милостивого, объединенное указанным выше заглавием. 2) Отрывки из Слова Даниила Заточника. Рукопись XVIII в. Библиотеки им. Ленина, собрания Е. В. Барсова № 1059/20. 3) Отрывки из Слова Даниила Заточника. Рукопись XVIII в. Отдела истории религии Института истории Академии Наук СССР № 3 (Соловецкое собрание). Здесь имеются и другие ценные произведения старинной русской литературы. Часть их упомянута в нашей статье „Коллекция славяно-русских рукописей В. Ф. Груздева“. Ученые записки Института имени А. И. Герцена, том 67, стр. 269. 4) По указанию члена-корреспондента АН СССР М. Н. Тихомирова Слово Даниила Заточника в списке XVII в. имеется в собрании бывших Иргизских монастырей, ныне находящемся в Областной библиотеке г. Куйбышева.

вран на мярищи <забдех>; и разсыпаса живот мой, аки Ханаонийски царь буйством; и покрыла мя нищета, аки Чермное море Фараона.

5. Еже бо написах, беже от птица художе(л. 252 об.)ства моего, аки Агарь рабыни от Сарры госпожи своея.

6. Но видех, господине, твое добросердие к себе и прийти ко обычной твоей любви. Глаголет бо в писании: просящему у тебе дай, толкушему отверзи, да не лишен будещи царства небеснаго; писано бо есть: возверзи на господа печаль свою, и той ты препитает во веки.

7. Аз бо есми, княже господине, аки <трава> влещея, на застане растяще, на нюже ни соньце сияет, ни дождь снидет; тако и аз всеми обидим есмь, зане огражаем есмь страхом грозы твоея (л. 253), аки плот¹ твердым.

8. Но не возри на мя, господине, аки волк на ягня, но возри на мя, аки мати на свое младенца. И возри на птица небесныя, яко, ни сеют, ни орут, ни жнут, но уповают на милость божию; та и мы, господине, желаем милости твоея.

9. Зане, кому Боголюбиво, а мне горе лютое; кому Белое езеро, а мне чернее смолы; кому веселое езеро, а мне на нем же плач горкий; кому есть Новгород, а мне и углы отпали и огнили, зане <не> процвете часть <моя>.

10. Друзи же мои и ближнии и тии отвергошася мене <зане не> поста(л. 253 об.)вих пред ними трапезы многоразличных брашен. Много бо дружбы имеют со мною, подгнетающе руку <со мною> в солило, а при напасти аки враги обретаются и паки помогаю² подражают врази мои; очимо плачут со мною, а сердцем смеют ми ся. Им же не ими другу веры и не надейся на брата.

11. Не во лжу бо ми глаголет Растислав князь; лутче бы ми смерть, нежели Курбьскаго княжения; тако же и мужеви; лутче смерть неже продолжен живот в нищете (л. 254). Яко же рече Соломан: ни богатства, ни убожества не дам ти: аще будещи богат, то гордость возприимещи; аще будещи убог, то помышляю на татьбу и на разбой, а жене на блуд.

12. Тем же вопию к тебе, одержим нищетою: помилуй мя, сыне великаго князя Владимера, да не восплачюся рыдая, аки Адам лишен рая; да пустит мя на землю художия моего.

¹ После слова „плот“ оставлено место для 3—4 букв.

² Слово „помогаю(ще)“ приписано со сноскою на поле: оно при переплете было обрезано и за буквой „ю“ видна только одна палочка от следующей буквы — вероятно „щ“.

13. Зане, господине, богатый муж везде знаем есть и на чужей стране друзи имеет (л. 254 об.), а убогий и на своей стране ненави-
 <ди>¹ ходит. Богатый возгласит — вси молчат и вознесут слово его до облак; а убогий проглаголет, вси на него кликнут. Их же ризы светлы, тех и слово честно.

14. Княже мой, господине мой! Избави мя от нищеты сея, яко серну от тенья, и яко птенца от кляпцы, и яко утя от ногтей носимаго ястребя, и яко агницу от уст львовых.

15. Аз бо есмь, княже господине, аки древо при пути: мнози посещают его и на огонь вмещут; тако и (л. 255) аз всеми обидим есмь, зане огражен есми страхом грозы твоея.

16. Яко же олово погибает часто разливаемо, тако и человек приемля многи беды. Никто же может соли зобати, ни в печали смыслити слова полезна: всяк бо человек хитр и мудр о чужей беде, а о своей печали не может сам себе пособити. Злато искушается огнем, а человек напастми; пшеница много мучима чист хлеб являет, а в печали обретает человек себе ум совершен (л. 255 об.) ум [так!]. Молие, княже, ризы казят, а печаль человека засышут кости.

17. Аще кто в печали человека призрит, то аки студеною водою напоит в знойный день.

18. Птицы бо радуются весне, а младенцы матерем; весна украшает цветы землю, а ты оживляеши милостию своею сироты и вдовицы от вельмож погружаемых.

19. Княже мой, господине! Яви ми образ лица своего, яко глас <твой> сладок и <образ твой> красен; соты источают устне твои, исполнения твое же яко рай с пло(л. 256)дом.

20. Но егда веселишия многими брашны, а меня помяни, сух хлеб ядуща; или егда пиеши сладкое питье, а меня помяни теплу воду пиюща от скареду нападша <от места> незаветренна; егда ляжеш на мягких постелях под драгими одеялы, а меня помяни, под единым платом лежаща зимою умирающа, и каплями дождевными аки стрелами сердце пронизающе.

21. Да не буди, княже, рука твоя согбена на подаяние убогим: ни чашею мо(л. 256 об.)ря розчерпати, ни нашим иманием твоего дому истощити. Яко же бо невод не удержит воды, точию рыбы едины, тако же и ты, княже, не воздержи ни злата, ни сребра, но раздай людем.

22. Паволока бо, испещрена многими шелки, красно лице являет; тако и князь многими людьми честен и славен по всем странам. Яко же и Езекя царь похвалися послам царя Вавилонска и показа им множество зла (л. 257) та и с <р>ебра; они же рекоша: наш царь довольные

¹ В рукописи ненавим.

тебе богатством, не множеством злата, но множеством воя; зане же мужи злато дадут, а златом мужа не добыти. Яко же рече Святослав, сын Ольгичь, иде на Царьград с малою дружиною и рече: нам ли от града погинути или граду от нас плененну быти? Яко же бог повелит, тако и будет: поженет бо един тысящу, а от тысящи двинется тьма (л. 257 об.). Надеая на господа, яко гора Сион не подвижится во веки.

23. Дивно¹ <за буяном> коней пасти, тако и <за> добрым воеводам и князем <воевати>. Многожды безнарядием полки побивают. Видех собор велик, а глав не имеет; тако и многие полки без добраго князя.

24. Гусли возтруаются персты, а тело основается жилами; а дуб крепится корением; тако и град наш твою державою.

25. Зане князь щедр отец есть слуге: мнози бо отца и матери (л. 258) отлучаются и к нему прибегают. Доброму господину служба, дослужится свободы, а злу господину служба, дослужится большия работы. Зане князь щедр, аки река, текуща без берегов ск <в> озе дубравы, напаяюще не токмо человеки, но и скоты и вся звери; а князь скуп, аки река в березех каменных; нельзе пити, но и коня напоити. А боярин щедр, аки кладезь сладок при пути на напоение мимоходящим; а боярин скуп, аки кладезь солон при пути, не имея (л. 258 об.) в себе потреби мимю грядущим.

26. Не имей двора близ царева двора, не держи села близ княжа села: тиун бо <его> аки огнем трепетицею накладен а рядовницы его аки искры. От огня устережешися, а от искры не можеши устеречися озжения порт.

27. Господине мя [так!]¹ Не лиши хлеба нища мудра, не воснеси до облак богата несмысленна. Нищ бо мудр, аки злато в калне судне; а богат красен несмыслен, то аки <и>зголовие паволоки драгими соломы напхано (л. 259).

28. Господине мой! не зри внешная моя, но зри внутренняя моя. Аз <о>деянием оскуден, но разумом обилен; юн возраст имея, но стар смысл во мне. Бысть мыслию паря, аки орел по воздуху.

29. Но подстави сосуд скуделничь под капля языка моего, да накаплю ти слатчайши меду слово от уст моих. Яко Давид рече: сладка суд словеса твоя, паче меда уст моих. Ибо Соломан рече: словеса добра сладостию душу напаяют, покрывает бо печаль сердце безумному.

30. Мужа бо (л. 259 об.) мудра посылаема слово скажи ему, а безумна псылая, сам не ленися итти по нем. Очи бо мудрых желают о благих,

¹ В рукописи после „дивно“ оставлено чистое место на одно слово.

а у безумных в дому всегда пир. Лутчи слушати прения мудрых, нежели наказания безумных. Дай бо премудру вину, премудрее будет.

31. Не сеют бо на браздах жита, ни мудрости на сердце безумных. Безумных бо ни сеют, ни орют, ни в житницы собирают, но сами родятся. Како во утле межу жито нести, так и безумнаго учити (л. 260); псом бо и свиниям злато и сребро ни во что же, ни безумному мудрость и драгие словеса; ни мертвеца разместити, ни безумнаго наказати. Коли пожрет синица орла когда какамение [так!] по воде сплывает, коли свиния учнет белку брехати, тогда безумный уму научится.

32. Или ми речеши: от безумия есть молвил. То не ведал есть небо поломянно или звезд¹ «лутовяных», ни безумнаго премудро глаголюща (л. 260 об.). Или ми речеши: солгал ми еси аки пес. Добра бо пса князи и вельможи любят. Или ми речеши: солгал ми еси, аки тать. Аще есть красти умел, только бы тебе не оскорбил. Девица бо красоту свою погуби бляднею, а муж свое мужество татьбою.

33. Господине мой! Не море топит корабли, но ветри: не огнь творит разжение железу, но надымание мешечное; так же и князь «не сам» впадает в вещь, но думчие его вводят. З добрым и непоколебимым думцым думает (л. 261) князь, высока стола добудет.

34. Глаголет бо в мирских притчах: ни в скотех скот коза; ни в зверех зверь еж; ни во птицах птица нетопырь; ни в рыбах рыба рак; ни в мужех муж, которым жена владеет; ни в женах жена, иже от своего мужа блядет; ни в работах работа, иже под женами в повозницах; ни в слугах слуга, иже чернице работает.

35. Дивное хитро, иже кто поймет жену злообразну прибытка ради.

36. Видех жену (л. 261 об.) злообразну, приничющу в зерцало и мажущуся румянѣдом, и рех ей: не зри в зерцало, видевше нелепость лица своего, зане большую печаль приемлет.

37. Или ми речеши: женися у богата тестя великия ради чести; тамо яждь и пей. То лутче ми велбуды в дом свой «вести», нежели зла жена учити; вол бо не молвит, ни зла мыслит; а зла жена биема бесится, кротима высится, в богатстве гордость приимает, а в убоже- (л. 262) стве всех осушает.

38. Что есть зла жена? Гостинница умывания, купчина бесовская. Что есть зла жена? Мирский мятеж, ослепление ума, начальница всякой злобе, во церкви бесовская мытница, поборница греху, застава от спасения.

¹ В рукописи после слова „звезд“ оставлено чистое место на одно слово.

39. Аще который муж зрит на красоту жены своея и на ея ласковыя и льстивыя речи, а дел ея не испытает, то дай ему бог трясцею болети.

40. Но по сему братие, разумейте злую (л. 262 об.) жену. Господине мой, свет очию моею! Аз не могу на тя насмотритися; егда глаголеши ко мне, тогда взираю <на тя> и озираюся <и> воздражат ми ся уды тела моего, и понице на землю.

41. Но послушайте, жены, слова Павла апостола, глаголюща.¹

¹ Далее в рукописи следуют четыре незаписанных листа.

В. П. АДРИАНОВА-ПЕРЕТЦ

Задонщина

(Опыт реконструкции авторского текста)

1

Задонщина в том ее виде, какой сохранился в списках XVI—XVII вв., состоит из трех частей: предисловия, рассказа о Куликовской битве и заключительной части, слагающейся из рассказов о бегстве Мамаи и о прощании великого князя с дружиной на поле битвы.¹ Каждая из этих частей характеризуется особым подбором литературных источников.

Предисловие отличается от других частей Задонщины наличием в нем стилистических отзвуков Повести временных лет (легенда о происхождении Руси и „поганных“ от сыновей Ноя и, возможно, выражение „горы киевские“) и исторических припоминаний о битве на Калке (из летописи типа Ипатьевской).² Однако в этом предисловии есть и выражения, совпадающие с центральной частью Задонщины — рассказом о Куликовской битве: великий князь и здесь называется вместе с серпуховским князем Владимиром Андреевичем; повторяются следующие словосочетания: „быстрого Дону“, „Залесскую землю“, „в полуночную страну“, „хинове“, „посмотрим славного Непра“, „тугою и печалию покрывшася“.

К Слову о полку Игореве в стиле предисловия могут быть возведены, и то с оговоркой, лишь немногие обороты: „на горы киевския“ (ср. в Слове: „въ Киевѣ на горахъ“, „къ горамъ киевскимъ“; но аналогичное выражение есть и в Ипатьевской летописи); „посмотрим славнаго

¹ Текст Задонщины в таком составе издан по всем сохранившимся спискам в V томе „Трудов ОДРЛ“, 1947.

² Следы этого предисловия есть и в списке XV в. К-Б (Кирилло-Белозерском): „пойдемъ, брате, в полуночную страну, жребии Афетову сына Ноева, от него же родися Русь преславная. Оттоле взыдемъ на горы киевскыя... от тоя рати до Мамаева побоища“ — по изданию П. К. Симоны: Памятники старинного русского языка и словесности XV—XVIII вв., Пгр., 1922, стр. I—II.

Непра“ (ср. в Слове: „позримъ синего Дону“); „хиновя“ (ср. в Слове: „Хинови“, „Хинова“, „Хиновскыя“); „на реке на Каяле“ (ср. в Слове: „на рѣцѣ на Каяль“, „в Каяль рѣцѣ“, „Каялы рѣки“, „быстрой Каялы“; но и в рассказе Ипатьевской летописи о походе Игоря также читаем: „на рѣцѣ Каялы“ — см. ПСРЛ, т. II, СПб., 1908, стб. 643).

Вся центральная часть — рассказ о Куликовской битве — построена на одном литературном образце — Слове о полку Игореве, что же касается ее фактических сведений, то в них ощущается пользование и официальными данными о битве, и народными преданиями.

Заключительная часть начинается рассказом о бегстве Мамаю в Кафу. Первая фраза этого рассказа явно напоминает Слово о полку Игореве: „И отскочи поганый Мамай от своєю дружины серым волком и притече к Кафы граду“ — ср. в Слове: „Всеславъ... скочи от ныхъ лютымъ звѣремь... скочи вълкомь до Немиги... вълкомь рыскаше... Игорь... скочи... съ него бусым вълкомь... Влуръ вълкомь потече...“ С центральной частью Задонщины этот рассказ совпадает в немногих отдельных выражениях: „орда Залесская“, „окованные рати“, „лукоморье“, „у быстрого Дону“, „на траве ковыле“. Но рассказ о бегстве Мамаю отличается от всего предыдущего изложения своим нравоучительным тоном: „А казнил бог Русскую землю за согрешения... Тако господь бог помиловал князей Русских...“

Речь великого князя „на костех“, заканчивающая наиболее полные тексты Задонщины, представляет повторение соответствующего эпизода Летописной повести о Мамаевом побоище. В этом эпизоде Задонщины уже нет никаких отголосков Слова о полку Игореве, а с предыдущим текстом совпадают лишь два выражения: „Залесскую землю“ и „а чти есма, брате, добыли и славнаго имени“.

Возникает вопрос: все ли из названных частей Задонщины входили в авторский текст Софонии рязанца?

Есть основания, которые как будто свидетельствуют о том, что предисловие возникло позднее основного рассказа о Куликовской битве. В самом деле, оно использует такие литературные источники, следов которых нет в дальнейшем, — Повесть временных лет и летопись типа Ипатьевской. Предисловие прибегает к историческим припоминаниям, тогда как центральная часть Задонщины избегает каких бы то ни было сопоставлений с прошлым. То немногое, что в предисловии совпадает со Словом о полку Игореве, либо может быть выведено из летописи („на горы киевские“, „на реке на Каяле“), либо оказывается повторением выражений Слова, вошедших в центральную часть („всмотрим славнаго Непра“, „хинове“). Таким образом, в предисловии не оказывается ничего, что требовало бы непременно знакомства его автора со Словом о полку Игореве. Тот самый редактор, который, отделяя себя от автора, пишет дальше: „Аз же помяну резанца Софонію“, — мог составить предисловие. Он использовал летопись, в которую входили Повесть временных лет и рассказ о походе Игоря в редакцию

Ипатьевского списка, и из этих источников ввел, кроме легендарных сведений, и исторические припоминания о битве на Калке, которые усилили впечатление от первой большой победы над давним врагом. Из новых фактов, относящихся к Куликовской битве и не вошедших в основной рассказ Задонщины, он ввел лишь упоминание о пире у Микулы Васильевича.¹ Чтобы сгладить переход к тексту Софонии, этот предполагаемый редактор-автор предисловия ввел в свой стиль отдельные выражения из поэтического языка Софонии.

Если признать, что предисловие с отголосками летописной легенды о происхождении Руси от Афета, а татар от Сима возникло независимо от самого рассказа о Куликовской битве, то этот рассказ придется начинать с первого подражания зачину Слова о полку Игореве: „Лудчи бо нам, братие, начяти поведати инеми словесы...“. Однако именно в этой фразе Задонщины есть выражение, которое делает сомнительным, чтобы повесть начиналась как раз этими словами. „Инеми словесы“ подразумевает сравнение: автор собирается теперь говорить другими словами, чем те, очевидно, какими он говорил раньше. Но где же раньше? Остается допустить, что в предисловии. И действительно, если в предисловии образцом его речи была летопись, то теперь таким образцом становится Слово о полку Игореве: „иные словеса“ этого литературного источника как будто противопоставляются „книгам“, откуда были извлечены исторические экскурсы предисловия.

Приведенные соображения не позволяют при данном состоянии рукописных текстов Задонщины категорически решить вопрос о том, входило ли предисловие в авторский текст Софонии. Несомненно одно, что в XV в. такое предисловие уже существовало, так как отрывки из него сохранились в старшем списке, К-Б (Кирилло-Белозерском).

Опираясь на поэтический план Слова о полку Игореве повесть о Куликовской битве переходит в рассказ о бегстве Мамаю, первая фраза которого, как указано выше, явно подражает стилю Слова. Дальнейшее содержание этого рассказа основано на двух неизвестных нам источниках. Ироническая речь фрягов к Мамаю построена на народно-поэтическом образе битва-пир, но нравоучительный эпизод, заканчивающий эту речь, резко выделяется своей книжностью. Может быть, этот эпизод представляет позднейшее добавление к первоначальному рассказу.

Последняя часть Задонщины в ее наиболее полной редакции — прощание „на костех“ — передана в общем близко к Летописной повести, впервые появляющейся здесь в качестве источника не только фактических данных, но и литературного их выражения. Ни одного заимствования из Слова о полку Игореве или из старших летописных рассказов, отразившихся в предисловии, в этой части Задонщины нет. Вряд ли поэтому есть основание приписывать ее авторство Софонии.

¹ О возможных источниках сведений об этом пире см. комментарий к изданию текста Задонщины в V томе „Трудов ОДРЛ“.

Таким образом, изучение только рукописных текстов Задонщины не позволяет еще окончательно решить вопрос о первоначальном ее объеме. Вопрос этот органически связан с другими: когда, в каких редакциях Сказания о Мамаевом побоище появились отражения Задонщины? Все ли совпадения Задонщины и Сказания должны рассматриваться как перенесение эпизодов Задонщины в Сказание? Не повлияло ли оно само на какие-то версии Задонщины? Разобраться в этих вопросах можно будет лишь после того, как будет пересмотрена литературная история текстов Сказания. Автор единственного большого исследования об этом памятнике (С. Шамбинаго) признает и сам свои выводы, сделанные в 1906 г., устарелыми.¹ С другой стороны, в свете разысканий о первоначальном составе Сказания и его дальнейшей судьбе в рукописной традиции выяснится и отношение его к Летописной повести о Куликовской битве, в частности к тому ее эпизоду, который заканчивает полную редакцию Задонщины.

В итоге, несомненно принадлежащей Софонии мы можем считать пока лишь ту центральную часть Задонщины, которая опирается на поэтический план и стилистику Слова о полку Игореве; с некоторой долей вероятности ему же можем приписать составление предисловия с отголосками Повести временных лет и, по какому-то народному преданию, рассказа о бегстве Мамаю, без нравоучительных сентенций.

Внутри центральной части Задонщины замечаются, однако, явно вторичные вставки в основной текст. Их вторичность доказывается обычно тем, что они разрезают текст, слабо связаны с ним и нарушают естественный ход изложения. При установлении авторского текста Софонии необходимо устранить эти вставки.

Восстанавливая наиболее близкий к первоначальному вид этого авторского текста Софонии, мы вправе учитывать не только показания сохранившихся списков Задонщины (и цитат из нее в Сказании), но и текст Слова о полку Игореве. Дальнейшее изложение покажет, что с помощью Задонщины могут быть оправданы некоторые поправки исследователей, предложенные ими к первому изданию Слова.

В последние годы сделана неудачная попытка пересмотреть прочно сложившееся в науке представление о соотношении текстов Задонщины и Слова о полку Игореве. Задонщина была объявлена оригинальным памятником, который в конце XVIII в. был переделан неизвестным фальсификатором в псевдо-древнее Слово о полку Игореве. Совпадения Задонщины со Словом истолковываются в свете такого утверждения как доказательство того, что Слово есть переделка Задонщины; чтения Задонщины всегда объявляются более древними. Ввиду того, что такая точка зрения в западной науке имеет хоть и немногочисленных, но упорных сторонников, останавлиюсь подробнее на ее разборе.

¹ См. статью о Сказании в „Истории русской литературы“ (т. II, ч. I, М.—Л., 1946, стр. 215).

2

В 1938 г. вопрос о происхождении и дальнейшей судьбе Задонщины подвергся радикальному пересмотру в статьях А. Мазона, поставившего себе задачей доказать старшинство Задонщины сравнительно со Словом о полку Игореве. Предпринятая им „реабилитация“ Задонщины должна, по мысли автора, опровергнуть мнение исследователей о подражательном характере этой повести, убедить читателей, что в Задонщине, в отличие от Слова о полку Игореве, все ясно, понятно, художественно цельно, логически обосновано и исторически значительно, что Задонщина, не всегда умело, переделана была, в конце XVIII в., неизвестным автором, который создал памятник, изобилующий „невразумительностями, странностями, исключениями“, т. е. Слово о полку Игореве.¹

Рассуждения А. Мазона о Задонщине исходят из неожиданного исторического открытия: Куликовской победы не было, „историческая легенда“ с течением времени превратила эту битву в „блестящую победу“ (1938, 3—4, стр. 166). Основанием для такого утверждения является объем явно дефектного списка Задонщины — Кирилло-Белозерского (К-Б), 1470-х годов. В нем, по мнению А. Мазона, согласно с действительностью описана лишь „жалость“, т. е. поражение русских войск, а в „позднейших версиях XVI—XVII вв. в согласии с летописным рассказом“ описано два момента боя — в первом русские были отброшены татарами, второй „est marqué par... leur revanche“ (там же).² Не учтя, что оба эпизода Куликовской битвы описаны в одной художественной манере, не обратив внимания на явные искажения списка К-Б, А. Мазон бездоказательно разделил эти две части Задонщины не менее чем столетним промежутком времени. Список К-Б сделался для А. Мазона историческим документом, более достоверно, чем все другие источники, трактующим Куликовскую битву как поражение, а не победу. Такой исторический эксперимент понадобился автору для того, чтобы сблизить тему Слова о полку Игореве — поражение русских войск — с темой „modèle principal“ этого

¹ A. Mazon. La Zadonščina: Réhabilitation d'une oeuvre.—Révue des études slaves. 1938, 1—2, стр. 6—40; см. также статьи Мазона в следующих книгах этого журнала: Le Slovo d'Igor: le sujet et le cadre; le modèle principal. 1938, 3—4, стр. 163—213; Le Slovo d'Igor: le modèle principal. 1939, 1—2, стр. 52—86; Le Slovo d'Igor: les additions massives. 1939, 3—4, стр. 242—288; Le Slovo d'Igor. 1944, 1—4, стр. 5—45. Статьи 1938 и 1939 гг. объединены в книге: Le Slovo d'Igor. Institut des études slaves. Paris, 1940, 182 стр.—Рецензии: Действительный член АН УССР М. К. Гудзий. Найновіші спроби ревізії справжності „Слова о полку Игореве“. Вісті АН УССР, 1946, № 2, стр. 19—36; Н. К. Гудзий. Ревизия подлинности „Слова о полку Игореве“ в исследовании проф. А. Мазона. Ученые записки Московского ордена Ленина Гос. Университета, 1947, стр. 153—187.

² Термин „жалость“ извлечен А. Мазоном из части предисловия, отсутствующей в списке К-Б; первоначально этот термин относился, повидимому, к историческим припоминаниям о бывших поражениях русских войск, которые противопоставляются в предисловии — „похвале“ героям Куликовской битвы.

памятника—Задонщины, и этой близостью объяснить самый факт выбора оригинала для подражания. Однако в дальнейшем А. Мазон утверждает, что автор Слова использовал Задонщину в версии XVI—XVII вв., т. е. в той, где описано не поражение, а победа на Куликовом поле!

Итак, „очевидная аналогия между злополучным походом Игоря против половцев и большой битвой 1380 г.“ (стр. 166) исчезает, поскольку „поздние“, по терминологии А. Мазона, версии Задонщины, наиболее близкие, по его мнению, к Слову, рисуют победу.

С вопросом о первоначальном объеме Задонщины и с характеристикой дальнейшей судьбы этой повести А. Мазон кончает в первой же статье очень быстро и легко. Обзор-характеристика списков, таблица их соотношения (1938, 1—2, стр. 17) сделаны крайне поверхностно, и потому совершенно неубедительны его текстологические выводы: К-Б „самый близкий к оригиналу“ список (стр. 15), „настоящая Задонщина“ (37); вторая часть—„похвала“ обнаруживает „переделки и нескладность“ в целом (стр. 17). Древность списка К-Б Мазон спокойно приравнивал к древности его редакции и, не доказав, что именно К-Б сохранил „древнюю“ Задонщину, автор поставил „принципиальный вопрос“ (1938, 3—4, стр. 171): „Если бы Слово принадлежало средневековому поэту, то удивительно было бы, почему его черты более ощущаются в поздних Задонщинах, чем в древней“.

Для непредубежденного читателя очевидно, что сопоставлению Слова с Задонщиной должна была бы в исследовании А. Мазона предшествовать внимательная текстологическая работа над сохранившимися списками Задонщины. В каком виде знал ее „автор“ XVIII в., старательно скрывший, а может быть и уничтоживший свой „modèle principal“? Трудно думать, чтобы это был текстолог, по непонятным причинам выбиравший отдельные выражения то из одного, то из другого списка. Очевидно, по Мазону, в его руках был какой-то список, содержащий в себе все совпадающие со Словом эпизоды. Опираясь на сохранившийся рукописный материал, следовало хотя бы предположительно восстановить такую Задонщину и доказать, что она „поздняя“, а К-Б—„древняя“.¹

¹ Писец Кирилло-Белозерского сборника текст Задонщины передавал, видимо, своими словами, по памяти: он вставил поэтому в Задонщину отрывок из Слова о гибели русской земли. Следующие за Задонщиной летописные заметки он изложил также своим индивидуальным стилем, непривычным для такого рода записей: кроме присущих лишь этому писцу терминов, „Задонщина, Мамаевщина, Тахтамышевщина“, в этих заметках читаем такие выражения: „год спустя“, „тогда было благовещение на Пасху“, „по смерти Алексея митрополита на третий год бои был“, „по Задонщине на осмой год“ и т. д. Эти заметки, выраженные просторечием, напоминают приписки писцов на полях псковских рукописей. — Проф. В. Ф. Ржига в тезисах к своему исследованию о Задонщине (Слово Софония рязанца о Куликовской битве. Доклады и сообщения филологического факультета Московского ордена Ленина Гос. университета им. М. В. Ломоносова, вып. 1, М., 1946, стр. 37—38), называя К-Б краткой редакцией, справедливо расценивает ее как сокращение первоначальной, пространной, представленной списками XVI—XVII вв.

Заодно следовало бы разъяснить читателю, почему „ученый литератор“ XVIII в., владевший этим замечательным и, по мнению Мазона, во всех отношениях стоявшим выше Слова памятником, не опубликовал просто его, а предпринял сложный труд фальсификатора, по крохам собиравшего для своей подделки материал. Ведь как раз сам Мусин-Пушкин и окружавшие его ученые (предполагаемые фальсификаторы) издавали чрезвычайно охотно памятники древнерусской истории и литературы. Отчего же именно Задонщину они предпочли или уничтожить или спрятать? Куликовская битва в их сознании была крупнейшим историческим событием, победой, имевшей огромные политические последствия, и совершенно непонятно, почему поэтический рассказ об этой победе был тщательно скрыт, а вместо него появилось „своего рода поэтическое приложение к Ясскому трактату“ (1938, 3—4, стр. 199), политического смысла которого не поняла даже сама Екатерина II — а ведь именно ей и ее южной политике, по мнению Мазона, хотел польстить неизвестный придворный.

Даже Мазон вынужден признать, что императрица ничем не выразила своего отношения к поднесенной ей копии Слова: это было, по его мнению, „инстинктивное недоверие государыни, осведомленной в придворной лести и в измышлениях, отвечавших ее вкусу к прошлому и к величию“ (1944, 1—4, стр. 30). Этот придворный льстец был к тому же настолько скромнен и бескорыстен, что он даже скрыл свое имя, и мы так и не знаем, кто же предпринял такой огромный многолетний труд, чтобы в итоге остаться непонятым именно той, кому он хотел угодить. Правда, А. Мазон почти „открыл“ этого таинственного „автора“. Он полагает, что „два ключа“ к тайне Слова заключаются в упоминании Тьмутаракани, Немиги и Дудуток (1939, 3—4, стр. 277): „Тьмутаракань и Дудutki — мы держим здесь два полюса русского империализма, как его понимает автор Слова о полку Игореве. Это два символа патриотизма этого автора; это также два основания (raisons), объясняющие вставки: обращение к тьмутараканскому болвану и неожиданную легенду о Всеславе князе Полоцком... Если бы в окружении Мусина-Пушкина мы нашли война из Литовской армии 1792 г. или упоминание Дудуток в донесении об этой кампании, или имя одного из властителей Дудуток среди знакомых Мусина-Пушкина, — дверь открылась бы“ (стр. 277). Во всех этих рассуждениях А. Мазона полет фантазии ничем не сдерживается: надо совсем не понимать смысла Слова о полку Игореве, чтобы искать „ключи“ к нему — в упоминании Тьмутаракани, Немиги, Дудуток...

Как бы то ни было, ни одно из этих рассуждений не помогает нам понять, почему повесть о Куликовской битве в конце XVIII в. предпочли не издать, а уничтожить. Есть и еще загадка: Карамзин сделал выписки из Девгениева Деяния и из повести об Акире, которые, по мнению А. Мазона, нашли свое отражение в Слове, и, следовательно, служили источниками для его „автора“. Почему же использованный им текст Задонщины и Карамзину остался неизвестным? Или и он участвовал

в заговоре и одобрил уничтожение такого ценного памятника? Как видим, признание Задонщины источником Слова вызывает такое количество недоуменных вопросов, которое превышает число „темных мест“ Слова...

Возникает и еще один не менее загадочный вопрос, уже касающийся источников Софонии рязанца — автора Задонщины. Его повесть в части, совпадающей или близкой к Слову, радикально отличается от господствовавшего в его время типа исторического повествования. Когда мы признаем внутренне обоснованное использование им поэтической схемы Слова о полку Игореве, — его своеобразный стиль не вызывает недоумения. Но если, по Мазону, дело обстоит как раз наоборот, — т. е. Задонщина послужила источником для Слова, — тогда становится непонятным, как возник стиль Задонщины. К ряду ее эпизодов параллели дает только Слово или памятники литературы Киевского периода. Следовательно, надо допустить, что Софония подобрал ряд памятников XI—XII вв., а часть поэтических оборотов создал в их духе. Он выбирал отдельные выражения из многих памятников по непонятному нам для XV в. принципу. Так искусственно представляется метод работы Софонии, если стать на точку зрения А. Мазона. И как просто и естественно рисуется этот метод, когда мы следим за отражением в художественном сознании книжника XV в. поэтической манеры автора XII в.

Для А. Мазона Задонщина и Слово сближаются темой военного поражения, т. е. в е ш н и м сходством батальных сюжетов. На самом деле при описании Куликовской победы использована внутренняя идейная связь этих двух повестей: пропаганда идеи единства Русской земли для борьбы с врагами — в Слове, и результаты такого единства, сказавшиеся при выступлении общерусского войска в 1380 г., изображенные в Задонщине. Но эта идейная сторона обоих трактуемых им памятников А. Мазоном совершенно оставлена без внимания. В итоге — Задонщина потеряла под собой литературную и идейную почву, которую для нее составляло Слово о полку Игореве. Встречая в Слове выражений, не имеющих параллелей в других памятниках, А. Мазон расценивает их как доказательства его подложности; но он даже не ставит вопроса о том, откуда подобные исключительные выражения появились в Задонщине. В ней для него все ясно, понятно. Между тем, очевидно, что параллели к памятнику конца XII в. скорее могли не дойти до нашего времени, чем источники повести XV в.

Одно из настойчиво проводимых Мазоном утверждений гласит: Слово отличается от Задонщины своим „языческим“ характером, и это будто бы исключение всех христианских мотивов было произведено автором XVIII в. По Мазону, Игорь Святославич в Слове князь-язычник, в отличие от князя-христианина летописи. В доказательство приводятся такие „языческие“ речи Игоря, заменившие окрашенные религиозными мотивами рассуждения Игоря в летописной повести: „Луцезь бы потяту быти, неже полонену быти“, „Хошу бо, рече, копие приломити конець поля Половецкаго“, „Хошу главу свою приложити, а любо испити шелокомь

Дону“ (1938, 3—4, стр. 165). Но, почему, например, первый призыв Игоря к дружине, языческий в устах князя, оказывается христианским в устах инока-богатыря Пересвета, который говорит великому князю: „луче бы нам потятым быть нежели полоняным быть от поганых“? Неужели только потому, что в нем добавлено „от поганых“? Этот эпитет, по Мазону, имеет „христианский колорит“ (стр. 178). Однако и Слово неоднократно пользуется таким определением половцев (кстати, неверно, будто в К-Б этой речи нет — стр. 178; переписчик К-Б поместил только весь этот эпизод ниже и притом передал его в вольном пересказе, сохранившем, однако, следы первоначального чтения: „лучши бы есмь сами на свои мечи наверхлися, нежели намъ от поганыхъ положенным пасти“. „Положенным“ явное искажение „полоняным“).

Устранение „христианских“ черт Задонщины в Слове доказывается Мазоном иногда весьма своеобразным способом. Не выделив в Задонщине случайных черт отдельных списков, Мазон делает выводы о методе работы автора Слова, как только он не находит в тексте Слова такой случайной черты. Так, в Синод. списке Задонщины вместо первоначального „А уже диво кличет под саблями татарскими, а тем руским богатырем под ранами“ (= в Слове: „Се Уримъ кричатъ подъ саблями Половецкими, а Володимиръ подъ ранами“), читаем: „Вжо, брате, диво кличет под шаблею татарскою, а тым богатырем слава и честь и вечная память от бога милость“. Даже если стать на точку зрения Мазона и выводить Слово из Задонщины, то все же в данном эпизоде надо исходить из чтения первого типа (список И 2), а не из варианта Синод. списка. Между тем Мазон, сопоставляя именно с этим далеким вариантом, опять подчеркивает свою излюбленную мысль, будто автор Слова исключал все элементы христианской идеологии, найденные им в Задонщине. Так и здесь он видит отсутствие в Слове „de l'action de grâces très chrétienne“, адресованной в Синод. героям Куликовской битвы (1939, 1—2, стр. 70), и дальше пишет: „Лишний раз, может быть, автор позаботился исключить религиозную черту, и из текста, часть которого отражена в Ист. 1 (по моей терминологии И 2.—В. А.-П.), он выбрал фразу, соответствующую своему вкусу“. Так, совершенно неосновательно в данном случае, подчеркивается „языческая“ тенденция автора Слова. Ведь никак нельзя доказать, что в тексте Задонщины, которым будто бы пользовался в XVIII в. автор Слова, были соединены чтения И 2 и Синод., и этот автор исключил христианский мотив варианта Синод. На самом деле все обстоит гораздо проще: автор Задонщины довольно неумело приспособил к своей теме трудную фразу Слова („Се Урим...“). И сам Мазон вынужден признать, что в данном эпизоде смысл Задонщины „темен“ (стр. 70).

Вообще вопрос о „языческом“ характере Слова и „христианском“ Задонщины решается Мазоном крайне неудовлетворительно прежде всего с точки зрения методологической. Не доказав, что все молитвенные эпизоды, содержащиеся в отдельных списках Задонщины, составляют

ее исконную и непременную принадлежность, Мазон категорически постоянно утверждает, что отсутствие этих эпизодов в Слове есть результат работы автора XVIII в., намеренно их исключавшего. Например, описание выезда князя Игоря, по Мазону, освобождено от упоминаний о молитве, так как Игорь — язычник (1938, 3—4, стр. 193). Но Мазон не доказал предварительно, что в тексте Задонщины всегда было такое упоминание в описании выезда великого князя. А между тем, в К-Б и в одном из списков Сказания о Мамаевом побоище, цитирующем этот эпизод Задонщины, как раз отсутствует указание на молитву. Вообще история текста Задонщины по сохранившимся ее спискам приводит к заключению, что большая часть таких молитвенных эпизодов представляет позднейшие вставки. Задонщина в ее авторском тексте так же выделяется среди других исторических повестей своего времени слабо выраженной религиозной окраской, как Слово о полку Игореве этим качеством отличается от летописно-исторического повествования XII в.

Отрывая Слово от создавшей его исторической обстановки, Мазон нередко формалистично объясняет разницу между сопоставляемыми эпизодами. Например, он ставит в упрек автору Слова, что у него отсутствует „пышная“ фраза Задонщины: „звенит слава по всей земли русской“ (ср. в Слове „звенить слава въ Киевѣ“). Но ведь поход Игоря и в действительности не был, как в 1380 г., походом „всей земли русской“, а сепаратным предприятием нескольких князей, чем и объясняется его неудача. С другой стороны, именно положение этой фразы в Задонщине выдает вторичность ее текста. В самом деле, фраза „звенит слава...“ имеет обобщающий смысл, и логичным было бы ее положение в конце описания сборов в поход: „Кони ржут на Москве, трубы трубят на Коломне, в бубны бьют в Серпухове, звенит слава по всей земли русской“. Между тем в Задонщине — по всем спискам — эта фраза разрезает описание сборов: „Кони ржут на Москве, звенит слава по всей земли русской, трубы трубят...“ и т. д. И случилось это потому, что в оригинале — в Слове — читалось; „комони ржуть за Сукою, звенить слава въ Киевѣ, трубы трубять въ Новѣградѣ и т. д. И в Слове эта фраза „звенить слава“ не имела общего характера. Следует отметить также, что в данном эпизоде Задонщина слила примерный заповедь Бояна в Слове с описанием сборов в поход князей Игоря и Всеволода.

Другой пример игнорирования Мазоном исторической обстановки — укор автору Слова, который неудачно будто бы не повторил фразы Задонщины „стоят стязи у Дону великого на брези“. Но ведь „стязи“ Игоря и действительно не стояли „у Дону“, как это случилось в 1380 г.

Сопоставляя эпизоды первого издания Слова с Задонщиной (по различным спискам), А. Мазон ставит своей задачей установить старшинство чтений Задонщины и вторичность Слова. Приходится удивляться, как прежде всего непоследователен в своих заключениях Мазон: то он

ставит в заслугу Задонщине ее будто бы большую, сравнительно со Словом, ясность; то, наоборот, доказательством работы фальсификатора XVIII в. считает прояснение запутанного текста Задонщины. Субъективно и бездоказательно он утверждает вторичность текста Слова, а в поисках его источников обнаруживает больше необоснованной фантазии, чем научного метода. Приведу несколько примеров истолкования сходства и различия отдельных, совпадающих в Слове и Задонщине эпизодов.

Слово начинается архаизмом „лѣпо“, заменившим „лучше“ Задонщины. Откуда же взят этот архаизм? По Мазону, автор XVIII в. нашел его в той версии Задонщины, которой он располагал. Но почему и „древняя“ и „поздняя“ (по терминологии Мазона) Задонщина употребляет одинаково новое „лучше“, — этот вопрос даже не ставится.

Боян в Слове взят из Задонщины, где — это имя „иммигранта XIV—XV в.“ (1938, 3—4, стр. 170). Все соображения исследователей по поводу происхождения в Слове имени Боян просто оставлены без внимания.

Вместо метафоры Боян — поэт-соловей в Задонщине читается удвоенное обращение к реальным птицам — соловью и жаворонку, носящее все следы упрощения. Но для Мазона здесь — замена автором Слова „трогательной простоты“, „наивного, почти сельского оборота“ — „риторикой, претенциозным, темным по смыслу дополнением“ (стр. 181). Однако, характеризуя изображение поэтической фантазии Бояна, Мазон сам вынужден признать, что образ „растѣкается мыслию по древу“ опирается на „темную формулу версий XVI—XVII вв.“ („но проразимся мыслию но землями“ и т. п.). И все же, вопреки очевидности, при полной невозможности объяснить из этой „темной формулы“ Задонщины выдержанную метафору Слова, Мазон определяет ее как „le cliché pseudo-classique“, вспоминая даже по поводу ее... украшения на часах Людовика XVI (стр. 181). Передавая свое личное восприятие, исходящее из предвзятой оценки, Мазон пишет, что „опытному, но спокойному“ поэту Задонщины противостоит в Слове „поэт в экстазе“, отвечающий „преромантической моде“ (стр. 182). Вторичность Слова в этом эпизоде Мазон доказывает таким рассуждением: если бы автор Задонщины пользовался Словом, то как мог бы он удержаться от соблазна использовать эффектные образы сравнения фантазии Бояна с волком, орлом; у него нет упоминания о „мысленном древе“ („не проразимся мыслию“ не учтено.—В. А.-П.). Следовательно, по Мазону, это амплификация в Слове образа вещи Бояна.

Несмотря на то, что „Див“ — вещая птица одинаково вводится и Задонщиной и Словом, именно в этом понимании, Мазон утверждает, что это „более оссиановский, чем русский“ образ, и переводит слово „Див“ — сова (стр. 193). Однако у Оссиана на верхушке дерева сидит настоящая сова, а в Слове и Задонщине — это поэтический образ.

Не обратив внимания на то, как много в Слове звуковых метафор, Мазон расценивает выражение Слова „кычат телегы“ как „галлицизм“, заменивший прозаическое „воскрипели“ Задонщины (стр. 200).

При сопоставлении оставлено без объяснения, почему к эпизоду Слова „уже бо беды его пасеть птиць...“ Задонщина дает совсем невразумительную, явно вторичную параллель (стр. 202).

Образец натянутого, произвольного толкования текстов обеих повестей представляют рассуждения Мазона по поводу того, почему Задонщина не пишет о пленении татарок, тогда как Слово описывает пленных половчанок. Автору Задонщины будто бы помешала упомянуть о пленных женщинах „gravité patriotique et religieuse“, между тем как от автора Слова „эпоха требовала“ „cette touche romanesque et légèrè“ (стр. 205). Наивны рассуждения, почему в Слове не добавлено, что русские своих пленниц „оскверниша“.

Разницу между выражением Слова „связи глаголют“ и Задонщины „стязи ревут“ Мазон объясняет тем, что Слово смягчает „dans le style noble“ грубое выражение Задонщины (1939, 1—2, стр. 56, „стязи“ почему-то переводится Мазоном „войска“).

Сопоставляя эпизод Слова „Тогда по Русской земли рѣтко ратаевѣ кикахуть, нѣ часто врани граяхуть“ с аналогичным в Задонщине, Мазон не учел того, что Задонщина разрушила логическое построение фразы, основанное на противопоставлении — „рѣтко — часто“. В Задонщине опущено „рѣтко“ и осталось не обоснованное „часто“ во второй фразе. Это ясное свидетельство первичности чтения Слова Мазоном оставлено без внимания (стр. 61).

Произвольно определяется выражение Слова „уныша бо градом забралы и веселие пониче“ как „balancement préromantique“ (стр. 68), хотя и в Задонщине повторены аналогичные обороты: „Трубы их не трубять, уныша гласи их“, и неудачное подражание Слову — „Уныша бо царем их хотение и похвала на Русскую землю ходити, веселие их пониче“. Очевидно, такая „преромантическая“ конструкция знакома была и XV веку.

Почему „руским златом“ Слова необходимо выводить из „татарским златом“ Задонщины, а не наоборот, — непонятно (стр. 68).

Мазон не обратил внимания, сопоставляя эпизоды Слова и Задонщины, как часто Задонщина дает более прозаический текст, перевода в реальный план поэтические образы Слова. Приведу несколько случаев. Образной картине Слова — „ту ся копием приламати, ту ся саблямъ потручяти о шеломы половецкыя на рѣцѣ на Каялѣ у Дону великого“ — в Задонщине соответствует более реальное описание битвы: „пасти трупы челоувечью на поле Куликове, пролитися крове на речкы Направде“. Здесь сохранена инфинитивная конструкция фразы, но образность упрощена. Вместо поэтического — „се вѣтри Стрибожи внуци вѣють съ моря стрѣлами“ — в Задонщине реальная непогода: „Возвеша силнии ветри с моря“; „широкие поля“ — превращаются в географическое определение

„из земли Залесские в поле половецкое“; „персты“ Бояна не „вещи“, а просто „гораздые“; метафорическое „крычат телеги рци лебеди распущены“ передано прозаически — „вскрипели телеги“ (Мазон не может объяснить, как и почему бытовое выражение Задонщины выросло в образное сравнение Слова); осталась непонятой метафора, выражающая пленение (Игоря) в Слове: „высѣдѣ изъ сѣдла злата а в сѣдло кощиево“ — и заменена изображением смерти русских воинов на поле битвы: „высе доша з борзых коней на судное место“; чрезвычайно снижена поэтичность текста, создаваемая в Слове обильными метафорами, когда автор Задонщины, прибегая к трехчленной формуле отрицательного сравнения, сам объясняет читателю смысл каждой метафоры.

Даже учитывая искаженность текста Задонщины в сохранившихся списках, мы не можем не заметить, что с некоторыми образами или конструкциями Слова автор ее не справился. Так создались непонятные выражения, вроде „проразимся мыслию но землями“ (и Мазон отмечает, что это „темное“ место), „укупим землям диво“, „пасоша птицы крилати под облакы летают“, замена „яругы“ через „луги“, „уныша бо царем их хотение и похвала“ (вместо „уныша градом забралы“) и проч.

Такое систематическое упрощение поэтического текста понятно для автора, который уже не воспринимал целиком образности Слова, выросшей в иных исторических условиях. Не случайно в Задонщине фразы, построенные в поэтической манере Слова, чередуются с летописно-фактическими, лишенными всякой образности. Единому художественному стилю Слова в Задонщине противостоит соединение отголосков „старых словес“ с деловой речью современности. Эта разница осталась вне поля зрения А. Мазона.

При сопоставлении плача боярынь с плачем Ярославны Мазон даже не останавливается на таком, например, вопросе: почему и в Задонщине Дон, как в Слове Днепр, пробивает „каменные горы“. В Слове, видимо, речь идет о днепровских порогах, тогда как на пути Дона таких порогов нет. Очевидно, что Задонщина механически повторила формулу Слова.

Параллель к выражению Слова — „дети бѣсови кликом поля перегородиша“ дает выражение Задонщины: Пересвет „свистом поля перегороди“. Мазон не задумывается над тем, как это один человек может „свистом“ перегородить „поля“, и, как обычно, старшим чтением признает текст Задонщины.

Сложное рассуждение строит Мазон по поводу синтаксиса отрывка Задонщины: „Черна земля под копыты, костью татарскими поля насеяны“ и т. д., где первая фраза представляет конструкцию без сказуемого. Между тем все объясняется просто. В Слове здесь читаем: „чръна земля подь копыты костью была посѣяна. . .“ Автор Задонщины поставил вместо „была“ — „поля“ и создал предложение без сказуемого, отделив от него, как особое, другое предложение: „костью татарскими поля насеяны“. Вторичность чтения Задонщины и здесь очевидна.

Поэтический образ завоевания в Слове—„испити шеломомъ Дону“— переведен в Задонщине, как и в ряде позднейших исторических повестей, в реальный план: „испиемъ, брате, шеломомъ своимъ воды быстрого Дону“. Ср. в послании Грозного Курбскому: „и коней наших ногами переехали все ваши дороги.. и воду во всех тех местах пили“ (РИБ, т. XXXI, СПб., 1914, стб. 123); или—в Повести об Азове: „козаки.. воды из Дону пить не дают“. Между тем Слово в данном случае идет за старой стилистической традицией, отраженной в летописи: „Тогда Володимеръ Мономахъ пилъ золотом шеломомъ Донъ“ (Ипат. 1201, стб. 716) или „я поилъ есмь коне Тъхвърью, а еще Волховомъ напою“ (Новг. 1, СПб., 1888, стр. 221). Мазон даже не ставит вопроса, почему же предполагаемый им автор XVIII в. оказался ближе к древней формуле летописи XIII в., чем к своему „modèle principal“—Задонщине, почему вообще он задумал архаизировать этот стилистический оборот. Значит рядом с Задонщиной у него лежала Ипатьевская или близкая к ней летопись, он по ней проверил формулу Задонщины, определил ее отход от „старых словес“ и выправил эту формулу? Иначе как же объяснить разницу между Задонщиной и Словом? И все это вместо того, чтобы отметить упрощение, прозаическую передачу в Задонщине устаревшей к XV в. поэтической формулы XII в.

Совершенно непонятен комментарий Мазона к сопоставляемым эпизодам: „Грозы твоя по землям текут.. Стреляй, господине, Кончака, поганого Кощея..“ в Слове и „Уже грозы великого князя по всей земли текуть. Стреляй, князь великий, с своею храброю дружиною поганого Мамаю хиновина..“ в Задонщине. Конечно, и здесь, по Мазону, в Слове оказывается „вариант более звучный, чем сильный“, тогда как в Задонщине—источник этого „варианта“. Смысл этого эпизода Задонщины почему-то связывается с собиранием Русской земли под властью Москвы и вообще с настроениями „патриота XVI в.“, „готового принять доктрину третьего Рима“ (стр. 73). Но кто доказал, что этот эпизод появился в Задонщине в XVI в., или что уже Софония был пропитан идеями „третьего Рима“? Так легко и безответственно расправляется Мазон с текстом Задонщины.

Сопоставляя Слово с Задонщиной, А. Мазон оставил без объяснения следующий факт. В Слове, отражающем в данном случае народно-поэтический язык, систематически поэтический эпитет с эмоциональным оттенком выражается постпозитивным положением прилагательного.¹ В Задонщине такая система отсутствует: „великий князь“ и „князь великий“, „гуслеными буйными словесы“, „в русской земли“, но „за землю рускую“, „красных дней“, „синии небеса“, „сильному граду“, но „колоколы вечныя“; „быструю реку“, „черному ворону“, „храбрых удалцов“,

¹ Акад. С. П. Обнорский. Очерки по истории русского литературного языка, М.—Л., 1946, стр. 172 и сл.

но „сынове храбри“ и т. д. Всякое определение может здесь занимать положение до или после определяемого слова. Возможно, что постпозитивное положение определения-эпитета и здесь показывает тяготение автора к ритму народной поэзии, но систематически этот прием не проводится. Наличие последовательности в применении постпозитивного эпитета в Слове и отсутствие такой последовательности в Задонщине естественно заставляет считать первичным текст Слова.

В отличие от Слова, Задонщина совсем не знает препозитивного в отношении глагола положения частицы „ся“ при возвратном глаголе. Единственный раз, когда такое положение встречается, фраза выдает заимствование из Слова. В соответствии с фразой Слова — „ту ся брата разлучиста“, читаем в Задонщине „ту ся погани разлучишася“. Софония начал конструкцию Слова, но, непривычный к раздельному употреблению „ся“ впереди глагола, он повторил возвратное местоимение еще раз после глагола: „разлучишася“. В Слове, где насчитывается шесть случаев препозитивного положения „ся“, есть также один случай когда позднейший писец, не справившись с непривычным строем фразы повторил „ся“: „вежи ся половецкии подвижашася“. Позднейшее происхождение этого „подвижашася“ отмечено акад. С. П. Обнорским.¹

Так непредубежденное сопоставление сходных эпизодов Слова и Задонщины приводит к заключению, что Задонщина, за исключением тех редких случаев, когда она буквально повторяет поэтические формулы Слова, обнаруживает их претворение иным художественным сознанием. Сложная метафоричность Слова упрощается, и автор стремится приблизить изложение к реалистическому описанию событий; совершенно сглаживается в изложении все, что в Слове связано с темой „усобиц“, так как Куликовская победа изображена в виде итога именно объединения русских войск. Исторические реалии Слова заменены отголосками событий и воззрений конца XIV—XV вв. В соответствии с требованиями нового исторического стиля, Задонщина иногда оставляет художественный стиль своего образца и переходит на деловое, точное описание событий. Таким образом, единый выдержанный поэтический стиль Слова в Задонщине применен как одно из средств выражения темы и рядом с ним ощущается иной способ описания исторических событий.

Хотя и умеренно в старшей редакции Задонщины, но все же заметно отражена официальная церковность мировоззрения, поэтому тщательно исключены все поэтические следы до-христианского мировоззрения (кроме образа вещей птицы — Дива Слова).

Нарушение цельности изложения и ломка отдельных поэтических конструкций подтверждают вторичность текста Задонщины. В каждом

¹ Ук. соч., стр. 163—164.

отдельном случае формула Задонщины легко может быть объяснена из Слова. Но невозможно иногда из запутанных и порою, даже по мнению Мазона, темных формул Задонщины вывести законченные развитые метафоры Слова. Наконец, вся центральная часть Задонщины построена на одном художественном образце — на Слове, который автор оставляет лишь для того, чтобы деловито описать событие. Но Слово в изображении Мазона постоянно вынуждено оставлять свой „*modèle principal*“: от Задонщины автор его будто бы бросается к рыцарским романам и романсам, затем к Минеям, повести об Акире и Девгениеву Деянию, оттуда к Татищеву, Щербатову и Болтину, снова к летописи и, наконец, к Оссиану. Этот „автор“ то представляется псевдо-классиком, то преромантиком, оссианистом. Обращение его с источниками — никому, кроме Мазона, непонятно: имея, например, рассказ о событии в Ипатьевской летописи, этот автор почему-то прибегает к пересказам Татищева и Щербатова; замечая следы своей фальсификаторской работы, этот „автор“ уничтожает именно те источники, которые могли бы подтвердить древность сочиненной им повести (Задонщину, Сборник, где были повести об Акире и Девгениево деяние), но намеренно в примечаниях цитирует те сочинения XVIII в., которые, по Мазону, он обильно использовал и которые как раз могут навести читателя на сопоставления и на мысль о подделке (Татищева, Щербатова и других). Признавая текст издания 1800 г. принадлежащим неизвестному нам автору XVIII в., Мазон все же предлагает к нему ряд поправок, чтобы этот текст стал в некоторых местах понятнее. Но какое же право мы имеем исправлять авторский текст? Мазон совершенно запутался в последней статье между автором, переводчиком и издателями Слова. Получается так, что издание делалось без участия автора, перевода он также не только не делал, но и не видел, поэтому остались непонятные переводчиками места, какие-то их ошибки.

„Темных мест“ в рассуждениях Мазона о Слове и Задонщине так много, что не представляется никакой возможности распутать их. Между тем все ясно и понятно, когда мы выводим Задонщину из Слова.

Как видно было из предыдущего изложения, А. Мазон не только не выяснил оставшихся неисследованными вопросов о происхождении и дальнейшей судьбе Задонщины, но окончательно запутал их. Объем первоначального текста, его источники, литературная история, поскольку она может быть нарисована на основании сохранившихся списков, — все это в статьях „реабилитирующего“ повесть А. Мазона представлено крайне субъективно, легковесно и потому совершенно неубедительно. И, — что особенно подрывает научное значение статей А. Мазона, — он отрывает литературные памятники от создавшей их эпохи; в их идеологическом осмыслении он не идет дальше, определения их „языческого“ или „христианского“ характера; с непонятым легкомыслием по-своему оценивает значимость тех или иных событий русской истории и на этих оценках строит затем свои рассуждения. Антиисторичность и субъекти-

визм характеризуют заключения А. Мазона и о Задонщине и о Слове о полку Игореве.

Следует отметить также и нежелание А. Мазона охватить Слово о полку Игореве как органическое целое, понять ту идею, которая связывает все его части и которая внутренним планом объясняет кажущийся „беспорядок“. Отсюда представление о Слове, как о мозаическом соединении разнохарактерных, разновременных, взаимно исключающих друг друга источников. Отказываясь вникнуть в историю культуры Киевской Руси, А. Мазон иронически говорит о „поражающем одиночестве“ Слова (1938, 1—2, стр. 6), о том, что в XII в. неизвестно „политическое вдохновение“ (1944, 1—4, стр. 6), хотя вся литература XI—XII вв. прямо свидетельствует об обратном; пренебрежительно отзывается о самом событии, которое дало тему двум летописным повестям и Слову: „летопись рассказывает об этом событии длиннее, чем оно того стоит“, это материал „un peu banal“ (1938, 3—4, стр. 164—165) и т. д. Только при таком „подходе“ к эпохе, создавшей Слово, и можно было дойти до мысли вывести Слово из Задонщины. Но А. Мазон совершенно упустил из виду, что в его изображении „в поражающем одиночестве“ окажется ряд эпизодов Задонщины, потерявшей связи с предшествующей традицией.

3

Сопоставляя с реконструированным текстом Задонщины первое издание Слова о полку Игореве, мы убеждаемся в том, прежде всего, что Софония рязанец имел в руках список Слова, не вполне совпадавший с текстом Мусин-Пушкинского сборника; затем мы получаем возможность поддержать или опровергнуть некоторые поправки, предложенные исследователями и издателями Слова к чтениям первого издания; наконец, Задонщина дает небольшой материал, помогающий при переводе Слова на современный язык остановиться на определенном значении отдельных выражений.

Сравнивая план первых эпизодов основной части Задонщины с началом повествования о походе Игоря, как оно изложено в первом издании Слова, мы замечаем разницу в расположении материала, хотя совершенно несомненно, что именно в первых эпизодах Софония рязанец особенно близко придерживался своего поэтического образца. Зато Задонщина подтверждает мысль академика А. И. Соболевского о том, что в Мусин-Пушкинском сборнике начальные эпизоды Слова переместились в итоге путаницы листов в обветшалой рукописи. В статье 1916 г. академик А. И. Соболевский¹ предположил, что в Слове после фразы —

¹ Материалы и заметки по древнерусской литературе. XVIII. Изв. ОРЯС АН, 1916 кн. 2, стр. 210—212.

„наведе своя храбрыя плькы на землю Половецкую за землю Руськую“ — должен был следовать эпизод, начинающийся словами: „О Бояне, соловію стараго времени, а бы ты сіа плькы ущекоталь...“ и кончающийся беседой Игоря и Всеволода: „сами скачють акы сѣрыи вльци въ полѣ, ищучи себе чти, а князю славѣ“. После этого следовала помещенная в первом издании выше речь Игоря к дружине: „Тогда Игорь възрѣ на свѣтлое солнце...“ до слов: „хощу главу свою приложити, а любо испити шелокомь Дону“ — и, наконец, описание солнечного затмения („Тогда вѣступи Игорь князь въ златѣ стремень...“). По мнению А. И. Соболевского, переставленные в какой-то рукописи Слова листы были затем в этом неверном порядке скопированы, и создано то перемещение эпизодов, которое отражено в первом издании Слова.

Эта гипотеза А. И. Соболевского подтверждается текстом Задонщины. Во всех ее списках вслед за описанием храбрости великого князя Дмитрия Ивановича (= Игоря в Слове: „истезавше умь свои крѣпостию... уставивша себе храбрыя плькы“) идет обращение к жаворонку (= соловью Бояну) и описание сборов в поход (сливающее примерный запев и самое описание Слова). Речь Дмитрия Ивановича к войску помещена ниже, как и речь Игоря к дружине. Таким образом, есть основание полагать, что список Слова о полку Игореде, использованный Софонией рязанцем, содержал тот логический порядок эпизодов, который затем был нарушен при дальнейшем бытовании рукописи и закреплен в Мусин-Пушкинском сборнике и в первом его издании. Поэтому вряд ли можно согласиться с заключением А. И. Соболевского, будто „механическая перестановка частей текста“ произошла „еще у одного из древних переписчиков“ (стр. 210). Задонщина показывает, что в конце XIV в. Слово было известно еще без нарушения плана изложения.

Более или менее точно повторенные в Задонщине выражения Слова позволяют проверить некоторые суждения комментаторов Слова о правильности отдельных чтений первого издания.

Исследователями было высказано немало догадок по поводу того, как следует читать и понимать фразу первого издания: „растѣкашеться мыслію по древу“. Наиболее привилась поправка, предложенная Карелкиным,¹ вместо „мыслію“ читать „мысію“, т. е. белкой. Задонщина показывает, что по крайней мере в том тексте Слова, который использовал Софония, читалось „мыслію“. Отсюда в списках Задонщины разные варианты образа Слова, слитого притом со следующим („растѣкашеться мыслію по древу, сѣрымъ вълкомь по земли“): „не поразимся мыслію но землями“ (Унд.), „не поразился мысленными землями“ (Синод.), „потрезвимься мыслями и землями“ (Ист. М. № 2060). Образ Слова остался непонятым автором Задонщины, но, как бы неудачно ни пере-

¹ Рецензия на перевод „Слова“ Н. Гербеля: Отечественные записки, 1854, т. 93, стр. 9—10.

давали его переписчики, всегда остается след чтения „мыслию“, а не „мысию“.

В обращении к Бояну первое издание и Екатерининская копия так передают текст Мусин-Пушкинской рукописи: „... летая умомъ подь облакы, свивая славы оба полы сего времени“. Издатели и комментаторы различно читают это слово („славы“); Д. Дубенский¹ пишет: „славы — или описка, вм. славою, или чит. славы, т. е. по соловьиному: ... или это винит. множ. ч. свивая (что?) славы — славныя деяния ...“. Ф. И. Буслаев² предположил, что „славы может быть испорчено вм. славию (о соловей) или же род. пад. ед. ч. от сущ. слава: обе половины славы“. Чтение „славию“ принято большинством новейших издателей Слова. Не отрицая возможности такого исправления, заметим, однако, что текст Задонщины как будто свидетельствует скорее о чтении „славы“ в той рукописи Слова, которой пользовался Софония: „пой славу“ (К.-Б.), „воспой славу“ (Ист. М. № 2060, Унд.).

Неясное выражение Слова — „уже бо бѣды его пасеть птиць подобию“, вслед за А. Потемней, многие исследователи исправляют на „... птиць по дубию“.³ В Задонщине этому эпизоду соответствует чтение: „А уже беды их пасоша (вар. пасушеся, пашутся) птица крилати под облакы летают“. Может быть „под облакы“ заменило в Задонщине „подобию“, а не „по дубию“?⁴

Чтение Слова „а въ нихъ трепещуть синии мльнии“ было предложено исправить на „а въ нихъ трепещуть си синии мльнии“.⁵ Текст Задонщины не подтверждает этой поправки, в нем читаем: „и въ нихъ трепещуть синие молнии“.

Принятая всеми исследователями Слова поправка к первому изданию в обращении к князьям Роману и Мстиславу, где вместо ожидаемого „подклониша“ стоит „поклониша“ („а главы своя подклониша подь тыи мечи харалужны“), подтверждается Задонщиной: „а главы своя подклониша подь мечи руския“. Хотя „поклониша“ повторяется и в Екатерининской копии Слова, вряд ли следует рассматривать это чтение как особенность Мусин-Пушкинской рукописи, отсутствовавшую в оригинале Задонщины. Вероятно издатели пропустили здесь надстрочное *д.* Сохранение в Задонщине образа „Див“ — вещая птица („кликнуло Диво в Русской земли“, „А уже Диво кличеть под саблями татарскими“, „уже веръжено Диво на землю“) показывает иску-

¹ Слово о плъку Игореве Святъславля пестворца стараго времени. М., 1844, стр. 24.

² Историческая хрестоматия церк.-слав. и древнерусск. языков. М., 1861, стр. 600.

³ См. так и в последнем издании академика А. С. Орлова: Слово о полку Игореве. М.—Л., 1946, стр. 67.

⁴ В. А. Яковлев, следуя за Задонщиной, вводит в текст Слова, взамен обычного „подобию“ или „по дубию“, — „под облакы“: „Уже бо Бѣда его пасеть птиць подь облакы“ (Слово о полку Игореве. Изд. „Учебная библиотека“, СПб., 1891, стр. 3, 33).

⁵ И. Козловский. Палеографические особенности погибшей рукописи Слов. о полку Игореве. М., 1890, отд. отг. из „Древностей“ Моск. археол. общ., стр. 10.

ственность домыслов А. Югова о значении слова „дивь“ в Слове о полку Игореве.¹

Передавая свой оригинал, автор Задонщины заменил некоторые архаизмы Слова: так, вместо „льбо“ он ставит „лучше,“ вместо „позрим“ — „посмотрим“, вм. „ущекотал“ — „выщекотал“, „възлелей“ — „прилелей“ и т. п. Передача некоторых слов Софонией помогает разрешать спорные вопросы перевода Слова о полку Игореве на современный язык. Недавно, например, подвергся пересмотру вопрос о значении слова „кикахуть“ („Тогда по Руской земли рѣтко ратаевѣ кикахуть...“). Н. Дылевский² обстоятельно опроверг предложенное Г. А. Ильинским сближение „кикахуть“ с украинским „кичувати“ — корчевать,³ приведя данные в пользу обычного перевода (ср. „покрикивали“ в переводе академика А. С. Орлова).⁴ Среди этих данных, однако, отсутствует ссылка на Задонщину, где данному эпизоду соответствует свободная передача его Софонией: „ни ратаи ни пастуси не кличут“. Пересматривая вопрос о переводе слова „потрепати“ („а злата и сребра ни мало того потрепати“), Н. Дылевский присоединяется к тем переводчикам Слова, которые „потрепати“ передают через „трогать, держать, осязать“ — ср. в переводе академика А. С. Орлова: „а золота и серебра [и в руках] даже не подержать“.⁵ В примечании автор статьи ссылается на текст Сказания о Мамаевом побоище. Но в данном случае Сказание цитирует Задонщину, где образ, взятый из плача жен русских Слова, использован в плаче разгромленных татар: „Уже нам, братие, в земли своеи не бывати, а дѣтеи своих не видати, а катунь своих не трепати...“

Настоящая работа (реконструированный текст Задонщины, с предисловием) была уже сдана в печать, когда появились два исследования: одно — специально посвященное Задонщине, другое — касающееся этого памятника в ряду произведений „Московской литературы“.

Исследование проф. В. Ф. Ржиги „Слово Софония рязанца о Куликовский битве“ („Задонщина“) с приложением текста Слова Софония и 28 снимков с текста по рукописям Гос. Исторического музея XVI в.⁶

¹ Слово о полку Игореве. Перевод и комментарии Алексея Югова. Изд. „Советский писатель“, М., 1945, стр. 117—118.

² „Ратаевѣ кикахуть“ и „а злата и сребра ни мало того потрепати“. — Годишник на Софийския университет. Историко-филологически факултет, т. XI, II, 1945/46, отд. отт., стр. 4—8.

³ Slavia, VIII, 1929—1930, стр. 654 и сл.

⁴ Назв. изд., стр. 81.

⁵ Там же, стр. 81.

⁶ Ученые записки Гос. Московского педагогического института им. В. И. Ленина, т. XI, III, М., 1947, 99 стр.

по существу не расходится с моим выводом о соотношении сохранившихся списков Задонщины. Называя „краткой“ редакцией текст, представленный Кирилло-Белозерским списком, а „пространной“ — тип, читающийся в остальных четырех списках, В. Ф. Ржига, однако, признает, как и я, что „обе редакции Слова о Куликовской битве восходят к одному оригиналу, который имел пространный характер, и краткая редакция, таким образом, получилась в результате ссращения“ (стр. 12).

С моей точки зрения лишь „краткая“ редакция — это, в сущности, не сознательная переработка „пространной“, хотя бы и путем сокращения последней, а запись, сделанная по памяти. Отсюда происходит путаница в расположении эпизодов, замена отрывка писания Софонии реминисценцией из Слова о гибели русской земли, совершенно свободный пересказ последнего плача, замена имени Димитрия Ивановича — Иваном Димитриевичем и т. д. Однако, как и В. Ф. Ржига, я вполне признаю ценность некоторых отдельных чтений Кирилло-Белозерского списка для восстановления первоначального текста Софонии.

Что касается объема этого первоначального текста, то, продолжая работу над его реконструкцией, я шла именно тем путем, который предлагает В. Ф. Ржига: „путем сопоставления краткой редакции (по Кир.-Бел. списку) с различными стадиями в литературной жизни пространной редакции, существовавшей, как известно, с начала XV в. по XVII в. и отразившейся не только в полных и неполных списках XVI и XVII вв., но и в тексте «Сказания о Мамаевом побоище»“ (стр. 38). Поэтому предлагаемая ниже реконструкция текста и отличается частично от первого опыта ее (сделанного мной еще в 1943 г., но напечатанного лишь в начале 1947 г.). Принципы, на которых основана эта „вторая редакция“ реконструированного текста, изложены мной в автореферате „Задонщина (к вопросу о реконструкции авторского текста)“.¹ В этой статье мной указано и на то, что недостаточная изученность „Летописной повести“ и „Сказания о Мамаевом побоище“ продолжает стоять на пути исследователя Задонщины. Ряд спорных вопросов состава авторского ее текста сможет быть решенным только после основательного пересмотра литературной истории всех трех повестей о Куликовской битве, в их взаимосвязях.

Задонщине уделил внимание член-корреспондент АН СССР М. Н. Тихомиров в книге „Древняя Москва (XII—XV вв.)“² в главе XVIII „Московское просвещение и литература“. Исследователь подчеркнул „московский характер“ Задонщины, который не противоречит соображениям о происхождении Софонии: был ли он брянским боярином или рязанцем,

¹ Известия АН СССР, Отделение литературы и языка, т. VI, 1947, № 2, стр. 95—100

² Изд. Моск. ордена Ленина Гос. университета им. М. В. Ломоносова. М., 1947, стр. 200—203.

он проявил „хорошую осведомленность... в московских делах... «сильный», «славный», «каменный» город Москва, быстрая река Москва стоят в центре внимания автора“.¹

М. Н. Тихомиров предлагает новые данные для датировки Задонщины. Упоминание в перечне городов, куда „шибла слава“ о Куликовской битве, Тырнова („ко Торнову“), завоеванного турками в 1393 г., показывает, по мнению исследователя, что „первоначальный текст Задонщины составлен был не позднее этого года“.² Вычисленную в Задонщине цифру — от битвы на Калке 6732 г. до Куликовской битвы 6888 г. — „160 лет“ М. Н. Тихомиров считает возможным рассматривать не как ошибку (160 вместо 156), а как „определенное датирующее указание на время составления памятника, относящееся к 1384 г.“.

4

В основе издаваемого текста частей Задонщины, входивших в авторский оригинал Софонии, лежит список Государственного Исторического музея № 2060, XVII в. (И 1). Исправления внесены в текст из списков К-Б, У, С, И 2, Ж (см. характеристику этих списков в предисловии к изданию второй редакции Задонщины в т. V „Трудов ОДРЛ“, стр. 195—198). В орфографии допущены следующие упрощения, сравнительно с оригиналами: *юсы* и *йотированные буквы* передаются через *у, ю, а, я; i* заменяется *и; ou — у, ук — у; надстрочные написания* внесены в строку; титла раскрыты. Внесенные в текст И 1 исправления заключены в прямые скобки [].

Первая группа подстрочных примечаний содержит варианты к основной рукописи; ниже помещены эпизоды Слова о полку Игореве, отраженные в тексте Задонщины. Текст Слова дан в чтении академика А. С. Орлова („Слово о полку Игореве“. М.—Л., 1938; 2-е изд., 1946).³

¹ Изд. Моск. ордена Ленина Гос. университета им. М. В. Ломоносова, М., 1947, стр. 202.

² Там же, стр. 203.

³ Первый опыт восстановления авторского текста Софонии сделан был мною в 1943 г. и издан в приложении к статье „Слово о полку Игоревім і «Задонщина»“ (Радянське літературознавство, 7—8, Київ, 1947, стр. 179—186). В настоящем издании внесен ряд поправок к этому опыту: включен эпизод, описывающий бегство Мамай, в заглавие внесено имя автора, не переставлен эпизод „Черна земля...“; есть отличия и в отдельных чтениях. Текст предисловия, возможно также принадлежащего Софонии, издан при второй редакции Задонщины в т. V „Трудов ОДРЛ“.

I

¹¹ Слово о великом князе Дмитрее Ивановиче и о брате его князе Владимире Андрѣевиче.² Писание Софония старца рязанца³

⁴ Князь великий Дмитрей Ивановичъ с своим братом с княземъ Владимиром Андрѣевичем и своими воеводами были на пиру у Микулы Васильевича. Вѣдомо намъ, [братие милыи],⁵ [што де]⁶ у быстрого Дону царь Мамай пришел на Рускую землю, а идет к намъ в Залъскую (л. 170) землю. Пойдем, брате, тамо в полунощную страну, жребия Афетова, сына Ноева, от него же родися Русь [православная].⁷ Взыдем на горы Киевския и посмотрим [славнаго]⁸ Непра и посмотрим по всей земли Руской и отоля на восточную страну жребий Симов, сына Ноева, от него же родися Хиновя поганые, татаровя, бурсормановя.

Тъ бо на рекѣ на Каялѣ одолѣша родъ Афѣтов. И отоля Руская земля (л. 170 об.) сѣдитъ невесела, а от Калатъския рати до Мамаева побоища тугою и печалию покрывшася, плачущися, чады своя поминаю[чи].⁹ Князи и бояря и удалые люди, [оставимте]¹⁰ вся дома своя и богатество, жены и дѣти и скот, честь и славу мира сего [получити],¹¹ главы своя положи[ти]¹² за землю за Рускую и за вѣру християнскую. Собѣ¹³ бы чаем пороженных и вскормленных.¹⁴

(л. 171) Преже восписах жалость земли Руские и прочее, от кних приводя. Потом же списах жалость и похвалу великому князю Дмитрею Ивановичю и брату его князю Владимиру Одрѣевичю. Сидемся, братия и [друзыны]¹⁵ и сынове Рускии, составим слово к слову, возвѣселим Рускую землю и возвѣрзем печаль на восточную страну в Симов жребий и воздадим поганому Мамаю побѣду, (л. 171 об.) а великому князю Дмитрею Ивановичю похвалу и брату его князю Владимиру Андрѣевичю и рѣем таково слово.¹⁶

(л. 215 об.) Лутче бо [нам]¹¹¹ ест, братие, нача[ти]² повѣдати инѣми словесы о похвалных о нынешних повестех о³ полку [великого]⁴ князя Дмитрея Ивановича и брата его князя Владимира Одрѣевича, правнука святого великого князя Владимира киевскаго. Нача[ти]⁵ повѣдати по дѣлом

¹¹⁻² *Заглавие взято из списка У, где доб.: яко побѣдили супостата своего царя Мамаю* ²⁻³ *Доб. К-Б* ⁴⁻¹⁶ *Следующее предисловие приводится по сп. У с исправлениями по сп. С, Ж.* ⁵ *Так Ж; здесь брате* ⁶ *Доб. С; Ж доб. что* ⁷ *Так С, Ж; здесь преславная* ⁸ *Так С, Ж; здесь с равнаго* ⁹ *Исправляю: здесь поминаюты; Ж поминаю вы* ¹⁰ *Так Ж; здесь иже оставиша* ¹¹ *Так Ж; здесь получивши* ¹² *Исправляю; здесь, Ж положиша* ¹³⁻¹⁴ *Эта фраза остается неясной; Ж а собѣ бы чая пожженных* ¹⁵ *Так Ж; здесь друзи* ¹⁶ *И 1 рци того*

¹¹¹ *Доб. У* ² *Доб. У* ³ *Здесь от; С а* ⁴ *Доб. У* ⁵ *Здесь начаша; У начаша ти*

[и по былинам].⁶ Но [проразимся] мысл[ию]⁷ [по землям]⁸ и помянем первых лѣтъ времена и похвалим вѣща[го]⁹ [Бояна]¹⁰ гораздаго г[уд]ца¹¹ в Киевѣ. Тот [бо вѣщии Боянъ воскладая]¹² гораздыя своя персты на живыя струны и пояше княземъ рускимъ славы: перв[ому]¹³ великому князю киевскому Игорю Рюриковичу,¹⁴ великому князю Владимиру Святославичу,¹⁵ великому (л. 216) князю Ярославу Володимировичю.

¹⁶ [Похвалим]¹⁷ пѣсньми и гуслеными [буйнными]¹⁸ словесы и сего великого князя Дмитрея Ивановича и брата его князя Владимира Ондрѣевича правнука тѣхъ князеи, занеж [было]¹⁹ мужьств их и [желание]²⁰ за землю рускую и за вѣру крестьянскую.²¹

Сии бо князь великый Дмитрий Ивановичъ и брат его князь Владимир Ондрѣевичъ,²² истезавше²³ умъ свои крѣпостию и поостриша сердца своя мужством и наполнишася ратнаго духа и уставиша себе [храбрыя]²⁴ полькы в руской земли и помянуша прадѣда своего князя Владимира²⁵ киевскаго.

О жаворонокъ²⁶ птица, красныхъ дней утѣха, возлети под синии небеса, посмотри к сильному граду Москвѣ, воспой славу великому князю Дмитрию Ивановичу и брату его (л. 216 об.) князю Владимиру Ондрѣевичю. [Ци]²⁷ буря [соколи]²⁸ [зонесет]²⁹ из земли [Залѣския]³⁰ в поле половецкое.

[Кони рѣжут на Москвѣ],³¹ звенит слава³² по всей земли руской. Трубы трубят на Коломиѣ, в бубны бьют в Серпоховѣ, стоят стязи у Дону у великого на брезии. Звонят колоколы вечныя в великом Новѣ-

⁶ Так У; здесь погыбелю ⁷ Так У; здесь потрезвимся мыслыми ⁸ Здесь и земаями; У по землями ⁹ Так К-Б; здесь вѣща ¹⁰ Так К-Б; здесь боиа аго ¹¹ Так У, К-Б, С; здесь гдуца ¹² Так К-Б; здесь боюн воскладше ¹³ Так К-Б, У С; здесь первую славу ¹⁴ Так К-Б, У, С; здесь доб. 2 ¹⁵ Так К-Б, У, С; здесь доб. киевском третью ¹⁶ Здесь доб. и я же помяну Ефоня ерея резанца; У аз же помяну резанца Софония; С издеся помянем Софона резанца ¹⁷ Так С; здесь в похвалу; восхваляю У; восхваляя К-Б ¹⁸ Так К-Б, С; здесь и буяни; проп. У ¹⁹ Так К-Б; здесь отпало; отпало было С ²⁰ Так К-Б; здесь, У пѣние их и князем руским; князем руским С ²¹ Во всех списках доб. хронологическая выкладка: От калагьския рати до Мамаева побойща лет 160 (У 170; К-Б цифра проп.) ²² Так К-Б; доб. помялся богу и пречистей богородицы И 1, У, С ²³ Так У, С; здесь стяжав; ставше К-Б ²⁴ Так, У, С; здесь храмыни ²⁵ Так К-Б, У, С; здесь доб. Ондрѣевича ²⁶ Так К-Б; здесь, У, С доб. лѣтняя ²⁷ Так У; здесь цег; а чи С ²⁸ Так У; соколом С; здесь коли ²⁹ Так С; здесь, У снесет ³⁰ Так У, С; здесь залѣгьские ³¹ Так К-Б, С; здесь, У на Москвѣ кони рѣжут ³² Так К-Б, У, С; здесь доб. руская

Слово о пльку Игоревѣ...

Не лѣпо ли ны бяшеть, братие, начати старыми словесы трудныхъ повѣстий о пльку Игоревѣ... Начати же ся тѣи пѣсни по былинам... растѣкашется мыслию... по земли... Помышеть... пьрвыхъ временъ усобицѣ. Боян же... своя вѣщиа прѣсты на живая струны въскладше, они же сами княземъ славу рокотаху... старому Ярославу... Мстиславу... Романови...

за землю Русскую... истягну умъ крѣпостию своею и поостри сердца своего мужествомъ, наплънвився ратнаго духа, наведе своя храбрыя плькы... за землю Русскую...

городѣ, стоят [мужи]³³ новгородцы у святой Софѣи аркучи: Уже нам, братие, на пособе великому князю Дмитрию Ивановичу не поспѣть.

³⁴ Уже бо яко орлы слѣтѣшася [со всея полунощныя страны. То ти не орлы слѣтошася],³⁵ съѣхалися вси князи руския к великому князю Дмитрию Ивановичу и брату его князю Владимиру Ондрѣевичу аркучи им таково слово:³⁶ [Господине князь великыи, уже погании татарове на поля на наши наступають, а вотчину нашу у нас отнимають, стоятъ межю Дономъ и Днѣпромъ, на рицѣ на Мечѣ. И мы, господине, (л. 217) поидемъ за быструю рѣку Донъ, укупимъ землямъ диво, старымъ повѣсть, а младымъ память],³⁶ а храбрых [своих]³⁷ испытаем³⁸ за землю рускую и за вѣру крестьянскую.

И рече имъ князь великыи Дмитрий Иванович: Братья и князи руския, гнѣздо есмя великого князя Владимира киевскаго. Ни в обиди есмя были [по роженію³⁹ ни соколу],⁴⁰ ни кречету, ни черному ворону, ни поганому Мамаю.

○ соловей, лѣтняя птица, что бы ты, соловей, выщекотал⁴¹ [земли Литовской]⁴² дву братьев Олгердовичев, Ондреи да брат его Дмитрей Олгердовичев, да Дмитрей Волынскыи. Тѣ бо суть сынове храбрии, кречати в ратномъ времени, ведоми полководцы,⁴³ под трубами [повити]⁴⁴ и под шелома возлеліяны, [конецъ копія вскормлени]⁴⁵ в Литовской земли.

И молвяше Ондрѣи Олгердович брату своему Дмитрию:
(л. 217 об.) [Сама есма]⁴⁶ себѣ два брата [сынове Олгордовы],⁴⁷ а внуки есмя Едимантовы, [а правнуки есми Сколомендовы].⁴⁸ Изберем

³³ Так К-Б, У, С; здесь люди ³⁴ Так К-Б; здесь, У, С этот эпизод связан фразой и как слово изговаривая — с рассказом о выезде из Новгорода 70 000 войска на помощь великому князю ³⁵ Так К-Б; здесь, У, С сообщение о выезде новгородцев ³⁶⁻³⁶ Так К-Б; здесь, У, С эта речь разбита на две части и вторая ее часть приписана великому князю; К-Б описка — Чечѣ, исправляю согласно И 1, У ³⁷ Так У; здесь плечевъ ³⁸ Так К-Б, С; здесь, У доб. а рѣку Дон кровю пролем ³⁹ Доб. У ⁴⁰ Доб. К-Б ⁴¹ Так К-Б, С; здесь доб. великому князю Дмитрию Ивановичу из земли той всеи и; У доб. славу великому князю Дмитрию Ивановичу и брату его князю Владимиру Ондреевичу ⁴² Доб. У ⁴³ Здесь полководцы; У полководцы. ⁴⁴ Здесь, У проп.; К-Б поютъ; С нечистих; исправлено согласно Слову о полку Игореве ⁴⁵ Доб. К-Б; С испорчено: кочаны коней воскормлени; здесь, У проп.: К-Б доб.: на щитѣ рожены... с востраго меча поены; С доб. с коленных стрел воспорены. ⁴⁶ Так К-Б; здесь, У, С сами есми ⁴⁷ Доб. К-Б, У, С ⁴⁸ Доб. К-Б, У

Не буря соколы занесе чрез поля... комони ржуть за Сулою, звенить слава въ Киевѣ. Трубы трубятъ въ Новѣградѣ, стоятъ стязи въ Путивлѣ... у Дону великаго... аркучи... княже ми непособие... не худа гнѣзда... Ольгово хороброе гнѣздо, не было оно обидѣ порождено ни соколу, ни кречету, ни тебе, чрѣными воронѣ, поганцыи половчине... О Бояне, соловию... абы ты сиа плькы ущекотал... свивая славы... свѣдомыи кѣмета: под трубами повити, подъ шелома възлѣлѣяни, конецъ копія въскрмлени...

братью милую пановеи удалыи Литвы, храбрых удалцевъ, и сами сядем на борзья своя комони, посмотримъ быстрого Дону, [испиемъ, брате, шеломомъ своимъ воды быстрого Дону],⁴⁹ испытаем мечевъ своих литовскихъ о шелома татарския, сулицъ немецкихъ о⁵⁰ баиданы бесерменьския.

И рече ему Дмитрей: Брате Ондри, не пощадим живота своего [за землю за рускую и за вѣру крестьянскую]⁵¹ и за обиду великого князя Дмитрия Ивановича. Уже бо, брате, стук стучить, громъ гримит в каменѣ градѣ Москвѣ. [То ти, брате, не стукъ стучить, ни гром гремит],⁵² стучить сильная рат великого князя [Дмитрия Ивановича],⁵³ гремят удалцы руския золочеными доспехы, черлеными щиты. Седлаи, брате Ондри, свои борзьи комони, а мои готовы, [напреди твоих осѣдлани].⁵⁴ [Выедем],⁵⁵ брате, на чистое поле, посмотримъ своих польковъ.⁵⁶

Уже [бо]⁵⁷ возвеша силнии вѣтри (л. 218) [с моря]⁵⁸ на усть Дону и Непра, прилѣвѣяша⁵⁹ великиа тучи⁶⁰ на Рускую землю, из них выступают кровавыя зори, и в нихъ трепещуть [синие]⁶¹ молнии. Быти стуку [и грому]⁶² велику на рѣчки Направдѣ меж Дономъ и Непром, пасти трупы челоувѣчю на полѣ Куликовѣ, пролитис кровѣ на рѣчки Направдѣ.

Уже бо въскрипѣли телегы меж Дономъ и Непромъ, идут хинове в Рускую землю. И притекоша сѣрые волцы от усть Дону и Непра, ставъши [воюют]⁶³ на рецы на Мечи, хотят наступати на рускую землю. То ти [были]⁶⁴ не сѣрые волцы, но приидоша погании татарове, [пройти]⁶⁵ хотят воюючи [всю]⁶⁶ Рускую землю.⁶⁷

Тогда гуси возгоготаша на рѣчки на Мечи, лебеди крылы [въсплескаша].⁶⁸ То ти⁶⁹ ни гуси возгоготаша, [ни лебеди крылы въсплескаша],⁷⁰

⁴⁹ Так К-Б; сопием шеломом воды С; проп. У; здесь изобьем шелома мечи

⁵⁰ Доб. У, С ⁵¹ Так У, С; проп. К-Б; здесь за крестьяны ⁵² Доб. К-Б, С

⁵³ Доб. К-Б, С; великого князя Дмитрея Ивановича и брата его князя Владимера Андреевича У ⁵⁴ Доб. К-Б ⁵⁵ Доб. У, С ⁵⁶ Здесь, У, С доб. счет литовского войска: толко, брате, князь Дмитрей, с нами храбрые Литвы 70 000; К-Б нет всего эпизода, начиная со слова „выедем...“

⁵⁷ Так К-Б; здесь, У, С брате

⁵⁸ Так К-Б; здесь, У по морю ⁵⁹ Так К-Б, У; здесь прилѣвѣяшася ⁶⁰ Так У; здесь доб. по морю

⁶¹ Так К-Б; здесь У, С синии ⁶² Доб. К-Б ⁶³ Так К-Б, У, С; здесь воюют

⁶⁴ Так К-Б, У; здесь было ⁶⁵ Так К-Б, У, С; здесь прийти.

⁶⁶ Так К-Б, У; здесь в ⁶⁷ Так К-Б, У, С; здесь доб. погании татарове

⁶⁸ Так К-Б, У, С; здесь въсплескаша ⁶⁹ Доб. К-Б ⁷⁰ Доб. К-Б

оба есвъ Святъславлячя... а всядемъ, братие, на свои бързья комони, да позримъ синего Дону... испити шеломомъ Дону... о шелома половецкыя... сулицы... за обиду сего времени... гримют сабли о шелома... чрълеными щиты... Сѣдлаи, брате, свои бързьи комони... а мои ти готови, осѣдлани у Курьска напреди... и поѣха по чистому полю... се вѣтри... вѣють съ моря стрѣлами... кровавыя зори свѣтъ повѣдают... чръныя тучи съ моря идуть, а въ нихъ трепещуть синии мълнии... Быти грому великому... кричать тѣлѣгы...

но поганьи Мамай на Рускую землю пришел, а [вои]⁷¹ своя привел. А уже беды их [пасоша]⁷² птица⁷³ крилати под облакы (л. 218 об.) летаютъ, ворони [часто]⁷⁴ грають, а галицы своею рѣчью говорятъ, орлы [восклегчють],⁷⁵ а волци грозно [воють],⁷⁶ а лисицы на кости брешут. Руская земля, то ти ест как за Соломономъ царемъ [побывала].⁷⁷

А уже соколы и [кречати],⁷⁸ белозерския ястребы рвахуся от золатых колодец ис каменнаго града Москвы, возлетѣша под синии небеса, возгремѣша золочеными колоколы на быстром Дону, [хотят ударити на многіе стады гусинья и на лебединыя, а богатыри руския удалцы хотят ударити на великия силы поганого царя Мамай].⁷⁹ Тогда князь великый вѣступи въ золотое стремя.⁸⁰ Солнце ему ясно на вѣстоцы сияеть, [пути повѣдаеть].⁸¹

Что [ми]⁸² шумит, что гримит рано пред зарями? Князь Владимиръ [Ондрѣвич полки]⁸³ уставливаеть и пребирает и ведет к Дону великому. И молвяше брату своему: Князь Дмитрей, не ослабляи, князь великый, татаромъ. [Уже бо]⁸⁴ поганьи поля наступают, отимають отчину нашу.

Рече ему (л. 219) князь [великый]⁸⁵ Дмитрей Иванович: Брате князь Владимире Ондрѣвич, сами себѣ есмя два брата, воеводы у насъ уставлены,⁸⁶ дружина нам свѣдома, имѣемъ под собою борзья комони, а на себѣ золоченыя доспѣхы, а шеломя черкасьскіе, а щиты московсьскіе, а сулицы [немѣцкыи],⁸⁷ а [копии фряжскыи],⁸⁸ мечи булатныя,

⁷¹ Так К-Б; здесь, У, С воеводы ⁷² Так У; пасушеса К-Б; пашутся С; здесь пловуше ⁷³ Так К-Б, У, С; здесь доб. их ⁷⁴ Доб. У, С ⁷⁵ Так К-Б; здесь крилати въсплещут. ⁷⁶ Так К-Б, У, С; здесь воють ⁷⁷ Так У; здесь побывало ⁷⁸ Доб. К-Б, С ⁷⁹ Доб. С; с этим добавлением описание соколиной охоты цитируется и в сказании третьей редакции ⁸⁰ Здесь, У, С доб.: взем свой меч в правую руку свою. помоляся богу и пресвятии богородицы; К-Б упоминания о молитве нет; в списках Сказания нет всей фразы — о мече и молитве ⁸¹ Доб. К-Б, У, С. Во всех списках дальше доб.: а Борис и Глѣбъ молитву воздает за сродники; Сказание опускает эту вставку ⁸² Восстанавливает А. Смирнов из испорченного чтения С што пишут, в котором он предполагает недописанное што ми шумит — 3-й список Задонщины, Варшава, 1890, стр. 14, прим. 36. ⁸³ Так К-Б, У; С полки; здесь пакы ⁸⁴ Доб. У, С; уже К-Б ⁸⁵ Доб. У, С ⁸⁶ Здесь, У, С следует перечень воевод; вторичность в тексте этого эпизода доказывается тем, что после него снова переписана предшествующая ему фраза: воеводы у нас уставлены; К-Б опущена вся речь великого князя ⁸⁷ Так У, С; здесь ординские ⁸⁸ кофьи фряжскыи С; кинжалы фряжскыи У; здесь чары фряжскыи; исправлено по „Поведанию и сказанию“ типа текста, изданного И. Снегиревым

въсплескала лебедиными крылы... Игорь къ Дону вои ведеть... избивая гуси и лебеди... Уже бо бѣды его пасеть птиць по дубию; влди гроу всерожать... орли клектомъ на кости звѣри зовуть; лисицы брешуть на чрѣленья щиты... а галицы свою рѣчь говорятъ... О Руская земля! уже за шеломянемъ еси. Тогда вѣступи Игорь князь въ златъ стремя... солнце ему тьмоу путь заступаше... свет поведает... Что ми шумит, что ми звенитъ далече рано предъ зорями. Игорь палькы заворочаетъ... къ Дону вои ведеть... къ Дону великому...

[а дороги нам сведомо],⁸⁹ а перевозы имъ изготовлены, но еще хотят силно главы своя положити за вѣру крестьянскую. Пашут бо ся хорюгове, ищут себе чести и славнаго имени.

Уже [бо]⁹⁰ тѣ соколѣ и кречеты, [белозерскыя ястреби⁹¹ борзо]⁹² за Дон [перелѣтѣли и ударилися о многие стада гусиныя и лѣбѣдинныя. То ти]⁹³ наѣхали рустии сынове (л. 219 об.) на сильную рат татарьскую, ударишас копи [харалужными]⁹⁴ о доспехы татарскыя, възгремѣли мечи булатныя о шеломы хиновскыя на полѣ Куликовѣ на рѣчки Направдѣ.

⁹⁵ Черна земля под копыты, костью татарскими поля [насыяны],⁹⁶ а ⁹⁷ кровью [полиано].⁹⁸ Силнии полкы съступалися вмѣсто, протопташа холми и лугы, [возмутишася]⁹⁹ реки и езера, кликнуло диво в Руской земли, велит послушати рожнымъ¹⁰⁰ землям, шибла слава к Желѣзнымъ вратом, к Риму и к Кафы по морю и к Торнаву, и оттоле к Царюграду, на похвалу. Русь великая одолѣша Мамаю на полѣ Куликовѣ.¹⁰¹

Тогда бо силнии тучи съступалися вмѣсто, [а из них часто сияли]¹⁰¹ молнии, громи гремѣли величѣ. То ти съступалися рускии сынове с погаными татары за свою обиду. А в них сияють доспех[и]² золочены[е],³ гремѣли князи рускиа мечи [булатными]⁴ о шеломы хиновскыя.⁵

⁸⁹ Так С; здесь и молвяше: поганыи путь имъ знаемъ вельми; К-Б, У проп.

⁹⁰ Так У, С; здесь бѣ ⁹¹ Доб. К-Б, С ⁹² Доб. К-Б, У ⁹³ Так К-Б, У, С; гусиныя восстановлено по К-Б, где гуся, а в С силныя, У это слово проп.; здесь вместо всей фразы перевезали и ⁹⁴ Так К-Б; фарлужными У; здесь хараужничными ⁹⁵⁻¹⁰¹ Списки Сказания о Мамаевом побоище 3-й редакции поместили этот эпизод в описание радости русских после разгрома Мамаю; такое размещение находим и в списке Оболенского 70 (93), содержащемъ большую вставку из Задонщины (изд. С. Шамбинаго. Повести о Мамаевом побоище. СПб., 1906, стр. 117). Однако говорить с уверенностью, что и Софония рязанец там же поместил этот эпизод, мешает то, что предыдущий эпизод Задонщины сделан по тексту того самого описания боя русских с половцами, которое в Слове непосредственно предшествует отрывку „Черна земля...“ Не исключена поэтому возможность, что перенос эпизода в конец повести о Куликовской битве сделан уже редактором Сказания. ⁹⁶ Так К-Б; здесь, У насыяша ⁹⁷ Доб. У ⁹⁸ Так К-Б, здесь земля пролита; У земля пролита бысть ⁹⁹ Так У, С; здесь възмутис ¹⁰⁰ Так К-Б; здесь грознымъ; С грозна

¹⁰¹ Так У, С; здесь силнии ² Так У, С; здесь м ³ Так У, С; здесь ыми ⁴ Доб. У, С ⁵ Здесь, У, С доб. относящееся ко второй редакции календарное указание: Из утра билися до полудни в субботу на рожество святых богородицы

оба есѣ Святъславлячя... свѣдоми... борзѣя комони... шеломы... сулицы... мечи... пути имъ вѣдоми... хошу главу свою приложити... ищучи себе чти а князю славѣ... ни соколу ни кречету... избивая гуси и лебеди... гримлють сабли о шеломы, трещать коня харалужныя в полѣ незнаемѣ... гремѣше о шеломы мечи харалужными... чрѣна земля подъ копыты костью была посѣяна а кровию поляна... башеть притрепаль своими сильными плькы... наступи на землю Половецкую, притопта хльми и яругы; взмути рѣкы и озеры... воють славу Святъславлю... Дивъ кличеть вѣрху древа, велитъ послушати земля незнаемѣ поморю...

(л. 220) Не тури [возрыкають]⁶ на полѣ Куликовѣ побѣдени у Дону великого, взопаша⁷ посечены князи рускыя [и бояры]⁸ и воеводы великого князя и князи белозерстии, посечени от поганых татар: Федор Семеновичъ, Тимофѣи Волуевич, Семен Михайлович, Микула Васильевич, Ондрѣи Сер[к]изович,⁹ [Михайло]¹⁰ Иванович и иная [многая дружина],¹¹ а иные лежат посечены у Дону на брези.

Черньца Пересвѣта [бранского боярина привели на судное место. Говорит Пересвет чернец]¹² великому князю Дмитрию Ивановичу: [луче бы нам потятым быть, нежели]¹³ полоняным [быть]¹⁴ от поганых. Тако бо Пересвѣт поскакивает на борзе кони, [свистомъ поля перегороди],¹⁵ а злаченным доспѣхом посвѣчива[ет].¹⁶ [И рече]:¹⁷ Добро бы, брате, в то время стару помолодится, а [молодому чести добыти],¹⁸ удалым плечь попытати. И молвяше брат его Ослабе черънецъ: Брате Пересвѣт, [уже]¹⁹ вижу на тѣли твоем раны [тяжкие],²⁰ уже головѣ твоеи летѣти на траву ковыл, а чаду моему Якову (л. 220 об.) на ковыли [зеленѣ]²¹ лежати на поли Куликовѣ за вѣру христьянскую и за обиду великого князя Дмитрия Ивановича.

В то время по резанской земли около Дону [ни ратаи]²² ни пастуси [не]²³ кличут, но [часто]²⁴ воронѣ грають, [зогици кокують]²⁵ трупы ради человекскаго. Грозно бо бѣше и жалостно тогда [видети],²⁶ зане трава кровью пролита, а дрѣвеса [тугою к земли]²⁷ преклонишася.

Въспѣли бѣше птицы жалостные пѣсни, вси въсплакались [кнегини и]²⁸ боярыни и²⁹ воеводины жены о²⁹ избьенныхъ. Микулина жена Василевича да Марья Дмитриева рано плакашася у Москвы [града]³⁰ на забралах аркучи: Доне, Доне, быстрая рѣка, [ты]³¹ [пробил]³² еси горы каменные, течеши в землю [половецкую],³³ прилилѣи моего государя къ мнѣ Микулу Васильевича.

⁶ Так К-Б; здесь, У возгремѣли; возрули С ⁷ Так К-Б; здесь, У то ти не тури побежени ⁸ Доб. У ⁹ Так У, С; здесь п ¹⁰ Так С; здесь Микула ¹¹ Доб. К-Б, У, С. Последняя фраза — „а иные...“ в списках И 1, У ошибочно помещена после рассказа о Пересвете; переписчик И 1 заметил эту ошибку и против слова иная на полях поставил крестик, обозначающий пропуск ¹² Доб. У, С ¹³ Так У; здесь посеченным пасти, а не; С нам, господине, посеченым быти, нижали ¹⁴ так С; здесь въспѣти. ¹⁵ Доб. К-Б ¹⁶ Так У; здесь ше ¹⁷ Доб. С ¹⁸ Доб. С. ¹⁹ Доб. К-Б ²⁰ Доб. К-Б; великие У; многия С ²¹ Так У, С; здесь землине ²² Доб. У, С ²³ Доб. К-Б, У, С ²⁴ Так К-Б, С; здесь, У однѣ ²⁵ Доб. К-Б ²⁶ Так С; здесь, У слышати ²⁷ Так У, И, 2; здесь к земли тугою ²⁸ Так У, С, И, 2; здесь кнеи ²⁹ Доб. У, И 2 ³⁰ Так У, С, И 2; здесь берега ³¹ Доб. У ³² Так К-Б; здесь прирыла; У, С, И 2 прорыла ³³ Так К-Б, У, С, И 2; здесь повецкую

гремлеши о шеломи мечи харалужными... не ваю ли храбрая дружина рыкають акы тури ранены саблями калеными на полѣ незнаемѣ. Бориса же Вячеславича слава на судъ приведе... луце ж бы потяту быти, неже полонену быти... скочи къ граду... кликом поля прегородиша... златым шеломом посвечивая... а чи диво ся, братие, стару помолодити... и на ковылу зелену паполому постла... на кроваве траве притрепан... по ковыляю развѣя...

Тимофѣва жена Волуевича Федосья так плакася аркучи: [Се]³⁴ уже веселе [мое]³⁵ пониче въ славнѣ гради Москвѣ, уже [бо]³⁶ не вижу своего государя Тимофея Волуевича в животь.

Да Ондрѣва жена Марья (л. 221) да Михайлова [жена]³⁷ Оксѣнья рано плакашася: Се уже нам обема солнце померк[ло]³⁸ [въ]³⁹ славнѣ гради Москвѣ. Припахнули к нам от быстрого Дону поломяныя⁴⁰ вѣсти, носяще⁴¹ великую беду. Выседоша [русские]⁴² удалцы в борзыхъ коней на судное мѣсто на полѣ Куликовѣ. А уже диво кличетъ под саблями татарскими, [а тѣм рускымъ богатырем под ранами].⁴³

Туту щурове рано въспѣли жалостныя пѣсни у Коломны [города]⁴⁴ на забралах.⁴⁵ То ти было не щурове рано въспѣша жалостныя пѣсни, всѣ въсплакалися жены коломенскыя, [аркучи таково слово]:⁴⁶ Москва, Москва, быстрая рѣка, чему еси у нас мужи наши залелѣяла в землю половецкую? Аркучи: Можеш ли, господине князь великыи, веслы Непра [зоградити],⁴⁷ а Дон [шеломы]⁴⁸ вычерпати, а Мечю трупы татарскими запрудити? Замъкни, князь великыи, [Оке реке]⁴⁹ ворота, чтобы потомъ поганые к намъ (л. 221 об.) не вѣздили, уже бо мужи наши рати трудили.⁵⁰

И нукнувъ князь Владимиръ [Андрѣевич с правыя руки на по[га]-ного Мамаю с своимъ князьмъ Волянскимъ 70-ю тысящами],⁵¹ гораздо скакаше по рати поганымъ, златымъ шеломомъ посвѣчиваше. Гремят мечи булатныя о шеломы хыновскыя. [И]⁵² въсхва[л]ит]⁵³ брата своего: Брате, князь Дмитрей, [то ты]⁵⁴ еси у зла [тошна]⁵⁵ времени желѣзная забрала. Не уставай, князь,⁵⁶ с своими великими полкы, не потакай

³⁴ Доб. У, И 2 ³⁵ Доб. У, С, И 2 ³⁶ Доб. И 2 ³⁷ Доб. У ³⁸ Так У, С, И 2; здесь не ³⁹ Так У, С, И 2; здесь на ⁴⁰ Так У, С, И 2; здесь н ⁴¹ Так У, С, И 2; здесь у ⁴² Доб. И 2 ⁴³ Доб. И 2; а тѣм *богатырем слава и честь и вѣ[на]я память от бога милость С ⁴⁴ Доб. С ⁴⁵ Так У; здесь, С доб. на воскресение на Акима и Аннинъ день ⁴⁶ Доб. И 2; С доб. и рекучи тако ⁴⁷ Так С; здесь запрудити ⁴⁸ Так С, И 2; здесь шлемомъ ⁴⁹ Так У; Оки И 2; отчин С; здесь от сих ⁵⁰ Здесь, У, С, И 2 доб. хронологическая справка: того день святая богородица исѣвоша христьяне поганыя полкы на полѣ Куликовѣ на рѣчки Направдѣ; И 2 эта выкладка отнесена к предыдущему эпизоду. ⁵¹ Доб. И 2; У, С доб. Андреевич. ⁵² Доб. У, С, И 2 ⁵³ Так У, С, И 2; здесь я ⁵⁴ Так С; здесь что ти ест; то И 2 ⁵⁵ Доб. У, С, И 2 ⁵⁶ Во всех списках ошибочно доб. великыи, хотя великий князь в действиях засадного полка не участвовал, и речь идет о Дмитрии Волынском, женатом на сестре великого князя, поэтому обращение к нему „брат“ возможно

Тогда по Руской земли рѣтко ратаевѣ кихахуть, но часто врани граяхуть, трупиа сбѣѣ дѣляче... земля... кровью поляна... ничить трава жалощами, а древо с тугою къ земли преклонилось... везגיעю кычегъ... жены Рускыя... въсплакашася... Ярославна рано плачет... на забрале аркучи: О Днепре Словутицю! Ты пробил еси каменныя горы сквозѣ землю Половецкую... Възлелѣй, господине, мою ладу къ мнѣ... Веселие пониче... А ѣуже не вижду... брата моего... два солнца помѣркости... ту Игорь князь высѣдѣ изъ сѣдла злата, а въ сѣдло кошиево... Се у Римѣ кричатъ подъ саблями Половецкыи, а Володимеръ подъ ранами... Дивъ кличетъ връху древа... на забрале... ты бо можеш Волгу веслы раскропити, а Донъ шеломы выльяти... затворивъ Дунаю ворота...

[лихим]⁵⁷ крамолником, [уже бо]⁵⁸ поганья поля наша наступают, а храбрую дружину [у нас стрѣляли].⁵⁹ Уже бо, брате, жалостно видѣти крови крестьянской.⁶⁰

Рече князь [Дмитрий]⁶¹ своим бояромъ: Братья бояре и воеводы, дѣти боярскыя! то ти, братие, [не наши]⁶² московскыя сластныя меды и великия мѣста. [Туту добудете себѣ мѣста и]⁶³ своим женам. Туту стару помолодится, а молоду чти добыти.

И тогда яко [соколи]⁶⁴ отлетѣша на быстрыи Донъ. То тѣ не [соколи]⁶⁵ полетѣша за быстрыи Донъ, поскакивает князь [Дмитрий]⁶⁶ с своими полкы за Дон съ всею силою. [И рече].⁶⁷ Брате князе Владимиру, туту испити медвеная чаша [поведеныя].⁶⁸ Наступаемъ, брате, с своими сильными полкы на рат поганых.

Тогда князь⁶⁹ поля наступает. Гремят мечи [булатные]⁷⁰ о шеломы хиновскыя, поганьи покрыва руками главы своа. Тогда погании [боръзо вспять]⁷¹ отступиша от князя. [Стязи]⁷² ревутъ, а⁷³ поганьи бежать. Руский сынове поля широкия кликом огородиша, золочеными [доспѣхи]⁷⁴ осветиша. (л. 222 об.) [Уже бо]⁷⁵ вѣсталь туръ [на боронь].⁷⁶

Тогда князь⁷⁷ полки⁷⁸ поганых [вспять]⁷⁹ поворотил и [нача их бити гораздо],⁸⁰ тоску имъ подаваше. Князи их [падоша]⁸¹ с коней.⁸² Трупы татарскими поля насѣяша, а кровию протекли рѣкы. Туту ся погании разлучишася боръзо, розно побѣгши неуготованными дорогами в лукоморье, а скрегчюще зубы своими и дерущи лица своа, аркучи: Уже нам, братие, в земли своеи не бывати, а дѣтеи своихъ не выдати, [а катуны своих не трепати, а целовати нам зелена мурава],⁸³ а в Русь ратью не ходити, а выхода нам у рускихъ князей не прашивати.

⁵⁷ Доб. И 2. ⁵⁸ Так У; уже И 2; здесь поганья бо ⁵⁹ Так И 2; здесь теряли

⁶⁰ Так У; здесь, С, И 2 повторено: не уставаи, князь великыи, съ своими бояры

⁶¹ Во всех списках снова назван ошибочно великий князь Дмитрий Иванович

⁶² так С; здесь ваши; И 2 вам ⁶³ Так У; здесь себѣ; И 2 туту, братие, себѣ; С сво-

бодно пересказывает весь эпизод ⁶⁴ Так И 2; здесь орлы ⁶⁵ Так И 2, У; здесь

орль ⁶⁶ во всех списках князь великий Дмитрий Иванович ⁶⁷ Доб. У ⁶⁸ Доб. И 2

⁶⁹ Везде доб. великий ⁷⁰ Доб. У, И 2 ⁷¹ Так И 2; борзо вся У; здесь назад

⁷² Так У, И 2; здесь князю ⁷³ Так У; здесь, И 2 доб. отступишася от великого

князя ⁷⁴ Так У, И 2; здесь шлемы ⁷⁵ Доб. У; уже И 2 ⁷⁶ Так И 2; на обо-

рѣ У; здесь оборень ⁷⁷ Здесь доб. великыи; У, И 2 доб. великыи Дмитрий Ива-

н ич и брат его князь Володимир Андреевич. ⁷⁸ Доб. У, И 2 ⁷⁹ Так И 2, У;

здесь назад; здесь, И 2 доб. победил ⁸⁰ Так И 2; здесь гораздо на них и бьет горко;

У и нача их бусорманов бити и сечи гораздо без милости ⁸¹ Так У; спадоша И 2;

здесь падошася ⁸² Так И 2; здесь доб. к земли; У доб. загремели ⁸³ Доб. И 2.

камо, тур, поскачаше, своим златым шеломомъ посвѣчивая... стязи глаголютъ... яр туръ... стоиши на борони... тоска разляися... посѣяни костыи руских сынов...

А Половци неготовами дорогами побѣгоша къ Дону великому... изъ луку моря... Ту ся брата разлучиста... аркучи: Уже намъ своихъ милыхъ ладъ ни мыслию смыслили... а злата и сребра ни мало того потрепати...

А уже бо вѣстона⁸¹ земля татарская, бедами и тугою покрываша. Уныша бо царемъ их хотѣние и похвала на Рускую землю ходити, веселие их пониче. Уже руския сынове разграбиша татарская узорочья, доспехи и кони, волю и велблуды, вино, сахаръ, дорогое узорочье, камкы, насычеве (л. 223) везут женам своимъ. Уже жены руския всплескаша татарскимъ златомъ. Уже [бо по]⁸⁵ Руской земли простресе веселье и [буйство]⁸⁶ и възнесся слава руская на поганых хулу. Уже вержено диво на землю. Уже грозы великого князя по всей земли текутъ. Стрѣлай, князь великий, по всѣмъ землям. Стрѣлай, князь великий, с своею храброю дружиною поганого Мамайа хиновина за землю Рускую за вѣру христьянскую. [Уже]⁸⁷ поганы[e]⁸⁸ оружие свое поверъгоша, [а]⁸⁹ главы своя⁹⁰ подклониша подъ мечи руския. Трубы ихъ не трубятъ, уныша [гласи ихъ].⁹¹

И отскочи [поганый]⁹² Мамай сѣрым волком от своя дружины и притече к Кафы граду. И молвише ему фрязове: чему ти, поганый Мамай, [посыгаешь]⁹³ на Рускую землю? То ти была орда Залѣская, времена первыи. А не быти тебѣ в Батыя царя. [У Батыя царя было]⁹⁴ 400 000 вою, воевалъ всю Рускую землю и плѣнил от востока и до запада. А казнилъ богъ Рускую землю за сѣгрешение. И ты пришелъ [царь]⁹⁵ Мамаи на Рускую землю съ многими силами, съ девяти ордами, съ 70 князьми. А ныне бежишь самъ девять в лукоморье, [не с кем тебѣ зимы зимовати в полѣ. Нѣшто тобя князи руския гораздо подчивали, ни]⁹⁶ князеи с тобою нѣтъ ни воеводъ? Нѣшто гораздо упилися на полѣ Куликовѣ на травѣ ковыли? Побежи, поганый Мамай, и от насъ по Задлѣшью.⁹⁷

⁸⁴ Так У; здесь вѣстонала ⁸⁵ Доб. У ⁸⁶ Доб. У ⁸⁷ Так У; здесь у
⁸⁸ Так У; здесь хъ ⁸⁹ Доб. У ⁹⁰ Так У; здесь доб. и ⁹¹ Так У; здесь по-
вторено бо царемъ ихъ хотѣние ⁹² Доб. У ⁹³ Доб. У ⁹⁴ Так У; здесь царь
Батыи былъ. ⁹⁵ Так У; здесь князь ⁹⁶ Так У; здесь в поле тобя князи руския
гораздо упилися и ⁹⁷ Вероятно испорченное Залесью.

А вѣстона бо, братие, Киевъ тугою, а Черниговъ напастями... Уныша бо градомъ забралы, а веселие пониче... всякими узорочьи... готьскыи красныя дѣвы... звоня Рускымъ златомъ... По Руской земли прострочася половци... и великое буйство подаста Хинову (ср. хотя птицю въ буйствѣ одолѣти)... Уже снесся хула на хвалу... уже врѣжеса Дивъ на землю... Грозы твоя по землямъ текутъ... Стреляй, господине, Кончака, поганого кощея, за землю Рускую... сулицы своя поверъгоша, а главы своя подклониша подъ твѣ мечи харалужныи... Трубы трубятъ... уныли голося, пониче веселие... Всеславъ... скочи от ныхъ лютымъ звѣремъ... скочи вълкомъ до Немиги... вълкомъ рыскаше... Игорь... скочи съ него бусымъ вълкомъ... Владѣт-
ль вълкомъ по се...

II

1. КИРИЛЛО-БЕЛОЗЕРСКИЙ СПИСОК¹

Писание Софониа старца рязанца благослови отче: Задонщина великого князя господина Дмитрия Ивановича и брата его князя Володимера Ондръевича

Поидемъ, брате, в полуночную стра(л. 122 об.)ну жребии Афетову сына Ноева, от него же родися Русь преславная. Оттоле взыдемъ на горы киевскыя. Первѣе всѣхъ вшедъ восхвалимъ вѣщаго го Бояна в городъ в Киевѣ, гораздо гудца. Той бо вѣщии Боянъ воскладая свои златыя персты на живыя струны, пояше славу русскимъ княземъ, первому князю Рюрику, Игорю Рюриковичю и Святославу Ярославичю Ярославу Володимеровичю, восхваляя ихъ пѣсми и гуслеными буиными словесы на рускаго господина князя Дмитриа Ивановича и брата его князя Володимера Ондръ(л. 123)евича, занеже ихъ было мужество и желание за землю русьскую и за вѣру христианскую.

От тоя рати и до Мамаева побоища.

Се азъ князь великый Дмитрии Иванович и братъ его князь Володимеръ Ондръевич поостриша сердца свои мужеству, ставше своею крѣпостью, помянувше прадѣда князя Володимера киевскаго, царя рускаго.

Жаворонокъ птица, въ красныя дни утѣха, взыди под синие облакы, пой славу великому князю Дмитрею Ивановичю и брату его Володимеру Ондръевичю. Они бо взнялися какъ соколи со (л. 123 об.) земли рускыя на поля половецкия.

Кони ржутъ на Москвѣ, бубны бьютъ на Коломнѣ, трубы трубятъ в Серпуховѣ, звенить слава по всей земли русьской, чудно стязи стоятъ у Дону великого, пашутся хоригови берчати, свѣтятся калантыри зачены, звонят колоколи вѣчнии в великом в Новѣгородѣ. Стоять мужи наугородци у святыя Софии аркучи такову жалобу. Уже намъ, брате, к великому князю Дмитрею Ивановичю на пособъ не поспѣти.

Тогда аки орли слѣтошася со всея полунощныя страны. То ти (л. 124) не орли слѣтошася, сѣхалися всѣ князи рускыя к великому князю Дмитрию Ивановичю на пособъ, аркучи такъ: господине князь великый, уже поганый татарове на поля на наши наступаютъ, а вотчину нашу у нас отнимають, стоятъ межю Дономъ и Днѣпромъ, на рицѣ на Чечѣ. И мы, господине, поидемъ за быструю рѣку Донъ, укупимъ землямъ диво, старымъ повѣсть, а младымъ память.

Тако рече князь великый Дмитрие Иванович своей братии русскимъ княземъ: братъеца моя милая, русские князи, гнѣздо есмя были (л. 124 об.) едино князя великаго Ивана Данильевича. Досюды есмя были, брате, никуды не избожены, ни соколу, ни ястребу, ни бѣлу кречату, ни тому псу поганому Мамаю.

¹ № 9/1086, 1470-х и. Гос. Публ. библ. в Ленинграде.

Славии птица, что бы еси выщекотала сна два брата, два сына Вольярдовы, Андрѣя половецкаго, Дмитриа брянскаго, ти бо бяше сторожевыя полкы, на щитѣ рожены, под трубами поють, под шеломы възле-лѣваны, конецъ копия вскормлены, с востраго меча поены в Литовской земли.

Молвяше Андрѣи к своему брату Дмитрею: сама есма два брата (л. 125) дѣти Вольярдовы, внучата Едиментовы, правнучата Сколдимеровы. Сядемь, брате, на свои борзи комони, испишемь, брате, шеломомь своимь воды быстрого Дону, испытасемь мечи свои булатныя. Уже бо, брате, стукъ стучить и громъ гремитъ в славнѣ городѣ Москвѣ. То ти, брате, не стукъ стучить, ни громъ гремитъ, стучить сильная рать великаго князя Ивана Дмитриевича, гремятъ удалци золочеными шеломы, черлеными щиты. Съдлаи, брате Ондрѣи, свои борзи комони, а мои готови напреди твоих осѣдлани.

(л. 125 об.) Уже бо всташа силнии вѣтри с моря, прилежѣша тучю велику на усть Нѣпра, на русскую землю. Ис тучи выступи кровавая оболочка, а из нихъ пашють синие молнѣи. Быти стуку и грому велику межю Дономь и Нѣпромь, идетъ Хинела на русскую землю. Сѣрие волци воють, то ти были не сѣрие волци, придоша поганые татарове, хотять проити воюючи, взяти всю землю русскую.

Тогда же гуси гоготаше, и лебеди крылы въсплескаша. То ти не гуси гоготаша, ни лебеди крылы въсплескаша, се бо (л. 126) поганый Мамаи приведе вой свои на Русь.

Птици небесныя пасущесе то под синие оболочка, ворони грають, галици свои рѣчи говорятъ, орли восклегчють, волци грозно воють, лисици часто брешють, чають побѣду на поганыхъ.

Аркучи такъ: земля еси русская, какъ еси была доселева за царемъ за Соломономъ, такъ буди и нынѣча за княземъ великимъ Дмитриемъ Ивановичемъ.

Тогда же соколи и кречати, белозерские ястреби позвонять своими значеными колоколци.

Уже бо стукъ стучить и громъ гремитъ рано пред зорею. То (л. 126 об.) ти не стукъ стучить, ни громъ гремитъ, князь Володимеръ Ондрѣевич ведеть вой свои сторожевыя полкы к быстрому Дону, аркучи такъ: Господине князь Дмитрей, не ослабляи, уже, господине, поганый татарове на поля на наши наступаютъ, а вой наши отнимають.

Тогда же князь великий Дмитрей Иванович ступи во свое златое стремя, всѣдъ на свои борзый конь, принимая коня в дравую руку. Солнце ему на востоцѣ семгября 8 в среду на рожество пресвятыя богородица ясно свѣтитъ, путь ему повѣдаеть, Борисъ Глѣбъ молитву (л. 127) творять за сродники свои.

Тогда соколи и кречати, белозерския ястреби борзо за Дону перелѣшаша, ударишася на гуси и на лебеди. Грянуша копия харалужныя, мечи булатныя, топоры легкии, щиты московскыя, шеломы нѣмецкыи, боданы бесерменьскыя. Тогда поля костыми насѣяны, кровья полиано.

Воды возпиша, вѣсть подаваша по рожнымъ землямъ, за Волгу, к Желѣзнымъ вратомъ, к Риму до Черемисы, до Чяховъ, до Ляховъ, до Устюга поганыхъ татаръ, за дышущем моремъ. Того даже (л. 127 об.) было нелѣпо стару помолодиться.

Хоробрыи Пересвѣтъ поскакиваетъ на своемъ вѣщемъ сивцѣ, свистомъ поля перегороди, аркучи таково слово: лучши бы есмь сами на свои мечи наверхлися, нежели намъ от поганыхъ положенымъ пасти. И рече Ослебя брату своему Пересвѣту: уже, брате, вижу раны на сердци твоемъ тяжки. Уже твоеи главѣ пасти на сырую землю, на бѣлую ковылу, моему чаду Иякову. Уже, брате, пастуси не кличють, ни трубы не трубять, толко часто вороны грають, зогзици кокують на тру(л. 128)пы падаючи.

Тогда же не тури възрыкають на полѣ Куликовѣ на рѣчкѣ Непряднѣ, взопаша избииени от поганыхъ князи великихъ и боярѣ сановныхъ, князя Федора Романовича Бѣлозерскаго и сына его князя Ивана, Микулу Васильевича, Федоръ Мемко, Иванъ Сано, Михаило Вренковъ, Иаковъ Ослебятинъ, Пересвѣтъ чернецъ и иная многая дружина.

Тогда же восплакашася горко жены боярыни по своихъ осподарѣхъ въ краснѣ градѣ Москвѣ. Восплачется жена Микуляна Мария, аркучи таково слово: Доне, (л. 128 об.) Доне, быстрыи Доне, прoшелъ еси землю половецкую, пробилъ еси берези хараужныя, прилелѣи моего Микулу Васильевича. Восплачется жена Иванова Федосия: Уже наша слава пониче в славнѣ городѣ Москвѣ.

Не одина мати чада изостала, и жены боярскыя мужей своихъ и осподаревъ остали, глаголюще к себѣ: Уже, сестрици наши, мужей нашихъ в животѣ нѣту, покладоша головы свои у быстрого Дону за рускую землю, за святыя церкви, за православную вѣру з дивными удалци, с мужескими сыны.

2. СПИСОК ИСТОРИЧЕСКОГО МУЗЕЯ 2¹

... лита а древес(а) тугою к земли преклонишас(я). Въспѣли бяше птици жалостные пѣсни, въсплакалис(я) княгини и боярыни и воеводины жены о избьеныхъ. Феодосья Микулина жена Васил(ь)евич(а) да Марья Дмитриева жен(а) Волынског(о) рано сплакашася у Москвы град(а) на заборолах: „Донѣ Донѣ, быстрая рѣка, прорыла еси каменныя горы, а течѣши в землю половецкую. Прилѣлѣй господина моего ко мнѣ Микулу Васил(ь)евича“. Тимофѣва жена Иволуевич(а) также плакашес(я), а ркуч(и) так: „Се уже веселие мое понич(е) въ славнѣ град(ѣ) Москвѣ, уже бо не вижу своего господина Тимофѣя „Иволу-(л. 70 об.) евич(а), в животѣ его нѣт“. Андрѣева жена рано плакашес(я): „Се уже намъ объма сольнице померькло въ славнѣ град(ѣ) Москвѣ, припахну намъ от быстрого Дону поломянные вѣсти, носяще великую бѣду. Спа-

доша руские удалици з борьзых коней на суженое мѣсто на полѣ Куликовѣ“.

А уже Диво кличет под саблями татарскими, а тѣм рускымъ богатырем под ранами.

Ту ни галици ни щуровѣ воспѣли жалостные пѣсни у Коломны на заборолѣх на въскресеи на Якимов и Аннинъ день. То ти были ни щуровѣ ни га(л. 71)лицы воспѣли, въсплакалися жены коломенскыя, а ркуч(и) таков(о) слов(о): „Москва, Москва, быстраа рѣка, чему еси заляляла мужей наших от нас в землю половецкую литовскую“. А ркуч(и) тако: „Можеш ли тамо, господине князь великий, веслы Непру запрудити, а Донъ шоломы вычръпати, а Меч рѣку трупы татарскими запрудити. Заткни, государь князь великий, Оки ворота, чтобы погании потом к намъ не заходили. Уже мужи наших рат(ь) трудила в субботу на рожество святѣй богородици крестьян татаровѣ на полѣ Куликовѣ на рѣчкѣ Непрядвѣ“.

(л. 71 об.) И нукнув князь Володимерь Андрѣвич с правые руки на половецкое Мамай с своим князьмъ Волюньскымъ 70-ю тысящами, и дадо имъ бити по рати в поганыхъ половецѣх татарских, злачеными шоломы половецкими (л. 71 об.). Грѣмятъ мечи булатные о шоломы хиновские.

И въсхвалят брата своег(о) князя Дмитриа Иванович(а): „То еси у зла тошна веремени железна заборолѣ.¹ Не уставай, князь великий, с своими великими плѣки, не буди великим кор(о)млюникомъ. Уже поганые поля наша наступаю, и забрую дружину у насъ стрѣляли и в трупу челоувѣчу яко же конь (л. 72) не можетъ борзо скочити, а кров по колѣнемъ брод(я)чи. Уже бо, брате, жалостно видѣти кров крестьянская. И не уставай, князь великий Дмитрий Иванович“.

И реч(е) князь великий Дмитрий Иванович своимъ (бо)яромъ и воеводамъ и дѣтемъ боярыскимъ: „То ти, брате, вамъ московские слаские мѣди и великие мѣста. Туту, брат(е), себѣ и дѣламъ тво(и)мъ высокіе мѣста, туту, (брате),² стару помолодитися, а мѣди твои чти добыти“.

Реч(е) князь великий Дмитрѣй Иванович: „Господи боже, не да ты упувах, да не постыжус(я) в вѣки, ни да посмѣють ми с(я) правду твою мнѣ“. И помоляс(я) богу (л. 72 об.) и пречистѣй его матери божии и всѣмъ святымъ и прослезя горко и утеръ слезы.

Тогда яко соколи полѣтѣша на быстрый Донъ. То ти же соколи полѣтѣша, скач(е) князь великий Дмитрий Иванович с своими плѣки за Донъ съ всею силою, брат его князь Володимерь Андрѣвич. Туту, брате, испите медовыя чары повѣденые. Ударимъс(я), брате, всѣма плѣки силными на рат(ь) поганых“.

Тогда князь великий почаль наступати. Грѣмятъ мечи булатные о шоломы хиновские. И погании покрывша руками своими главы

¹ В рукописи ошибочно железа заборона

² В рукописи ошибочно брата

Тогда погании боръзо вспятъ отступишася. Стязи ревут (л. 73) от великог^о князя Дмитриа Иванович^а, а погании побѣгли. Рускые сыновѣ поля широкие конми огородиша и злачеными доспѣхи освѣчиваюч^и. Уже сталь ^{бо тур}¹ на борон.

Тогда князь великий Дмитрий Иванович и брат ег^о Володимер² Андрѣвич полки поганыхъ вспятъ побѣдих и гораздо на них поворотилъ и нач^а их бити гораздо, тоску им подаваше. И князи их с коней спадоша, а трупы тотарьскими поля насѣаше, а кровию их рѣки протекли. Туто погании разлучишася, раздно побѣгоша неуготованными дорогами в лукомор^ье, скрекчюще зубы своими, деручи лица своя, а ркуче: „Уже намъ (л. 73 об.), брат^ие,³ в земли своей не бывати, а дѣтѣй своих не видати, а катунь своих не трепати, а трепати намъ сырая земля, а цѣловат^и намъ зелена мурова, а на Рус^ь нам уже рат^ью не хоживати, а выхода намъ у рускыхъ князей не прашивати. Уже вѣстонала земля Тотарьская бѣдами и тугою покрывшася. Уныша бо царемъ их хотѣние и княземъ похвала на Рускую землю ходити. Уже веселие наше пониче, уже сынове рускыа заграбиша узороч^ьа наша и доспѣхи наша на них, волы и врьблуды и вина и сахаръ и все доброе узороч^ье калсим и насычъ вывѣзут женам своим. Уж^е жены рускые и вознесес^я слава ру.⁴

3. СПИСОК ИСТОРИЧЕСКОГО МУЗЕЯ 1⁵

И потом списах жалость и похвалу великому князю Дмитрию Ивановичу и брату его князю Владимиру Ондрѣвичу

Снидемся, брате и друзи, сынове (л. 215 об.) рустии, съставимъ слово къ слову и величимъ землю рускую, и вержем печал на вѣсточную страну всѣмъ въ жребие, въздаюмъ поганому Мамаю победы и великому князю Дмитрию Ивановичю похвалу и брату его князю Владимиру Ондрѣвичю.

Рци того лутче бо ест, брате, нача повѣдати инѣми словесы о похвалныхъ о нынешнихъ повестех от полку князя Дмитрея Ивановича и брата его князя Владимира Ондрѣвич^а, правнука святого великог^о князя Владимира киевскаго. Начаша повѣдати по дѣломъ погыбелю, но потрезвимъс^я мысльми и землями и помянемъ первыхъ лѣтъ времена и похвалимъ вѣща боинаго гораздо гдуца в Киевѣ. Тот боюн воскладше гораздыя своя персты на живыа струны и пояше княземъ рускимъ славы, первую славу великому князю киевскому Игорю Рюрикович^ю, вѣ великому князю Владимиру Святославич^ю киевскому, третью великому (л. 216) князю Ярславу Володимеровичю.

¹ В рукописи во ту

² В рукописи Володимеру

³ В рукописи брате

⁴ На этомъ полуслове кончается листъ 73 об. и текстъ Задонщины.

⁵ № 2060, конецъ XVI—начало XVII в. Гос. Истор. музей в Москвѣ

И я ж(е) помяну Ефона ерея резанца в похвалу пѣсньми и гуслеными и буяни словесы и сего великог(о) князя Дмитрея Иванович(а) и брата ег(о) князя Владимира Ондрѣвич(а), правнука тѣхъ князеи, занеж(е) отпало мужьство их и пѣние их и князем руским за землю рускую и за вѣру крестьянскую.

От Калагѣския рати до Мамаева побоища лѣтъ 160.

Сии бо князь великій Дмитрей Иванович и брат его князь Владимир Ондрѣвич помоляс(я) богу и пречистей богородицы, стяжав умъ свой крѣпостию и поостриша сердца своя мужством и наполнишас(я) ратнаго духа и уставиша себе храмныя полькы в руськой земли и помянуша прадѣда своего князя Владимира Ондрѣвича киевѣскаго.

О жаворонокъ лѣтъняя птица, красныхъ дней угѣха! возлети под синии небеса, посмотри к сильному граду Москвѣ, воспой славу великому князю Дмитрию Иванович(ю) и брату ег(о) (л. 216 об.) князю Владимиру Ондрѣвичю.

Цег буря [со]коли снесет из земли залѣтскыя в поле половецкое. На Москвѣ кони рѣжут, звенит слава руская по всей земли руской, трубы трубят на Коломнѣ, в бубны быст в Серпоховѣ, стоят стязи у Дону у великого на брези, звонят колоколы вечныя в великом Новѣгородѣ, стоят люди новгородцы у святой Софьи, арькучи: Уже нам, братие, на пособе великому князю Дмитрию Иванович(ю) не поспѣтъ.

И как слово изговаривая, уже бо як(о) орлы слетѣшас(я) и выѣхали посадники из великого Новагорода ѿ к великому князю Дмитрию Ивановичю и брату его князю Владимиру Ондрѣвичю на пособе къ славьному граду Москве. То тѣ съѣхалися вси князи руския к великому князю Дмитрию Иванович(ю) и брату его князю Владимиру Ондрѣвич(ю), арькучи им таково слово: У Дону стоят татарове поганый Мамай на рѣчки на Мечи, хотят брести и живот свой предати (л. 217) нашей славѣ.

И реч(е) князь Дмитрей Иванович: Поидем тамо, укупимъ животу славу, старымъ повѣсть, а молодымъ память, а храбрыхъ плечевъ испытаем, а рѣку Дон кровю пролемъ за землю рускую и за вѣру крестьянскую.

И реч(е) имъ князь великій Дмитрей Иванович: братя и князи руския, гнѣздо есмя великого князя Владимира киевѣскаго. Ни в обиди есмя были ни кречету, ни черному ворону, ни поганому Мамаю.

О соловей лѣтъняя птица, что бы ты, соловей, выщекотал великому князю Дмитрию Ивановичю из земли той всей и дву братьев Олгердовичев, Ондрей да брат его Дмитрей Олгердовичев, да Дмитрей Волынский. Тѣ бо суть сынове храбрии, кречати в ратномъ времени, ведоми полководцы, под трубами и под шеломы возлеяны в литовьской земли. И молвяше Ондрѣй Олгердович брату своему Дмитрию: (л. 217 об.) Сами есми себѣ два брата, а внуки есмя Едимантовы, изберемъ братью мзлую пановеи удалыи Литвы, храбрыхъ удалцевъ, ни сами сядем на борзые своя комони, посмотримъ быстрого Дону, изберемъ шоломы мечи, испытаем мечевъ своих литовьскихъ о шеломы татарскыя, о шеломы немецкихъ байданы бесерменьскыя.

И реч^(е) ему Дмитрей: Брате Ондрѣй, не пощадим живота своег^(о) за крестьяны и за обиду великого князя Дмитриа Ивановича. Уж^(е) бо, брате, стук стучить, громъ гримит в каменѣ градѣ Москвѣ, стучить сильная рат^(ь) великого князя, гремятъ удалцы рускыя золочеными доспехы, черлеными щиты. Седлай, брате Ондрей, свои борзый комони, а мои готовы, брате, на чистое поле. Посмотримъ своихъ полъковъ. Толко, брате князь Дмитрей, с нами храбрые Литвы б̄.

Уж^(е), брате, возвеша силнии вѣтри (л. 218) по морю на усть Дону и Непра, прилѣляшас^(я) великиа тучи по морю на рускую землю, из нихъ выступаютъ кровавыя зори, и в нихъ трепещуть силнии молнии. Быти стуку велику на рѣчки Направдѣ межъ Дономъ и Непромъ, пасти трупу челоувечью на полѣ Куликовѣ, пролитис^(я) кровѣ на рѣчки Направдѣ.

Уже бо въскрипѣли телегы межъ Дономъ и Непромъ, идутъ Хинове в рускую землю. И притекоша сѣрые волцы от усть Дону и Непра, ставши воюютъ на рецы на Мечи, хотятъ наступати на рускую землю. То ти было не сѣрые волцы, но приидоша погании татарове, приити хотятъ воюючи в рускую землю погании татарове.

Тогда гуси возгоготаша на рѣчки на Мечи, лебеди крылы въслескаша. Ни гуси возгоготаша, но погании Мамаи на рускую землю пришел, а воеводы своя привел. А уже беды ихъ пловуще птица ихъ крилати под облакы (л. 218 об.) летаютъ, ворони грають, а галицы своею рѣчью говорятъ, орлы крилатии въсплещутъ, а волцы грозно воюють, а лисицы на кости брешутъ.

Руская земля, то ти ест какъ за Соломономъ царемъ побывало.

А уж^(е) соколы, белозерскыя ястребы рвахуся отъ златыхъ колодецъ ис каменнаго града Москвы, възлетѣша подъ синии небеса, възгремѣша золочеными колоколы на быстромъ Дону.

Тогда князь великый вступити въ златое стремя, вземъ свой мечъ въ правую руку свою, помоляс^(я) богу и пресвятии богородицы. Солнце ему ясно на вѣстоцы сияеть, а Борис и Глѣбъ молитву воздаетъ за сродники. 30.

Что шумитъ, что гримитъ рано предъ зарями? Князь Владимиръ пакы уставливаеть и пребираетъ и ведетъ къ Дону великому. И молвяш^(е) брату своему: Князь Дмитрей, не ослабляи, князь великый, татаромъ; погании поля наступаютъ, отымають отчину нашу. Рече ему (л. 219) князь Дмитрей Иванович: Брате князь Владимире Ондрѣвич, сами себѣ есмь два брата, воеводы у насъ уставлены б̄ бояриновъ, князи крѣпцы белозерскыи, Федор Семенович, Семен Михайлович, Микула Василевич, два брата Олгердова, Дмитрей Волинский, Тимофеи Волуевич, Михаило Иванович. А воюютъ с нами т̄ кованой рати, воеводы у насъ уставлены, дружина намъ свѣдома, имѣемъ подъ собою борзый комони, а на себѣ золоченыя доспѣхы, а шеломы черкасьскыи, а щиты московьскыи, а сулицы ординскыи, а чары франьскыи, мечи булатныи.

И молвяше: погании путь имъ знаемъ вельми, а перевозы имъ изготвлены, но еще хотятъ силно главы своя положити за вѣру крестьянскую. Пашутъ бо ся хорюгове, ищутъ себе чести и славнаго имени.

Уж(е) бѣ тѣ соволѣ и кречеты за Дон перевезли(я) и наѣхали русии сынове (л. 219 об.) на сильную рать татарскую, ударишас(я) копи харужничными о доспехы татарския, възгремѣли мечи булатныя о шеломи хиновския на полѣ Куликовѣ на рѣчки Направдѣ.

Черна земля под копыты, костью татарскими поля насѣяша, кровью земля пролита. Силнии полкы съступалис(я) вмѣсто, протопташа холми и лугы, возмутис(я) реки и езера, кликнуло диво в рускои земли, велит послушати грознымъ землям, шибла слава к Желзнымъ вратом, к Риму и к Кафы, по морю, и к Торнаву, и отголе к Царюграду, на похвалу: Русь великая одолѣша Мамая на полѣ Куликовѣ.

Тогда бо силнии тучи съступалис(я) вмѣсто, силнии молнии, громи гремѣли велищѣ. То ти съступалис(я) руский сынове с погаными татары за свою обиду, а в них сияють доспѣхы золочеными, гремѣли князи руския мечи о шеломи хиновския.

Из утра билис(я) (л. 220) до полудни в субботу на рожество святии богородицы.

Не тури възгремѣли на полѣ Куликовѣ, побежени у Дону великого. То ти не тури побежени, посечены князи руския и воеводы великог(о) князя и князи белозерстии посечени от поганых татар: Федор Семенович, Тимофѣи Волуевич, Семен Михайлович, Микула Василевич, Ондрѣи Серпизович, Микула Иванович и иная.¹

Черныца Пересвѣта великому князю Дмитрию Иванович(ю): Луче бы посечены пасти, а не полонянымъ воспѣти от поганыхъ. Тако бо Пересвѣт поскакивает на борзе кони, а злаченным доспѣхомъ посвѣчиваше. А иные лежат посечены у Дону на брези. Добро бы, брате, в то время стару помолодится, а удалым плечь попытати.

И молвяше брат его Ослабе черънецъ: Брате Пересвѣт, вижу на тѣли твоем раны, уже головѣ твоеи летѣти на траву ковыл, а чаду моему Якову (л. 220 об.) на ковыли землине лежати на поли Куликовѣ за вѣру христьянскую и за обиду великог(о) князя Дмитрия Иванович(а).

В то время по резанскои земли около Дону ни пастуси кличут, но однѣ воронѣ грають, трупы ради человечьскаго. Грозно бо бяше и жалостно тогда слышати, зане трава кровью пролита, а дресеса к земли тугою преклонишас(я).

Вспѣли бяше птицы жалостные пѣсни, вси восплакалис(я) к ней боярыни избѣнныхъ, воеводины жены: Микулина жена Василевич(а) да Марья Дмитриева рано плакашас(я) у Москвы у берега на забралах, аркучи: Доне, Доне, быстрая рѣка, прирыла еси горы каменныя, течѣши в землю по(ло)ведкую. Прилиаѣи моего государя къ мнѣ Микулу Василевич(а). Тимофѣева жена Волуевич(а) Федосья та[ко] плакася аркучи: Уже веселе понич(е) въ славнѣ гради Москвѣ, уж(е) не вижу своег(о) государя

¹ Над словом „иная“ крестик, повторенный на полях и указывающий на замеченный переписчиком пропуск.

Тимофея Волуевича в животъ. Да Ондрѣва жена Марья (л. 221) да Михайлова Оксѣнья рано плакашася: Се ужъ намъ обема солнце померкне на славнѣ гради Москвѣ. Припахнули к намъ отъ быстрого Дона полоняныя вѣсти, носящу великую беду, выседоша удалцы зъ борзыхъ коней на судное мѣсто на полѣ Куликовѣ.

А ужъ диво кличетъ подъ саблями татарскими. Туту щурове рано въспѣла жалостныя пѣсни у Коломны на забралахъ на воскресение на Акима и Аннинъ день. То ти было не щурове рано въспѣша жалостныя пѣсни, всѣ въсплакалися жены коломенскыя: Москва, Москва, быстрая рѣка, чему еси у насъ мужи наши залелѣла в землю половецкую? Аркучи: Можеша ли, господине князь великыи, весла Непра запрудити, а Дон шлемомъ вычерпати, а Мечю трупы татарскими запрудити? Замѣкни, князь великыи, отъ сихъ ворота, чтобы потомъ поганые к намъ (л. 221 об.) не ѣздили. Уже бо мужи наши рати трудили.

Того день святая богородица исѣкоша христьяне поганыя полкы на полѣ Куликовѣ на рѣчки Направдѣ.

И нукнувъ князь Владимиръ, гораздо скакаше по рати поганымъ, златымъ шеломомъ посвѣчиваше. Гремятъ мечи булатныя о шеломы хыновскыя; въсхваляя брата своего: Брате князь Дмитрей Иванович, что ти ест еси у зла времени желѣзная забрала. Не уставай, князь великыи, съ своими великими полкы, не потакай крамолникомъ, поганыя бо поля наша наступаютъ, а храбрую дружину теряли, трупы челоувечью борзъ конь не можетъ скочити, въ крови по колѣно бродятъ. Уже бо, брате, жалостно видѣти крови крестьянской. Не уставай, князь великыи, съ своими бояры.

Рече князь великыи своимъ бояромъ: Братия бояре и воеводы, дѣти боярскыя, что ти, братие, ваши московскыя сладныя меды и великия мѣста, себѣ (л. 222) своимъ женамъ; туту стару помолодится, а молоду чти добыти.

Рече князь великыи: Господи боже мой, на тя уповахъ, да не постыжуся въ векъ, ни посмѣють ми ся врази мои мнѣ. И помоляся богу и святой богородици и всѣмъ святымъ и прослезился горко и утеръ слезы.

И тогда якъ орлы отлетѣша на быстрый Донъ. То тѣ не орлы полетѣша за быстрый Донъ, поскакиваетъ князь великыи съ своими полкы за Донъ съ всею силою. Брате, князе Владимире, туту испити медвеная чаша, наступаемъ, брате, съ своими сильными полкы на рать поганыхъ.

Тогда князь великыи поля наступаютъ. Гремятъ мечи о шеломы хыновскыя, поганыя покрывша руками главы своа. Тогда поганни отступишася назадъ. Къязю ревутъ, отступишася отъ великого князя, поганни бежать. Рускии сынове поля широкыи кликомъ огородиша, золочеными шлемы осветиша (л. 222 об.) Въсталъ ужъ туръ оборень. Тогда князь великыи поганыхъ назадъ победилъ и поворотилъ гораздо на нихъ и бьетъ горко, тоску имъ подаваше. Князи ихъ падошася съ коней къ земли. Трупы татарскими поля насяша, а кровию протекли рѣкы. Туту ся поганни разлучишася борзю, розно побѣгши неуготованными дорогами в лукоморье, а скрегчюще зубы своими и дерущи лица своа, аркучи: Ужъ намъ, брати, в земли

своеи не бывати, а дѣтеи своихъ не выдати, а в Русь ратю не ходити, а выхода нам у русскихъ князеи не прашивати.

А уже бо въстонала земля татарская, бедами и тугою покрывшася. Уныша бо царемъ их хотѣние и похвала на рускую землю ходити. Веселие их пониче. Уже рускиа сынове разграбиша татарская узорочя, доспехи и кони, волю и велблуды, вино, сахаръ, дорогое узороче, камки насычеве (л. 223) везут женам своимъ. Уже жены руския всплескаша татарскимъ златомъ. Уже руской земли простреса веселье и възнесеса слава руская на поганых хулу. Уже веръжено диво на землю. Уже грозы великого князя по всей земли текутъ. Стрѣляй, князь великий, по всѣмъ землям, стрѣляй, князь великий, с своею храброю дружиною поганого Мамаю хиновина за землю рускую, за вѣру христьянскую. У поганыхъ оружие свое поверъгоша, главы своя и полклониша подъ мечи руския. Трубы ихъ не трубятъ, уныша бо царемъ ихъ хотѣние.

И отскочи Мамаи сѣрымъ волком от своея дружины и притече к Кафы граду. И молвяше ему фрязове: чему ти, поганый Мамаи, на рускую землю, то ти была орда Залѣская времена первыи, а не быти тебѣ в Батыя царя. Царь Батыи былъ \neq \bar{y} вою, воеваль (л. 223 об.) всю рускую землю и плѣнил от востока и до запада. А казнилъ богъ рускую землю за сѣгрешение. И ты пришелъ князь Мамаи на рускую землю съ многими силами съ девятыю ордами, съ 70 князьми, а ныне бежишь самъ девять в лукоморье. В поле тобя князи руския гораздо упилися и князеи с тобою нѣтъ ни воеводъ. Нѣчто гораздо упилися на полѣ Куликовѣ, на травѣ ковыли. Побежи, поганый Мамаи, и от насъ по задлѣшью. Намъ земля подобна естъ руская милому младенцу у мрети, его же мати тешить, а рать лозою казнит, а добрая дѣла милуютъ его. И потѣшитъ господь богъ человеколюбець князи руския великого князя Дмитрия Ивановича и брата его князя Владимирера Ондрѣевича межъ Доном и Непром на полѣ Куликовѣ на рѣчки Направдѣ.

Сталь князь великий с своимъ братомъ княземъ (л. 224) Владимиромъ Ондрѣевичемъ и с своими воеводами на костехъ. Грозно бо, брате, в то время посмотри, лежать трупы христьянскиа акы сѣнными стоги, а Дон рѣка три дни кровю текла. Считаетесь, брате, колкихъ воевод нѣтъ, колько молодыхъ людей нѣтъ.

И говоритъ Михаилу Ондрѣевичъ московскыи бояринъ князю Дмитрию Ивановичю: Господине князь великий Дмитрий Ивановичъ, нѣтъ туто у насъ сорока бояринъ большихъ москъовскихъ, да 12 князеи белозерскихъ, да 30 бояриновъ посадниковъ новгородцкихъ, да 20 бояриновъ коломенскихъ, да 40 бояриновъ переяславскихъ, да полу 30 бояриновъ костромскихъ, да пол 40 бояриновъ володимерскихъ, да 50 бояриновъ суздальскихъ, да 70 бояриновъ резанскихъ, да 40 бояринов муромскихъ (л. 224 об.) да 30 бояриновъ ростовскихъ, да трехъ да 20 бояриновъ дмитровскихъ, да 60 бояриновъ звенигородцкихъ, да 15 бояриновъ углецькихъ. А изгибло насъ всеи дружины полъ 300 тысячъ. И помилова богъ рускую землю а татаръ пало безчислено многое множество.

И князь великий Дмитрий Ивановичъ говорить: Братъ(и)я и бояре, князи молодые, вамъ, братъ(и)е, сужено мѣсто межъ Дономъ и Непра на полѣ Куликовѣ на рѣчки Направдѣ. Положили есте головы за рускую землю и за вѣру хрѣстьянскую. Простите мя, братъ(и)я, и благословите в семь вѣщы и в будущемъ.

4. СПИСОК УНДОЛЬСКОГО¹

Слово о великом князе Дмитрее Ивановиче и о брате его князе Владимире Андрѣевиче, яко побѣдили супостата своего царя Мамаю

Князь великий Дмитрий Ивановичъ с своим братомъ с княземъ Владимиромъ Андрѣевичемъ и своими воеводами были на пиру у Микулы Васильевича. Въ[домо намъ], брате, у быстрого Дону царь Мамай пришел на Рускую землю, а идет к намъ в Залѣску(л. 170)ю землю. Пойдем, брате, тамо в полунощную страну жребля Афетова, сына Ноева, от него же родися Русь преславная. Взыдем на горы Киевския и посмотрим с равнаго Непра и посмотрим по всей земли Руской. И отоля на восточную страну жребий Симова, сына Ноева, от него же родися Хиновя поганые татаровя бусормановя. Тѣ бо на рекѣ на Каялѣ одолѣша родъ Афѣтов. И отоля Руская земля (л. 170 об.) сѣдитъ невесела.

А от Калатѣския рати до Мамаева побоища тугою и печалию покрывшася, плачущися, чады своя поминаюты. Князи и бояря и удалые люди, иже оставиша вся дома своя и богатство, жены и дѣти и скот, честь и славу мира сего получивши, главы своя положиша за землю за Рускую и за вѣру хрѣстьянскую, собѣ бы чаемъ пороженныхъ и вскормленных (л. 171). Преже восписахъ жалость земли Руския и прочее от книгъ приводя. Потомъ же списахъ жалость и похвалу великому князю Дмитрею Ивановичю и брату его князю Владимиру Одрѣевичю.

Снидемся, братия и друзи и сынове Руския, составимъ слово к слову, возвѣселимъ Рускую землю и возвѣрземъ печаль на восточную страну в Симовъ жребий и воздадимъ поганому Мамаю побѣду, (л. 171 об.), а великому князю Дмитрею Ивановичю похвалу и брату его князю—Владимру Андрѣевичю. И рцемъ таково слово: лудчи бо намъ, брате, начяти повѣдати иными словесы от похвалныхъ сихъ и о нынешнихъ повѣстехъ похвалу великому князю Дмитрею Ивановичю и брату его князю Владимиру Андрѣевичю, а внуки святаго великаго князя Владимира Киевскаго. Начаша ти повѣ(л. 172)дати по дѣломъ и по былинамъ. Не проразимся мыслию но землями, помянемъ первыхъ лѣтъ времена, похвалимъ вещаннаго боярина, горазна гудца в Киеве. Тотъ бояринъ воскладаша горазная своя персты на живыя струны, пояша рускимъ княземъ славу, первому князю киевскому Игорю Бяриковичю и великому князю

¹ № 632, середина XVII в. Всесоюзная Библиотека им. В. И. Ленина.

Владимеру Всеславъевичю киевскому и великому (л. 172 об.) князю Ярославу Володимеровичю.

Аз же помяну резанца Софония и восхваляю пѣснеми гусленными словесы сего великого князя Дмитрея Ивановича и брата его князя Владимира Андрѣевича, а внуки святаго великаго князя Владимира Киевскаго. И пѣние князем руским за вѣру християнскую.

А от Калатские рати до Момаева побоища 170 лѣт. Се бо князь (л. 173) великий Дмитрей Иванович и брат его князь Владимир Андрѣевич помолися богу и пречистой его матери, истезавше ум свой крѣпкою крепостью и поостриша сердца свои мужеством и наполниша ратного духа, оставиша собѣ храбрыя воеводы в Руской землѣ и помянуша праждѣ своего великаго князя Владимира Киевскаго.

Оле жаворонок лѣтняя (л. 173 об.) птица, красных день утѣха, възлѣти под синее небеса, посмотри к сильному граду Москвѣ, воспой славу великому князю Дмитрею Ивановичю и брату его князю Владимиру Андрѣевичю. Ци буря соколи снесетъ из земля Залѣския в полѣ Поло[ве]тское. На Москвѣ кони ржут, звѣнит слава по всей земли Руской, в трубы трубят на Коломнѣ, в бубны бьют в Се(л. 174)рпугове, стоят стязи у Дунаю великого на брезѣ, звонятъ в колоколы вѣчныя в вѣликом Новгородѣ. Стоят мужи навгородцкие у Софѣи премудрые, аркут тако: Уже нам, брате, не поспѣтъ на посопѣ к великому князю Дмитрею Ивановичю. И как слово изговаривают, уже аки орли слѣтѣшася. То ти были не орли слѣтѣшася, выѣхали посадники из великого Новгорода 7000 войска к великому (л. 174 об.) князю Дмитрею Ивановичю и к брату его князю Владимиру Андрѣевичю.

К славному граду Москвѣ съехалися вси князи руские, а ркут таково слово: у Дуная стоят татаровя поганые, и Момай царь на реки на Мечи, между Чюоровым и Михайловым, брѣсти хотят, а предати живот свой нашей славѣ.

И рекше князь великий Дмитрей Иванович: Брате князь Владимир (л. 175) Андрѣевич, поедем тамо, укупим животу своему славы, а старым повесть, а молодым на память, а храбрых своих испытаем, а реку Дон кровью прольем за землю за Рускую и за вѣру крестьянскую.

И рекше им князь великий Дмитрей Иванович: Братия и князи руские, гнѣздо есмя были великаго князя Владимира Киевскаго, не въ обиде есмь были по роженю (л. 175 об.) ни ястребу, ни крѣчату, ни черному ворону, ни поганому сему Момаю.

О соловей, лѣтняя птица, что бы ты, соловей, пощекотал славу великому князю Дмитрею Ивановичю и брату его князю Владимиру Андрѣевичю и земли Литовской дву братом Олгордовичем, Андрѣю и брату его Дмитрею, да Дмитрею Волянскому. Тѣ бо суть сынове храбры, кречаты въ ратном (л. 176) времени и вѣдомы полѣводцы, под трубами под шеломы злаченными в Литовской земли.

Молвяше Андрѣй Олгордович своему брату: Брате Дмитрей, сами есмь собѣ два браты, сынове Олгордовы, а внуки мы Доментовы,

а правнуки есми Сколомендовы. Збѣрем, брате, милые пановя удалые Литвы, храбрых удалцов, а сами сядем на добрые кони своя, и посмотрим быстрого Дону, (л. 176 об.) испытаем мечев своих Литовских о шеломы татарские, а сулицъ немецких о боеданы бусорманские.

И рече ему Дмитрей: Брате Андрѣй, не пощадим живота своего за землю за Рускую и за вѣру крестьяньскую и за обиду великого князя Дмитрея Ивановича. Уже бо, брате, стук стучит, а громъ грѣмит в каменом граде Москвѣ. Что, брате, стучит великая силная рать великого князя Дмитрея (л. 177) Ивановича и брата его князя Владимира Андрѣевича. Громят удалцы руские злачеными доспѣхи и черлеными щиты московскими. Сѣдай, брате Андрѣй, свой доброй конь, а мой готов осѣдан. Выедем, брате, в чистое полѣ и посмотрим своих полковъ, сколько, брате, с нами храбрые Литвы. А храбрые Литвы с нами 7000 окованные рати.

Уже бо, брате, возвияли по морю на (л. 177 об.) усть Дону и Непра, прилежѣша тучи на Рускую землю, из них же выступали кровавые зори, а в них трепѣшутся силные моляньи. Быти стуку великому на речке Напрядѣ, между Доном и Непром, пасти трупы человеческому на поле Куликовѣ, пролитися крови на речке Напряде. 12
49

Уже бо скрипѣли телеги между Доном и Непром, а идут Хиновѣ поганый к Руской земли. И при(л. 178)тѣкоша сѣрые волцы от усть Дону и Непра и ставши воють на рекѣ, хотят на Мѣчи поступити в Рускую землю. И то были не сѣрые волцы, приидоша поганые татаровя, хотят пройти воюючи всю Рускую землю. 15

Тогда гуси возгоготали и лѣбѣди восплѣскаша крылами своими, но поганый Момай пришел на Рускую землю¹ и воеводы своя привел. А уже бѣды (л. 178 об.) их пасоша птицы крылати под облак лѣтят, вороны часто грают, а галицы своею речью говорят, орли хлѣкчют, а волцы грозно воют, а лисицы на костѣх бряшут.

Руская земля, то первое еси как за царем за Соломоном побывала. То уже соколи бѣлозѣрстии и ястреби хваруются от золотых колодиць ис камена града Москвы, возлѣтѣша под синее небеса, возгремѣша (л. 179) злачеными колоколы на быстром Дону.

Тогда князь великий Дмитрей Иванович воступив во златое свое стрѣмя и взем свой меч в правую руку и помолися богу и пречистой его матери. Солнце ему на восток сияет и путь повѣдает, а Борисъ и Глѣбъ молитву воздают за сродники своя.

Что шумит и что грѣмит рано пред зорями? Князь Владимир Андрѣевич полки пребирает и ве(л. 179 об.)дет к великому Дону. И молвяше брату своему великому князю Дмитрею Ивановичю: Не ослаблявай, брате, поганым татаровям. Уже бо поганые поля руские наступают и вотчину отнимают.

¹ землю доб. на полях

И говорит ему князь великий Дмитрей Иванович: Брате Владимир Андрѣевич, сами есми а внуки великаго князя Владимира Киевскаго. А воеводы у нас уставлены от боя(л. 180)ринов и крѣпцы бысть князи бѣлозѣрстии Федор Семеновичъ, да Семен Михайловичъ, да Микула Васильевичъ, да два брата Олгордовичи, да Дмитрей Вольньской, да Тимофей Волуевичъ, да Андрѣй Серкизовичъ, да Михайло Ивановичъ, а вою с нами триста тысящъ окованные рати. А воеводы у нас уставлены, а дружина свѣдана, а под собою имѣем добрые кони, а на (л. 180 об.) собѣ злаченые доспѣхи, а шеломы черкасские, а щиты московские, а сулицы немѣцкие, а кинжалы фряские, а мѣчи булатные, но еще хотят силно головы своя положить за землю за Рускую и за вѣру крещеную.

Пашут бо ся аки живи хоругови, ищут собѣ чести и славнаго имени. Уже бо тѣ соколы и кречаты за Дон борзо перелѣтъли и ударилися о многие (л. 181) стада лѣбѣдиные. То ти наехали русские князи на силу татарскую и удариша копье фарлужными о доспѣхи татарские, возгрѣмѣли мечи булатные о шеломы хиновские на полѣ Куликове на рѣчке Напрядѣ.

Черна земля под копыты, а костми татарскими поля насѣяша, а кровью ихъ земля пролита бысть. А сильным полки ступишася в мѣсто и протопташа хол(л. 181 об.)ми и луги и возмутишася рѣки и потоки и озера. И кликнули быша Дивы в Руской земли, а глава шибла к Желѣзным вратам, ль къ Караначи, к Риму и к Сафѣ по морю и к Которнову. И оттолѣ ко Царюграду на похвалу руским князем. И одолѣша рать татарскую на полѣ Куликове на речке Напрядѣ.

На томъ полѣ силныи тучи ступишася, а из них часто сияли (л. 182) молыньи и загремѣли громы велицыи. То ти ступишася русские удалцы с погаными татарами за свою великую обиду. А в них сияли сильные доспѣхи злаченые, а гремѣли князи русские мечьми булатными о шеломы хиновские.

А билися из утра до полудни в субботу на рожество святѣй богородицы.

Не тури возгремѣли у Дунаю великаго на полѣ Куликове. И нѣ тури (л. 182 об.) побѣждени у Дунаю великаго, но посвѣчени князи русские и бояры и воеводы великаго князя Дмитрея Ивановича побѣждени князи бѣлозерстии от поганых татаръ: Федор Семеновичъ, да Семен Михайловичъ, да Тимофей Волуевичъ, да Андрѣй Серкизовичъ, да Михайло Ивановичъ и иная многая дружина.

Пересвѣта чернеца Бряньскаго боярина на су(л. 183)женое мѣсто привели. И рече Пересвѣт чернец великому князю Дмитрею Ивановичю: Лутчи бы нам потятым быть, нежели полоненым от поганых татаръ. Тако бо Пересвѣт поскакивает на своем добрѣ конѣ, а злаченым доспѣхом посвѣльчивает, А иные лѣжат посечены у Дунаю великаго на брезѣ.

И в то время стару надобно помолодѣти, а удалым людям (л. 183 об.) плечь своих попытать. И молвяше Ослябя чернец своему брату Пере-

свѣту старцу: Брате Пересвѣте, вижу на телѣ твоём раны великия, уже, брате, лѣтъти главѣ твоеи на траву ковыль, а чаду твоему Иякову лѣжати на зелѣнѣ ковылѣ траве на полѣ Куликове на речкѣ Напряде за вѣру крестьянскую и за землю за рускую и за обиду великого князя Дмитрея Ивано(л. 184)вича.

И в то время по Резанской земле около Дону ни ратаи ни пастухи в полѣ не кличют, но едины вороны грают, трупы ради человѣческия. Грозно и жалостно в то время бѣше тогда слышати, занеже трава кровию пролита бѣше, а дѣвеса тугою к земли приклонишася.

И воспѣли бѣше пѣсньи жалостныя пѣсньи. Восплакашася вси княгини и боярыни и вси воеводские (л. 184 об.) жены о избивенных. Микулина жена Васильевича Федосья да Дмитриева жена Марья рано плакаша у Москвы града на забралах стоя, а ркут тако: Доне, Доне, быстрая река, прорыла еси ты каменные горы и течещи в землю Половецкую. Прилѣлѣи моего господина Микулу Васильевича ко мнѣ. А Марья про своего господина тоже рекла, а Тимофѣева жена Волуевича также плакахуся (л. 185) и рече тако: Се уже веселие мое пониче во славном граде Москве, и уже не вижу своего государя Тимофея Волуевича в животѣ нету. А Ондѣева жена Марья да Михайлова жена Оксинья рано плакашася: Се уже объма нам солнце померкло в славном граде Москвѣ, примахнули к ним от быстрого Дону поломянные вѣсти, носяше великую бѣду и сѣдша удалыцы з добрыхъ коней на (л. 185 об.) суженое мѣсто на полѣ Кулико(в)е на речке Напряде.

И восплакалися жены Коломенские, а ркут тако: Москва, Москва, бы¹страя река, чему еси залелѣяла мужей нашихъ от насъ в землю Половецкую. И ркут тако: Можеш ли, господине князь великий, веслы Нѣпръ запрудить? Замкни, государь князь великий, Окѣ рекѣ ворота, чтобы потом поганые татаровя к нам не вѣдили. Уже мужей нашихъ рать (л. 186) трудила.

Того же дни в субботу на рожество святыхъ богородицы исекша христиан¹и поганые полки (на полѣ¹ Куликове на речкѣ Напрядѣ).

И нюкнув князь великий Владимир Андрѣевич гораздо, и скакаше во полцехъ поганыхъ в татарскихъ, а злеченым шеломом посвѣльчивает, а скакаша со всем своим войским. И загремѣли мечьми булатными о шеломы хивовские.

И восхвалит (л. 186 об.) брата своего великого князя Дмитрея Ивановича: Брате Дмитрей Иванович, туто (у зла то)¹шна времени (железна)а забрала. Не ост(ав)¹ай и свои полки понужай коромолщикам. Уже бо поганые татары поля наступают, а храбрую дружину у насъ истеряли а в трупы человѣчье борзи кони не могутъ скочити, а в крови по колѣно бродят. А уже бо, братѣ, жалостно видети (л. 187) кровь крестьянская.

И князь великий Дмитрей Иванович рече своим боярам: Братия бояра и воеводы и дѣти боярские, то ти ваши московские слаткие мѣды

¹ Слова и слоги, помещенные в угловых скобках, в рукописи заклеены

и великие мѣста. Туту добудѣте себѣ мѣста и своимъ женам. Туту, брате, стару помолодѣть, а молодому чести добыть.

И рече князь великий Дмитрей Иванович: Господи боже мой, на тя уповахъ, да не по(л. 187 об.)стыжуся в вѣкъ, ни да посмѣют ми ся враги моя мнѣ. И помолися богу и пречистой его матери и всѣм святым его и прослезися горко и утер слезы.

И тогда аки соколы борзо полѣтели. И поскакивает князь великий Дмитрей Иванович с своими полки и со всею силою. И рече: Брате князь Владимир Андрѣевич, тут, брате, испити мѣдвяна чара, наеждаем, брате, своими полки си(л. 188)льными на рать татарь поганых.

Тогда князь великий наступает на рать силу татарскую. И гремятъ мѣчи булатные о шеломы хиновские. И поганые бусорманы покрывша главы своя руками своими. Тогда поганые борзо вся отступиша. И от великого князя Дмитрея Ивановича стези ревут, а поганые бѣжать, а русские князи и бояры и воеводы и все великое войско широкие поля (л. 188 об.) кликомъ огородиша и злечеными доспѣхами освѣтиша. Уже бо ста тур на оборонь.

Тогда князь великий Дмитрей Иванович и брат его князь Владимир Андрѣевич полки поганых вспять поворотили и нача их бусорманов бити и сечи горазно без милости. И князи ихъ падоша съ коней, загремѣли, а трупми татарскими поля насаяша и кровию ихъ реки протекли. Туту поганые (л. 189) разлучишася розно и побѣгше неуготованными дорогами в лукоморье, скрегчюще зубами своими, доруши лица своя, аркуще так: Уже нам, брате, в земли своей не бывать и дѣтей своих не видать, а в Русь ратю нам не хаживать, а выхода нам у русских людей не прашивать. Уже бо востона земля татарская, бѣдами и тугою покрывша бо сердца их, хотение князем и похвала Ру(л. 189 об.)ской земли ходити. Уже бо веселие наше поничѣ. Уже бо русские сынове разграбиша татарские узорочья и доспѣхи и кони и волю и верблуды и вино и сахар и дорогое узорочие. Уже жены русские восплескаша татарским златом.

Уже бо по Руской земле простресе веселие и буйство. Воснесесе слава руская по всей земли, а на поганых татар промчесе злых бусорманов хула и пагуба. (л. 190) Уже бо вержено диво на земли. И уже грозы великого князя Дмитрея Ивановича и брата его князя Владимира Андрѣевича по всем землям текутъ грозы. И князь великий своею храбростию и дружиною Мамай поганого побил за землю за Рускую и за вѣру крещеную. Уже поганые оружия своя повергоша на землю, а главы своя подклониша под мечи руские. И трубы их не трубят и уны(л. 190 об.)ша гласи их.

И отскоца поганый Мамай от своя дружины серым волком взвыл, и притече к Хафѣсте граду. Молвяше же ему фрязове: Чему ты, поганый Мамай, посягаешъ на Рускую землю? То ты била орда Залѣская. А не бывати тобѣ в Батыя царя. У Батыя царя было чотыреста тысячь окованные рати, а воевал всю Рускую землю от востока и до запада. А казнил бог Рускую землю (л. 191) за своя согрѣшения. И ты пришел

на Рускую землю, царь Мамай, со многими силами, з дѣвятью ордами и 70 князьями. А нынѣ ты, поганый, бѣжишь самдевятъ въ лукоморье, не съ кем тебѣ зимы зимовати в полѣ. Нешто тебя князи рускіе гораздо подчивали, ни князей съ тобою ни воеводъ? Нѣчто гораздо упилися у быстрого Дону на полѣ Куликовѣ на травѣ ковыль? (л. 191 об.) Побѣжи ты, поганый Мамай, от насъ позадынеш и нам от земли Руской.

Уподобился еси милому младенцу у матери своей. Тако господь бог помиловал князей рускихъ, великого князя Дмитрея Ивановича и брата его князя Владимера Андрѣевича меж Дона и Непра.

И стал великий князь Дмитрей Иванович съ своимъ братомъ с княземъ Владимеромъ Андрѣевичемъ и со остальными своими (л. 192) воеводами на костѣхъ на полѣ Куликове на речкѣ Непрядѣ. Грозно бо и жалосно, брате, в то время посмотри, иже лѣжатъ трупы крестьянскіе у Дуная великого на брѣзе, а Дон река три дни кровию текла. И рече князь великий Дмитрей Иванович: считайтесь, братиа, колько у насъ воеводъ нѣтъ и колько молодыхъ людей нетъ. Тогда говоритъ стоя Михайло (л. 192 об.) Александровичъ московскій бояринъ князю Дмитрѣю Ивановичю: Государь князь великий Дмитрей Иванович, нету, государь, у насъ 40 бояриновъ московскихъ, 12 князей бѣлозѣрскихъ, 30 новгородскихъ посадниковъ, 20 бояриновъ коломенскихъ, 40 бояръ серпуховскихъ, 30 пановъ литовскихъ, 20 бояръ переславскихъ, 25 бояръ костромскихъ, 35 бояръ Володимировскихъ, 8 бояръ суздацкихъ, (л. 193) 40 бояръ муромскихъ, 70 бояръ рѣзанскихъ, 34 бояриновъ ростовскихъ, 23 бояръ дмитровскихъ, 60 бояръ можайскихъ, 30 бояръ звенигородскихъ, 15 бояръ углецкихъ. А посечено от бѣзбожнаго Мамаю полтретья ста тысячъ и три тысячи. Слава тебе, господи боже нашъ, помиловалъ насъ. И рече князь великий Дмитрей Иванович: братиа бояра и князи и дѣти боярскіе, то вамъ сужено (л. 193 об.) мѣсто межъ Дономъ и Непромъ, на полѣ Куликове на речкѣ Напрядѣ. И положили есте головы своя за святые церкви, за землю за Рускую и за вѣру крестьянскую. Простите мя, братиа, и благословите в семъ вѣцѣ и в будущемъ. И пойдемъ, брате, князь Владимер Андрѣевичъ, во свою Залескую землю къ славному граду Москвѣ и сядемъ, брате, на своемъ княженіи, а чести есми, брате, добыли и славного имени. Богу нашему слава.

5. СИНОДАЛЬНЫЙ СПИСОК¹

Сказаніе Сафоницкаго резанца исписана рускимъ княземъ похвала великому князю Дмитрѣю Ивановичу и брату его Володимеру Одреевичу

Говоритъ князь великий Дмитрей Ивановичъ брату своему князю Володимеру Одреевичу, што де идетъ поганый царь Мамай в полунощную стражу² в мѣсто Охмета сына Ноева, от него же родися Рус православ-

¹ Собр. б. Синодальной библиотеки № 790, XVII в. Гос. Истор. музей.

² В угловыхъ скобкахъ добавлены явно пропущенные писцомъ буквы; в примечаніяхъ даются поправки къ словамъ, где допущены простыя опіски, искажающіе смысл. Не-

ная. Взыдем, брате, на гору киевския, посмотрим славнаго Днепра и во всю землю рускую, иж жребие воздати на силу поганого царя Мома. Се бо есмо чада благородныя.

Потом же написахом жалост и похвалу великому Дмитрию Ивановичу и брату его князю Володимеру Андреевичу.

Снидем, брате, сынове руския, составим слово ко слову, возведем Рускую землю, понеже печал на восточную страну в сем жребие воздати победу поганому царю Момаю.

Говорил княз великий Дмитрей Иванович брату своему князю Володимеру Ондреевичу: скажи ми, (л. 37) брате, коли и мы словесы о похвалных сихъ о нынешних повестех а полкъ великого князя Дмитрия Ивановича и брата его князя Володимера Андреевича и правнуковы Володимера Киевского. Нача повѣдати по делом былым. Не поразилися мысленными землями, помянем первых лет времена, похвалимъ вещаго горазда гудца. Тот бо де похвал вещи буиныя накладаетъ свои беляя руды но златыи струны, пояше руским князем похвалу: первому князю рускому на земли киевской Рурику, великому князю Володимеру Светославичу, великому князю Ерославу Володимеровичу. И здесь помянем Софония резанца, сего великого князя Дмитрея Ивановича и правнука святого князя Володимера киевского и брата его Володимера Андреевича, их же помянем и похвалим гуслями и песнями и буиными словесы, занюже отпало было мужество князем руским. От Колонныя роти лет 160 до Мамаева побоища.

Се бо идет княз великий Дмитрей Иванович и братъ его княз Володимер Андреевич, помолився богу и пречистой его матери, истезавше умы свои крепостею и поостри сердце свое мужеством и наполнися роснаго¹ духа и вставиша себе хибрия² полти ся руской, поменовыша прадида своего великого князя Володимера киевского.

А жаворонокъ лѣтняя птица, красных дней втиха, возметы ж под сылныя небеса, посмарти³ ко славному городу Москви. А чи боре соколом (л. 37 об.) зонесет из земли Золеское в поле половецкое. Кони ирзуть на Москве, трубы трубят у Серпугове, бубны бубнят но Коламне, звинит слава по всей земли руской, чудно стези стояти у великого Дону на берези. Звонят вечныя колоколы у Великом Новгороде, стоят мужи новгородцы у святое Софей, рекут так: Уже нам, брате, не поспети на пособъ государю нашему великому князю Дмитрию Ивановичу и брату его князю Володимеру Андреевичу. Як тые слова измовили, а уже какъ орли слетишася, выехали посадники всѣ из Великого Новгорода 70 000 кованыя рати к великому Дмитрею Ивановичу, ко брату его князю Володимеру Андреевичу на пособъ ко славному граду Москве.

понятыя и потому искаженные переписчиком места сохраняются в их подлинном виде — таких искажений Синодальный список дает значительное количество.

¹ ратнаго

² храбрія

³ посматри

У Дону великого стоят татарове поганья цар Мамою на реце Мечне, межи Чудовым и Михайловым, хотят брести к нам и предати живот свой на смерть нашей славе.

И рече князь великий Дмитрий Ивано(ви)ч брату своему князю Володимеру Андреевичу: пойдем, брате, тамо, искупим животом славы, учинить имам диво, старих повест, а младым павет за землю рускую и за веру христианскую. И рече князь Дмитрией Иванович брату своему: князи е(с)мо рускии, гнездо е(с)мо князя Володимера киевского, руского царя. Досея есмо были не обижены ни от кого, ни ястребу, ни соколу, ни белоозерскому кречету, ни тому ж псу поганому цару Мамаю.

А соловей, летняя птица, (л. 38) красных дней втеха, што жъ бы еси выщектали из замл(и)¹ Залеское двух брат Алгиродивичовы, князя Дмитрея Волынскаго, а князя Ондreja Бра(н)ского. Тые ж бо ест сынове храбр(и)и, родишас в ратное време, под трубами нечистых кочаны, коней воскормлены, с коленных стрел воспоены в <Ли>твической земли.

И рече князь Ондрей Бранский брату своему князю Дмитрею Волынскому: княже Дмитрею, сами есмо себе два браты, сынове смо Алгыродовы, а внучата есмо Гедымонтавы. Соберем себе милую дружину храбрех панов, а сильных удалцах, а сами усядем на борздыя кони, посмотрим бистрого Дону, сопием шеломом воды, испытаем мечов своих литовских, а шоломов татарских, солиц немецких, а бонадов бесумерских.

И рече князь Дмитрией Вол(ын)ский брату своему князю Ондрею Бранскому: не пощади, брате, живота своего зо землю рускую и зо веру христианскую, за обиду великого князя Дмитрия Ивановича и зо брата его князя Володимера Андреевича. Вжо, брате, стук стучит и гром гримит в камене граде Москве. То ти, брате, не стук стучит, ни гром гримит, стучит раты великого князя Дмитрия Ивановича, гримят руская удалцы золотыми доспехи и шелома и черлеными считы. Седлай, брате Ондрей, своих кони, а мои подеманы. Выедем, брате, выедем, брате, в чистое поле, посмотрим, брате, в чистое поле, посмотрим, брате, своих полков, колко с нами удалых панов храбрие Литвы: та поведают 70 тысяць кованья раты.

Вжо, брате, возвеша сильныя ветри ко вусту Дона и Днепра, пролишася (л. 38 об.) сильныя кривавыя зори, в них же трепещут сильныя молния. Быти утупу великому на реце Непрадене, меж Дона и Днепра, пасти великому трупу человеческому но поли Куликове, пролити крови. Вжо, брате, воскрипели телегы татарския межи Дона и Днебра, идут хинове на Рускую землю. Притекоша ярия волцы но вусту Дона и Непра, ставы² выют но реце но Мечи, хотят пойти на Рускую землю. То ти быша не серия волцы, проидоша поганья татарове, хотят пройти воюючи Рускую землю.

¹ В рукописи не дописана только последняя буква „и“, поэтому в издании Смирнова ошибочно указано, будто не дописана „строка“ (Русский филологический вестник, т. XXIII, 1890, № 2, стр. 12, прим. 21).

² Можно прочитать и ставши

Тогда гуси возгагатали и лебеди возплескали крилами своими. Не гуси ж то возгогатали, паганыи цар Мамай пришел и воеводство привел. Вжо победы их пашутся, а птицы под облаки летают. А ворони часто играют, а галицы своею речю говорят, орли в гаму кличут, волцы грозно выют, а лисицы на костех брешут. Земля, земля резанская, тепер бо ест коко зо Соломоном царем побывали.

То ти уж бо ястреби и соколи и белоозерстии кречеты отривахуся от златых а колкоцы ис камени грады Москвы, обриваху шевковыя опутины, возвиваючися под синия небеса, звонечи золотыми колоколы. Над быстрым Доном хотят ударити на многие стады гусинья и на лебединья, а богатыри руския удалцы хотат ударити на великия силы поганого царя Мамайя.

Тогда князь великий Дмитрий заплакал гарко и рече: господи боже мой, на тя уповах, да не постыжуся (л. 39) во веки, на да посмеются врази мои. Втер слезы свои и воступает во позлощное свое стремя и взял меч свой во правую руку и помолися богу и пречистой его матери. Солнце ему ясная сияет на востак, пут поведает, святой Борис и <Г>лебъ молитву творит за сродники своя.

Што пишут, што гримит, что грит рана пред зорами? Князь Володимер полки перебираетъ и ведет к быстрому Дону ко брату своему князю Дмитрию Ивановичу. Княже великий Дмитрий Иванович, не оставиумо великим полком. Не слухай изменников, не услобляй поганым татаром. Уже бо поганые татарове поля наступают, а хоробруя нашу дружину побивают.

И рече князь Дмитрей великий Иванович брату своему князю Володимеру Ондреевичу: Брате милый, сами есмо себе два браты, сынове есмо велико<го> князя Ивана Данилевалча Каметы,¹ а внучата есмо великого князя Даниля Александровича. А воеводы в нас воставлены крепкия 70 бояринов, а князь белоозерстии Федор Семенович, два брата Олгиродовичи, князь Андреи Бранский, а князь Дмитрей Волинский, а Тимофей Волоевич, Андреи Серкизовичъ, а Михайла Иванович. У боя нас людей 300 тисецъ кованья раты, а воеводы в нас крепкия, ведомоя дружина, а под собою маем кони борздыя, но себе (л. 39 об.) маем доспези позлащенныя, а шоломы чиркаския, а щити московския, а сулицы немецкия, а кофыи фразския, а кинжалы мисурскими, а мечи булатныя, а дороги нам сведомо, а перевозы в нас в нас в<с>тавлены, но еще хощем силно главы свои положити за святыя божия церква, за православленную веру христианскую и за землю Рускую. Пашут бо кафир, ищут бо себе чести и <с>лавы и великого имени.

Уже бо я<с>треби и соколи и белоозерстии кречеты прилетеша и удариша на многия стада со силныя и на лебединья. То ти быша ни соколи ни кречеть, то то уже изехалися далныя люди князи руския, богатыри литовския но великия силы татарския и удадариша² кафыи фраз-

¹ Калиты

² удариша

скими а даспехи татарскими. Возгримели мечи буйныя а бы шеломы бесурменския на поли Куликове на реце Непродене.

Черная земля под копытами под костми татарскими носити кровю земля. Силныя волцы¹ изступишася в место, протекоша лугы и холмы кровию. Возмутишася реки и потоки езора. Кликнула диво по всим землям руским, велит грозна послушати. Шибла слава к мору и к Ворнавичом и к Железным вратом, ко Кафе и к турком и ко Царуграду, и што Ру^сь поганых одалеша.

На поли (л. 40) Куликове тучи силныя изступишася, а вид ни^х сияли силныя великия молныя, гримит гром силный. Та ти изступишася сынове руския с погаными татары за свои обиды. А в них же сияли золотыя доспехи, гремели князей руских доспехи и хечи² булатныя и обышаки московския. И билися из утра до полудня в субботу на рожество святыя богородица месяца сентебра во 8 ден.

Не турове рано возрули на поли <Кули>кове, возрули воеводы силныя бояре великаго князя Дмитрея Ивановича, вои и князя белоозерстии, побитыи и посеченыи от паганых татар: Федор Семенович, Ондрей Серкизович, Михайло Иванович, Семен Михайлович, Микула Василевич, Тимофей Волеу^вичь, иная многа дружина у Дона на березе лежит побита и постреляна.

Пресвета черница б^ранского боярина привели на судное место. Говорит Пересвет чернецъ великому князю Дмитрию Ивановичу: Государь князь Дмитрей Иванович, лучжи ш бы нам, господине, посеченым быти, нижли полоненым быти от паганых татар. То ж де Пересвет чернецъ по-скакивает на своем борздом кони, золотым доспехом посвещаючи. А многая иная дружина лежит у великом Дону побита и постреляна. И рече: Добре тут, брате, стару помолодети, а молодому чести добыти, плечи св^оих испытати. (л. 40 об.) Говорит Услабо чернецъ брату своему Пересвету чер^нцу: Брате Якове, вижу на телѣ твоём многия раны, пасти главе твоей на траву ковылу, брате чадо Якове, на зелену ковылу за землю рускую и за обиду великаго князя Дмитрея и за брата его князя Володимера Ондреевича.

В тоя ж время по Резанской земли ни ратой ни постух не покличет, но толко часто вороны играют, трупы человеческого чают. Сего ради грозно жалосно видети крови християнское, зонѣжъ трава кровю полита, а дресеса тугами приклонишася до земли. Воспели птицы жалостными песнями, восплакали кнегини и бояр^ыни избивенных мужей, Микулина жена Маря рано плакаше у Москве града на заборолех, а рекучы такъ: Доне, Доне, быстрая река, прорыла ест каменья горы, течешы в землю полонецкую, прилелей моего господаря ко мне Микулу Василевича. Тимохвеева жена Настася тако ж плакашася рано, а рекучы: Ужо веселие мое пониче у славном городе Москве. Уже государя моего Тимохвеева в животе не вижу. Анѣдреева жена Маря да Михайлава жена Оксинья

¹ полци

² мечи

рано ж плакашесь: Уже нам солнце померкло во славномъ граде Москве. Припахнули нам от быстрого Дону поломяныя вѣсти, носяше великую беду, мужей наших раты прибили. Изседоша удалцы из борздых коней на судное место на поли Куликове, положили головы своя от святых божых церкви за православъную веру христьянскую и за господаря великаго князя Дмитрия (л. 41) Ивановича и брата его князя Володимера Андреевича.

Вжо, брате, диво кличет под шаблею татарскою, а тым богатырем слава и чест и вечная память от бога милост.

Не щурове рано воспели в Коломных городах но заборолех но воскресение христово на Акыма и Анны днес. То ти быша не щурове рано воспели, восплакалися жены поломяныя,¹ и рекучи тако: Москва, Москва, быстрая река, чему еси золелъела мужей наших от нас в землю половецкую. Государю княже великий Дмитрей Иванович, можеш ли реку Донъ зоградити и шелома ичерпати, а реку Мечну трупы татарскими зоградити. Замкни, государю великий княже Дмитрей Ивановичь, реце отчин² ворота, што ж бы тые поганые татарове и потомъ к нам не бывали, уже бо мужей наших прибыла от рат поганых татар. Того дня в субботу на рожество святых богородици секоша христьяне полковъ поганых татар на поле Куликове на реце Непрядене.

Воскликнул княз Володимер Андреевич, а скокаша на конь по рати поганых татар, своим конем борздым поездаючи, золотым поспехом³ посвечаючи. Гримят мечы булатныя об шелома татарския. И похвалит княз великий Дмитрей Иванович брата своего Володимера Андреевича: (л. 41 об.) Брате милый Володимере, то ты ест желъзное зобороло у зло тошного веремени. Говорит княз Володимер Андреевич брату своему князю Дмитрю Ивановичу: брате княже великий Дмитрей, не оставай из своим великими полки, не слухай измеников сромотников. Поганых татарове поля наступуют, а хоробрую нашу дружину побывають, во трупу человеческому добрый кон рихло не скочит, во крови по колени бродит. Уже, брате, велми жалосно видити крови христьянское. Не оставай, брате княже Дмитрею, из своим воеводы из сильными бояры. Рече княз Дмитрей Иванович своим крепким воеводам и сильным великим бояром и детем боярским: братя руская, князи и воеводы и бояре и боярские дети, тута надобе стару помомодети,⁴ а молодому чести достати себе и детем своим и женам своим, места достати на сей службе. То ти ест не наши меды сладкия московския. А колис о местих тяжетеса, ту каждый добрый удайся, добуд себе чести и славы и места женам и детем и всему своему роду.

И рече княз великий Дмитрей, яко ж рече по пророческому Давыдову слову: Господи боже мой, на тя уповах, да не постыждуся во вѣки,

¹ Коломенския

² Оке

³ доспехом

⁴ помолодети

ни да посмѣются врази мои. (л. 42) И помолися богу и пречистой его матери и всим святым его и заплакал горко и втер слезы свои.

Тогда яко орли слетешася но великия сыли татарския поганого царя Момаю. Я¹ побегоша татарове нетоличными дорогами, пометавше оружие свое и руками своими покриваху главы своя и плакашася горко глаголюще: Уж нам у Золотой орда не бывати, бедных жон и детей не видати. Се ж погиге царей наших веселие и величество и радост и похвала на Рускую землю из радостю ходити.

И погнаше руския сынове вослед поганых татар и победивше много множества поганых татар безчисленно и возростишася² и с победою из великою радостию к великому князю Дмитрию Ивановичу и ко брату его Володимеру Ондреевичу на поли Куликове на реце Непрядене. Быст радост великая руским князем.

Ставши на костехъ поганых татар вострубили и з радости начаша имати кони и верблюды и камки, носечи сребро и золото и крепкия доспехи и чест и жемчуги и дорогое взорочия, колко хто хотечи и могучи, толко возимаючи. Жены жены руския татарским золотом.

Княз великий Дмитрей Иванович получи божию милость пречистия его матери и всех святых его, молитвами святых чудотворец руских Петра и Алексия и преподобнаго отца нашего Сергея и брата его святого Володимера Кие(в)ского, инья многия руския вдалцы князи (л. 42 об.) и бояре и боярския дети возвратишася из своим господарем ко славному граду Мо(с)кве с великою попедою³ из росстию⁴ незглаголанною.

И поганый цар Момай с малою дружиною прибегъ ко Кафе и рекоша ему фрезове: Поганый царю и бедный Момаю, пошел еси похвалившисе на Рускую землю з деветю ордами из семию девет великими князми ординскими темними, а нынѣ еси прибегъ самою дружиною толко самъ десят. Нешто гораздо чтили их руския князи твою дружину темных князей великих вланов, што их с тобою никого нет? А то сами розумем, поганый Момаю, что от великию чести от солодких медов князей руских воя твоя дружина зогигла, и многия орды погигли и главы свои потеряли. А ты ж сам худый бедный царю Момаю, чести своя избыв, вечно, поганый Момаю, задениши нас своим безумием, яко ж пишет во причах: похвала бывает мужу безумному великая пагуба. А инде пише во причах: гордому богу⁵ противится, а смиренному дает благодат. Богу нашему слава и нынѣ и п(р)исно и во веки веком амин.

К о н е ц ь

¹ И

² возвратишася

³ победою

⁴ радостию

⁵ бог

М. О. СКРИПЦЬ

Повесть об Улиянии Осорьиной

(Комментарии и тексты)

1

Уже в первой половине XVI в. можно отметить наличие новых веяний в агиографии, которые ярче всего отразились в одном из объединительных мероприятий этого времени — в составлении Степенной книги. „В житиях, составленных для Степенной книги, — говорил в свое время В. О. Ключевский, — стало заметно стремление дать преобладание биографическому рассказу над общими риторическими местами жития и изобразить деятельность святого в связи с другими историческими явлениями его времени“.¹ Поэтому-то среди житий Степенной книги можно указать ряд произведений, по тону и приемам приближающихся к простой биографии. Это обстоятельство объясняется теми задачами полу-агиографического полу-исторического характера, которые стояли перед авторами и редакторами Степенной книги. Стремясь показать, что все развитие Московского государства является результатом объединения сил представителей светской и духовной власти, агиографы Степенной книги неизбежно должны были уделять внимание подлинным фактам биографии святого. Позже, вследствие большого распространения житий Степенной книги, в конце XVI в. и в XVII в. переделка старых житий идет согласно изменившимся взглядам на задачи агиографии: их редакторы стремятся путем изучения и свода разных источников достигнуть большей биографической полноты и конкретности. А затем создаются новые произведения этого типа. Таковы, например, жития Иринарха и Троицкого архимандрита Дионисия. Их житийная схема наполняется конкретным историческим и бытовым содержанием.

На первый взгляд может показаться, что „Повесть об Улиянии Осорьиной“ является дальнейшим шагом в развитии этого течения агиографии; что это пример того, как перенасыщение „жития“ историко-бытовым материалом приводило к деформации самого жанра.

¹ В. О. Ключевский. Древнерусские жития святых как исторический источник. М., 1871, стр. 349—350.

Но анализ конкретно-исторических условий, в которых была создана эта повесть, с одной стороны, и текстологическое изучение ее многочисленных списков, с другой, приводит нас к несколько иному выводу. Наш вывод: „Повесть об Улиянии Осорьиной“ была задумана и выполнена как светское повествовательное произведение — биография с элементами семейной хроники; а агиографические черты в ней — это невольная дань традиции, это свидетельство того, как трудно было писателю начала XVII в. дать идеальный образ героини без ореола „святости“.

Наши комментарии к повести и имеют своей целью оправдать этот вывод. Кроме этого, они могут приобрести и иное значение: благодаря им становится ясным незаурядное значение „Повести об Улиянии Осорьиной“ как источника, раскрывающего семейный быт городского дворянства на грани XVI—XVII вв.

2

Наши сведения об авторе „Повести об Улиянии Осорьиной“ весьма скудны. Во второй редакции повести говорится, что „житие“ Улиянии „списано многогрешным Калистратом, пореклу Друживою Осорьиным, сыном ея, что в Муромских пределах“. Действительно, в Муроме в первой половине XVII в. жил Дружина Осорьин. Так, в „Писцовой книге города Мурома 1637 года“ мы находим следующее упоминание: „Двор муромца Дружины Осорина, а в длину того двора 7 сажен поперег тож, а владеет он Дружина тем своим двором по старине“.¹ Кроме этого, в ряде исторических документов мы находим указания на служебное положение Дружины Осорьина. В царских грамотах второй четверти XVII в. (1625—1640 гг.)² он называется „губным старостой“. Сохранилась, между прочим, грамота самого Дружины Осорьина царю Михаилу Федоровичу от 1633 г.³ Следовательно, в должности губного старосты Дружина Осорьин пробыл, по крайней мере, с 1625 г. по 1640 г.

Институт губных старост был установлен Иваном Грозным для того, чтобы „обьскивати и имати лихих людей разбойников“.⁴ До Ивана Грозного судом „ведомых лихих людей“ ведали областные правители: наместники, волостели, ловчие или их тиуны.⁵ Но эти должностные лица смотрели на свои судебные обязанности в значительной степени только как на средство „кормления“, и их заботы об охране населения от разбоя

¹ К. Тихонравов. Владимирский сборник. Материалы для статистики, этнографии, истории и археологии Владимирской губернии. М., 1857, стр. 147.

² Акты Археографической экспедиции, т. III, СПб., 1863, №№ 163, 210, 295 и 297. Акты, относящиеся до юридического быта, т. I, стр. 695, 696.

³ А. А. Титов. Историческое обозрение города Мурома. Труды Владимирской ученой архивной комиссии, кн. IV, 1902, стр. 45.

⁴ Акты Археографической экспедиции, т. I, СПб., 1836, №№ 187, 192, 194, 224, 281 и др.

⁵ Там же, №№ 123, 150 и др.

и татбы часто оказывались недостаточными. Поэтому „правительство принуждено было, время от времени, для поимки введомых разбойников и суда над ними посылать особых обыщиков или сыщиков, с которыми крестьяне должны были отправляться на обыск“.¹

Но эта мера также не достигала своей цели. Обыщики, приезжавшие в область только на время и уезжавшие из нее по окончании судебного процесса, не находили в крестьянах серьезной поддержки. При сильном развитии в XVI в. разбоев крестьяне, боясь мести со стороны разбойников, предпочитали не выдавать их этим спорадически наезжавшим представителям государственной власти. Да и материальные расходы, связанные с содержанием обыщиков и проведением розыска, были в тягость местному населению. Уже одна из первых губных грамот, так называемая „белозерская“ (1539 г.) говорит об отрицательном отношении местного населения к централизованно поставленному розыску: „И мы к вам посылали на Белоозеро обыщиков своих, и от наших де обыщиков и от неделщиков чинятся вам великие убытки, а вы деи с нашими обыщики лихих людей разбойников не имаете для того, что вам волокита велика“.² Московское правительство, хорошо учитывая недостатки областного управления и централизованного суда, вынуждено было передать все, так называемое, губное дело самим общинам.³ Для губного суда приказано было выбирать особых должностных лиц: губного старосту и губных целовальников, и нанимать: губного дьяка, палача, бирюча и сторожей тюремных и „избных“.

Должность губного старосты мог получить только человек, принадлежащий к определенному классу, к классу „детей боярских“ или дворян; хорошо грамотный и материально обеспеченный, „прожиточный“.⁴ В то время как губные целовальники, избираемые из крестьян, должны были меняться ежегодно, срок деятельности губного старосты историческими актами не определяется.⁵

Приведенные выше исторические справки несколько расширяют наши сведения о Дружине Осорьине. Очевидно, что он был муромским городовым дворянином, авторитетным в своей среде, хорошо грамотным и материально обеспеченным, так как губные старосты по должности вознаграждения не получали.

Время жизни Дружины Осорьина можно определить только приблизительно. В Муромской десятинах 1597 г. среди „дворовых“ детей боярских муромцев служилых новиков, которые „доместным окладом верстаны, а денежным жалованьем поверстаны до 105 году, и деньги им даны“,

¹ Н. Шалфеев. Об уставной книге разбойного приказа. СПб., 1868, стр. 36.

² ААЭ, т. I, стр. 164.

³ С. Шумаков. Губные и земские грамоты Московского государства. М., 1895, стр. 14—15.

⁴ ААЭ, т. I, №№ 187, 192, 194, 330. — С. Шумаков, ук. соч., стр. 41—42.

⁵ ААЭ, т. III, № 210; т. I, № 224.

значатся „Дружина да Ивашко Юрьевы дети Асорьина“.¹ Так как дворяне верстались с 15-го возраста, то время рождения Дружины Осорьина надо отнести к 1570—1572 гг. Последнее упоминание о нем в документах относится к 1640 г. Очевидно, этими датами и следует определять время жизни Дружины Осорьина.

Труднее определить время написания „Повести об Улиянии Осорьиной“. Повесть не могла быть написана раньше 1614 г., так как в самом тексте ее упоминается этот год, год смерти одного из сыновей Улиянии: „И бысть в лето 7122-го августа в 8 день преставися сын ея Георгий...“ С другой стороны, в списке чудес, записанных при ней, одно из чудес датируется 154 годом. Учитывая, что это 20-я по счету запись, мы должны будем отодвинуть время написания повести от этой даты на ряд лет назад и весьма приблизительно датировать повесть 20—30-ми годами XVII в.

3

Традиционно-житийные элементы повести об Улиянии Осорьиной видны, прежде всего, в общей характеристике героини — религиозность Улиянии обнаруживается уже в детском возрасте: „Сия же блаженная Улияния от младых ногтей бога возлюбя“, „Молитве и посту прилежаше“; она чуждается детских игр: „Бе бо измлада кротка и молчалива... от смеха и всякия игры отгребашеся“; она помогает вдовам, сиротам, нуждающимся больным; ухаживает за „язвенными“ и хоронит умерших; никогда не оставляет молитвы и пр.

Элементы чуда то в виде демонологических образов, то в виде чудесного извещения воли божьей или чудесного доказательства святости героини занимают в повести значительное место. С юных лет и до смерти Улияния борется с бесом, который все время чинит ей „спону“ в ее добродетельной жизни. В этой борьбе ей дважды помогает святой Николай, являющийся в образе, получившем широкое распространение в древнерусской иконографии и настенной живописи: он бьет бесов то книгой, то палкой и, поймав одного из них, долго его мучит. Священник слышит чудесный голос, повелевающий Улиянии посещать церковь. Из лебеды и древесной коры Улияния печет хлебы, которые по ее молитве становятся сладкими. По смерти Улиянии голову ее окружает нимб; а когда на ночь ее кладут в клеть, то „благоухание велие повеваше из клетки“; открыв же гроб ее через десять лет, обнаруживают его „полн мира благовонна“.

Все это типичные черты агнографического стиля.

Есть в повести и прямые ссылки на агнографическую и церковно-учительную литературу: на житие Корнилия, а в распространенной редакции — на повесть о царице Феодоре, на сочинения Космы Пресвитера и пр.

¹ В. Н. Сторожев. Десятии XVI в. М., 1891, стр. 73.

4

Но агиографические элементы повести — это только привычные формы характеристики. А, помимо этого, героиня поставлена в такую колоритную бытовую обстановку, и ее действия так тесно связаны с определенными историческими событиями и крупнейшими вопросами ее эпохи, что перед нами не „блаженная“ (святой ее сам Дружина Осорьин не называет), а портрет русской светской женщины конца XVI в. — хорошей жены, матери и хозяйки. И Дружина Осорьин с исключительной любовью и искусством рисует этот портрет.

В ряде списков повести мы читаем: „Скажу же вам повесть дивну, бывшую в роде нашем“. Принадлежат ли эти слова Дружине Осорьину или они написаны позже одним из редакторов повести — решить трудно, но они прекрасно характеризуют одну из особенностей повести: жизнь Улиянии описана в ней в связи с жизнью ее предков, родных ее мужа и ее детей — „рода“. Эта особенность еще больше отдаляет повесть от агиографического жанра, тем более, что все это родственное окружение — чисто светские люди.

Повесть начинается словами: „Во дни благовернаго царя и великаго князя Иоанна Васильевича всея Руси, от его царьскаго двора бе муж благоверен и нищелюбив, именем Иустин, пореклом Недюрев, саном ключник, имея жену такову же боголюбиву и нищелюбиву, именем Стефаниду, Григориеву дщерь Лукина, от града Мурома. И живяста во всяком благоверии и чистоте, и имяста сыны и дщери, и много богатства, и раб множество. От нею же родися сия блаженная Улияния. Бывши же ей 6 лет, и умре мати ея, и поят ю в пределы муромские баба ея, матери ея мать, вдова Анастасия, Никифорова дщи Дубенского, и воспитающе во всяком благоверии и чистоте 6 же лет. И умре баба ея, и по заповеди ея, поят ю к себе тетка ея Наталия, Путилова жена Арапова“.

Затем, после краткой характеристики Улиянии, автор продолжает: „Егда же достиже 6-го на десять лета, вдана бысть мужу добродетелну и богату, именем Георгию, пореклом Осорьину, и венчани быша от сущаго ту попа, именем Потапия, в церкви праведнаго Лазаря, в селе мужа ея“.

Здесь мы находим упоминание нескольких фамилий: Недюрев, Дубенский, Лукин, Арапов, Осорьин.

Отец Улиянии Осорьиной, по повести, ключник Ивана Грозного Иустин Недюрев. Вне всякого сомнения, об этом именно Недюреве мы находим упоминание в „Купчей Савво-Сторожевского монастыря на деревни в Звенигородском уезде“ 1539 г. Здесь в числе послухов упоминается „Устин Васильев сын Недюрев“. Совпадение имен между повестью и купчей в данном случае полное. Хронологией это тождество имен также подтверждается: судя по содержанию повести, Улияния, как

мы увидим ниже, родилась около 1540 г. Следовательно, Иустин Недюрев к этому времени был уже взрослым человеком. Что это именно Иустин Недюрев нашей повести, кроме совпадения имен и времени, подтверждается еще одним любопытным обстоятельством. В купчей говорится: „а купчую писал Иван Микифоров сын Дубенского“.¹ Из приведенного выше отрывка повести мы видим, что бабка Улиянии, Анастасия Лукина, была урожденная Дубенская, дочь Никифора Дубенского. Упоминаемый в купчей Иван Никифорович Дубенский, очевидно, брат Анастасии Никифоровны, а „Устин Васильев сын Недюрев“ купчей — ее зять. Слишком хорошее сходство здесь в именах, в служебных и бытовых отношениях, чтобы можно было отрицать это. — Позже в 1542 г. Устин Недюрев служит ключником во Владимире.²

Нет сомнения в том, что Недюрев и Дубенский принадлежали к дворянскому классу Московского государства XVI в. Ряд исторических свидетельств с большой четкостью подтверждает это. Так, на одного из Недюревых, Дружину, мы находим указание в „Грамоте от боярина и дворецкого Никиты Юрьева на Белоозеро“ от 8 июля 1567 г.³ Дружина Недюрев здесь называется рыбным приказчиком. Рыбные приказчики в XVI в. назначались из дворян и детей боярских. Позже, в XVII в., как об этом свидетельствуют боярские книги, мы находим Недюревых в числе московских дворян. Так, в 1678 г. упоминается московский дворянин Григорий Прохорович Недюрев, а в 1692 г. — стряпчий Иван Григорьевич Недюрев.⁴

О Дубенских мы также находим ряд упоминаний в исторических документах. Предки Дубенских выехали из Польши. Их родословная значилась в Разрядном архиве под № 206. В росписи князей Прозоровских, происшедших от князей Ярославских (Разрядный архив, № 10), говорится также и о Дубенских.⁵ В начале XVI в. мы встречаем Дубенских в числе Владимирских и Коломенских городских дворян, во второй половине XVI в. — они дворяне московские, в конце XVI в. некоторые из них были стряпчими и стольниками.⁶ Уже известный нам Иван Никифорович Дубенский был дьяком Казанского Дворца в 1566 г.,⁷ мы встречаем его в числе писцов Новгородского уезда Шелонской пятины в 1572 г., а, очевидно, его брата Илью Никифоровича Дубенского

¹ Архив П. М. Строева. Русск. истор. библ., т. XXXII, 1915, стр. 253.

² Н. П. Лихачев. Грамоты Осоргиных. Известия русского генеалогического общества, вып. I, СПб., 1900, отд. III, стр. 17.

³ Архив Строева, стр. 457—458.

⁴ Алфавитный указатель фамилий и лиц, упоминаемых в боярских книгах, хранящихся в I-м отд. Моск. арх. Мин. юст., М., 1853, стр. 286.

⁵ Родословная книга, ч. II, Изд. Н. Новикова, М., 1787, стр. 310, 366, 416.

⁶ Алфавитный указатель фамилий и лиц, упоминаемых в боярских книгах, хранящихся в I-м Отд. Моск. арх. Мин. юст. М., 1853, стр. 121.

⁷ Н. П. Лихачев. Ук. соч., стр. 16 и прим. 2.

в этой же пятине в 1561—1563 гг.¹ и в числе дворян, „которые служат из выбора 85 года“.²

Лукины — предки Уляинии со стороны матери, — в начале XVI в. известны как Болховские городовые дворяне. Некоторые из них в XVI в. — дьяки и стольники.³ Так, напр., по документам хорошо известен дьяк великого князя Василия III — Алексей Лукин („великого князя казенный дьяк“).⁴ Родословная этого дворянского рода значилась в Разрядном архиве под № 457 в росписи Украинцовых.⁵

Род дворян Араповых, в семье одного из представителей которого воспитывалась Уляиния, также существовал уже в XVI в.⁶ В „Отписке Владимирского воеводы Вельяминова гетману Сапеге“ 1609 г. упоминается Петр Арапов.⁷ Его сыновья и внуки, судя по боярским книгам, значатся в XVII в. в числе муромских городовых дворян (Афанасий Петрович и Феодор Петрович Араповы в 1629 г., Иван Федорович Арапов в 1692 г.).⁸ Отцом Петра, очевидно, был Путила Арапов, упоминаемый в повести.

О роде Осорьиных встречаются упоминания в ряде исторических документов. Этот род не принадлежал к числу первостепенных родов Московского государства, он не занесен в Бархатную книгу, среди его представителей мы не найдем бояр, окольных, крупных государственных деятелей или военачальников. Свекор Уляинии, Василий Степанович Осорьин, по II редакции повести „муж добродородный и царю знаемый“, довольно долго служил в Нижнем Новгороде ключником.⁹ Муж Уляинии, Георгий Васильевич Осорьин, записан в Муромской десятина 1578 г. Вот что здесь о нем говорится: „Юрий Васильевич сын Осорьин — сам за собою и окладчики за ним сказали в Нове городе в Нижнем поместья четырехста четый, а больши того поместья и вотчины сам за собою и окладчики за ним в Муроме и в иных городех не сказали. Быти ему, сказал, на государевых службах на коне в пансыре, в шеломе, в саадаке, в сабле, да три человека на конех, в пансырех, в шапках в железных, в саадацех, один с копьем, человек на мерине с юком“.¹⁰ Запись эта хорошо комментирует соответствующие места повести.

¹ Д. Я. Самоковсов. Архивный материал. Новооткрытые документы поместно-вотчинных учреждений Московского государства XV—XVII столетий, т. I. М., 1905, Отд. II, стр. 10, 12, 13, 27.

² Акты Московского государства, изданные Акад. Наук. Под ред. Н. А. Попова, т. I, СПб., 1890, стр. 46.

³ Алфавитный указатель фамилий и лиц, упоминаемых в боярских книгах, хранящихся в I-м Отд. Моск. арх. Мин. юст., стр. 241.

⁴ Н. П. Лихачев. Ук. соч., стр. 16—17.

⁵ Родословная книга, ч. II. Изд. Н. Новикова, М., 1787, стр. 341.

⁶ П. Н. Петров. История родов русского дворянства, т. I. СПб., 1835, стр. 3.5.

⁷ Акты исторические, т. II. СПб., 1841, стр. 156—157.

⁸ Алфавитный указатель фамилий и лиц..., стр. 10.

⁹ Н. П. Лихачев. Ук. соч., стр. 21.

¹⁰ Там же, стр. 20. Кроме этого, об Осорьиных см.: В. Н. Сторожев. Материалы для истории русского дворянства. Вып. II, М., 1909, стр. 60—61, №№ 132 и 172; Архив

В „Писцовой книге города Мурома 1637 года“ мы находим ряд любопытных для нас данных, из которых видно, что многие из упоминаемых в „Повести об Улиянии Осорьбиной“ лиц, действительно жили в г. Муроме. Так, сохранились сведения о деде Улиянии — Григории Яковлевиче Лукине. В писцовой книге мы читаем: „Да в приправочных книгах написано: Двор муромца Григория Яковлева сына Лукина..., а ныне по новому письму того двора не сыскано; а по сказке Григорьева сына Степана Лукина тот двор пригородил в осадный двор живоначальной Троицы Сергиева монастыря“.¹ Очевидно, что дочь именно этого Григория Яковлевича Лукина — Степанида Григорьевна и жена его Анастасия Никифоровна упоминаются в повести.

Имеются в „Писцовой книге города Мурома“ упоминания и об Араповых, в семье предков которых воспитывалась Улияния после смерти ее матери и бабки: „Двор пуст муромца Федора Петрова сына Арапова, что был отца ево Петра Ондреева сына Арапова с братом с Афонасьем...“.²

Затем, здесь же мы находим упоминания и о роде Осорьбиных, прежде всего, о Василии и Авдотьи Осорьбиных. Очевидно, это свекор и свекровь Улиянии. „Двор пуст, — читаем в писцовой книге, — вдовы Овдотьи, Васильевской жены Осорьбина, что был мужа ее Василия...“.³ Наконец, здесь же мы находим уже цитированные выше упоминания о Дружине Осорьбине, а также о другом сыне Улиянии — Иване. „Двор пуст муромца Ивана, Юрьева сына Осорина..., а владеет он Иван тем своим двором по Государеве грамоте 128 году...“.⁴

Таким образом, в жизни Улиянию окружает светская среда, среда служилого дворянства. Дружина Осорьбин в своем повествовании об Улиянии упоминает о ряде представителей этой среды. При этом он не ограничивается только упоминанием отдельных лиц, так или иначе связанных с Улиянией, а попутно указывает некоторые характерные черты их или рисует их портреты. И если в характеристике стариков Недюревых можно увидеть традиционные житийные черты родителей „блаженной“ — „благоверие“, „боголюбие“, „чистоту“ и пр., то этого никак нельзя сказать о семье Араповых, высмеивающей аскетические порывы молодой Улиянии, или о Георгии Осорьбине, убеждающем Улиянию не идти в монастырь. Рассказ о ряде этих подлинно исторических лиц, частичная характеристика их, иногда перерастающая в бегло намеченный портрет (старые помещики — Осорьбины, служилый дворянин — муж Улиянии) и некоторые бытовые, к их жизни относящиеся детали,

П. М. Строева. Русская историческая библиотека, т. XXXII, 1915, стр. 432; Временник Московск. общ. ист. и др. рос., кн. 20, М. 1854. Смесь, стр. 47; ААЭ, т. I, стр. 436; Древн. рос. биол., ч. VI, стр. 458.

¹ Владимирский сборник. Материалы для статистики, этнографии, истории и археологии Владимирской губернии. Составил и издал К. Тихонравов, М., 1857, стр. 147.

² Там же, стр. 146.

³ Там же, стр. 145.

⁴ Там же, стр. 147.

переданные Дружиной Осорьиним, — все это расширяет рамки биографии Улиянии, внося в нее элементы семейной хроники.

5

Создавая портрет Улиянии, Дружина Осорьин воспользовался, как мы видели, рядом шаблонных формул житийной характеристики. Но жизнь Улиянии не в монастыре, а в миру, в обстановке деловых хозяйственных хлопот, ставила перед биографом особые задачи: она не укладывалась в устойчивую схему, привычные формулы и фразеологию жития. Поэтому портрет Улиянии имеет ряд черт, чуждых обычным агиографическим нормам и характерных для нее, как для героини светской повести.

Так, например, Улияния под влиянием суеверия окружающей ее среды боится одиночества и темноты: став ночью на молитву в отсутствии мужа, она затем, испугавшись „бесов“, в ужасе бросается в постель и, покрывшись одеялом, крепко засыпает. Эта деталь характеристики Улиянии совершенно чужда агиографическим описаниям борьбы святых угодников с бесами. И таких деталей в повести много.

Особенно сильно „Повесть об Улиянии Осорьиной“ удаляет от житийного жанра то обстоятельство, что Дружина Осорьин подробно характеризует Улиянию как хорошую домоправительницу: он говорит о ее умении управлять „рабами“, об имущественных взаимоотношениях ее и стариков Осорьиных и т. п. И постепенно, вместо „блаженной“, перед нами возникает портрет светской энергичной и умной женщины.

Отношение Улиянии к „рабам“ изображено в повести во всей своей житейской сложности. Об Улиянии говорится, что она „рабы же и рабыни удовляше пищею и одеждою, и дело по силе налагаше, и никого простым именем назваше, и не требоваше воды ей на омовение рук подающаго, ни сапог разрешающаго, но все сама собою творяше. А неразумныя рабы и рабыни смиреннем и кротостию наказуя и исправляша, и на ся вину возлагаше, и никого не оклеветаше...“ Здесь целая система взаимоотношений между рабами и их владельцами. В последней четверти XVI в. умная и энергичная помещица отказывается от личных услуг рабов, но в то же время „дело [им] по силе налагаше“. Опираясь на контекст повести и исторические свидетельства о роде Осорьиных, можно довольно точно определить это „дело“. В повести говорится о том, что Осорьины имели много лошадей и рогатого скота, исторические документы упоминают о их значительных земельных владениях. Не является ли в таком случае это место повести художественным отражением того „сажания“ рабов на землю, которое к концу XVI в. сделалось повсеместным явлением?

Вопрос о рабах стоял в XVI в. в тесной связи с вопросом о рабочей силе вообще. Давно прошли те времена, когда „раб был не только и, пожалуй, даже не столько рабочей силой, сколько обычным товаром

на рынках, особенно азиатских¹. Рабство в этом смысле к XVI в. уже явно обнаружило свою тенденцию к исчезновению. Его рудименты, пережитки, в XVI в. получили совершенно иной смысл. Раб для XVI в. — это, прежде всего, домашний слуга или помощник господина: ключник, повар, конюх. Причем, объем деятельности этих домашних слуг приобрел весьма скромные размеры, сообразно общественному положению их господ, городского дворянства. Часть рабов этого времени — прообраз будущих дворовых людей. Но такое положение дела продолжалось недолго.

Задачи военной колонизации и необходимость обороны заставили Московское правительство уделить особое внимание служилому дворянству, поставить дворянство в условия, при которых оно могло бы исправно нести военную службу. А для этого надо было верстать служилое дворянство земельными участками. Служилому дворянству щедро раздавались черные и дворцовые земли с их тяглым населением. Площадь, охваченная служилым землевладением, из года в год увеличивалась. Вследствие того, что в центральных уездах Московского государства уже во второй половине XVI в. было недостаточно земель для верстания, верстание происходило небольшим количеством четвертей. Это вело к дроблению старой дворцовой или черной волости. Уничтожалось тем самым старое, тяглое устройство волости. Вследствие этого на дворянина ложилась ответственность перед государством за податки крестьян. Он „тянул во всякия государевы подати“. Он получал, кроме этого, право оброчить крестьян сборами и повинностями в свою пользу. Среди этой части недавно еще свободного тяглового крестьянства их новое положение нередко являлось причиной недовольства новыми порядками. Крестьянство стремилось к выходу на новые земли. Это стремление еще усиливалось тем общим сельскохозяйственным кризисом, наличие которого, — несмотря на то, что причины его и до сих пор в нашей исторической науке не нашли достаточно исчерпывающего объяснения,² — во второй половине XVI в. совершенно очевидно. Недороды, эпидемии и татарский набег 1571 г. и других лет еще более усиливают этот отлив крестьянских масс на окраины. Дворянские поместья обращаются в „пустоши“.

Но вскоре положение меняется. С начала 80-х годов дворяне, да и другие землевладельцы, принимают ряд мер к восстановлению своего хозяйства. „Основное, что бросается в глаза в этом процессе изживания кризиса, — говорит Б. Д. Греков, — это нажим на крестьянский труд во всех видах и формах, а в частности усиление барщины. Как раз к этому времени относится и характерное изменение в формуле

¹ Б. Д. Греков. Феодалные отношения в Киевском государстве. М. — Л., 1935, стр. 81.

² Б. Д. Греков. Главнейшие этапы истории русской феодалной вотчины. Труды Историко-археологического института, т. VIII, стр. XVIII.

жалованных поместных грамот: прежняя форма обращения к крестьянам «и вы б, крестьяне, своего помещика чтили и слушали и на суд к нему ходили, и оброк ему платили по старине, а он вас ведает и судит» была заменена другой: «и вы б, крестьяне, пашню на него [помещика] пахали и оброк ему платили, чем он вас изоброчит».¹ Рабочие руки становятся предметом ожесточенной борьбы между землевладельцами, вызвавшей даже вмешательство правительства. И вот в эти-то годы борьбы за рабочие руки раб становится для землевладельцев, особенно мелких, какими было большинство служилого дворянства, не только дворовым слугой, необходимым для личных услуг, но и ценной рабочей силой для сельскохозяйственных работ. Правда, мы знаем, что рабов и в прежние века „сажали“ на землю.² Но в конце XVI в. процесс сближения рабов с крестьянами, очевидно, становится массовым явлением. Особенно это явление, повидимому, было характерно для городских дворян, владевших „нелюбимыми“ землями, на которые трудно было привлечь крестьян.

Дружина Осорьин в своем повествовании об Улиянии идет здесь по совершенно еще свежим следам событий последней четверти XVI в.

Улияния бережно относится к рабам. Она не называет рабов „простым именем“, она идет на уступки „неразумным“ рабам и рабыням; она принимает их вину на себя, оберегая тем самым их от гнева стариков Осорьиных, более, конечно, консервативных в своих отношениях к рабам, чем она. Исторические свидетельства о составе дворянской челяди к концу XVI в. хорошо комментируют поведение Улиянии.

К половине XVI в. пленение перестало быть источником рабов для частных лиц. Иван Грозный в своем указе от 1 сентября 1558 г. разрешает продаваться в холопство только тем из полоняников-новокрещенов, которые „государю в службу не пригодятся, и которые государеву службу служили да от службы отставлены“.³ Это только одно из проявлений складывавшегося во второй половине XVI в. враждебного к полному рабству отношения правительства. Знаменитое постановление от 30 ноября 1558 г.: „А которые люди впредь учнут наряжати на волных людей полные и докладные, стакався с таможенники, а в том на них доведут: и тех людей и таможенников казнити смертной казнью, как и головного татя“⁴ и указ от 15 октября 1560 г., запрещавший несостоятельным должникам давать на себя крепости полные и доклад-

¹ Б. Д. Греков, ук. соч., стр. XI, IV.

² См., например, „Измарагд“, ркп. Соловецкой библиотеки XV в., № 270, л. 187 (указываю по речи А. Шапова: Голос древней русской церкви об улучшении быта несвободных людей. Казань, 1859, стр. 13).

³ М. Владимирский-Буданов. Хрестоматия по истории русского права. Изд. 2-е, Киев, 1885, стр. 23.

⁴ Там же, стр. 24—25.

ные, даже если должники „сами бьют челом“ об этом,¹ — только продолжают развивать дальше враждебную полному рабству тенденцию Московского правительства второй половины XVI в. Правительство в целях охраны своей податной системы стремится к тому, чтобы тяглый крестьянин ни каким образом не мог попасть в разряд полных и докладных холопов.

Вместо рабов-пленников и рабов, попавших в рабство вследствие задолженности и по другим причинам, во второй половине XVI в. ряды челяди пополняются новым элементом, главным образом путем так называемого кабального или познренного холопства. Кабальное холопство достигает огромного развития к концу XVI в.

Характерно, что в кабальное холопство нередко пишутся „нищие и гулящие люди“, уже побывавшие в казаках на Волге и Дону. По Новгородским кабальным книгам 1597 и 1599—1600 гг. мы видим следующий состав записавшихся в кабальное холопство: из 65 лиц — 25 сирот малолетних, 10 нищих и гулящих людей, 18 людей без определенных занятий и только 12 человек, имевших самостоятельное хозяйство.² Это в большинстве случаев был народ, плохо мирившийся со своим закабалением и легко разрывающий кабалу уходом в „дикое поле“. Взаимоотношения между челядью и владельцами во второй половине XVI в. были сильно напряжены. Они все более и более обострялись по мере роста крестьянских волнений, пока, наконец, в начале XVII в. и холопы и крестьяне не выступили вместе против правящих классов.

В „Повести об Улиянии Осорьиной“ и нашел свое отражение вот этот период брожения в среде холопов, предварявший окончательный взрыв. В повести прекрасно характеризуется самая среда рабов: среди них много рабов и рабынь „неразумных“, „строптивных“, невыполняющих приказаний; таких, которые легко могут и „татъбе коснуться“. Таким образом, осторожное отношение Улиянии к своей челяди, очевидно, было исторически обусловленной необходимостью. Глухо упоминает повесть и о крайнем акте возмущения рабов в поместьи Осорьиных: „Ненавидяй же добра враг тшашеся спону ей сотворити; часты брани воздвизаше в детех и рабех. Она же вся, смысленно и разумно рассуждая, смиряше. Враг же наустит раба их: и уби сына их старейшаго“. Очевидно, это одно из тех аграрных убийств, которые в конце XVI в. приобрели массовый характер.

Улияния во время голода отпускает своих рабов на волю. „В то же время, — говорится в повести, — бысть глад крепок во всей русстей земли... Велице же скудости умножьшися в дому ея. Она же распусти рабы на волю, да не изнурятся голодом. От них же доблоразсуднии обещахуся с нею терпети, а инии отъидоша. Она же со благословением

¹ Там же, стр. 26—27.

² Н. Павлов-Сильванский. Люди кабальные и докладные. Журнал Минист. нар. просв. за 1895 г., январь, стр. 215.

и молитвою отпусти я: не держа гнева ни мало". Исторические документы сохранили указания на подобные же распоряжения весьма многих дворян этого времени. Речь идет о голоде в царствование Бориса Годунова, когда отпуск челяди на волю принял такие широкие размеры и осуществлялся настолько не в интересах челяди, что правительство вынуждено было вмешаться в это дело. Суть вопроса в том, что многие дворяне в эти годы своих „холопей“ ссылали с двора, а отпускных им не дали и крепостей им не выдавали“ в надежде на то, что по окончании голода они вновь смогут возвратить их в свои поместья. Указ Бориса Годунова повелевает „тем холопом давати отпускные“. ¹ И в данном случае, как мы видим, „Повесть об Улиянии Осорьиной“ дает художественное изображение весьма характерной черты во взаимоотношениях дворян и их холопов в самом начале XVII в.

В „Повести об Улиянии Осорьиной“ находятся любопытные данные об имущественных отношениях между родителями и детьми. Несмотря на то, что старики Осорьины „повелеста ей [Улиянии] все домовное строение правити“, все продукты все-таки находятся в ведении свекрови, и последняя выдает их, очевидно, по счету и мере, и для челяди и для самой Улиянии. Все имущество, таким образом, остается в распоряжении стариков Осорьиных, только „сребрениками“ Улияния распоряжается самостоятельно, очевидно, потому, что это „жалование“ ее мужа, находящегося на царской службе. После смерти стариков Осорьиных и ее мужа Улияния до последних дней своей жизни самостоятельно распоряжается всем своим имуществом и хозяйством, хотя у нее есть взрослые сыновья: она во время голода продает скот, домашнюю утварь и одежды и покупает жито; она самостоятельно отпускает на волю своих холопов и т. п. Только „сребреники“ находятся теперь не в ее ведении, очевидно, потому, что они — „жалование“ ее сыновей: „Егда же приходяше зима, взимае у детей своих сребреники, чим устроить теплую одежду, и то роздая нищим, сама же без теплыя одежды в зиму хождаете...“ Все это, конечно, отражение определенных правовых норм второй половины XVI в. — начала XVII в.

„Имущественная личность“ сына по законам, действовавшим в Московском государстве в XVI в., не имела никакой законной охраны и вполне зависела от доброй воли отца. Отец распоряжался своим имуществом до конца дней своих и если часть его выделял своему сыну, то в любой момент мог взять выделенное обратно. После смерти отца все имущественные права переходили к матери, дети же должны

¹ В этом указе прекрасно охарактеризовано положение холопов, отпущенных на „волю“. Дворяне „холопей своих, — читаем здесь, — ссылали с двора, а отпускных им не дали и крепостей им не выдавали, а велят им кормиться собою, и те их холопи помирают голодом, а иные многие питаются государевою царевою и великого князя Бориса Федоровича всеа Русии милостынею, а за тем их не примет никто, что у них отпускных нет“ (Акты исторические, т. II, СПб., 1841, стр. 57).

быть в ее воле: „сътворити всяко волю ея, а детям не дати воли“. В развитии имущественных прав детей в Московском государстве большую роль сыграло верстание. Сыновья служилых дворян, достигнув 15-летнего возраста, обязаны были нести военную службу. „Они верстались и получали поместья в отвод от отцов; это имущество не зависело уже от усмотрения отца“.¹ Но поверстанные дворяне, кроме поместий, получали еще жалование. Правда, оно было незначительно (городовые дворяне получали 6—14 руб.)² и выдавалось редко: „коли службы нет, в пятый год дают и болши“ — говорится в „Записке о Московском государстве“.³ Поэтому его роль в натуральном хозяйстве дворянина не могла быть большой. Но оно было в полном распоряжении поверстанного, а не его отца или матери. Художественное отражение этих правовых норм и нашло свое место в повести об Улиянии Осорьиной.

В порядке исторического комментирования следует остановиться еще на одном вопросе, важном для понимания образа Улиянии Осорьиной: на вопросе об отношении поместного дворянства второй половины XVI в. к религии, церкви, духовенству.

Экономические интересы земельного дворянства не только не совпадали, но сплошь и рядом находились в противоречии с экономическими интересами монастырей. Монастыри с давней поры владели так называемыми „тарханами“ и „несудимыми“ грамотами, т. е. особыми льготами по несению повинностей перед государством, внесению податей, суду и пр. Тарханы давали им, между прочим, возможность „перевозить“ на свои земли крестьян, живших в поместьях дворян. Крестьянину легче жилось под защитой монастырского начальства, чем в поместье дворянина. Он, избегая податей и повинностей, предпочитал уходить на монастырские земли. Это ударило по дворянскому поместному хозяйству. Московское правительство долго не учитывало этого обстоятельства, а, учтя его, стало на сторону дворянства. К 1584 г. относится отмена тарханов на церковных землях. В соответствующем постановлении мы читаем „с тех [земель] никакия царския дани и земских розметов не платят, а воинство, служилые люди, те их земли оплачивают; и сего ради многое запустение за воинскими людьми в вотчинах и в поместьях, платячи за тарханы, а крестьяне, вышед из-за служилых людей, живут за тарханы во льготе и от того великая тощета воинским людям прииде“.⁴ Как видим, этот документ с большой и лаконичной выразительностью характе-

¹ В. Сергеевич. Лекции и исследования по древней истории русского права. Изд. 3-е, СПб., 1903, стр. 461—497.

² В. О. Ключевский. История сословий в России. М., 1914, стр. 147.

³ Акты исторические, т. II, № 355. — С. М. Середонин. Сочинение Джильса Флетчера... Записки ист.-фил. фак. СПб. университета, ч. 27, 1891, стр. 355—356.

⁴ Собрание государственных грамот и договоров, ч. I. 1813, № 202, стр. 594. — См. также: Б. Д. Греков. Главнейшие этапы... стр. XXVI.

ризует противоположность экономических интересов служилых дворян и монастырей и указывает на крестьян, т. е. на рабочую силу как на предмет их раздора.

Но, конечно, существовавшие до этого постановления противоречия в экономических интересах между монастырями и служилым дворянством, после отмены тарханов на монастырских землях, не могли сразу исчезнуть. Отмена эта проводилась далеко не с безукоризненной последовательностью и твердостью. Весь XVII в. знает еще тарханы монастырей. Да и причины противоречий в экономических интересах между монастырями и служилым дворянством были не в одних только тарханах.

На протяжении XVI в. борьба между дворянством и монастырским духовенством несколько раз проявлялась весьма напряженно то в форме открытых и резких политических стычек, то в завуалированной форме морально-религиозных споров. Материалы Стоглавого и других соборов, государственные грамоты и протоколы судов над „еретиками“ свидетельствуют о крайней непримиримости этой борьбы. Но все эти документы говорят только о самых ярких вспышках ее. Конечно, этими вспышками она не ограничивалась. Она захватывала в более мягких формах широкие круги служилого дворянства, глубоко входя в его быт. Она являлась причиной возникновения в дворянской среде своеобразного недовольства существующей официальной церковью; недовольства чрезвычайно сложного, неопределенного, неясного, но все же нередко приводившего к отрицанию монашества, к индифферентному отношению к церковным службам, к поддержанию и распространению „теории“ о значении „домовней“ молитвы и пр.

Вот это полурационалистическое брожение, сказывавшееся в религиозной сфере, но имевшее социально-экономическую подоплеку, и запечатлел для нас Дружина Осорьин в реалистической характеристике Улиянии. Точный и непосредственный в передаче воспоминаний о своей матери, он внес в ее характеристику черты, явно противоречившие представлению официальной церкви о „добродетельной“ жизни.

Воспитанная в юности в полном согласии с господствующими взглядами и представлениями в области религии, Улияния под влиянием тяжелого душевного состояния, вызванного смертью двух ее сыновей, хочет поступить в монахини. „Моли мужа отпустить ю в монастырь“, — говорится в повести, — „и не отпусти...“ И после этого до конца своей жизни Улияния уже больше не стремится к пострижению.

Еще любопытнее отношение Улиянии к посещению церкви: она то посещает церковь, то прекращает эти посещения. Это, конечно, шло в разрез с общепринятым поведением христианина. Уже в XIV в. митр. Алексей (1354—1378 гг.) вопросу о необходимости хождения в церковь, о важности церковной молитвы посвятил целую треть своего „окружного послания к пастве“. Здесь он пишет: „К церковной службе будьте поспешны. Не говорите: отпоем себе дома. Такая молитва не может иметь никакого успеха без церковной молитвы. Как храмина без огня

от одного дыма не может согреться, так и та молитва без церковной“.¹ Дружина Осорьин стремится мотивировать это непосещение церкви Улиянии ее старостью и нищетой. Но современники Улиянии, очевидно, иначе смотрели на это дело. Недаром священник нашел нужным воздействовать на Улиянию, сообщив ей, что „бысть ему глас от иконы богородичны: Шед, рды милостивой Улянеи, что в церковь не ходит на молитву...“ Иронический ответ Улиянии священнику: „соблазнился еси...“, кратковременное действие его увещаний и проскользнувшее у Дружины Осорьина свидетельство о том, что Улияния в оправдание своих поступков ссылалась на пример „святаго Корнилия, яко не вреди его и домовная молитва, и иных святых“, убеждают нас в том, что и в этом отношении поведение Улиянии определялось какими-то принципиальными соображениями.

Поставленная Дружиной Осорьиним перед собою задача — дать правдивое описание жизни светской женщины, неизбежно приводила его к зарисовке широкого бытового и исторического фона. В повествование в большом количестве проникал материал, чуждый агиографическому жанру. Под его влиянием изменилась житийная схема и условные житийные характеристики. Так, ни вступления, ни похвалы нет в первой редакции сочинения Дружины Осорьина. Важнейшая в житийной схеме часть, — подвиги святого, — заменена в повести описанием хозяйственной деятельности Улиянии. И это описание только отчасти орнаментировано чертами агиографического стиля: аскетизм (и то — в быту), демонологические видения и элементы чуда. В результате — за привычными формами житийной характеристики виден портрет живого лица — умной и энергичной женщины второй половины XVI в., Улиянии Осорьиной, и вместе с тем идеал женщины, сложившийся у автора — дворянина начала XVII.

6

По печатным и по неопубликованным описаниям рукописных сборных и на основании различного рода косвенных указаний нам известно 30 списков „Повести об Улиянии Осорьиной“. Из этого общего числа списков повести мы смогли привлечь к текстологическому изучению ее 27 списков. При издании текстов „Повести об Улиянии Осорьиной“ мы руководствовались уже сформулированными нами раньше при аналогичной работе требованиями.² Нам и в данном случае хотелось дать такое издание текстов, по которому, во-первых, возможно было бы исчерпывающе охарактеризовать литературную историю повести, и, во-вторых, более или менее определенно представить ее архетип.

¹ Макарий. История русской церкви, т. V, СПб., 1886, стр. 161.

² М. О. Скрипиль. Повесть о Савве Грудиные (Тексты). Труды ОДРА, т. V, Изд. АН СССР, 1947, стр. 225 и 234.

Мы решительно отказываемся от общепринятых в научной литературе названий данного повествовательного произведения то „Житием Юлиании Лазаревской“, то „Житием Юлиании Муромской“, то — в лучшем случае — „Повестью об Ульянии Муромской“, так как все эти названия основаны на позднейших клерикальных переработках первоначального текста. Мы не знаем, как назвал Дружина Осорбин рассказ о жизни своей матери. Быть может, его записки в первоначальном виде просто начинались сохранившимися в ряде списков словами: „Скажу вам повесть дивну, бывшую в роде нашем“. Во всяком случае, условно принимаемое нами название — „Повесть об Ульянии Осорбиной“ — точнее других передает характер этого произведения, насколько мы можем судить о нем на основании его литературной истории.

Издаваемые нами тексты „Повести об Ульянии Осорбиной“ распределены по двум редакциям, причем вторая из них в свою очередь представлена двумя вариантами. Мы считаем, что ни одна из этих редакций не сохранила произведение Дружины Осорбина в его первоначальном виде. В называемой нами „первой“ редакции повести можно указать и сокращения и искажения первоначального текста, во „второй“ же — его значительное распространение. Но все же „первая“ редакция стоит ближе к архетипу, чем вторая. Различие между первой и второй редакциями повести улавливается очень легко: при одинаковом составе основных эпизодов первая редакция намного короче второй. Распространение текста во второй редакции повести произошло, главным образом, за счет присочиненного в агиографической манере предисловия и ряда ссылок на слова священного писания. Но во второй редакции есть и ряд сугубо фактических данных из жизни семьи Осорбиных. Это свидетельствует о том, что и вторая редакция повести вышла из кругов, близких этой семье. Замысел составителя второй редакции очевиден — он сознательно хотел сделать образ Ульянии житийным и аскетичным и предназначал свое произведение для нравоучительного чтения. Отсюда в его писательской манере и забота о „высоте словес“: тяготение к церковно-славянизмам, к архаизмам, риторическое построение речи и пр. Создание этой редакции необходимо отнести ко времени рязанско-муромского архиепископа Моисея (1638—1651 гг.). Во время архиепископства Моисея в местной рязанско-муромской литературе в ряде случаев наблюдается оживление агиографической манеры письма. Хронология текстов повести не противоречит этому предположению.

Первая редакция повести сопровождается „чудесами“. Это тоже свидетельствует о более раннем возникновении именно этой редакции. Когда началось местное церковное почитание Ульянии, второй редакции, имеющей агиографический характер, еще, очевидно, не было. Иначе она, а не светская биография Ульянии, приобрела бы значение официального жития. Но факты говорят об ином: светская биография Ульянии, получив заглавие „Успение святыя преподобныя Ульянеи, муромския чудотво-

рицы“, сделалась официальным житием, сохранявшимся в церкви и постепенно оброставшим „чудесами“.

Приводим перечень списков „Повести об Улиянии Осорьиной“, располагая их по редакциям.

1. „Месяца генваря во 2-й день успение святыя преподобныя Ульянеи, муромския чудотворицы.“

Начало: „Во дни благовернаго царя и великаго князя Ивана Васильевича всея Руси от его царьскаго двора бе муж благоверен и нищалолюбив, именем Иустин, прореклом Недюрев, саном ключник...“

Окончание: „Мы же сего не смеяхом писати, яко не бе свидетельства“. ГИМ. Забелин. № 434(743), к. XVII в., лл. 55—75. Затем идут „чудеса“. I ред. Обозначение А.

2. Заглавие, начало и окончание те же. ГПБ. Q. I. № 355 (Толст. II, № 303), XVII в. (запись 1682 г.), лл. 59—75. Изд. в „Пам. стар. русск. лит.“ (вып. 1, СПб., 1860, стр. 63—67). I ред. Обозначение Б.

3. Заглавие, начало и окончание те же. ГПБ. O. I. № 25 (Толст. III. № 68), XVII в., лл. 377и след. I ред. Обозначение В.

4. Заглавие, начало и окончание те же. БАН. 17.12.13, к. XVII в., лл. 62—76. I ред. Обозначение Г.

5. Заглавие, начало и окончание те же. ГИМ. Уваров. № 199 (по опис. № 2045), лл. 105—127. (Конца недостает). I ред.; разночтения не приводим.

6. „Месяца генваря во второй день преставление святыя преподобныя матере нашея Улиянии Лазоревския. Списано многогрешным Каллистратом пореклом Дружиною Осорьиным, сыном ея. Благослови, отче“.

Предисловие: „Благословен бог отец, вседержитель, творец небу и земли, видимым же всем и невидимым...“

Начало: „Во дни благовернаго царя и великаго князя Иоанна Васильевича всеа Руси от его царскаго двора бе муж благоверен и нищелюбив именем Иустин, прореклом Недюрев, саном ключник...“

Окончание: „Вы же, братие и отцы, не зазрите ми, еже написях, груб сый и нечист, и не мните ложно се, свойства ради матерня. Но весть всевидящее око, владыко Христос бог наш, яко не лжу, не буди ми на безчестие госпожи моея родительницы нещпеваемая списати. Богу нашему слава ныне и присно и во веки веков. Аминь“. ГИМ. Синод. б-ка № 6, к. XVII в., лл. 193—228 (по новой нумерации). II ред., вар. 1-й. Обозначение И.

7. Заглавие, предисловие начало, и окончание те же. Ркп. б. Архива Владимирск. духовн. консистории, XVIII в., II ред., вар. 1-й. Обозначение К.

8. Заглавие, предисловие, начало и окончание те же. ГИМ. № 645, XVIII в., лл. 164—208 об. II ред., вар. 1-й. Обозначение. М.

9. Заглавие, предисловие, начало и окончание те же. ГИМ. Уваров. № 911 (Царск. № 136), XVIII в., лл. 297—319. II ред., вар. 1-й. Обозначение. У.

10. Заглавие, предисловие, начало и окончание те же. ГПБ. Ф. I. 261, XVIII в., лл. 730—747 об. (верхняя нумерация), II ред., вар. 1-й. Обозначение. Х.

11. Заглавие, предисловие, начало и окончание те же. ГИМ. Уваров. № 425 (Царск. № 129), к. XVII в., лл. 101—132 об., II ред., вар. 1-й. Обозначение. Ц.

12. Заглавие, предисловие, начало и окончание те же. ГПБ. Титов. № 1656 (93), XVIII—XIX вв., лл. 156—205, II ред., вар. 1-й. Обозначение. Ю.

13. Заглавие, предисловие, начало и окончание те же. ГПБ. О. I. 349, XVIII в., лл. 143—178. II ред., вар. 1-й. Обозначение. Э.

14. „Житие святых и преподобных матерей нашей Улианы“.

Предисловие, начало и окончание, как в группе ИКМУХЦЮЭ. ГПБ. Q. I. 1161, XVIII в., лл. 102—116 об. II ред., вар. 1-й. Обозначение. Ц.

15. Заглавие, предисловие и начало, как в группе ИКМУХЦЮЭ.

Окончание: „Вы же, отцы и братья, не зарите ми о сем, еже написах, груб сый и нечист, и не мните ложно се, свойства ради материя, яко не лжу. Не буди ми на безчестие госпожи моея родительницы нещпеваемая списати, но весть всевидящее око, владыко Христос бог наш. Ему же слава ныне и присно и во веки веков. Аминь“. ГИМ. Уваров. № 1148 (1251), XVIII в., лл. 105—150 об. II ред., вар. 1-й. Обозначение. Р.

16. „Месяца яннуария во второй день преставление святых и преподобных матерей нашей Иулианы Лазоревския. Ея же житие и жизнь списана многогрешным Каллистратом пореклу Осоргиным, сыном ея“.

Предисловие и начало, как в группе ИКМРУХЦЮЭ.

Окончание, как в предыдущем списке; но заключительная фраза читается иначе: „Ему же слава и держава со отцем и святым духом ныне и присно и во веки веков. Аминь“. ГИМ. Уваров. № 1150 (1252), н. XVIII в., лл. 148—213. II ред., вар. 1-й. Обозначение. С.

17. ГИМ. Барсов № 810, XVIII в., лл. 145—178 об., список подобен списку С. II ред., вар. 1-й; разночтения не приводим.

18. „Месяца Ианнуария в второй день. Житие и преставление святых преподобных матерей нашей Иулианы. Писано многогрешным Каллистра-

том Дружиною Осоргиным сыном ея в Муромских пределах, имея расстояние от града Мурома четыре поприщи, в селе Лазореве“.

Предисловие и начало, как в *ИКМРСУХЦЮЭ*.

Окончание, как в списке *Р*. Список в ближайшем родстве с *РС*. Б-ка им. В. И. Ленина, Тихонр. № 281, XVIII в., лл. 167—186. II ред., вар. 1-й; разночтения не приводим.

19. „Житие и преставление святых преподобных и праведных матери нашей Иулиании Лазоревския. Списано многогрешным Каллистратом, по реклу Дружиною Осорбиным, сыном ея, что в муромских пределах“.

Предисловие утрачено. Начало, как в группе *ИКМРУХЦЮЭ*. Окончание типа *ЛНПРСТШ*. — Собр. Груздева (Ленинград), № 81, XVIII в., стр. 131—169, II ред., вар. 1-й.

Обозначение. *Н*¹

20. БАН. 17.9.15, н. XVIII в., список подобен списку *Н*. II ред., вар. 1-й. Обозначение *Л*.

21. ГИМ. Симоновск. собр., № 66, XIX в., лл. 31—38 об., список подобен списку *Н*. II ред., вар. 1-й. Обозначение *П*.

22. ГИМ. Уваров. № 1101, н. XVIII в., лл. 101—127 об., список, подобен списку *Н*. II ред., вар. 1-й. Обозначение. *Т*.

23. ГПБ. Тиханов. № 424, XVIII в., лл. 58—77 об., список подобен списку *Н*. II ред., вар. 1-й. Обозначение. *Ш*.

24. Б-ка им. В. И. Ленина, Муз. № 2858, XVIII в., лл. 68—87 об. список в ближайшем родстве с *ПТШ*. II ред., вар. 1-й; разночтения не приводим.

25. „Скажу же вам повесть дивну в последнем сем роде в нынешняя времена суетныя. Месяца генваря во второй день житие и преставление Улянии святых, новыя мироточицы Муромския“.

Предисловие утрачено.

Начало: „Во дни благочестиваго царя Иоанна Василиевича от его царскаго двора бе муж благоверен и нищелюбив, именем Иустин, пореклому Недюрев, саном ключник...“

Окончание: „...написах вкратце малая от многих да невелик труд пишущим и прочтающим сотворим. В славу отцу и сыну и святому духу, ныне и присно и во веки веком. Аминь“. ГИМ. Забел. № 463 (551), XVII в., лл. 150—166. II ред., вар. 2-й. Обозначение. *О*.

26. ГПБ. Q. I. 636, XVII в., лл. 44—72 об.

Предисловие, как в группе *ИКМРСУХЦЮЭ* II ред., вар. 2-й. Обозначение *Ч*.

27. ГИМ. Уваров. № 124 (225), н. XVIII в., лл. 500—527, список подобен списку *О*. II ред., вар. 2-й; разночтения не приводим.

¹ Этот список стал известен мне благодаря любезному указанию В. И. Мылышева.

Не привлечены к исследованию следующие списки повести:

1. Бывш. Моск. архив Минист. иностр. дел. № $\frac{400.}{852}$, XVII в.

2. Тобольский районный Архив. № 223 (по охранной описи В. И. Малышева), XVII в.

3. Институт истории АН СССР. Отдел истории религии. Рукопись XVIII в. (без номера).¹

ТЕКСТЫ

Первая редакция

Основной текст — Список ГПБ. О.И. № 25 (Толст. III. № 68) — В
Разночтения — 1. Список ГИМ. Забелин. № 434 (743) — А
 2. „ ГПБ. Q I. № 355 (Толст. II. № 303) — Б
 3. „ БАН. 17.12.13 (Цар. VI) — Г

Варианты заглавий и первой и второй редакций повести см. выше, стр. 273—275.

При издании титла везде раскрыты; ъ в конце слова опущен; *i* заменено *и*; *ѣ* — *е*; *оу*, *ѣ* — *у*; пунктуация современная. Пропуски, встречающиеся в положенных в основу издания списках, восстанавливаются с учетом свидетельств всей совокупности списков повести.

Архетипные чтения, устанавливаемые также на основе всей совокупности списков повести с учетом их генеалогии, переносятся в основные тексты и печатаются курсивом.

В критическом аппарате даются разночтения и к восстановленным местам и к архетипным чтениям. Сюда же переносятся и индивидуальные чтения положенных в основу издания повести списков.

Повесть об Улянии Осорьиной

Во дни благовернаго¹¹ царя и великаго князя Иоанна Васильевича всея² Руси,³ от его царьскаго двора бе муж благоверен и нищелюбив, именем Иустин, пореклом⁴ Недюрев, саном ключник, имея жену такову же боголюбиву и нищелюбиву, именем Стефаниду, Григориеву дщерь Лукина,⁵ от града Мурома. И живяста во⁶ всяком⁷ благоверии и чистоте, и имяста сыны и дщери и много богатства,⁸ и раб множество. От нею же родися сия блаженная Уляния.

Бывши же ей шести лет, и умре мати ея, и поят ю⁹ в пределы муромские баба¹⁰ ея,¹¹ матери ея мать,¹² вдова Анастасия,¹³ Никифорова¹⁴

¹ См. Ученые записки Лен. Гос. педагогического института им. А. И. Герцена, т. 67, Л., 1948, стр. 269. См. примечание 1 в конце статьи, на стр. 323.

¹¹ Г благочестиваго ² АГ всеа ³ Г России ⁴ Г пореклу ⁵ Б ошибочно Церлукина ⁶⁻⁷ АГ во всем ⁸ А богатства ⁹ В доб. к себе ¹⁰ АГ бабка
¹¹ АГ нет ¹² Г мати ¹³ А Настасья; Г Настасия ¹⁴ АБГ Никифора

дщи¹⁵ Дубенского, и¹⁶ воспитающе¹⁷ во всяком благоверии и чистоте шесть же лет. И умре баба¹⁸ ея, и по заповеди ея, поят ю к себе тетка ея Наталия, Путилова жена Арапова. Сия же блаженная Улияния¹⁹ от младых ногтей бога возлюбя²⁰ и пречистую его мать, помногу чтяше тетку свою и дщери ея, и имея во всем послушание и смирение, и молитве и посту прилежаше. И того ради от тетки много сварима бе, а от дщерей ея посмехаема. И глаголаху ей: „О, безумная! что в толицей младости плоть свою изнуряеши, и красоту²¹ девственную погубиши“.²² И нуждаху ю рано ясти и пити; она же не вдаяшеся воли их: но все со благодарением принимаше и с молчанием отхождаше: послушание имея ко всякому человеку. Бе бо²³ измлада кротка²⁴ и молчалива, небуява, невеличава, и²⁵ от смеха и всякия игры отгребашеся.²⁶ Аще²⁷ и многожды на игры²⁸ и на песни пустошные от сверстниц²⁹ нудима бе, она же не приставахше к совету их и недоумение на³⁰ ся³¹ возлагая,³² и тем потаити хотя своя³³ добродетели.³⁴ Точию в прядивном³⁵ и в пляличном деле прилежание велие имяше, и не угасаше свеща ея вся³⁶ нощи. А иже сироты и вдовы немощныя в веси той бяху, и всех обшиваше и всех нужных³⁷ и больных всяцем добром³⁸ назираше, яко всем дивитися разуму ея и благоверию; и вселися в ню страх божий. Не бе бо в веси той церкви близ, но яко два поприща; и не лучися ей в девичестве в возрасте в церковь приходити, ни слышати словес божиих почитаемых, ни учителя учаща на спасение николи же; но смыслом³⁹ благим⁴⁰ наставляема нраву добродетельному.

Егда же достиже шестаго⁴¹ на десять лет,⁴² вдана бысть мужу добродетелну и богату, именем Георгию, пореклом⁴³ Осорьину,⁴⁴ и венчани быша от сущаго ту⁴⁵ попа, Потапия именем, в церкви праведнаго Лазаря, в селе мужа ея. Сей поучи⁴⁶ их по⁴⁷ правилом *святых отец*⁴⁸ закону божию; она же послуша учения и наказания внятно и делом исполняше. Еще бо свекру и свекрови ея в животе сущим; иже видевше ю возрастом и всею добротою исполнену и разумну, и повелеста ей все домовное строение правити. Она же со смирением послушание имяше к ним, ни в чем не ослушася, ни вопреки глагола, но почиташе я⁴⁹ и вся повеленная ими непреткновенно совершаше,⁵⁰ яко всем дивитися о ней. И многом искушающим ю в речах и во ответах, она же ко всякому вопросу благочинен⁵¹ и смыслен ответ даяше; и вси дивляхуся разуму ея и славаху бога. По вся же вечера довольно богу моляшеся и коленапрекло-

15 *Б нет*; В дочь 16—17 *Б нет*; Г и питающе 18 Г бабка 19 А Улияния
 20 АГ возлюбив 21 Г доб. свою 22 Г губишь 23 А нет 24 АГ ошибочно крепка
 25 АГ нет 26 Г отгребаяся 27—28 А нет 29 Г доб. своих 30—31 Г на себе
 32 АБ возлагаше 33 Г свои 34 Г доб. еже к богу 35 Г прядивенном 36 А нет;
 Г в 37 Г нужных 38 Г добрым 39 Б доб. бо 40 Б господним 41—42 А оши-
 бочно шести лет; 43 Г пореклу 44 Г Осорин 45 А нет 46 Б поучив 47 АБ
 нет 47—48 АБВ по правилам святым 49 Г нет 50 БВ совершаше 51 Г бла-
 гочестен

нения⁵² по сту и множае, и вставая рано по вся утра, также⁵³ творяше и с мужем своим.

Егда же мужу ея на царских⁵⁴ службах бывающу лето или два, иногда же по три лета во Астарахани,⁵⁵ она же в та времена по вся нощи без сна пребываше,⁵⁶ в молбах и в рукоделии, в прядиве и в пляличном деле. И то продав, нищим цену даяше и на церковное строение; многу же милостыню отаи творяше в нощи, в день же домовное строение правяше. Вдовами и сироты,⁵⁷ аки истовая мать,⁵⁸ печашеся, своима⁵⁹ руками⁶⁰ омывая,⁶¹ и кормя, и напаяа. Рабы же и рабыни⁶² удовляше пищею и одеждою, и дело по силе налагаше,⁶³ и никого⁶⁴ простым именем назваше,⁶⁵ и не требоваше воды ей на омовение⁶⁶ рук подающаго,⁶⁷ ни сапог разрешающаго,⁶⁸ но все сама собою творяше. А неразумныя рабы и рабыни⁶⁹ смирением и кротостию наказуя, и исправляше, и на⁷⁰ ся⁷¹ вину возлагаше;⁷² и никого⁷³ не оклеветаше, но всю надежду на бога и на пречистую богородицу⁷⁴ возлагаше и великого чудотворца Николу на помощь призываше, от него же помощь приимаше.

Во едину же нощь, востав по обычаю на молитву, без мужа. Беси же страх и ужас велик напущаху ей; она же, млада⁷⁵ еще и неискусна, тому⁷⁶ убояся и ляже⁷⁷ на постели и усну крепко. И виде⁷⁸ многи бесы, прешедшие⁷⁹ же на ню со оружием, хотяше ю убити, рекуще: „Аще не престанешь от⁸⁰ таковаго начинания, абие погубим тя!“ Она же помолися богу и пречистой⁸¹ Богородице,⁸² и святому Николе чудотворцу.⁸³ И явися ей святой Никола, держа книгу велику, и разгна бесы, яко дым бо исчезоша, и воздвиг десницу свою и благослови ю, глаголя: „Дщи моя, мужайся и крепися, и не бойся бесовскаго прещения.⁸⁴ Христос бо мне повеле тебе⁸⁵ соблюдать от бесов и злых человек!“ Она же абие от сна возбнув и увиде⁸⁶ яве мужа свята⁸⁷ из хранины дверми изшедша скоро, аки молнию. И востав скоро, иде во след его,⁸⁸ и абие невидим бысть: но и притвор хранины тоя крепко заперт баше. Она же оттоле извещение приимши, возрадосая, славя бога, и паче перваго добрых дел прилежаше.⁸⁹

Помале же божию гневу русскую землю постигшу за грехи наши;⁹⁰ гладу велику зело бывшу, и мнози от глада того помираху. Она же многу милостыню⁹¹ отаи творяше, взимаше пищу⁹² у свекрови на утренее и на польденное⁹³ ядение, и то⁹⁴ все нищим гладным даяше. Свекры же глагола⁹⁵ ей: „Како⁹⁶ ты свой нрав премени, егда бе⁹⁷ хлебу⁹⁸

52 Г коленоупреклоением 53 Г также 54 АГ мирских 55 Г Астрахани
 56 Б пребывающаи 57 Г сиротами 58 Г матери 59—60 БВ своими руками 61 Г омывая
 62 А рабыня 63 Б полагаше 64 Г. доб. же 65 АГ не зваше 66 Г умовение
 67 А подающей; Г подающих 68 А разрешающе; Г разрешающих 69 А рабыня
 70—71 Г на себе 72 Б отлагаше 73 Г доб. же 74 А нет; Г его мать
 75 Г доб. суци 76 АБ так 77 В доб. спати 78 Б увиде 79 Г прешедше
 80 Б нет 81 Г пречистой 82 А нет 83 АБ нет 84 Г коварства 85 АГ тя
 86 Г виде 87 Б нет 88 Б ея 89 АГ прилежа 90 АГ наша 91 А милость
 92 Г нет 93 Г полуденное 94 АБ нет 95 АГ глаголаше 96 В как 97 Г нет
 98 Б Христа бога

изобилие, тогда не могах тя⁹⁹ к раннему и¹⁰⁰ полуденному ядению принудити, а¹¹ ныне,² егда оскудение пищи, и ты раннее и полдненное³ ядение взимаешь⁴. Она же, хотя утаится, отвеща⁵ ей:⁶ „Егда не родих детей, не хотяше ми ся⁷ ясти, и⁸ егда начах дети родити, обезсилех, и не могу наяться.⁹ Не точию в день, но и¹⁰ нощию¹¹ множицею хочет ми ся ясти, но страмляюся у¹² тебе¹³ просити“. Свекры¹⁴ же, се¹⁵ слышав, рада¹⁶ бысть,¹⁷ и посылаше ей пищу доволну не точию в день, но и в ноць: бе бо у них в дому всего обилно, хлеба и всех потреб. Она же от свекрови пищу приемая,¹⁸ сама¹⁹ не ядыше, гладным все²⁰ раздаваше. И егда кто умираше,²¹ она же наймаше омывати, и погребальное²² даваше и на погребение сребреники даваше; а егда в²³ селе их²⁴ погребяху²⁵ мертвых²⁶ кого²⁷ нибуди,²⁸ о всяком моляся о отпущении грех.²⁹

По мале же мор бысть на люди силен, и мнози умираху³⁰ пострелом, и оттого мнози в домех запирахуся³¹ и язвенных³² пострелом в дом не пушдаху, и³³ ризам не прикасахуся.³⁴ Она же отаи свекра и свекрови, язвенных многих своима рукама в бани омывая,³⁵ целяше, и о исцелении бога моляше. И аще кто умираше,³⁶ она же многи сироты своима рукама омываше³⁷ и погребальная³⁸ возлагаше,³⁹ погребати⁴⁰ наймая, и сорокоуст⁴¹ даваше.

Свекру же и свекрови ея в глубоцей старости во иноцех умершим, она же погребе их честно: многу милостыню и сорокоусты по них разда⁴² и⁴³ повеле служити⁴⁴ по⁴⁵ них⁴⁶ литоргию,⁴⁷ и [трапезы] в дому своем [цопом], мнихом и нищим поставляше⁴⁸ во всю 40-цу по вся дни, и в темницу⁴⁹ милостыню⁵⁰ посылаше. Мужу бо ея в то время на службе во⁵¹ Астарахани⁵² три лета и боле бывшу, она же по них много имения в милостыню истроши,⁵³ не точию в ты⁵⁴ дни, но и по вся лета творя память умершим.

И тако пожив с мужем лета доволна во мнозе добродетели и чистоте по закону божию, и родя сыны и дщери. Ненавидяй же добра враг тщашея спону ей сотворити; часты брани воздвизаше⁵⁵ в детех и⁵⁶ рабех. Она же вся смыслено и разумно разсуждая, смиряше. Враг же наустити раба их: и уби сына их старейшаго. Потом и другаго сына⁵⁷ на службе

⁹⁹ Г тебе ¹⁰⁰ Г доб. к

¹¹ А и ² Г нет ³ АГ полуденное ⁴ А вземлещи; Г вземлешь ⁵ Г отвещах
⁶ АГ нет ⁷ В нет ⁸ АГ а ⁹ Б не ясти ¹⁰ АГ доб. в ¹¹ АГ ноць ¹²⁻¹³ А тебя; ¹⁴ АГ свекровь ¹⁵ Г то ¹⁶⁻¹⁷ Г нет ¹⁸ А принимаше ¹⁹ ВВ дѣб. а
²⁰ АГ днем и ²¹ ВВ умираше ²² А погребальные; Г погребальная ²³⁻²⁴ Г в селех ²⁵ Б погребяхут ²⁶ АГ мертвыя ²⁷⁻²⁸ Г нет; доб. она же ²⁹ АГ грехов ³⁰ ВВ умираху ³¹ ВВ запирахуся ³² А доб. же; Г доб. же ³³⁻³⁴ Г ни ризам прикасахуся ³⁵ Г омываше ³⁶ ВВ умираше ³⁷ Б омыв ³⁸ Г доб. своима рукама ³⁹ АБ возложи ⁴⁰ Г доб. же ⁴¹ Г сорокоусты ⁴² Г нет ⁴³⁻⁴⁴ АБ нет ⁴⁵⁻⁴⁶ Г нет ⁴⁷ Г литоргии ⁴⁸ Г составляше ⁴⁹ Б в темницы ⁵⁰ Б милостыни ⁵¹ А в ⁵² Г Астрахани ⁵³ АВ отдаша; Г разда ⁵⁴ Г тыя ⁵⁵ Б воздвизашася ⁵⁶ Г доб. в ⁵⁷ Б нет ⁵⁷ Г доб. их

убиша.⁵⁸ Она⁵⁹ же⁶⁰ вмаде аще⁶¹ и⁶² оскорбися, но о душах их, а не о смерти: но почти их пением, и молитвою, и милостынею.

Потом моли мужа отпустить⁶³ ю в монастырь; и⁶⁴ не отпусти, но совеща⁶⁵ вкупе жити, а плотнаго совокупления не имети. И устрои ему обычную постелю, сама же с вечера по мнозе⁶⁶ молитве возлегаше на⁶⁷ печи⁶⁸ без постели, точию дрова острыми странами к телу подстилалаше, и ключи железны⁶⁹ под ребра своя подлагаше, и на тех мало сна приимаше, дондеже рабы ея усыпаху,⁷⁰ и потом вставаше⁷¹ на молитву во всю ночь и до света. И потом в церковь вхожаше⁷² к заутрени и к литургии, и потом⁷³ ручному делу прилежаше,⁷⁴ и дом свой богоугодно строяше, рабы своя довольно пищею и одеянием⁷⁵ удовляше, и дело комуждо по силе задаваше,⁷⁶ вдовами и сироты⁷⁷ печашеся,⁷⁸ и бедным во⁷⁹ всем помогаше.⁸⁰

И пожив с мужем 10 лет по разлучении плотне,⁸¹ и мужу ея представшуся, она же погребе и честно, и почти пением и молитвами, и сорокоусты и милостынею. И паче мирская отверже,⁸² печашеся о душе, как⁸³ угодити богу, ревнуя⁸⁴ прежним святым женам, моляся богу,⁸⁵ и постясь, и милостыню безмерну творя, яко многажды не остати у нея ни единой сребреницы, и займая даяше нищим⁸⁶ милостыню, и в церковь по⁸⁷ вся дни⁸⁸ хождаше⁸⁹ к пению. Егда же прихождаше⁹⁰ зима, взымаше у детей своих сребреники, чим устроить теплую⁹¹ одежду,⁹² и то раздая нищим, сама же без теплыя одежды в⁹³ зиму⁹⁴ хождаше,⁹⁵ в сапоги же босыма ногама обувашеся, точию под нозе свои ореховы скорлупы и чрепие⁹⁶ острые⁹⁷ вместо стелек подкладаше,⁹⁸ и тело томяше.

Во едино же время зима бе студена зело, яко земли расседатися от мраза; она же неколико время к церкви не хождаше,⁹⁹ но в дому моляшеся¹⁰⁰ богу. Во едино же время зело рано попу церкви тоя пришедшу единому в церковь, и бысть ему глас от иконы богородичны:^{III1} „Шед,² рцы милостивой Ульянеи, что в церковь не ходит на молитву? И домовная³ ея молитва богоприятна, но не яко церковная; вы же почитайте ю, уже бо она не меньши 60 лет, и дух святыи на ней почивает.“⁴ Поп же в велицем⁵ ужасе⁶ быв, абие прииде к ней, пад при⁷ ногу ея, прося прощения, и сказа ей видение. Она же тяжко⁹ вся¹⁰ то¹¹ внят, еже он

58 Г уби 59-60 АГ нет 61-62 Б ошибочно о ней; Г сущи и 63 АГ да отпустит
 64 Г он же 65 АБ совеща⁶⁵ вкупе жити; Г совеща⁶⁵ вкупе жити 66 Г по мнозей 67-68 АГ на печи
 69 Г железными 70 БВ усыпаху 71 Г возставаху 72 АГ хождаше 73 Г
 доб. к 74 А прилагаше; Г прилагаеша 75 АГ одеждо(А) е ю 76 Б задаваше;
 В даваше; Г налагаше 77 АГ сиротами 78 Г печаловашеся 79 В нет 80 БВ
 помогааше 81 А плотском; Г плотстем 82 Б доб. и 83 Г како 84-85 АГ про-
 пуск 86 АГ нет 87-88 Г нет 89 БВ хождаше 90 БВ прихождаше 91-92 Б
 одежда 93-94 Г в зиме 95 БВ хождаше 96 А чрепы; Г черепы 97 АГ острия
 98 Г подкладываше 99 БВ не хождаше 100 Б моляся
 III1 Г пресвятая богородица 2 Г доб. и 3 Г домашняя 4 АБГ почнет
 5-6 АГ в велицей ужаси 7-8 Г пред ногама ея 9 АГ нет 10-11 Б нет 10 Г все

поведа пред многими, и рече: „Соблазнился еси, егда о¹² себе¹³ глаголеши; кто есмь аз грешница, да буду достойна сего нарицания“. И закл¹⁴ его не поведати никому. Сама же иде в церковь и с теплыми слезами молебная совершив, целова икону богородицыны.¹⁵

И оттоле боле подвизася к¹⁶ богу, ходя к церкви, по вся вечера моляшеся¹⁷ богу во отходной храмине; бе же ту икона богородицыны¹⁸ и свягатаго Николы.¹⁹ Во един же вечер вниде в ню по обычаю на молитву, и абие бысть храмине²⁰ полна бесов со всяким оружием, хотяху убити ю. Она же помолися богу со слезами, и явися ей свягатыи Никола, имея палицу, и прогна их от нея, яко дым исчезоша. Единаго же²¹ беса поймав, мучаше; свягатую же благослови²² крестом, и абие невидим бысть. Бес же плача вопиаше: „Аз ти многу спону творих²³ по вся дни: воздвизах²⁴ брань в детех и в рабех, к самой же не смеях приблизитися ради милостыни²⁵ и смирения, и молитвы“. Она бо безпрестани в руках имея четки, глаголя иисусову²⁶ молитву. Аще ядыше и пияше, ли²⁷ что делая, непрестанно молитву глаголаше. Егда бо и почиваше, уста ея движастася и утроба ея²⁸ подвизастася на славословие божие: многажды видехом ю спящу,²⁹ а рука ея четки отдвигаше. — Бес же бежа от нея, вопиаше: „Многу беду ныне приях тебе³⁰ ради, но сотворю ти спону на старость: начнеши³¹ гладом измирати, ниже³² чюжих кормити“. Она же знаменася крестом, и исчезе бес от нея. Она же к нам прииде ужасна велми и лицем пременися.³³ Мы же, видехом ю смущену, вопрошахом, — и не поведа ничто же. Не помнозе же сказа нам тайно, и рече поведа не³⁴ рещи никому же.³⁵

И пожив во вдовстве 9 лет, многу добродетель показа ко³⁶ всем,³⁷ и много имения в милостыню разда,³⁸ точию нужные потребности домовные оставяше, и пищу точию³⁹ год до года разчиташе, а избыток весь⁴⁰ требующим растакаше.⁴¹ И продолжися⁴² живот ея до царя Бориса. В то же время бысть глад крепок во⁴³ всей русстей земли, яко многим от нужды скверных мяс и человеческих плотей вкушати, и множество человек неизчетно гладом изомроша. В дому же ея велика скудость пищи бысть и всех потребных, яко отнюдь не прорасте из земли всееное⁴⁴ жита⁴⁵ ея; кони же и скоты изомроша. Она же моляше дети⁴⁶ и рабы своя, еже отнюдь ничему чужу и татьбе не коснутися, но елико⁴⁷ оставшьяся⁴⁸ скоты, и ризы и сосуды вся распрода на жито и от того челядь кормяше, и милостыню доволну даяше,⁴⁹ и в нищите обыч-

12—13 Г от себе 14 Г заклат 15 АГ пресвятыя богородицы 16 Г нет
 17 Г моляся 18 АГ пресвятыя (А нет) богородицы 19 Г доб. чудотворца 20 Г
 доб. та 21 Г нет 22 АГ благословив 23 АБВ творях 24 Г воздвизаху
 25 А милостыня 26 А иисусову 27 АГ или 28 АБ нет 29 Г ошибочно
 вяжущу 30—68 А пропуск 31 Б нет 32 Б не 33 В переменяся
 34—35 Г никому же рещи 35 Б нет 36—37 Г во всем 38 БГ расточи
 39 Г нет 40 Б вся 41 Г разточаше 42 Г продолжи же ся 43 Г по
 44—45 Г всеянное жито 46 Г детей 47—48 Г елика оставшьяся 49 БВ даяше

ныя милостыни не остана,⁵⁰ и ни единого от просящих не отпусти тща.⁵¹ Дойде⁵² же⁵³ в последнюю нищету, яко ни единому зерну останися в дому ея; и о том не смятеся, но все упование на бога возложи.⁵⁴

В то бо лето преселися во ино село в пределы нижеградския,⁵⁵ и не бе ту церкви, но яко два поприща. Она же, старостию и нищетою одержима,⁵⁶ не хождаше⁵⁷ к церкви, но в дому моляшеся; и о том немалу печаль имяше,⁵⁸ но поминая святаго Корнилия, яко не вреди его и домовная молитва, и иных святых. Велице⁵⁹ же⁶⁰ скудости⁶¹ умножьшися⁶² в дому ея. Она же распусти рабы⁶³ на волю, да не изнурятя голодом. От них же доблоразсуднии обещахуся с нею терпети, а инии⁶⁴ отъидоша; она же со благословением и молитвою отпусти я.⁶⁵ не держа гнева нимало. И повеле оставшим рабом собирати лебеду и кору дрянную, и в том хлеб сотворити,⁶⁶ и от того сама с детьми и⁶⁷ рабы питашеся, и молитвою ея бысть хлеб сладок. От того⁶⁸ же⁶⁹ нищим даяше,⁷⁰ и никого нища⁷¹ тща⁷² не отпусти; в то бо⁷³ время без числа нищих бе. Соседи же ея глаголаху нищим: „Что⁷⁴ ради⁷⁵ в⁷⁶ Ульянии⁷⁷ дом ходите? Она бо и сама голодом измирает!“ Они же поведаша им: „Многи⁷⁸ села обходим⁷⁹ и чист хлеб возьмем, а тако⁸⁰ в сладость не ядохом, яко⁸¹ сладок хлеб вдовы сея“. Мнози⁸² бо имени ея не ведаху. Соседи же, изобилны⁸³ хлебом,⁸⁴ посылаху⁸⁵ в дом ея просити хлеба, искушающе⁸⁶ ю,⁸⁷ и⁸⁸ тако же свидетельствующа,⁸⁹ яко велми хлеб ея сладок. И дивяся,⁹⁰ глаголаху⁹¹ к себе: „Горазди раби ея печь хлебов!“ И⁹² не разумеюще, яко молитвою ея хлеб сладок. Потерпе же в той нищете два лета, не⁹³ опечалися, не смутися,⁹⁴ ни⁹⁵ поропта, и не согреша ни во устах⁹⁶ своих и не⁹⁷ даст⁹⁸ безумия богу; и не изнеможе нищетою, но паче первых лет весела бе.

Егда же приближися честное ея преставление, и разболеся декабря в 26-й день, и лежа 6 дней. В день⁹⁹ лежа моляшеся,¹⁰⁰ а в нощи вставая моляшеся богу, особь^{IV1} стояше, никим подьдержима,² глаголаше бо: „И от³ болного бог истязует⁴ молитвы духовныя“. Генваря⁵ во 2-й⁶ день, свитающе⁷ дню, призва отца духовнаго и причастися святых таин. И сед,⁸ призва дети и⁹ рабы¹⁰ своя и поучив¹¹ их¹² о любви, и о молитве, и о милостыни, и о прочих добродетельх.¹³ Прирече же и се: „Желанием возже-

50 Б не ровастася 51 Г тщина рукава 52-53 Г ошибочно дондеже 54 Г возложи-
хом 55 Г нижеградския 56 Г доб. ч 57 БВ не хождаше 58 Г принимаше
59-60 Г велице 61 Г доб. же 62 Г умножьшися 63 Г доб. своя 64 Г доб. же
65 Г их 66 Г сотворяти 67 Г доб. с 68 Г доб. и 70 БВ даяше 71 АГ нет
72 Б нет 73 Г нет 74-75 Г часо деля 76-77 Б испорч. взяа ним в
78 Г многие 79 АБВ обходим 80 БВ так; Г такъв 81 Г яков 82 Б много
83-84 Б изобилный хлеб 85 БВ посылааху 86-87 Б искушающе 88-89 АГ нет
90-91 Б ошибочно дивися человеку 92 А а 93-94 АГ испорч. не обиталася ничему
тому 95 АГ не 96 АГ во устнах 97-98 Г не даде 99 А доб. же 100 Г мо-
ляся богу

IV 1 АГ о себе 2 Г держима 3 АБ у 4 А истязует 5 Г доб. убо 6 АГ 6-й;
Б 4-й 7 А свитающе 8 А седя 9-10 Г нет 11 А поучи; Б поучая 12 А я;
Б нет 13 Г делех

лах ангельскаго образа иноческаго, не сподобихся грех моих ради и нищеты, понеже недостойна бых — грешница сый и убогая, богу тако¹⁴ извольшу,¹⁵ слава праведному суду его¹⁶. И¹⁷ повеле уготовити кадило, и фимиям вложить¹⁸ и целова вся сущая¹⁹ ту,²⁰ и всем мир и прощение даст,²¹ возлеже, и прекрестися трижды, обвив чотки около руки своея, последнее слово рече:²² „Слава богу всех ради, в руже твои, господи,²³ предаю дух мой, аминь“. И предаст²⁴ душу свою в руже божии, его же возлюби. И вси видеша²⁵ около главы ея круг злат, яко же²⁶ на иконах около глав святых пишется. И омывше, положьше²⁷ ю в клетѣ, и в ту ночь видеша свет и свеща горяща и благоухание велие повеваше ис клетки тоя. И вложьше ю во гроб дубовый,²⁸ везоша в пределы муромския, и погребоша²⁹ у церкви праведнаго Лазаря подле мужа ея в³⁰ селе Лазареве за четыре версты³¹ от града, в лета 7112 [году] генваря в 10 день.

Потом над нею поставиша церковь теплую³² во имя архистратига Михаила. Над гробом ея лучися³³ печи быти. Земля же³⁴ возрасташе³⁵ над нею по вся лета. И бысть в лето 7123 [году]³⁶ августа в 8 день преставися сын ея Георгий. И начаша в церкви копати ему могилу в притворе между³⁷ церковию и печью,³⁸ — бе бо притвор той без моста, — и обретше гроб ея на верху земли цел, неврежден³⁹ ничим.⁴⁰ И недоумеваху,⁴¹ чий есть,⁴² яко от многих лет не бе ту погребяемаго. Того же месяца в 10 день погребоша⁴³ сына ея Георгия подле гроба ея и пойдоша в дом его, еже⁴⁴ учредити погребателей.⁴⁵ Жены же, бывшыя на погребении, открыша гроб и видеша полн⁴⁶ мира благовонна, и в⁴⁷ той час⁴⁸ от⁴⁹ ужаси⁵⁰ не поведаша ничто же; по отшествии же гостей сказаша бывшая. Мы же, слышав,⁵¹ удивихомся, и⁵² открывше гроб, видехом так,⁵³ яко же⁵⁴ и жены реша от ужаси, начерпахом мал сосудец мира того и отвезохом во град Муром в соборную церковь. И бе видети в день миро,⁵⁵ аки квас свекольный, в нощи же сгустевашеся, аки масло багряновидно. Телеси же ея до коньца от ужаси не смеяхом досмотрети,⁵⁶ точию видехом нозе ея и бедра целы суща, главы же ея не видехом, того деля, понеже на⁵⁷ коньце⁵⁸ гроба бревно пещьное⁵⁹ лежаше.⁶⁰ От гроба же под пещь⁶¹ бяше⁶² скважня, ею же гроб той ис под⁶³ пещья⁶⁴ идяше на восток с сажень, дондеже пришед ста у стены церковныя. В ту же ночь мнози слышаху у⁶⁵ церкви тоя звон; и мнеша пожар, и прибегше, не видеша ничто же, точию благоухание исхождалше.

14 *БВ* так 15 *АГ* изволившу 16 *АГ* твоему 17 *Б* доб. тут 18 *Б* положить
 19—20 *Г* сущия братию 21 *Г* даде, и 22 *Г* изрече 23 *АГ* нет 24 *Г* предаде
 25 *Б* видевше 26 *А* доб. и 27 *ВГ* положиша 28 *АГ* дубов 29 *Б* погребьше
 30—31 *АГ* а до церкви Лазаревы четыре поприща (*А* версты) 32 *В* нет 33 *Г*
 случися 34 *Г* нет 35 *А* возрасташа 36 *Б* 7122-го 37 *АГ* межь 38 *А* пещью
 39—40 *Г* ничим же вредим 41 *Г* недоумевахуся 42 *В* доб. гроб той 43 *Б* по-
 грешше 44 *Б* нет 45 *В* погребательная 46 *Г* полон 47—48 *Г* в том часе
 49—50 *Г* от ужаса 51 *АГ* слышахом 52 *Г* нет 53 *А* тоя; *Г* ю 54 *АБГ* нет
 55 *Б* нет 56 *В* осмотрити 57—58 *АГ* на концы 59 *А* печное 60 *Б* налегаше
 61 *Г* печь 62 *Б* нет 63—64 *Г* под пещью 65 *АГ* нет

И мнози слышаху,⁶⁶ и прихождаху, и мазахуся миром тем, и облегчение от различных недугов приимаху. Егда же миро то раздано бысть, нача подле гроба исходити персть, аки песок; и приходят болящии различными недуги, и обтираются песком тем, и облегчение приемлют и до сего дня.⁶⁷ Мы же сего не смеяком писати,⁶⁸ яко не бе свидетельства.⁶⁹

Вторая редакция. 1-й вариант*

Основной текст	— Списание ГИМ. Синод. Б-ка № 6	— И
Разночтения	— 1. Списание б. Архива Владимирск. духовн. консистории	— К
	2. „ БАН. 17.9.15	— Л
	3. „ ГИМ. Муз. № 645	— М
	4. „ Собр. Груздева (Ленинград) № 81	— Н
	5. „ ГИМ. Симоновск. № 66	— П
	6. „ ГИМ. Уваров. № 1148 (1251)	— Р
	7. „ ГИМ. Уваров. № 1150 (1252)	— С
	8. „ ГИМ. Уваров. № 1101	— Т
	9. „ ГИМ. Уваров. № 911 (Царск. 136)	— У
	10. „ ГПБ. F I. № 261	— Х
	11. „ ГИМ. Уваров. № 425 (Царск. 129)	— Ц
	12. „ ГПБ. Тихан. № 424	— Ш
	13. „ ГПБ. Q I. № 1161	— Щ
	14. „ ГПБ. Титов. № 1656	— Ю
	15. „ ГПБ. O. I. № 349	— Э

Скажу же¹¹ вам² повесть дивну, бывшую в роде нашем.³

Во дни благовернаго⁴ царя и великаго князя Иоанна⁵ Васильевича всеа⁶ России,⁷ от его царскаго двора бе⁸ муж благоверен и нищелюбив, именем Иустин, по реклом⁹ Недюрев,¹⁰ саном ключник, имея жену такову¹¹ же¹² боголюбиву и¹³ нищелюбиву,¹⁴ именем Стефаниду, Григориеву дщерь¹⁵ Лукина,¹⁶ от предел града Мурома; живяста¹⁷ во всяком благоверии и чистоте, имяста¹⁸ многи сыны и дщери и много богатства, и раб множество. От нею¹⁹ же родися сия²⁰ блаженная Иулиания.²¹

Бывши²² же²³ ей шести лет сущи²⁴ от рождества,²⁵ мати²⁶ ея²⁷ преставися от²⁸ жития сего,²⁹ и взята ю в пределы града Мурома баба ея, матери

66 Б слышавше 67 А дни; Г две 68 Г написати 69 БГ свидетельство

* См. примечание 2 в конце статьи, на стр. 323.

11 Ц нет 2 Ц. доб. братие 3 НЛТШ нет всей фразы 4 Ш доб. государя
5 ЩЮЭ Ивана 6 Л всея 7 Ю Руси 7 Ш доб. самодержца. Бысть некто
сенаторскаго благородия 8 Ш нет 9 КЛМНПРСТЩШ по реклу 10 ИКЛМ
НПРСТШ Дюрев 11-12 МНПРСТХЦЩШЮЭ нет 13-14 ЛНПТХШ нет
15 Ш дочь 16 Щ Лукьяна 17 С доб. же 18 ИКУХ доб. же 19 ЛНПСТШ
от них 20 Р нет 21 ИКМУ Улиания 22-23 ЛНПРСТШ и бывши 23 МУ нет
24 ЛХШ нет 25 ЛПШ от рождения; СЦ от рождества (Ц доб. ея) 26 Ц доб. ж
27 ЛНПТШ доб. Стефанида 28-29 Л нет

ея мати,³⁰ вдова, именем Анастасия,³¹ Григорьева жена³² Лукина, Никифорова³³ дщи Дубенскаго. И питавши³⁴ ю во всяком благоверии и чистоте другую³⁵ шесть лет. Егда же³⁶ бысть блаженная двою³⁷ на десяте лет,³⁸ и баба ея³⁹ преставися от жития сего, и заповеда⁴⁰ дщери своей Наталия, Путилове жене Арапова, взяти внуку свою Иулианию⁴¹ в дом⁴² и⁴³ препитати ю⁴⁴ добре⁴⁵ во всяком благочестном наказании, понеже⁴⁶ имяше⁴⁷ тетка ея⁴⁸ своих осмь⁴⁹ дщерей девиц и единого сына.

Сия же⁵⁰ блаженная Иулиания⁵¹ от младых ногтей⁵² бога возлюби и пречистую его мать; помногу⁵³ же чтяще тетку и сестры своя,⁵⁴ и послушание велие имяше⁵⁵ к ним, во всем смирение⁵⁶ и молчание любяще;⁵⁷ молитве и посту прилежаше.⁵⁸ И того ради от тетки своея много сварима бяше,⁵⁹ а от дщерей и⁶⁰ от⁶¹ раб ея⁶² посмехаема, еже в толлице младости тело свое томяше. И глаголаху ей по вся дни: „О,⁶³ безумная,⁶⁴ что⁶⁵ в толлице младости⁶⁶ плоть⁶⁷ свою изнуряеши и⁶⁸ красоту девственную⁶⁹ погубляеши?“⁷⁰ И тако многажды нуждаху⁷¹ ея рано ясти и пити. Она же никако⁷² же⁷³ вдаяшеся воли их, но вся со благодарением принимае,⁷⁴ паче⁷⁵ же⁷⁶ молчанием от них отхождаше и⁷⁷ послушание имяше¹¹¹ ко² всякому человеку.³ Бе бо нравом издетска⁴ кротка и⁵ молчалива, небуява,⁶ невеличава, от смеха⁷ и всякия игры ошаявашеся.⁸ Аще и многажды⁹ на игры и на песни пустошныя¹⁰ от сверстниц своих нудима бываше, она¹¹ же¹² никакже¹³ пристаяше¹⁴ к¹⁵ совету их,¹⁶ недоумение¹⁷ на ся¹⁸ возлагаше,¹⁹ и²⁰ тем потаити хотяще²¹ своя добродетели. Точию о²² прядиве и²³ вяличном деле²⁴ прилежание велие²⁵ имяше,²⁶ и не угасаше светильник ея всю²⁷ ночь. А иже²⁸ сироты и вдовы²⁹ и³⁰ немощныя³¹ в веси той бяху,³² всех обшиваше³³

30 НПТШ мать; С мать 31 ИКУ Настасия 32-33 Л нет 34 Х Никифора 34 ИКУ питаша 35 КЛС другия 36 АНПТШ нет 37-38 АНПТШ двенадцати лет 39 АНПТШ доб. Анастасия 40 С доб. прежде умертвия своего 41 ИКМУ Улианию 42 С доб. свой 43-45 Ш ко препитанию 44 Л нет 46 АНПТ зане 46-48 Ш яко же и ей самой да послужат, зане же та Наталия име 47 АНПТ имея 48 АНПТ доб. Наталия 49 Ц нет 50 АНПТШ нет 51 Ц нет 51 ИКМУ Улиания 52 МЦ от младых ногот 53 АМНПРСТЦШ попремногу 54 НП нет 55 АНПТШ имея 56-57 АНПТ смирению и молчанию послуша 56-58 Ш смирению и молчанию, послушанию, молитве и посту прилежа 58 АНПТ прилежа 59 С бе; Ш нет 60 С а 61 АНПТШ своего 62 Х нет 63-64 Т нет 65 Ш почто 66 Л доб. тело и 67-68 Ш нет 69 Ш девическую 70 ЦЮЭ погубиши 71 Ш понуждаху 72-73 Т нет 72-73 Ш ни мало 73 АНП нет 74 МР принимающе; С приемлюще 75-76 АНПТШ и с 77 ИКУ нет 111 АНПТШ имея; С име 2-3 ИКУХ ко всем человеком 4 АМНПРСТЦ доб. возраста 5 ИКЛАНПТУШ нет 6 НПТ доб. и 6 Ш безусловна же и 7 Ш доб. же 8 АНПТШ ошаяваяся; МРЦЮЭ ошаяшеся 9 ИКУ многади 10 Ш бевсовския 11-12 С но 13 Ш нет 14 АНПТ пристава; Ш приставаше 15 Ш нет 16 АНПТШ доб. и 17 Ц недоумением; Э недоумения 17-18 Л неумение на себе 19 С возлагающе 20-21 С им же да потаит 22-26 Ш о рукоделии прилежаше 23 АНПРСТХЭ доб. о 24 Х доб. печашеся и 25 П нет 26 АНПТ имея 27 Ш во всю 28 АНПСТЦШ яже 29 АНПТХШ вдовицы 30 ХЭ нет 31 МРСЦ немощнии 32 ИКУЦЮ и беху 32 НП доб. и 33 ЦЮЭ обшиваше

и всех нужных и болных всяцем добром назираше, яко всем дивитися разуму ея и благоверию; и вселися в ню страх божий. Не бе бо в веси той церкви близь, но яко два поприща, и ³⁴ не лучися ³⁵ ей ³⁶ в девичестем возрасте ³⁷ в ³⁸ церковь ³⁹ приходити, ⁴⁰ ни ⁴¹ слышати словес божественных прочитаемых, ⁴² ни учителя учаща на спасение николиже, ⁴³ но смыслом благим наставляема ⁴⁴ нраву ⁴⁵ добродетельному, яко же глаголет великий Антоний: „Имеющим цел ум ⁴⁶ не требовати писания“. Сие ⁴⁷ слово блаженна собою исправи, и не учився книгам, ни учителем ⁴⁸ наставляема, еще в девственном ⁴⁹ возрасте вся заповеди ⁵⁰ исправи, и аки бисер многоценен ⁵¹ святяшеся ⁵² посреде ⁵³ тины, о благочестии ⁵⁴ подвизаяся, ⁵⁵ и желаше слышати слово божие, но сего никако же в ⁵⁶ девственном возрасте ⁵⁷ получи, и от невегласивых ⁵⁸ бяше посмехаема о добрых делах. Но ⁵⁹ никоея же споны солнечной красоте сотворит ⁶⁰ гнойная ⁶¹ нечистота; бе бо яко ⁶² столб основан на каменц, ему же река припаде и возвеяху ⁶³ ветри, но никако же не ⁶⁴ возмогаша поколебати, яко же апостол ⁶⁵ глаголет: ⁶⁶ „Ничто же ⁶⁷ нас разлучит от любве божия: ни ⁶⁸ скорбь, ни теснота, ни глад“ ⁶⁹ и прочая; по божественному ⁷⁰ Давиду: „Надеяся ⁷¹ на господа, яко гора Сион, не подвижится во ⁷² веки“, ⁷³ и: ⁷⁴ „Не оставит господь жезла грешных на жребий праведных, яко да не прострут праведнии в беззаконие рук своих“, ⁷⁵ и прочая. ⁷⁶

Егда же ⁷⁷ достиже ⁷⁸ блаженна шестаго ⁷⁹ на десять лета, ⁸⁰ вдана бысть ⁸¹ в пределы ⁸² града Мурома мужу добродородну ⁸³ и богату, именем Георгию, пореклом ⁸⁴ Осорьину ⁸⁵ и венчани быша ⁸⁶ от сущаго ту ⁸⁷ священника, именем Потания, служаща ⁸⁸ в церкви ⁸⁹ праведнаго друга ⁹⁰ божия ⁹¹ Лазаря, в ⁹² селе ⁹³ мужа ея, иже ⁹⁴ последи ⁹⁵ той ⁹⁶ иерей, ⁹⁷ добродетели его ради, поставлен бысть в богоспасаемом ⁹⁸ граде Муроме в ⁹⁹ монастыри ¹⁰⁰ боголепнаго ^{III 1} спасова ² преображения ³ архимандритом ⁴

^{34—36} С и невозможно ей бе ³⁵ НПРХШ не случися ³⁷ Ш образе ^{38—39} ЛНПТШ к церкви ³⁹ С доб. божию ⁴⁰ Х входити ⁴¹ С и ⁴² П прочитания ⁴³ С доб. внушити ⁴⁴ Ш направляема ⁴⁵ Т и рабу ⁴⁶ ЛНПТШ разум ⁴⁷ ИКУ доб. бо ⁴⁸ ИКУ от учителя ⁴⁹ Ш в девическом ⁵⁰ Ш добродетели ⁵¹ ИКУ доб. христовы; С доб. божия ⁵¹ ЛНПТШ многоценный ⁵² МР святяшеся; У святяше; Х цветяшеся; Ш святящийся ⁵³ ИКМУШ посреде ⁵⁴ ЛМНРСТЦ доб. же ⁵⁵ ЛНПТШ подвизашеся ^{56—57} ИКУХШЮЭ в девстве ⁵⁸ ЛУЭ от невегласных; С от вегагласивых ⁵⁹ ЮЭ нет ⁶⁰ ХЦЩЮЭ сотвори ⁶¹ ИК ошибочно но иная ⁶² П нет ⁶³ ИКУ возвеяху; Ш возвеяша ⁶⁴ СХЩЮЭ нет ^{65—66} Ш глаголет божественный апостол ⁶⁷ Ю нет ^{68—69} Ш нет ⁷⁰ Э доб. пророку ⁷¹ УЮ надеяся; Ш надеяся ^{72—73} С ввек ^{74—75} ЛМНРПТЦШ нет ^{74—76} С нет ⁷⁷ ЛНПТ нет ⁷⁸ ИКМ достигаши ^{79—80} Т шести на десяти лет; Р шестаго на десять лета ⁸¹ НПШ доб. в супружество; С доб. на брак ⁸² Ш в пределах ⁸³ Т добродетелю ⁸⁴ ИЩЮЭ пореклом; КЛМНРПСТХЦШ по реклу ⁸⁵ СШ Осорьину ⁸⁶ Ш бывше ⁸⁷ ИКУ нет ⁸⁸ ТХЩЮЭ служащаго; Р служаста ⁸⁹ ЛНПТШ доб. святаго ^{90—91} ЛНПШ нет ^{92—93} ИК нет ⁹⁴ Р доб. и той ⁹⁴ С нет ⁹⁵ С доб. же ⁹⁶ Р нет ⁹⁷ Ш священник ⁹⁸ ЛТЭ в богоспасаемом ^{99—100} ПРС в монастыре; Ц во обители
III 1 Т благолепнаго; Ш нет 2—3 Ш преображения ^{100—101} ЛТЭ в богоспасаемом ⁴ МРХЩЮЭ архимандрит

и наречен⁵ во⁶ иноцех⁷ Пимен. Той⁸ же⁹ священник поучив¹⁰ их страху божию¹¹ по¹² правилом святых апостол и святых отец,¹³ како жити¹⁴ мужем с¹⁵ женами своими¹⁶ вкупе, и¹⁷ о молитве и о¹⁸ посте, и о милостыни и о¹⁹ прочих²⁰ добродетелях.²¹ Она же внятно со всем прилежанием божественного послуша²² учения и²³ наказания,²⁴ и яко земля благая всеянное в ню²⁵ с прибытком возрасти; не точию²⁶ послуша учения,²⁷ но²⁸ делом вся исполнити тщашеся.²⁹ И тако священник, поучив и³⁰ благословив,³¹ отпусти³² их³³ в дом³⁴ свекра³⁵ ея Василия,³⁶ еще бо отцу³⁷ и матери³⁸ мужа ея в животе сущем.³⁹ Бе бо⁴⁰ свекор ея богат и добродороден,⁴¹ яко⁴² и царю знаем⁴³ бе,⁴⁴ и свекры,⁴⁵ именем Евдокия, и⁴⁶ та⁴⁷ добродородна⁴⁸ и смыслена. Имяста⁴⁹ же⁵⁰ единого точию⁵¹ сына и две дщери,⁵² и⁵³ села и рабы⁵⁴ многи, и прочим⁵⁵ имением изобилна.⁵⁶

Видевши⁵⁷ же⁵⁸ сноху свою возрастом добродородну⁵⁹ и⁶⁰ всякую добротю исполнену,⁶¹ разумну сушу,⁶² обрадоваста⁶³ о ней и хвалу богови⁶⁴ воздаша и повелеста⁶⁵ ей все домовное строение правити. Она же со всяцем⁶⁶ смиреннем послушание⁶⁷ и повиновение⁶⁸ имяше⁶⁹ к ним и ни в чем⁷⁰ не ослушася,⁷¹ ни⁷² пререцаше⁷³ но⁷⁴ велми почиташе я⁷⁵ и вся повеленная ими непреткновенно⁷⁶ совершаше,⁷⁷ яко дивитися свекру и свекрови,⁷⁸ и ужикам⁷⁹ их и многим, искушающим ю в речах⁸⁰ и во⁸¹ ответех,⁸² она же ко всякому вопросу⁸³ благочинни⁸⁴ и смысленни⁸⁵ ответы даяше,⁸⁶ яко всем⁸⁷ дивитися⁸⁸ разуму ея и славити бога.⁸⁹

5 Ш доб. бысть 6-7 Ш нет 8-9 С и оный 10-11 ИК научив
 11 Ш господню 12-13 Ш нет 14 Ш быти 15-16 МРСЦ со своими
 женами 16 ИКУШ нет 17 С также 18 ИКМУЦ нет 19 АНТ
 нет 20 АМНРТЦШЦЮЭ прочия 21 РСТХЩЮЭ добродетелех 22 Ш
 слушаючи 22 ИКУ доб. писания и 23-24 Ш нет; 25 СШ доб.
 слово (С доб. учения) 26 С доб. бо 27 МС нет 28 ХЩЮЭ
 доб. и 29 Ш тщашися 30 Л нет 30 НПТШ их; доб. и 31 МРСЦ доб. их
 Л доб. и 31 НПТШ благослови; доб. и 32 МР отпустив 33 АМНПРСТЦШ
 нет 34 ЦЦ доб. свой 35-36 Ц к свекру Василию 37-38 Ш отец и мать
 39 АМНПРТЦШ суца 40 С же 41 НП благороден 42 ЦШ нет 43-44 Ш
 знаемый, также 45 Ш свекровь 45 Л доб. ея 46-47 Ш нет 48 АМНПРСТЦ
 доб. суши; Ш доб. суца 49 АНТШ имеша; П имеша; С имяху 50 АНПТ нет
 51 АНПТШ нет 52 С доб. также 53-56 Ш имения и рабов множество, сел
 и вотчин изобилно 54 ЦЦ доб. и рабыни 55 П прочим 56 С избяны быша
 57 МРСХЦЦЦ видевше 58 АНПТ нет 59 МРСХЦЦЦЮЭ нет 60-62 Ш и
 красну и добродетельными нравы и разумом преизобилующу, и 61 МРСХЦЦЦЮЭ
 доб. и 63 АНПТШ возрадоваста; С возрадовахуся 64 Н нет 65 АНП
 СТХШЩЮЭ повелеша 66 АНПТХЦ со всем; ШЩЮЭ со всяким 67-69 Ш и по-
 винованием послушание имела 68 Э повинованием 69 АНПТ имела 70 АНПТШ
 доб. их; С доб. же 71 С не ослушашеся; Х не ослушася 72-73 АТ и не пререкай;
 НП и не пререка; С ниже пререкаше; Ш и не пререковаше 74-75 ИКУ нет
 75 АНПТШ их; МЦ нет 76 Ш нет 77 АНПТ соверши; Ш совершая 78 ИКУ
 доб. и за то велми почиташе ю 79 АМНРТХЦЦЮЭ южиком; ПС южикам 80 Ш в сло-
 вах 81 Ц в; Ш нет 82 ТШ ответах 83 АМНПРСТЦШ глаголу 84 МСХЩЮЭ
 благочинным; НПТШ благочиние 85 МСХЩЮЭ смыслены 86 НПТШ доб. им
 87 АМНПРСТХЦЩЮЭ нет 88 Х доб. им 89 А ея

Имяше⁹⁰ же⁹¹ блаженная издетска⁹² таков⁹³ обычай, еже по⁹⁴ вся вечеры⁹⁵ довольно⁹⁶ богу молитися и коленопреклонения⁹⁷ творити⁹⁸ по⁹⁹ сту поклонов¹⁰⁰ до^{IV 1} земли² и множае, и тако на сон преклонятися;³ также⁴ и вставая⁵ от сна своего, по⁶ вся утра⁷ довольно богу моляшеся,⁸ и мужа своего настави⁹ тожде¹⁰ творити,¹¹ яко¹² же рече¹³ великий апостол Павел,¹⁴ что: „Веси, жена аще мужа¹⁵ спасеши“; тоже глаголет и к мужеви. И¹⁶ паки:¹⁷ „Женивыйся не согрешил, но закон исполнил“; и:¹⁸ „Женяйся¹⁹ добре творит, а²⁰ не женяйся лутше²¹ творит“.²² О сем блаженная скорбяше яко²³ лучшия²⁴ меры²⁵ девственнаго жития не постиже,²⁶ но²⁷ слыша²⁸ того же апостола вещающа: „Привязавши ся жене,²⁹ не ищи разрешения“; и: „Жена привязана законом, и³⁰ своим телом не владеет, но муж; спасет³¹ же ся³² чадородия ради, аще всякому делу благу последует“. И паки инде речено: „На два чина разделися житие человеческое: на мнишеское³³ и на³⁴ простое, и простым³⁵ невозбранно женитися и мясо ясти, а прочая³⁶ заповеди христовы творити, яко же³⁷ и мнихом“.³⁸ „Мощно,³⁹ рече, и в мире с мужем живуци⁴⁰ богу угодити“, и:⁴¹ „Не всяк, рече, постригаяйся, спасется, но иже сотворит мнихом⁴² достойная“; и: „Аще кто⁴³ в мире с⁴⁴ женою живет и⁴⁵ правит⁴⁶ часть законную, лучши⁴⁷ есть пустынника, не⁴⁸ всего закона исправивша“⁴⁹ и: „Смирен⁵⁰ добродетелен в мире удивителен“.⁵¹ Се⁵² все⁵³ блаженная в себе размышляше,⁵⁴ аще⁵⁵ с мужем своим непорочным браком оба⁵⁶ совокупистася,⁵⁷ но⁵⁸ тщашеся,⁵⁹ вся заповеди христовы непорочно сохрани. И⁶⁰ ни⁶¹ единого вечера⁶² не преиде⁶³ не помоляся⁶⁴ довольно, и⁶⁵ тако мало⁶⁶ сна принимаше; заутра⁶⁷ же⁶⁸ рано вставая,⁶⁹ молитву доволну⁷⁰ богу воспуцаше.⁷¹ Егда же⁷² мужу ея в⁷³ царских службах пре-

⁹⁰ ЛТ имея; НПШ имеяше ⁹¹ ЛТ нет ⁹² НПШ издетства ⁹³ С таковой ⁹⁴ АМНПР во ⁹⁵ Ш ноци ⁹⁶ Ш нет ⁹⁷ ИКРУШ коленопоклонения; ЛНПТ ⁹⁸ слезное поклонение ⁹⁹ Ш нет ¹⁰⁰ НП механический пропуск ХЮЭ ¹⁰¹ поклон

^{IV 1-2} Ш нет ³ ЦШ преклоняшеся ⁴ АСТЦ также ⁴⁻⁸ Ш сон же ея
⁵ ма краток, в полуночи ⁶ бо паки вставаше и моляшеся ⁷ АСТРЦ вставая
⁸ ЛМРСТХЦЩЮЭ нет ⁹⁻¹¹ Ш на то же настави, и ¹⁰ РХЦЩЮЭ то же
¹² Ш нет ¹³ Ц нет ¹⁴ Ц доб. глаголет ¹⁵ ЛТ доб. своего ¹⁶⁻¹⁷ С нет
¹⁸ Г нет ²⁰⁻²² Т нет ²¹ МРЩЮЭ лутче; СХЦ лучше ²³ ИНПУ нет
²⁴ Ц К Э лучшая ²⁴⁻²⁵ Ш нет ²⁶ Ш не избра ²⁷⁻²⁸ Т послуша ^{27-IV 51} Ш ме-
²⁹ ханический пропуск ²⁹ ХЦЩЮЭ привязаше ли ся ³⁰ Т нет ³¹⁻³² ЛТ жена
³³ с тчется ³³ С монашеское ³⁴ ЩЮЭ нет ³⁵ ЩЮЭ доб. убо ³⁶ ИК прочае;
³⁷ ЛТХ прочая; С протчая ³⁷ ЛТ нет ³⁸ С монахом ³⁹ МТ мочно ⁴⁰ ЛТ жити
⁴¹ МС нет ⁴² С монахом ⁴³ Ц нет ⁴⁴ ЛМРТХЩЮ со ⁴⁵ ЩЮЭ нет
⁴⁶ ХЦЩЮЭ исправит ⁴⁷ А лучше; С лучший ⁴⁸⁻⁴⁹ М не весь закон исправившаго
⁵⁰ Л ХЭ мирянин ⁵¹ С доб. и ⁵²⁻⁵³ ЛМРСТХЩЮЭ Сия (Х доб. же); Ш то
⁵⁴ С доб. бо и ⁵⁶ ЛНПСТХЩЮЭ нет ⁵⁷ С совокупившася ⁵⁸ ЛШ нет ⁵⁹ С доб.
⁶⁰ обаче она ⁵⁹ ЛНПШ доб. и ⁶⁰ С яже ⁶¹⁻⁶² Ш ни единыя ноци ⁶³ ЛНПТ не
⁶⁴ пройде ⁶⁴ НП не моляся; Ш не кланяся; Ю но помоляся ⁶⁴ С доб. господеви
⁶⁵⁻⁷¹ Ш нет ⁶⁶ МРС нет ⁶⁷ ИКПУЦ заутро ⁶⁸ ЛНПТ нет ⁶⁹ ХЩЮЭ
⁷⁰ вставая, ⁷¹ С доб. также ⁷⁰ НП довольно ⁷⁰ ЛМНПРСТ доб. к ⁷¹ ХЩЮЭ
⁷² воспуцающе ⁷² ЛНПТ нет ⁷³⁻⁷⁵ Ш в воинских деяниях упряжняющуся лето
и иногда же два и три

бывающу лето или два, иногда ⁷⁴ и три лета, ⁷⁵ в то время она по ⁷⁶ вся нощи без сна пребываше, довольно ⁷⁷ богу моляся. ⁷⁸ И ⁷⁹ не угасаше светилник ⁸⁰ ея всю нощ; ⁸¹ прилежно бо ⁸² докти своя на вретено ⁸³ утвержаше ⁸⁴ и на пляичное ⁸⁵ дело, ⁸⁶ и то продав, ⁸⁷ и ⁸⁸ цену ⁸⁹ нищим раздаваше, ⁹⁰ а ⁹¹ иное на церковное строение ⁹² растакаше; ⁹³ бе ⁹¹ бо хитра пляичному делу. ⁹⁵ Многу же милостыню ⁹⁶ отай ⁹⁷ свекра ⁹⁸ и свекрови ⁹⁹ творяше, ¹⁰⁰ точною единой ^V 1 малей ² рабице ³ сия сведущи, ⁴ с нею же посылаше милостыню требующим. Се ⁵ же творяше ⁶ по вся нощи, никому же сведущи, ⁷ яко же глаголет ⁸ богогласный ⁹ Матфей, паче же сам Христос бог ¹⁰ святыми своими усты: ¹¹ „Егда, рече, ¹² твориши милостыню, не вструби ¹³ пред собою, да не весть ¹⁴ шуйца твоя, что творит ¹⁵ десница ¹⁶ твоя; и отец твой, ¹⁷ видяй ¹⁸ в тайне, воздаст ти ¹⁹ яве“. В день же ²⁰ домовное ²¹ строение без ²² лености ²³ правяше, ²⁴ вдовами ²⁵ и сиротами, ²⁶ аки истовая мати, ²⁷ печашеся: своими ²⁸ руками ²⁹ омывая ³⁰ и обшиваше, ³¹ кормяше ³² и напаяше. ³³ И свершися ³⁴ на ней премудраго Соломона слово: ³⁵ „Жену добру ³⁶ аще ³⁷ кто обрящет, дражайши ³⁸ камняя ³⁹ многоценнаго таковая, богатства ⁴⁰ не лишится, ⁴¹ и радуется о ней сердце мужа ея; аще где коснит, ⁴² не ⁴³ печется ни о чесом ⁴⁴ же“. ⁴⁵ Вся бо суть в дому ея ⁴⁶ оболчени ⁴⁷ и насыщени, и дело комуждо ⁴⁸ по ⁴⁹ силе задеваше. ⁵⁰ Гордости и величания отнюд не любяше; ⁵¹ и ⁵² раб ⁵³ простым ⁵⁴ именем не называше ⁵⁵ и не требоваше, ⁵⁶ еже ⁵⁷ бы ⁵⁸ кто воды на рuce ⁵⁹

74 ЛНПТ овогда 74 X доб же 75 ЛНТ годы; П года 75 ЛМНПСТ доб. и
76 МРЩ во 76 Ш нет 77-78 ЛМНПРСТ нет 77-86 Ш и всенощным стоянием в
молитвах славословяше бога, иногда рукоделие творя, пляичное дело шияше 78 X моля-
нся 79-81 ЛНПТ светильник же ея всю нощ не угасаше 80 ИКУЩ сведник
82 ЛНПТ нет 83 П вертено 84 С утверждаше 85 М пляично 87 Ш продати
веляше 88 МПРСЩЮЭ нет 89 Ш доб. тех 90 ЛТ раздая; НП раздав; Ш раз-
даваше 91 Т нет 91-93 Ц нет 92 П нет 93 ИКУ раздаваше; ЛНПТШ
расточи; СХ расточаше 94-95 Ш бе бо хитра и в рукоделии искусна
96 ХЩЮЭ доб. и 97 Ш втайне 98 X доб. своего 98-99 Ш нет 100 Ш творящи
V 1 С единой 1-4 Ш рабыни ея единой ведущи 2 ИКУ мале; Ц малой
ЛНПТ нет 3 МРХЩЮЭ рабицы 4 П сведущу; Т сведущей 5-6 Ш И сие творя
7 ЛМНПРСТХЩЮЭ сведущу 8-11 Ш богогласный Матфей, паче же сам Христос
божеств нными усты, вещает днесь 9 X доб. евангелист 10 МНПРСТ нет
12 ЛНПТХЩЮЭ нет 13 ЛМНПРСТШ не вструби 14 КЛМНПРСТШ не
увесть 15 П сотворит 16 ХЩЮЭ десная 17 ЛНПТ наш небесный; Ш ваш
небесный 18 ЛМНПСТ видя 18 ЩЮ доб. тя 19 МПРСТХЦ тебе 20 ИКУ
нет 20 ЛНПТШ бо 21 Ш домовное 22-23 Ш безленостно 24 МНПР правяше;
Ш правящи 25 X доб. же 25-26 ЛНПТ вдовам и сиротам; СШ о вдовах же
(Ш нет) и сиротах 27 С мати; Ш матерь 28-29 ЛНПТ своими руками 30 ЛНПТШ
омываше 30-31 Ш омываше и отираше 31 С обшивая 32 Ш кормлющи 33 С поше ея
34 ЛМНПРСТХЦЩЮЭ совершися 35 С доб. еже 36-37 Ш мужественну 38 X доб.
ест, 39 ИКУЩ каменг 40 С доб. бо 41 НПТШ не лишисг 42 Т коснитсг
43-45 Л муж ея не печетсг ни о чем же 44 МНПРСТХЩЮЭ ни о чем 45 НПШ
нет 46 ЛМНПРСТХЩЮЭ его 47 Ш оболченг 48 Ш коемуждо 49-50 Ш заде-
ловаше сама 50 КЛПС адаваше 51 X не любяше; Ш не л бящи 52-53 ИУЦ
ош (бочно правом 51 ЛТ доб, множество, и их; НПШ доб. множество имей 54 Ш просто
55 Ш не вов ше 56 С не требова 57-58 Ш дабы 59 Ц на руки

ей⁶⁰ подал⁶¹ или от ног ея сапозы⁶² отрешал,⁶³ но все сама собою творяше. Разве по нужди,⁶⁴ егда гости приходяду, тогда ей рабы⁶⁵ почину предстояху и служаху. По⁶⁶ отшествии же⁶⁷ гостей⁶⁸ и то⁶⁹ себе тяжко вменяше,⁷⁰ и присно⁷¹ со смирением укоряя⁷² свою душу,⁷³ глаголаше: „Кто⁷⁴ аз убогая, да⁷⁵ предстоят ми тацци⁷⁶ же человецы,⁷⁷ создание божие“. И о сем⁷⁸ слава⁷⁹ бога⁸⁰ и всем образ бе⁸¹ добродетели.⁸² Нецци же раби бяху⁸³ неразумнии и непокоривии,⁸⁴ и ленивии⁸⁵ на дело,⁸⁶ инии⁸⁷ же словом пререковаху,⁸⁸ она же вся⁸⁹ сия⁹⁰ со смирением терпяше,⁹¹ и⁹² вся собою⁹³ исправляше и на ся⁹⁴ вину возлагаше,⁹⁵ глаголя: ⁹⁶ „Аз сама пред богом⁹⁷ всегда согрешаю,⁹⁸ а бог ми терпит, а⁹⁹ на сих что мне¹⁰⁰ пытати, тацци^{VI 1} же бо² суть человецы,³ яко же⁴ и аз; аще и в⁵ работу их нам бог поручил, но души их боле⁶ наших душ цветут“. Поминаше⁷ же⁸ и⁹ спасово слово, глаголюще: ¹⁰ „Не обидите малых сих,¹¹ ангели бо¹² их всегда¹³ видят лице отца моего¹⁴ небесного“. ¹⁵ И никого¹⁶ же от согрешающих раб оклеветаше¹⁷ и¹⁸ того¹⁹ ради многажды²⁰ от²¹ свекра, и²² от²³ свекрови, и²⁴ от мужа²⁵ сварима бе. Она же ни²⁶ от чего²⁷ не²⁸ смущашеся, но²⁹ аки столп непоколебим,³⁰ непреклонно³¹ стояше,³² и всю³³ надежду свою³⁴ на бога возлагаше³⁵ и³⁶ на пречистую богородицу и³⁷ великаго³⁸ чудотворца Николая³⁹ тепле⁴⁰ призываше.⁴¹ От него⁴² же⁴³ помощь велию приимаше,⁴⁴ яко же сама по-

⁶⁰ ЛНТШ ея; П нет ⁶¹ Ш подавал ⁶² ЛНПСТЦШ сапоги; ХЦЮЭ сапозе ³ ЦЮ отрешил ⁶⁴ МРС по нужде ⁶⁵ МНПРСТ раби; Ц рабыни ⁶⁶⁻⁶⁸ Ш нет ⁶⁷ ЛНПТ нет ⁶⁹ Н та ⁶⁹ ЛМНПРСТШ доб. она ⁷⁰ ИКМНТ внимаше ⁷¹ Ш нет ⁷² ЛНПТШ укоряше ⁷³ НПТШ доб. и ⁷⁴ Ш доб. есмь ⁷⁵ П нет ⁷⁶⁻⁷⁷ Ш да служат мне человецы, тацци же суще ⁷⁶ МС тацци ⁷⁶⁻⁷⁷ ЛНПТ человецы, тацци же суть ⁷⁸ ЛМНПРСТУЦЮЭ доб. велики (МРС доб. тужаше; ЛНПТШ доб. скорбяше) ⁷⁹⁻⁸⁰ Ш нет ⁸¹ Х бых ⁸² ЛМНПРСТШ в добродетелех ⁸³ Ш нет ⁸³⁻⁸⁴ МНПРСТ неразумнии и непокоривии бяху ⁸⁵ Ц ленивы ⁸⁵⁻⁸⁶ Ш на дело невнимающе ⁸⁷⁻⁸⁸ Ш инии же прекословяще ⁸⁸ Ц пререкующе ⁸⁹ Ш нет ⁹⁰ ШЦЮ нет ⁹¹ Ш терпяще ⁹² Ш нет ⁹³ Ш нет ⁹⁴ МРСШ на себе ⁹⁵⁻⁹⁶ Ш возлагающи и глаголющи ⁹⁶ ЛМНПРТ нет ⁹⁷ Ш доб. моим ^{98-VI 3} Ш согрешающи и без ответа есмь и что ми истязовати таковых же человек ⁹⁹ ЦЮ и ^{99-VI 15} НП нет ¹⁰⁰ М нет

^{VI 1} ЦЮЭ тацци ² Т же ² Л нет ⁴ ЛТ нет ⁵⁻¹⁰ Ш работны суть, обаче души их высочайши на небесех суть, в церкви первенец торжествующих, яко же и Христос пречистыми усты своими вопиет, глаголющи ⁶ Х более ⁷ ЛТ поминающе ⁸ ЦЮ нет ⁹ СТ нет ¹⁰ РТ глаголюще ¹¹ Ш доб. яко ¹² Ш нет ¹³ Ш вину ¹⁴ Ш нет ¹⁶ П никакю ¹⁷ СТШЮЭ не оклеветаше; Ш оклеветоваше; ЛМНПР не оклеветоваше ¹⁸⁻¹⁹ Н чего; П чесо ²⁰ ЦЮЭ много ²⁰ Х нет ²¹⁻²² Ш нет ²³ ЛМНПРТЦЮЭ нет ²⁴⁻²⁵ П нет ²⁴⁻²⁵ Ш также и от мужа ²⁶⁻³³ Ш вся терпящи ²⁷ Ц от чесога ²⁸ Ц нет ²⁹⁻³² НП нет ³⁰ С доб. и ³¹ ЛМРСТ непреткновенно; Х непространно ³² Т стояще ³⁴ Ш нет ³⁵ Н ошибочно возлагаше ³⁶⁻⁴¹ Ш и во всех напастех призывающи в помощь пречистую богородицу и святителя Николая ³⁷ ЛМНПРТ доб. на ³⁸ ЛНПТ доб. святителя ³⁸⁻⁴¹ Х великому чудотворцу Николе тепле призываше ³⁹ ЦЮЭ Никулу ⁴⁰ ЛНПТ доб. его ⁴¹ ЛНПТ призывая ⁴² МРХЦЮЭ от того ⁴³ ЛМНПРТШ доб. и; С доб. бо и ⁴⁴ С прия; Ш приимлющи

веда,⁴⁵ глаголя: ⁴⁶ во едину ⁴⁷ от ⁴⁸ ношей ⁴⁹ вставши ⁵⁰ ей ⁵¹ по ⁵² обычаю ⁵³ на молитву, ⁵⁴ мужу ⁵⁵ же ⁵⁶ ея не ⁵⁷ дома ⁵⁸ сушу, ⁵⁹ ненавидяй ⁶⁰ же добра ⁶¹ диавол с бесы своими ⁶² покушашеся ⁶³ от такового пути ⁶⁴ престаяти ⁶⁵ ю, ⁶⁶ и тако ⁶⁷ своими мечты ⁶⁸ страх и ужас велий ⁶⁹ напускаше на ню. ⁷⁰ Она ⁷¹ же, млада ⁷² еще, ⁷³ неискусна, таковой ⁷⁴ вещи убоясь ⁷⁵ вельми и возлеже ⁷⁶ на ⁷⁷ постели своей и одеянием покрывши ся, ⁷⁸ усну ⁷⁹ крепко. И виде ⁸⁰ множество бесов, пришедших ⁸¹ на ню ⁸² со всяцем ⁸³ оружием, хотяше ⁸⁴ ю ⁸⁵ убить, и начаша ю ⁸⁶ давити ⁸⁷ рекущи: ⁸⁸ „Аще не престанеши от такового начинания, то абие погубим тя“. Она ⁸⁹ же во мнозе страхе бывши, возведе ⁹⁰ очи свои к ⁹¹ богу и ко ⁹² пречистой ⁹³ богородице, ⁹⁴ и призва ⁹⁵ на помощь ⁹⁶ святого ⁹⁷ отца ⁹⁸ Николая. ⁹⁹ И абие явился ей ¹⁰⁰ святой ^{VII 1} Николай, ² держа книгу велику; ³ и нача ⁴ ею бити бесов, и тако разгна ⁵ всех, и ⁶ яко ⁷ дым исчезоша и безвестни ⁸ быша. И воздвиже ⁹ десницу ¹⁰ свою, ¹¹ благослови ¹² ю, ¹³ глаголя: ¹⁴ „О, дщи моя! мужайся и крепися и ¹⁵ не ужасайся бесовскаго прещения, ¹⁶ Христос бо повеле ми ¹⁷ тя соблюдать от бесов и злых человек“. Она ¹⁸ же, абие ¹⁹ возбнувши от ²⁰ сна, ²¹ и виде ²² яве мужа святолепна из храмины двери изшедша скоро, аки ²³ молния, ²⁴ и ²⁵ абие ²⁶ воста ²⁷ скоро, ²⁸ иде ²⁹ во ³⁰ след ³¹ его, ³² не виде ³³ никого же, ³⁴ но и ³⁵ притвор ³⁶ храмины тоя крепко

45 Ш поведающе 46 С нет 47 ЛМНПРСТ доб. убо 48—49 ЛНПТШ
ношь (Ш доб. помогающе ми богу) 50 ЛМНПРСТХЦЭ вставши; Ш вос-
тах; ЩЮ ставши 51—53 Ш нет 52—54 ЛМНПРСТ на обычную молитву
55 С мужеви 56 ЛНПТХЩЮЭ нет 57—58 МРС не в дому; ЛНПТ не в доме
59 МР суца 60 Ш ненавистник 61 ИКШ нет 61 Т доб. рода человека 62 Ш нет
63 Ш умысли 63 ЛМНПРСТ доб. на ню 64 С доб. дабы 64—65 Ц дела отторгнути
65 Л восприяствовати; НПТ представити; У преставити; Ш отвратити 65—66 С пре-
стати ей 66 МНПРТ нет 66—67 Ш нет 67 С нет 68 СЩЮ мечтами; МРХШЭ
мечтаньями 69 Ш велми 70 Ш на мя 71 Ш мя 72 ЛМНПРСТШ доб. суци
73 ХЩЮЭ доб. и 73 Ш нет 74 С в таковой 75 Ш убоыхся 76 МРСУХЦЭ
возляже; Ш возлегох 77—78 ЛНПТШ на одре своем (Ш моем) и одеждою (Т одеждою)
покрывши ся 79 Ш уснух 80 ИКЦ видя; Ш се 80 ЛУ доб. во сне 81—82 Ш при-
шедше на мя 83 ЛНПТШ со всяким 84 Х хотяше 85 Ш мя 86 Ш мя 87 Т доб. и
88 ЛНПТ рекше; РСХЩЮЭ рекуще 89 Ш аз 90 Ш возведох 91 Ц ко 92 С к
92 ЛНПТХЩЩЮЭ нет 93 ЛМНПТХЩЩЮ пречистой 94 ИК богородицы
95 Ш призвах 96 МНПРСТХЩЩЮЭ в помощь 97—98 Ш святителя христова
98 МНПРСТХЩЮЭ нет 99 ХЩЮЭ Николау 100 Ш нет

^{VII 1} Ш скорый на помощь святитель христов 2 ИЛНХЩЮЭ Николае 3 Ш доб.
в руках 4 МПРСТХЩЩЮЭ начат; Н начав 5 ЛМНПРТХЩЩЮЭ разгнав
6 МНПРСТХЩЩЮЭ нет 7 ХЩЮЭ доб. бо 8 ЛМНПРТХЩЩЩЮЭ без
вести 9 ЛМНПРСТШ доб. святой 10 ЛНПТШ десную 11 ЛНПТШ доб.
руку и; МРС доб. и 12—14 Ш благословив мя, рек 13 Х нет 15 МС нет
16 С прельщения 17 ЛМНПРСТШЩЮЭ мне 17 Х нет 18—21 Ш От
сна же востах, аз 19 ЛМНПРСТ нет 20—21 ЦЮ нет 22 Ш видех
23 С яко 24 РХЩЮЭ молнию 25—26 Л она же 27—29 ЛНП востав со одра и иде
вскоре 27 МРСТХЩЮЭ востав; Ш воставши 27 ТШ со одра (Ш доб. моего)
28—29 Т и иде вскоре 28 Ш нет 29 Ш идох 30—31 НПТХЩЩЮЭ вслед
32 ЛМНПРСТУХШ доб. и 33 Ш не видех 34 ЛТШ нет 35 Ц нет 36 ИКЛН
ПТУХЩЩЩЮЭ притвор

заперт³⁷ по обычаю. Она же оттоле³⁸ абиc,³⁹ аки некое извещение при-
имши,⁴⁰ велми возрадовася, славяше⁴¹ бога, и⁴² в⁴³ себе дивяся;⁴⁴ ни-
кому⁴⁵ же сего поведя,⁴⁶ но⁴⁷ паче перваго сугубь⁴⁸ добрых⁴⁹ дел при-
лежа.⁵⁰

По мале же⁵¹ времени божию⁵² гневу русскую землю постигшу, за
грехи наша⁵³ наказующу⁵⁴ нас, гладу велику зело бывшу⁵⁵ и мнози⁵⁶
гладом помираху.⁵⁷ Она же многу милостыню творяше⁵⁸ отай всех⁵⁹
людей:⁶⁰ взимаше⁶¹ у свекрови пищу, аки⁶² на утреннее и на полуденное⁶³
ядение,⁶⁴ и⁶⁵ сие⁶⁶ нищим даяше; сама бо издетска до обеда⁶⁷ не вку-
шаше,⁶⁸ и⁶⁹ по обеде — до вечерняго ядения. Видевши же свекры, гла-
гола⁷⁰ ей:⁷¹ „О, невестко, веды⁷² буди, яко аз радуюся о твоём частом
ядении, но дивлюся, како⁷³ нрав твой пременися.⁷⁴ Егда⁷⁵ хлеба обилие⁷⁶
бе,⁷⁷ тогда⁷⁸ не могах⁷⁹ тя к раннему и⁸⁰ полуденному ядению прину-
дити, а ныне в мире⁸¹ осудение пищи,⁸² и⁸³ ты раннее и полуденное яде-
ние вземлеши“.⁸⁴ Она же, хотя⁸⁵ утаитися,⁸⁶ отвеца,⁸⁷ глаголя: „Егда не
родих⁸⁸ детей,⁸⁹ не⁹⁰ хотяше ми ся⁹¹ ясти, а егда начах⁹² родити дети,⁹³
тогда⁹⁴ обезсилех и не могу наястися⁹⁵ пища.⁹⁶ Не точию в⁹⁷ день, но
и в ночь⁹⁸ множицею⁹⁹ хотяше¹⁰⁰ ми ся ясти и срамляюся у тебе просити
пищи“.^{VIII 1} Свекры² же, се³ слышавши,⁴ рада⁵ бысть⁶ и⁷ посылаше⁸
к⁹ ней пищу¹⁰ доволну¹¹ не точию¹² на день, но и на ночь: не¹³ бе бо
у них нимало¹⁴ оскудение¹⁵ в дому, яко¹⁶ в прежние¹⁷ лета много¹⁸

37 ЛНПТУХЩЮЭ заперт 37 С доб. сушу 38 ЛНПТШ от того часа
39 ЛМНПРСТШ нет 40 ЛНПСТХЩЮЭ приемши 41 МНПРСТШ
слава; Х славяше; ЛУЩЮЭ славящи 41 ЛУ доб. человеколюбца 42 ИКУЦ нет
43—44 Ш удивлялся великому того промыслу 45—48 Ш нет 46 МРХ не поведя 47 Ш и
48 ХЩЮЭ сугубо 49—50 Р к добрым делом прилежя; Ш добрым делом прилежаше
51 ЛНПТ нет 52—55 Ш богу попускающу за грехи наша казни, постиже русскую
землю глад велик 53 С наши 54 ПХ наказующе 56—57 ЛУ мнозем гладом поми-
рающим 57 Х умираху 58 МР творя; Ш творящи 59—60 Ш нет 60 МРС доб. и
61 С взимая 61 ЩЮ доб. же 62—64 Ш аки себе 63 С доб. си 65 С нет 66 Ш то
67 П ошибочно до обеда 68 С доб. пищи 69—74 Ш То же видевши свекровь, дивя-
щися, яко нрав пременися 70 МРС глаголаше 71 ЛМНПРСТ к ней 72 МРСУ
ХЩЮЭ ведый; ЛНПТ вестно 73 Ю часто; Ц нет 74 П пременися 75 МР еда
75—77 Ш, Егда бо бысть изобилие хлеба 76 МРС изобилие 77 ЛНПТ нет 78—81 Ш тогда
единою в день ядыше, и то мало. А ныне, егда есть во всем мире 79 С не могла;
Ц не могохом 80 МРСХЩЮЭ доб. к 82 Ш нет 83—84 Ш то часто требует.
И о сем глагола Иулиани 85—86 Ш утайти хотя 87 Ш и 88 С аз не родила
89 Ш доб. тогда 90—91 ЩЮ не хотящися (Ю хотящися) ми 92 П нача; С начала
93—94 Ш нет 95—VIII 1 Ш наястися совершенно и доволна быти и стыждуся доволныя
пищи требовати 95 ИПРТХЩЮЭ наестися 96 ЛМНПРСТХЦ пищи 97—98 НП
денно и в ночь 98 С в ночи 99 ЛНПТЭ нет 100 С хочет
V. II 1 ЛМНПРСТ доб. доволныя 1 ХЩЮЭ нет 2 ШЩЮЭ Она 3 Ш то
3—4 ЛНПТ слыша сия; МРС слышавши сия 3—7 ХЩЮЭ нет 5—6 ЛНПТ возра-
довася 5—6 МРСШ нет 8 ЛНПТШ начаша (ЛШ нача) послати 9—10 ЩЮЭ ей
пища 11 ИКУЦЩЮЭ доволно; МРС доволную 12 Ш не токмо 13—19 Ш не
бысть бо оскудения пищи в дому их 14 НП нет 15 РСТЦ оскудения 15 ЛНПТ
доб. пищи 16 ЛМНПРСТ зане 17 ЛС в прежняя; НПТ в прежняя 18 Ц многа

скоплено жита бе.¹⁹ Она же принимаше²⁰ пищу²¹ от²² свекрови и сама не вкушаше, но все²³ требующим раздаваше.²⁴ Егда²⁵ же²⁶ кто от нищих умираше,²⁷ наймоваше²⁸ обмывати²⁹ и умиралныя³⁰ ризы покупая³¹ даяше³² и на³³ погребение сребреницы посылаше. А³⁴ егда видевши³⁵ мертвеца в селе своем погребается, знаема кого или незнаема, не остави ни единого, еже бы о души его не помолитися доволно.³⁶

Помале же,³⁷ гладу преставшу,³⁸ абие мор бысть силен на люди, и мнози помираху болезнию,³⁹ юже⁴⁰ прозваша⁴¹ пострел. И от⁴² того⁴³ мнози неразумнии⁴⁴ в домех⁴⁵ запирахуся и уязвенных⁴⁶ пострелом⁴⁷ в дома⁴⁸ не пушаху⁴⁹ и к ризам⁵⁰ их не прикасахуся.⁵¹ Блаженная же⁵² отай свекра⁵³ и свекрови⁵⁴ уязвенных многих⁵⁵ своима рукама в бани омывая,⁵⁶ целяше⁵⁷ и бога моляше⁵⁸ о исцелении.⁵⁹ Аще⁶⁰ ли⁶¹ кто умираше, она⁶² же⁶³ многи сироты⁶⁴ своима⁶⁵ рукама омываше⁶⁶ и⁶⁷ погребалная воскладая,⁶⁸ и к погребению относити наймоваше.⁶⁹

И тако поживши⁷⁰ у⁷¹ свекра и у⁷² свекрови в дому⁷³ лета доволна,⁷⁴ ни⁷⁵ в чем их не преслуша, ни цоропта, но⁷⁶ аки⁷⁷ истовая⁷⁸ дщи своих⁷⁹ родитель⁸⁰ почиташе.

Свекру⁸¹ же и свекрови ея в⁸² глубоцей старости преставльшимся⁸³ во мнишеском⁸⁴ чину,⁸⁵ она же песньми⁸⁶ и псалмы надгробными и⁸⁷ боголепным⁸⁸ погребением почти⁸⁹ я.⁹⁰ И⁹¹ многу⁹² милостыню по них монастырем⁹³ и церквам⁹⁴ и⁹⁵ нищим⁹⁶ разда,⁹⁷ и⁹⁸ по⁹⁹ многим церквам¹⁰⁰

19 ЛНПТ нет 20 С приемая 20—23 Ш приемля, не оскудно 21 Т нет 22 ЛМН
 ПРСТХЩЮЭ у 24 ИКУХЩЮЭ раздаваше; П подаваше 25—27 Ш от нищих
 же кто умираше 26 ЛНПТ нет 28 С наймова 29 ПСШ омывати 30 С умер-
 шим на обвязание; Ш погребалныя 31—32 Ш дая, покупаше 33 П нет
 34 ИКЛУЩШ и 35 ЛНПТ видяще; МХЩЮЭ видяще; Р видеша;
 С видеи; Ш виде 36 МНПРСТХЩЮЭ нет 37 ЛНПТ нет 37 ЛНПТШ
 доб. времени 38 ЛНПТ доб. и 39 Ш доб. тою 40 ЛМНПРСТХЩШ
 ЩЮЭ яже 41 ПТ прозвася; С именуема бе; Ш нарицашеса 42—43 ЛНПТШ
 от тое (П той) болезни; Р отголе 44 МТ неразумныя 45 ЛНПТЩЮЭ
 доб. своих 46 Ц язвенных; Л уязвленныя 46—47 Ш зараженных тою
 болезнию 48 МНПРШ доб. своя; С доб. свои 49 Ш не пускаху 50 С (к)
 одеждам 51 НП не прикасашеса 52 ЛНПТШ нет 52 Ш доб. Иулияния
 53—54 Ш домашних 55 Ш нет 56 МСХЩЮЭ обливая; ЛНРТ обмываше и;
 П омываше и 56—57 Ш врачеваше и омываше 58 МС моляще 58 П доб. за них
 59 Ш доб. их 60—64 Ш а умирающих 61 ЛНПТ нет 61 С же 62—63 С и оная
 65 НП своими 66 ЛНТХ обмываше; ИКМРСУЩЮЭ обмывая 67—69 Ш и своим
 иждивением погребаше 68 ЛНПТ воскладывая 70 ЛНПТШ поживе; С живши
 71—73 Ш при жизни свекра своего и свекрови 72 ЛНПТ нет 73 Н доволная; Э до-
 волно 75—76 Ш нет 77 С яко 78 Ш естественная 79—80 Ш своя родители
 80 ЛМНПРСТХЩЮЭ родителей 81—85 Ш им же в глубокую старость достигшим
 и образ монашеский приемшим и преставльшимся 82 МРСТЩЮЭ во 83 Л преста-
 вившимся 84—85 С во монашеском чине сущим 86—87 Ш нет 88 Ш обычным
 89 ШЩЮЭ почте 90 ЛНПТХЩЮЭ нет 91 ЛНПТ нет 92—93 Ш доволну
 милостыню сотвориши о них монастырям 93—96 ЛНПТ нет 93—94 С по монастырем
 и по церквам 95—96 МР нет 95—100 Ц нет 97 ЛНПТ даде; С раздаде; ХЩЮЭ
 раздавая 97—104 Ш нет 98—100 МР нет 99—100 Х по многих церквах 99—100 СТ нет

повеле по них¹⁰¹ служить¹⁰² литургии,¹⁰³ и¹⁰⁴ трапезы^{IXI} в дому своем попом и мнихом² и нищим и вдовам и сиротам и всем бедным³ поставляше,⁴ и вся⁵ приходящая⁶ довольно пищею⁷ учрежаше⁸ и⁹ всех моляше¹⁰ помолитися¹¹ богу¹² за души¹³ преставльшихся,¹⁴ и¹⁵ темничником милостыню посылая¹⁶ по вся дни даже¹⁷ до¹⁸ четырехдесятаго¹⁹ дне.²⁰ Мужю²¹ бо²² ея дома²³ не сущю,²⁴ она же²⁵ много²⁶ имения²⁷ в милостыню растроши,²⁸ не²⁹ точию в то время, но³⁰ и³¹ по³² вся лета³³ творяше память умершим,³⁴ слыша³⁵ бо³⁶ божественное писание, яко „творимая зде,³⁷ многу пользу и³⁸ ослабу творит³⁹ умершим душам“; и⁴⁰ паки:⁴¹ „Мажай⁴² иного⁴³ мастию, себе прежде благоухает“; ⁴⁴ бояся⁴⁵ и того, еже глаголет великий Василий:⁴⁶ „Аще кто владеет родительским именем, а богови от⁴⁷ него⁴⁸ не дает,⁴⁹ сиречь милостыня,⁵⁰ той бо⁵¹ татбы и разбоя не осяса; не свою бо силу, но поты⁵² отца своего держит“.⁵³ Сего⁵⁴ бо⁵⁵ слова⁵⁶ бояся,⁵⁷ блаженна⁵⁸ тщася⁵⁹ все оставльшееся⁶⁰ имение свекра⁶¹ своего по них раздаяти,⁶² сама же на добродетель обратися паче и⁶³ перваго.⁶⁴

И тако поживши⁶⁵ с мужем своим лета доволна, во⁶⁶ мнозе⁶⁷ добродетели⁶⁸ и чистоте, по закону божию, и родивше⁶⁹ десять сынов и три дщери. От⁷⁰ них же⁷¹ четыре сыны⁷² и две дщери во младенчестве⁷³ же⁷⁴ умроша; ⁷⁵ шесть же⁷⁶ сынов и ⁷⁷ едину же дщерь воспитаста⁷⁸ и о сем⁷⁹ славяше⁸⁰ бога, слыша⁸¹ бо⁸² апостола⁸³ Павла к Тимофею

99—101 ЛНПТ повеле в монастырех и в церквах до четырехдесяти дней по вся дни
 102—103 МРС божественныя литургии служить 103 ЦЮЭ литурги
 IX 1—3 Ш нет 2 МРС монахом; П иноком 3 ЛНПТ убогим 4 Ш доб. до
 четыре десяти дней неоскудно 5—6 С всех приходящих 5—9 Ш нет 6 ЛМНПРТ
 ХЦЮЭ пряходящия 7 Т нет 8 ЛНПСЦ учрежаше 9—10 С просивше их
 10 Ш прошаше 11 ЛНПТХШ молитися 11 ЛНПСТ доб. госноду 12 Ш нет
 13 РЦЮЭ за душа 14 С доб. также 15 ЛМНПРСТХШЦЮЭ доб. и 16 СШ по-
 сылаше 17 ЛНПТ нет 18—20 Ш до четыре десятии дней 19 РСХЦЮЭ до че-
 тыредесятого 21—28 НП нет 22 Ш нет 23—24 РТХШЦЮЭ не дома сущю;
 М вне дома сущю; Ц не сущю дома; С не сущю в доме 24 С доб. и тако 25 СШ нет
 26 ТШ многа 27 Ш стяжания 28 ИКУ расточаше; М расточиши; ЛРТ расточи;
 С разстрой, и; Ш истощивши 29—30 Ш нет 31—34 Ш и то творяше в память умер-
 шым по вся лета 32—33 ХЦЮ во вся лета 33 С доб. оная 34 ИКПУЦ умерших
 35—36 С взирая на 36 Ш нет 37 С доб. поминовения 38—39 Ш иматъ
 39 МС творят 40—41 ЛМРСТХЦЮЭ нет 40—44 Ш нет 40—64 НП пропуск
 42—43 С мажай же много; Х мажай бо 44 С доб. также 45 У боящи бо ся
 45 МРСХЦЮЭ доб. и 45—46 Ш бояся рекшаго 47—48 Ш нет 49 МРСТШ не
 даст 50 МРСТУХЦ милостыни; ЛШ милостыню 51 МРСХЦЮЭ рече 51 ЛТШ нет
 52 Ц труды 53 Л держат 54—57 С И посему 55 ЛМРТХЦЮЭ нет 55—56 Ш нет
 58 МРТШ доб. и 59 ЛМРСТХЦЮЭ тшашеся 60 МРХЦЮЭ оставшеся;
 ЛСТ оставшее 60 Ш нет 61 Ш отца 62 МРСЦЮ раздати 63 МРСТШ нет
 65 С живше 66—67 ЮЭ во мнозей 66—68 Ш во многих добродетелех 69 ЛМНПРТХШЦ
 ЮЭ родивши; С родиша 70—71 ЛНПТШ нет 72 ЛНПТХШ сына 73 Э во младен-
 стве 74 ЛМНПРСТХШЦЮЭ нет 75 Ц доб. а 76 ЛНПТЦШЦЮЭ нет 76—77 ИКУ
 нет 78 ЛМНПРСТШЦ воспиташа; УХЮЭ воспита 79 С доб. блаженна
 80 ЛПРСУХЦЮЭ славяше 81 С слышав 81—87 Ш пропуск 82 С нет 83 ЛНП
 РТХЦЮЭ нет

глаголюща: „Жена спасется⁸⁴ чадородия ради“. ⁸⁵ О умерших же младенцах благодаряще⁸⁶ бога,⁸⁷ по⁸⁸ Йову⁸⁹ глаголаше: ⁹⁰ „Господь даст,⁹¹ господь и взят“. ⁹² Слыша⁹³ бо⁹⁴ златоустово⁹⁵ слово: „Блаженных младенцев⁹⁶ — блаженное почитание. О⁹⁷ чем⁹⁸ имут дати ответ, ничто же⁹⁹ искуса греховнаго не сотворше?“¹⁰⁰ Причтени бо^{X1} суть со иовлевыми сыны² и со избивенными младенцы от³ Ирода,⁴ и со ангелы бога славят и о родителех⁵ бога молят“. И того ради о умерших чадах не скорбяше,⁶ а о живых веселяшеся.⁷

Ненавидяй же⁸ добра диавол всячески⁹ тѣшася спону ей сотворити и¹⁰ частыя¹¹ брани воздвизаше¹² в детех¹³ и¹⁴ рабех; она же вся смыслена и разумно разсуждаше, и смиреваше.¹⁵ И¹⁶ не возможе враг иногo¹⁷ зла¹⁸ сотворити ей,¹⁹ и²⁰ навади единаго от раб,²¹ и²² уби²³ сына ея²⁴ старейшаго, хотя ю²⁵ во отчаяние ввести²⁶ и от бога отлучити, или мно,²⁷ некоему²⁸ смотрению божию быти,²⁹ яко³⁰ же Давид³¹ рече:³² „Благо мне, яко смирил мя еси,³³ да научюся оправданием твоим“, ³⁴ — яко да от того блаженная боле³⁵ о души³⁶ прилежит,³⁷ еже и бысть. „Без³⁸ искушения,³⁹ рече, и злато не свершается“, ⁴⁰ или: „Кто⁴¹ видя⁴² юнейша себе умерша, а не исправится,⁴³ когда будет⁴⁴ тому⁴⁵ спастися“, или: „Кто,⁴⁶ рече,⁴⁷ бедами себе⁴⁸ не накажет,⁴⁹ а⁵⁰ в доброденстве⁵¹ такому⁵² како⁵³ мощно⁵⁴ наказатися?“⁵⁵ Блаженная же,⁵⁶ видя⁵⁷ сына своего умерша, велми оскорбися⁵⁸ не⁵⁹ о смерти его,⁶⁰ но о души его,⁶¹ еже прият напрасную смерть, а⁶² не смутися,⁶³ но и мужа своего словесы утешительными⁶⁴ увещевая,⁶⁵ еже⁶⁶ не⁶⁷ отпадати⁶⁸ надежди⁶⁹ на бога.⁷⁰

⁸⁴ Р спасеся ⁸⁵ Х нет ⁸⁶ ЛНПСУХЦ благодаряше ^{88—89} ИКЦ поюще ⁹⁰ ЛНПСТ глаголющу; Ш глаголющему; МРХЦЮЭ глаголюще ⁹¹ ЛНП СТУХЦШ даде ⁹² КЛНПСТШ взя ⁹³ ЛТ слышавше ^{93—X6} НПШ пропуск
⁹⁴ ЛТ нет ⁹⁴ МРС же ⁹⁴ ЛМРСТУ доб. и ⁹⁵ ЦЭ Златоустаго ⁹⁶ ЛМРСТ младенцев; ХЦЮЭ младенцов ^{97—99} С иже не имут ответа дати ни о чесом же, зане ⁹⁸ Ц доб. бо ¹⁰⁰ МЦ не сотворша; С не сотвориша, и
^{X1} С нет ² Т детми ^{3—4} ХЦЮЭ нет ⁵ Ц доб. своих ⁶ ХЭ не скорбяще
⁷ ЛГХШЦЮЭ веселяшеся ⁸ ЛТ нет ^{9—10} Ш пропуск ¹⁰ МНПРСТХЦЮЭ нет ¹¹ ИКЦ пустыя ¹² ИКЦ подвизаше ¹³ С доб. ея ¹⁴ МНСТЦШ доб. в
¹⁵ С смиряше я ^{16—19} НП нет ¹⁷ МХШЦЮЭ иногo ¹⁸ С доб. болше
²⁰ С но ²¹ Ш доб. ея; ЛМРСТХЦЮЭ доб. их ^{22—23} ЛМРТ Раб же уби; С Раб
диавольским наваждением уби ²² Ш нет ²³ НП доб. раб ²⁴ С их ²⁵ С блаженную ²⁶ ПСШ привести ²⁷ С доб. еже ^{28—29} Ш по смотрению божию
^{30—34} НП пропуск ^{31—32} Ш псалмопевец воспе ³³ СШ доб. яко ³⁵ НПСШ болсе
³⁶ МРС о душе ³⁷ У прилежати имать ^{38—35} НП пропуск ³⁹ ЛМРСТШ доб. бо
⁴⁰ ЛРСТЦШ не совершается ⁴¹ С „Аще кто ⁴² ЛТШ виде ⁴³ ЛТШ доб. ко
господу ^{44—45} ЦЮ может ⁴⁵ ЛМРТХШЭ нет ⁴⁵ С ему ⁴⁶ С аще кто
⁴⁷ ЛМРСТШ нет ^{46—49} МРХЦЮЭ ся не накажет; С не накажется; Ш не наказан.
^{50—51} С но выну пребудет в доброденствии ⁵¹ ЛМРТХШ в доброденствии ⁵² ЦШ нет
⁵² С таковому ⁵³ ЦЮ такo ⁵⁴ Т мочно ⁵⁵ С доб. И такo ⁵⁶ ЛНПСТ нет ⁵⁷ НП видевши; Ш виде ⁵⁸ С доб. но ^{59—60} С не о умертвии его ⁶¹ Р нет ⁶² ЛНПТШ и
^{62—63} КС а о смерти ниже мало смутися ⁶⁴ С доб. на мнозе ⁶⁴ Ш нет ⁶⁵ ЛН
ПТХШ увещевая; С увещеваше ^{66—70} С еже бы не отпасти в надежди от бога
^{67—68} ЛНПТШ не отпасти ⁶⁹ ИКЛНПСТЦШ доб. но ⁷⁰ НПЦШ доб. уповати
(НПШ доб. и на пречистую его богоматерь)

И тако сына своего со⁷¹ псалмопением почтоша,⁷² и доволну⁷³ милостыню и сорокоустие⁷⁴ раздаша.⁷⁵ Потом⁷⁶ же,⁷⁷ по мале времени,⁷⁸ и другаго сына ея на царской службе убиша. Она⁷⁹ же⁸⁰ аще и⁸¹ оскорбися в мале,⁸² но⁸³ душевные, а⁸⁴ не телесные; ни⁸⁵ кричаше⁸⁶ бо⁸⁷ без лепоты, ни⁸⁸ влас терзаше,⁸⁹ яко⁹⁰ же⁹¹ прочия жены творят,⁹² но⁹³ во дне⁹⁴ милостынею и кормлею⁹⁵ нищих⁹⁶ и иерейскою службою поминая⁹⁷ дети⁹⁸ своя,⁹⁹ и¹⁰⁰ по вся нощи без сна пребываше,¹⁰¹ моля бога со слезами о отпущении грехов¹⁰² чад своих умерших.¹⁰³

Потом¹¹ же² начат³ молити⁴ мужа своего, да отпустит ю в монастырь. Он⁵ же никакже⁶ не⁷ преклонися к молению ея.⁸ Она⁹ же глаголаше:¹⁰ „Аще мя, рече,¹¹ не отпустиши, то бегом от дому своего утаюся.“¹² Он¹³ же заклинаше ю¹⁴ богом,¹⁵ еже не оставити¹⁶ его, бе бо¹⁷ состарелся, а¹⁸ детям¹⁹ малым сущем.²⁰ И почташе²¹ пред нею книги²² блаженнаго²³ Космы пресвитера и²⁴ прочих²⁵ святых отец:²⁶ „Не спасут, рече,²⁷ нас черныя²⁸ ризы, аще²⁹ не по мнишескому чину живем,³¹ и не погубят нас³¹ белыя ризы,³² аще богоугодная³³ творим;³⁴ аще³⁵ ли³⁶ кто нищеты не могый³⁷ терпети³⁸ отходит³⁹ в монастырь, не хотя детми⁴⁰ пешиися,⁴¹ то⁴² уже не трудится⁴³ хошет, ни⁴⁴ любви божия ищет,⁴⁵ но почивает;⁴⁶ а дети осиротевшия⁴⁷ многаши⁴⁸ плачуются и кленут, глаголюще: «Вскую родители наши, родивше⁵⁰ нас, оставиша⁵¹ ны⁵² в толице⁵³ беде и страсти;⁵⁴ аще бо⁵⁵ и чужоя⁵⁶ сироты повелено есть⁵⁷ кормити,

⁷¹ МРСХЩЮЭ нет ⁷² ЛНП почте; Ш погребоша ⁷³ С доб. и погребоша и в поминовение ⁷⁴ ИКУЦ доволно; Х доволную ⁷⁵ ИКУЦ сорокоустия; Ш помяновение ⁷⁶ ЛНПТШ доб. по церквам ⁷⁷ ЛНПТШ раздая; Т раздаяше ⁷⁸⁻⁷⁹ ЛНПТШ нет ⁸⁰⁻⁸¹ СШ По мале же времени ⁸² ЛНПТШ Блаженная ⁸³⁻⁸⁴ ЛНПТШ нет ⁸⁵⁻¹⁰³ Х мало ⁸⁶ Ш нет ⁸⁷ ЛНПТШ нет ⁸⁸⁻⁸⁹ ЛНПТШ пропуск ⁹⁰⁻⁹¹ ЛНПТШ нет ⁹² МРСХЩЮЭ ни влас не терзаше ⁹³⁻⁹⁴ ЛТ в день; ХЩ во дни ⁹⁵ С кормлением; ЛТ пищею ⁹⁶ ЛТ доб. насыщаше ⁹⁷ С поминаше ⁹⁸⁻⁹⁹ МРСХЩЮЭ нет ¹⁰⁰ С нет ¹⁰¹ ЛМРТХЭ а ¹⁰² ЛСТ доб. сама же (ЛТ нет) ¹⁰³ МРСХЩЮЭ пребывая ¹⁰⁴ Т нет

¹¹⁻¹² Ш И потом ¹³ НПШ нача; Т наченше ¹⁴ Ш просити ¹⁵⁻¹⁶ ЛНПТ Муж же ея Георгий не послуша моления ¹⁷⁻¹⁸ Ш но не получив прошения и хоте от мужа безавием скрытися ¹⁹ МРСЩЮЭ нет ²⁰ СХЩЮЭ нет ²¹⁻²² ЛНПТ Блаженная глагола ему ²³ С доб. к нему ²⁴ ЛМНПРСТ нет ²⁵ МРСУХЩЮЭ отъиду ²⁶⁻²⁷ ЛМНПРСТХЩЮЭ Муж же ея заклинаше; Ш Муж же моляше ю ²⁸ Ц нет ²⁹ НП доб. ей ³⁰ МРСХЩЮЭ доб. сам ³¹⁻³² Ш нет ³³⁻³⁴ ЛНПТ дети его малы сущи ³⁵ СУ сущим ³⁶ ЛНПТШ чтяше ³⁷ Х доб. божия ³⁸ НПШ нет ³⁹⁻⁴⁰ Ш нет; доб. яко ⁴¹ МНРСТХЩЮЭ прочи ⁴² НП доб. что ⁴³ ЛНПТШ нет ⁴⁴ Х чернечская ⁴⁵⁻⁴⁶ НПШ пропуск ⁴⁷⁻⁴⁸ ХЭ аще не во мнишеском чину живем ⁴⁹ Ш нет ⁵⁰ НПШ нет ⁵¹ ЛМРСТ богоугодно; Х негодная ⁵²⁻⁵³ НП богоугодно живем и заповеди его творим и соблюдаем; Ш сотворит волю божю и прочая ⁵⁴⁻⁵⁵ НПШ пропуск ⁵⁶ С нет ⁵⁷ МРСЩЮЭ не мога ⁵⁸ ЛТ доб. то ⁵⁹ Т исходит ⁶⁰ ЛТ о детех; С о чадах ⁶¹ ЛТ доб. и питати их ⁶²⁻⁶³ ИК не утрудився ⁶⁴⁻⁶⁵ Т нет ⁶⁶⁻⁶⁷ Л нет ⁶⁸ Л почивати ⁶⁹ МРСХЩЮЭ почивати хошет ⁷⁰ ЩЮЭ осиревше ⁷¹ СХЩЮЭ многажды; ЛТ нет ⁷² ЛТ плачут; Х плачюще ⁷³ МРСХЩЮЭ родившии ⁷⁴ МР остави ⁷⁵⁻⁷⁶ Т нет ⁷⁷ ЛРСТХЩЮЭ в толицей ⁷⁸ С доб. сущих ⁷⁹ ЛТ нет ⁸⁰ ЛМРСТХЩЮЭ чужия ⁸¹ С доб. и тыя

колами паче своих не уморяти»⁵⁸ И многа ина божественная писания почитая⁵⁹ пред нею; ⁶⁰ она же то ⁶¹ слыша, ⁶² остася ⁶³ такового прошения, рекши: ⁶⁴ „Воля господня да будет“. ⁶⁵ И ⁶⁶ оттоле ⁶⁷ умоли мужа своего, еже жити им вкупе, а ⁶⁸ плотня ⁶⁹ совокупления не имети. ⁷⁰ И ⁷¹ сотворше ⁷² себе постели ⁷³ разны ⁷⁴ во единой храмине, мужу бо ⁷⁵ своему устрои обычную постелю, на ней же он ⁷⁶ прежде почиваше. ⁷⁷ Сама ⁷⁸ же ⁷⁹ яко ⁸⁰ птица от кляпца ⁸¹ исторгшися, ⁸² всех ⁸³ же ⁸⁴ мирских отвергшися ⁸⁵ и единому богу всею ⁸⁶ душею ⁸⁷ возложися, ⁸⁸ пост и воздержание паче меры ⁸⁹ восприя; ⁹⁰ во вся ⁹¹ пятки ⁹² не ⁹³ вкушаше и затворяшеса ⁹⁴ едина ⁹⁵ во отходной ⁹⁶ клети, ⁹⁷ а тамо ⁹⁸ ко единому богу ⁹⁹ в ¹⁰⁰ молитвах ¹⁰¹ упражняшеса, ^{XII 1} в ² понеделники ³ и в среды ⁴ единою днем сухоядение ⁵ без варива вкушаше; ⁶ по вся же ⁷ субботы и недели в ⁸ дому своем ⁹ трапезу ¹⁰ попом ¹¹ и ¹² вдовам, и ¹³ сиротам ¹⁴ и своим домочадцем ¹⁵ поставляше, ¹⁶ и довольно ¹⁷ пищею учрежаше, ¹⁸ и ¹⁹ тако ²⁰ по единой чашице вина испиваше, не яко хотяше ²¹ вина, ²² но гостей не хотя оскорбити. Слыша ²³ бо заповедь спасову глаголющую: ²⁴ „Егда твориши ²⁵ пир ²⁶ или вечерю, не зови ²⁷ родитель ²⁸ своих, ²⁹ ни сосед богатых, еда ³⁰ коли и они тя воззовут; ³¹ но ³² зови ³³ нищия, ³⁴ слепыя, и ³⁵ хромыя, и ³⁶ бедныя, ³⁷ иже ³⁸ не имут ти ³⁹ что ⁴⁰ воздати, воздаст же ти ся в воскресение праведных.“⁴¹

58 ЛСТ не уморити 59-60 С читаше ей 59 Т чтыше 61-62 ИКЦ послушав; Ш того послушаючи 63-65 Ш остави своя прошения воли божией 64 С рекше; Т и рече 64 Ц нет 66-67 НП Точию от того времени 68-70 Ш без супружеского совокупления 69 ИКЛМНПРСТУЦШ плотскаго 71-77 Ш пропуск 72 ЛМНПРСТ учиниша 73 ЦЮЭ постеля 74 Ц разны 75 С же 76 Ц доб. и 78-79 ИК ошибочно Имам 78-88 Ш Она же свободившися всех мирских мятежей и возлагаяся на бога 80 ЛМНПРСТХЦЮЭ аки 81 КС от сети; Ц от сила 82 М доб. и 82 С отторгшися 83-84 ХЦЮЭ от всех; ЛНПТ и всех; С всех сует 84 МРЦ нет 85 Х отвержеса; ЦЮЭ отвергся 86-87 НП нет 87 С доб. прилепися и на него единого всею крепостию и всем помышлением 88 ЦЮЭ прилепися 88 С доб. и восприя; ЛМНПРТШ доб. и прият 89 Ш прежняго 90 ЛН ПСГШ нет 91 МРСЦЮЭ по вся 91 Ш доб. среды и 92 С доб. ничесого 93 Ш ничто же 94 НП загворшися; ЛТ затворися 95 ЛМНПРСТХШЦЮЭ нет 96 ЛНПТЦ во отходной; Ш во одной 97 ЛНПТШ храмине 98 ЛПХЦЮЭ тако 98-99 С и тамо наедине к богу 99 ИК нет 100-101 Э нет XII 1 Ц прилежащи 2-6 Ш пропуск 2-3 ЛПХЦ в понеделник 3 РСТХ ЦЮЭ доб. же 4 НП в среду 5 ЛНПТ сухоядением 5-6 С вкушаше и то сухоядение 5 ЦЮЭ нет 7 ЛНПШЦЮЭ нет 8-9 Ш нет 10 ЛШ трапезы 11 ЛШ попам 12-15 Ш и нищым 13-14 Н нет 16 Т поставляти 17 П довольно 17 Ш доб. их 17-19 Ц нет 18 ЛНПТШ учреждаше 19-20 СШ сама же 20 ЛНПТ нет 21-22 С хотя ево 23-24 С яже творяше по заповеди спасовой, реченной 24-58 Л пропуск 24-ХIII 83 НП пропуск 24-41 Ш пропуск 25 МРЦЦ творите 25-26 С сотвориши обед 27 МТ не зовите 28-29 КС друзей твоих (С доб. ни братии твоея, ни сродник твоих) 28-29 У сродников 30 ТЦЮЭ егда 30-31 С егда когда и тии ты также воззовут и будет ти воздаяние 32 С доб. егда твориши пир 33 Т зовите 34 ЦЮЭ нищая 34 С доб. маломощныя 35 МРС ХЦЮЭ нет 36 ХЦЮЭ нет 36-37 МРСТ нет 37 С доб. и блажен будещи 38 С яко 39 МРТ нет 40 Х нет

Святѣи⁴² же отцы, видя⁴³ немощь⁴⁴ чловека рода,⁴⁵ паче⁴⁶ же⁴⁷ святым духом наставляеми,⁴⁸ не възбраниша ясти и пити в славу божию, глаголют⁴⁹ бо сице: „Егда творите⁵⁰ пир и воззовете⁵¹ братию и велможи,⁵² добро и приятно; паче же всего зовите убогую братию, да обою⁵³ мзду⁵⁴ не лишени будете: сиречь⁵⁵ зде от богатых такжеде почтени будете,⁵⁶ а нищих ради от бога вечный покой воспримете“. Блаженная же^{56а} по сему словеси паче всего нишими⁵⁷ печашеся;⁵⁸ сна⁵⁹ же токмо⁶⁰ с вечера час един⁶¹ или два приимаше, възлегаше бо⁶² на печи⁶³ без⁶⁴ постели,⁶⁵ дрова точию острыми странами к телу подстилалаше⁶⁶ и ключи железныя⁶⁷ под ребра своя⁶⁸ подкладалаше,⁶⁹ от тех же дров и возглавие⁷⁰ имяше,⁷¹ и тако⁷² тело свое удручалаше,⁷³ не яко⁷⁴ покоя⁷⁵ хотяше,⁷⁶ но⁷⁷ толико възлегаше,⁷⁸ донележе⁷⁹ рабы⁸⁰ ея усыпаху, и⁸¹ тако⁸² вставаше⁸³ на молитву, и всю ночь без сна пребываше⁸⁴ и⁸⁵ со слезами⁸⁶ богу⁸⁷ моляся⁸⁸ до заутренняго⁸⁹ клепания. И⁹⁰ потом к⁹¹ церкви⁹² на заутреннюю⁹³ ходжалаше и⁹⁴ на⁹⁵ литургию;⁹⁶ в⁹⁷ день же ручному⁹⁸ делу⁹⁹ прилежалаше¹⁰⁰ и дом свой богоугодно строяше; рабы^{XIII 1} своя довольно² пищу и одеянием³ удовляше,⁴ и дело комуждо⁵ по силе задевалаше;⁶ вдовицами⁷ и сиротами⁸ печашеся и бедным во всем помогаше и⁹ всякия добродетели образ прохождалаше,¹⁰ и¹¹ просто реши:¹² бе,¹³ по Иову, око слепым и нога хромым, безкровным¹⁴ покров и¹⁵ нагим одежда. И¹⁶ плакася, видя чловека в беде;¹⁷ и не исхождалаше из дому ея нишь тошь;¹⁸ рабы же¹⁹ своя, аки чада,²⁰ вождаше;²¹ не любя²² гордости, ни²³ величания, но²⁴ аки²⁵ истовая²⁶ мати,²⁷ а не госпожа, согрешающим²⁸ рабом и рабыням,²⁹

42—45 Ш ибо святѣи отцы, вѣдуше слабость чловекакую 43—44 ЩЮ видяше
46—48 Ш нет 47 Т нет 49—58 Ш пропуск 50 МРСТ творѣши 51 ИК
воззовите; ХЩЮЭ взовете; У зовете; МРСТ воззовеши 52 МСХЩЮЭ велмож
52 МРСТ доб. се 53 С обою 54 МС мзды 55 С зане 55—56 ИКТЦ пропуск
56а Т нет 57 СТ о нищих 58—60 С такжеде сна 60 ЛТШ точию; ХЩЮЭ толико
61 ЛМРСТШ нет 62 ИК бе 62 С нет 63 ЩЮЭ на печи 64—65 С постелю
имея 66 ЛМРТШ постилалаше; С посланныя 67 Ш железны 68 ХЩЮЭ нет
69 ЛТ подкладывая; Ш полагаше 70 ЛМРСТШ доб. себе 71 С име; Ш имейше
72 ИК яко 73 ЛТШ мучаше; С удручающе 74 ЛТШ нет 75 Х доб.
ради 76 С хотя 77 С нет 78 С доб. но 78—79 Ш толико, елико 80 Ц рабы
81—82 С потом же 83 ЛТШ вставаше; МРЩЮ вставаше; ХЭ всташе; С вставше
84 Ш провожда 85 С нет 85—90 Ш пропуск 86 Р доб. всю ночь 87—88 ЛМР
ТХЩЮЭ бога моляше 88 С моляшеся 89 С до утреняго 91—92 ЛМРСТШ нет
93 ЛТ к заутрени; МРХЩЮЭ на заутренню; СШ ко утрени 94—96 Ш нет 95—96 ЛМ
РСТ к литургии 97—100 Ш день же в рукоделии упражняшеся 98—99 ЛТ рукоделию
100 С прилежа

XIII 1—83 Л пропуск 1 МРСТХЩЮЭ доб. же 2 Ш нет 3—4 Ц одежду
удовольствоваше 3 ТШ одеждою 4 Ш снабдевалаше 5 М комуждо 6 КСЦ за-
давалаше; Ш уготовляше 7—8 СТШ о вдовицах (ТШ вдовах) же (Ш нет) и сиротах
7 ХЩЮЭ доб. же 9 С нет; доб. словом реши 10 Ш преходя 11—12 С паче же
11—18 Ш пропуск 13 РТ нет 14 МРТХЩЮЭ бескровным 15 МРСТ нет
16—17 Т видя чловека в беде, плакася за него 17 С доб. суца 19 Ш нет 20 Р доб.
своя 21 Ш имейше 22 МРТШ не любяше; С не имея 23 СТХШ и 24 С и
25 С яко 26 ИКУЦШ истинная 27 СШ матеръ 28—29 С к оным бе согрешаю-
щим 28—32 Ш согрешающих прощаше и всегда 28 ЩЮЭ доб. же

вместо³⁰ прещения,³¹ милование творяше,³² и от³³ божественных писаний³⁴ поучение³⁵ творяше³⁶ без³⁷ прещения³⁸ и ран.³⁹

Книгам бо⁴⁰ аще⁴¹ и⁴² не учився,⁴³ но любя божественных книг чтения⁴⁴ послушати,⁴⁵ и еже⁴⁶ аще⁴⁷ кое слово слышаше,⁴⁸ внятно⁴⁹ внимаше⁵⁰ и⁵¹ толковаше,⁵² вся⁵³ неразумныя⁵⁴ словеса,⁵⁵ аки премудр⁵⁶ философ или книжник;⁵⁷ присно⁵⁸ глаголаше⁵⁹ со слезами:⁶⁰ „которыми добрыми дела⁶¹ можем⁶² господу умолити за сд,⁶³ и како⁶⁴ отвратим греховныя⁶⁵ идущия⁶⁶ на⁶⁷ ны⁶⁸ напасти, и⁶⁹ како⁷⁰ страстей⁷¹ затворим вход и⁷² како⁷³ прежних⁷⁴ святых⁷⁵ подражаем⁷⁶ житию в сие последнее⁷⁷ время,⁷⁸ и како⁷⁹ возможем умолити⁷⁹ не мздоприемнаго⁸⁰ судию Христа⁸¹ на⁸² воскресение“.⁸³

В⁸⁴ бани же⁸⁵ тела⁸⁶ своего⁸⁷ не мыяше,⁸⁸ отнележе⁸⁹ и⁹⁰ от⁹¹ мужа⁹² разлучися,⁹³ и⁹⁴ иных же⁹⁵ ея⁹⁶ добрых⁹⁷ дел⁹⁸ невозможно⁹⁹ изрещи, ни¹⁰⁰ писанию предати, не вем бо¹⁰¹ коего^{XIV 1} добра не сотвори;² и³ никого⁴ не⁵ оскорби,⁶ или⁷ прогнева,⁸ но⁹ от всякаго зла отгрешаша.¹⁰ И¹¹ кое слово досяжет¹² похвалити тоя¹³ труды, спехи¹⁴ же ея кто измерит,¹⁵ плача¹⁶ ея¹⁷ кто¹⁸ испишет,¹⁹ милостыня²⁰ ея кто²¹ изочтет?²² Да²³ где суть глаголющии, яко не мощно в мире²⁴ спастися? Глаголет бо²⁵

30 С доб. бо 31 РС ошибочно: доб. и ран 33-36 С от божественнаго писания поучающе их 34-35 Ш поучений 36 ТШ ошибочно внимая 37-39 СШ нет 38-39 Х ошибочно нрав 40 С же 41 Т нет 41-42 Ш нет 43 Х не училася 44 С нет 44-45 ТШ чтение слушати 46 У нет 46-47 ТШ нет 48 МРТШЮЭ слышавше 49-50 МРСТХШЮЭ нет 51 Ш нет 52 Ш разсуждаше 53-55 Ш нет 54 СХШЮЭ неразумная 56 Т премудрый 56-57 Ш премудрая и книжная 58 Т вся 58 С доб. же 58-60 Ш нет 59 Т глагола 60 С доб. сия 61 МС делами 62-63 Ш угодим и умолим господу 64 Ш так 65 Ш нет 66 ИЦ идущая 66-68 Ш грядущия на нас искушения и 67-68 ХШЮЭ нет 61 С нет 70 ТШ нет 71 Ш страстем 72 С нет 73 ТШ нет 74-75 ХШЮЭ прежним святым 76 С подражам; Ш поревнуем 77-78 Т нет 79 ИКУЦ утолити 80 МРХШЮЭ немздоприятнаго; Ш нелицемернаго 81 Ш доб. бога 82-83 С вегда приидет судити живым и мертвым, да станем одесную его 82-83 ТШ в воскресение 83 МРС доб. Потом (С посем) же, возвратимся на предлежащее. Святая же (С Сия святая и преподобная) Иулиания 83 Т доб. И на предлежащее возвратимся. Святая Иулиания 83 Ш доб. То блаженная всегда помышляя и совершенно в добродетелех преуспе. 84-84 С вегда от мужа своего различши, до конца жизни своея в бани тела своего не мыяше никогда же 85 ЛМНПРТШ нет 86-88 Ш свое тело никогда же мыяше 87 Ш нет 88 ЛНТ не мыя 89 ИКУШ отнележе 90-91 НПШ нет 92 ЛНПТШ супруга своего 93 ШШЮЭ отлучися 94 МХШЮЭ нет 95 Ш нет 96 МРХШЮЭ доб. многих 97-98 ЛНПТШ добродетелей 99 Р доб. подробно; С поистинне 100-XIV 62 Л пропуск 100 С ниже 100-101 Ш нет 101 ХШЮЭ нет

XIV 1 Ш доб. бо 2 С доб. оная 3 СШ нет 4 МРС доб. ни в чем 4 Ш доб. же 5-6 Ш оскорби 6 ХШЮЭ доб. ни в чем 7-8 НПТШ и не прогнева; С ниже прогнева 9-11 НП пропуск 9-11 Ш нет 10 Т отгрешаяся; Ц отгрешаша 12 Ш воз- может 13 Р нет 14-15 С и кий язык успехи прочтет ея 14-17 Ш нет 15 МРТ изочтет 16 МРТ и плачь 16-19 С кто же испишет плачь оныя 18 Ш доб. же 20 МРСХЦ милостыня; Т милостыню 21-22 Ш нет; доб. всеобщая бдения и нелицемерная смирения 22 МРТ измерит 23 С нет 23-62 Ш пропуск 24 РТ в миру 25 МРТХШЮЭ нет

божественный²⁶ Ефрэм²⁷ то:²⁸ „Како речеши²⁹ посреде³⁰ мира немощно спастися? Аз, рече,³¹ вкратце скажу, аще хощеша: не место спасет,³² но ум и еже изволение к богу. Адам в рай, яко в велице³³ утишии³⁴ утопися, а Лот в Содомех,³⁵ яко³⁶ в морских волнах, спасесе; Саул в палатах царских и³⁷ сию жизнь, и ону³⁸ погуби,³⁹ а Иов, на гноищи сеядя, в бедах великих⁴⁰ венец прият праведный. Да⁴¹ еже, рече,⁴² то глаголеши,⁴³ яко немощно ест⁴⁴ посреди⁴⁵ чади⁴⁶ спастися, то⁴⁷ той⁴⁸ ничто же ест,⁴⁹ бывает иже⁵⁰ на пользу, божественная соборы часто ся⁵¹ собираем“.⁵² Сие⁵³ слово⁵⁴ блаженна Иулиания⁵⁵ исполни,⁵⁶ с мужем живши⁵⁷ и чада⁵⁸ имущи, и рабы владеюща⁵⁹ а богови угоди, и бог прослави ю и причте прежним святым, еже последи о ней вообразит слово. Мы⁶⁰ же на предлежащее⁶¹ возвратимся.⁶²

Поживши⁶³ же⁶⁴ блаженна⁶⁵ с⁶⁶ мужем своим по разлучении⁶⁷ десять лет,⁶⁸ и мужу ея преставльшуся. Она же⁶⁹ наипаче мирская вся отверже,⁷⁰ глаголя⁷¹ со⁷² Давидом:⁷³ „Благо мне, яко смирил мя еси,⁷⁴ да научюся оправданием твоим“,⁷⁵ и: „Наказание⁷⁶ господне отверзает ми⁷⁷ уши“. „Аз, рече,⁷⁸ не противлюся, ни вопреки глаголя“.⁷⁹ И⁸⁰ дети своя тешаше,⁸¹ глаголя:⁸² „Не зело⁸³ скорбите, чада моя; сия бо смерть отца вашего нам грешным на смысл и⁸⁴ наказание,⁸⁵ да то⁸⁶ всяк видеви,⁸⁷ и⁸⁸ того же на себе⁸⁹ чающе;⁹⁰ часто⁹¹ имейте покаяние, и всяку добродетель стяжите, и⁹² паче всего милостыня⁹³ по силе творите,⁹⁴ и между собою любовь нелицемерную⁹⁵ стяжите“.⁹⁶ И много поучив дети своя от божественного писания, и⁹⁷ тако⁹⁸ погребе мужа своего со псалмы и песнми,⁹⁹ и много¹⁰⁰

26 *MPCT* преподобный 27 *MP* доб. Сирианин 27 *CT* доб. Сирин 28 *У* доб. о сицевых 28 *С* еже 29 *ИКЦ* рече 30—31 *ИКЦ* нет 31 *MPCT* ти 32 *ХЦЮЭ* спасает 33 *Т* в велицей 34 *MPCTУХЦЮЭ* отишии 35 *ИС* в Содоме 36 *MPCT* аки 37 *МС* нет 38 *ЦЮ* оную 39 *Х* погубив 40 *Х* велицех 41—42 *С* Еще же, что 41—43 *Т* И рече 41—52 *У* позднее осмысление синтаксически трудно текста: Да иже речет глаголющи, яко не мощно ест посреде чади спастися, то той ничто же весть, ниже ему на пользу мняте божественныя соборы, часто собираемыя 42 *Х* нет 44 *Х* нет 45 *ИКЦ* среди 46 *С* чад 47 *С* сие 48 *ИКСТЦ* нет 49 *СТ* нет 50—52 *С* занеже пользы ради божественныя и на соборы часто ся собираем 51 *Т* ся 50—54 *Т* Сия словеса 53 *ХЦЮЭ* Сия 54 *ХЦЮЭ* нет 55 *ИКМТУ* Ульяния 56 *Т* слыша 56 *MPXЦЮЭ* нет 56 *С* доб. ибо и 56 *Т* доб. и 57 *MPCTХЦЮЭ* живуши 58—59 *С* чада имеюще, такожде и рабы владеюще 60—62 *С* нет 61 *Т* на предняя 63—64 *Л* И тако поживе; *НП* И поживе; *Т* поживе 63—68 *Ш* И в таком житии пребысть десять лет 64 *PMXЦЮЭ* нет 65 *П* нет 66—67 *С* по разлучении мужа своего 69 *ХЦЮЭ* доб. и 69 *Ш* нет 70 *Ш* отвергши 71—75 *Ш* пропуск 72—73 *ЛНПТ* словеса Давида (*П* доб. пророка и) царя 74 *С* доб. яко 76—97 *ЛНПШ* пропуск 77 *Х* нет 78 *Т* нет 79 *MPCTХЦЮЭ* глаголю 80—82 *Ц* нет 81 *СЦЮ* утешаше 82 *Т* и рече им 83 *MPCTХЦЮЭ* нет 84 *Т* доб. на 84—85 *С* и в наказании 86—87 *С* сие всяк видевише 88—90 *С* и то ж себе чающе 89 *Т* на ся 91 *С* частое 92—94 *MPCTХЦЮЭ* нет 93 *УЦ* милостыню 95 *MPCT* *ХЦЮЭ* нелицемерну 96 *MPCTЭ* имейте 98—99 *Ш* мужа своего со псалмопением обычное погребение сотворши 99 *С* доб. духовными 99 *ХЦЮЭ* божественными 100 *MPCTХЦШЦЮЭ* многу; *НП* многу 100 *С* доб. же

милостыню сотвори^{XV 1} нищим и созокоуствие по монастырем² и по многим³ церквам⁴ разда,⁵ не зряще⁶ бо не раздавание⁷ тленного имени,⁸ но смотряще⁹ на собрание правды. Сама¹⁰ же по вся нощи без сна пребысть,¹¹ моля бога о мужи¹² своем — грехов¹³ отпущение¹⁴ даровати ему,¹⁵ слыша¹⁶ бо писание, глаголющее:¹⁷ „Добрая жена и по смерти мужа своего спасет“,¹⁸ ревнул¹⁹ благочестивей²⁰ Феодоре царице²¹ и прочим²² святым²³ женам, иже²⁴ по смерти о мужех своих умолиша бога.²⁵ И оттоле приложи пост к посту и молитву к молитве, и к²⁶ слезам слезы, и милостыню паче меры показа,²⁷ яко многожды ни²⁸ единой²⁹ сребреницы³⁰ остатися³¹ в дому ея; она³² же,³³ займая,³⁴ обычную милостыню требующим³⁵ даяше.³⁶ По³⁷ вся же³⁸ дни хоужаше в церковь³⁹ на молитву; егда⁴⁰ же⁴¹ зима⁴² наста ше,⁴³ у⁴⁴ детей своих⁴⁵ взиваше⁴⁶ сребреницы,⁴⁷ чим⁴⁸ устройти⁴⁹ теплыя ризы,⁵⁰ и то⁵¹ нищим раздаше,⁵² а⁵³ сама⁵⁴ без теплыя одежды⁵⁵ в⁵⁶ зиму⁵⁷ хоужаше;⁵⁸ в⁵⁹ сапоги же⁶⁰ босыми⁶¹ ногами⁶² обувашеся⁶³ и⁶⁴ под нозе⁶⁵ свои⁶⁶ ореховы⁶⁷ скорлупы и чрепы острыя вместо стелек подкладаше,⁶⁸ и тако тело свое удручаше. Мнози⁶⁹ же⁷⁰ знаемии⁷¹ глаголаху⁷² ей: „Что⁷³ в⁷⁴ такой⁷⁵ старости⁷⁶ тело свое томиши?“⁷⁷ Она же отвеждаше:⁷⁸ „Не⁷⁹ весте ли,⁸⁰ яко тело душу убивает; да⁸¹ убью⁸² тело мое,⁸³ и порабошю⁸⁴ е, да⁸⁵ спасется дух мой в день господа⁸⁶ нашего Иисуса Христа“. Ко⁸⁷ инем⁸⁸ же⁸⁹ глаголаше:

XV 1 Ш нет 2 Т по монастырям 3 ЛНПТ нет 5 ЛНПТ раздая 6 У не зря 6—8 Ш не брежаше имени 7 ХЩЮ на раздавание 9 ЛСТ смотряюще; Ш смотря 10—11 Ш И пребываше вся нощи без сна 11 МР пребывая; ЛНСТ ХЩЮЭ пребываше 12 ЛМНРСТ о муже 13—15 С даровати ему отпущение грехов его; Ш да даст ему отпущение грехов 14 ЩЮЭ отпущения 16—25 Ш нет 17 С доб. яко 18 МНРСХЩЮЭ спасает 19 ИТУ ревную 19—25 НП нет 20 ЛМРСТ благочестивой 21 С доб. яже по смерти спасе мужа своего, также 22 С прочим 23 ЛМРСТ нет 24 С яже 26 МРХЩЮЭ ко 27 ЩЮЭ ошибочно показая 27 Ц доб. и 28 ЩЮЭ нет 29—30 МРСХЩЮЭ по единой (С единой) сребренице 28—31 ЛНПТШ не остатися ни единой сребренице (Л сребреницы) 32—33 Ш и многожды 34 ЛМНРСТШ займуя; П заимствуя 34 ЛНП ТШ доб. и 35 Х нет 36 С даяти не престаяше; Ш раздаваше 37—38 ЛНПТ ХЩЮЭ И по вся; С Также по вся 38 М нет 39 С доб. боию 40 Ю Еда 41 Ш нет 42—43 С зиме сущей 43 ЛТШ наставаше; НП бе 44—46 ЛМНРСТ тогда взимая у детей своих 45 Ш нет 47—47 ХШ взимат сребреники 48—50 Ш да купит себе теплыя одежды 49—50 ЛНТ Состроити теплыя себе одежды; П сотворити себе теплыя одежды 49 МРС доб. себе 50 С одежды 51 ЛНПТШ те сребреницы 52 ЛНПТ отдаваше; Ш раздаваше 53 ХЩЮЭ и 53—54 ЛМНРСТ сама же в зиме 53—54 Ш сама же 55 ЩЮ одежи 56 ЩЮ нет 56—57 ЛМНРСТШ нет 56—57 Ц в зиме 58 ЩЮ хоужаше 59—60 М в сапозе же 59—63 Ш и сапоги босыми ногами обуваше 60 ЛНПСТ нет 61—62 МРСХЩЮЭ босыма ногама 64—65 С под нозе же 64—68 Ш и вместо стелек ореховыя скорлупы подстилалаше и чрепы острыя подкладывая 66 НП нет 67 ЛНПТХЩЮЭ ореховыя 68 ЛНПТ подкладывая 69—71 С и мнози наземи 69—71 Ш знающии же 70 ЛНПТ нет 71 Л знающе; НПТ знающии 72 МР глаголаше 73 ПШ почто 74—76 Ш тако в старости сый 75 ЛНПСТ в таковой 77 Ш немилостивно мучиши 78 ЛНПТ отвежда 79—80 Ш нет 81—82 С аз же да убью 83 ЛНПТШ нет 84—85 Ш нст 86 МС доб. бога 87 ЛНТ нет 87 П и 87—88 С ко иным 87—89 Ш нет; доб. и

„Недостойни⁹⁰ страсти⁹¹ нынешняго времени противу⁹² будущей⁹³ славе“,⁹⁴ и паки⁹⁵ рече:⁹⁶ „Колико зде⁹⁷ усохнет тела моего, того⁹⁸ во оном⁹⁹ веце черви не имут ясти; кая, рече,¹⁰⁰ польза тело тучнити,^{XVI 1} а душу губити?“

Во² едино же время³ зима бе⁴ студена зело,⁵ яко и земли разседатися от мраза; она⁶ же неколико время⁷ к церкви⁸ не хождаше,⁹ но в дому своем моляшеся богу. Во¹⁰ едино же¹¹ время,¹² утро зело рано, попу¹³ церкви тоя пришедшу в церковь¹⁴ праведнаго Лазаря, и бысть¹⁵ глас¹⁶ от иконы пресвятыя богородицы, глаголющ¹⁷ сице:¹⁸ „Иди и¹⁹ рцы милостивей²⁰ вдове²¹ Улиании,²² что²³ ради в церковь не²⁴ приходит на молитву;²⁵ и²⁶ домовная молитва ея²⁷ богоприятна,²⁸ но²⁹ не яко церковная. Вы же³⁰ почитайте ю, уже бо она не менши шестидесяти лет,³¹ и дух святыи на³² ней³³ почивает“. Поп³⁴ же, в велицей³⁵ ужаси³⁶ быв,³⁷ и³⁸ абие прииде³⁹ ко блаженной⁴⁰ Улиании,⁴¹ пад⁴² при⁴³ ногу ея,⁴⁴ прос⁴⁵ прощения, и⁴⁶ поведает ей⁴⁷ видение.⁴⁸ Она же тяжко си⁴⁹ внят,⁵⁰ еже⁵¹ он поведает пред многими,⁵² а не втайне,⁵³ и рече ему:⁵⁴ „Соблазнился еси,⁵⁵ еда⁵⁶ о себе⁵⁷ глаголеши; кто⁵⁸ аз, господа моего грешница, да буду достойна⁵⁹ таковаго⁶⁰ нарицания“. И потом закла попа⁶¹ того⁶² и всех, слышащих⁶³ сия, не поведати⁶⁴ никому же⁶⁵ в животе и по смерти⁶⁶ ея;⁶⁷ таково смирение имяше,⁶⁸ яко и по смерти⁶⁹ не хотяше⁷⁰

90—96 Ш пропуск 91 МНРТ старости 92 ЩЮ против 93—94 С будущия славы
94 НП славы 95—96 ЛНПТ нет 97 ИКУЦ нет 98 Ш то; ЩЮ ошибочно тою
99 С в буд^ищем 100 ЛНПТШ нет

XVI 1 НПШ утучняти 2—3 ЛНПТ Во един год 2—4 Ш Во един убо год бысть зима 5 ЛМНПРТШ велми 6—7 ЛНПТШ Блаженная в то время 8 ЛНПТ доб. божий (П божией) 8—9 Ш в церковь не вхождаше 10—12 С И в некоторое 11—12 ЛНПТШ нет 12 МРУХЩЮЭ нет 13 ЛНПТ священнику 13—14 Ш священник пришед в церковь 14 НПТШ доб. святого 15 Ш доб. ему 16 С доб. к нему 17 НПТШ глаголюще 18 Ш нет 19 ХЩЩЮЭ нет 20 ЛМНПРСТ ЩЮ милостивой 21 Ш вдовице 22 ЛНПТ Иульянии; РСЦШ Иулиании; ХЩЮЭ Иулиании 23 ЛНПТШ чесо 24—25 Х на молитву не идет 26 С аще и 26—28 ЛН ПТШ молитва бо ея и домовная богу приятна 27 ХЩЮЭ нет 28 Х богу приятна 28 С доб. есть 29 НП а 29—30 ИКУЦ но яко церковная выше 30 ЛНПТ доб. вси 31 ЛНПТШ доб. трудятся 32—33 ИКСУЦ нет 34 ЛМНПРСТШ Иереи 35—26 П в велицем ужаси; Ш во ужасе 36 ЛНПТ доб. и страхе 37 П бысть 38 Ш нет 39 ЛНПТШ иде 39 С доб. той 40 НПТ блаженной 41 РСХЦШ Иулиании; ЩЮЭ Иулиании; ЛП Иульянии; НТ Ульянии 41 ЛНПТШ доб. в дом и 42—46 Ш пропуск 43 ХЩЮЭ пред 43—44 ЛНПТ на ногу ея; С пред ногама ея 44 Р нет 45 ИКУЦ просяше 47 ИКМРСУХЩЩЮЭ нет 48 ЛНПТШ явление (Ш доб. и глас) 48 ЛНПТШ доб. яже (Л еже) слыша от образа (Ш иконы) пресвятыя богородицы 49 НПШ сие 50 Ш вмени 51—53 Ш нет 52 ИКМТЦ пред ногами (Т ногама); Х пред всеми 54 Ш нет 55 НПШ доб. отче 56 ЛНПТШ или 57 Ш доб. то 58 Л доб. есмь 58 Ш нет 59 С нет 60 Ц такова 61 С иерея 61 Х нет 62—66 Ш да не поведает никому, еже слыша 63 ЛМНРС слышавших 64 М не поведи 65 ЛНПТ нет 67—69 ЛМНПРСТШ пропуск 68 Х доб. блаженная 70 ЛМНПРСТХЩЮЭ не хотя; Ш не желаше бо

славы от человек. И абие⁷¹ в той⁷² час иде в церковь и⁷³ повеле⁷⁴ молебная пения⁷⁵ совершити; ⁷⁶ сама же с⁷⁷ теплыми слезами помолися⁷⁸ прилежно⁷⁹ и⁸⁰ целава икону пресвятыя богородицы.⁸¹ И⁸² внезапно⁸³ бысть⁸⁴ в той час велие благоухание в церкви и по всему селу тому, яко всем дивитися и славити бога.⁸⁵ И⁸⁶ сбывься премудраго⁸⁷ Павла слово к Тимофею:⁸⁸ „Вдовица⁸⁹ чти“. ⁹⁰ О сей же вдове⁹¹ сама богомати честнейшая⁹² всеа⁹³ твари⁹⁴ свидетельствована и заповеда почитати ю.⁹⁵ От⁹⁶ того же⁹⁷ дни⁹⁸ блаженная⁹⁹ по вся дни¹⁰⁰ хождаше^{XVII 1} в церковь на молитву.²

Имяше³ же⁴ обычай⁵ по вся вечера молитися⁶ богу во отходной⁷ храмине,⁸ еже⁹ бе¹⁰ отлучена на приятие¹¹ гостей¹² странных.¹³ Бе¹⁴ же¹⁵ ту¹⁶ икона спасова¹⁷ и пречистыя¹⁸ богородицы¹⁹ и угодника их великаго²⁰ чудотворца²¹ Николая.²² Во един же²³ вечер прииде²⁴ в²⁵ храмину ту по обычаю на²⁶ молитву,²⁷ и абие²⁸ наполнися²⁹ храмина та³⁰ бесов много³¹ множество, яко³² к тому не вмещатися ни при дверех,³³ со многим оружием³⁴ потекоша к ней, хотяще³⁵ ю убити. Она³⁶ же,³⁷ надеяся³⁸ на силу христову,³⁹ не⁴⁰ устрашися,⁴¹ но возведе очи⁴² к богу,⁴³ помолися со слезами, глаголя:⁴⁴ „О, владыко,⁴⁵ боже вседержителю,⁴⁶ не предаждь зверем душу,⁴⁷ исповедающуюся⁴⁸ тебе,⁴⁹ и⁵⁰ душу убогую не забуди до конца; но⁵¹ послы угодника своего⁵² Николая⁵³ на⁵⁴ помощь

71 ЛНПТ нет 71—81 Ш вшедши в церковь, сотвориши благодарение всеисадному богу и пресвятей богородице 72 С доб. же 73 ИКМНПУХЩЮЭ нет 74 НП нет
75 МРСХЩЮЭ нет 76 ЛМНПСТЦ совершати 77 ХЩЮЭ нет 78 ЛНПТ молящися; С молися 79—80 НП и прилежно 82—95 Ш пропуск 83 ЛНПТ нет
84 Т нет 85 С доб. и пречистую его мать 86 С доб. на се 87 С святого апостола 88 С доб. реченное, еже 89 МНПРСТЦ вдовицы 90 С доб. сущия истинныя вдовицы 91 С доб. преподобней Уулиании 92—91 ЛНП нет 93 МРСТЩЮЭ всея 96—98 СШ И от того дне (Ш дни, 97 ЛНТ нет 99—100 НПШЩ нет XVII 1 ЛНПТ прихождаше 1—2 Ш не престая в церковь хождаше на всякое церковное правило 3 ЛНПТ имяя 3—4 С также имеаше 3—13 Ш пропуск 4 ЛНПТ нет 5 Л доб. блаженная 6 ИКУ молитись 7 Л в особой; МРСХЩЮЭ во отходней; НПТ во особой 8 ИКТУ доб. а 9 КМРСЦЩЮЭ яже; ЛНП ГХ иже 10 ЛНПТ нет 11 П на приятие 12 И стоит 14—27 Ш Во един день, в вечер видде во особную свою келию помолитися, идеже три иконы стояху: владык 1 Христа и пречистыя богородицы и святителя Николая 15 ЛНПТ нет 16 ЛНПТ в той храмине стояше 17 ЛНПТ господа бога и спаса нашего Иисуса Христа 18—19 НПТ пречистыя владычицы нашея богородицы и присно девы Марии 20 ЛНПТ святителя 21—22 МРС Николаы чудотворца 22 ХЩЮЭ Николаы 23 ЛНПТ нет 24 НПТ доб. святая 25 МРС во 26—27 ЛНПТ помолитися 28 ЛНПТШ внезапно 29—35 Ш бысть храмина полна бесов со множеством орудий, хотяще 30 С нет 31 ЛНСТХ многое 32—33 ЛНПТ яко и (П нет) не вмещитися в тое (П в той) храмину (П храмине), но и в предвериях стаха 33 СХЩЮЭ доб. и 34 ЛНПТ доб. и 35 ЩЮЭ хотяще 36—37 ЛНПТШ Блаженная 37 Ш доб. же 38 Х надеяшися; Ш уповая 39 ЛТ доб. и 40—46 Ш и необязательно возопи: „О, Христе боже, ты мое упование и надежда 42 МРС доб. свои 42—43 ЛНПТ очи свои на небо ко господу богу и 44 ЛНПТ и рече 45 ЛМНПРСТХЩЮЭ доб. господи 47 ХЩЮЭ душа 48—49 МХЭ исповедающия ти ся; РС исповедающую ти ся; ЩЮ исповедающая ти ся 50—51 Ш пропуск 52 ХШЩЮЭ твоего 53 ХЩЮЭ Николу 54—55 Ш да защитит мя

мне, рабе своей.⁵⁵ И в⁵⁶ том же⁵⁷ часе⁵⁸ явися ей⁵⁹ святыи⁶⁰ Николай,⁶¹ имея⁶² в руке⁶³ палицу велию, и прогна⁶⁴ от нея^{64а} духи нечистыя, и⁶⁵ без вести сотвори,⁶⁶ яко⁶⁷ же⁶⁸ дым, исчезоша;⁶⁹ единого⁷⁰ же⁷¹ беса пойма и многа⁷² мучи,⁷³ святую⁷⁴ же благослови крестом,⁷⁵ и абие⁷⁶ невидим бысть.⁷⁷ Бес⁷⁸ же⁷⁹ плакаше,⁸⁰ глаголя: „Аз⁸¹ многу спону творих⁸² Улянии⁸³ по вся дни: воздвизах брань в детех и в рабех ея.⁸⁴ К ней⁸⁵ же не смеях приблизитися⁸⁶ ради милостыни⁸⁷ ея, и смирения, и молитвы.“⁸⁸ Понеже⁸⁹ бо⁹⁰ безпрестани чотки в руках своих⁹¹ имяше,⁹² творя⁹³ исусозу молитву;⁹⁴ аще ядыше⁹⁵ и⁹⁶ пияше⁹⁷ или что делаше,⁹⁸ непрестанно молитву исусову⁹⁹ творяше; егда же¹⁰⁰ и почиваше, а уста ея движастася и утроба^{XVIII 1} подвизашеся на словословие божие: многаши² видехом спящу,³ а рука⁴ ея четки отдвигаше.⁵ Бес же бежа⁶ от нея, вопия: ⁷ „О, Уляние!⁸ многу беду ныне⁹ тебе ради приях,¹⁰ но¹¹ сотворю ти¹² на старость спону¹³ — глад велик;¹⁴ и сама начнеши голодом измирати,¹⁵ нежели чюжих¹⁶ кормити.“¹⁷ Она¹⁸ же¹⁹ знаменася крестом,²⁰ и²¹ исчезе²² бес от²³ нея.²⁴ Блаженная²⁵ же²⁶ прииде к нам ужасна велми и лицем пременяся.²⁷ Мы же видехом ю²⁸ смущену, вопрошахом;²⁹ она же тогда³⁰ не поведает нам ничто³¹ же,³² но по мнозе времени³³ поведает нам³⁴ втайне³⁵ и³⁶ заповедает не³⁷ рещи никому же.³⁸

55 ЛНП СТХЦЭ твоей 56—58 С в тот час; Ш абие 57 ЛМНПРТХЦЮЭ нет
59 НПШ нет 60 Ш святитель христов 60 МС нет 61 ТХЦЮЭ Николае 61 С доб.
чудтворец 62 Р имел; Ш держа 63 ЛНПТХ доб. своей 64а ИКУЦШ нет
64—65 Ш абие вси диаволы 65—66 С и безвестны сотвори их 66 ЛНПТШ
быша 67—69 НП пропуск 67—73 Ш пропуск 68 ЛМРСХЦЮЭ доб. бо 68 Т нет
70—71 ЛНПТ и единого 72 ПРСХЦЮЭ много 73 ЛНПТ доб. его (Т доб.
святыи Николай) 74—77 ЛНП пропуск 74—75 Т и благослови святую Улянию; Ш и
благослови ю святыи Николай 75 МРС нет 76 ТШ нет 78—XVIII 10 Ш слышан же
бысть глас демонский: „Увы, — вопиющий, — яко побеждает нас молитвами своими
79 Т нет 80 ЛНПТ плакася; Х плакашеся 81—XVIII 7 НП пропуск 81 ЦЮ доб. же
82 МРСТХЦЮЭ сотворих 83 РСХЦЮЭ Иулянии; ЛТ Иулянии 84 Л нет
85 ЛМРСТХЦЮЭ к самой 86 ЛТ прикоснутися 87 ЦЮЭ милостыня 88 Л доб.
святыи же Николай благослови ю и невидим бысть 89 МРТХЦЮЭ нет 89 МР-
СТХЦЮЭ доб. Она 89—XVIII 5 Л пропуск 90 СЦ нет 90 Х же 91 МРСТХЦ
ЮЭ нет 92 С имяше; Т имя 92 Т доб. и 93 МРСТХЦЮЭ глаголя
94 С доб. и 95—97 С яде или пия 96 МР или 98 МРСТХЦЮЭ делае
99 МСТХЦЮЭ нет 100 Т нет

XVIII 1 Х доб. ея 2 СТХ многажды (С доб. же) 3 КСХ доб. ю 4—5 С рукою
чотки движущу 5 Т отдвизаше 6 С бежаше 7 МР нет 7 С рек; Т глаголя
8 ЛНПСТ Иули (Л-ь-) я (ПС-а-) нис; РМЦЮЭ Уляя (МР-а-)но; Х Иулиано; 9 М ныне
11 Ш доб. узриши, яже 12 П тя 13—17 Ш не точию чюжим сиротам давати, но
и сама будеши от глада умирати 14 С великий, тогда 15 ЛМНПРСТ умирати
16 С иных 18—19 ЛТШ Блаженная 19 Ш доб. же 18—20 НП пропуск 20 Ш крест-
ным знаменем 21 НП доб. тако 21 Ш доб. абие 22—24 Ш беси исчезоша
23—24 Л нет 24 НП доб. Святыи же Николай благослови святую Иуль (П-и-) янию
и невидим бысть 25 Л Она 25—38 Ш пропуск 26 НПТ нет 27 С изменена;
Э изменися 28 КС доб. тако 29 СХ вопросихом 30—33 ЛНПТ пропуск 31—32 С ня-
чесо же 34 С нет 35 ЛТ нет 35—36 НП точию 37—38 МНПРСТ никому же
рещи

И тако³⁹ поживе⁴⁰ во⁴¹ вдовстве⁴² девять⁴³ лет, многу⁴⁴ добродетель ко⁴⁵ всем⁴⁶ показа и много имения в милостыню расточи,⁴⁷ точию⁴⁸ нужнейшая⁴⁹ потребности⁵⁰ домовныя⁵¹ оставляше⁵² и пищу точию год⁵³ до году⁵⁴ разчитая,⁵⁵ а⁵⁶ избыток вся⁵⁷ требующим растакаше.⁵⁸ И продолжися живот ея⁵⁹ до⁶⁰ Борисова царства.⁶¹ В⁶² то же⁶³ время⁶⁴ бысть глад крепок во⁶⁵ всей⁶⁶ россиястей⁶⁷ земли,⁶⁸ яко многим от⁶⁹ нужды⁷⁰ скверных⁷¹ мяс и человеческих⁷² плотей вкушати,⁷⁴ и множество⁷⁵ человек⁷⁶ неизчетно голодом изомроша.⁷⁷ В⁷⁸ дому же⁷⁹ блаженныя велико⁸⁰ зело⁸¹ оскудение пици⁸² бысть и всех потребных, яко⁸³ отнюд не⁸⁴ прорасте из⁸⁵ земли⁸⁶ всеянное⁸⁷ жито⁸⁸ ея; кони⁸⁹ же и⁹⁰ скоты ея изомроша. Она же моляше дети своя и рабы еже⁹¹ отнюд⁹² ничему⁹³ чьюю⁹⁴ или⁹⁵ татбе⁹⁶ не коснуться,⁹⁷ но⁹⁸ елико имяше⁹⁹ скоты оставшия,¹⁰⁰ и¹⁰¹ ризы и сосуды,¹⁰² вся распродя¹⁰³ на жито,¹⁰⁴ и XIX¹ от того² челядь свою кормяше и милостыню доволну³ просящим даяше,⁴ и⁵ в нищете бо⁶ обычныя⁷ милостыни⁸ не остася,⁹ и¹⁰ ни единого нища и¹¹ от приходящих¹² не испусти из¹³ дома¹⁴ тцѣма¹⁵ недрома.¹⁶ Достигши же в¹⁷ последнюю нищету, яко¹⁸ ни единому зерну¹⁹ обретатися²⁰ в дому²¹ ея, но и о том она не смятеса, но все упование²² на бога возложи.²³

39 Ш потом 40 Ш доб. я блаженна Иулияния 41—42 Ш нет 43 ИКЛН
 ПТУХЦШЦЮЭ десять 44—47 Ш многия добродетели сотвориши и многу милостыню
 сотвори 45—46 ЦЮЭ нет 48—60 Ш пропуск 49 ЛМНПРСТ нужнейшия 50—51 ХЩЮЭ
 потреба домовная 51 ИУЦ духовныя 52 КС остави; Т оставиша 53 К в год
 54 МРСЦЮЭ до года 55 ЛНП расчитовая 56—57 С избыток же весь 58 ЛНПТ
 раздая; МР растакая; КС раздаяше; Х раздаваше 59 ИКУ нет 60—61 Ш до цар-
 ства Бориса Годунова 61 Ц доб. Годунова 62—64 С И в то время 63 Ш нет
 65—68 ЛНПТ по всей русстей земли 65—66 СХШЦ по всей 67 Ш русской; ЦЮ ру-
 сийстей 69—70 Т многажды 71—74 Ш и нечистая мяса ясти и кал человеческий
 и прочие развалины снадати 72 ИК человекей; НП человеческой; Ц человеческия
 УХЩЮЭ человек (Х-чь-) их 73 НПЦ плоти 75—77 Ш и мнози изомроша
 нужды ради гладной 76 С доб. и 78—79 ЛНПТШ И в доме; С Такжеде
 и в дому 80 Р толико 80—81 С зело велие 80 ТШ великое 81 ЛНПТШ
 нет 82 С нет 83 С зане; Ш и 84—86 ХЩЮЭ не прораста (Ю доб. и)
 земля 85—86 МРС земля; Ш в земли 87—88 С всеяннаго жита 87 Ш нет
 88 МРЭ жита 89—90 С и от глада кови 90 ШЩЮЭ нет 91 ИУ же; КС еже бы;
 Ц иже бы; Ш да 92 Ш нет 93 СШ ничесому 94 МРХЩЮЭ чюжему; С чуждему
 95 Ш нет 96 НПШ татски 96 Ш доб. да 97 Л не касатися; МРТШЦЮЭ не
 прикоснуться; НПС не прикасатися 98—104 Ш и оставшая вся разпродавши на
 пищу 99—100 С имяше скота оставшаго 100 Л оставшая; МРЩЮЭ оставшая
 101 С нет 102 С домовныя 103 М разпродаша; Р распродаде
 XIX 1—2 С и тым; Ш и тем 3—4 Ш подаючи 4 КС доб. аще 5—16 Ш про-
 пуск 6 КЛНПСЦЮЭ нет 6 КМНПРС доб. живяше (КС доб. уже) 6 ЛТ жи-
 вяста 7 КС доб. же 8 ИКУЭ милостыня 9 ЦЮЭ не оставляше 10 С яко
 11 СУХЩЮЭ нет 11—12 ЛТ приходяща 11—12 НП нет 13—14 Х не п 14 ЛМН
 РСТЦ из дому 14 Ц доб. своего 14 С доб. ея 15 ЛРТ тцѣма 15—16 НП тца
 16 КС доб. изыти 17 Р нет 18 ПТ доб. и 19 ИКУЦ доб. жита 20 ЛМНП
 РСТХШЩЮЭ обрестися 21 Ш в доме 22 Л нет 23 Ш возложши

В²⁴ то бо²⁵ время²⁶ преселися²⁷ во²⁸ ино село, нарицаемо Вочнево,²⁹ в пределы³⁰ нижеградския,³¹ и не³² бе ту³³ церкви, но яко два³⁴ поприща.³⁵ Она же старостию и нищетою одержима, не ходяше к³⁶ церкви,³⁷ но в дому своем моляшеся богу,³⁸ и³⁹ о том не малу печаль имеяше,⁴⁰ но⁴¹ помняая святого Корнилия, яко⁴² не вреди его домовная молитва; а⁴³ Иов и⁴⁴ на гноище седа бога виде,⁴⁵ трие отроцы в печи, а⁴⁶ Даниил⁴⁷ в рове, а⁴⁸ Иона в ките, Иеремия⁴⁹ в кале⁵⁰ бога умолиша,⁵¹ и⁵² от того словеса⁵³ блаженная утеху⁵⁴ принимаше.

Велице⁵⁵ же⁵⁶ скудости⁵⁷ умножьшися⁵⁸ в дому ея,⁵⁹ она⁶⁰ же⁶¹ собра⁶² рабы своя,⁶³ глагола им: „Се⁶⁴ глад одержит нас, видите сами;⁶⁶ да⁶⁷ аще кто ст⁶⁸ вас⁶⁹ хошет со⁷⁰ мною⁷¹ терпети, добро и приятно; а кто не хошет, да идет на⁷² свободу,⁷³ да⁷⁴ не изуритесь мене ради“. От⁷⁶ них же⁷⁷ доблоразсуднии обещахася с нею терпети, а инни отидоша; она же со⁷⁹ благословением⁸⁰ и⁸¹ молитвою⁸² отпусти я,⁸³ не подержа⁸⁴ гнева нимало. И⁸⁵ повеле оставшим⁸⁶ рабом⁸⁷ собирати⁸⁸ траву,⁸⁹ рекомую⁹⁰ лебеду, и кору дрянную,⁹¹ рекомую илем, и в том повеле творити хлебы.⁹² И от того сама и дети своя⁹³ и рабы питаше,⁹⁴ и⁹⁵ молитвою⁹⁶ ея бысть⁹⁷ хлеб⁹⁸ сладок, и никто⁹⁹ в дому ея не¹⁰⁰ изнеможе от глада.¹⁰¹ От того же^{XX1} хлеба и² нищих питаше,³ и⁴ не накормив нища, из дома⁵ не отпусти.⁶ В⁷ то бо время без числа нищих⁸ бе,⁹ и глаголаху¹⁰ им¹¹ соседи ея:¹² „Что¹³ ради¹⁴ во Улианин¹⁵ дом входите? Она бо¹⁶ и сама гладом измирает“. ¹⁷ Нищии¹⁸ же поведяху им, яко

24—26 С И в то время 25 Ш нет 27 ЛМНПРСТШ доб. блаженная 28—29 Ш нет
 29 П Вочиево 30 ИКСУ доб. же 31 ХЦШ нижегородския 31 Ш доб. в село Вочнево
 32—33 Ш не бысть тамо близко 34—35 Ц поприща три 34 Ю нет 35 КС доб.
 бе разстоянием церковь 36 Ц ко 36—37 Ш в церковь 38—41 МРСХ пропуск
 38—40 ЦЮЭ пропуск 39—41 КЛНПТУШ пропуск 42—50 Ш в дому молящася,
 Иова на гноищи, триех отроков в печи, Даниила в рове, Иону в ките, Иеремью в тине
 43 КС и яко 43 МНПТ нет 44 ЛМНПРСТХЦЮЭ нет 45 ИК видя 46 СЦ
 ЮЭ нет 47 Т Даниил 48 МРС нет 49 МРТЦЮЭ Иеремия 51 Э умолиши
 52—53 С и от сих словес 53 ЛШ нет 54 Ш утешение 55 ЛМНПРТУЦШ Вели-
 цей 55—56 С Вегда же 57 Ш нужде 58 КСШ умножившейся; ЛНП умножится;
 МХЦ умножися; Р умножився; ТЦЮЭ умножившися 59 ЛТ нет 60—61 КС и она
 60—62 Ш созваши 62 ЛМНПРСТХЦЮЭ созва 63 МНПРСТХШЦЮЭ доб и
 64—66 Ш Видите вы сами, яко глад одержит дом наш 65 Э доб. бо и 67 Ш нет
 68—69 Ш нет 70—71 Ш нет 72—73 Ш свободен, амо же хошет 74—75 Ш и да не
 страждет глад 76—77 Ш из них же ови 78 К нет 79—82 Ш нет
 79—80 Х со благодарением 81 ЛНП доб. с 83 Ш их 84 Р не подержав
 85—87 С оставшим же рабом повеле 86 ЛХ оставшим 88 ИУЦ избирати
 89—90 Ш нет 90 НП нарицаемую 91 ИКМСУХЦЮЭ дрянну 92 С доб. по
 обычаю 93 С ея 94 С питашася; Ш питахуся 95—96 С молитвою же 96 Ш мо-
 литвами 97 КС бе 98 С доб. вельми 99 Ш доб. же 100—101 Ш гладен бысть
 XX1 МРСХЦЮЭ нет 2 ИКУЭ нет 3 Ш довольно насыщаше 4 С доб.
 ни единого 4—26 Ш пропуск 5 ЛМНПСТХЦЮЭ из дому 6 КЦЮЭ не от-
 пускаше; ЛНПТ не пускаше; С не отпускаше 7—9 С хотя в то время и безчисла
 много бе нищих 8 П ошибочно нищи 9 ЛНПТ доб. много 10 М глагола 11 Л нет
 12 ЛНПТ нет 13 ЛНПТЭ чесо; С почто 14 С нет 15 ЛНПТЦЮ Уль (ЦЮ-и-) яни;
 СХЭ Иулиа(-я) нин 16 МРХЦЮЭ нет 17 ИКУЭ умирает 18 РСТ нищия

„многа¹⁹ села обходим²⁰ и чисты хлебы приемлем, а²¹ тако²² в сладость не наядаемся,²³ яко сладок хлеб у вдовы сея“, — мнози²⁴ бо имени²⁵ ея и не ведаеху.²⁶ Соседи же ея,²⁷ изобилни²⁸ хлебом,²⁹ посылаху³⁰ в дом ея³¹ просити³² хлеба,³³ искушающе,³⁴ и³⁵ такоже³⁶ свидѣтельствоваху, яко велми хлеб ея сладок, и³⁷ о том дивяся,³⁸ глаголаху³⁹ к⁴⁰ себе:⁴¹ „Горазди⁴² рабы⁴³ ея печи⁴⁴ хлебы“,⁴⁵ а⁴⁶ не разумеваху,⁴⁷ яко молитвою ея хлеб сладок.⁴⁸ Могла бы⁴⁹ умолити бога, дабы⁵⁰ не оскудел дом ея, но не противяся⁵¹ смотрению божию,⁵² терпя благодарне, ведый, яко⁵³ терпением⁵⁴ обрести⁵⁵ царствие⁵⁶ небесное.⁵⁷ Претерпе⁵⁸ же⁵⁹ в той⁶⁰ нищете два лета,⁶¹ не⁶² опечалися,⁶³ ни⁶⁴ смутися, ни⁶⁵ порохта и не согреши ни⁶⁶ во устнах своих и не даст⁶⁷ безумия богу, и⁶⁸ не изнеможе нищетою,⁶⁹ но⁷⁰ паче и⁷¹ первых лет⁷² баше⁷³ весела.⁷⁴

Егда же⁷⁵ приближися⁷⁶ честное ея представление, разболеса⁷⁷ декемврия⁷⁸ в 26-й⁷⁹ день и⁸⁰ сотвори⁸¹ шесть дней болящи. Но⁸² что бе⁸³ болезнь ея?⁸⁴ В день⁸⁵ на одре лежа,⁸⁶ молитву⁸⁷ творяше безпрестани,⁸⁸ в нощи же вставая,⁸⁹ моляшеса богу,⁹⁰ не⁹¹ поддержива никим же.⁹² Рабыни⁹³ же⁹⁴ ея посмеяхуса,⁹⁵ глаголюще: „Не право болит, в⁹⁶ день лежит, а в нощи вставая⁹⁷ молится“. ⁹⁸ Она⁹⁹ же,¹⁰⁰ разумевши,^{XXI 1} глагола² им:³ „Что мя посмехаете? Не весте ли,⁴ яко и от⁵ болнаго истязует бог молитвы духовныя“. И⁶ ина многа глаголаше от⁷ святых книг.⁸

19 ЛНПТ многия 20 ПХ обходимом 21 Ц и 22 Х такова 23 ЛНПТХ не наедаемса 24—26 ЛНПТ и не ведаеху мнози имени ея 25 ИЦ нет 27 П нет 27—29 Ш нет 28 МХ изобилни; У изобилни; Ц изобилныи 28 С доб. бяху 29 С доб. обаче 29 Ш доб. видящи, яко нищих множество в дом Иульянии входят 30—34 Ш к ней, искушающе, хлеба просящи 31—33 НП нет 32—33 Т нет 34 И искушаше 35—38 Ш нет 36 ЛПСТЦЮ нет 37—38 С и о сем дивящеса 38 Т дивяхуса 38 Ш доб. Она же всем неоскудно подаваше, и вси славяще бога и 39 С глаголаша; Ш глаголюще 40—41 ЛНПТЦ в себе 40—41 Ш нет 42—46 Ш яко раби ея добре устроят хлебы 42 ИКУЦ доб. бо 43 МНПРСТХЦЮ раби 44 КСУ пеши 45 МРХЦЮЭ хлебов 46—57 Ш пропуск 47 ЛНПТ не разумеюще 48 С доб. бе 49 С доб. она 50 РХ доб. и 51 П не спротивяся 52 ЛНПТ доб. и 53 Н тако 54 КС доб. надлежит 55 Н доб. имам 55 П доб. имать 56 ЛМНПРСТХЦЮЭ царство 58 ЛНТ Терпе; П Терпенне; Х претерпевый; ЦЮЭ претерпев 58—59 Ш И терпе 60 Ш в таковой 61 Ш доб. терпя благодарне 62—63 НПШ нет 64 С ниже 65 КС ниже 66 ЛМН ПРСТХШЦЮЭ нет 67 КЛМНПРСТЦШ не даде 68—69 Ш нет 70 Ш доб. в гладе 71 С нет 71—72 Ш перваго 73 НПШ нет 74 Ш доб. и благонравна показася, яко дивитися всем в дому ея 75 ЛНПТ нет 76 Ш приспе 77 ХЦЮЭ разболеса 77 ЛНПРТЦ доб. месяца 77 Ш доб. болезнию тяжкою 78 Ш доб. месяца 79 НПШ в 22-й; Р в 6-й 80—84 С и бе боляще шесть дней. Бывши же в болезни своей 81 Х бысть 82—83 ЛНПТ но ничто же 82—84 Ш не измени же и тогда своего правила 85 ИКУЦ доб. бо 86 ЛНПТ лежит; Ш лежащи 87 ИЦ доб. а 87—88 Ш пропуск 88 ПС безпрестанно; Х непрестанно 88 Л нет 89 ИКУХЦ вставая 90 Ш нет 91—92 ЛНПСТХШЦЮЭ никим не (НШ же; П нет) поддержива 92 М нет 93 ИРУЭ рабыня; Р рабыням 93—94 КС и рабыни 95 М посмехашеса; НР посмехаючи (Р-е) ся; П подсмехающи 96—100 Ш пропуск 97 ИКУХ вставая 98 ЦЮ молитися 98 С доб. богу 99—100 ЛНПТ Блаженна

XXI 1 МРС разумеваючи; Ш разумеет же духом блаженна помышления их и назвазуя 1 ЛНПТ доб. духом 2 Ш глаголющи 3—4 Ш пропуск 5 ИХЦЮЭ у 6—8 Ш пропуск 7—8 ЛМНПРСТ от святаго писания

Генваря⁹ же¹⁰ во¹¹ 2-й¹² день, свитающе¹³ дню,¹⁴ призва отца своего духовнаго, Афанасиа¹⁵ иереа,¹⁶ и причастися¹⁷ животворящих¹⁸ тайн тела и крове¹⁹ христа²⁰ бога нашего, и²¹ седе²² на одре своем.²³ И²⁴ призва дети своя, и рабы, и вся живущая²⁵ в селе том, и²⁶ поучи²⁷ я²⁸ о любви, и²⁹ о молитве,³⁰ и³¹ о милостыни³² и о³³ прочих³⁴ добродетелех.³⁵ Прирече же и се:³⁶ „Желанием возжелех³⁷ великаго³⁸ ангельскаго образа еще³⁹ от юности моея, но не сподобихся⁴⁰ грех⁴¹ ради моих и нищеты,⁴² понеже недостойна бых грешница сый убогая, богу тако извольшу,⁴³ но слава праведному суду его!“ И повеле уготовити⁴⁴ кадило, и фимиан⁴⁵ вложить, и⁴⁶ целова⁴⁷ вся⁴⁸ сущая⁴⁹ ту, и всем мир и прощение подавши,⁵⁰ возлеже и⁵¹ перекрестися⁵² трижды⁵³ и⁵⁴ обви⁵⁵ четки около руки своей, и⁵⁶ последнее слово рече:⁵⁷ „Слава богу всех ради“, и:⁵⁸ „в руке твоей,⁵⁹ господи,⁶⁰ предаю дух мой,⁶¹ аминь“. И⁶² предаст⁶³ душу свою в руке божи, его же измлада возлюби. И⁶⁴ вси⁶⁵ видеша в той час⁶⁶ на главе ея венец злат и убрус бел. И тако, омывше⁶⁷ ю, положиша⁶⁸ во⁶⁹ единой клети:⁷⁰ и в⁷¹ ту ночь⁷² видеша⁷³ ту⁷⁴ свещи⁷⁵ горяща,⁷⁶ и исполнися весь дом благоухания. И⁷⁷ в ту⁷⁸ ночь явися⁷⁹ единой рабыни,⁸⁰ повеле отвези ся⁸¹ в пределы муромския и положити у⁸² церкви святаго⁸³ Лазаря, друга божиа, подле⁸⁴ мужа ея.⁸⁵ И вложше⁸⁶ святое⁸⁷ и многотрудное⁸⁸ тело ея во⁸⁹ гроб дубов⁹⁰ и отвезоша⁹¹ в пределы муромския и⁹² погребом⁹³ у⁹⁴ церкви святаго Лазаря,⁹⁵ в⁹⁶ селе Лазаревском,⁹⁷

9 С Ианнуариа 10 ЛНПТ нет 11-12 ЛНПТШ в 6-й 13-14 Ш свитающе
утру 15-16 ЛМНПРСТШ иереа именем (Ш нет) Афанасия 17 ЛНПТШ
доб. святых 18 Ш нет 19 ЛМНПХШЩЮЭ крови 20-21 Ш господни
22 СЦ саде; ЩЮ сед 23-24 Ш нет 25 ЛНПТЩЮ сущая; КМРСУХЭ
сущая; Ц живущия 25-26 Ш жители веси тоя 27 Ш поучив 28 ЛНПТШ их
29-30 Л нет 29 НШ нет 31 НП нет 31-32 Р нет 32 ИКУ о ми-
лостыне 33 Ш нет 34 ИКУ о прочих; С о протих 35 НПРСТХШЩЮЭ
добродетелех 36 Ш доб. учаши 36 КЛМНПРСТУХШЩЮЭ сие 37 НПХШ
возжелал 38 Ш святаго 39 Т доб. же 40 Х не сподобилася 40 Ш доб. сего
41-42 МРСЩЮЭ грех моих и нищеты ради 43 ЛНПСТХШЩ изволившу 44 МН
ПРСУХШЩЮ Э уготовати 45 МПР фимиан (М-я) м 46 Ш нет 47 ИКУ цело-
ваша; П целовати 48 ИК вси 48-49 С всех сущих 49 НПТШ сущия 50 ЛНПТ дав;
МРХЩЮЭ давши; С даде; Ш дарова 50 С доб. посем 51 М нет 52 НПРСТХШ
прекрестися; ЩЮЭ прекрестився 53 ИКУЩЮЭ трищи 54 СШ нет 55 ЛМН
ПРСТШ обвив 56 С нет 57 ТШ изрече 58 СШ нет 59 ИКНУЦШ нет
60 МР предложю 61 Ш доб. и прирече 62 Ш доб. тако 63 КЛНПСТЦШ пре-
даде 64-66 Ш в той час возрех аз и видех 65 ЛНПТ нет 67 М омывше;
П омывши 68 Ц положше 68 Х нет 69-70 ЛНПТШ во особой храминне 71-72 Ш нет
73 ЛНПТ видевше 73 ЛНПТШ доб. людие 73 ЩЮ нет 73-76 Х свеща горяще
74 ЛНПШ в той храминне 74 Т нет 75 ЩЮЭ свеща 75-76 С свещу горящую
76 ЛНПТ горящи; Ш горящия 77 Ш нет 78 ЛНПСЦ доб. же 79 Р яви 79 ЛНПТШ
доб. святая Иуль (ПШ-и-) я (Ш-а-) ния 80 ИКУЦШ рабыне 80 ЛНПТ доб. и
80 С доб. оная и 81 ЛНПТ тело свое; Ш тело ея 81 С нет 82 Ш в 83 Т телом
83 ЛНПСТ доб. праведнаго 83 Ш доб. и праведнаго 84 Ш с телом
85 ЛНПТ своего 85 ЛНПТШ доб. Георгия 86 НП вложивше; Ш вложша 87-88 Ш нет
89 ИКУЦ в 90 С дубовый 90 Ш нет 91 КС отвезше; У отвезом 92 С нет
93 Ш погребоша 94-95 Ш нет 96-97 Ш на селе своем 97 Н Лазарове; П Лазо-
реве; Э Лазоревским

в⁹⁸ нем же многотрудне⁹⁹ подвизася,¹⁰⁰ в лета^{XXII 1} 7112² году³ генваря⁴ в 10-й день.

Сиде поживе блаженная Улиания;⁵ такови⁶ ея подвизи⁷ и⁸ труды.⁹ Мы же о житии ея никому¹⁰ не¹¹ поведахом,¹² дондеже преставися сын ея Георгий, и копающе¹³ гроб его,¹⁴ обретохом¹⁵ мощи святыя,¹⁶ кипяща¹⁷ миром благовонным. И от¹⁸ того¹⁹ понудихся списати²⁰ житие святыя,²¹ убояхся²² сего, еда²³ смерть варит мя, а житие святыя²⁴ забвению предано будет. И²⁵ написах²⁶ вкратце малая от многих,²⁷ да невелик труд пишущим и прочитающим²⁸ сотворим.²⁹

Вы же, братие и отцы, не зарите ми;³⁰ еже написах³¹ груб сый³² и нечист, и³³ не мните ложно³⁴ се,³⁵ свойства ради матерня.³⁶ Но³⁷ весть всевидящее око, владыко Христос бог наш,³⁸ яко³⁹ не лжу,⁴⁰ не⁴¹ буди ми на безчестие госпожи⁴² моя⁴³ родительницы⁴⁴ непщеваемая⁴⁵ списати.⁴⁶ Богу⁴⁷ нашему⁴⁸ слава⁴⁹ ныне и присно и во веки веков аминь.⁵⁰

Вторая редакция. 2-й вариант

Основной текст — Список ГИМ. Забелин. № 463 (551) — О
Разночтения — Список ГПБ. Q. I. № 636 — Ч

Близость Ч к 1-му вар. II ред. обозначаем: Ч=И или: Ч Ср. с И. В случае Ч=И разночтения Ч не приводим для упрощения критического аппарата.

Повесть об Улиании Осорьинной

Скажу же вам повесть дивну в¹¹ последнем сем роде в нынешняя времена суетныя. Месяца генваря во второй день житие и преставление Улиания святыя новья мироточицы муромския.²

98—100 X пропуск 99 Ш нет 100 С подвизашеся
XXII 1 АМПРСХЩЩЮЭ в лето 2—3 ИЦ сто третьяго на десять 3 ЛН
ПТШ доб. месяца 4 НПШ ианнуария * 5 М Улиания; ЛНПТ Иульяния; СХЩ
ЮЭ Иулия (С-а-) ния (С-а) 6 МНРСТХЩЩЮЭ таковы 7 АМНПРСТХЩЩ
ЮЭ подвиги 8—9 Ш нет 10 ХЩЮЭ доб. же 11 ХЭ нет 11—12 НП не по-
ведаху 13 Л копаючи; НП копающе 14 С ему 15 Ш окопаше 16 АНПТШ
доб. Иуль (П-и-) яния 17 У кипящи; НПСЩЮ кипящия 18—19 АМНПРСТУ
ХЩЩЮЭ отголе 20 АНПТШ писати 21 НПШ доб. матере наша Иульяния
22 С доб. бо 23 Ш егда 24 МР святыя; Ш ея 25—26 Т нет 27 АМНПРСТШ
от великих 28 Л чтущым 29 ИКМРЦ сотвори; С сотворю 30 МРС доб. о сем
31 ХЩЮЭ доб. в сем 31 АНПТШ доб. вам 32 П нет 33 АНПТХШ нет
31—35 АНПТШ сие ложно или 35 С доб. быти 36 Ш матере своя написах
37—38 АМНПРСТШ текст помещен ниже 39—40 НПШ Ей! истинну писах, а не лжу
(Ш ложь) 40 С не лгу 41—50 Ц нет 42—43 Х госпожа моя 42 ЩЮЭ госпожа
42 Ш нет 43—44 Ш родительницы моей 45 ЛШ непщеваемая 46 АНПТШ писати
46 АМНПРСТШ доб. текст, заключенный между 37—38 47—48 АМНПРСТШ ему же
49 С доб.: и держава со отцем и святым духом 49 Х доб. всегда
11—2 Ч в роде нашем бывшую

Во дни благочестиваго царя³ Иоанна⁴ Василиевича,⁵ от его царскаго двора бе муж благоверен и нищелюбив, именем Иустин, переклому Недюрев, саном ключник, имея⁶ жену такову же сущу боголюбиву и нищелюбиву, именем Стефаниду, Григориевну дщерь Лукина, от предел града Мурома; живяста же во всяком благоверии и чистоте, имущи⁷ многи сыны и дщери, и⁸ рабы и рабыни⁹ и богатства множество. От них¹⁰ же родися блаженная сия Уляния. Бывшу¹¹ же от рожества ея, остана по смерти матери своя шти лет;¹² взят же ю в пределы града Мурома баба ея именем Анастасия, матери ея мати. И питаше ю во всяком благоверии и чистоте. По друзех же шти¹³ летех¹⁴ преставися и баба ея и вдаст ю дщери своей Наталии именем, Путилове супруге Арапове, препитати ю добре во всяком благочестном наказании, понеже тетка ея своих дщерей име¹⁵ осмь и сына единаго.

Сия же блаженная Уляния от младых ногот бога възлюби и пречистую его мать; тетку же свою и сестр помнозе¹⁶ чтяше и послушание велие¹⁷ имяше во всем; смирение и молчание любяше велие,¹⁸ посту же и молитве добре прилежащи. Того ради от тетки своей много сварима бе и от дщерей ея посмехаема. И глаголют¹⁹ ей: „О, безумная! Почто в толидей младости плоть свою изнуряеши и девственную красоту погубляеши“.²⁰ И нуждаху же ея раннему ядению и питию. Она же воли их не вдаешся,²¹ но все²² со благодарением примаше, паче²³ молчанием откождаше от них и послушание имяше ко всем. Бе бо нравом из детска возраста²⁴ кротка и молчалива, от смехотворения²⁵ же и от всякия игры ошашесе. И²⁶ много²⁷ от сверстниц своих на игры и песни нудима,²⁸ она же не приставаше к совету их и неумение²⁹ на себе³⁰ возлагаше, да тем потаяше своя добродетели. Точию же о пяличном деле прилежа и простираше руки³¹ свои на вретено и всю ночь не угасающи³² светилнику ею.³³ Вдовы и сироты в веси той, нужны и болны³⁴ всех насыщаше и обшиваше и всякими³⁵ добродетелми помогаше и назираше, яко всем дивитися разуму ея и благоверию. И вселися в ню страх божий. Несть³⁶ бо църкви в веси той близ, но³⁷ два поприща, и не лучивалося³⁸ ей в девственем возрасте³⁹ приходити к църкви,⁴⁰ ни слышати божественных словес, ни учащаго на спасение видя когда, но благим смыслом наставляема добродетелному нраву, яко же глаголет великий Антоний: „Имеющим цел ум не тебе писания“. Сие⁴¹ блаженная собою исправи, и не учився книгам, ни учителем наставляема, в девственем убо возрасте вся заповеди исправити потщася,⁴² аки бисер многоценный⁴³ светящися посреде тины, о благочестии подвизаяся, и желая слышати

3 Ч доб. и великого князя 4 Ч Ивана 5 Ч доб. всяя Руси 6 Ч имейше
7 Ч доб. же 8—9 Ч и многи рабы 10 Ч от нею 11—12 Ч = И 13—14 Ч шести летех
15 Ч имейше 16 Ч помногу 17 Ч великое 18 Ч нет 19 Ч глаголаху бо
20 Ч губиши 21 Ч не вдавашеся 22 Ч вся 23 Ч доб. же 24 Ч нет 25 Ч от смеха
26—27 Ч аще и многожды 28 Ч доб. бе 29—30 Ч недоумения на ся 31 Ч руце
32 Ч не угасающую 33 Ч ея; доб. а иже 34 Ч доб. то 35 Ч всяцями 36 Ч несть
37 Ч доб. яко 38 Ч не случися 39 О нет 40 Ч в църковь 41 Ч доб. слово
42 Ч подщився 43 Ч многоценен

слово божие и ⁴⁴ святых отец поучения, и того учения ⁴⁵ в девстве не получи, и от невеглас о добрых делех посмехаема. ⁴⁶ Но ни коей же споны сотворит солнечной ⁴⁷ красоте гнойная нечистота; бе бо яко столп на камени основан, ему же припаде река, и возвяху ветри и не возмогоса поколебати, яко же глаголет апостол: „Ничто же может нас разлучити от ⁴⁸ любве божи: ⁴⁹ ни скорбь, ⁵⁰ ни глад“ и прочая; и ⁵¹ Давид глаголет: ⁵² „Надеющийся на господа, яко гора Сион, не подвижится во веки“, и: „Не оставит господь жезла грешных на жребии праведных, ⁵³ да не прострут праведнии в беззаконие рук своих“, и прочая.

Егда же ⁵⁴ достиже шти ⁵⁵ на десяти лет, ⁵⁶ вдана бысть в пределы града Мурома добродордну мужеву и богату, именем Георгию, пореклому ⁵⁷ Осорыину, и венчани быша от сущаго ту священника именем Потация, служаща в церкви праведнаго Лазаря, друга божия, в селе мужа ея, иже последи той поп добродетели ⁵⁸ его ради ⁵⁹ бысть во ⁶⁰ граде Муроме у спаса ⁶¹ архимандрит Пимин. И тот ⁶² поп ⁶³ поучив ⁶⁴ их по правилом святых ⁶⁵ отец и апостол, ⁶⁶ како жити женам ⁶⁷ с мужем, ⁶⁸ и о молитве и о посте и о милостыни и о прочих добродетелех. Она же со всяцем прилежанием божественная ⁶⁹ поучения послушав ⁷⁰ и наказания, яко земля благодородная всеянное в ню с прибытком возвращаше; ⁷¹ не точию слушаше ⁷² учения, ⁷³ но и делом тцашеся вся исполнити. И тако иерей поучив их ⁷⁴ и благослови ⁷⁵ и отпусти ⁷⁶ в дом свекра ея, еще бо отцу и матери мужа ея живы ⁷⁷ суть. ⁷⁸ Бе бо свекор ея, именем Василий, богат и благороден, и свекровь, именем Евдокия, и та добродородна и смыслена; имеяста же единого сына точию и две дщери, села же и рабы многи, ⁷⁹ и прочим богатством изобилны. ⁸⁰

Видевше же сноху свою и возрастом и всякою добродетелию ко ⁸¹ всем равно, и ⁸² обрадовашася ⁸³ о ней и благодарение богови воздаша, и повелеста ей все домовное строити ⁸⁴ и правити. ⁸⁵ Она же со всяким ⁸⁶ смиреннием и послушанием и повинование имяше к ним, не ослушася ⁸⁷ ни в чем, ни пререковаше, но велми почиташе их, и вся повеленная ими непредкновенно совершая, яко дивитися свекру и свекрови, и южиком их. Мнози ⁸⁸ же искушающе ⁸⁹ ю в речех и во ответех, она же ⁹⁰ благочинны и смысленны ответы дающе, яко всем дивитися разуму ея и славити бога. Имущи ⁹¹ же блаженная издетска обычай по вся вечера довольно молитися богу и коленопреклонения творити по сту поклонов до земли и множае и тогда на сон преклоняются; тако же и вставая от сна по вся утра довольно молитися ⁹² богу и мужа своего наставляя

44—45 Ч и сего 46 Ч быше посмехаема 47 Ч солнечной 48—49 Ч от любви божия 50 Ч и не теснота 51—52 Ч = И 53 Ч доб. яко 54 Ч доб. убо 55—56 Ч = И 57 Ч пренареклом 58—59 Ч добродетельного рода жития 60—61 Ч = И 62—63 Ч той священник 64 Ч поучивши 65—66 Ч = И 67—68 Ч мужем и женам 69—70 Ч божественнаго послушав учения 71 Ч возвращающа 72—73 Ч слышаше учение 74—75 Ч благослови я 76 Ч доб. их 77—78 Ч = И 79 Ч многия 80 Ч = И 81—82 Ч = И 83 Ч обрадовашася 84—85 Ч = И 86 Ч = И 87 Ч не ослушася 88—89 Ч множим же искушающим 90 Ч доб. ко всякому вопросу 91 Ч имяше 92 Ч мольщяся

то же творити, яко же глаголет⁹³ апостол Павел, что: „Веси жено, аще мужа спасеши“, то же⁹⁴ и мужев: „Женивыйся не согрешил, но закон исполнил есть; иже⁹⁵ женивыйся добре творит, и не оженивыйся⁹⁶ лучше творит“. И о сем блаженная Улияния скорбяше,⁹⁷ яко лучшия меры⁹⁸ девственнаго жития не⁹⁹ получи¹⁰⁰. Той¹⁰¹ же апостол:¹⁰² „Привязаша ли¹¹¹ ся жене, не ищи разрешеня“, и: „Жена привязана законом, и своим телом не владеет, но муж; спасется² жена³ чадородия ради, аще всякому делу благу⁴ последствует“,⁵ „на два⁶ чина разделися житие наше: на мнишеское и на простое, и простым невозбранно женитися и мясо ясти, а прочия заповеди христовы равно творити, яко же и мнихом“, „мощно, рече, и в⁷ миру⁸ с мужем живущи угодити богу“, и: „не всяк постригайся спасется, но иже сотворит мнихом достойная“, „аще кто в миру живет з женою и правит часть законную, лутче есть таковыи пустыннаго жительство и не всего закона исправивша“, „мирянин добродетелен в мире удивителен“. Сие в себе размышляя, аще и с мужем непорочным браком совокупистася,⁹ но тшашеся все¹⁰ заповеди христовы непорочны¹¹ сохранити. И ни единого вечера минути ей еже¹² не помолитися богу довольно; и тако блаженная мало сна приемлющи, по¹³ утру¹⁴ же рано воставши и молитву богу довольно отдаваше.¹⁵ Егда же муж¹⁶ ея в царских службах пребываше¹⁷ лето и¹⁸ два,¹⁹ в та убо времена блаженная по вся нощи без сна пребываше, довольно богу молящися, яко²⁰ же рекл.²¹ И не угасящу светилнику ея во всю ношь, прилежно²² простираше лакти своя на вретено²³ и на пяличное дело утвержашеся, и то продаваше рукоделие свое, и цену нищим раздаваше,²⁴ иное же на церковное строение:²⁵ бе бо хитра пяличному делу. Многу же милостыню отаи свекра и свекрови своя творяше, точию единой рабицы ея малей ведущи:²⁶ с нею же посылаше милостыню требующим. Сие же творящи по вся нощи, никому же сведущу, яко же глаголет богогласный Матфей, паче же сам Христос бог наш²⁷ своими пречистыми²⁸ усты: „Егда твориши милостыню, не воструби пред собою; да не увестъ щуйца твоя, что творит десница твоя; и отец твой, видяй втайне, воздаст тебе яве“. В день же домовное строение без лености управляющи, вдовицами²⁹ и сироты яко истовая мати печашеся, своими руками омываше и кормяше, и поя³⁰ и обшивая.³¹ И свершися о ней слово премудраго Соломона: „Жену добру³² кто обрящет, дражайши есть камения многоценнаго,³³ не лишится богатства, и радуется о ней сердце мужа ея; аще где коснит, не печется ни о чем“. ³⁴ Все бо³⁵ суть [в дому ея] оболчени

93 Ч = И 94 Ч доб. глаголет (= И) 95—96 Ч = И 97 Ч скорбящи 98 Ч оши-
бно веры 99—100 О нет 101—102 Ч = И
11 Ч нет 2—3 Ч = И 4—5 Ч благопоследует 6 Ч доб. бо 7—8 Ч нет
9 Ч совокупитися 10 Ч вся 11 Ч непорочно 12 Ч доб. бы 13—14 Ч = И
15 Ч отдавши 16 Ч мужев 17 Ч = И 18—19 Ч = И 20—21 Ч чет
22 Ч доб. бо (= И) 23 Ч веретено 24 Ч раздающе 25 Ч растакаше 26 Ч = И
27 Ч нет 28 Ч = И 29 Ч доб. же 30—31 Ч обшиваше и пояше 32 доб.
аще (= И) 33 Ч многоценна 34 Ч доб. же 35 Ч доб. иже

и накормлены. И дело комуждо по силе учрежаючи, гордости же и величания отнюд не имущи, раби же свои³⁶ простым именем не зваше; и не яко требоваше раби,³⁷ еже бы кто ей на руже воды³⁸ подал,³⁹ или от ног⁴⁰ ея сапоги отрешил, но все сама собою творяше; разве по нужди, в приходе гостей,⁴¹ — то себе тяжко вменяше.⁴² Присно со смирением укоряя свою душу, глаголющи: „Кто есмь⁴³ аз убогая, да предстоят ми тацы же человецы, божие [создание“.⁴⁴ И о сем слава бога велми, и всем бяше образ добродетели. Нецыи же раби беху несмыслени и непокоривии и неделающе лености ради, инии же словом пререковаху. Блаженная же вся⁴⁵ со смирением терпящи⁴⁶ и на себя⁴⁷ вину возлагаючи, глаголя: „Аз пред богом сама всегда согрешаю и той мне⁴⁸ терпит, бог.“⁴⁹ А их, что ми вопрошати? Тацы же бо суть человецы, яко ж и аз; аще и в работу их бог поручил, но души⁵⁰ паче цветущи нас; поминаю⁵¹ спасово слово, глаголющее: «Не обидите малых сих, ангели бо их выну⁵² видят лице отца моего небеснаго»“. И никого же от согрешающих и непокоряющихся раб оклеветаше, и того ради многажды от свекра и от⁵³ свекрови, и от мужа своего сварима бе. Но ни како же смутися когда, аки столп непоколебим и⁵⁴ непреклонен, но⁵⁵ стоя, и всю надежду на бога возложи и на пречистую его мать. И святителя⁵⁶ Николу в молитвах тепле призываючи, от него же помощь велию приемяючи, яко же сама поведа нам, глаголя.⁵⁷ Во едину бо⁵⁸ ночь⁵⁹ воставши по обычаю на молитву, — муж⁶⁰ ея не дома,⁶¹ — ненавидяй же добра дявол с бесы своими хотя⁶² ея преставити от молитвы, и наведе на нея страх и ужас велий;⁶³ ей же младе⁶⁴ суть⁶⁵ и неискусне таковыя вещи и убоися⁶⁶ велми, и легши⁶⁷ на ложе, и одеяся,⁶⁸ усну крепко. И видевши множество бесов⁶⁹ со всяким⁷⁰ оружием, хотяху⁷¹ ея⁷² убить, давлыху,⁷³ рекуще: „Аще не престанеши от такового начинания,⁷⁴ погубим тя“. Блаженная же во мнозе страсе бысть и возведе очи свои к богу и пречистой богородицы⁷⁵ и призва на помощь⁷⁶ святого Николу. И абие явися⁷⁷ святой Николае, держа⁷⁸ в руже своей книгу,⁷⁹ и начат ею бити бесов и разгна всех, яко⁸⁰ дым, и исчезоша,⁸¹ и воздвиже десницу свою и благослови ю глаголя: „О, дщи моя, мужайся и крепися и не бойся бесовскаго прещения, Христос бо повеле мне соблюдать тя от бесов и от злых человек“. Она же абие возбнувши от сна и виде явно⁸² мужа святолепна из храмины двери изшедша

36 Ч своя 37 Ч рабов 38—39 Ч воду подавал 40 Ч от ногу 41 Ч доб. тогда
 бо раби ея почину служаху и предстояху ей, по отшествии же гостей (=И)
 42 Ч вменяючи 43 Ч нет 44 ОЧ здание 45 Ч всякия 46 Ч доб. и вся собою
 исправляючи (=И) 47 Ч = И 48 Ч = И 49 Ч нет 50 Ч доб. их (=И)
 51 Ч поминаючи 52 Ч нет 53 Ч нет 54—55 Ч = И 56 Ч = И 57 Ч глаголющи
 58—59 Ч от ноций 60 Ч мужеви 61 Ч доб. сушу (=И) 62—63 Ч = И
 64—65 Ч в младе возрасте бывши тогда 66 Ч убоившися 67—68 Ч скоро
 возлегши на постели своей и одеянием покрывся (ср. с И) 69 Ч доб. при
 шедших (=И) 70 Ч = И 71—72 Ч = И 73 О дивляхуся 74 Ч доб. абие (=И)
 75 Ч его матери 76 Ч в помощь 77 Ч доб. ей 78—79 Ч держа книгу велику
 в руже 80 Ч доб. бо 81 Ч доб. и без вести погибоша 82 Ч = И

72
 скоро, яко молния.⁸³ Блаженная же о⁸⁴ том⁸⁵ возрадовался и слава бога, но⁸⁶ на молитву болше потщася прилежа.⁸⁷

По мале же времени за⁸⁸ грехи наша⁸⁹ гладу велику zelo бывшу, и мнозем помиращим⁹⁰ от того.⁹¹ Блаженная же творяше многу милостыню, таяся всех. Взимах⁹² у свекрови пищи⁹³ на утреннее и на полуденное ядение, и все то нищим раздаше,⁹⁴ сама же до обеда и до вечера⁹⁵ не вкушаше.⁹⁶ Видя же свекры дивяся и глагола ей, яко⁹⁷ „радуюся о твоём частом ядении,⁹⁸ како нрав твой пременися;⁹⁹ но¹⁰⁰ дивлюся,¹⁰¹ егда хлебу было¹⁰¹ обилие, тогда хлеба² яла мало, и³ не могах тя к раннему⁴ ядению принудити; а ныне⁵ оскудение пищи, ты же нрав⁶ свой премени: раннее и полуденное ядение вземлеш“. Она же, хотя утаитя, отвеща, глаголет⁷ ей: „Егда не рождах детей, и не хотя⁸ ми ся ясти. Ныне же начах дети рождати, и обезсиловах и не могу насытити ся пищи: не точию в день, но и в ночь множицею ясти хошу. Но срамляюся просити у тебе“. Свекры же ея обрадовался о сем, посылаше к ней пищу доволну в день и в ночь: не бе бо оскудения в дому их, како⁹ и вперед¹⁰ множество жита скоплено. Блаженная же посылаемую ей пищу гладным раздая,¹¹ умерших обмывати наимае и гробы и ризы умиралныя даяше и на погребение ризы¹² и¹³ сребреники посылаше. Егда же в селе ея кого погребаша знаема или незнаема, не остави ни единого, еже о души¹⁴ не помолитися.

Помале же времени¹⁵ гладу преставшу, и бысть мор силен на люди, и помирашу бо болезнью, юже прозваша пострел. Мнози же неразумнии в домех своих запирахуся и узавенных пострелом в дома не пушаху¹⁶ и к ризам их не прикасахуся. Блаженная же отаи многих своими руками в бани обмываше¹⁷ и целяше и о исцелении бога моляше и умершия¹⁸ сироты своими¹⁹ руками²⁰ омываше²¹ и погребалныя²² ризы возкладя и к погребению нести наимае.²³

И поживе у свекра в дому лета доволна, ни в чем не преслушася, ни поропта в²⁴ чем,²⁵ но яко²⁶ истовая дщи своих родителей почиташе. Свекру же ея и свекрове во глубоцей старости преставльшимся во²⁷ иноческом чину.²⁸ Она же псалмы и песньми надгробными боголепне почти я, и многу милостыню по них монастырем и церквам на²⁹ литоргии священником и нищим раздала³⁰ и в дому своем трапезу³¹ священником³²

⁸³ Ч молнию; доб. и тече скоро вслед его, не виде никого же. Притвору же храминны тоя крепко по обычаю заперту (ср. И) ^{84—85} Ч оттоле, аки некое извещение прим, велми (ср. И) ^{86—87} Ч и дивяся в себе, никому же поведя, но паче первого сугубо добродетелем прилежа (ср. И) ^{88—89} Ч = И ^{90—91} Ч помирати от глада того ⁹² Ч = И ⁹³ Ч = И ⁹⁴ Ч раздая ⁹⁵ Ч вечеряго времени ⁹⁶ Ч не вкушаша ⁹⁷ Ч ведый буди, яко (ср. И) ⁹⁸ Ч доб. но дивлюся (= И) ⁹⁹ Ч = И ^{100—101} Ч нет

¹⁰¹ Ч бе ^{2—3} Ч нет; доб. аз ⁴ Ч доб. и полуденному (= И) ⁵ Ч доб. убо ⁶ Ч обычай ⁷ Ч = И ⁸ Ч = И ^{9—10} Ч = И ¹¹ Ч доб. и ^{12—13} Ч нет ¹⁴ Ч доб. его ¹⁵ Ч нет ¹⁶ Ч не впушаху ¹⁷ Ч = И ¹⁸ Ч умершая ^{19—20} Ч = И ²¹ Ч омывающи ^{22—23} Ч погребальная воскладя и к погребению отнести наимае (ср. И) ^{24—25} Ч нет ²⁶ Ч = И ^{27—28} Ч в чину мнишеском (ср. И) ^{29—30} Ч и нищим и на литоргия разда ³¹ Ч трапезы ^{32—33} Ч попом и мнихам и нищим, вдовам и сиротам

и мнихом, и нищим поставляющи,³³ и приходящим³⁴ довольно пищу³⁵ учрежая, веля по³⁶ умерших бога молити, и в темницы³⁷ милостыню до четыредесяти дней³⁸ посылаше. Мужу бо ея не³⁹ бе в дому,⁴⁰ но на цареви⁴¹ службе, во граде Астрохани, три лета мину. И она же тогда многа⁴² имения в милостыню раздала⁴³ и по вся лета память умершим творяше,⁴⁴ слышаша⁴⁵ писание, яко „творимая зде, велику⁴⁶ ползу и ослабу творят умершим душам“, и: „Помазуя⁴⁷ иного мастию, себе прежде благоухает“. Бояся⁴⁸ бога, и словеса⁴⁹ великаго Василия:⁵⁰ „Аще кто владеет родительским именем, а богу милостыни⁵¹ не дает, аки тать и разбойник:⁵² не⁵³ своею силою⁵⁴ но поты отца своего [держит]“.⁵⁵ [Блаженная⁵⁶ тшася] все раздати по них.⁵⁷ Сама же обратися на добродетель болши⁵⁸ перваго.

И поживе с мужем своим лета доволна в добродетели и чистоте и роди десять сынов и дщери три; от них же четыре⁵⁹ сыны⁶⁰ и две дщери во младенчестве умроша, и шесть⁶¹ сынов и⁶² дщерь едина остася. Тех препитав и о том славя бога,⁶³ слышав апостола⁶⁴ Павла⁶⁵ глаголюща: „Жена чадородия ради спасется“. ⁶⁶ О умерших⁶⁷ благодарит⁶⁸ бога:⁶⁹ „Господь⁷⁰ дал, господь и взя“.⁷¹ Слыша⁷² златоустово слово: „Блаженно⁷³ почитание блаженным младенцем.“⁷⁴ О чем имут ответ дати, не сотворше искуса греховнаго? Причтени со иовлевыми детми и со избийными младеньцы от Ирода царя⁷⁵ и со ангелы бога славят и о родителях бога молят“. И того ради о умерших чадах не скорбяше, о живых веселяшеса.⁷⁶

Ненавидяй же добра диявол всячески тшасяся спону ей сотворити, частыя брани воздвизая в детех и⁷⁷ в рабех.⁷⁸ Навади раба их же⁷⁹ сына их старейшаго убити: хоте ю во отчаяние ввести и от бога отлучити. Она⁸⁰ же глаголаше давидов псалом:⁸¹ „Яко смирил мя еси, да научюся оправданием твоим“, — яко от того болши⁸² о души прилежати.⁸³ „Без искушения⁸⁴ и злато не свершается“, или: „Кто виде⁸⁵ мертва млада⁸⁶ же себе,⁸⁷ а не исправится, когда ему спастися“, или: „Кто бедами не накажется, како ему во благоденствии⁸⁸ наказатися“. Блаженная же, видя сына своего убиенна, оскорбися о напрасной смерти,

бедным поставляше (ср. И) ³⁴ Ч приходящих ³⁵ Ч пищею ³⁶ Ч о ³⁷ Ч к темницам
³⁸ Ч доб. по вся дни (= И) ^{39—40} Ч тогда в дому своем не бе ⁴¹ Ч на царстей
⁴² Ч много ⁴³ Ч раздая ⁴⁴ Ч творя ⁴⁵ Ч = И ⁴⁶ Ч доб. божественное (= И) ⁴⁷ Ч = И
⁴⁸ Ч помазуй ⁴⁹ Ч бояшеса слова ⁵⁰ Ч доб. глаголюща ⁵¹ Ч от него в милостыню
⁵² Ч доб. осудится ^{53—54} Ч не свою силу (ср. И) ⁵⁵ Ч доб. и сего бояся
 велми ^{56—57} Ч тшасяся оставшее имение свекра своего раздати по них (ср. И)
⁵⁸ Ч = И ^{59—60} Ч четыре сына ⁶¹ Ч доб. же ^{62—63} Ч и едину дщерь воспитав
 и о сем славя бога ⁶⁴ Ч нет ⁶⁵ Ч доб. к Тимофею (= И) ⁶⁶ Ч доб. же
⁶⁷ Ч доб. же ⁶⁸ Ч благодаря ⁶⁹ Ч доб. по Иову глаголя ^{70—71} (Ч = И) ⁷² Ч
 доб. же ^{73—74} Ч = И ⁷⁵ Ч нет (= И) ⁷⁶ Ч веселяшеса ⁷⁷ Ч или ⁷⁸ Ч доб.
 Она же смыслена разсуждая смиряющися, иноя же пакости не возможе ей учинити (ср. И)
⁷⁹ Ч нет ^{80—81} Ч или мне некое смотрение божие бысть, яко же Давид глаголет:
 „Благо мне (ср. И) ⁸² Ч паче ⁸³ Ч прилежит, еже и бысть (= И) ⁸⁴ Ч доб.
 рече (= И) ⁸⁵ Ч видя ^{86—87} Ч юнейша себя ⁸⁸ Ч = И

но не смутися и мужа своего утешая, глаголя: „Не отпадем надежди божия“. Тако и сына своего поминаю,⁸⁹ милостынею и сорокоустием почтоша.⁹⁰ Потом и другаго сына⁹¹ на рати убиша. Она⁹² же оскорбе⁹³ душевне, а не телесне: не кричаще,⁹⁴ яко же прочии,⁹⁵ в день милостынею и кормлю странных⁹⁶ и иерейскою службою поминающе⁹⁷ дети своя, а в⁹⁸ нощи всегда⁹⁹ без сна пребываше,¹⁰⁰ моля бога со слезами о отпущении грехов их.^{IV}¹ Потом молящися,² блаженная³ мужу⁴ своему,⁵ дабы отпустил ея⁶ в монастырь. Он же не изволи.⁷ Она же:⁸ „Аще не отпустиши, то бегом отиду!“ Он же заклят ю:⁹ бе бо стар¹⁰ и дети¹¹ не в возрасте. И почитах¹² книги¹³ святых отец: „Не имут¹⁴ спасти нас черные ризы¹⁵ и не¹⁶ погубят¹⁷ белья, аще заповеди господни¹⁸ храним и богоугодно живем. Аще¹⁹ кто от²⁰ нищеты бежит и²¹ отходит в монастырь, не хотя пецися детми, то уже не хошет трудитися, ни любви²² ищет, но почивания снискает; дети же²³ осиротеют,²⁴ многажды²⁵ плачют, кленут,²⁶ глаголюще: вскую родителне²⁷ родивше нас и оставиша нас²⁸ в таковой²⁹ беде,³⁰ лучше³¹ бы мы не родились.³² Аще бо и чюжия сироты повелено есть кормити, лучше³³ своих не уморити.“³⁴ И много³⁵ божественнаго³⁶ писания прочтоша³⁷ пред нею. Она же³⁸ слышав, остана таковаго прошения, рече:³⁹ „Воля господня да будет“. И оттоле умоли мужа своего, чтобы⁴⁰ плотскаго совокупления не имети. И устроиша постели разны во единой храмине.⁴¹ *W*

Сама же, яко птица исторжеса от сети, вся мирская отверже, единому богу⁴² прилепися, пост и воздержание восприят болши⁴³ прежняго. Во вся пятки не вкушая ничего.⁴⁴ В понедельник⁴⁵ и в среду — единожды⁴⁶ сухоядение без варения и мало квасу от жита за обедом,⁴⁷ по обеде же⁴⁸ ничто же пияше. В пяток же⁴⁹ затворяшеса едина⁵⁰ на молитву.⁵¹ В субботу же и в неделю попом⁵² и сиротам и⁵³ домочадцем поставляше трапезу, доволно пищею учрежах,⁵⁴ сама⁵⁵ им служаше. Их⁵⁶ ради⁵⁷ вина мало испиваше: не аки хотяше⁵⁸ пити, но не хотя гостей оскорбити, слыша

⁸⁹—⁹⁰ Ч псалмопением почтоша, милостыню и сорокоустье раздавше доволно (ср. И)
⁹¹ Ч доб. их ⁹²—⁹³ Ч они же и оскорбесте ⁹⁴ Ч не кричаще без лепоты, ни влас терзая ⁹⁵ Ч доб. творят, но (=И) ⁹⁶ Ч =И ⁹⁷ Ч поминавше ⁹⁸—⁹⁹ Ч =И ¹⁰⁰ Ч пребывая

^{IV}¹ Ч умершим чадом своим ² Ч молящи ³ Ч доб. Ульняня ⁴—⁵ Ч мужа своего ⁶ Ч =И ⁷ Ч доб. быти сему ⁸ Ч доб. глаголет ему ⁹ Ч доб. не оставити его (ср. И) ¹⁰ Ч доб. состарелся (=И) ¹¹ Ч доб. имуще ¹² Ч почиташе ¹³ Ч Козмы презвитера и прочих ¹⁴ Ч доб. рече (=И) ¹⁵ Ч доб. аще не мнишески живем (ср. И) ¹⁶—¹⁷ Ч не имут погубити ¹⁸ Ч нет ¹⁹ Ч доб. ли ²⁰—²¹ Ч нищеты не мога терпети (ср. И) ²² Ч =И ²³ Ч доб. его ²⁴ Ч =И ²⁵—²⁶ Ч =И ²⁷ Ч доб. наши (=И) ²⁸ Ч =И ²⁹—³⁰ Ч =И ³¹—³² Ч нет ³³ Ч =И ³⁴ Ч =И ³⁵ Ч доб. ина (=И) ³⁶ Ч =И ³⁷ Ч =И ³⁸ Ч доб. то ³⁹ Ч =И ⁴⁰ Ч нет; доб. жити им вкупе, а (=И) ⁴¹ Ч доб. мужу устрои обычную постелью, на ней же он пред почиваше (ср. И) ⁴² Ч доб. всею душею (=И) ⁴³ Ч паче ⁴⁴ Ч ничто же ⁴⁵ Ч доб. же ⁴⁶ Ч едино ⁴⁷ Ч доб. испиваше ⁴⁸ Ч доб. в постныя дни ⁴⁹ Ч нет ⁵⁰—⁵¹ Ч едина во отходной храмине и к единому богу в молитвах учрежашеса (ср. И) ⁵² Ч доб. и вдвоицам ⁵³ Ч доб. своим (=И) ⁵⁴ Ч учрежая и ⁵⁵ Ч доб. одна ⁵⁶—⁵⁷ Ч и ⁵⁸ Ч хотящи

евангелиста:⁵⁹ „Егда твориши пир, не зови сродник и⁶⁰ сосед богатых: еда⁶¹ и тии воззовут тебе против;⁶² но зови нищия, слепыя и хромыя, бедныя — неимущих что⁶³ воздати: и воздастьтися в воскресение праведных“. Святии⁶⁴ отцы ради немощи нашея не возбраниша нам⁶⁵ пяти и ясти в закон и в славу божию.⁶⁶ Она же по сему словеси паче нищыми печашеся. Сна же толико с вечера час или два принимае, возлегах⁶⁷ на печи без постели, точию дрова острыми странами к телу подстилалаше и ключи железныя⁶⁸ под ребра⁶⁹ подкладаше,⁷⁰ от тех же дров и возглавие имяше, и тако тело свое удручаше. Не яко покоя хотяше,⁷¹ но того⁷² ради:⁷³ раби ея усыпаху, и тако, встав на молитву, до утра моляшеся богу. И потом к церкви на заутреню хождаше и на литоргию приспеваше. А в день же ручному делу прилежаше и дом свой богу⁷⁴ угодно⁷⁵ строяше, рабы же⁷⁶ свои⁷⁷ довольно⁷⁸ пищею и одеждею удовляше и дело комуждо по силе устрояше. Вдовы и сироты печашеся и бедным во всем помогаше, и⁷⁹ всякой добродетели образ казаше,⁸⁰ и просто реши:⁸¹ „Око слепым, нога хромым и безкровным покров, нагим одеяние“. Егда же видя⁸² кого в беде, плакаше и помогаше, и никто же из дому ея исходя, нищ и убог, тщетныя⁸³ руце име. Рабы же свои,⁸⁴ яко чада имущи; не любя гордости и величания, но аки истовая мати, а не госпожа, согрешающим убо⁸⁵ рабом⁸⁶ вместо прещения милование творящи⁸⁷ и от божественных писаний поучаючи, а не ранами казняше.⁸⁸

Аще и не учився⁸⁹ книгам, но любя чтения слушати и прилежно внимати и толковати,⁹⁰ аки⁹¹ философ, или книжник,⁹² со слезами: „коиими добрыми делы можем господу умолити⁹³ и како отвратим греховныя напасти, идущия⁹⁴ на нас,⁹⁵ како страстей затворим вход и како прежних святых подражаем жития в последняя наша времена, и како возможем умолити⁹⁶ немздоприемнаго судию Христа в воскресение наше“.

Егда же блаженная от мужа своего разлучися, в бани тела своего не мыяше и инех⁹⁷ добрых дел не возможем изрещи, ни писанию предати. И ни вем, коего добра не сотвори, никого ни в чем не оскорби ни прогнева, но от всякого зла отгребаяущися. Кое слово досяжет похвалити⁹⁸ ея, спехи⁹⁹ же ея кто измерити может, плача ея кто испишет, милостыню¹⁰⁰ же ея кто изочтет. Где^{v1} глаголют, яко не возможно

⁵⁹ Ч доб. глаголюща ⁶⁰ Ч ни (=И) ^{61—62} Ч егда како тии воззовут тя
⁶³ Ч нет ⁶⁴ Ч нет ⁶⁵ Ч нет ⁶⁶ Ч доб. наставляеми духом святым, глаголюще:
 „Егда твориши пир и взовеша род и братию и велмож — добро и приятно; паче же
 всего зови убогую братию, да обою мзды не лишени будете, сиречь — от богатых
 тако же почтени будете эде, а нищих ради от бога вечный покой примете. ⁶⁷ Ч возле-
 гаше ⁶⁸ Ч железная ⁶⁹ Ч доб. своя (=И) ⁷⁰ Ч подстилалаше ⁷¹ Ч хотя ^{72—73} Ч =И
^{74—75} Ч =И ⁷⁶ Ч нет ⁷⁷ Ч =И ⁷⁸ Ч нет ⁷⁹ О доб. о ⁸⁰ Ч бываше ⁸¹ Ч доб.
 бе по Иову ⁸² Ч виде ⁸³ Ч тщетны ⁸⁴ Ч =И ⁸⁵ Ч нет ⁸⁶ Ч доб. и рабьям (=И)
⁸⁷ О нет ⁸⁸ Ч казнящи ⁸⁹ Ч не учившися ⁹⁰ Ч доб. прикровенныя
 словеса ⁹¹ Ч доб. премудр (=И) ⁹² Ч доб. присно глаголюще (ср. И) ⁹³ Ч доб.
 за ся (=И) ^{94—95} Ч идущая на ны и (ср. И) ⁹⁶ Ч =И ⁹⁷ Ч доб. же многих ея
⁹⁸ Ч доб. труды (=И) ⁹⁹ Ч смирение ¹⁰⁰ Ч =И.

v 1—2 Ч Где суть глаголющих, яко не возможно в мире спастися? Глаголет божествен-

спастися посреди мира з женою и з детми? Место никого не спасет, ни погубит без добрых дел?² Сия же³ блаженная Улияния с мужем живши и⁴ в богатстве и с рабы угодила богу.⁵

Поживе блаженная с мужем своим по разлучении десять лет, мужу⁶ бо⁷ ея преставльшуся. Она же наипаче мирская отвергши [глаголя со Давидом]: „Благо мне, яко смирил мя еси, да научюся оправданием твоим“, и: „Наказание господне отверзает ми уши“.⁸ И дети своя утешая:⁹ „Незело скорбите чада моя: сия¹⁰ бо суть смертна наказание нам грешным на смысл,¹¹ да то всяк видя,¹² смирится, да имейте покаяние и вси¹³ добродетели стяжите,¹⁴ милостыню¹⁵ и любовь“.¹⁶ И много поучив дети своя от божественнаго писания, и погребе мужа своего,¹⁷ и¹⁸ все имение свое разда по нем в милостыню,¹⁹ и²⁰ в сорокоусты по церквам²¹ не зряше бо на раздание тленнаго имения, но смотря на собрание правды. Сама же по вся нощи без сна пребываше, моля бога о мужи своем — грехом отпущение даровати ему, слышах²² писание:²³ „Добрая жена и по смерти мужа своего²⁴ спасет, ревнова²⁵ царице Феодоре и прочим святым женам, яко мнози по смерти о мужех своих бога умолиша. И оттоле приложи пост к посту и слезы ко слезам, молитву ко молитве и милостыню.²⁶ Яко же²⁷ многажды не остави ни единыя сребреницы в дому своем, она же заимую обычную милостыню²⁸ подаваше. К²⁹ церкви же по вся дни хождаше.³⁰ У детей же³¹ своих взимаше сребреницы³² устроить себе³³ ризы теплыя и те³⁴ вся нищим раздаде,³⁵ сама же в³⁶ зиме без теплых риз³⁷ хождаше. В сапоги же³⁸ босыми³⁹ ногами⁴⁰ обувашеся, под ноги же свои⁴¹ скорлупы ореховые и черепы острыя⁴² подкладываше⁴³ и тако тело⁴⁴ свое удручаше. Мнози же знае-

ный Ефрем „Како речеши посреде мира не возможно спастися? Аз, рече, вкратце скажу аще хоцещи: не место спасет тя, но ум и еже изволение к богу. Адам в раи, яко в велице утишии, удался от бога; а Лот в Содоме, аки в морских волнах спасеся. Саул в палатах царских сию жизнь и тамошню погуби; а Иов, на гноищи сидя в великих бедах, венец праведный прият. Да еже, рече, что глаголешь, яко не мощно есть посреде чад спастися, то ничто же есть, бывает нам на полузу божественныя сборы, еже часто собираемся (ср. И) ³ Ч нет; доб. исполни ⁴⁻⁵ Ч и чад имущи и рабы владея, богови угоди. И той прослави ю и притче к прежним святым, еже последи о ней вообразим слово. Мы же на предлежащее возвратимся (ср. И) ⁶⁻⁷ Ч посем мужу ⁸ Ч доб. аз же не противлюся, ни вопреки глаголя (ср. И) ⁹ Ч доб. глаголюща: ¹⁰⁻¹¹ Ч сия бо смерть отца вашего нам грешным на смысла и в наказание (ср. И) ¹² Ч доб. то же себе чающе (ср. И) ¹³ Ч вся ¹⁴ Ч доб. наипаче (=И) ¹⁵⁻¹⁶ Ч милостыню по силе творите, между собою любовь велицемерну содевайте ¹⁷ Ч доб. со псалмы и песнии ¹⁸⁻¹⁹ Ч и многу милостыню сотворяла нищим ²⁰⁻²¹ Ч и по многим церквам сорокоустия, и по монастырем, розда (ср. И) ²²⁻²³ Ч = И ²⁴ Ч нет ²⁵ Ч доб. благочестивей (=И) ²⁶ Ч доб. паче меры показа (=И) ²⁷ Ч нет ²⁸ Ч доб. требующим (=И) ²⁹⁻³⁰ Ч И по вся дни хождаше во церковь на молитву. Егда же зима прихождаше (ср. И) ³¹ Ч нет ³² Ч доб. довольно ³³ Ч доб. хотящи ³⁴ Ч та ³⁵ Ч раздава ³⁶⁻³⁷ Ч без теплыя ризы в зимнее время ³⁸ Ч доб. точию ³⁹⁻⁴⁰ Ч босыма ногама ⁴¹ Ч своя ⁴² Ч доб. вместо стелек (=И) ⁴³ Ч = И ⁴⁴ Ч кости

мии глаголаху ей: „Что в такой старости о тело свое томишь?“. Она же глагола⁴⁵ им: „Не весте ли, яко⁴⁶ плоть душу⁴⁷ убивает? Да убью тело мое и порабошу е, да спасется, рече, дух мой в день господа нашего Иисуса Христа“. Ко инем же глаголя: ⁴⁸ „Недостойни страсти нынешняго времени против⁴⁹ будущия славы“. И паки рече: „Елико зде усхнет тела моего, того во оном веце не имут черви ясти. Коя полза⁵⁰ тело тучнити, а душу губити?“.

Во едино же время зима⁵¹ студена зело,⁵² она же неколико время⁵³ к церкви не приходаше, но в дому молящися⁵⁴ богу. Во едино же утро зело рано пришедшу священнику в церковь⁵⁵ праведнаго Лазаря,⁵⁶ и бысть глас ему от иконы пречистыя богородицы, глаголющ сие: „Иди и рцы милостивой Улиянии, почто в церковь не приходит на молитву. И⁵⁷ домашняя молитва ея приятна⁵⁸ богу, но не яко церковная. Вы же⁵⁹ почитайте вдову сию, уже бо она неменши штидесяти лет и святой бо⁶⁰ дух почитет на ней“. Поп же⁶¹ той в велицей ужаси бысть и⁶² прииде к блаженной Улянии, слезми обливая,⁶³ пад⁶⁴ на⁶⁵ ногу ея, прося прощения и повед⁶⁶ видение. Она же тяжко себе,⁶⁷ внимая,⁶⁸ вменив, еже он повед⁶⁶ ей пред людьми, а не втайне рек. И отвеща ему: „Соблазнился еси, брате, егда о себе глаголеши; кто аз, господа моего грешница, да буду достойна⁶⁹ такова нарицания“. И потом закла попа того и⁷⁰ слышащих, не поведати никому же в животе ея, ни по смерти. Таково⁷¹ смирение имущи,⁷² яко и по смерти не хотящи славима быти от человек. Абие в той час иде в церковь, повеле молебная⁷³ совершити;⁷⁴ сама же с теплыми слезами молящися прилежно и целовав икону пречистыя богородицы. И бысть внезапно велие благоухание в той час в церкви и по всему селу⁷⁵ тому, яко всем дивятся и славят бога. И⁷⁶ бысть апостольское слово:⁷⁷ „Вдовицы⁷⁸ чт⁷⁹“, а о сей вдове сама пречистая⁸⁰ богородица⁸¹ заповеда почитати.⁸² Оттоле по вся дни хождаше в церковь на молитву.

Имяше же обычай по вся вечера молиться богу во отходной⁸³ храмине, яже⁸⁴ на приятие странным.⁸⁵ Бе же ту икона спасова и пречистые его матере и Николы⁸⁶ чудотворца, угодника их. Во един же вечер прииде в⁸⁷ храмину ту по обычаю на молитву, и абие наполнил храмينا множество бесов,⁸⁸ и со многим оружием потекоша к ней и хотяще ю погубити. Блаженная же,⁸⁹ надеясь на силу христову, не устрашился

45 Ч глаголющи, яко 46 Ч = И 47 Ч доб. свою 48 Ч глаголющи 49 Ч = И
 50 Ч доб. рече 51 Ч доб. бе (=И) 52 Ч доб. яко земли расседатися от
 мраза (=И) 53 Ч нет 54 Ч = И 55 Ч во святую церковь 56 Ч доб. иже
 в селе ея 57 Ч а 58 Ч доб. есть 59 Ч доб. рече 60 Ч нет 61 Ч нет
 62 Ч абие 63 Ч обливашеся и 64 Ч паде 65 Ч = И 66 Ч поведая 67-68 Ч сие
 69 Ч удостойна 70 Ч доб. всех (=И) 71 Ч тако 72 Ч имящи 73 Ч молебныя
 74 Ч совершати 75 Ч месту 76-77 Ч и збысться премудрого Павла слово, еже
 писал к Тимофею глаголя (ср. И) 78-79 Ч вдовица чтима да будет 80-81 Ч = И
 82 Ч доб. ю 83 Ч во отходней 84 Ч доб. бе отлучена (=И) 85 Ч = И; доб.
 и гостей 86 Ч доб. великого 87 Ч во 88 Ч доб. яко не вмещатися ни при
 дверех (ср. И) 89 Ч нет

их, но возвед⁹⁰ очи свои к богу, моляся⁹¹ со слезами:⁹² „О, владыко господи боже вседержителю, не предаждь зверем душа исповедающихся ти и душ убогих не забуди до конца, но послы угодника своего Николу в помощь мне грешнице“. И в том часе явился святой Николае,⁹³ имея в руках палицу великую,⁹⁴ и прогна духи нечистыя и без вести сотвори их, яко дым исчезоша. Единаго же беса поймав и мучаше много, свя- тую же благослови крестом и абие невидим бысть. Бес же плачяся⁹⁵ и рече: „Многу спону творих,⁹⁶ Ульянея, по вся дни воздвизах брань в детех твоих и в рабех“. К ней же не смея⁹⁷ приблизиться ради мило- стыни⁹⁸ и смирения и молитвы, она бо, четки имущи в руках, безпри- стани молитву исусову глаголя; егда ядяше или пияше или что делая, безпрестанно,⁹⁹ егда и почиваше, уста ея движастяся, и¹⁰⁰ утроба¹⁰¹ под- визася на словословие божие. Многожды¹¹ видехом ю спящу, а рука ея четки отдвигаше.² Бес же [бежа] от нея, вопия: „О, Ульянея, многу беду ныне пряхъ тебе ради, но сотворю ти пакость³ на старость твою:⁴ да будет скудость хлебная, и сама начнеши гладом измирати, ниже⁵ иных⁶ кормити“. Она же знаменав⁷ ся⁸ крестом, и исчезе от нея бес. Блаженная же ужасна прииде к нам и лицем пременися и не поведает тогда, но по мнозе времени поведает нам втайне вещь сию,⁹ заповедая никому же поведати.

И поживе Ульяния¹⁰ во вдовстве десять¹¹ лет, многу добродетель ко всем показа¹² и много имения расточи в милостыню; точною нужными потребности оставльши и пищу год до года разчитая, а избытки все тре- бующим раздавая. И продолжися живот ея до борисова царства. И в то время бысть глад велик на земли, яко многим от нужда скверных мяс и человеческих плотей ясти, многи без числа гладом изомроша. В дому же ея скудость бе велика пищи ради и всех потребных, яко отнюд не про- расте из земли всеянное жито ея, а кони и скоты изомроша. Она же молящи дети и рабы своя ничему чужду и татбе не прикоснутися, но оставшая скоты и ризы и сосуды разпрода на жито и кормяше челяд свою, и просящим милостыню доволну даваше, и, в нищете быв, обыч- ные милостыни не остави, ни единаго нищаго тща отпусти из дому своего. Достиже и сама в последнюю нищету, яко не обретется ни еди- ному зерну в дому ея. И о том не смятятся, но все упование на бога положи.

Она же в то время во ино село, нарицаемое Вочнево, в пределы нижегородския отиде. И несть в нем церкви, но — два поприща. Бла- женная же, старостию и нищетою отдержима, не ходяше к церкви, но в дому своем моляшяся богу. И о том не малу печаль имущи, но поми- ная блаженного Корнилия, еже не повреди его домовная молитва; а Иов¹³

90 Ч возведши 91 Ч = И 92 Ч доб. глаголя (= И) 93 Ч Никола 94 Ч = И
 95 Ч плачяся 96 Ч творях 97 Ч = И 98 Ч милостыня 99 Ч доб. молитву
 творя (ср. И) 100-101 Ч утроба же
 11 Ч = И 2 Ч отдвигаху 3 Ч = И 4 Ч нет 5-6 Ч нежели инех
 7-8 Ч = И 9 Ч доб. и (= И) 10 Ч нет 11 Ч девять 12-13 Ч механический пропуск.

праведный на гноищи бога виде, а трие отроцы в печи, Даниил¹⁴ в рове, Иона в ките¹⁵ бога умоли. И от того словеси прощение¹⁶ приемлющи.

Великая же скудость бе в дому ея, она же собра рабы своя и глагола им: „Се ныне глад¹⁷ обдержит весь¹⁸ дом мой, видите сами и весте. Аще кто от вас хочет со мною терпети, добро и приятно. Аще¹⁹ ли хочет,²⁰ да идет на свободу. Да не изнуритеся мене²¹ ради“. От них же доброразсуднии обещаста ся с нею терпети, инии же отидоша; она же со благословением и молитвою отпусти их,²² нимало гнева подержа. И повеле оставшим²³ рабом траву²⁴ лебеду и кору древяну,²⁵ илем,²⁶ собирать и в том повеле творити хлебы и от того сама и дети и рабы питашася,²⁷ и молитвою ея бысть хлеб сладок, и никто же голодом изнеможе в дому ея. И от того²⁸ нищим даваше²⁹ и не накормив не отпусти — в то бо время безчислени³⁰ нищии приходяху. Соседи же глаголаша им: „Почто во ульянии дом входите?³¹ Сама голодом измирает!“ Они же поведающе, яко „много³² сел³³ обходимом и добры хлебы приемлем, а так³⁴ не найдохомся, яко же сладок хлеб в вдовы сея Ульянии“. Мнози же³⁵ имяи ея не ведаху тогда. Соседи же избыльны суще хлебом, посылаху же³⁶ в дом ея просити хлеба, искушающе. И тако³⁷ свидетельствуют,³⁸ яко велми хлеб ея сладок, и о том дивящеся, глаголют:³⁹ „Горазди ульяниины люди⁴⁰ хлебов печи“. ⁴¹ А не разумеюще, яко молитвою святых хлебы сладок бысть. Можаше бо святая умолити бога, дабы не оскудел дом ея, но не противяся⁴² смотрению божию, терпя⁴³ благодарне, ведый, яко терпением обрести царство небесное. Претерпе же в той нищите два лета, никакo не смутися, ни поропта, ни обезумися печалию, и не согреси во устах своих, не даде неразумия богу⁴⁴ и не изнеможе нищетою, но паче прежних лет веселяшеся.⁴⁵

Егда же приближися честное ея преставление, разболеся декабря в 26-й день и пребысть шесть дней⁴⁶ в болезни той.⁴⁷ В день,⁴⁸ на одре лежа, молитву безпрестанно⁴⁹ творит,⁵⁰ а в нощи, вставая, безпрестанно⁵¹ моляся⁵² богу, никем не поддерживаема. Рабы же ея посмеяхуся, глаголюще: „Не право [болит: в день] лежит, а в нощи, вставая, молится“. Она же, разумев, глаголаше⁵³ им: „Ведите, яко⁵⁴ и от⁵⁵ болнаго истязует бог молитвы духовныя“, и ина многа⁵⁶ глаголющи от святых книг.

1 января же во второй день свитающе дню, призвав отца духовнаго, и причастився⁵⁷ животворящих тайн тела и крови⁵⁸ Христа бога нашего, и седе на одре своем, призва дети и рабы своя, сущия⁵⁹ в селе том,⁶⁰

14 Ч доб. пророк 15 Ч доб. Иеремия в кале (=И) 16 Ч утешение 17 Ч велий глад
 18 Ч нет 19-20 Ч = И 21 Ч меня 22 Ч = И 23 Ч оставшимся 24 Ч доб. реко-
 мую (=И) 25 Ч доб. рекомую (=И) 26 Ч илем 27 Ч питавшеся 28 Ч доб. и
 29 Ч даяше 30 Ч безчислено 31 Ч доб. и 32-33 Ч многы села, рече 34 Ч тако
 35 Ч бо 36 Ч нет 37 Ч доб. же (=И) 38 Ч свидетельствующие 39 Ч глаго-
 лаху к себе, яко (ср. И) 40 Ч = И 41 Ч = И 42 Ч не противися 43 Ч терпящи
 44 Ч к богу 45 Ч веселящися 46 Ч дней 47 Ч доб. но что нарещи болезнь
 ея? (ср. И) 48 Ч доб. бо (=И) 49-50 Ч творящи беспресыстани 51-52 Ч в моля-
 щися 53 Ч = И 54 Ч нет 55 Ч = И 56 Ч много 57 Ч = И 58 Ч = И
 59 Ч и вся сущия 60 Ч доб. и (=И)

поучив их о любви⁶¹ и о милостыни, и о⁶² молитве, и о всех добрых⁶³ делах.⁶⁴ Прирече же и се: „Желанием возжел[е] великаго ангельскаго образа еще от юности моя и не сподобих же ся сего грех ради моих,⁶⁵ понеже недостойна грешница бых, сый убогая: богу тако изволившу. Но слава праведному суду его“. И повеле кандило уготovati⁶⁶ и фимиан вложить, и, целовав всех, мир и прощение дав, возляже. И прекрести⁶⁷ лице свое трижды⁶⁸ и обви четки около руки своея, последнее слово рече: „Слава богу всех ради; в руке твои, господи, предаю дух мой. Аминь“. И предаст душу свою в руке божии, его же измлада возлюби. И видеша вси в той час на главе ея венец злат и убрус бел. И омывше, положихом ю в молитвенней храмине. И в ту ночь видеша над нею свеща горяща, и весь той дом исполнися благоухания; и в⁶⁹ ту ночь⁷⁰ явися во сне рабе⁷¹ своей, веля везти ся в пределы муромския и положить ся у церкви праведнаго Лазаря, друга божия, подле супруга своего.⁷² И вложихом ю во гроб дубов и отвезше в пределы муромския, погребохом ю у церкви святаго Лазаря,⁷³ иде же многотрудне подвизася в лето 7112-е, генваря в 10-й день.

Сиде поживе блаженная Ульiania, тащы⁷⁴ ея подвиги и труды. Но о сем не поведях никому, дондеже преставися сын ея Георгий. И копающе гроб, обретохом мощи ея, кипящы⁷⁵ миром благовонным. И оттоле сын⁷⁶ ея⁷⁷ понудихся списати житие ея.

Всемилоствиваго⁷⁸ бога благодарю аз недостойный и худый, аще и недоволен есмь на славословие того благостыни⁷⁹, тому приношу [исповедание и велелепоту и молю⁸⁰ услышати⁸¹ мя⁸² в онь же день, аще призову его], дати слово во отвержение⁸³ уст моих, яко да исповем житие ея⁸⁴ добродетельное и ползы душевныя исполнено. Воистину⁸⁵ вспоминаю⁸⁶ же⁸⁷ госпожу мою родителницу, ея же подвиги и пост, и милостыня, и на земли легание, и всенощное бдение, и непрестанныя⁸⁸ молитвы и ина к сим добродетели, невозможно⁸⁹ и писанию предати;⁹⁰ боюся молчанию придати, да не забвенна⁹¹ будет. Помышляю раба оного, муку приемшаго, господень сребреник вземшаго⁹² и погребшаго⁹³ в земли, а прибытка им не сотворшаго.⁹⁴ Задержу же ся и боюся, егда на мя о том вознепщует,⁹⁵ егда видет мя или слышит что от мене, матерня ради свойства коварством⁹⁶ се быти помыслит и неправо писание се возмнит.

61 Ч о любви 62 Ч нет 63-64 Ч испорч. добрых делех (ср. И) 65 Ч доб. и нищеты (=И) 66 Ч =И 67-68 Ч прекрестившися трижды 69-70 Ч нет 71 Ч рабыне 72 Ч ея 73 Ч доб. в селе Лазаревском (=И) 74 Ч тащы 75 Ч кипяща 76-77 Ч нет 78-79 Ч Этот текст представляет собою переработку предисловия списка Ч. (и, конечно, предисловия 1-го варианта II редакции в целом) в послесловие; начало предисловия „списатель“ опущен. Приводим дальше разночтения по списку Ч. 78 Ч премилостиваго (=И) 79 Ч доб. но 80 Ч моля 81-82 Ч нет 83 Ч доб. ми (=И) 84 Ч нет 85 Ч воистинно 86 Ч доб. убо того благословити достойно есть и почитати (ср. И) 87 Ч бо святую и праведную (=И) 88 Ч доб. слези и (=И) 89-90 Ч нет 91 Ч не в забвении 92 Ч нет 93 Ч =И 94 Ч не сотвориша 95 Ч доб. кто 96 Ч =И

Но жив господь бог мой, вся сведый преже бытия, и сие иже не лжу истинну бо реку, еже видех своима очима и осязах рукама моима, не буди ми агати на святых. Аще ли нецы слышаше⁹⁷ [писание се] и высоте словес дивящися, и не восхотят веровати, буди им милость господня, тии бо немощь человеческую помышляют и неприятно творят глаголемо о человецех. Аще ли же кто хоцет истинно испытати праведное и благоугодное⁹⁸ житие ея,⁹⁹ да воспросят служащих у нея людей¹⁰⁰ и сосед, окрест живущих ту, како благоугодно^{VII₁} из младых ногот житие² стяжа:³ мнози бо ведят и помнят⁴ добродетельныя труды ея и подвиги. Но аще бы и место имело уста, не бы молчало, иде же поживе блаженная добродетельными подвиги, поистинне подража древних святых богоугодное то житие и нравы. Како исповем, еже выше моя сила, понеже грешен есмь и недостойн⁵ и неразумен. Но убо наставит мя честная и милостивая она душа и вразумит мя, своего сына по плоти, по духу же рабичища или⁶ некоего изверга и непотребна, еже вообразити о ней слово. Разумейте же вси, иже душеполезнаго жития сего послуши ничесо иже к силе недостойнствующе.⁷

Подобает же мало слово выше возвестити⁸ всем⁹ и¹⁰ нам чадом;¹¹ не реку бо чадом, но рабом: недостойн¹² сын таковыя праведницы¹³ сын, понеже не последовах добродетели ея.¹⁴ И¹⁵ оттоле понудихся списати житие ея; боюся, егда смерть постигнет мя [и житие сие забвению предастся.] И написах вкратце малая от многих, да невелик¹⁶ труд¹⁷ пишущим и прочитающим сотворим. В славу отцу и сыну и святому духу ныне и присно и во веки веком. Аминь.

Примечания:

1. К стр. 276. См. издание текстов повести — Еп. муромский Евгений „Житие Иулиании Лазаревской.“ СПб., 1910.

2. К стр. 284. Первый вариант второй редакции предваряется особым предисловием, написанным в агиографической манере. Мы опускаем его, так как оно почти дословно повторяется в послесловии второго варианта этой редакции.

⁹⁷ Ч и слышаше (ср. И) ⁹⁸ Ч = И ⁹⁹ Ч святых матери Улянии ¹⁰⁰ Ч нет
^{VII₁} Ч во благоугодности ²⁻³ Ч жития стяжав ⁴ Ч доб. блаженную в животе
ея и сведят (ср. И.) ⁵ Ч нет ⁶ Ч доб. аки (= И) ⁷ Ч недостойнствующа
⁸ Ч доб. яко да от коюю родителю тая, и где и како пребывание име, и каково
преставление бысть; все бо подробну ведомо ⁹⁻¹⁰ Ч нет ¹¹ Ч доб. ея ¹² Ч
доб. бо (= И) ¹³ Ч доб. нарециши (ср. И) ¹⁵ Отсюда продолжается обычное
для II редакции заключение. ¹⁶⁻¹⁷ Ч не труд

М. О. СКРИПЦЕВ

Неизвестные и малоизвестные русские повести XVII в.

Ниже мы публикуем обнаруженные нами в рукописных отделах московских и ленинградских библиотек тексты трех повестей XVII в., еще не известных в науке.*

I. Повесть о разуме человеческом

Основной текст — Список Библиотеки им. Ленина, Муз. № 611 (Пискарев № 176), первой полов. XVII в., лл. 717—722. — А
Разночтения — Список Ленинградской Публичной библиотеки, Погод. № 1952, второй полов. XVII в., лл. 114—121 об. — Б

От¹¹ книг бытей татарских² о разуме человеческом

Бысть в древняя лета в татарской орде был некий царь именем Сламгирей, жесток и немилостив и сребролюбец паче меры, а жи не любя. И бысть у него некий велможа ближний человек, а у него два сына: большой был сын дороден и богатырь, да глуп; а меншой сын был рождением худ и ростом мал, да разумен, а³ у царя был ближний человек, а имянем его звали Алтын-Золотое Слово. А таков был разумен — от всякого слова царь ему давал по триста алтын.

Лучилося⁴ ему поехать к себе в улус, а большой⁵ его брат поехал на лов зверя гонять,⁶ да, приехав⁷ с поля, почал царю сказывать:⁸ „Государь царь волной человек, ездил яз на лов и убил елень в правое ухо, и⁹ вон¹⁰ в левое ухо да в заднюю в левую ногу в копыто“. И царь удивися и почал ему говорить: „Как, де, ты так говоришь, что не станется. Как¹¹ тебе так убить?“¹² И почал царь на него кручинитца, и собор

1 1—2 Б От книг бытейских собрание о тотарских 3 Б нет 4 Б лучися 5 Б
большой 6 Б поимать 7 Б приехал 8 Б сказывати 9—10 Б а вышла 11—12 Б
Как ты сказываешь, убия?

* При издании текстов следую тем же правилам, что и в предыдущем исследовании.

почал у¹³ царя¹⁴ о том быть,¹⁵ и приговорили его все ближние люди, что казнити смертью, что царю он солгал. А у них в¹⁶ обычае так:¹⁷ кого уличат ложью, того казнити смертью. Послал царь, велел его казнити, а за ним послал пристава.

И встречу ему из улуса едет брат его Алтын-Золотое Слово. И он того¹⁸ ужаснулся, что брата его ведут казнити, и учал спрашивать пристава да¹⁹ и брата, за что его царь велел казнити.²⁰ И пристав ему сказал: „Велел, де, царь его казнити за то, что он уличен ложью. И дело ему сказал“. И Алтын-Золотое Слово почал говорити приставу: „Пожалуй,²¹ не пролей напрасной крови до тех мест, доколе яз царевы очи вижу,²² а брат мой не солгал, з глупости не умел рассказать царю“.²³

Пошел Алтын-Золотое Слово к²⁴ царю,²⁵ учал ему²⁶ бити челом: „Государь царь волной человек, пощади холопа своего — брата моего, не вели напрасно крови²⁷ пролить.²⁸ А брат мой тебе государю²⁹ не солгал, толко з глупости не умел рассказать. Тебе³⁰ государю весно, что он³¹ дороден и богатырь, да глуп. А то он тебе государю не солгал. Деялося то тем обычаем. Лучилося ему приехати к оленю; а³² олень, стоячи в болоте, обивает левою ногою от левого уха мухи и мошки. И он, приехав, ево застрелил в правое ухо, а левым ухом и копытом вон“. И царь учал говорить: „Станетца, де, так. Прямой, де, еси человек. Он, де, мне не умел рассказать, а мне то стало за кручину“. И царь его пощадил, не велел казнити.

Иная притча о том же царе

Лучилося³³ тому ж царю ехати зверь гоняти, а с ним многия князи и уланы и Алтын-Золотое Слово.³⁴ И приежжает царь к кладбищу к татарскому, а тут стоит мизгить,³⁵ по³⁶ руски церковь.³⁷ Увидел тут человека, и он³⁸ его велел изымати, да³⁹ к себе велел привести, да учал спрашивать: „Какой еси человек и почто⁴⁰ тут пришел?“⁴¹ И он ему сказал: „Человек, де, еси гулящей; а увидел, де, вас и яз,⁴² де, тут⁴³ хотел поукрытца“. И царь ему учал говорити: „Нет;⁴⁴ то,⁴⁵ де, ты так крадешь сокровища мертвых“. Понеже⁴⁶ у них в⁴⁷ обычаи мертвых⁴⁸ погребают с великим богатством. И он учал царю бити челом: „Государь царь волной человек, никако⁴⁹ за мною такова⁵⁰ воровства нет,⁵¹ а человек еси надобной. Будет холопа пощадишь, и яз тебе государю скажу“. И царь ему молвил: „Скажи, де, не бойся; а яз, де, тебя пощажу“. „Умею, де, еси, государь, птичью языку и зверину: что говорит птица со птицою, а⁵² зверь з зверем“. И царь тому⁵³ удивися и на то прель-

13—14 Б у него 15 А доб. о той жи. 16—17 Б обычей таков 18 Б от того
 19—20 Б „За что, де, брата моево велена казнити“ 21 Б доб. де 22 Б увижу
 23 Б доб. и 24—25 Б нет; доб. и 26 Б царю 27—28 Б казнити 29—30 Б пропуск
 31 Б нет 32 Б и 33 Б лучися 34 А доб. туто же 35 Б доб. татарская
 36—37 Б нет; доб. и 38 Б нет 39 Б и 40 Б доб. де 41 А доб. тут входу нет
 никому 42 Б я. 43 Б нет 44—45 Б чаю 46 Б а 47—48 Б нет 49 Б никакова
 50 Б нет 51 Б вету 52 Б и 53 Б о том

стися,⁵⁴ хотячи,⁵⁵ чтобы царю⁵⁶ то самому знати. И царь ему молвил: „Мне⁵⁷ такие люди в государьстве годны“. ⁵⁸ Да кликнул Алтына-Золотова Слова, да ⁵⁹ велел ему тово мужика взяти, а молвил ему то: ⁶⁰ „Алтын,⁶¹ научися, де, тому языку; яз,⁶² де, тебя⁶³ пожалую; а ⁶⁴ яз⁶⁵ у тебя научюся“. Да гулявши царь поехал опять к себе.

И привел Алтын-Золотое Слово тово мужика и учал ему говорити: „Сказывал еси⁶⁶ царю за собою ремесло, и царь мне тому велел учитца,⁶⁷ и ты мне скажи“. И он ему отказал: „Яз, де, теперево человек бедной,⁶⁸ голодной, и мне то на ум не идет. Дай, де, мне поотдохнуть, тогда, де, у меня и речи будут“. И он ему ⁶⁹ дал поотдохнуть и ⁷⁰ спустя⁷¹ учал его опять спрашивати. И он ему почал говорити: „Дивлюся, де, я твоему разуму; называют, де, тебя Золотым Словом. Яз, де, человек простой. Кому,⁷² де, бог то дал знати, кроме себя. А мне бы то знати!“ ⁷³ И он ему молыл: „Чего ⁷⁴ для,⁷⁵ де, ты то ⁷⁶ царю солгал, что тому горазд? Царь, де, велит ⁷⁷ казнити“. „А тогда есми царю того ⁷⁸ для⁷⁹ сказал, что было ⁸⁰ мне от царя быть вскоре казнену“. ⁸¹ „Да ⁸² ведь тебя и нынеча царь велит за то казнити!“ ⁸³ „В⁸⁴ том⁸⁵ ведает бог да царь. А ⁸⁶ нынеча яз⁸⁷ не чаю от царя казни“. И ⁸⁸ царь про тово человека пропамятовал,⁸⁹ а Алтын Золотое⁹⁰ Слово⁹¹ вскоре царю про⁹² него⁹³ не сказал. И умысля Алтын, хотя царя привести от немилости в милость и от сердца в кротость.

Илучилося⁹⁴ царю опять ехать тою ж дорогою мимо тое ⁹⁵ ж ⁹⁶ мизгити. И сидят на той мизгити две совы друшка к друшке носами, кабы что говорят. И царь, на них глядя, вспаметовал да учал спрашивать: „Кто, де, беш у меня языку птичью горазд?“ ⁹⁷ И царь того спамятовал: „Мужика⁹⁸ тут видал, а отдал его⁹⁹ Алтыну-Золотому Слову, а ¹⁰⁰ велел ему тому языку научитися“. И он кликнул Алтына-Золотова Слова:² „Учился,³ де, ты у того мужика языку птичью?“ И он царю сказал: „Научился, де, государь. Толко, де, тебе, государю, не явил, не к слову сказати“. „Поедь, де, да послушай, что, де, две те ¹ совы меж⁵ собою⁶ говорят“. И он к ним поехал, да приехал опять от них да учал царю сказывать: „Великое, де, дело, государь, говорят; да не смею тебе государю сказывати“. Да приник к царю на ухо и учал сказывать: „Государь, де, царь волной⁷ человек,⁸ слышел, де, есми, что оне говорят, да не смею тебе государю сказывать: блюдуся от тебя государя опалы“. И царь ему молвил:⁹ „Скажи,¹⁰ де, не блюдися,¹¹ мне, де, про чужие речи. Тобя¹² про что казнити?“ ¹³ „Говорят, де, государь оне, сидячи,

54 Б прельстился 55—56 Б хотя, чтоб ему 57—58 Б „Мне, де, такой человек надобен
59 Б и 60—61 Б царь Алтыну 62 Б а аз 63 Б доб. за то 64—65 Б да и я 66 Б доб.
де, ты 67 Б у тебя учиться 68 Б доб. и 69—70 А нет. 71 Б нет. 72—73 Б Кому.
де, то знати. А мне, де, где то знать 74—75 Б Для чево 76 Б нет. 77 Б доб.
тебя 78—79 Б я для того 80—81 Б велел было меня царь казнити 82—83 Б
„И нынеча, де, велит тебя царь казнити“ 84—85 Б То, де 86—87 Б А нынеча, де, я
88—89 Б А царь про него забыл 90—91 Б нет 92—93 А нет 94 Б лучися
95—96 Б той же 97 Б умеет 98—99 Б Мужика, де, я отдал 100 Б и
П1—2 А Золотова Слова 3 Б учился ль 4 Б нет 5—6 Б между себя 7—8 Б нет
9 Б сказал 10—11 Б Сказывай, де, не бойся 12—13 Б Как тебя казнити

о¹⁴ сватание.¹⁵ А женит, де, сова у совы сына; дает, де, сова сове в приданые триста селищ пустых. А та, де, у ней просит тысячу селищ¹⁶ пустых,¹⁷ а трех сот не¹⁸ возмет.¹⁹ И она молвила той сове: «Будет, де, не возьмешь трех сот селищ,²⁰ а болше, де, четырех сот селищ²¹ дати нельзя, потому — будет царь²² наш еще побудет на государстве, а²³ попустошит и болши тово, и яз тебе дам и две тысячи, а будет государство переменитца, или тово бог скротит, а²⁴ станет²⁵ лготу давать и²⁶ дани поубавит,²⁷ и государство опять полно наполнитца, селища опять жили²⁸ будут, и мне тебе болши четырех сот²⁹ селищ дати нельзя»³⁰. И царь услышел то слово, удивися и учал себе размышляти: „Гораздо, де, есми³⁰ немилостив, что про меня³¹ птицы розсужают, уведав,³² де, мое милосердие ко всей земле моей“³³.

И от тех мест стал царь милостив³⁴ и лготу стал давать и дани поубавил, опять стало все жило, и Алтына-Золото³⁵ Слова³⁶ учал царь жаловать болши старого.

Видишь, разумей, каков человеческой разум. Разумной³⁷ человек³⁸ не одну душу свою спасет, но и людския многия.

II. Слово о купцы и сыне его и жене сыновне

Лен. Гос. Публ. б-ка, Погод. № 1571, перв. полов. XVII в. лл. 62—63 об.

Некий купец в Костянтине граде, имя ему Иван. Богат зело, паче царей, имяше у себя полаты многи и суды многи, краснаго злата аравийскаго, и многи суды сребреные, чиста сребра римскаго. И при кончины живота своего, иже есть при смерти, заповеда сыну своему Василю, повеле ему хранити три слова: первое слово — не повеле ему с царем знатися, второе слово — за татя и за розбойника и за всякого бражника и за джива человека ко царю не печаловатися и ко всем человеком и ко всем судьям за тех людей не печаловатися, третее слово — не сказывати ему жены правды ни в чем.

Сын же той после отца своего смерти учал отведывати трех слов отца своего. Учал знатися с царем, дружбу любовну имети, ако же и побратися с царем, и царя к собе звати на обед почасту. И царь приедеть ко двору, идеже дом василев, и Василей постелет сукна дорогие, скорлатные, и царь по тем сукнам идет за стол с своею околничею. И вшед за стол и велит своим людям сукна те все взяти на себя. И того быша многажды.

И Василей украде сына царскаго мала и повеле своему человеку, некоему своему клевету, царскаго сына держати в полаты и кормити царскими брашны и царские игры, чем ему тешитися. И заповеда

¹⁴—¹⁵ *Б* о сватаньи ¹⁶—¹⁷ *Б* нет ¹⁸—¹⁹ *Б* не емлет ¹⁹ *А* доб. а им то и кормление, что ищут себе по пустым селищам мышат да и всякого гаду, тем и кормятся
²⁰ *Б* нет ²¹ *Б* нет ²² *Б* государь ²³ *Б* и ²⁴ *Б* и ²⁵ *Б* доб. царь ²⁶—²⁷ *Б* нет.
²⁸ *Б* живи ²⁹ *Б* нет ³⁰ *Б* я ³¹ *Б* доб. и ³² *Б* уведали ³³ *Б* нет ³⁴ *А* доб. и праведен ³⁵—³⁶ *А* Золотого Слова ³⁷—³⁸ *Б* нет

клевету царьского сына блюсти в тайне, и в ту полату не приходити никому же, oprичь того клеветета.

И дасть жене своей рубашку царьского сына и рече ей ухищрением: „Се, жено, согреших, убих сына царьского, и рубашка кровава“. Жена же сего не ведала, что он куря заколов и рубашку окровавив дасть ей И кляся жена клятвами не явити тайны его. Тако же царь кликуну повелел кликати по всему граду, — кто бы сына его наказал жива или мертва, и многи дары сулит и жалование.

Се же пред царя приведоша людие татя. Царь же велел татя повесити. И тут прилучися быти царскому побратиму, и испроси татя того у царя, да его не велит царь повесити.

Некогда приде время которатися мужеви со женою. И бысть котора велика, и муж жену удари боляче, и жена назва мужа своего головником. И шед ко царю и сказа ему: „Государь царь, есть за мною речи, не могу их тебе сказати“. Царь же рече ей: „Скажи ми“. Жена же рече: „Государь царь, ими ми веру, скажу ти правду. Твой побратим твоего сына убил“. И царь велел перед собою поставити побратима вборзи.

И поставиша перед царем побратима. И рече царь к побратиму: „Злохитрец и ближний бывший друже, про што есми убил сына моего?“. Отвеща побратим царю: „Неповинен есмь“. Царь же рече: „Жена твоя сказа ми дело, злый хитрец, друже дьяволе, а не мой“. Царь велел поставити жену с мужем с очи на очи. Жена же осведетелствова мужа своего пред царем, и положи жена рубашку царьского сына пред царем и глагола жена к мужу: „Се сам сказал еси и рубашку сию дал еси мне хранити да «не скажи никому». Ведь еси головник, и запираешися“. Рече царь побратиму: „Скажи ми“. И рече побратим к царю: „Государь царь, согрешил пред богом и пред тобою. Мой грех ко мне пришед и меня убил“. И рече царь к побратиму: „Коей смерти хочешь?“ Побратим рече: „Славной“. И повеле царь побратима всадити в темницу.

И повеле кликуну кликати на торжищи по всяк день, кто бы на купецкого сына, а на царьского побратима осил положил. И кликаша по три годы, и не положи ништо осила. И приде к царю той татя, его же у царя испроси побратим от смерти, и ялся положити на царева...
(На этом повесть обрывается).*

III. Повесть о купце Григории

- Основной текст* — Список Библиотеки им. Ленина, Большак. № 314, XVIII в., лл. 612—618 — А.
- Разночтения* — Список Исторического музея, Забел. № 502 (308), XVIII в., лл. 67 об. — 79 об. — Б.
- Список Общества истории и древностей Российских, № 223, XIX в., лл. 829—836 — В.

* См. примечание в конце статьи на стр. 332.

Отрывок иной редакции: — Список Библиотеки Академии Наук
45.5.30. XVIII в., л. 213 — Г.

Повесть¹¹ о некоем купце Григории, како хоте его
жена с чародеем уморити

Бысть во граде Риме человек купеческий, именем Григорий, имея богатства много. Прилучи² же ся³ ему некогда отплыти на куплю с кораблем и замедлевшу ему тамо два лета. Бе же у него жена красна,⁴ младостию цветуще, по⁵ действию⁶ диаволу⁷ без него впаде в блуд с неким чародеем. Той⁸ же⁹ чародей, исполнен¹⁰ всякого волхования,¹¹ сотвори¹² еже не любити ей мужа своего, но¹³ возлюбити вельми¹⁴ того чародея,¹⁵ мужа же¹⁶ своего Григория не хотя и имени¹⁷ слышати. Некогда же глагола ей чародей: „Аще хощеши мне быти женою, то аз мудростию¹⁸ учиню мужа твоего заочно мертв“. Она же глаголаше: „Твори, господине, еже хощеши. Аз тебе предаю¹⁹ себе и дом²⁰ весь, токмо²¹ врага моего потщися избыти²² Григория.²³ Аз бо с тобою вечно хощу жити“. Той же окаянный чародей слия²⁴ в воску образ подобия григориева и чарова над ним много. И²⁵ повеле ей принести лук и стрелу, хотя стрелити во образ той.

В то²⁶ же время прилучися²⁷ Григорию купцу²⁸ возвратитися²⁹ с купли в дом свой³⁰ и приближися к Риму.³¹ И некто³² человек незнаемый ста во³³ сретение³⁴ ему:³⁵ „Радуйся, Григорие, яко³⁶ возвратился еси³⁷ с прибытком многим, но³⁸ скоро³⁹ в сий⁴⁰ час злою смертию живота⁴¹ лишишися⁴² от чародея злаго. Аще же⁴³ хощеши такая смерти избыти,⁴⁴ послушай⁴⁵ совета моего: повели вскоре,⁴⁶ да привезут zde тчан⁴⁷ великий с⁴⁸ водою,⁴⁹ чтоб⁵⁰ тебе⁵¹ вместитися в него“. И⁵² скоро⁵³ устроиша тако.⁵⁴ Еще ж той мудрец⁵⁵ устроил зеркала⁵⁶ великое и много⁵⁷ над тою водою мудрствовах. И⁵⁸ повеле Григорию во тчан⁵⁹ внити и вскоре

¹¹ В доб. зело предивна ^{2—3} В И прилучися ⁴ Б нет ^{5—6} Б по естеству
⁷ В дяволову ^{8—9} В И той ¹⁰ В доб. бысть ¹¹ В доб. дяволовскаго и ¹² В доб.
тую пакость ^{13—14} В а любити ей ¹⁵ В доб. а ¹⁶ В нет ¹⁷ В доб. его
¹⁸ В доб. своею ¹⁹ В доб. и ²⁰ В доб. мой ²¹ Б тамо ²² В искорянити
²³ В доб. от жизни ево ^{24—25} В слыша от ней такая глаголы и, взя воску, слия образ
его наподобию григорьева и нача чарования над ним многая творити волшебною своею
хитростию и потом ²⁶ В тоя ²⁷ В прилучилося ²⁸ В доб. оному ²⁹ Б обратитися
³⁰ В доб. ибо он сего не зная нечего о сем ³¹ В доб. граду ³² Б некий ³³ В доб. от
^{33—34} В во встречу ³⁵ В доб. глаголя ³⁶ В доб. ты ³⁷ Б нет ³⁷ В доб. к дому своему
^{38—39} В да токмо ты вскоре ⁴⁰ В в сей ^{41—42} В умереш и живота своего лишен
будеши ⁴³ В нет ⁴⁴ В избежати и жив быти, то ⁴⁵ В доб. мене и ⁴⁶ В доб.
слугам своим ⁴⁷ Б чан ⁴⁷ В сосуд ^{48—49} В наполнен водою ⁵⁰ В дабы ⁵¹ В доб.
было ^{52—54} В И велю ты скоро сме устрой, ибо ты не достигнет злодейская смерть
⁵³ Б вскоре ⁵⁵ В той мудрой человек скоро ⁵⁵ Б доб. близ чана ⁵⁶ В зеркало
⁵⁷ В доб. он ⁵⁸ В доб. потом ⁵⁹ В доб. оной

погрузитися⁶⁰ единожды. Он же сотвори тако.⁶¹ Повеле же⁶² ему посмотреть⁶³ в зерцала и рече: ⁶⁴ „Что ⁶⁵ видиши, ⁶⁶ понеже ⁶⁷ узриши в сем зерцале себе смерть и живот“. Григорий же, егда погрузися ⁶⁸ в ⁶⁹ воду ⁷⁰ и посмотре ⁷¹ в зерцало, рече доброму приятелю своему: „Вижу,⁷² что в ⁷³ дому ⁷⁴ моем чародей ⁷⁵ взя лук, ⁷⁶ жена же моя подает ему стрелу.⁷⁷ Той чародей хошет стрелити во образ мой, ⁷⁸ в ⁷⁹ воску слиян“. ⁸⁰ „Зло сие ⁸¹ знамение, ⁸² понеже близ ⁸³ есть смерть твоя. ⁸⁴ Обаче не буди ⁸⁵ печален, ⁸⁶ блюдися, зря ⁸⁷ в ⁸⁸ зерцало беспрестанно. Егда неприятель той ⁸⁹ натянет лук той, ⁹⁰ в той час ⁹¹ вскоре погрузися в воде сей“. Григорий же сотвори тако. Посем ⁹² паки ⁹³ в зерцало посмотре. Мудрец ⁹⁴ же ⁹⁵ вопроси его: „Что видиши?“ ⁹⁶ Он же рече: ⁹⁷ „Вижу чародея ⁹⁸ печална, что не попаде ⁹⁹ во образ мой, и, ¹⁰⁰ разъярився, ¹¹ приим у жены моей ² вторую стрелу и ³ хошет ⁴ стрелити во образ мой“. Мудрец ⁵ же ⁶ рече: ⁷ „Твори, яко же тебе аз ⁸ заповедал.“ ⁹ Сотвори ¹⁰ же Григорий тако и возре в зерцало и виде чародея печальная ¹¹ и ¹² рыщюща ¹³ по полате, ¹⁴ много ¹⁵ волхвуйа, ¹⁶ зубы ¹⁷ скрежетаая ¹⁸ и власы ¹⁹ тервающа, ²⁰ яко ²¹ второе не получи желанния своего. И ²² взя лук. Жена ²³ же ²⁴ его подаде ему третью стрелу. И ²⁵ прииде чародей близ ²⁶ образа григориева, ²⁷ хошет стреляти ²⁸ в него. ²⁹ Григорий же ужасеся и сказа все, ³⁰ яко „прииде близ образа моего чародей“. Мудрец же рече ему: „Зело блюдися ³¹ сей час. Аще не сохранишися в воду вскоре, то зле умреш!“ Григорий же ³² весь трепетен ³³ стоя и в зерцало непрестанно взирая. ³⁴ Егда ³⁵ же чародей нача лук натягати, ³⁶ а Григорий ³⁷ весь сохранися в воду ³⁸ и, егда погрузися, ³⁹ посмотре в зерцало, нача смеяться. ⁴⁰ Мудрец же вопроси его: „Что тако радуешися?“ ⁴¹

60 В доб. в воде 61 В доб. а потом 62 В нет 63 В посмотрети 64 В доб. ему человек оной 65—66 В нет 67 В доб. ты 68 В доб. по повелению его 69—70 В нет 70 В доб. и потом 71 В доб. из воды поднявши 72 В доб. господине мой 73—74 В в доме 75 В доб. и он 76 В доб. а 77 В доб. и 78 В доб. что 79 В из 80 В нет 80 АБ доб. рече; 80 Б доб. яко; 80 В доб. и рече ему той человек: О, Григорей 81 В доб. есть 82 В доб. являеть тебе 83 В Близко 84 В доб. в сем знамение, токмо 85 В доб. о том 86 В доб. токмо 87 В взирай 88 В во оное 89 В твой 90—91 В а ты 92—93 В И по погружении в воде паки Григорей 94 В мудрой оной человек 95 В нет 95 А доб. паки 96 В видиш 97 В доб. ему 98 В доб. онаго 99 В не попадет 100 В доб. потом 11 В доб. оной чародей наипаче и 2 В моя 3 В доб. теперя 4 В доб. еще 5 В Мудрой человек 6 В нет 7 В доб. ему: „Смотри и 8—9 В прежде сказах 10—11 В Егда чародей натяну стрелу и испусти, а Григорей погрузися в воду. И тако стрели чародей и не попаде во образ. И тако видя чародей себе посрамленна и поругана и труд его весь вотще погибает, и печален бмсть о том 12—14 В И нача рыскати по полаты 13 В рычаща 15—16 В И волхвуйа паче и злей перваго 17—18 В и зубы своимн скрежетаху 19 В доб. на главе своей 20 В тервающи 21 В доб. во 22 В доб. потом 23—24 В И жена 25 В доб. потом 26 В близко 27 В доб. и натяну лук той и 28—29 В стрелити в образ той 30 В мудрецу 31 В доб. и храни себе 32 В доб. сия слышав от мудреца 33 В доб. и ужасен 34 В доб. и смотря 35—36 В Чародей же хотяй пустити стрелу из лука 37 В доб. в то время 38 В в воде 39 В по погружении опять из воды подняся и 40 В доб. Григорей 41 В доб. Григорей

Он же отвеща: „Вижу, господине мой, что стрелил⁴² чародей во образ мой и не попаде в него, но⁴³ стрела та прииде⁴⁴ в стену и, отскочивши,⁴⁵ уязви его⁴⁶ самого.⁴⁷ Он же⁴⁸ зле скончася.⁴⁹ Жена же моя тело его закопа под мост в полате той“. Мудрец же рече:⁵⁰ „Ныне благодари бога, здравствуй,⁵¹ иди⁵² в дом свой“. ⁵³ Григорий же ⁵⁴ поклонися ему до земли⁵⁵ и много надарив⁵⁶ его⁵⁷ и ⁵⁸ прииде здрав в дом свой.

Жена же его облечеса в⁵⁹ драгия одежды, изыде во⁶⁰ стретение⁶¹ ему, радуяся и обнимая его, глаголя: „Откуда мне солнце возсия и от печалныя зимы⁶² обогрело“. И слезивши много.⁶³ Потом нача⁶⁴ радоватися о здравии его, что в добром здравии от пути⁶⁵ бог принес.⁶⁶ Григорий же, созва всех⁶⁷ и отца духовнаго,⁶⁸ нача им на⁶⁹ нея жаловатися,⁷⁰ како⁷¹ согласившися с мужем новым чародеем, хотя⁷² его злой смерти предати, и како той чародей слиа в⁷³ воску образ его⁷⁴ „злохитрством⁷⁵ своим для смерти моей“. ⁷⁶ И показа им образ той⁷⁷ на стене. „И ныне аз⁷⁸ не хощу с нею жити,⁷⁹ но яко же вы хощете, тако с нею творите; а ныне не имать быти мне женою“. ⁸⁰ Она же ⁸¹ нача плакати⁸² и клятися,⁸³ что „отнюдь сего не знаю, и образ твой того ради сотворила, чтобы мне⁸⁴ зрети на него и твою⁸⁵ б любовь⁸⁶ во⁸⁷ всяк⁸⁸ час поминати. А ты мене⁸⁹ ныне поносиши⁹⁰ злодейственными словами, аз ни зла какого⁹¹ повиннаго,⁹² ни⁹³ чародея не знаю“. ⁹⁴ И начаша его⁹⁵ сродницы ея обличати:⁹⁶ „Что неправдою⁹⁷ на⁹⁸ невинность⁹⁹ возлагаеши,¹⁰⁰ понеже ^{III} 1 не² хощеша³ ея любити!“ ⁴ Он же много о сем глаголя с⁵ ними,⁶ и како его о⁷ сем⁸ бог избавил от⁹ тоя горкия¹⁰ смерти.¹¹ „И¹² аще о том веры мне не имете, то покажу вам на обличение¹³ чудное свидетельство“. ¹⁴ И повеле Григорий подмост¹⁵ разломати и¹⁶ выняти того¹⁷ злодействен-

⁴² В доб. оной ⁴³ Б и ⁴³ В доб. токмо ⁴⁴ В удари ⁴⁵ В отскочи; доб. от стены и ⁴⁶ Б нет ⁴⁷ В доб. в сердце ⁴⁸ В доб. паде на землю и ⁴⁹ В умре, а ⁵⁰ В доб. ему ⁵¹ В доб. сохранен от смерти проклятаго чародея и злой своей жены любодейной ⁵² В доб. теперь ⁵³ В доб. и радуйся ⁵⁴ В доб. слышав сия от того человека и ⁵⁵ В доб. и много его благодарил за сие, что он его избавил злодейнической смерти и от такового врага ⁵⁶ В дарив ⁵⁷ В доб. и отпусти с миром ⁵⁸ В а сам ⁵⁹ В во ^{60—61} В в сретения ⁶² В доб. меня вдруг ⁶³ В доб. оная лукавая жена любодейница и ⁶⁴ В начат ⁶⁵ В доб. тя ⁶⁶ В возвратил; доб. Купец ⁶⁷ В доб. в дом свой сродников и приятелей своих, тут же ⁶⁸ В доб. И потом ^{69—70} В жалобу приносить на жену свою ⁷¹ В доб. она ⁷² В и хотели ⁷³ В из ⁷⁴ В мой ^{75—76} В злохитрством своим волшебным чрез той мой образ хотя меня смерти предати ⁷⁷ В доб. устроенной стоящ ⁷⁸ В доб. от сего времени ⁷⁹ В доб. и женою ея себе нарицати ⁸⁰ В жена ⁸¹ В доб. слыша сия извещения и глаголы от мужа своего ⁸² В доб. горко ⁸³ В доб. пред сродниками своими ⁸⁴ В доб. всегда ^{85—86} В любовь между нами бывшую ^{87—88} В по всяк ⁸⁹ В меня ⁹⁰ В поносиши ⁹¹ Б какового ⁹² В повинна ⁹³ В и ⁹⁴ В доб. и падения никакова с ним не имела ⁹⁵ В нет ⁹⁶ В доб. о сем его ^{97—100} В неправдою он на нея и неповинно облыгает ^{98—99} Б на нее винность

^{III} 1 В доб. видно ты ^{2—3} В не хощеш ^{2—4} Б не лишиси ея любити ^{5—6} В к ним ^{7—8} В нет ^{9—10} В от той горкой ¹¹ В доб. И потом глаголя муж ея ¹² В нет ¹³ В на отличения ея ¹⁴ В доб. жены сея ¹⁵ В мост в полате оной ¹⁶ В доб. тело тако ¹⁷ В нет

наго чародея.¹⁸ Видевши же сие, жена его¹⁹ от страха не ведая, что глаголати. Сродницы же²⁰ также²¹ постыдешася.²²

И²³ отдаша²⁴ ея суду градскому,²⁵ и тако много мучиша²⁶ ея и предаша горкой²⁷ смерти.

Отрывок „Повести о купце Григории“ по списку БАН
45.5.30 XVIII в.

„... всего изорвет и умрет лютою смертию. Также и сии тетивные обрывки взяв и вкопай их в землю под верей воротные, в которые ворота оной муж твой ездит. И кагда он по приезде своем сквозе оные врата поедет, и он также умрет скорою смертию, зане у меня оная тетива смертно обволхована“.

И потом премудрой той доктор глаголет к купцу: „Что ты злому тому чаровнику и губителю своему хочещ сотворити за мерзское и великое и смертное поругание?“. Григорий же купец отвеща: „Хощу дабы его своими руками зле смерти предати и мертва пред собою видети, понеже недоумеваю ся, како бы сие воздати“. Доктор же даде ему великий нож и глагола ему: *(Пропуск. Оборвано 4—5 строк)*.

„... или он меня“. Купец же Григорий взяв у доктора той нож и намети прямо, и ударив в зеркало то ножом и улучи того злодея ударити в самое ево лице. И потом посмотрев в зеркало. Доктор же его спросив: „Что видишь?“ Купец же рече: „Вижу, что зеркало цело, а у злодея своего и чернокнижца разсек главу ево надвое, и той паде на землю мертв, а жена моя по его велению роет под постелею яму и, вырыв, положила оного злодея тело и закопала и мост полатный попрежнему учредила, также и тетивные обрывки, собрав, велела закопать в землю под воротные верей, иде же аз приезжаю и отежаю“. Доктор же рече ко купцу: „Великоплеменитый и славный...“

Примечание к стр. 328. „Слово“ впервые издано А. Ф. Бычковым („Описание церковно-славянских и русских рукописных сборников публичной библиотеки“, ч. I СПб. 1882, стр. 66).

¹⁸ В доб. И егда обличи сем, то ¹⁹ В доб. яко мертва ста ²⁰ В доб. ея ²¹ В доб. видевши сие вси ²² В постыдишеся и безгласны быша ²³ В доб. потом ²⁴ В отдати повеле ²⁵ В гражданскому ²⁶ В мучивше ²⁷ В горкия

Д. С. ЛИХАЧЕВ

Плач о реке Нарове 1665 г.

В Рукописном отделении Библиотеки Академии Наук СССР хранится рукопись № 32.5.7, весьма любопытная по обстоятельствам своего составления. В печатные описания рукописных собраний Библиотеки Академии Наук рукопись эта не вошла, хотя часть материалов из нее (указы шведских королей Карла X и Карла XI) и была в свое время опубликована в издании «Акты, собранные в библиотеках и архивах российской империи Археографической экспедицией при имп. Академии Наук», т. IV, 1836 г.¹

Как явствует из записей и дат в самой рукописи, она писана в Стокгольме в 1665 г. жителем Ругодива Леонтием Петровичем Белоусом. Почерк рукописи — белорусская скоропись XVII в. В языке часты белоруссизмы и украинизмы. Украинизмы для белорусских грамотных людей XVII в. — вообще явление характерное,² в связи с притоком в Белоруссию украинских ученых и грамотных людей, белоруссизмы же, повидимому, составляют для Белоуса явление, определяющее его национальность. Приведу примеры характерных для рукописи языковых явлений. Отвердение *ч* — *протшая* (л. 2), *протших* (л. 2), с *протшим* (л. 2). *порутшики* (л. 44), *наротшиито* (л. 36 об.) Отвердение некоторых конечных согласных — *червъ* (л. 2), *крепостъ* (л. 89 об.), *естъ* (л. 1 об., л. 2). Смешение *и* и *е* — *жинами* (л. 1 об.), *возли* (л. 36); смешение *е* и *я* — *месеца* (л. 1 об.), *нелзе* (л. 36), *е* в окончании глаголов третьего лица ед. и мн. числа: *сталосе* (л. 1 об.), *явилосе* (л. 1 об.), *есте* (л. 1 об.), *укоренилосе* (л. 1 об.), *славилосе* (89 об.), *срамляютсе* (л. 89 об.). Белоруссизмы и украинизмы характерны также и для лексики рукописи — *не пшевал* (л. 1 об.), *дружебне б жити* (л. 1 об.), *ще еще* — (л. 1 об., л. 89 об.) и др.

Любопытной чертой сборника является также наличие в нем арабских цифр (наряду с церковно-славянскими буквенными) и летосчисления „от рождества Христова“ (наряду с летосчислением „от сотворения мира“).

¹ Стр. 112—113 и 183—185.

² Е. Ф. Карский. К истории белорусского языка в XVII столетии. Известия ОРЯС, т. III, 1930, кн. I.

Всего в рукописи 90 листов in folio. Листы 3—7, 9—19, 22—23, 28—31, 33—34, 38—39, 46—75, 76—79, 82—85 и 87—88 — чистые. Листы 62—70 порваны. Между листами 75—76 часть листов вырвана. Переплет рукописи кожаный, на деревянной основе, шведской работы. Задняя доска переплета сломана. На наружной верхней части переплета масляными красками изображен герб шведского короля. Над гербом полустершаяся трудно разбираемая русская надпись масляными красками. К переплету (обычному в Швеции — без застежек) грубо приделаны завязки, которые должны были, очевидно, заменить русские застежки.

Рукопись украшена большим количеством заставок и инициалов. Выполнены эти заставки и инициалы золотом, чернилами и грубыми красками: частью (в начале) краски эти разведены на масле (на бумаге следы растекшегося масла; Белоус, очевидно, не знал, как и все русские в XVII в., употребления масляных красок); затем те же грубые краски (особенно часто употребление плохо растертой красной краски) разведены на клею или воде. Обильно применено золото. В самой технике рисунка заметна уместность привыкшего к русскому заставочному материалу мастера. Заставки, инициалы и копии шведских печатей имеются на листе 21—21 об. (7), на листах 24—27 (29), 32—32 об. (4), 35—37 (8), 40—41 (10). Всего 58 изображений. На листе 20 изображен шведский герб (такой же, как и на переплете). На листе 80 изображена „София Премудрость божия“.

На последнем — 90-м листе запись Белоуса о смерти его отца — Петра Павлова Белоуса — 19 января 1666 г. На этом же листе запись Ротьки Григорьева сына Рохнова о принадлежности книги Яргину. На листе 1 более поздняя надпись о принадлежности книги Федору Иванову. На листах 8, 76, 86 об. и 89 — различные малозначащие позднейшие записи.

По содержанию рукопись представляет собою в основном собрание копий со шведских королевских указов, касающихся русских жителей Нарвы и Ивангорода. Частично указы эти даны в ответ на различные челобитья русских жителей тех же городов. Все копии писаны рукою самого Белоуса, воспроизводят подписи под указами и печати. Большинство инициалов и заставок также, очевидно, является имитацией тех заставок и инициалов, которые имелись в подлинниках королевских указов. Как явствует из приводимых ниже вступительных статей сборника, свое собрание Белоус выполнил в Стокгольме для своего друга Яргина, после свидания с ним, очевидно, в помощь ему и другим жителям Нарвы и Ивангорода. Один из указов касается самого Яргина (л. 42 об.).

Содержание сборника таково.

Предисловие

Ныне, господин, тое сталосе по любви от отца и господа нашего Иисуса Христа, благоизволением, по его милости. И то зде явилосе межн нашей любви Яргина з Белоусом. Да хотя и не шевал Яргин прияти — ино в велелепоту устроилосе таковскою ведею, да и дружеством совокупилися, ще жинами и ест друзи. Да и то лежит не токмо

межи нами, но бы да и так и в корене укоренилосе в наших наследниках: дружбно бы жити праведным и истинным союзом. Совершеннаго деяния нечто всесильный своим изволением и устройством дополнит. Да для любви Белоусов не отказал и Ергину дружбную титулу ему положил на бумаги. И послано, что есте писано в Стокхольме

в 3. р. 6. А. году ноября месеца кн. д.
 4. х. 7. 8.
 1665.

Приветствие к сротству, речю по разорению припатши с любовью и говорит те речи

О, мой государь, из ложе отца нашего от честнаго корени возрастет цвет или крин ветвие утрудися, но не до конца воздаите вышнему обеты наша, да не во искушение поработают чада отец их. Сладостно зрю лице твое, аки виноград во время приятия гроздия. Вино из растена сытища шели (?) их. Мы же радуемся о видении лица, сладчая аки приемца по истинне, злата чиста честнее или бисера от камени многоценна или от Аравии принисе, или виноград от Египта, или сынове чудных. Не потрудися, да и здравствую тя и протшая с вами.

Приветствие другу

Друга моего обзрех и сердцем увеселихся. О рехи разума окруженныя стены тверды, любовию убо умудрихся и союза еще тверда, аки черв адаманта не коснется зане укрепися твердыня, его, от вышняго все ест создано, о истинне не молчит, а наученным разума воздает правду. Кто ли взыде от леторасли, но любовию свяжем протших, потом мир ти и здравствую с протшим.

(л. 20) Полный титул шведского короля Карла XI.

(л. 21) „Королевского величества милостивой укас на те стати, которые Ругодивские приграды торговые люди греческой веры покорно естъ бьют челом. Дано в Стокхольме, ноября въ 20 день, лета 1654, 163 году“. Следует текст указа короля Карла X: напечатан в „Актах, собранных в библиотеках и архивах Российской империи Археографическою экспедициею при Академии Наук“, т. IV, 1645—1700, СПб., 1836, стр. 112—113.

(л. 24) Указ Карла XI Ругодивскому генерал-губернатору по челобитью русских людей посада Ругодива, 4 июля 1662 г. Напечатан там же, стр. 183—185.

(л. 35 об.) Грамота Карла XI „к суперденту“ по челобитью Ругодивских русских жителей, 4 июля 1662 г.

(л. 36) Грамота его же генерал-губернатору Торудая по челобитью Ивангородских русских людей, 1 августа 1662 г.

(л. 36 об.) „Список с чолобитной“ Карлу XI Белоусова и Жданова от Ивангородских русских жителей о том, в основном, чтобы их не выселяли из Ивангорода на пристань за деревню Юлду.

(л. 40) „Привилея“ Карла XI Ивангородским русским жителям, 29 ноября 1664 г., указывающая генерал-губернатору избрать для поселений ивангородцев иное место.

(л. 41 об.) Грамота его же Ивангородскому генерал-губернатору, 29 ноября 1664 г.

(л. 42 об.) Указ его же по спорному делу о наследстве Петра Китаева между Федором Ергинным и Кандратьем Тимофеевым, 29 ноября 1664 г.

(л. 45) Грамота его же генерал-губернатору Бентгорну по иску Ергина в Каплиной кобале, 2 декабря 1665 г.

(л. 80 об.) Два тропаря и два кондака св. Софии Премудрости божьей.

(л. 89 об.) Стих, обращенный к реке Нарове; привожу его полностью, сохраняя разбивку на строки оригинала.

О плач Наровеск

О преславная Нарова, почитаема ото всей населной братии
нашей

И славиласе ими зело и славити ся имущей.

О преславная Нарова, от твоего недра изято бе страшнаго
бога

Изволением на пищу плоти человечестей.

О преславная Нарова, имя твое Нравленное, от езера исхо-
димое

И до моря врмскаючи, смещаяся недра твое, племя мое.

О преславная Нарова, аще забудем тебя, егда изведени

С плачем и воплем многим, иж срамляются суседи наши зрети

Ны в толиком смиреннии и бесъчестьи и срамоте.

О преславная Нарова, тебе страшный бог увеличил богатством
недр и плоти нашей и к воспитанию царем и владыкам
богатым

и малым всем удоволился.

О преславная Нарова, слава твоя помолчала. В недре твоём
уселися населицы, нищетуяют нищетующе с погибелью.

О преславная Нарова, струя твоя яснейшая, по ней же попол-
зая жен плачивыя сетующе в погибели велицей, нази-
рающе мужа, от нея же разлучися з бесчестием.

О преславная Нарова, возвеличим господа с нами, ибо той
содетел наш и крепост и сила и слава наша и величе-
ство и избавление

и наставник и похвала и содержител, слава тебе.

О преславная Нарова, свидетеля тя имеем. Но господь наказа
мя разумети свое величество. Хвалю тя безначальный
боже.

Как видно из приведенного материала, составитель сборника — автор „стиха“ о реке Нарове — Леонтий Белоус, человек белорусской культуры, не очень талантлив и самостоятелен в своем произведении. Его „Предисловие“, „Приветствие к другу“ и самый плач о реке Нарове написаны в витийственной манере. Плач многими чертами напоминает по форме акафист. Применение церковно-богослужебной формы к светскому содержанию — явление типичное для XVII в. (превращение жития в светскую автобиографию, превращение сказаний о чудесах от икон в произведения светско-повествовательного типа и т. д.).

Главный интерес и плача, и сборника в целом в том, что он отражает литературную культуру тех областей Русского государства, которые почти на столетие оказались оторваны от него и тем не менее сохраняли с ним живую идейную связь. Сборник отражает психологию русского человека, оказавшегося в обстановке непрерывной борьбы

с давлением иностранного государства, но сохраняющего живое чувство любви к родине, тоску по оставленным местам, жалость к своим страдающим соотечественникам, стремление им помочь. Чувства этого человека тем более показательны, что почти одновременно с ним (через три года — в 1668 г.) в Стокгольме появился Котошихин, также писавший там записку, но не для своих соотечественников, а для их врагов.

Об этих русских, живших во временно отошедших к Швеции местах, мы имеем, кроме рукописи Белоуса, только одно свидетельство — свидетельство Олеария. Олеарий описал Нарву при своем проезде через нее в 1633 г. Он был в русской части Нарвы, т. е. в Ивангороде, и наблюдал там плач русских женщин по покойным. Как и Белоус, Олеарий отмечает, что плачущие русские женщины ползали на коленях или даже просто лежали на земле.¹ Олеарий, между прочим, познакомился в Нарве с неким русским по имени Филипп (фамилию его Олеарий не называет). Русский этот поразил Олеария своими свободными взглядами на посты, иконы и вообще обрядовую сторону у православных.

Притеснения, которым подвергались русские в Нарве и Ивангороде, за это время, свидетельствуются различными источниками. Карл X, вступив на шведский престол в 1654 г., поспешил выдать грамоту нарвским жителям, подтверждавшую привилегии, полученные ими от его предшественников. Выдал он и особую грамоту ругодивским торговым людям православного исповедания (от 20 ноября 1654 г.), в которой, между прочим, дозволялось им выписать из Киева дьякона для освящения церквей и разрешалось какое-то судебное дело (эту последнюю грамоту приводит Белоус — л. 21). Однако впоследствии притеснения русских только усиливались. Положение русских было особенно тяжелым из-за враждебных отношений к русским нарвских „боргаров“ (бюргеров). Налоги на русских были так велики,² что русские покидали свои дома и уходили из города. Нарвский городской совет издал даже 23 октября 1665 г. распоряжение об осмотре Ивангородского форштадта и о конфискации домов тех жителей, которые оставили их на произвол судьбы и ушли из города. Известны случаи и принудительного выселения русских жителей. В 1674 г. состоялся указ о выселении русских жителей из Ивангорода. Русским купцам предписывалось переселиться в Нарву с тем, чтобы построить там каменные дома (предложение для разоренных русских купцов явно неосуществимое). Тех же, кто этого сделать не сможет, предписывалось выселить в Копорье. Об одном из таких выселений и говорит Леонтий Белоус в своем плаче о реке Нарове. Можно установить точно, о каком именно выселении говорит Белоус:

¹ Подробное описание путешествия голштинского посольства в Московию и Персию в 1633, 1636 и 1639 годах, составленное секретарем посольства Адамом Олеарием. Перевод П. Барсова, М., 1870, стр. 16 и сл.

² Н. Н а н с е н. Geschichte der Stadt Narva. Dorpat, 1858, стр. 103—106, 109. — См. также: А. В. Петров. Город Нарва, его прошлое и достопримечательности. СПб., 1901, стр. 162 и сл.

на л. 36 об. рукописи читается список с „чолобитной“, которую Белоус и Жданов подавали в 1664 г. Карлу XI с просьбой не выселять русских жителей Ивангорода на „место пусто возли воды“, где грузят суда, за деревню Юлду. На место это, писали Белоус и Жданов, „отнюдь ни коим обычаем недзе уселитсе“. Выселение русских из Ивангорода, несмотря на челобитную Белоуса и Жданова, однако, продолжалось. Ответом на нее явился лишь указ Карла XI нарвскому генерал-губернатору избрать для выселения русских иное место (л. 40 рукописи).

П. Г. ШИРЯЕВА и В. А. КРАВЧИНСКАЯ

Две былины в записях конца XVII—XVIII вв.

Ценность старинных записей фольклорных произведений признана наукой давно. Именно благодаря немногим сохранившимся в рукописях XVII—XVIII вв. текстам есть возможность наблюдать на протяжении трех столетий процесс, с одной стороны, развития фольклора в меняющихся исторических условиях, с другой, — усвоения фольклорного памятника книжной средой. Вместе с тем старинные записи наглядно представляют отношение книжной поэтики и литературного языка XVII—XVIII вв. к устно-поэтической речи того же времени, вскрывают их взаимодействие. История русской литературы и литературного языка, как и фольклористика, одинаково заинтересованы в накоплении возможно большего числа старинных фольклорных текстов, чтобы на их материале поставить и разрешить ряд исторических проблем.

В рукописном собрании Н. П. Лихачева, хранящемся в архиве Ленинградского отделения Института истории АН СССР, научным сотрудником Сектора древнерусской литературы Института литературы АН СССР В. И. Малышевым найдены два текста былин, существенно дополняющие уже опубликованный материал. Былина об Иване Годиновиче впервые предстает перед исследователями в своем старинном облике: до сих пор старшим из известных ее текстов был тот, который читается в Сборнике Кириши Данилова. Былина об Илье Муромце, освобождающем город Себеж (из рукописи № 287), известна в нескольких записях XVII—XVIII вв., однако вновь найденный текст дает к ним интересные дополнения и разночтения. Обе находки были переданы В. И. Малышевым в сектор фольклора ИЛИ АН СССР и подготовлены к изданию научными сотрудниками этого сектора П. Г. Ширяевой (Иван Годинович) и В. А. Кравчинской (Илья Муромец).¹

¹ Издание передает тексты строка в строку, в соответствии с рукописями. В орфографию подлинников внесены некоторые упрощения: опускается конечный *ер*; *i*, *ук*, *ю*, *юс* малый, а йотированное, *омега* передаются через *и*, *у*, *я*, *о*; пунктуация введена современная.

I

Былина об Иване Гоудиновиче

Среди старинных записей русских былин до сих пор не было известно ни одного текста былины об Иване Гоудиновиче. Такой текст нашелся в собрании Н. П. Лихачева в архиве Ленинградского отделения Института истории АН СССР.

Рукопись, в 16-ю долю листа на 54 листах, частично была пронумерована чернилами, но полностью нумерация нанесена позднее. Рукопись писана полууставом и скорописью конца XVII—начала XVIII в.; переплет — частью потлевшая папка, оклеенная цветной бумагой с разводами зеленого, красного и коричневого тона на белом, пожелтевшем от времени, фоне.

Сборная рукопись содержит духовные и светские статьи, расположенные в следующем порядке: 1) лл. 1—8. „Лествица красне возводящая человека к крайнему блаженству“; 2) на л. 9-м, бывшем ранее не заполненным, позднее написано: „Ратман Андреев Марков“. Ниже на том же листе два раза написано: „Во имя отца и сына и святого духа аминь“. Это единственный листок, на котором сохранилась фамилия владельца рукописи; 3) лл. 10—19 об. „Сказание о Тязиоте, воскресшем из мертвых в третий час“; 4) лл. 19 об.—22 об. „Слово о тати гробнем како спасесе покаянием“; 5) лл. 22 об.—23 об. „Поучение святых отец да никто же на богатство свое уповае“. Рукопись оборвана на слове „при...“; 6) другим почерком лл. 24—26. „Поучения“ (без начала); 7) лл. 27—28 об. „Слово святого Кирилла о бесстрашии“; 8) новым почерком, лл. 29—32 об. „Небреши иже бо что таковая начиная уподобился еси мужу иже на воде води коло, а по сухой земли корабль“ (текст оборван); 9) лл. 33—39 об. Былина об Иване Гоудиновиче, без начала; первые слова: „за Вахромия Вахромиевича“; 10) лл. 40—43 об. „Идеже апостол Павел к Тимофею“; 11) л. 44. „Чины небесные и земные“; 12) л. 44 об. „Огради мя святыи отче“; 13) лл. 44 об.—45 об. „Во всядневном евангелии пишет Иоанн Богослов о грому и молнии“; 14) лл. 45 об.—54 об. „В беседословце пишет о льстивых человецех притцею сею“.

Былина об Иване Гоудиновиче занимает в рукописи, по старой нумерации, листы 21—26 (по новой 33—39). Водяной знак бумаги — голова шута с бубенцами указывает на конец XVII или первое десятилетие XVIII в. Былина написана без деления на стихи (всего 183 строки) ясным четким почерком; легко укладывается в распевный стих. Приводим фрагмент рукописного текста (см. рукопись, листы 20 и 20 об.), расположенный былинным стихом:

Выходил Дмитрий гость — богат купец
 На свое на крылечко на красное,
 Сам зговорит таково слово:
 Гой еси, Иван Гоудиновичь,

Что ты ко мнѣ на двор нечесно взѣхал
 И говоришь со мною безописьлошно?
 Проговорят Иван Гоудинович:
 — Гой еси ты Дмитрей гостъ богатой купецъ,
 Дяя тово яз на двор к тебѣ нечесно еду,
 Дай ты за меня чядо свое милое
 Красну Настасью Дмитриевну с любовью великою.
 Волею дашь и неволею возьму,
 Силою ботырскою, а грозою княженецкою.

Начало былины в рукописи не сохранилось: совершенно очевидно, что лист, на котором оно было написано, утерян, так как на л. 20 текст начинается с середины фразы. Предположительно начало может быть восстановлено по варианту былины об Иване Гоудиновиче, вошедшему в сборник Кириши Данилова,¹ который в некоторых частях, особенно в первой половине, довольно близок к тексту рукописи Лихачева. Зачин былины Кириши Данилова повествует следующее (стихи 1—73). На пиру у Владимира происходит разговор о женитьбе Ивана Гоудиновича. В ответ князю Иван Гоудинович жалуется на свое холостяцкое житье. Под диктовку Владимира пишется „скорописчат ярлык“ к Дмитрию Черниговскому. Иван Гоудинович едет свататься. Оказывается, что Дмитрий купец уже просватал свою дочь за Афромей Афромеевича, о чем сообщается Ивану Гоудиновичу:

Ноне Настасья просватана,
 Душа Дмитриевна запоручена
 В дальню землю загорскую
 За царя Афромей Афромеевича.

Семьдесят третьему стиху Кириши Данилова соответствуют начальные слова рукописи Лихачева

За Вахромя Вахромеевича.

Следующие за этой строкой слова рукописи

И ты как себѣ начашься, во-
 лею даст и неволею возми, си-
 лою возми батырскою, а грозою
 княжецкою великого князя Вла-
 димера

можно полагать, являются ответом-наказом князя Владимира Ивану Гоудиновичу, возвратившемуся в Киев после неудачного сватовства.²

¹ Древние российские стихотворения, собранные Киришею Даниловым. Изд. под ред. П. Н. Шеффера, СПб., 1901, № 15.

² Аналогичный наказ имеется в быляне из сборника Кириши Данилова:

Поежай ты о добром деле о сватанье,
 Честью не даст, ты и силою бери

Этот момент как угроза Владимира или похвальба Ивана Гоудиновича и его дружиня сохранился в позднейших записях (Песни, собранные П. В. Киреевским, выг. III, М.).

После следующих строк (6—7) рукописи

Как будет Иван Гоудинович
Под городом Черниговым

начинается последовательное изложение содержания былины о сватовстве Ивана Гоудиновича.

Что отсутствующее в рукописи Лихачева начало былины механически отпало от полного некогда текста, совершенно очевидно: не мог писец начать его с последних слов фразы. Но возникает вопрос: что представляет собой в целом найденный текст — записанную по памяти или на слух былину, или сжатое изложение ее? Наблюдения над текстом показывают, что мы имеем в данном случае пример именно сжатого пересказа, в котором книжник время от времени пропускает даже такие подробности, которые в других эпизодах он сохраняет. С другой стороны, он то идет за былинным стихом, то переводит его на прозаическую речь.

Например, приезд Ивана Гоудиновича в Чернигов в записи передан чрезвычайно кратко; в сущности писец только сообщает о приезде: „Как будет Иван Гоудинович под городом Черниговым“. Между тем в былине, как мы ее знаем по позднейшим записям, подготовка к отъезду и самый отъезд описываются с целым рядом подробностей.

В записи Кириши Данилова Иван Гоудинович отправляется в Чернигов с тремястами воинов. По пути он „разъясчивает“. С этой целью рассылает он своих воинов по трем дорогам, чтобы подготовить подарок князю Владимиру, и уже один продолжает свой путь к Чернигову. В записи А. М. Астаховой¹ от Никифора Семенова, 75 л. (Мезень, Лешуконский р-н, д. Белошелье) описан подробно момент подготовки к отъезду: после того как Владимир высказывает отрицательный взгляд на женитьбу Ивана у короля ляховинского, Иван, рассердившись на Владимира, убегает за благословением к родителю, затем начинает седлать коня. Очень подробно описывает сказитель подготовку коня к отъезду, наконец самую поездку к королю ляховинскому.

Другим примером сжатого изложения в рукописном тексте является описание гнева Ивана Гоудиновича, узнавшего, что Настасья просватана в дальнюю землю „во лабскую“. В словах писца осталась краткая характеристика рассерженного Ивана Гоудиновича, мало раскрытая дальнейшим повествованием:

... Неунимчиво сердце
багатырское молада Ивана Гоудиновича...

1878, стр. 13. Песни, собранные П. Н. Рыбниковым. Изд. 2-е, т. II, М., 1909, № 13; Онежские былины, записанные А. Гильфердингом. СПб., 1873, №№ 179 и 275). То же у А. В. Маркова (Беломорские былины, М., 1901, № 78): Иван сам собирается с боем взять себе невесту, если ее не отдадут „честью“.

¹ Былины Севера. М.—Л., 1933, № 29.

Эта краткость будет еще более очевидной при сравнении с пространным описанием Кирши Данилова. Иван Годинович, после отказа, в гневе уезжает обратно в Киев и обращается к Владимиру, рассказывая подробно о своей неудачной поездке. Киевский князь остро отзывается на эту обиду, посылает воинскую силу. Иван вновь является в Чернигов и уже силою берет себе невесту.

Очень подробно очерчен образ рассерженного отказом Ивана Годиновича в записи Маркова (№ 78):

Как ёго шевелились плечи богатырские,
Разъерилось ёго да ретиво сердце,
Раскипеласе ёго кровь горячая,
А хватил-то он свою да саблю вострую,
Он как начал по столам сабелькой помахать,
Заревели тут татаровья поганья,
А король-от под столы ти все пеханться,
Соболиной черной шубой закрывається...

Аналогичное выражение гнева видим в записях Гильфердинга (№ 51), Рыбникова (т. I, № 33). В других менее подробных вариантах сказители также останавливаются на описании гнева жениха, вызванного отказом отца невесты (Марков, № 14; Тихонравов и Миллер, № 43¹ и др.).

Мало связаны с упоминавшимися выше словами о гневе Ивана Годиновича строки рукописи о пире в доме черниговского купца Дмитрия, не встречающиеся в таком контексте среди живых записей. Пиршество в доме невесты и отъезд Ивана Годиновича происходят, несмотря на явное противоречие, в мирной обстановке:²

... Неужимчиво сердце
багатырское молода Ивана Годи-
новичя, не меды сытить не пи-
ва варить, походило во гридне
столованье почестное, сядились
за столы за дубовы за ветвы
сахарные и за питья медвяные.
Имал Настасью за белы руки за

¹ Н. С. Тихонравов и В. Ф. Миллер. Русские былины старой и новой записи. М., 1894.

² Почти во всех живых записях, начиная от Кирши Данилова, отъезд Ивана Годиновича происходит вопреки отцовской воле.

Добром мы у тебя сватался,
А сватался Владимир князь;
Не мог ты честью мне отдать —
Ноне беру и не кланяюсь.
Вытащила ее среди двора...

(Кирша Д., строка 145).

В записи А. М. Астаховой (Былины Севера, № 29) Иван Годинович, увозя Настасью Бугригорьевну, так отвечает на приглашение:

На приезде нонь гостя не уютчевал,
На поезде нонь гостя, нонь не уютчуешь.

(строки 72—73).

ея за перстни злаченыя, бьет
 челом Иван Гоудинович Дмитрею
 гостю богату кущу на хлѣ-
 бе да на соли, сам пошел вон
 из гридни столовые и скоро садил-
 ся на конь с добрыми молодцы с уда-
 лыми...

Сжатость отдельных частей былины особенно выделяется на фоне широкого эпического описания характерных моментов в изложении сюжета. Отъезд Ивана Гоудиновича из Чернигова (в рукописи) происходит вместе с дружиной. Остановившись в чистом поле, рассылает Иван Гоудинович своих воинов с поручением:

... а добрым молодцам говорит Иван
 таково слово: пойдѣте вы,
 удалые добрые молодцы, первое
 сто на лѣсы на темныя и убейте
 вы лань златорогую к моему столу
 брачному, а другое мое сто <молодых> моло-
 дцев <подите> далече во чисто поле и убейте
 вы мне диково вепря.
 Вы гой естя <третье сто> вы, добрые молодцы
 удалые, подите вы на заводи
 тихие насѣтрѣляйте мне къ
 столу брачному много гусей
 и лебедей. И как развѣхалась ево
 вся дружина хоробрая на ловы
 звѣриныя на ево участие великое.¹

Не менее подробно описаны погоня Вахромия Вахромиевича за Иваном и Настасьей и первый момент поединка:

... И как учюл поганой царь²
 что не стало красныя Настасьи
 в Черниговѣ у гостя у Дмитрия,
 обвѣртывался он ясным соколом
 и скоро летѣла из-за синя моря
 и к лесу темному, обвѣрнулся он
 гнѣдым туром и выходил на поле
 на чистое, и обвѣртывался он
 молодым молодцом. Как будет

¹ Из этого отрывка мы узнаем о наличии дружины, ездившей в Чернигов с Иваном Гоудиновичем. В большинстве записей этого сюжета Иван Гоудинович отправляет свою друину, поехавшую или ездившую с ним в Чернигов, то за подарками для князя Владимира, то с извещением о благополучном возвращении в Киев. Для примера сошлюсь на Киршу Данилова (№ 15), Гильфердинга (№№ 51, 83, 179, 183, 256, 275). В рукописи Иван Гоудинович отправляет друину на охоту с особым назначением — наловить „питеры и вѣдры“ для брачного стола.

² Более подробно об извещении поганого царя говорится у Кирши Данилова (№ 15, строки 159—174); „сорописчатым ярлыком“ извѣщает король Ляховинскій „царишша Вахрамеишша“ (Марков, № 78, строки 141—175); через гонца узнает король „земли Ляховинскія“ об увозе „Оводты лебедь белые“ (Ефименко, стр. 15).

он у шатра Иванова, сам згово-
рил таково слово: гой еси ты, мо-
лодый Иван Гоудиновичъ, выди
ты вон из бѣла шатра полотня-
ново, мнѣ хочется с тобою
перевѣдаться и перемирье
взять о красной Настасье
Дмитриевнѣ. Выходил
Иван Гоудиновичъ в однѣх чюлках
и без чеботов, в одной сорочкѣ
и без пояса, имал Иван Гоудиновичъ
поганово царя за белы руки,
ударил царя о сыру землю мате-
рую, налня под ним земля по-
тряслася, садился Иван царю поганому
на белы груди, вынимал он свой
булатный ножъ, на мусате
ножичек наставлявает,
хочет он у царища поганово
спороть груди бѣлыя и закрыть
очи ясныя.

Строки, рассказывающие о возвращении дружины с лова, диалог между Иваном и участниками свадебного поезда воспроизводят не тронутый рукой писца народный вариант.

. Мал
чяс поизойдучи, приехали
ис поля добрые молодцы его
удалые, привезли питеры
и ѣдры всякие. Проговорит
Иван Гоудиновичъ: ненадобет
мнѣ ни питера ваша ни
ѣства сахарная, потому
что яз для Настасьи красные
немного <сам> головы не отстал,
от тово царища поганово Ва-
хромия Вахромиевича. Вы
гой естя, мои братцы това-
рищы, отликые удалые добрые
молодцы, вы седлайте скоро
добры кони, поѣдем мы к го-
роду ко Киеву к великому
князю Владимиру.

Несмотря на то, что писец разрушил в некотором отношении живую былинную речь, все же он сохранил яркость народных образов, целостность сюжетных линий данной былины, традиционно закрепившихся не только в этом рукописном тексте, но и во многих других богатырских былинах, в оборотах, выражениях, характерно рисующих поведение их героев.

Что же касается лексики и синтаксиса былины, то рукопись довольно явственно сохранила особенности языка своего времени. Так, мы находим в ней редко встречающійся в живом современном былинно-песенном обиходе, но популярные в XVII—XVIII вв. следующие слова и выраже-

ния: безопышно,¹ мал час поизойдучи,² питера и едера,³ отликые,⁴ дуб кряковистый,⁵ переведаться.⁶

Переписчик сохранил специфические особенности былинного стиха, отдельные частицы, местоимения, союзы — „что“, „как, как будет“, обычно используемые в былинном стихе в значении „когда“, „почему“, например: „Как будет Иван Гоудинович под городом Чергиговым“, „Как будет Иван Гоудинович среди двора гостинова“, „И как разъехалась ево вся дружина хоробрая“, „И как учул поганой царь“, „Как будет у шатра Иванова“, „И ты как себе начашься“, „Что ты ко мне на двор нечестно въехал“.

Диалектизмы текста: наля (так, что даже), мусатичек (точило), наста-вливаает (точит), начашься (думаешь, предполагаешь), учул (услышал), на хлебе да на соли, перемирье, ладити, сытить, имал, разъехалась и многие другие лексические особенности языка не позволяют отнести рукопись к какой-либо определенной местности. Судя по почерку и правописанию рукописи, писал ее человек весьма грамотный, наличие же диалектизмов рядом со славянизмами объясняется тем, что в XVII в.

¹ „И приѣхал Бова в Рохленское царство и въѣхал Бова на каралевской двор безопышачно“, XVII в. (Сказания про храброго витезя про Бову Королевича. Библ. старо-русс. повестей, М., 1915, стр. 47).

² а) „Егда же хотяху его проводити, впаде в великую болезнь и в малом часу умре“, 1670 г. (Книга, глаголема козмография сиречь описание сего света земель и государств великих. СПб., 1878—1881, стр. 70). б) „Изволь, гоударь, из приказных прислать к Москве на погешной двор тотчас не отлагая ни малого часа, чтоб те люди стали на Москве от сего 17 числа ноября впредь к десятому дни“, 1698 г. (Акты, относящиеся до юридического быта древней России. Под ред. Н. Калачова, СПб., т. II, 1864, стр. 629). в) „По малем же часе прииде к Григорию некто от ближних палаты царевы с повелением царским, вея ему ити в царствующий град Москву без сумнения, не бояся враждебников своих“, XVII в. (Материалы для истории раскола за первое время его существования. Под ред. Субботина, 1875, т. I, стр. 298).

³ а) „Ведели отпустить для проса в Шелохову кабарду к Кенмамерь Ибакову купить на едеру, что не стало у них хлеба“ (Посольство стольника Толочанова и дьяка Иевлева в Имеретию 1650—1652. Изд. Полиевктова, Тифлис, 1926, стр. 103). б) *Питера* — питье, напиток (Даль, Архангельская губ., Шенкурский у.).

⁴ Разный, несходный, несхожий, различный, иной, другого виду (Даль).

⁵ Очень популярное слово: а) „В поле стоит дуб кряковист велик добре“ XVII в. (Сказки об Уруслане Задазаревиче. Летописи русской литературы и древности, изд. Н. Тихонравовым, М., 1859, т. II, отдел II, стр. 113; б) „А с того дуба и с грани у речки Гвоздевки на берегу стоит дуб кряковист“, 1683 г. (Материалы для истории Воронежской и соседних губ. Воронеж, 1837, т. I, стр. 127; в) выражение „дуб кряковист“ неоднократно встречается: в Писцовых книгах Рязанского края XVI и XVII вв. Под ред. В. Н. Сторожева, Рязань, 1900, т. I, вып. 2, стр. 738, 739, 750; Кирша Данилов, стр. 40; П. Рыбников, т. I, стр. 29; А. И. Соболевский. Великорусские народные песни. СПб., 1902, стр. 283 и др.

⁶ а) „Крымской сего лета ко Мценску приходил, Мценские казаки с ним переведався, прочь его от украины отбили“ (Памятники дипломатических сношений Московского государства с Польско-литовским государством, СПб., 1892, стр. 112, 1562 г.). б) Кирша Данилов, стр. 79. Григорьев. Архангельские былины и исторические песни, т. III, М., 1910, стр. 611. Тихонравов и Миллер, стр. 50—51.

„произношение образованных слоев общества, — пишет В. Виноградов, — не было регламентировано, не было «олитературено»“.¹ Твердых и обязательных норм общего „национально-разговорного“ языка еще нет. Ярким выражением этой фонетической и орфографической ненормированности городской устной речи является изданный Алексеем Михайловичем в 1675 г указ, в котором объявлялось, что „буде кто в челобитье своем напишет в чьем имени или прозвище не зная правописания, вместо о — а, или вместо а — о, или вместо ь — ъ, или вместо ъ — е, или вместо и — ъ, или вместо у — о, или вместо о — у, и иные в письмах наречия, подобные тем, по природе тех городов, где кто родился, по обыкловостям своим говорить и писать навык, того в бесчестие не ставить“.²

Хотя текст былины об Иване Годиновиче в рукописи Лихачева и потерпел значительные изменения под пером писца, а, может быть, был частично разрушен и в том оригинале, по которому познакомился с ним книжник, — однако в нем сохранились отдельные черты, утерянные в позднейших известных нам вариантах этого сюжета, начиная с записи в сборнике Кирши Данилова. Мотив отъезда Ивана Годиновича за невестой в сопровождении дружины численностью в триста человек полностью сохранился только у Кирши Данилова. Киевский князь, как рассказывается в сибирском варианте, предлагает Ивану Годиновичу взять войско в следующем составе: 100 человек из дружины самого князя, 100 из войск княгини, третья сотня из дружины Ивана Годиновича. В записи Гильфердинга (№ 51) сваты сопровождаются войском в 40 тысяч. Отметим кстати, что на неустойчивость этой редко встречающейся цифры указывают сами исполнители. В примечании к былине (№ 51) Гильфердинг пишет: „Прослушав эту былину, Иван Фёонов заметил, что и сам ее певал в прежнее время, с тою только разницею, что Иван Годенович... не взял предложенной ему Владимиром силы 40 тысячей и казны, а выпросил себе только в товарищи одного «Ефимка паромка»“. В былине, записанной Н. Ончуковым,³ Иван Годинович просит 30 богатырей. В сибирской записи В. Г. Тана-Богораза с Нижней Колымы говорится, что Владимир предлагает жениху, едущему свататься, „сто стрельцов, сто кулачных бойцов“.⁴

Обычно сопровождающая Ивана Годиновича дружина или богатыри или паробок уезжают по окончании сватовства, а иногда даже и раньше (Кирша Данилов) с докладом к князю Владимиру киевскому о благополучном исходе сватовства, о том, что Иван „в любе“ везет,⁵ либо силой

¹ Цитируем по изданию проф. В. В. Виноградова „Очерки по истории русского литературного языка XVII—XVIII вв.“ (ГИЗ, 1938, стр. 47).

² Там же, стр. 47.

³ Н. Е. Ончуков. Печорские былины. СПб., 1904, стр. 313 — 321.

⁴ В. Ф. Миллер. Новые записи былин в Якутской области. Изв. ОРЯС (1900 г.), т. V, кн. 1, стр. 50.

⁵ Онежские былины, записанные А. Ф. Гильфердингом, СПб., 1873, № 83.

берет¹ и т. д. Другое назначение дружины — охота. В живом бытовании отмечается отъезд сопровождавших жениха за зверями, предназначавшимися, главным образом, для подарка тому же князю Владимиру. Назначение охоты в рукописи Лихачева — иное. Изан Годинович приказывает привезти „питеры и едеры“ для своего стола брачного.

Чрезвычайно характерна сама манера обращения Ивана Годиновича к дружине. Такая форма разговора не встречается ни в одной из записей. У Кирши Данилова дружина разъезжается на охоту по приказу Ивана Годиновича:

Строка 100: Послал он за гнедым туром сто человек . . .

Строка 103: И за лютым зверем послал другое сто . . .

Строка 106: И за диким вепрем послал третье сто

В записи Гуляева² отправка богатырей на охоту происходит без участия Ивана Годиновича. Илья Муромец, Добрыня Никитич, Алеша Попович три раза „отсылают“ дружину по звериным следам. В рукописи же Лихачева Иван Годинович обращается к дружине со следующей речью:

. поѣдьте вы,
удалые добрые молодцы, первое
сто на леси на темные

Ни в одной из живых записей не встречается такого описания возвращения с охоты дружины Ивана Годиновича. В единственном варианте — у Кирши Данилова — рассказывается о том, что отправленные на охоту дружинники возвратились с добычей для князя Владимира в Киев, а затем поспешили на выручку к Ивану Годиновичу. В рукописи Лихачева все три сотни возвращаются к Ивану Годиновичу уже после его расправы с Настасьей Дмитриевной. Дружина привозит богатую добычу,

. Мал
чяс поизойдучи, приѣхали
ис поля добрые молодцы его
удалые, привезли питеры
и ѣдеры всякие

Но Иван Годинович наотрез отказывается от их даров:

. ненадобет
мнѣ ни питера ваша ни
ѣства сахарная

говорит он своим воинам. Этот момент, также не встречающийся в живом бытовании былины, подготавливает слушателя к развязке, решению Ивана Годиновича.

В записи Ончукова, единственном близком варианте, добрый молодец после неудачного сватовства уезжает молиться богу „в пещеры во великия“. Возможно, что такая концовка былины в рукописи Лихачева явилась результатом поэтического взаимодействия с повестью о Горе Злочастье.

¹ Онежские былины, записанные А. Ф. Гильфердингом. СПб., 1873, № 51.

² Н. С. Тихонравов и В. Ф. Миллер. Русские былины старой и новой записи, М., 1894, № 42.

В комментарии А. М. Астаховой¹ дан свод различных предположений о возникновении и развитии былины об Иване Годиновиче. Вполне естественно, что часть вопросов, поставленных исследователями, получит новое разрешение в свете найденного старшего текста этой былины.

«Отрывок былины об Иване Годиновиче»

(л. 20) за Вахромия Вахромиевича

И ты как себѣ начяешся во-
лею даст и неволею возми, си-
лою возми батырскою, а грозою
княжецкою великого князя Вла-
димера. Как будет Иван Годи-
новичь под городом Черниговым,
у ворот приворотников не съпра-
шивал, а у дверей придверников,
но ударил <он> в ворота <стеколчатые>² вострым копьем своим
воротечка ско<чи>ли серед двора и ра-
скололися и верей пошаталися,
тынинки все повалилися. Как
будет Иван Годиновичь среди дво-
ра гостиново, выходил Дмитрий

(л. 20 об.)

гость богат купец на свое на
крылечко на красное, сам зговорит
таково слово: гой еси, Иван
Годиновичь, что ты ко мнѣ
на двор нечесно взѣхал
и говоришь со мною безопсыло-
шно? Проговорит Иван Годино-
вичь: гой еси ты, Дмитрий
гость богатой купец, для
тово яз на двор к тебѣ нечесно
ѣду, дай ты за меня чядо свое
милое красну Настасью Дми-
триевну с любовию великою.
Волею дашь и не волею возму,
силою батырскою а грозою квяже-
нецкою. Зговорит Дмитрий гость бо-
гатой купец молоду Ивану Годино-
вичю: как мнѣ с тобою будеть
ладити, у меня уже дочи просва-
тана за море за синее во сла-

¹ А. М. Астахова. Былины Севера, т. I. М.—Л., 1938, стр. 585—587.

² В ломаных скобках здесь и ниже помещаются слова, вписанные между строк: очевидно они были пропущены писцом и вписаны при проверке.

вную землю во лабскую за царя
 ща поганово за Вахромия Вах-
 ромиявича. И ты как себѣ
 начяешься ли уѣхати ко столному
 граду ко Киеву к великому князю
 въ ясны очи. Неунимчиво сердце
 багатырское молода Ивана Годи-
 новичя, не меды сытитъ не пи-
 ва варить, походило во гридне
 столованье почесѣтное, сядились
 (л. 21 об.) за столы за дубовы за ѣствы
 сахарные и за пѣтя медвяные.
 Имал Настасью за белы руки за
 ея за перстни злаченя, бьет
 челом Иван Годиновичь Дмитрею
 гостю богату купцу на хлѣ-
 бе да на соли, сам пошел вон
 из гридни столовые и скоро сяди-
 лся на конь с добрыми молодцы с уда-
 лыми, поѣхали они в чисто
 поле, розставил Иван Годиновичь
 бѣл шатер в чистом поли
 и стал с Настасьею опочив дер-
 жать, а добрым молодцам говорит Иван
 таково слово: поѣдте вы,
 (л. 22) удалые добрые молодцы, первое
 сто на лѣсы на темныя и убейте
 вы лань златорогую к моему столу
 брачному, а другое мое сто <молодых> моло-
 дцев <подите> далече во чисто поле и у-
 бейте вы мнѣ диково вепря.
 Вы гой естя <третье сто> вы, добрые молодцы
 удалые, подите вы на заводи
 тихие, насѣтрѣляйте мнѣ къ
 столу брачному много гусей
 и лебедей. И как розѣхалась ево
 вся дружина хоробрая на ловы
 звѣриныя на ево учястие вели-
 кое. И как учюл поганой царь,
 что не стало красныя Настасьи
 (л. 22 об.) в Черниговѣ у гостя у Дмитрия,
 объвертывался он ясным соколом
 и скоро летѣл из-за синя моря
 и к лѣсу темному, объвернулся он
 гнѣдым туром и выходил на поле

на чистое, и объвертывался он
 молодым молодцом. Как будет
 он у шатра Иванова, сам згово-
 рил таково слово: гой еси ты, мо-
 лодый Иван Годиновичь, выди
 ты вон из бѣла шатра полотня-
 ново, мнѣ хочется с тобою
 перевѣдаться и перемирье
 взять о красной Настасье
 Дмитриевнѣ. Выходил

(л. 23) Иван Годиновичь в однихъ чулках
 и без чеботов, в одной сорочкѣ
 и без пояса, имал Иван Годиновичь
 поганово царя за белы руки,
 ударил царя о сыру землю мате-
 рую, наля под ним земля по-
 тряслася, садился Иван царю поганому
 на белы груди, вынимал он свой
 булатной ножь, на мусате
 ножичек наставлявает,

хочет он у царища поганово
 спороть груди бѣлыя и закрыть
 очи ясные. Възмолища цари-
 що поганое: Ой еси ты, Наста-
 сья Дмитриевна, выди ты

(л. 23 об.) вон из бела шатра, сворити с
 меня Ивана Годиновичя, яз
 тебя за себя возму, а станеш
 ты слыти царицею, и всѣ орды
 нам поклонятся. А как ты
 будеш, Настасья, за Иваном
 за Годиновым, и тебѣ слыть <будет> холо-
 пкою во дворѣ у Владимира ки-
 евсково. У всякие де у женщины
 волосы долги а ум короток, вы-
 ходила Настасья из бела шат-
 ра, имала Ивана за белу ногу,
 своротила ево с царища пога-
 ново, садился царищо на белы
 груди молоду Ивану Годиновичю.

(л. 24) Вынимает свой булатной нож, на
 мусатичке ножичек наста-
 вливает, хочет он спороть груди
 бѣлые и закинуть очи ясные.

Сам говорит таково слово: для то-

во яз тебѣ белыхъ грудей вскоре,
Иван, не спорю, что ты скоро не
спорол у меня. И привязал он
Ивана ко сыру дубу кряковисту,
сам пошел, царицо поганое,
к красной Настасьѣ Дмитриев-
вне опочиѣ держать в бѣлой
шатер. По божье было по ми-
лости, а молоду Ивану по счя-
стию издавля поля чистово

(л. 24 об.)

прилѣтали два голубчика
малешенки, садилися на тот
сырой дуб. Выходил царицо
из бела шатра, имал Иванов
тугой лук и стрѣлял по тѣм
малым голубкам. Взвилася та
высоко калена стрела под о-
блаки и пала та калена съ-
трѣла поганому царицу в голо-
ву и расколело ему буйну главу
против сердца ретивово, и уда-
рило его о сыру землю ма-
терую. Выходила Настасья
красная из своего бѣла шатра,
сама зговорит таково слово:

(л. 25)

Охти яз, молода, согрѣшила,
от берегу отстала, а к другому
не пристала. Възмолища ей
Иван Гоудиновичъ: ой еси ты,
красна Настасья Дмитриев-
на, отвяжи ты меня от сыра
дуба кряковистого, а яз те-
бя не стану ни бить ни мучить,
толко лиш тебѣ поучение
дам, как мужи жен учят.
Отвязала молода Настасья
красная Ивана от сыра дуба.
Пришел Иван Гоудиновичъ к На-
стасье в бѣлой шатер, имал
свою сабелку булатную осьятрую,

(л. 25 об.)

сѣчет Настасье по колѣн но-
ги и руки по локот сѣчет, сам гово-
рит таково слово: тѣ мнѣ руки
и ноги ненадобет, которые

помогали царищу поганому.
И отрѣзал Настасье нос з губой:

ете мнѣ губы ненадобно,
которые целовали царища
поганово, вот тебѣ, Наста-
сья, воля на всѣ на четыре
стороны, хотя вдовой сѣди,
хотя замуж поди. Мал
чяс пойзойдучи, приѣхали
ис поля добрые молодцы его
удалые, привезли питеры

(л. 25) и ѣдеры всякие. Проговорит
Иван Годиновичъ: ненадобет
мнѣ ни питера ваша ни
ѣства сахарная, потому
что яз для Настасьи красные
немного <сам> головы не отстал,
от тово царища поганово Ва-
хромия Вахромиевича. Вы
гой естя, мои братцы това-
рищы, отликые удалые добрые
молодцы, вы седлайте скоро
добры кони, поѣд м мы к го-
роду ко Киеву к великому
князю Владимиру. Как будет
Иван Годиновичъ пред

(л. 26 об.) князем Владимиром киевским,
говорит Владимир таково сло-
во молоду Ивану Годиновичю:
Зѣдрavo ты, Ива, под венцом
стал с красной Настасьею Дми-
триевною? Эговори г Иван Го-
диновичъ: „Свѣт государь ты
мой дялюшка князь Владимир
киевской, ѣздил яз к городу
Чернигову по Настасью Дь-
митриевну, яз для ради е-
я, Настасьи красныя, мало
головы не отстал. Не хочю,
государь дялюшка, болши того же-
нитися, но хочю постричися,
потому что мнѣ в них участия
нѣт.

Конец багатырю.

II

История о двух сильных богатырех Илье Муромце
и Соловье-разбойнике

В собрании Н. П. Лихачева, принадлежащем Ленинградскому отделению Института истории АН СССР, имеется рукопись, числящаяся под № 287, озаглавленная „История о двух сильных богатырех Илье Муромце и Соловье-разбойнике“. Рукопись эта представляет собою тетрадь, сшитую из 5 листов грубой бумаги в четвертую долю листа и заключенную в синюю картонную обложку. На сгибах листов имеются неясные водяные знаки, в виде серпообразных линий, идущих параллельными рядами. При шивке листы перепутаны: за 1-м следуют 3-й, 4-й, 2-й и 5-й листы. В местах сшивки бумага подверглась тлению, не затронувшему текста.

Текст написан в сплошную строку, без разделения на стихи, одним крупным почерком, скорописью второй половины XVIII в. На 5-й странице пробы пера. При просмотре 5-го листа на свет заметны цифры 31, 2, 5 и неясные очертания строк, написанных поперек данной рукописи. Без просвечиванья эти цифры и строки не видны.

Публикуемая „История о двух сильных богатырех Илье Муромце и Соловье-разбойнике“ относится в основном к той редакции, которая названа Вс. Ф. Миллером, по упоминанию в ней города Себежа, а не Чернигова, „краткой“ или „себежской“, восходящей „к старинной народной традиции“.¹ Еще Л. Н. Майков, сличая сказания об Илье Муромце по рукописям XVIII в., пришел к заключению, что 4 следующих текста, относящихся подвиг Ильи Муромца к Себежу, представляют собою 4 списка одной редакции: в сборнике Буслаева № 92 (первой четверти XVIII в.), в сборнике Тихонравова № 222 (второй четверти XVIII в.), в списке Гос. Публичной библиотеки XVII, № 194 и в рукописи Забелина № 71 (оба последних списка 2-й половины XVIII в.). Списки эти объединены следующей схемой: 1) Илья Муромец выезжает из Мурома и кладет на себя заповедь великую — не вынимать оружия во время пути; 2) Илья освобождает Себеж от нападения трех царевичей, но отказывается остаться в этом городе; 3) Илья побеждает Соловья-разбойника и посещает села Кутузовы; 4) Илья является в Киев с пленным Соловьем, который своим свистом пугает князя Владимира; 5) за свои подвиги Илья приобретает милость князя.²

Л. Н. Майков сделал попытку восстановить на основе этих четырех списков древний памятник в таком виде, в каком он был „положен

¹ Вс. Ф. Миллер. Очерки русской народной словесности, т. III. М., 1924, стр. 91—96.

² Л. Н. Майков. Материалы и исследования по старинной русской литературе. СПб., 1891, стр. 3—8.

на бумагу еще в XVII столетии". Однако после опубликования Протопоповым найденной им близ Архангельска в дер. Верхние Валдушки рукописи 1748 г. под заглавием „Повесть о сильнѣм могучем богатыри Илие Муромце и о Соловьѣ-разбойнике“,¹ относящейся также к себежской редакции, схема Л. Н. Майкова была нарушена: рукопись Протопопова начинается с традиционного описания рождения Ильи-сидня и его исцеления странниками. Еще большие изменения в себежскую краткую редакцию внесла впервые изданная Б. М. Соколовым „Гистория о славном и храбром и сильном богатыре Илье Муромце сыне Ивановиче и о Соловьѣ-разбойнике“ (по рукописи И. Е. Забелина № $\frac{244}{1}$, второй половины XVIII в.),² с ее развернутым жизнеописанием Ильи Муромца и дополнительными эпизодами, боем Ильи с Тухманом царем и не узнавшим Илью слугой Торопом.

Тождественной забелинской рукописи № $\frac{244}{1}$ явилась опубликованная академиком А. С. Орловым „Гистория о славном и храбром и сильном богатыре Илие Муромце, сыне Ивановиче и Соловьѣ разбойнике“. А. С. Орлов назвал этот текст „вторым представителем данной редакции, заполняющим дефекты забелинского списка и, повидимому, старше его по времени письма“.³

Таким образом, схема Л. Н. Майкова осталась верной лишь по отношению к кратким себежским спискам. Рукопись собрания Лихачева является десятым себежским вариантом былины об Илье Муромце и Соловьѣ-разбойнике, тогда как более поздних списков (конца XVIII—первой четверти XIX в.) того же сюжета, но связанных с освобождением Ильей города Чернигова, — насчитывается всего четыре. Такое соотношение не может быть случайным, и, как это видно будет из последующего анализа исторических фактов, относящихся к городу Себежу, свидетельствует о ранней традиции себежских вариантов.

Все себежские списки могут быть разделены на следующие пять редакций: 1) к одному и тому же оригиналу восходят тексты Забелина № 71 и Барсова № 210, совпадающие между собою почти дословно; 2) к одной и той же редакции относятся списки Забелина № $\frac{244}{1}$ и Н. П. Лихачева № 74 (публикация акад. А. С. Орлова); 3) к одному оригиналу восходят списки Буслаева № 92 и Гос. Публичной библиотеки № 194; 4) список Ундольского, ввиду его отрывочности (имеется только зачин и концовка, характерные для себежских вариантов) не может быть возведен к какому-либо предшествующему списку; 4) незаконченный список Тихонравова № 222 восходит к неизвестному оригиналу; 5) спи-

¹ Живая старина, вып. 1, СПб., 1894, стр. 77 об.—82.

² Советская этнография, I, М.—Л., 1927, стр. 109—113.

³ Труды ОДРА, IV, изд. АН СССР, М.—Л., 1940, стр. 241—246.

сок Протопопова¹ также не имеет известного предшественника и значительно отличается от контаминированных вариантов Забелина № $\frac{2.4}{1}$ и Н. П. Лихачева № 74 такими существенными деталями, как упоминание „сельца Каптяева“, в котором якобы родился Илья, описание „сторожи Соловья на двух дубах“ и подробности боя Ильи Муромца с Соловьем.

Особняком между всеми себежскими вариантами стоит описываемый текст из собрания Лихачева № 287. Сохраняя основные моменты кратких редакций, данная рукопись отличается от них эпическими картинами приближения Ильи к Себежу и боя за освобождение этого города. В этих деталях данный вариант сближается с текстами Забелина № $\frac{2.4}{1}$, Лихачева № 74, Буслаева № 92 и Гос. Публичной библиотеки № 94, но отличается от них, как это будет видно из сопоставления текстов, рядом существенных моментов.

Прежде чем обратиться к сопоставлению данной рукописи с близкими ей текстами XVIII в., приведу некоторые исторические данные о Себеже. В Псковской I летописи под 1535 г. читаем: „Того же лета замыслиша государь наш князь великий Иван Васильевич поставити город на Себежи озери в Литовской земли, 60 верст от Опочки и послаша большие воеводы Ивана Боутоурлина с силою города делати в Петров день; а кончан бысть месяца июля в 25...“²

В постройке города приняли участие не только псковичи, но и новгородцы, пославшие „посохи много... Себежа делати“. Но уже в 1536 г. под стенами молодой русской крепости появился неприятель. „Тоя же зимы, месяца февраля в 27 была Литва в заговейно в масленое под Себежом городком 20 000, приступиша в понедельник порану со всяким нарядом ратным и хотеша... воевод великого князя Ивана Васильевича и мужей себежан мечю предати и в плен вести: ино божиею милостию и государевым здоровьем, не мы их побили, но бог их побил, овых избиша нарядом городовым, а иные во озери истопиша, а иных под стеной побиа, аки свинеи, и Ририка воеводу оубиша Лядкого, а иных неведомо колке; и посрамлени и поведоша своя мертвыя с собою и живые, а замышления свои вся порергоша на озере“.³

На протяжении XVI—XVII веков шла упорная борьба с польским правительством за Себеж, этот исконный русский город, и город подвергался опустошительным набегам польских и литовских интервентов. „В 1537 г. король Сигизмунд «уступил» Себеж России; в 1560 г. литовцы взяли город; в 1570 г. Себеж вновь был утвержден за Россией; в 179 г. был взят Стефаном Баторием и в 1582 г. вновь возвращен России;

¹ Живая старина, вып. 1, 1894, стр. 81.

² Псковские летописи, вып. 1. Изд. АН СССР, М.—Л., 1941, стр. 107.

³ Там же, стр. 107, 108.

в 1634 г. Михаил Федорович Романов по миру, заключенному близ Вязьмы, возвратил Себеж полякам; в 1654 г. русские снова взяли Себеж. В 1660 г. Себеж был истреблен пожаром. В 1678 г. по перемирию, заключенному в Москве, был возвращен литовцам. В 1705 г. Петр I взял Себеж. В 1773 г. Себеж был переименован в уездный город Витебской губернии. В 1812 г. генерал Витгенштейн установил под Себежем шанцы, состоящие из вала и рва, и преградил дорогу Наполеону на Псков и Петербург“.¹

Память о Себеже сохранилась в устной былинной традиции лишь в названиях городов, созвучных Себежу. Вс. Ф. Миллер приводит ряд таких названий в контаминированных былинах об Илье Муромце и Соловье-разбойнике, сохранившихся в устной традиции XIX в. В записях Маркова город, освобожденный Ильей Муромцем от заморских царевичей, называется Чижен, Чиженец, в записях Рыбникова — Бежегов, Бекетовец, в записях Киреевского — Кидиш или Кидош, причем Вс. Миллер предполагает, что легендарный город Китеж был поставлен в былине вместо Себежа.² В. И. Даль сообщил также Миллеру о слышанной им, но, к сожалению, не записанной былине, в которой Илья освобождает от заморских царевичей город Кинешму. О существовании уже в XVIII в. и такого варианта свидетельствует краткое изложение Чулковым в предисловии к русским богатырским сказкам былины об Илье Муромце и Соловье-разбойнике. „Во время сего пути освободил он (Илья Муромец. — *В. Кр.*) удельного Кинешемского князя от Литвы, обступившей во множестве столицу его. Сие великое войско побил он палицею и успел однако... приехать к обедне в Киев, где окончил век в услугах великого князя, оказав множество чудесных подвигов“.³

Многочисленные лубочные сказки и повести об Илье Муромце и Соловье-разбойнике, издававшиеся на протяжении XIX и начала XX в., говорят об освобождении Ильей от заморских царевичей города Чернигова, и только в четырех изданиях упоминается вместо Чернигова Кинешма, очевидно по традиции, восходящей к чулковскому сборнику богатырских сказок.⁴ В живых записях от сказителей Ленинградской области за 1945—1946 гг. эпизод об освобождении Ильей Муромцем

¹ Исторические сведения о примечательных местах в Белоруссии с присовокуплением и других сведений, к ней же относящихся, составил ген.-майор Мих. Ос. Без-Корнилович, СПб., 1855, стр. 132.

² Очерки русской народной словесности, т. III, М., 1397, стр. 113.

³ Русские сказки, содержащие древнейшие повествования о славных богатырях, Сказки народные и прочие, оставшиеся через пересказыванье в памяти, ч. I, М., 1780, стр. 5 об.—6 об.

⁴ Илья Муромец и Соловей разбойник. М., 1873. — Илья Муромец и Соловей-разбойник, русская народная сказка. Изд. Морозова, М., 1874; 2-е изд. 1878. — Илья Муромец и Соловей разбойник, русская народная сказка. Изд. Анисимова, М., 1896. — О сильном храбром богатыре Илье Муромце и Соловье разбойнике. Изд. Е. Коноваловой, М., 1908 и 1913.

какого бы то ни было города отсутствует, и центральный интерес сосредоточивается на встрече богатыря с Соловьем-разбойником и позднейших подвигах Ильи на службе у князя Владимира.

Сохранившиеся в краткой версии былины об освобождении Ильей Муромцем Себежа и о бое с Соловьем-разбойником являются и наиболее древними. Имя Ильи, типичного богатыря освободителя, связалось с победоносной битвой за Себеж, неоднократно подвергавшийся в XVI—XVII вв. нападениям польско-литовских войск. Об известности Ильи Муромца в Белоруссии уже в XVI в. говорит, между прочим, и письмо оршанского старосты Филона Кмиты Чернобыльского к Остафию Воловичу от 5 августа 1574 г., жалующегося на свое печальное положение в Орше „на сторо́же“, где он терпит голод и холод подобно Илье, „который также стоял на сторо́же и испытывал пренебрежение со стороны князя“.¹

Многочисленность себежских вариантов говорит о местной их распространенности и географической их связи с южной псковщиной. О той же связи свидетельствует и упоминание в шести себежских вариантах „сел Кутузовых“, в которых лежит „злата казна“ Соловья-разбойника. Илья Муромец объезжает „села Кутузовы“ с пленным Соловьем у стремени.²

Род Кутузовых издревле был связан с псковщиной. Отметим, что род Кутузовых упоминается уже при Иване III: Кутузов Михаил Васильевич был послом Ивана III к воложскому воеводе в 1490—1497 гг.; Кутузов Юрий Иванович, окольныйничий в 1489 г., упоминается как воевода, покоривший Вятку в 1490 г.; Кутузов Федор Семенович был царским послом в Литву в 1495 г.³ Род Кутузовых внесен в родословные книги Новгородской, Псковской, Рязанской и Тверской губ.⁴ Псковскому полку⁵ было присвоено имя фельдмаршала Мих. Ил. Кутузова по местонахождению его родового имения в нынешнем Полновском районе Псковской обл., где сохранились, как сообщила А. П. Евгеньева, могилы Кутузовых на сельском погосте д. Гвоздно. Столь очевидная и столь ранняя еще с XV в. связь фамилии Кутузовых с Псковской областью вызывает предположение о неслучайном названии в былине этих сел, названии, отсутствующем в черниговских вариантах.

Переходя к анализу списка Н. П. Лихачева № 287, отметим в первую очередь оригинальность его заглавия, не встречающегося ни в одной

¹ В с. Ф. Миллер. Очерки русской народной словесности, т. I. М., 1897, стр. 397.

² Забелин № $\frac{244}{1}$ и № 71; Лихачев № 74 и № 287; Барсов № 210 (у Тихонравова № 222 в искаженной форме: „В моих селах Кузузовых“).

³ Сборник Русского исторического общества, т. 60, СПб., 1387, стр. 464.

⁴ Гербовник, т. V, стр. 17.

⁵ Гениев. История Псковского пехотного генерал-фельдмаршала князя Кутузова Смоленского полка (1700—1881). М., 1883, стр. 247.

из известных рукописей этой былины: „История о двух сильных богатырях Илье Муромце и Соловье-разбойнике“, как бы подводящего Илью Муромца и Соловья-разбойника к одной категории богатырей по признаку силы. Во всех остальных „гисториях“, „повестях“ и „скасах“ об Илье Муромце название „богатырь“ и эпитеты „славный“, „сильный“, „могучий“, „храбрый“ относятся только к Илье.

Обратимся к сопоставлению данного списка с наиболее близкими к нему рукописями Забелина № 71 и Барсова № 210.

Зачины всех трех вариантов о выезде Ильи Муромца из Мурома после заутрени (у Забелина и Барсова „воскресной заутрени“) и завете не вынимать дорогой острой сабли из ножен и не накладывать тетивы на крепкий лук — совпадают. Далее начинаются значительные расхождения.

В вариантах Забелина № 71 и Барсова № 210 отсутствует эпическая картина приближения Ильи Муромца к Себежу, отличающая данный текст от кратких вариантов, но имеющаяся, с рядом различий, в расширенных вариантах, о чем будет сказано ниже.

И как поехал Илья Муромец от славного града Мурома и едучи дорогою, как будет онъ под Себежем, славным городом, услышал велики крик и шум и конное ржание. И поехал тут Илья Муромец и увидел, что под Себежем градом стоят три царевича заморския, а силы с ними триста тысяч.

У Забелина¹ же и Барсова² читаем скупые строки:

Как будет он под Себежем градом (у Барсова — под градом Себежем), и там стоят три царевича заморския, а силы с ними три ста тысяч.

Былинно-летописные черты описания приближения Ильи к Себежу — „услышал крик и шум и конное ржание“ — сближают новый вариант со списками Буслаева, Гос. Публичной библиотеки, Забелина $\frac{244}{1}$ и Лихачева № 74.

В дальнейшем данный текст отличается от всех себежских вариантов введением прямой речи заморских царевичей и эпическими строками о возмущении Ильи похвалюбою врагов.

И тако те три царевича между собою похваляются: возмем мы за щитом Себеж грат и самого царя сибирскаго в полон возмем.

¹ Л. Н. Майков. Материалы, II, СПб., 1891, стр. 32.

² Советская этнография, I, стр. 115. — Б. Соколов. Былины старинной записи. М., 1927.

И так тут услышал Илья Муромец
ту их похвалу великую, и богатырское
сердце неумичиво, и распалился Илья
Муромец на тех трех царевичев
и на их силу великую.

Описание гнева. Ильи не дает ни один из себежских вариантов. Забелинский и барсовский текст ограничиваются лаконическим изложением:

и хотели оне Себеж грат за щитом
взять, а самого царя себежского в
полон взять.

Картина боя Ильи под Себежем, широко развернутая в описываемом тексте, в вариантах Забелина № 71 и Барсова № 210 отсутствует: имеется лишь эпизод боя — погоня за врагом и уничтожение его „достальных людей“.

В списке Тихонравова № 222 бою под Себежем уделено три строки: „Илья Муромец вынимает свой вострый меч и побил их силу великую“.

В списке Буслаева говорится еще короче: „А Илья побил силу великую будто зайче стадо“.

Отметим, что в контаминированных былинах Забелина $\frac{24^1}{1}$ и Лихачева № 74 о бое под Себежем также говорится кратко: „И тут Илья Муромец завет свой переменяет, вострую саблю вынимает и напускает на всю силу ратную“.

Несколько подробнее рисуется бой под Себежем в списке ГПБ: „И тут Илья Муромец отвязывает свою востру саблю от седла черкаскаго и напускает на их силу великую как на галечье стадо и побил всю рать великую“. И только список Протопопова приближается по детализации к рукописи Лихачева № 287, но явно восходит к другому оригиналу.

Приведем параллельно наш и протопоповский текст:

Рукопись из собрания Лихачева № 287

И в то число отвязал свою саблю острую
о(т) своего седла черкаскаго
и напускает на ту силу великую.

И тако те три царевича своими полками
великими напустились <на> Илью
Муромца.

И потом Илья Муромец стал побивать
полки великия; и тако побивает, яко
лес кло-
нит к сырой земле: не столько

Илья Муромец
бьет, сколько ев(о) доброй
конь топчет. И было

то побоище великое.

Список Протопопова

... вынимает свою па-
лицу булат-
ную, напускается на рать
силу ве-
ликую, сколько бьет, а
вдвое конь
топчет, куда он не поедет —
улицы,
куда не поворотится —
слободы и
побил всю силу татарскую.¹

¹ Живая старина, вып. 1, 1894, стр. 81.

Значительно отличается описываемый вариант от всех остальных себежских списков и картиной торжественной встречи Ильи-победителя царем сибирским „во вратах градских“, „со всеми своими князи и бояры“:

И потом сибирский цар приказал отворить врата
градския и приказал князем и боярам собра-
тиса. И как они собрались, тогда сибирской
цар пошел на сретение
ко Илье Муромцу со всеми своими князи
и бояры и сретил ево во вратах градских.
И принимает ево за руки белья и целует
ево во уста сахарные. И в то время
Илья Муромец теми тремя царевичми
подарил царя сибирскаго.

В списках Гос. Публичной библиотеки № 192, Буслаева № 92, Тихо-
нравова № 222, Забелина № $\frac{244}{1}$, Лихачева № 74 царь сибирский (у Тихо-
нравова сибеской) никакой встречи Илье Муромцу не устраивает и только
обращается к нему с вопросом, как его по имени зовут.

В рукописях Забелина № 71 и Барсова № 21 картина встречи отра-
жена лишь в двух строках: „И потом себежской царь приказал отворить
(у Забелина „отворять“) врата градския и принимает Илью за руки
белые“.

В варианте Протопопова встречу Илье устраивают жители Себежа
„от мала до велика“, „просят милости к себе хлеба-соли кушать“
(о царе себежском вовсе не упоминается). „Себежские жители“ и указы-
вают Илье Муромцу прямую дорогу ко граду Киеву на леса брын[ские],
на грязи черные, на дороги, на смородину, на мосты калиновы“. описа-
ние прямоезжей дороги на Киев совпадает во всех себежских вариантах,
за исключением списков Забелина № 71 и Барсова № 210, кратко отме-
чающих в ответе себежского царя: „прямая у нас дорога лежит на мосты
калиновы“.

Списки Буслаева, библиотечный и контаминированные варианты Забе-
лина № $\frac{244}{1}$, Лихачева № 74 и Протопопова вносят в описание встречи
Ильи Муромца с Соловьем-разбойником черту, отсутствующую в данной
рукописи: окрик Ильи на коня, испугавшегося свиста разбойника.¹ В крат-
ких себежских вариантах Забелина № 71, Барсова № 210 и в данном
списке это обращение Ильи к коню отсутствует, но приготовление бога-
тыря к бою отличается в нашем списке характерной деталью:

И вынимает Илья Муромец свой крепкай
лук из налучья и наложил калену стрелу.

¹ В библиотечном списке: „Что, волчья сыть, рано надо мною сподтыкнулся“;
у Буслаева: „что ты, волче, спотыкаешься“; у Забелина $\frac{244}{1}$ — „Стой ты, волчья сытость,
травеной мешок, стой не спотыкайся...“ и у Лихачева № 74: „Что ты, волчья сыть,
травеной мешок, спотыкаешься от такой лески пугалицы, чучелы“, у Протопопова:
„Что ты, волчья шерсть, шарашисья“.

Из девяти себежских вариантов древний технический термин „налучье“ встречается лишь в четырех: в данной рукописи, в списке Тихонравова № 222 („и вымае из налучая свой крепкий лук“), у Забелина $\frac{244}{1}$ и Лихачева № 74: „и вынимает свой крепкой лук из налушника“. В черниговских же вариантах слово „налучье“ вовсе не применяется. Отметим, что „налучье“ упоминается еще в документах XVI в. в описании оружия Бориса Годунова под 1589 г.: „кругом налучи и колчана коймы набиваны серебром“.¹

В описании боя Ильи Муромца с Соловьем мы встречаем выражение „в то число“ — в смысле „в то время“, тогда как ни в одном из четырнадцати рукописных вариантов на этот сюжет такого словоупотребления не встречается. Список Лихачева № 287:

И в то число отвязал свою саблю острую
о(т) своего седла черкасакого...

...И в то число упал Соловей-разбойник
з девети дубов, что овсяной сноп.

Выражение „в то число“ в смысле „в то время“ встречается в рукописях XVII—XVIII вв. в приказных делах, в рядных записях, в литературных произведениях. Приведу примеры:

„...воевода де ис Темьякова, бояся ог них воров смертного убивьства, побежал и дворовые де ево люди разбежались же и в то де число при них Алимке с товарыщи прибежали к тем дворяном из лесу пещи темниковского воеводы люди...“²

„а с ним, Гришкою, по ее цар[ицыному] велению в той комнате она была она, Акулинка, и к тому Гришке она цар[ица], хаживала не в одно время и в то число ее Акулинку, высылали вон“.³

Описание подготовки Соловья к бою с Ильей смыкается с текстами Публичной библиотеки, Буслаева, Забелина $\frac{244}{1}$, Лихачева № 74, за исключением такой детали: вместо „збруи богатырской“, сыновья Соловья-разбойника в списке Буслаева надевали на себя „оружие богатырское“, в библиотечном списке „ружье богатырское“. „Збрую богатырскую“ надевали на себя соловьята и в списках Забелина № 71 и Барсова № 210, не приводящих, однако, спора о том, кто кого везет у стремени. Слова „взбруда латная“ встречаются и в варианте Протопопова („скоро Соловей-разбойник убрал взруду латную“). Выражение „збруя богатыр-

¹ И. Срезневский. Материалы для словаря древне-русского языка по письменным памятникам. СПб., 1902, т. II, стр. 237.

² Централхив, Крестьянство и националы в революционном движении 1666—1671 гг. Разинщина, материалы по истории революционного движения народов СССР. Союзкиз, 1931, стр. 18.

³ Н. Новомбергский. Слово и дело государевы, 1690—1763. Материалы, II. Томск, 1909, стр. 41—42.

ская“ в смысле вооружения богатыря встречается в „Сказании о киевских богатырях“ по списку XVII в.: „емлют всю збрую багатырскую“.¹

В списках Забелина № 71 и Барсова № 210 отсутствуют развернутые в описываемом варианте мотивы — отказ Ильи Муромца от угощения в доме Соловья и описание поездки Ильи в Киев. Непосредственно за предложением угощения у Соловья-разбойника Илья Муромец оказывается у князя Владимира, тогда как данный список не скупится на былин-ные формулы.

№ 273

А Илья Муромец с коня не влезает и ествы
сахарные не кушает и пития сладкова
не испивает и погоняет своего добраго
коня ко граду Киеву. И как будет он
под градом Киевым и скачет прямо
чрес ограду белу каменную и въезжает
на широкой двор ко князю Владимиру.
И слезаеть [со] своего добраго коня и при-
вязавет ево к колцу серебрянному.
И в то время у князя у Владимира было
то пированье великое...

В списках Буслаева и библиотечном эпизод отказа Ильи от угощения в доме Соловья выражен лишь символически:

А Илья Муромец поворачивает
своим добрым конем ко граду Киеву
ко князю Владимиру.

В списке Лихачева № 287 благодарность князя Владимира Илье за его подвиги выражена иначе, чем во всех других себежских вариантах:

и добры кони не заповеданы
за твою службу верную багатырскую.

В библиотечном же списке читаем:

и добры кони не ижеждены.

У Буслаева:

и кони не заперты.

Выражение „заповедать“ в смысле „запретить“ встречается в рукописях XV—XVII вв. В Новгородской летописи читаем: „И прииде к Новуграду архиепископ Аким Корсунянин и требища разруши и Перуна посече и повеле влещи в Волхово и заповеда никому же нигде же не прияти“.²

О запрещении торговли резаными деньгами Софийская летопись говорит: „И государь князь великий... и мати его... помысля со своими

¹ П. К. Симо́ни. Памятники старинного русского языка и словесности XV—XVIII ст., вып. 1, Пгр., 1922, стр. 30.

² Новгородская летопись по синодальному харатейному списку, изд. Археографической комиссии. СПб., 1888, стр. 65 (половина XV в.).

бояры повелеша те резаные денги заповедати не торговати, а сливать их в серебро и делати новые денги без всякого примеса“.¹

Прежде чем перейти к выводам из сопоставления себежских вариантов, необходимо напомнить, как были разъяснены Тихонравовым различия в словах „сибирский“ и „себежский“ царь. Касаясь этого вопроса при разборе былины в сборнике Буслаева, Н. С. Тихонравов пишет: „Повесть о Илье Муромце указывает на более старый рукописный оригинал; некоторых слов писец очевидно не умел в нем понять. Так, он не разобрал надстрочной буквы «ж» и написал «себе», «себѣ» вместо «Себеж». Неразобранное имя писец старался осмыслить по своему разумению и вместо «Себежскова» или «Сибезскова» писал «Сибирскова»“.²

Наименование Сибирский царь, вместо Себежский, мы встречаем в рукописях Буслаева, библиотечной, Забелина № $\frac{244}{1}$, Лихачева № 74 и в рассматриваемом варианте. У Тихонравова № 222 читаем: „Сибеской“ и „сибѣски“ и даже царицы, осаждающие Себеж, называются в этом списке „сибеския“.

Такое же объяснение искажению слова „себежский“ дает Л. Н. Майков: „в первоначальной записи слово «Себежской» могло быть написано с выносным наверх «ж», и потому было прочтено как Себерской или Сибирской. Ошибка была тем возможнее, что в старину название зауральских стран нередко писалось «Сибѣрь» также с вынесенным наверх окончанием“.³

Сличение себежских текстов показало, что список Лихачева № 287 восходит к неизвестному оригиналу, сочетающему в себе типичные особенности кратких вариантов (Забелинского № 71 и Барсовского № 210) — с отдельными деталями буслаевского и библиотечного списков и в то же время имеющему свои оригинальные, не встречающиеся ни в одном из известных списков XVIII в. черты.

В пользу предположения о том, что рукопись № 287 из собрания Лихачева является копией с более древнего списка, говорит не только ее богатый книжно-архаический словарь, но и характерные для списателя ошибки при переписке непонятных слов. Такой пример дает транскрипция слова „покаине“ (л. 4 об.): „Остави душу мою хотя на покаине“. В оригинале, очевидно, стояла стяженная форма „поканне“ (вместо покаяние), отмеченная Каринским⁴ (Палея 1494 г. — „оканный“, вм. „окаянный“, „оканный“ вм. „окаянный“). Эту непонятную уже писцу форму писавший исправил на „покаине“. Аналогичную ошибку сделал писец при переписке слова „себежской“, заменив его словом „сибирской“ (см. выше объяснение Тихонравова и Майкова). Ошибочное повторение слов при списывании — „ровна-ровна тридцать лет“ (л. 4), более свой-

¹ Софийская 2-я летопись. ПСРЛ, т. VI, СПб., 1853, стр. 119—358, 297 (XVII в.).

² Н. С. Тихонравов. Пять былин по рукописям XVIII века. М., 1891, стр. 8.

³ Л. Н. Майков. Материалы и исследования. СПб., 1891, стр. 14.

⁴ Н. М. Каринский. Язык Пскова и его области в XV в. СПб., 1909, стр. 27.

ственное копиисту, чем пишущему по памяти или с голоса, также свидетельствует о том, что перед нами копия с более древней записи.

Диалектические особенности, резко отличающие данный вариант от всех рассмотренных выше, доказывают, что рукопись принадлежит перу псковича и более точно — жителя южной псковщины, граничащей с Белоруссией: а) аканье: *багатырех, саловой, острай, крепкай, царевичав, вспатыкнулса, добрай, ровна, толька, багатырскую*; б) мягкое *т* в 3-м л. ед. и мн. числа: *везеть, говорить, надевають, отвецшаеть, лежить*; в) твердое *р*: *царь, таперь, прамой, багатырь*; г) *в* в окончаниях род. падежа местоимений и прилагательных: *ево, сладкова, булатнова*; д) иканье — *царивича*; е) цоканье — *чаревича, чаревичав*.

Фонетические особенности транскрипции данного текста указывают на средне-великорусский говор с белорусским наслоением (твердое *р*) и на частичное влияние южно-великорусского говора (мягкое *т*, мягкое окончание Владимиря, Владимирю, иканье).

В трудах Московской диалектической комиссии к средне-великорусским говорам с белорусским наслоением относятся „акающие говоры Псковской губернии... и, повидимому, говоры самых северных частей Витебской губ..., примыкающих к Псковской губ.“, причем эти говоры „восходят к старым говорам бывшей Псковской области, стоявшим в родстве со старыми новгородскими говорами. Белорусское влияние проникло в них не позже XIV в.“¹

Некоторые особенности морфологии описываемой рукописи также подтверждают ее псковское происхождение: окончание родительного падежа множественного числа на *ов* и *ев* (по аналогии с основами на *у*): *царев, тропарев, носителей*² (в нашей рукописи „царевичав“).

Для большинства псковских рукописей XV в. характерны пропуски согласных, „особенно часто пропускается *в*, например в слове «возратиться»“³

Публикуемая рукопись как раз дает аналогичный пример: (л. 1 об.) „и возвратилса ко граду Себежу“.

К главным особенностям псковских памятников А. А. Шахматов относит смешение в них букв *я* и *е*, букв *ы* и *и*, букв *е* и *и*, отвердение на письме *р*, но ошибочно видит здесь „искусственные приемы графики, почему-то полюбившиеся псковским книжникам“. Но даже если принять и эту точку зрения, то ею еще раз подтверждается псковское происхождение описываемой рукописи, отражающей все эти особенности.

Книжные обороты „и тако“, „яко“, „аще“, „рече“, „внял“, „отвецшает“, „хощет“ сочетаются с живой народной речью: „Вон де едет наш батюшка“ (л. 2), „ажно подо мною конь вспатыкнулса“, „возглянул во оконце“ (л. 3 об.), „тебе у меня... казна не заперта“ (л. 5), „упал... что овсяной сноп“ (л. 4 об.).

¹ Труды Московской диалектологической комиссии, вып. 5, стр. 36, М., 1915.

² Каринский, ук. соч., стр. 191, 203.

³ Там же, стр. 188.

Былинные формулы составляют около трети всего текста. В целом рукопись представляет собою повесть, написанную ритмической речью, изредка прерываемую прозаическими переходами, например:

И как поехал Илья Муромец от славнаго града
Мурома и едучи дорогою, как будет он под Се-
бежем, славным городом...

И потом Илья Муромец стал побивать полки
великия...

А Илья Муромец спрашивает у него прамоу
дороги ко граду Киеву...

Себежские краткие варианты, восходящие, как мы видели, к первой четверти и второй половине XVIII в., отличаются от более поздних своей сосредоточенностью вокруг центрального события — освобождения Ильей Муромцем города Себежа. По отношению к этому событию победа над Соловьем-разбойником — дополнительный эпизод.

Контаминированные себежские варианты, относящиеся уже ко второй половине XVIII в., служат как бы естественным переходом к еще более поздним черниговским контаминациям конца XVIII — и 30-х годов XIX в. Черниговские списки уже утратили воспоминание об эпической битве под Себежем. Илья Муромец освобождает город Чернигов и получает благодарность от князя Киберского (отдаленный намек на царя себежского, сибирского) и воеводы Черниговского: „И как стал пир навеселе, и стали князь Киберской и воевода Черниговской спрашивать: «Пожалуй скажи, удал доброй молодец, как тебя зовут по имени и по отчеству и уроженец которыя земли и роду христианскова ль?»».¹

Из четырех рукописных черниговских вариантов цитированный выше опубликован впервые Майковым по рукописи Забелина № 82 и представляет собою сложную контаминацию ряда былинных сюжетов об Илье Муромце, а три текста, напечатанные Б. М. Соколовым по рукописям Барсова (относящимся к концу XVIII — 30-м годам XIX в.), уже вплотную примыкают к лубочным текстам,² весьма далеким от четких своей историчностью себежских вариантов. Черниговские тексты и получили в XIX — начале XX в. столь широкое распространение в лубочных изданиях Сытина, Коноваловой, Абрамова, Морозова и других, тогда как битва Ильи Муромца под Себежем осталась как исторический памятник в самых древних списках и в том числе в замечательной истории „О двух сильных багатырех, Илье Муромце и Соловье-разбойнике“.

(а. 1) История о двух сильных багатырех Илье Муромце
и о Соловье-разбойнике

Во славном граде Муроме слушал Илья Муромец
заутреню, похот держал ко граду Киеву,

¹ Майков. Материалы и исследования... стр. 34, СПб., 1891, по рукописи Забелина № 82.

² Сказка об Илье и Соловье-разбойнике. Рукоп. сб. Барсова № 30, 30-х гг. XIX в. Сов. этнография, II, 1927, стр. 304—306.

ко славному князю Владимирю Всеславьевичу, а завет положил чтобы отнют во всю широкою дорогу острой сабли из ножен не вынимать, а на крепкой лук тетивы не накладывать.

И как поехал Илья Муромец от славного града Мурома и едучи дорогою, как будет он под Себежем, славным городом, услышал велики крик и шум и конное ржание, и наехал тут Илья Муромец и увидел, что под Себежем градом стоят три царевича заморския, а силы с ними триста тысяч.

И тако те три царевича между собою похваляются: возмем мы за щитом Себез грат, а самого царя сибирскаго в полон возмем.

И так тут услышал Илья Муромец ту их похвалу великою. И богатырское сердце неуимчиво, и распалился Илья Муромец на тех трех царевичев и на <и>¹ силу великую,

(л.1об.) И в то число отвязал свою саблю острую о<т> своего седла черкаскаго и напускает на ту силу великую.

И тако те три царевича своими полками великими напустились <на> Илью Муромца.

И потом Илья Муромец стал побивать полки великия; и тако побивает, яко лес клонит к сырой земле: не столько Илья Муромец бьет, сколько ев<о> доброй конь топчет. И было то побоище великое.

И те три царевича увидели над со<бою> смерть скорою и побежали своими людми малыми на морскую пристан.

И тако Илья Муромец поехал всугонь за тремя царевичами и нагнал их в морской пристани и достальных людей побил, а трех царевичав в полон взял и возвратился ко граду Себежу.

И в то время увидели гражданския со стены градския, что Илья Муромец возвратился ко граду Себежу, и возвестили своему царю сибирскому о Илье Муромце.

И потом сибирской цар приказал отворить врата градския и приказал князем и боярам собраться. И как они собрались, тогда сибирской цар пошел на сретение

¹ В ломаных скобках здесь и ниже помещаются явно пропущенные по ошибке буквы.

(л. 4) ко Илье Муромцу со всеми своими князи и бояры и сретил ево во вратах градских. И принимает ево за руки белья и целует ево во уста сахарные. И в то время Илья Муромец теми тремя царевичи подарил царя сибирскаго.

И говорит ему сибирской цар: — Гой еси ты доброй молодец, как твое имя и коего ты города?

Отвещает Илья Муромец: — Зовут меня Ильею, по отчеству Иванов с(ы)н, уроженец города Мурома.

Потом рече сибирской цар: — Откуда твоя дорога случилас?

Отвещает Илья Муромец: — Еду я на мосты калиновы.

И рече сибирской цар: — Живи ты у меня, Илья Муромец, и служи верою и правдою, и я дам тебе полцарства своего.

А Илья Муромец спрашивает у него прамой дороги ко граду Киеву. И рече сибирской цар: — Прямая у нас дорога лежить ко граду Киеву на т(е)¹ леса брянския, на грязи топучия, на мосты калиновы, на реку Смородину, только та у нас дорога залегла ровна ровна тритцать лет от Соловья-разбойника, никаков человек не прохожевал и птица не пролетавала.

(л. 4 об.) И тут богатырское седрце² разгорелася, и поехал Илья Муромец тою прямою дорогою ко граду Киеву. И как будет он на мосту калиновым на реке Смородине, и внял ево Соловей-разбойник и засвистал своим посвистом. И в то время под Ильею Муромцем добрай ево конь спотыкнулса. И вынимает Илья Муромец свой крепкай лук из налучья. И наложил калену стрелу и убил Саловья-разбойника в правай глас. И в то число упал Саловей-разбойник з девети дубов, что овсяной сноп, а Илья Муромец слес <со> своего добраго коня и сел у него на пелы груди и хочет вынет

¹ т не закончено: оборван край листа.

² Описка писателя: седрце вместо сердце.

ретиво сердце. И возмолится ему Саловой разбойник: — Гой еси ты сильной могучей богатыр Илья Муромец, сын Иванович, остав душу мою хотя на покаине.

И говорит ему Илья Муромец: — Скажи ты мне, Соловей-разбойник, всю правду: где твоя лежить злата казна?

(л. 2) Отвещает Саловой-разбойник: — Лежит моя злата казна в моих селах Кутузых: ес гонѣцы гоняют по два мѣсяца а скоро-наскоро в един месяц.

И тут Илья Муромец привязал Соловья-разбойника к своему стремени булатному, и пое(ха)л Илья Муромец, и будет под селами Кутузывами.

И увидели Соловья-разбойника ево двенадцать сынов и говорят: — Вон-де едет наш батюшка, а мужика везет у стремени привязана. А большой с(ы)н говорит: — Тот едет Илья Муромец, а батюшку везет у стремени булатнова.

И тут бросилис ево двенадцать сынов в злату казну и надевают на себя збрую богатырскую и хотят с ним побитися.

И говорить Соловей-разбойник: — Вы мое дети милыя, не дразните сильнаго богатыря Илью Муромца.

(л. 2 об.) Аще вы ево раздразите и нам от него всем и живым не быть. Зовите вы ево за столы дубовые, за скатерти браныя, за ествы сахарные, и подносите ему меду.

А Илья Муромец с коня не злезает и ествы сахарные не кушает и пития сладкова не испивает и погоняет своего добраго коня ко граду Киеву. И как будет он под градом Киевным, и скачет прямо чрес ограду белу каменную и въезжает на широкой двор ко князю Владимирю.

(л. 3) И слезает (со) своего добраго коня и привязавает¹ ево ко колцу серебрянному.

¹ Приписано Илья на поле рукописи другим почерком и другими чернилами против „вязавает“.

И в то время у князя Владимиря было то пиrowанье великое.

Пошел¹ Илья Муромец в ту палату белу каменную и молится он чудным образом, а князю Владимиру поклоняется, а после на все четыре стороны.

(л. 3) Потом князь Владимир принимает Илью Муромца за руки белые и сажает ево за столы дубовые, за скатерти бранья, за ествы сахаръные, а сам говорит: — Гой еси ты добрай молодец, как твое имя и коего ты града?

Отвещает Илья Муромец: — Зовуть меня Ильею, по отечеству Иванов с<ы>н, уроженец града Мурома.

Потом рече князь Владимирь: — Давно ли ты, Илья Муромец, поехал из Мурома?

Отвещает Илья Муромец: — Поехал я из Мурома отслушавши заутреню воскресную. И как я буду под градом Себежем, ажно стоят три царевича заморския, а силы с ними триста тысяч, и хотели они Себеж град за щитом взять, а самого царя сибирскаго в полон взять, и я ево выручил и побил всю ратную силу великую, а трех царевиче<в>² в полон взял, отъдарил царя сибирскаго.

(л. 3об.) Вторая притчина была, как я буду на мосту калиновом на реке Смородине, и засвистел Соловей-разбойник своим посвистом, ажно подо мн<о>ю кон вспатькнулса, и я ево излучней убил в правой глас и привес ево с собою в Киев грат и тепер он стоит у моего добраго коня.

И выглядывает князь Владимир во оконце и велел Соловью-разбойнику засвистать. Отвещает Соловей-разбойник: — Не твой я слуга, не слушаю тебя, а слушаю я государя своего, великаго багатыря Илью Муромца.

¹ Приписано „потом“ на поле рукописи тем же почерком, но мелкими буквами рядом со словом „пошел“.

² Слово царевичев не закончено, оборван край листа. По соответствию со словом „царевичав“ (л. 1) и в „царевичев“ (л. 1 об.) восстановлено окончание „в“.

И тут Илья Муромец взглянул во оконце и велел Соловьѹ-разбойнику засвистать.

И Саловей-разбойник стал свистать. И в то число у богатыря кресла подломилися, а у князя Владимира кресла упали, и у палаты своды подтреслися.

(л. 5) И князь Владимир Всеславич стал быть навеселе <и>¹ говорит такую реч: — Тебе у меня, Илья Муромец, злата казна не запорта, и добры кони не заповеданы, за твою службу верную, багатырскую. Послужи ты мне верою и правдою, покажи свою силу багатырскую. Тако скончася

История.

¹ и вставлено нами, так как после слова „навеселе“ часть листа вырвана, союз же должен был следовать за словом „навеселе“.

20
33

Завахромидъ харомисидъ
иты ишиъ (сѣбъ) нагѣшиъ во
лѣдо дасть ѿнедождо мѣни си
лобъ воми батискобъ аъвозов
инъ аъцообъ вѣршиного инъ аъвла
димера. Какъ оуде Иванъ Годи
новичъ Подгородо (ѣдннго) вимъ
бдоро Придоротнико Невсвѣра
шиа аъвдѣи Привѣтискобъ
Но удари вврата во тры сѣо^{онь} сѣо^{тѣго} сѣо^{чѣмъ} сѣо^ѣ сѣо^и сѣо^и
воротачка (по)ли (сѣ) аъвора ира
Солодиа върей тошаталиса
тынинии вѣбъ тоадилиса
оуде Иванъ Годиновичъ (сѣ) аъво
ра Гостинкобъ виходи дмитре

Былина об Иване Годиновиче.

(Рукоп. Ленинградского отделения Института истории АН СССР, собр.
Н. П. Лихачева, № 201, л. 20).

В. И. МАЛЫШЕВ

Усть-Цилемское предание о протопопе Аввакуме

В биографии протопопа Аввакума, на характеристике которого не раз останавливался М. Горький, называя его человеком „исключительной физической и духовной силы“,¹ есть еще много неясных мест. Записанное мною в селе Усть-Цильме Коми АССР в 1937 г. от местного жителя, Ивана Яковлевича Попова, предание позволяет уточнить один из фактов биографии Аввакума. Привожу текст предания: „Это мне еще парнишке старик Лазарь Дементьевич Торопов рассказывал, а он от своего деда слышал. Стража-то, когда Аввакума в городок² везли, остановку против нашего села сделала — долог путь-то был. В село, вишь, Аввакума не велено было пускать. Народ тут собрался приветствовать его. Усть-Цильма, сказывал, небольшая тогда была — домов бат сорок-пятьдесят. Аввакум к народу обращался, просил, чтобы старых обрядов держались. Стража большая вокруг него была, не допускали близко. Обед они себе варили. Когда дальше повезли, Аввакум руку высоко взметнул с крестом верным и крикнул: «Этого держитесь, не отступайтесь»“.³

В XVII в. слободка Усть-Цильма стояла на одном из путей, по которому Москва сообщалась с низовой Печорой и Сибирью. Но для нас особенно важно то, что через Усть-Цильму в это время проходила единственная дорога, связывавшая в зимние месяцы Москву с Пустозерским острогом. В Сибирь из Усть-Цильмы в XVII в. зимних дорог не было. Старинный зимний путь из Москвы в Пустозерск подходил к Усть-Цилемской слободке либо через Вологду, Великий-Устюг, Соль-

¹ В. А. Десницкий. Максим Горький нижегородских лет. Сб. „Горький на родине“, г. Горький, 1937, стр. 200.

² По всей Печоре Пустозерск более известен как „городок“, чем под собственным названием.

³ Это же предание, но с меньшими подробностями, я слышал на Печоре в 1934—1938 гг. от Аф. С. Маркова (д. Бедровое), И. Ф. Дуркина (д. Замежное) и от И. И. Чупрова (Усть-Цильма). Кстати заметим: у населения Усть-Цильмы можно еще найти и рукописи с сочинениями протопопа Аввакума. Здесь я, например, в 1937 г. приобрел для Библиотеки Академии Наук СССР его „Книгу нравочений и толкований“ конца XVII в. (старший и наиболее полный список: шифр т. п. № 105/8779) и „Кн. гу бесед“ XVIII в. (краткая редакция: шифр т. п. № 415/9427).

Вычегодскую, Яренск, Усть-Вымь, Турью, Весляное и Ижму, либо через Вологду, Холмогоры, потом по рекам Пинеге, Кулою и Мезени, а затем или вдоль рек Пёзы и Цильмы или по верхней Тайболе, по льду рек Мезенской и Печорской Пижмы. Дальше от слободки до Пустозерского острога дорога шла по берегу и льду реки Печоры.¹ В то время Усть-Цильма была последним населенным пунктом на Печоре перед Пустозерском, на расстоянии 250 верст от него.² Таким образом, Усть-Цилемская слободка естественно становилась обязательным местом отдыха, после длительной и тяжелой езды по безлюдной Тайболе или через дремучие леса Ижемской тайги. В слободке меняли лошадей и оленей и пополняли запасы продовольствия.

Как показывает отписка пустозерского воеводы Ивана Неелова, посланная в новгородскую четь, Аввакума приехали в Пустозерский острог зимней дорогой 12 декабря 1667 г., а выехал он из Москвы 30 августа 1667 г.³ Вместе с ним ехали инок Епифаний, поп Лазарь и протопоп Никифор. Их сопровождала усиленная стража, состоявшая из девяти московских стрельцов во главе с сотником Федором Акишевым.⁴

Направляясь с Аввакумом зимней дорогой в Пустозерск, Федор Акишев никак не мог провезти его, минуя Усть-Цильму. Встреча Аввакума с устьцилемцами состоялась не позднее первых чисел декабря 1667 г., так как езда от слободки до Пустозерска в зимнее время занимала 6—7 дней, а 12 декабря, как сказано выше, Аввакум был уже в остроге. Во время своих „путешествий“ Аввакум пользовался каждым случаем,

¹ Поверстная и укванная книги ямского приказа. Рукопись конца XVII в., Гос. Публ. библиотека им. Салтыкова-Щедрина, № О. IV. 9, лл. 26 об 128, 131 и 150 об. — Книга ямская (Турьинского яма) 1679 г. Акты, относящиеся до юридического быта древней России, т. II, СПб., 1864, стр. 331—335. — Отписка Пустозерского воеводы Тухачевского о переводе А. С. Матвеева из Пустозерска в Мезень в 1680 г. Чтения в Общ. ист. и древн. российск., 1917, кн. II, стр. 25—29. — Почтовая карта Российской империи 1793 г. Рукопись Военно-истор. арх., № 24694. — С. В. Бахрушин. Очерки по истории колонизации Сибири в XVI—XVII вв. М., 1923, стр. 61—81. — Д. И. Романов. Мезенские пути сообщения. Вестник Русск. географ. общ., т. XVII (1856), стр. 41—48. — А. Ж. Пути сообщения Мезенского уезда. Архангельск, 1913, стр. 3—5. — А. С. Николеев. Краткий исторический очерк развития водных и сухопутных сообщений и торговых портов в России. СПб., 1900, стр. 26—38. — Имеющийся ныне прямой зимний путь из Мезени в Пустозерск через Тундру в XVII в. не существовал. Он стал возможным для езды лишь с появлением населенных пунктов Семжа, Мгла, Несь, Пёша, Индига и других. Но эта дорога удобна только „для проезда в начале и конце зимы, когда вьюги не часты, а снега не глубоки“ (Д. И. Романов, ук. соч., стр. 47).

² Книга Большого чертежа. М., 1846, стр. 189. — М. Богословский. Земское самоуправление на русском севере в XVII в. М., 1909 (карта). — В. Кордт. Материалы по истории русской картографии. Вторая серия, выпуск первый, Киев, 1906, карты, №№ 16 (1688 г.), 21 (1683 г.) и 26.

³ С. Б. Веселовский. Памятники первых лет русского старообрядчества. СПб. 1914, стр. 6. — Я. Л. Барсков. Памятники первых лет русского старообрядчества. СПб., 1912, стр. 146, 251.

⁴ С. Б. Веселовский, ук. соч., стр. 6.

дававшим ему возможность выступать перед народом в защиту старой веры. Об этом он сам не раз говорит в своей автобиографии: „едуци, по всем городам и селам, во церквах и на торгах кричал, проповедавая слово божие, и уча, и обличая безбожную лесьть“.¹

Достоверность записанного мною предания подтверждается также следующими фактами. 1) В нем довольно точно указано количество домов в Усть-Цилемской слободке того времени: „Усть-Цильма, сказывал, небольшая тогда была — домов бат сорок-пятьдесят“. По сведениям переписных книг в 1647 г. в слободке значилось 38 жилых домов.² В Усть-Цильме жили московские „рудознатцы“, находилась таможня, население слободки, хотя и медленно, но росло. 2) Правдоподобны сведения о страже, сопровождавшей Аввакума. Действительно, для небольшой слободки десять вооруженных стрельцов представляли внушительную охрану. 3) Предание имеет глубокие корни, восходящие едва ли не к концу XVII в. Я записал это предание от шестидесятитрехлетнего старика, а ему рассказал лет 45 назад девяностолетний старик Л. Д. Торопов, слышавший его от своего деда, для которого предание было еще живым рассказом о реальном событии.

С сибирской ссылкой Аввакума это предание не связано. Мы знаем, что он ехал в Сибирь в 1653 г. другой дорогой, идущей через Соль-Вычегодскую, Кайгород, Соль-Камскую, Туринский острог и Верхотурье и возвращался обратно в Москву в 1663—1664 гг. тем же путем.³ Не может оно относиться и к мезенской ссылке протопопа Аввакума. Сюда Аввакум в 1664 г. ехал из Москвы сначала водным путем по Северной Двине к Холмограм,⁴ а потом по лесным дорогам Нижней Тайболы. К тому же, Усть-Цильма лежала далеко в стороне от прямого пути из Москвы в Мезень. В предании поэтому также совершенно правильно указывается: „когда в городок [Пустозерск] везли“.

Широкая известность Аввакума среди населения Печоры в XVII—XIX вв. была причиной живучести предания о нем. Этим же можно объяснить отсутствие в предании имен Епифания, Лазаря и Никифора, и прикрепление всего рассказа только к личности „бунтаря, неистового протопопа“.⁵

В сочинениях Аввакума, Епифания, Лазаря и Никифора о стоянке около Усть-Цильмы не упоминается; нет также об этом никаких сведе-

¹ Сочинения протопопа Аввакума. Русск. истор. библиотека, т. 39, 1927, стр. 43, далее сокращенно РИБ.

² П. П. Смирнов. Города в московском государстве, т. I, вып. 2, 1919, стр. 84. — Чтения в Общ. ист. и древн. российск., 1874, кн. III, стр. 3 (История Мильтона). — Приходо-расходные книги московских приказов, кн. I, М., 1912, стр. 225—226.

³ В. К. Никольский. Сибирская ссылка протопопа Аввакума. Уч. зап. Инст. истории РАН ИОН, т. 2, 1927, стр. 143. — РИБ, стр. 44—45, 57.

⁴ РИБ, стр. 754.

⁵ А. Н. Толстой. О драматургии. Докл. на I съезде советских писателей. Собр. соч., т. VII, 1935, стр. 401.

ний в опубликованных документальных материалах. Протопоп Аввакум, подробно описавший свою поездку в Сибирь и обратно, о пути следования в Пустозерск написал всего несколько слов: „Таже братью казня, а меня не казня, сослали в Пустозерье“.¹

Таким образом, устанавливается еще один факт из биографии Аввакума, и, что особенно важно, он устанавливается на основании устного народного предания, подтверждаемого историческими данными.²

¹ РИБ., стр. 61.

² В 1937—1939 гг. я записал три следующие предания об Аввакуме, относящиеся к Мезенской ссылке. 1) „Когда Аввакум обедню в Мезени служил, то голос его был слышен на другом конце села. А дети его не в отца пошли — хилые, худые, замарашки такие. Дочь Аввакума с детьми собирала милостыню и доходила до села Лампожня. В Мезени около собора земляная тюрьма была, где сидела семья Аввакума“. Записано в 1937 г. в Архангельске от К. П. Гемп (Водорослевой институт), она слышала в 1914 г. в г. Мезени от местного жителя Минина. 2) „Аввакум на Мезень ехал на тройке. При виде народа он вставал и начинал говорить с ним. Тогда лошади сразу останавливались, их били и понукали, но они не двигались до тех пор, покуль Аввакум не наговорил (не кончил) — тогда сами трогались“. Записано от А. П. Поздеевой (Усть-Цильма), слышавшей это предание на Мезени лет 50 назад. 3) „Аввакум в лодку сел, взял мешок с сухарями. С ним жена была и дети. Аввакум сказал, все богатство мое тут, больше мне не надо. Жену и детей пожертвую, а от своего не отстану“. Записано от П. Гороховой (Гатчина), ей рассказал крестьянин села Моржгоры (на Двине), фамилию которого она не запомнила. Следует отметить, что в этих рассказах об Аввакуме правильно указывается, что он на Мезень прибыл с семьей, ехал водным и сухопутным путями, и семья его сидела в земляной тюрьме. В сознании народа он приобретает черты эпического героя (громкий голос) и наделяется чертами чародея (имеет необычную силу над лошадьми).

С. А. ЩЕГЛОВА

Неизвестная драма о смерти Петра I

1

Среди школьных театров первой четверти XVIII в. особое место занимает театр при Московском госпитале. По сохранившимся сведениям, на небольшой сцене этого театра ставились исключительно пьесы светского содержания, причем часть их была написана по поводу крупнейших исторических событий последних лет царствования Петра I.

В московском госпитале, среди учеников которого было немало воспитанников славяно-греко-латинской академии,¹ хорошо знакомых и с теорией драматических жанров и с практикой постановок пьес на школьной сцене, театр был организован именно силами самих учеников: они были и исполнителями пьес, из их рядов выдвинулся и свой драматург — „ученик хирургии“ Федор Журовский. Стоявший в те годы во главе госпиталя доктор Николай Бидлоо, знаток музыки и театрального дела, не раз принимавший участие в устройстве триумфальных „врат“ по случаю возвращения Петра I из победоносных походов, поддержал инициативу учеников.

Сведения о театральных представлениях на госпитальной сцене сохранились, начиная с 1722 г. В дневнике Берхгольца² под 29 декабря 1722 г. и под 4 января 1723 г. упоминается о поездках „на комедию“, „которую давали в Гошпитале ученики“ (1722 г.) или которая „была играна молодыми людьми“, изучавшими „медицину и анатомию под руководством доктора Бидлоо“ (1723 г.). Второй раз автор дневника видел постановку „Истории Александра Македонского и Дария“ с „забавными интермедиями“. Пренебрежительный отзыв иностранца о театральном помещении — „нас провели в какую-то конуру“ — глубоко несправедлив: в 1721 г. госпитальные помещения сгорели, госпиталь разместился во временных зданиях, и нужно удивляться не тому, что представление давалось в небольшой комнате, а тому, что и в тех неблагоприятных условиях, в каких находился в те годы госпиталь, все же нашлось место

¹ Я. Чистович. История первых медицинских школ в России. СПб., 1883, приложение, стр. LXXXIX—XC.

² Дневник камер-юнкера Берхгольца, веденный им в России в царствование Петра Великого с 1721 по 1725 год. М., 1858, стр. 351 и сл.

и для театральной сцены — так велик был интерес учащейся молодежи к этому новому виду искусства.

Сцена этого маленького госпитального театра, судя по ремаркам двух дошедших до нас пьес, представляла собой простую площадку — ту эстраду, какие появились в XVIII в. В ней не было традиционного в школьных театрах и требовавшегося для постановок сложных школьных пьес, перемещавших действие с неба на землю, — возвышения, изображавшего „небо“. „Боги“, выступавшие в пьесах госпитального театра, не спускались с такого возвышения, а просто приходили и уходили за сцену: „исходят богини смертные“, „Меркурий сходит с феатра скоро“ („Слава печальная“). Я. Штелин именно так изображает эту госпитальную сценическую площадку: „лекарские ученики игравали в госпитальных палатах, перегороя их ширмами“.¹ Декорации здесь были просты и не менялись в течение всего спектакля; бутафория ограничивалась самыми необходимыми по ходу действия предметами (в пьесе „Слава печальная“ упоминается лишь гроб на сцене и „хартия“, на которой чем-то пишет Слава: „Напишу на хартии смерть его пречестну“ — „и тако нача писати“, подтверждает ремарка; в „Славе Российской“ — требовались корона, цветы, ключи, щит). Аллегорические фигуры имели необходимые символы: „Виктория“ „на львах грядет, путь цветами красится“ (согласно пиитикам — „Слава Российская“), „Смерти“ появляются „сигнал свой носяще“ — видимо косы („Слава печальная“).

Такой скромный вид имела сцена госпитального театра до 1728 г., когда здание госпиталя было заново отстроено и когда для театральных представлений было отведено, видимо, лучшее помещение. К такому заключению приводит сообщение о том, что в 1742 г. на этой сцене была поставлена драма о Тамерлане, требовавшая двойной или тройной сцены, большого количества бутафории и реквизита, сценических эффектов и разнообразных костюмов.² Однако театр продолжал оставаться светским, и репертуар его слагался из пьес на исторические сюжеты. Именно этим, вероятно, и объясняется то обстоятельство, что из всех театров, возникших в первой четверти XVIII в., госпитальный оказался наиболее прочным.

2

По воспоминаниям современников до сих пор было известно о пяти постановках в госпитальном театре: две упомянуты Берхгольцом (см. выше); Я. Чистович, не называя пьесы, указывает, что в 1723 г. „при возвращении Петра I из персидского похода он [Бидлоо] устроил в своем госпитале и своими учениками представление комедии“;³ 18 мая

¹ Краткое известие о театральных в России представлениях. Санктпетербургский вестник, ч. IV, 1779, август, стр. 85.

² А. Булгаков, Комедия о Тамерлане и Баязете. Старинный спектакль в России. Сборник статей, Л., 1928, стр. 317—385.

³ Я. Чистович, ук. соч., стр. XC.

1724 г., по случаю коронавания Екатерины I, была разыграна пьеса „Слава Российская“, написанная „учеником хирургии“ Федором Журовским;¹ в 1742 г., по свидетельству Я. Штелина, была поставлена драма „Тамерлан“.

Эти сведения о госпитальном театре и его репертуаре могут быть в настоящее время дополнены. В рукописном отделении Библиотеки Академии Наук СССР нами найдена еще одна пьеса, поставленная на госпитальной сцене 26 декабря 1725 г. (шифр БАН 19, 2, 30, рукопись XVIII в.). Как показывает уже самое заглавие, пьеса была написана по случаю смерти Петра I: „Слава печальная Российскому народу смерти Петра Великого императора и самодержца всероссийского плачевную весть внесшая, ныне оная неблагополучная весть плачевною трагедиею изображена плачевно на феатре публичном в Московской гошпитале чрез хирургической науки учеников 1725 году декабря в 26 день“.

Драма „Слава печальная“ состоит из стихотворного антипролога, прозаических пролога и эпилога и семи явлений, в которых большая часть речей изложена стихами.

В коротком антипрологе высказывается мысль о том, что „слава мира сего преходит“. В прологе выступает „Печаль“ и в обширной речи разъясняет „почтенным слышателям“, что „на торжественном сем празднике“ сочетается „печаль с радостью, веселие с воздыханием, свобода с пленностью, отчаяние с надеждою“. Эти противоречивые настроения вызываются радостным праздником рождества Христова и вестью о смерти „царя земного“. „Печаль“ предлагает всем оплакать это событие, „в тихости и внимании слушающе сего действия“, а „на утре“ „возрадоватися, егда другое действие“ расскажет им о вступлении на престол Екатерины I. Просьбой о снисхождении к „младому еще разуму“ автора пролог оканчивается.

Тема первой сцены — прославление Петра I, правителя и полководца. Это прославление начинает „Россия“, противопоставляющая старой России — новую, победившую всех врагов, создавшую русское воинство, которое всех устрашает, развивающую науки, увеличивающую благосостояние государства. Эту Россию создал Петр и слушателям предлагается выразить радость, „яко такого непобедимого“ „отца отечествия“ „дражайшаго имама Петра“. В ответ на это приглашение выступают с речами Нептун, Паллада и Марс, прославляющие Петра — полководца, строителя и просветителя. „Слава“ восхваляет победоносные походы Петра. Общее радостное настроение прерывается словами „Предупреждения“, которое в форме загадки предупреждает о грядущем несчастье.

Во втором явлении „Гениуш“ объясняет, что загадка намекает на близкую смерть Петра. „Слава“ сообщает, что предсказание исполнилось. Присутствующие оплакивают царя, перечисляя разнообразные его заслуги перед государством.

¹ М. И. Соколов. Слава Российская. Чтения в Общ. ист. и древн. рос. при Моск. унив., 1892, кн. 2.

В третьем явлении скорбят о смерти Петра „Вселенная“ и государства, с которыми Петр вел войны или которым он помогал.

В четвертом явлении беседуют „Вечность“, четыре „Смерти“ и „Фортуна“. „Смерти“ сообщают о том, что они, хотя и с великим страхом, исполнили поручение божества, и Петр теперь переселился в вечную жизнь. Здесь, по словам „Вечности“, он найдет, наконец, покой.

В пятом явлении „Вечность“ противопоставляет радость неба, принявшего Петра, скорби осиротевшей земли. „Смерти“ поют погребальные песни, прерываемые плачами „России“.

В шестом явлении выступают на сцену символические фигуры — „Благочестие“, „Истина“, „Мужество“ и „Премудрость“ обозначившие душевные качества Петра. „Вечность“ заверяет их, что и на небе Петр будет „имперовати“.

В седьмом явлении дань Петру отдают „старии и молодии“ и „кавалеры“, оплакивающие своего покровителя и благодетеля. В последнем плаче прощается с Петром „Россия“, и гроб его под пение уносится со сцены.

Эпilog приглашает слушателей на другой день смотреть „действие“ о воцарении Екатерины I.

„Слава печальная“ — типичная панегирическая пьеса, в том понимании этого жанра, которое выработалось в русской драматической литературе начала XVIII в. Пьесы этого вида не ставили своей задачей изображение самих исторических событий, но основную цель видели в пропаганде определенной оценки этих событий. Так, по инициативе Петра, театр превращался в могучее средство агитации, разъясняя широким массам зрителей значение важнейших его начинаний, в первую очередь тех военных предприятий, которые дали выход России к Балтийскому морю. После взятия Нотебурга Петр приказывает Куншту „в скорости как можно новую комедию о победе и о вручении крепости Орешка великому государю составить и елико к тому надобно на письме подать“.¹ Панегирическими пьесами отзывался на победоносные походы театр Московской академии; по почину Петра устраивались торжественные входы победивших войск, триумфальные врата, у которых его встречали и приветствовали искусными речами „как первые духовные, так и прочих чинов люди и школьники“.² Сохранились печатные описания подобных торжественных встреч и устроенных в честь их триумфальных врат, богато украшенных аллегорическими фигурами,³ среди которых мы встретим мифологические образы Марса, Нептуна, Паллады, Бахуса, олицетво-

¹ Н. Тихонравов. Русские драматические произведения 1672—1725 годов. Том второй. СПб., 1874, стр. 526.

² Путешествие через Московию Корнилия де Бруина. Чтения в Моск. общ. ист. и древн. рос., 1872, стр. 101—104.

³ П. Пекарский. Наука и литература в России при Петре Великом, т. I. СПб., 1862, стр. 367—368; т. II, СПб., 1862, стр. 525.

ренную „Славу“, „Россию“, словом тот же самый круг символов-аллегорий, который обычен и в панегирических пьесах начала XVIII в.

В отличие от панегирических пьес, созданных при жизни Петра I и посвященных прославлению отдельных событий его царствования, „Слава печальная“ дает общую оценку всей деятельности царя-преобразователя, „действительно великого человека“ по определению Ф. Энгельса.¹ В центре внимания автора „Славы печальной“ военные успехи Петра I, который „виктории славны в своем веце показа всему свету явны“, „скрушил, стерл врагов“, чьими трудами Россия „ныне обогащается, почитаема, поклоняема, страшна врагом и преславна“. „Слава перната“ Петра, а через него и России, „летит по вселенной“; „славные виктории“ „возгремели“ и на Западе и на Востоке: „Англия, Франция и Цезария славна“, „Персия, Саксония, Швеция“, „финно-балтийские волны“ и „море Каспийское“ „удивились“, „устрашились“, все прославляют и величают Петра. „Марс российски осиротевши“ вспоминает Петра, „кавалера пресилнаго“, который „на баталиях бывал, а не победился“. Организация армии и флота, основание „Петербурха преславнаго“ и „Кронштата славнейшего“ воспеты в пышных речах Нептуна и Марса. Паллада величает заботы Петра о распространении просвещения;

Не дал ли Петр России днес архитектуру,
оптику, механику, да учат структуру,
музику, медицину, да полированы
будет младых всех разум и политикованны.

„Вечность“ славит Петра — великого патриота, вся жизнь которого была отдана на благо родины:

В трудех всегда бываше, себе не жалея,
с тем любовь ко отечеству точию имея.

Над гробом Петра „торжествует днесь вечность, ярко зрит уже в вечных благих покаях того, иже в житии своем ни единого покойнаго часа имеяше“, но скорбит „осиротевшая Россия“, потеряв „чадо свое и отца своего, государя защитника своего“. „Кавалер неспокойный, трудолюбный“, „отец отечества“, „мужественный“, „премудр и искусен“ — такими и подобными определениями характеризует пьеса Петра, неутомимого труженика на пользу России.

Но автор хочет показать Петра не только в огромном масштабе его государственной деятельности, но и в его повседневных заботах о нуждах народа. В последнем явлении на сцену „старии и младии выходят и последнее отдают гробу поклонение“. Старики оплакивают „старости отца“, который

бысть нашим то старым в жизни благосерды,
чадолубив отец нам...
кто ж нам, милостивым боже, будет днесь подпора...

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс, Сочинения, т. XII, стр. 12.

Кто старость нашу презрит и бедны седины...
 Старичкам и убогим был еси подаден,
 всем кроток и милостив пребысть, благодатен.

В речах молодежи над гробом звучит скорбь о царе-просветителе:

Сперва бог бысть милостив и младых избавил
 от глупости нас всякой, а днесь всех ограбил,
 отнях Петра, отца всех, кто же нас научит?

В этих плачах народа Петр наделяется ласковыми эпитетами: „батюшка государь наш, отец всем любимы“, „батюшка государь“.

Исторический облик Петра нарисован с применением всех художественных средств пышной панегирической речи, которыми автор расцвел его портрет: метафоры и символы, украшающие эпитеты стремятся усилить тон прославления и подчеркнуть тяжесть потери. Петр именуется „российское светило“, „свеца всей России“, „солнце пресветло“, „цветок и ветвь прекраснейша“, „неоцененное перло“, „кристаливидный камень“, „камень веры“, и т. п. С обязательным для литературных плачей гиперболизмом изображается горе плачущей России:

Ах, боже едины, днесь пошлаи звери лютыи,
 чтоб они сердце мое могли изторгнути,
 сошлаи с высоты на мя громовую тучу,
 или каменей парящих смертельную кучу,
 испусти огненосны ко мне, бедной, стрелы,
 ехидны люты сердце дабы днесь проели...
 горных слез видите в мя полны окияны...

Однако этот необходимый, с точки зрения литературных норм того времени, налет риторики не может скрыть искренней скорби автора, сознающего всю тяжесть утраты, понесенной Россией. Кто же был этот автор?

Заглавие пьесы — „Слава печальная... изображена... в московской гошпитале“ заставляет вспомнить на полтора года раньше поставленную на той же сцене панегирическую пьесу „Слава Российская... изображенна в Московской гошпитале“.

Обе эти пьесы, хотя и написанные по разным поводам, шли к поставленной цели (показать радость России при коронации Екатерины I и скорбь после смерти Петра) одним путем: прославления Петра, „отца отечества“, вся государственная деятельность которого подняла на небывалую до того высоту могущество России.

Сходно построение обеих драм: стихотворный антипролог, прозаический пролог, два акта и эпилог. В „Славе печальной“ налицо один „акт I“, но вторым, видимо, должен был быть перенесенный на другой день торжественный спектакль в честь воцарения Екатерины I, о чем эпилог предупреждает зрителей. Это разделение одной, по существу, пьесы на два представления объяснялось, вероятно, тем, что непосредственный переход от темы скорби к теме радости мог разбить впечатление.

В „Славе печальной“, как и в „Славе Российской“ главное действующее лицо — „Россия“, в речах которой выражаются основные мысли.

В „Славе печальной“ такую же роль играет „Вечность“. В обеих пьесах произносимые монологи чередуются с пением хора или отдельных действующих лиц. Самые фигуры, выступающие на сцене, в обеих пьесах повторяются: это олицетворенные государства, душевные качества (Мужество, Мудрость, Благочестие), или отвлеченные понятия (Слава, Предупреждение), мифологические божества (Марс, Нептун, Паллада).

Прологи обеих пьес построены на противопоставлении допетровской Руси — России, обновленной и возвеличенной Петром. Один из приемов, с помощью которого проводится такое противопоставление, — риторические вопросы. Изредка можно встретить и сходные фразеологические сочетания:

Слава Российская

Что так зело прискорбно, Россие, рыдаешь
 Чрез толко лет Швеция с россами тру-
 дилась,
 в баталиях никогда я не поживилась.

Слава печальная

Что так, мати Россие, являешься слезно
 Швеция же колико в маршах с ним тру-
 дилась,
 на баталиях многих претяшко и билась.

Обе пьесы дают одинаковые перечни различных судов, плавающих при Петре на морях.

Тринадцатисложный размер со строго выдержанной рифмой одинаково типичен для обеих пьес, изредка допускающих шестистопный стих. Для пения чаще употребляется пяти- или шестисложный или комбинированный стих — из длинных и коротких строк.

В обычном литературном языке начала XVIII в. обеих пьес иногда встречаются выражения просторечные: в „Славе Российской“ „мы и в нос не дуем“, „умеете за печью рассуждать смело“, и др.; в „Славе печальной“ — „жилы все порвались“, „что за бабью нам загадку гадает“ и т. д.

Сходство замысла и внешнего оформления наводит на мысль, что обе пьесы, близкие по времени, написаны одним автором. Как доказано М. И. Соколовым,¹ автором „Славы Российской“ был „ученик хирургической науки“ Федор Журовский, перешедший, повидимому, в московский госпиталь из славяно-греко-латинской академии. Можно думать, что „Слава печальная“ принадлежит тому же автору, несколько усовершенствовавшему в ней свое литературное умение.

В оценке деятельности Петра I молодой драматург сумел подняться до уровня передовых людей своего времени. В публицистике Россию петровскую противопоставлял прошлому Феофан Прокопович: в своих речах он не только прославлял, но и разъяснял смысл начинаний Петра. В поэзии „Слава печальная“ перекликается с „Плачем о кончине блаженный и вечнодостойный его памяти государя императора и самодержца всероссийскаго Петра Великаго, отца отечества“ В. К. Тредьяковского (во второй редакции этот плач был назван „Элегия о смерти Петра Великаго“).²

¹ Ук. соч., стр. XVI—XXIV.

² В. К. Тредьяковский, Сочинения, т. I, СПб., 1849, стр. 570—577; т. III, стр. 737—740.

Таким образом, драмы Ф. Журавского, особенно „Слава печальная“, были одними из первых в русской художественной литературе опытов поэтического воплощения темы „Петр I“, в большей полноте раскрывшейся в творчестве Ломоносова.

Слава печальная Российскому народу смерти Петра Великого императора и самодержца всероссийскаго плачевную весть внесшая, ныне оная неблагополучная весть плачевною трагедиею изображена плачевно на феатре публичном в московской гошпитале чрез хирургической науки учеников 1725 году декабря в 26 день

ACTUS I-MUS

ANTIPROLOGUS

Исходят богини смертныя, сигнал свой носяще, им же отвещается тако, слава мира сего проходит.

Юноша яко пузырь,
флора яко цвет,
инная яко свеща,
инная яко глас
мимоходит смерть.

PROLOGUS

Печаль

Двойственная мысль, сугубое дело, неединая вещь [на] торжественном сем христа рождашагося празднике российскому христианскому народу предлежит, на сей трагедический феатр собравшиися благородни, всяк своего достоинства титулю почтенны слышатели: како бо может соравниться печаль с радостию, веселие с воздыханием, свобода с пленностию, отчаяние с надеждою, сугубое таковое дело противные суть вещи, яко в сем уже настоящем торжестве ни единая вещь, ибо радуемся ныне о сошествии сына божия в плачевную удоль мира сего, им же свободихомся от работы греховной, им же искуплени быхом . от плена дияволя, печалимся, вздыхаем и стеном горце, охаем на долг час, яко плененны есмы печалию общею, глаголю, ибо всемирною, всероссийскою, едва, едва оплакаться могущею, сугубое дело днес бывает, рождение бо небеснаго царя царей христа господа празднуется, смерть же царя земнаго императора и государя всероссийскаго, ах, увы, увы, Петра Алексеевича воспоминаема бывает. Отакое то деле, деле плачевном, двойственную мысль имуще, не в пированиях, плясаниях, пьянствах и безчинствах дни сия провождати есмы должны, благороднии сынове россисти, воспоминающе печаль общую, горесть бедную, жалость лютую, незаглажденную, ниже бо рочное время блаженныя его кончины мину. Воспомяни убо, роде россискии, отца своего, милостиваго защитника императора и государя, воспомяни вся его, иже к тебе показанная благодеяния, воспомяни Петра твоего и сего Перваго, и сего великаго, воспомяни храбраго подвижника, мужественнаго ковалера. Ах, увы, нет нашего государя, преиде свет очию нашею,

угасе свеща всероссийская — дражайшии наш ПЕТР, ПЕТР АЛЕКСЕЕВИЧ, ПЕТР камень веры, ей, камень бысть, защитник бо и отец отечества: оплачьте убо, российская чада, милостиваго отца вашего, оплачьте, всероссийски, храбраго вашего ковалера, оплачьте, старии, непоколебимаго жезла старости вашей, оплачьте, юныи, премудраго вашего учителя, оплачи напоследок, самое отечество России, глаголю, дражайшее свое чадо воспитавшая и виждь, кто и какову остави тя. А понеже и мы суще россияне сынове и его государя вернии подданныи, последнюю верность и услугу ему днес являюще плачевную, ей, плачевную сию трагедию, не комедию о российской печали, смертию его императорского величества приключившейся на сем феатре предложить умыслихом, не игра бо зде днес быти имеет, слышателие, но нечто страшно, плачевно и ужасно сие действие, аще помыслите, что изъясняется, и о ком то бывает, вас того ради просим, яко благоразумных и благородных, да в тиxости и внимании слушающе сего действия будете, и с печалию российскою восплачете, утрее же возрадуетесь, егда другое действие о вступлении царствования всероссийской матери ея императорскаго величества всепресветлейшия государыни императрицы Екатерины Алексеевны узрите. Ныне аще погрешити случилось бы, яко младому еще разуму, прощение даруйте.

SCAENA I-MA

Россия

Кое твоему днес трипостасному в божестве лицу имам принести похваление, предвечныи и всемогущи боже, егда свою российскую корону зрю уже непечалну и неругаему, но возносиму и прославляему, что за благодарственныя песни воспую твоему неописанному божеству единосилне, яко нещетныя России явил еси благоденяя. Россия бех прежде посмеваема, поругаема, озлобляема, бесчестна, неславна, ныне обогощаема, почитаема, поклоняема, страшна врагом и преславна. Россия бех иногда уничтожаема, днес, ныне утро и вперед величаема и одаряема; коль многажды волци злии, сынове неприязненни, лвы рыкающи Россию твою низринуты и ея престол восхититы, но твоею милостию, всещедры боже, господи, от всех сих уже освобождена, радуюся, величаю, и твое величество прославляю в бесконечныя веки. Кто днес, видя Россию, не удивится, кто не возвеликовствует, аще бо бы воистинну праотцы и отцы россияне и других империи, из мертвых воставше, мя Россию ныне узрели кроме всякого чаяния и надежды, в зелное пришли бы сумнение; не премудра ли еси, Россия, не мужественна ли еси, не страх ли, не победа ли, не благочестна ли еси, не украшенна ли еси, Россия? Где Марс тако воюет, яко российский? Где Паллада и Минерва свои так представляют учения зеркала? Яко в России есть бо уже и механика, оптека, музыка, но что глаголю, и медицина своя уже в российском недре сочиняет транжементы; сия же вся от всех моих российских едино, ей, едино российское чадо, российского корене ветвь богоизбранная, под орлим именем покрывающийся избранныи ПЕТР, ПЕТР ПЕРВЫ, ПЕТР

ВЕЛИКИЙ, ПЕТР ИМПЕРАТОР, ПЕТР САМОДЕРЖЕЦ ВСЕРОССИЙСКИЙ, ПЕТР, глаголю, и ОТЕЦ ОТЕЧЕСТВИЯ РОССИЙСКОГО, учини, встави и прослави, СЕЙ ПРЕЛЮБЕЗНЫ ПЕТР, МЯ бедную обогати, печальную возвесели, МНЕ побежденной свою мужественную вечную пожаловал ковалерию. Сей ПЕТР есть сиротам отец, нищих питатель, церкви защитник, врагов прогнатель, благочестию поборитель, а противных победитель.

Радуимся убо, чада всероссисти, радуися море касписко и балтиско, радуися Марсе военни, радуися премудросте, яко такого непобедимаго богоизбраннаго и венчаннаго, дражайшаго имама ПЕТРА сего ПЕРВАГО сего великаго, сего нашего Императора, сего, глаголю, и отца отечествия.

Нептун

Ей, РОССИЕ, принесла похвалу достойну,
 праведно глаголю, быть иному пристойну,
 рещи о других нелеть, всяк себе скажет,
 всяк на сем днесь феатре свойственно покажет.
 Аз о моем щастии уже проглаголю,
 убо Нептуну изволь, Россие дать волю:
 чаял ли кто россиян флот иметь на мори,
 еще бо тогда в слезном погрязаху гори.
 Пуще еже брань воздвигнуть на морских пределах,
 биющися крепко во баталских уделах,
 виктории, что были, страшно и подумать,
 храбрость россиску днесь ужасно, ей, вздумать;
 Петербурх преславны град близ моря построил,
 славнейший Кронштат тамо свой и флот устроил.
 Корабли преславны суть и славны галеры,
 командуют оными храбры ковалеры.
 Шлюпок много, вереек, с ними же и шнявы,
 в буерах, баржах ездят до пречудной славы,
 и Касписко море днесь уже не укрылось,
 егда россиский ПЕТР был в сем, сие покрылось.
 Хвалю тебе и аз, о предвечны мой боже,
 кто бы твоего ПЕТРА возвеличить може:
 достойно точию да будет нам правитель,
 силны во бранех государь, крепкий защититель.

Паллада

Аще и ты хвалиши, морской бог Нептуне,
 то како аз стану пред тобою туне,
 паче веселюсь с ПЕТРА россиского драга,
 егда много получих от его мне блага:
 Паллада величаюсь, Минерва богиня,
 мудрости всех учу, глупость всю откиня;

не дал ли ПЕТР России днес архитектуру,
 оптику, механику, да учат структуру,
 музыку, медицину, да полированные
 будет младых всех разум и политизованны.
 Тем тебе, ПЕТРЕ, слава и хвала премнога,
 Российский император, хвалю всегда бога.

Марс

Российский ПЕТР первы, первы Марс явися,
 регулярным войском Марс российский дарися.
 Где бо в России бег все огненные штуки,
 пушки, бонбы, пули прогнали и скуки;
 гранаты, крепки штыки, тут же светлы шпаги,
 тем россияне ныне явишася драги.
 Как затрубят, загудят звучны барабаны,
 бодрится Марс военны, с ним же капитаны,
 фендрихи, брегадиры, тут же генералы.
 Глас бывает от войска и зело немалы,
 а салдаты с мушкеты все и гренадеры
 марсовато ходят все, аки бы кавалеры.
 Славен Марс есть российский, но ПЕТРОМ великим
 чрез его вдахся ныне победам толиким.
 Хвалю убо тя бога, бога всемогуща,
 что дал сего нам ПЕТРА, есть то правда суща.

Слава

Славна славою ПЕТРА российская слава,
 тем и твоя славна есть, Россие, держава.
 Ибо когда ПЕТР не был, ниже славы было,
 ныне славно летаю, россияном мило.
 Твоя слава перната, крыле повлащенны
 летать по вселенней суть всегда зготовленны,
 славных викторий его возвестих летая.
 всем государствам гласом оным удивляя.
 Англия, Франция и Цезария славна,
 Персия, Саксония, тем вси сия явна,
 Швеция болше о сих может возвестити,
 аще восхоцет токмо всех zde удивити.
 Финобалтские волны тогда возгремели,
 егда мя летающую на себе узрели;
 Море Касписко о том болше удивилось,
 в Персию мне летящу зело устрашилось,
 впредь непрестанно буду ПЕТРА прославляти,
 за толикаго государя бога величати.

Предупреждение

Радуйся, Россие, днесь, также и Нептуне,
 Палляда и богиня, не приидох аз туне,
 Россиский Марс здрав буди с славою веселы,
 некии загадки вам днес мною предупсели.
 Отгадайте оныи, гадайте разумно;
 предвижду бо я в вас быти нечто глумно.
 Что се есть? *загадка:*

выцвел цвет в поли,
 быть еще нет воли,
 бежит к нему коса,
 сама весма боса;
 тотчас его скосило,
 сердце всем уныло.
 Цвет бо когда упал,
 страх всем напал.

Сие сказавши отходит скоро.

Россия

Что сия за бабью загадку гадает,
 цветом неким с кошением зело устрашает.

Нептун

Песку в мори много есть, цветов в поли также,
 И что тут диковинки, думайте однакже.

Паллас

Загадкам не верю, но нечто цепенею,
 сердцем моим болею и весма бледнею.

Марс

Снам, загадкам никогда верити неудобно,
 о том же ли днесь думать се ли вам подобно.

Слава

Нет ли с неба посылки по ково живуща,
 призвать бы Гениуша: правда буде суща.

Россия

Правда, пусть да Гениуш утро присудствует,
 отгадать бо загадку, о сем да умствует.

явление 2

Россия

Загадку отгадай нам, Гениуше бодры,
 загадал сию вчерась так человек добры:

Цвет в поли цвести еще воли не имуши,
 косою скосил его некто там живуши:
 Увядшу, рече, страх всем обнимает.
 Рцы, любезне, разум твой что о сем вещает?

Гениуш

Печално, ужасно,
 нечаянно, страшно
 загадка содержит,
 страх сердце обдержит:
 цвет в поли стоящи
 Государь есть болящи,
 косе смерть грядущу,
 скоро быть имущу,
 умершу, болезни
 и печали слезны
 Россианом приидут,
 долго не отидут.

Россия

Малчик малы, не диво гадать не умеешь,
 еще во младости ты толко что цветнеешь:
 может ли это статься Россиско светило
 ПЕТР ИМПЕРАТОР, солнце чтоб себе затмило,
 толко что начал жити, се смерть ли приспеет,
 но десница божия держати нам успеет,
 оставит ли чадо матерь тако быти сиру,
 не даст ли кусить больше с собой царска пиру.

Нептун

Ему моря любима, он ли их оставит,
 не больше еще флотом Нептуна прославит.

Паллас

Что б за премена ему науки покинуть,
 придется разве бедной Палляде изгинуть.

Слава печальная

РОССИЕ мати, виждь се крыле суть отпадшии,
 и глас от скорби zelной весма есть испадшии,
 нельзя единой гласить с Меркурием семо,
 придох возвестить печаль, хоть вещаю немо:
 Россиско чадо, цветок и ветвь прекраснейша,
 то, кого ты имела над всех любезнейша,

Кто ты в недрах сохранял, защищал ты милу,
 слышь, сей уже отиде в смертную могилу.
 Солнце светло так скоро во вечность затмилось,
 луна, звезды и небо страшно пременялось,
 ПЕТР ПЕРВЫ, ПЕТР государь твой полны
 преставися от жизни, жив век недоволны.
 Се сигнал печалны сие означает,
 в печали уже быти ты повелевает.

Меркурий

ПЕТР ИМПЕРАТОР, герой сей непобедимый,
 Кавалер российский быв сын твой прелюбимы,
 оставил ты, Россие, сам в вечность прешедши.
 прощай, моя Россие, он рече отшедши.
Изрекше оконое, сходит с феатра скоро.

Россия

Ах, горе, увы жалю, бедность нечаянна,
 ах, люто, ах, бедно, ах, печаль окаянна:
 ах, сторишно, тысящно се тебе, Россие,
 уже веселы твои прешли уже дние.
 Солнце пресветло видех, и се потемненно,
 в западе земном слышу то ты болезненно,
 ветвь мою благородну, красну зрю увядшу,
 от россиского корени в темны гроб отпадшу
 вселюбезное чадо, ПЕТРА ГОСУДАРЯ,
 ах, паду сама во гроб, смертно ся ударя,
 Императора ПЕТРА россиска велика,
 государя твоего, зри печаль колика.
 Горких слез внидите в мя полны окияны,
 остры мечи России люты дайте раны,
 И звери вся созданны мене раздерите,
 горы, яже суть везде, се ныне падите.
 Лишихся того, ниже где либо обрящу,
 люты печали, беды, ах, прегорко срящу,
 нерадива Россия, не могла хранити,
 умей же теперь горесть несносну терпети.
 Корону, также скипетр, порфиру покину,
 ах, горе, с такой беды лутче аз погину:
 не вижу уже ПЕТРА, ПЕТРА прелюбезна.

Marsurgens

Что так, мати Россие, являешься слезна?
 О каком Петре горко так сама вздыхаешь,
 россиским еще чадом его называешь?

Россия

Кавалер российский ПЕТР, клевет твой избранны,
император, государь России названны
не на поли, но в гробе уже почивает,
не с Марсом, но с смертью нам себе являет.

Марс

Увы, храбрость россиска, победа марсова,
ваша ль от очей весть сия пренова,
ах, дражайший наш ПЕТРЕ, кавалер пресилны,
услыши лежащ в гробе сей глас мой умильны,
на баталиях бывал, а не победился,
прорцы хоть слово, с кем где так престрашно бился.
Мечи россикские в помощь тебе б предупели,
мы б неприятеля тотчас одолели:
ах, Марсе российский, так осиротевши,
кавалера своего где скоро подевши,
военну шапку сниму, так светлу шпагу,
лучше мне скитаться и ходити нагу.

Палляс

Того ль дождалась Палляс, ПЕТРУ ты любима,
Государя своего не имаши зрима,
Кто мудрости зеркало пред собою ставить
будет и науки пречудно славить?
Ищу любомудра, ах, но несть его в свете,
пошла б в подземная, пошла б по примете,
не зрю куриозного, иже и секреты
мудрости твоей смотрел и давал декреты,
престань величаться ты, мудрости гордона,
ниже, музыка, впевай хоть бы з Геликона,
не действуй в том болше, славная химия,
не расширай и цырка ты, геометрия,
хоть медицина станет расширять гласы,
любитель сих преставись и в таки часы.
Лучше кидай инструменты, кидай и сигналы,
произноси в горести плачевной глас малы.

Нептун

Взмутились морские волны, взрехали балены,
умолкли тихо и смутно прекрасны сирены,

слышав ПЕТРА велика в флоте быть не суца,
 ни единой должности и Нептуну имуща,
 увидев на кораблях черны быти флаки,
 молят, просят, что сии необычны знаки,
 узнали рыбы, звери, что ПЕТРА не стало,
 государя россиска, в ужас море пало,
 рекли ужасно в себе, что се за притчина,
 чаяком быть бессмертна, радость ни едина,
 умолкните ныне, вси морсти рыбы, звери,
 мати Россия зрится печальна без меры.

ЯВЛЕНИЕ 3

С л а в а

Зри, народе россиский, славу быть печалну,
 прежде лицом веселу и везде началну.
 Мнози бо мне гласящей в странах удивлялись,
 ныне же мне гласящей, увы, устрашились
 смутна сигнала явна, труба поверженна,
 монарха государя вижду погребенна,
 бысть ПЕТР АЛЕКСЕЕВИЧ, се несть его в жизни,
 эмию ядовиты, днесь лучше мя угрызни.
 Погинуть рада света, ПЕТРА не видящи,
 до конца ль века пребуду слезящи?
 Однак вселенней з друзи смерть известна будет,
 ПЕТРА велика глас мой никогда отбудет,
 стану гласить и кричать, дабы здесь стекались,
 но горе, бедной жилы все порвались,
 напишу на хартии смерть его пречестну,
 последнюю верность явлю аз ему нелестну.

И тако нача писати:

ПЕТР АЛЕКСЕЕВИЧ,
 ПЕТР ВЕЛИКИ И ПЕРВЫ,
 ИМПЕРАТОР И САМОДЕРЖЕЦ
 ВСЕРОССИСКИЙ УМРЕ.

*Зде падает на землю плачуще. Вселенная с протчими выходит государствы
 Вселенная, посмотревши писания, возлагала:*

Ах, что се есть для бога, что бы за причина.
 вижду надписание, болезнь не едина,
 вселенная есмь, от бога всем светом владею,
 кругом земным и водным, тем аз богатею,
 кто во вселенней славен и владетель царства,
 князь ли полномощны есть всего государства,
 или самодержец кто над своей землею
 к доброй славе править то властию своею,

Император ли славен радость мне вселенней,
 от таких героев и быть прославленной,
 Кто бо триумфует где, тем аз веселюся,
 но днесь нечто ужасно в сей вещи дивлюся.
 В партии моей чуден пребысть император,
 ты, ПЕТР АЛЕКСЕЕВИЧ, славны монакратор,
 иже триумфы многии, виктории славны,
 в своем веце показа всему свету явны,
 не имел от века аз такого монарха,
 уже годна быть хотех вселенней екзарха.
 ПЕТР тверды во бранех бысть тверды камень веры,
 ныне увы камнем покровен без меры,
 Кто противостать сему мог, — вси побежденны,
 днесь единою смертию света есть лишены.
 Неоцененны ПЕТРЕ, вселенней красота,
 где благозрачна твоя отиде доброта?
 Буду ныне с прочими печалиться царствы,
 тем в жалобе хошу быть с всеми государствы.

Персия

Фортуна обмана бо, днесь Персия бедна
 зрю ПЕТРА россиского, зрю во гробе бедна,
 уже утоли мое нещастие злое,
 оплачьте уже вси днесь, перские вое,
 погибла моя ныне вся моя надежда,
 где твоя уже, ПЕТРЕ, марсова одежда?
 Море Касписко сего толко что внушило:
 ПЕТР АЛЕКСЕЕВИЧ есть, так мне возгласил
 ужаснулся, что таков герой в нас явися,
 радовахся же, когда и персам приблизися:
 в презент дах Дербень славны, дабы веселился,
 по многотрудном марше дабы впокоился.
 И сама вдахся ему в протекцию драгу,
 хотех радость получить от его мне благу,
 се же, увы, мне бедной, ах, что за премена,
 нечаянно божией десницы измена.
 ПЕТРЕ, ПЕТРЕ любезны, защитниче милы,
 монархо, государю, как достиг могилы?
 не бысть подобен тебе от начала света,
 восплачет Персия днесь до кончины лета.

Полония

А я тебе что винна, фортуница злая,
 отяся от мене днесь надежда благая.
 Се вижду авизию, еже начертанну,
 фортуна како имам клясти окаянну:

ПЕТР бо АЛЕКССЕЕВИЧ, ах, что сие, боже,
 взят смертию от жизни, кто слезить не може,
 Кавалер непобедим, защитник бысть велий,
 по бесчисленных трудах покой царев се ли?
 как могу оплакать тя ко мне в благостыне
 тверда и милосерда и се наедине,
 отягчен тяжким камнем всероссиский камень,
 кто бы на свете тебе пребысть когда равен.
 Мне Полонии вручил еси самодержца,
 твое величество аз имех миродержца,
 возстенали услышав коронные шляхты,
 жир пелны твои егда показали яхты.
 Ей, ПЕТРЕ, государь, ПЕТРЕ драгоценны,
 сей зри уже мой глас весма отонченны,
 остану бо прочее во всякой утехи,
 буду терпеть несносны и люты помехи.

Швеция

Аще вы, государства, въздыхасте ныне,
 а я ли не восплачу в злочастной године.
 ПЕТРА кавалера, что Персия узрела,
 и тут претяжко в сердце о том поболела,
 И Полония также днесь прияла скорби,
 многии бо от врагов претерпела та борбы,
 ПЕТР везде камень тверды защитил ю смело,
 показал кавалерско в Полонии дело,
 Швеция же колико в маршах с ним трудилась,
 на баталиях многих претяжко и билась;
 От младых его ногтей еще стала знати,
 Швецию бо тогда взял крепко побеждати.
 Сколко бед, трудов приях с ПЕТРОМ моим в марше,
 победа многих бысть и всегда мне старше,
 а ныне толко что с ним покой возимела,
 и се держава Швецка сердцем возболела.
 Чаях уже вкушать пресладкой потравы
 от сего драга ПЕТРА дослужиться славы.
 Россиский, шведский Марсы остались в покои,
 возстенали ужасно чаки наши вои.
 Ах, боже предвечны наш, боже всемогуши,
 не любим ли вселенней он бысть сей живущи.
 Се побежденна лежит бедна сия слава,
 рвется, стонет по ПЕТРЕ россиска держава.
 Прости, ПЕТРЕ россиский, клевет мой избранны,
 и вселенней был еси богом дарованны.

С л а в а

Зрите славы россиский уже обнаженну,
 выше небес мняся быть и се поверженну;
 вселенная, вспомяни ПЕТРА драгоценна,
 Персия, Полония, отца неотменна,
 Швеция же, днесь паче жалей ПЕТРА драга
 лишихом бо ся, увь, житию преблага.

ЯВЛЕНИЕ 4

Вечность

Печаль земным немалу предах аз от бога,
 радость небесным наста оттуду премного,
 Радуюсь аз вечность весельи небесный,
 яко от земных идет друг мой нелестный.
 Император ПЕТР первый, той же и великий,
 виктории показа всяк знает коликий,
 в трудех всегда бываше, себе не жалея,
 с тем любовь ко отечеству точию имея.
 Жаль стало вышним, что так не имат покоя,
 рекли: да возмется ПЕТР, оставив вси воя,
 да принят будет в вечность сей адамант тверды,
 призре сице на него бог всех милосерды,
 послах смерти в лявровых венцех увенчаннх,
 ждут от них курантов новых неслыханнх.

С м е р т ь 1

Вечность благая, изволь от нас се внушити,
 что хощем тебе ныне скоро предложити;
 нечаянну печаль мы россом сотворихом,
 от земна света в вечность уже преложихом
 ПЕТРА Алексеевича, храбра кавалера,
 на баталиях везде россияска рыцера,
 Ныне тебе, вечность, от бога врученны,
 в небесном покои той уже есть вселенны.

2

Устрашихся, узревши ПЕТРА государя,
 задражах паче, в двери пришедший ударя.
 Не велеть ли защищати своим кавалерам,
 брань творить с нами также марсам гренадерам?
 Ружья у нас не было, тем паче смутилась,
 видящи мужественна, зело устрашилась,
 и се воля божия тотчас к нам приспела,
 святую его душу взяти повелела.

3

Стала толкать, как прежде, нас медицина,
 сама же безсилна быть, сие то притчина:
 бог восхоте тако, да он усладится,
 небесных благих в рай во веки вселится,
 толко рече в трудех быть, ПЕТРЕ мой избранны,
 ПЕТРЕ, дражайший камень церкви дарованны,
 не царской персоне так тебе поступати,
 гряди, любезнейший, днесь в небе ликovati.

4

Когда б ты еще знала, вечности госпоже,
 бедность ныне россиску кто сказать возможе?
 Россия изумненна, семо и овамо
 мечется, рвется, люто бежит и непрямо,
 власы терзает себе, вся лишилась вида,
 ах, боже! вопиет, что такая обида.
 Ей бедной жалко, ону премену видящу,
 Россию печалну, на земли слезящу.

Фортуна

Ах, боже наш предвечны, ты в правде едины,
 почто ж мя опечали без жадной притчины?
 Фортуна в России беж при ПЕТРЕ великом,
 россиском государе, монарсе толиком,
 от твоего престола ему дарованна
 беж неотступно и се уже есмь попранна,
 мною народ россиски бысть всегда доволен,
 ныне и горести паче и печали наклонен,
 на баталиях верно всегда аз служила,
 тем многии государства преславно дивила.
 От фортуны россиской и все устрашались,
 сему ПЕТРУ, колена преклонше, скланялись.
 Не содержах ли его, царя полномощна,
 бе при нем, служа верно денно же и ношно,
 а се ныне зрю того, ах, увы, умерша,
 и фортуну россиску се весма отвергша.
 Вы, смерти люты, мене тогда не видали,
 мне неопасной бывшей караул вы скрали,
 и медицине на помощь уже не пустили,
 светлы ПЕТРА очеса вечным сном закрыли.
 Имею еще концепт и модель немалы,
 дослужится фортуны россиския славы.

С такого, бедна, жалу и коло ломаю,
 ПЕТРА императора в небе быть желаю.

Hic frangit votam,

Вечность

Вы, смерти, готовтесь, утро присудствуйте,
 гробу ПЕТРА россиска с плачем усердствуйте,
 издайте последню песнь ПЕТРУ налюбезну,
 плаchte бедну Россию непрестанно слезну,
 аз же буду преславно там торжествовати,
 что избранна ПЕТРА днес получих прияти.

Смерть 1

Присудствовать россиска ПЕТРА рада гробу.

[Смерть] 2

Оплачет Россия днесь любезну утробу.

[Смерть] 3

Песнь плачевну воспоем драгу адаманту.

[Смерть] 4

Последний поклон дадим россиску атланту.

ЯВЛЕНИЕ 5

Вечность

Ликует небо, печалует земля, весело палает огненны солнечны огонь, смутно колеблется море, радуются небеснии, плачут земнии, торжествует днесь вечность, яко зрит уже в вечных благих покоях того, иже в житии своем ни единого покойнаго часа имеяше, видит храбрейшаго храбрейших, кавалера приемлет веселящеся, царя царей, ибо императора Петра, глаголю, перваго и великаго, перваго, ибо еще не бысть подобен сему богом избранному мужу, великаго — за его мужественныя и ужасныя дела, сего святую и непорочную, яко в горниле, душу вечность приявши радуется и в небесных вселяет ю жилищах. Триумфует, глаголю, вечность, но рыдает, слезит, стenet от горести души своей, плачет неутолимо любезная его мати, драгое его государя отечество, приседающая гробу Россия бедная, осиротевшая Россия, зря, слыша и любезнейшее, неоцененное свое чадо, чадо, глаголю, первое и единое видящи, чадо свое и отца своего, государя защитника своего императора богом избранного и сего дарованного ПЕТРА ПЕРВАГО, ПЕТРА ВЕЛИКАГО, ПЕТРА АЛЕКСЕЕВИЧА, самодержца всероссискаго зашедша от очю ея в вечность неокончаемую, зрит солнце потемненное, никогда же ей просветитися имущей, смотрят свещу всея РОССИИ угасшую, осязает кавалера беспокойнаго, трудолюбнаго в покойном темном гробе, вселенней воспела, воспела бедная Россия песнь необычную: ах, горе, ах, увы,

жалю, бедность, горесть, сердечно болящия и терзающися, о лишении такового своего отца и государя! Вы ныне, смерги, присядящи оплачте плачевными песнями Россию стеньящу, издайте умильны гласы, отдайте последнюю услугу, принесите сердцу сердечное сему доброжелательство.

Пение погребения поют смерти:

Россиска радость уже отлетела,
сердечна сладость к устам не успела,
смерть ухватила,
тя утравила.

Россия

Где еси, Россия, днес, что для бога видишь?
печалию смертною чад своих обидишь,
Сонны ли мне фантазма или мечты ходят
или бедну жизнь мою до гроба низводят,
слышу радость россияску уже отлетевшу,
сердечну сладость к устам также неуспевшу.
Отлетела радость россияская мила,
схватила нечаянно смертная могила
неоцененно мое любезное чадо,
чадо — отец отечества в веце своем младо.
Ах, увы, бедной жалю, увы, горко горе!
отят ПЕТРА велика страшися и море,
ПЕТРА, государя всем и МАРСА РОССИСКА,
трепета бо его всяк посмотреть изблизка,
ныне уже изволит лежати во гробе,
вселилась горка печаль в россияской утробе,
трепещут, увы, сердце, вся моя составы,
напитахся РОССИЯ прегоркой отравы.

Пение

Орел россияский весть нову приносит:
Умре птенец мой, тако глас возносит.
Увы, РОССИЕ,
нощны суть дние.

Россия

Что сия Орле несет, весть сия хоть нова,
умрети хошу паче, на мечи готова.
Пребыл ли в солнце, когда свет есть, потемненны
радость России, днесь ПЕТР бо погребенны.
Ах, ах, ПЕТРЕ любезны, над света дражайший,
твой вид доброзрачны бысть всего мне сладчайший,
утешь, прошу, ныне мя хоть момент едины,
буду плакати слезно до века кончины.

Пение

Слава россиска лежит поверженна,
 ПЕТРА велика видит погребенна,
 РОССЫ рыдают,
 Смерти играют.

Россия

Не так мечи лютейшии мене прободают,
 как вести смертны всегда уязвляют.
 Ах, боже едины, днесь пошли звери лютыи;
 чтоб они сердце мое могли изторгнути,
 сошли с высоты на мя громовую тучу
 или каменей парящих смертельную кучу,
 испусти огненосны ко мне, бедной, стрелы,
 ехидны люты сердце дабы днесь проели,
 откатись уже дале, россиска корона:
 ПЕТР ИМПЕРАТОР лишен своего днесь трона.

Пение

Прощай, РОССИЕ, ПЕТР тебе вешает,
 щасливой всегда быть повелевает.
 Марс утружденны,
 в гроб упокоенны.

Россия

Прорцы хоть слово ныне России при смерти,
 хотела бы пилою главу мою стерти.
 Свете пресветлы, цвете всем нам благовонны,
 до кого в жизни своей не был еси склонны?
 Нарциссе дражайший, наш чистейши лилея,
 ах, ПЕТРЕ государю, в тебе бысть надея.
 Прости, прошу, РОССИЮ, днесь осиротевшу,
 ничтоже слезами пред тобой успевшу.

Пение

ПЕТРУ РОССИСКУ корона на небе,
 в небесных жити тамо ему требе,
 эде же да славят
 вси вечну память.

Россия

Ей, вечну память ПЕТРУ даруй, вечны боже,
 Сие едва изрещи РОССИЯ возможе.

явление 6

Благочестие

Вечносте драгая, днесь тебе поздравляем,
 добродетелей ПЕТРА глас неумолкаем,

смерть его честна бѣше и по смерти видим,
 всегда бо той в свете се бысть непоколебим.
 Приидохом днес его дела возвестити.
 и вечного блаженства достойна вручити,
 благочестие есмь аз ПЕТРА благочестна,
 церкви святой признаю быть его нелестна,
 тверда в вере, догматах непоколебима,
 мужественно стояща, ниже победима.
 Истинны сей друг бѣше церкви православной,
 достоин царства с своей доброты преславной.

Истинна

Истина истинну о ПЕТРЕ прорицаю,
 достойна за истинну в царстве быть вещаю,
 истинен бѣше везде царь сей преизбранны,
 мне в сохранение он богом дарованны.
 Сего сохраних верно до жизни кончины,
 не зря на лица других, суди он едины,
 учини же истинно во истинном царстве,
 за истинну ПЕТРА днесь в горнем государстве..

Мужество

Мужество аз россиска ПЕТРА мужественна
 зрю в темном быти гробе уже заключенна,
 с тобою, мой, ах, ПЕТРЕ, всегда подвизалась,
 Против неприятелей крепко ополчалась,
 скрушили, стерли врагов, яко лви свирепы,
 получихом, ПЕТРЕ мой, виктории лепы,
 мужественно стояще за веру христову
 и отечество быти, вѣсть приноша нову,
 годен авдиенцие в полате небесной,
 имей веру, Вечность, мне доброте нелестной.

Премудрость

Глас мудры отончал днесь, умолкли и музы,
 оскудел язык в словах, онемели и друзи,
 порвали гласны струны, сего зря во гробе,
 ах, тяшко, бедно уже премудрой утробе.
 Бысть премудр и искусен ПЕТР сей превеликий,
 премудрости учении произвел колики,
 доволну имех аз в нем мудрости квартеру,
 рада бых служить ему, славному кавалеру,
 и в кавалерстве служих ему помогая,
 виктории пречудно всегда устрояя.
 Мною имел на враги доволны реванжи,
 потопаи, биясь с ними сопротивные баржи,

получал изобилны чрез мя авантажи,
 как крепкий Марс и достал на войском багажи.
 Полны цветов фестон есть сей ПЕТР драгоценны,
 премудрости никогда в жизни бысть изменны.
 Удостой и, Вечности, Премудрости славна,
 доброта бо его пред тобою есть явна.

Вечность

Вся сия добре, умне днесь мне возвестите,
 ПЕТРА добродетелна уже заключите.
 Вам благодарю за то, что его хранили,
 драгии добродетели весма не забыли.
 Тестамент сей есть верны, благородно слово,
 и сатисфакции сердце вечно есть готово.
 Царь на свете быв в жизни, и там царствовати
 император будет, там ПЕТР имперовати.

Благочестие

Во вечное блаженство тем рекоменуем.

Истинна

Вечных благ за истинну принять усердствуем.

Мужество

Мужественна ПЕТРА днесь ты мужество просит.

Премудрость

Смиренны глас свой тебе премудрость возносит.

Вечность

Идите убо с миром, доброты любезныи,
 оплакавше россискийи случаи ныне слезныи.

ЯВЛЕНИЕ 7

Стари и младыи выходят и последнее отдают гробу поклонение

1 старик

Увы, старость наша, что ныне нам речеши,
 кий плач и слезы уже, увы, принесеши?
 Горесть бедна старости и младости тоже
 се замгла гортань моя, рещи бо не може:
 слезна, горка случая, случая печална,
 старости отца зрю во гробе начална,
 отца отечествия, ПЕТРА, камень тверды,
 той бысть нашим то старым в жизни благосерды,
 чадолюбив отец нам, ибо благочестен,
 до конца века пребысть отечеству нелестен.

Россиски дети ныне вси осиротели,
 ах, боже всещедры наш, ниспосли в нас стрелы,
 вели пронзить днесь люто старости утробу,
 ты ПЕТРА государя поклонис днесь гробу.

2 [старик]

Горе, горе, плачь, слезы, смерть случися скоро,
 кто ж нам, милостивы боже, будет днесь подпора?
 Сколко молихом тебе о сем государе,
 Россию повергл еси в печалном ударе:
 Кто старость нашу презрит и бедны седины?
 ПЕТР АЛЕКСЕЕВИЧ нам толко что едины
 батюшка, государь наш, отец всем любимы,
 Император преславны, ниже победимы,
 старичкам и убогим был еси податен,
 всем кроток и милостив пребысть, благодатен,
 ныне по твоей смерти паче одряхлели,
 аспиды василискии нас бы всех поели.
 Был ПЕТР, се несть, ах, будет ли, не знаем,
 тебе за первого быти признаваем.
 Аще бог так изволил, царствуй во век в горних,
 предстоай же престолу, не забуди должных.

Млады 1

Боже всемогущий, что ныне содеваешь,
 право, ей, ей, младых нас весьма обижаешь!
 Ой беда люта наста, обида несносна,
 можем ли нести случая, ах, тяжелоносна.
 Сперва бог бысть милостив и младых избавил
 от глупости нас всякой, а днесь всех ограбил:
 отнях ПЕТРА, отца всех, кто же нас научит?
 восплачте, возрыдайте, младых печаль мучит.
 Будь, батюшка государь, у бога днесь в царстве,
 лякуй, торжествуй храбро в горнем государстве.

[Млады] 2

Или у тебе, боже, в небе еще мало?
 понадобилось ПЕТРА, милости не стало
 к нам младым всем сиротам, без его оставшим,
 мучиться станем люто случаям наставшим.
 ПЕТРА АЛЕКСЕЕВИЧА где, РОССИЕ, дела?
 ныне плакать и охать вечно ты затела,
 когда б тогда смерть вшедшу мы бы увидали,
 чем ни попада, тотчас всю бы забросали.
 Преставися государь, что ж будем творити?
 отдавши должны поклон, станем век слезити.

Кавалер 1

Кавалерию имам, храбро кавалерство,
 преславное отиде россиско рыцарство,
 восплачте, кавалеры, горко днес россиски:
 ПЕТР наш АЛЕКСЕЕВИЧ к нам вельма бысть близки,
 отшел от сего света до века кончины
 и нас не взял с собою, сам толко едины,
 ПЕТРЕ, ах, ПЕТРЕ, сам бо кавалер преславлен,
 ПЕТРЕ, Марсе россиский, ко всем благоправен,
 оставил нас чад своих ах осиротевших.¹
 Конечную верность ти к услуге являем,
 всенижайше нижайший поклон отдаваем.

[Кавалер] 2

Орле пернаты, Орле ПЕТРА неукривы,
 твой птенец бысть, Орле, что ж ты учинивы?
 В тебе, Орле россиски, и гнездо имяше,
 Петр наш АЛЕКСЕЕВИЧ тобою слывяше,
 сколко тебе прославлял, Орла двоеглавна,
 все почитали уже государства славна,
 видячи смерть входящу, раздрал бы ногтями,
 летать высоко можешь, высмотрев глазами,
 несть птенца россиска, увы, горе, бедно,
 кавалерско днесь лице от печали бледно,
 не кавалерство наста, но уже мизерство,
 где наше храбро делос россиско рыцарство?
 Ты, боже милосерды, сие учинивы,
 ПЕТР россиский и тамо да будет славимы.

Россия

Отонча глас мой, оскуде сила, исше гортань, прилле язык, изнеможе
 плоть моя, вся трепещу, вся содрываюсь, всеми уды, члены, всеми
 тела моего составы, бедная, болезненная, осиротевшая, ах, увы, РОССИЕ,
 радости своей, света своего ожидающая, милостивого отца своего и госу-
 даря призывающая, РОССИЯ, россиское чадо, чадо любезное, чадо неоце-
 ненное, чадо всей вселенной удивление, оплакивающая ПЕТРА, ах,
 ПЕТРА АЛЕКСЕЕВИЧА, увы, прехрабрейшаго императора, увы, геро-
 ичного кавалера, увы, ужаснаго, непобедимаго Марса: преставися, умре,
 отиде от РОССИИ, в другую нацию, государство небесное. Что за измена
 деснице твоей, всемогущий и препрославлены боже, отял еси от мене
 пребедной отца моего и государя, сам веси, знаеши яко тысящныя прежде
 претерпех досады и поношении и печали, или паки предаеши томуже
 гонению? Нажила было твоею милостию единаго чада ПЕТРА и сего

¹ Подчеркнуто в рукописи, очевидно для указания, что подчеркнутое повто-
 ряется два раз.

перваго ПЕТРА и сего великаго, и се что, горе, преставися, зайде десница светозарная от очию моею, дражайшая моя маргарита, неоцененное перло, кристалловидны каменю, ПЕТРЕ, ПЕТРЕ тверды, крепкий адаманте, любезнейшая утроба, россиское чадо, почто оставил еси мать свою, дщерь свою, рабу свою? Се уже последнее приношу гробу поклонение, тебе, моему отцу и государю, последнее целование, ликуй, торжествуй в горнем Сионе с лики святых. Аминь.

Тут же над гробом изрекши се плачет РОССИЯ и нача глаголати слезно предстоящим у гроба:

Чтож надолзе стоите, храбры кавалеры?

Аще есте пред ПЕТРОМ несумненно веры
благочестны, вы гроб сей со страхом возмите,
с феатра днесь в печали уже отнесите.

Кавалер 1

С верою усердную подщимся прияти.

2

Плачевныи песни ПЕТРУ будем простирати.

Старик 1

Старость моя никогда слезить не престанет.

2

Обща россиска печаль, ниже та отстанет.

Млады 1

Россиска младость ныне по своем печална.

2

Зря ПЕТРА самодержца во гробе начална.

Вечность

Россиски кавалеры, хоть возрыдайте ныне,
что ПЕТР АЛЕКСЕЕВИЧ оста наедине,
прехрабрейшии герои, персоны марсовы,
за государя бывше на мечи готовы,
и орде баталия, вам ничто не поможет,
сей прехрабры ПЕТР монарх рещи не возможет.

Марс невоенны,
упокоенны
возле во гробе
в земной утробе,
вечности вручися,
в блаженстве вселися.

РОССИЯ мати,
 престань рыдати,
 прими гроб любезно,
 музы, пойте слезно,
 россиская чада,
 се ваша отрада
 грядет к покою
 сам, не с Марсом к бою,
 стените, рыдайте,
 поклон днесь отдайте,
 увы, ах, горе,
 слез пролейте море.

Примите, глаголю, гроб сей благоговенно,
 прости, ПЕТРЕ государю, рыцте неотменно.

Пение

Увы, увы, нам, ПЕТРЕ, царь избранны,
 государь, монарх, богом дарованны,
 всех нас востави, Россию остави,
 но и прослави.

Горко, ах, слезно Россия днес плачет,
 вечность с смертию от радости скачет,
 получив ПЕТРА ниже поседима,
 всегда славима.

Сей последний наш ПЕТРУ возносим глас,
 Драгий гроб нося в печалны оны час,
 ПЕТР АЛЕКСЕЕВИЧ, прости, государю,
 россиски царю.

Эпилог

ЗАКЛЮЧЕНИЕ ДЕЙСТВИЯ

Плачевную кончину, нечаянное радости россиской изменение, чрез смерть блаженное от жизни сей прехождение ПЕТРА россиского отца отечества, сценическим по возможности нашей изъяхом, видесте бо РОССИЮ, в каковой печали быти, что вещаше, как горко рыдаше и, увы, стеньаше, утрие паки возрадуется, зря россискую добродетель, мать свою воцаренну, россиское стадо правящу, мужественные дела являющу, видесте и фортуна россискую падающу, яже утро паки обновится и воставится, аще убо ваше и тому, яко верных подданных, есть усердие, просим оное видеть, днесь щасливо всякому в дом свой возвращения усердно желаем.

ХРОНИКА

Юбилей члена-корреспондента АН СССР В. П. Адриановой-Перетц

12 мая 1948 г. в Институте литературы (Пушкинском доме) АН СССР состоялось открытое заседание Ученого совета Института, посвященное чествованию заведующего Сектором древней русской литературы Института члена-корреспондента АН СССР и АН УССР доктора филологических наук профессора В. П. Адриановой-Перетц по случаю сорокалетия ее научной деятельности и шестидесятилетия со дня рождения.

Заседание открыл заместитель директора Института профессор Л. А. Плоткин, обратившийся к юбиляру с краткой приветственной речью.

С большим докладом, посвященным научной деятельности юбиляра, выступил доктор филологических наук проф. И. П. Еремин. Свою научную деятельность В. П. Адрианова-Перетц начала в 1908 г. Первые работы В. П. Адриановой-Перетц были посвящены изучению старинной украинской литературы. Уже в этих работах В. П. Адриановой-Перетц определились основные ее интересы: изучение проникновения фольклора в старинную книжность и фольклорных отражений в книжных произведениях. В. П. Адрианова-Перетц изучает постепенное превращение апокрифического евангелия Фомы в своеобразную „народную“ книгу в украинской литературе, постепенное сближение с местной украинской литературой и фольклором таких памятников, как Толковая Палея, Аристотелевы врата и др., и выразительно характеризует, как в процессе переписки выветриваются из них следы иноязычного материала.

В 1917 г. вышла и большая работа В. П. Адриановой-Перетц, в основном отразившая то же направление ее научных интересов: „Житие Алексея человека божия в древней русской литературе и народной словесности“. В этой работе, удостоенной Академией Наук большой Ломоносовской премии, основное внимание уделено различным обработкам сюжета об Алексее, — в особенности в украинском и белорусском фольклоре. Эта последняя часть работы В. П. Адриановой-Перетц развернулась в целое большое исследование.

Близко примыкают к этому направлению научно-исследовательских интересов В. П. Адриановой-Перетц и ее работы по литературе паломников.

После Великой Октябрьской революции научно-исследовательская деятельность В. П. Адриановой-Перетц развернулась особенно широко. Ее интересы привлекает главным образом демократическая литература XVII—XVIII вв., сатира на господствующие классы, на господствующие установления церкви. В 1924 г. выходит ее статья „До історії пародії на Україні в XVIII віці“. Предмет исследования здесь — одна из типичных для XVIII в. литературных травестий, пародирующих популярные церковные песнопения.

В 1928 г. выходит ее статья „Юмористические лечебники“, в 1936 г. — работа „Образцы общественно-политической пародии XVIII — начала XIX в.“ Наконец, в 1937 г. появилось большое исследование В. П. Адриановой-Перетц „Очерки по истории русской сатирической литературы XVII в.“. Здесь В. П. Адрианова-Перетц опубликовала несколько

новых, ранее неизвестных произведений сатирической литературы XVII в. и убедительно показала связь этой сатирической литературы XVII в. с оппозиционно настроенными низами городского населения. В целом этот интереснейший раздел русской литературы впервые введен В. П. Адриановой-Перетц в историко-литературное изучение и занял подобающее ему место во всех общих курсах истории древней русской литературы, вышедших после появления работы В. П. Адриановой-Перетц.

Докладчик остановился также на работах В. П. Адриановой-Перетц по древнейшему русскому стихотворству, по школьному театру и некоторым проблемам истории русской культуры. В. П. Адриановой-Перетц принадлежит интересная, и по методу, и по результатам попытка восстановить характер сценического оформления школьных спектаклей, большая работа по истории цен на книги в XVI—XVIII вв. и т. п.

В последнее время В. П. Адрианова-Перетц занята изучением „Задонщины“ на основе впервые ею привлеченных для исследования всех списков этого произведения. Ряд ее опубликованных исследований этого памятника уже сейчас позволяет с полным основанием отвергнуть псевдонаучные домыслы французского ученого А. Мазона относительно якобы имевшей место зависимости Слова о полку Игореве от недошедшего текста Задонщины.

Докладчик отметил широкий диапазон научных интересов В. П. Адриановой-Перетц, ее глубокую эрудицию, смелость в постановке и разрешении новых проблем, тонкость владения филологическим методом. Работы В. П. в области сатирической литературы XVII в., в области взаимодействия фольклора и книжной литературы, направленность ее работ на изучение конкретных, местных, национальных особенностей памятников литературы в значительной мере изменили обычные представления о литературе XVII—XVIII вв., и привлекли внимание литературоведов ко многим новым группам литературных произведений.

В. П. Адрианова-Перетц является одним из основных авторов первых двух томов академической „Истории русской литературы“, посвященных древнему периоду русской литературы, и одним из деятельных ее редакторов. И самый план этих двух томов, и их осуществление в значительной мере принадлежат трудам В. П. Адриановой-Перетц.

После доклада были оглашены приветствия, полученные от президента Академии Наук СССР академика С. И. Вавилова и академика-секретаря Н. Г. Бруевича, от Отделения языка и литературы Академии Наук СССР. С приветствиями от Института литературы АН СССР выступил проф. Б. П. Городецкий, от Отдела древней русской литературы Института литературы АН СССР — проф. М. О. Скрипиль, от Института русского языка — член-корреспондент АН СССР Е. С. Истрина, от Института языка и мышления АН СССР — акад. И. И. Толстой, от Института истории АН СССР — проф. Б. А. Романов, от Института востоковедения АН СССР — проф. Г. Ф. Смыкалов от Союза советских писателей — И. Я. Айзеншток, от Филологического факультета и Филологического института Ленинградского ордена Ленина Государственного университета — член-корреспондент АН СССР проф. М. П. Алексеев, от Института истории материальной культуры им. Н. Я. Марра и Академии художеств — проф. М. К. Каргер, от Библиотеки АН СССР — проф. В. А. Петров, от Государственной Публичной библиотеки им. Салтыкова-Щедрина — проф. В. Г. Гейман, от Института истории театра и музыки — проф. С. С. Данилов, от Русского Музея — Н. Г. Порфиридов, от Издательства Академии Наук СССР — главный редактор Ленингр. отдел. Издательства Д. В. Грибакин, от Музея Института литературы АН СССР — М. М. Калаушин.

Юбилеем было получено более ста приветственных телеграмм. В числе их от Института славяноведения АН СССР, от Украинской Академии Наук, от Белорусской Академии Наук, от Киевского университета, от Института языковедения им. Потебни, от Исторического факультета Ленинградского университета, от Рукописного отделения Государственного Исторического музея, от кафедр русской литературы университетов и педагогических институтов Москвы, Ленинграда, Киева, Пскова, Еревани, Баку,

Томска, Иркутска, Петрозаводска, Гори, Алма-ата, Черновиц, Саратова, Куйбышева, Казани, Вологды, Архангельска, Ташкента, от Пушкинского заповедника АН СССР, Пушкинского общества, Литературного музея, Псковского краеведческого музея, от редакций журналов „Известия Отделения языка и литературы“, „Звезда“, „Литература в школе“, от Издательства „Молодая гвардия“ и т. д. Много телеграмм было получено от друзей и учеников В. П. Адриановой-Перетц.

В своем заключительном слове В. П. Адрианова-Перетц поблагодарила всех приветствовавших ее и рассказала о той роли, которую сыграла в ее научной работе, в росте ее научных интересов Академия Наук.

Д. Л.

Н. К. Гудзий

С. А. Бугославский

(Некролог)

14 января 1946 г. скоропостижно, от паралича сердца, скончался старейший научный сотрудник Института мировой литературы Академии Наук СССР, доктор филологических наук профессор Сергей Алексеевич Бугославский. Ушел в могилу всего лишь на 57-м году даровитый и неутомимый ученый, прекрасный знаток древнерусской литературы и русского музыкального фольклора, ушел тогда, когда его научная и организационная деятельность достигла едва ли не наибольшего напряжения и когда она доставляла ему особенно большое внутреннее удовлетворение.

С. А. Бугославский.

Научная работа С. А. Бугославского началась еще на младших курсах Историко-Филологического факультета Киевского университета, в семинаре по древнерусской литературе профессора, позднее академика В. Н. Перетца. Уже тогда, в 1907—1908 гг., он сосредоточил свое внимание на изучении древнерусской агиографии Киевского периода в связи с судьбами нашего старинного летописания. Еще в студенческие годы С. А. Бугославский написал сочинение „Анонимное сказание о Борисе и Глебе“, для которого он привлек 132 списка этого памятника и за которое получил золотую медаль и премию им. Пирогова. Впоследствии из этой работы, расширенной привлечением других памятников о Борисе и Глебе — летописной повести о них и „Чтения“ Нестора, а также дополненной анализом свыше сорока новых списков анонимного „Сказания“, выросла докторская диссертация С. А. Бугославского „Древнерусские литературные произведения о Борисе и Глебе“, — весьма успешно защищенная им в 1940 г.

В 1928 г. Академией Наук УССР опубликовано приложение к исследованию — критическое издание текстов памятников о Борисе и Глебе с кратким конспективным изложением самого исследования.

Промежуточным этапом между студенческой медальной работой и докторской диссертацией С. А. Бугославского была его обширная статья „К вопросу о характере и объеме литературной деятельности преп. Нестора“, напечатанная в 1914 г. в т. XIX „Известий ОРЯС АН“. По поводу этой работы акад. А. А. Шахматов писал в 1916 г. во вводной части к своему изданию „Повести временных лет“: „Весьма обстоятельное и хорошо продуманное изложение нового и оригинального взгляда на литературную деятельность Нестора находим в недавно появившемся исследовании С. А. Бугославского... Отличное знакомство автора с источниками, широкая постановка вопроса и талантливое его освещение обязывали бы меня с особенною подробностью остановиться на названной работе, которая в конечных своих выводах сильно расходится с некоторыми из выставленных мною положений“ (стр. LXVIII). Там же, несколько ниже, А. А. Шахматов писал: „Считаю теперь свое мнение (о взаимоотношении анонимного „Сказания“ и „Чтения“ Нестора. — Н. Г.) ошибочным: в значительной степени неосновательность его доказана соображениями С. А. Бугославского“ (стр. LXXIV). Такая высокая оценка работы молодого ученого со стороны А. А. Шахматова, к которому С. А. Бугославский относился, разумеется, с глубоким пиететом, притом оценка, сопровождаемая свойственной знаменитому ученому самокритичностью, — сама по себе достаточно характеризует качество этой работы.

Перед историком древнерусской литературы, при обращении его к кругу памятников, связанных с именами Бориса и Глеба, возникал ряд не разрешенных проблем, частично намеченных еще академиком Н. К. Никольским в его „Материалах для повременного списка русских писателей и их сочинений“ (СПб., 1906). Прежде всего мы не имели критически установленного текста памятников, в особенности самого популярного из них — анонимного „Сказания“, не выяснена была их литературная история и хронология, связь их с предшествующей литературной традицией и влияние на последующую литературу; спорными оставались вопросы об авторе анонимного „Сказания“, о взаимоотношении „Сказания“ и „Чтения“ Нестора, о тождестве или отличии Нестора, автора житий Бориса и Глеба и Феодосия Печерского, и Нестора летописца. Все эти проблемы, как и некоторые другие, вытекающие из темы диссертации, вновь выдвинуты были С. А. Бугославским, иные, разработанные в предшествующих его трудах, нашли себе здесь более детальное обоснование, и в целом диссертация разъяснила и осветила очень многое, что до тех пор было несным и необследованным.

Помимо указанных основных работ С. А. Бугославского, ему принадлежит еще ряд солидных исследований по древнерусской литературе, которые стали печататься с 1910 г., преимущественно на страницах „Известий ОРЯС АН“: „Поучение еп. Луки Жидяты по рукописям XV—XVII вв.“, „К вопросу о первоначальном тексте жития вел. кн. Александра Невского“, „К литературной истории «Памяти и похвалы» князю Владимиру“ и др. Всем этим работам присущи обычные достоинства научных исследований С. А. Бугославского: прекрасное знание материала, тонкость филологического анализа, острое критическое чутье.

С. А. Бугославский принимал участие в работе по написанию тех томов академической „Истории русской литературы“, которые отведены истории древнерусской литературы. Здесь им написаны отдельные главы, преимущественно о древнерусской агиографии. В 1938 г. С. А. Бугославский напечатал содержательную брошюру о „Слове о полку Игореве“ в связи с юбилейной датой памятника.

Давний интерес С. А. Бугославского к судьбам древнерусского летописания привел его к мысли дать критическое издание „Повести временных лет“, которое закончено им было перед войной, сдано в Учпедгиз, набрано и сверстано, но, по условиям военной обстановки, в свет не вышло. Краткое обоснование критических приемов издания „Повести“ дано С. А. Бугославским в статье, напечатанной в сборнике „Старинная русская повесть“ (Изд. АН СССР, М. — Л., 1941). С. А. Бугославский сопоставил все дошедшие до нас списки „Повести временных лет“ и, в результате тщательного их изучения, попытался уточнить историю текста памятника, одновременно пересмотрев и уточнив фундаментальную, во многих отношениях замечательную работу над

„Повестью временных лет“ А. А. Шахматова, который и сам свою работу над текстом „Повести“ считал не окончательной и подлежащей пересмотру и проверке. Жаль, что эта последняя по времени работа С. А. Бугославского, крупнейшего мастера текстологического анализа, до сих пор не вошла в научный оборот — не издана.

По плану Отдела древнерусской литературы и литературы XVIII в. Института мировой литературы АН СССР С. А. Бугославский составил также сборник „Летописный рассказ в русских летописных сводах XII—XVI вв.“, сопровождаемый обстоятельной вводной статьей и комментариями. Этот сборник ценен и в научном и в педагогическом отношении.

Помимо исследовательской работы, С. А. Бугославский вел и преподавательскую работу в высшей школе. Сдав в Московском университете в 1916 г. экзамен на степень магистра, он стал там в качестве приват-доцента читать курсы по древнерусской литературе. Впоследствии он в качестве доцента, а затем профессора, читал историю древнерусской литературы в Крымском университете, в Высшем литературно-художественном институте им. В. Брюсова и снова в Московском университете, где он состоял профессором до самой своей кончины.

Значительное место в научных интересах С. А. Бугославского занимал и русский фольклор, особенно песенный. В различных научных изданиях им напечатаны статьи: „Песенные традиции в России XVIII—XIX вв.“, „Горький и русская народная песня“ и др. В последнее время С. А. Бугославский, став во главе группы фольклора в Институте мировой литературы АН СССР, вместе со своими сотрудниками провел большую и плодотворную работу по собиранию и изучению фольклора Великой Отечественной войны. Он успел отредактировать и приготовить к печати сборник „Фольклор Великой Отечественной войны“, содержащий ряд очень ценных статей, написанных в основном участниками группы, в том числе обширное исследование самого С. А. Бугославского „Советская песня“.

Будучи не только выдающимся филологом, но и композитором и весьма компетентным музыковедом, С. А. Бугославский много сделал по изучению музыкального фольклора. Для его собирания и изучения он совершил несколько поездок на Южный Урал и в Архангельск, принимая одновременно энергичное участие в организации народных хоров. Огромную работу провел С. А. Бугославский как популяризатор музыкального фольклора, как лектор и консультант в этой области. В период непосредственной угрозы Москве со стороны гитлеровских полчищ он прочел свыше сорока лекций в воинских частях, в госпиталях, на предприятиях, тем самым морально участвуя в деле обороны Москвы. Он был награжден медалью „За оборону Москвы“.

Горечь утраты тем сильнее, что ушел от нас не только талантливый ученый, но и прекрасный человек, душевно щедрый, живший интересами других, как своими собственными, часто больше, чем собственными. Необыкновенны были бескорыстие и благожелательность С. А. Бугославского; необычно внимателен был он к работе своих товарищей и учеников, делаясь с ними постоянно и своим богатым опытом и своими большими знаниями, всегда стараясь быть им полезным, притти им на помощь. Научные и житейские успехи и удачи их радовали его так, как будто это были его личные удачи и успехи. Он был очень благородным и на редкость добрым человеком. Таким он и останется в памяти всех тех, кто его знал и кто общался с ним.

Библиографический указатель научных печатных работ С. А. Бугославского¹

1. Рецензия: Н. Серебрянский. Заметки и тексты из псковских памятников, I—V. М., 1910 — Изв. ОРЯС АН, т. XV (1910), кн. 3, стр. 333—336.
2. „Сказание“ о Борисе и Глебе; резюме доклада и сведения о списках]. См.: В. Н. Перетц. Отчет об экскурсии семинария русской филологии в СПб.

¹ В указатель входят только работы С. А. Бугославского по истории русской литературы и фольклору; не входят статьи, заметки и рецензии по музыковедению, а также статьи и заметки в журналах и газетах научно-популярного характера. — *Ред.*

13—28 февраля 1911 г. Киев, 1912, стр. 9—11, 75—77 (отг. из „Университетских известий“ за 1912 г.).

3. [„Слово о почитании родителей“ по рукописи XV в.] См. там же, стр. 111—112.

4. Отчет о занятиях в библиотеках Москвы, С.-Петербурга и села Поречья (гр. Уваровых), (август—октябрь 1912 г.), (с приложением 12 текстов). Киев, 1913, 52 стр. (отг. из „Университетских известий“ за 1913 г.).

5. Поучение еп. Луки Жидяты по рукописям XV—XVII вв. — Изв. ОРЯС АН, т. XVIII (1913), кн. 2, стр. 196—287.

6. Сокращенная редакция Великой Четьи Миней за май месяц в рукописи Казанской духовной академии 1569 г. № 514 (533) (631). — Изв. ОРЯС АН, т. XVIII (1913), кн. 4, стр. 347—351.

7. Несколько замечаний к теории и практике критики текста. Чернигов, 1913, 16 стр.

8. К вопросу о характере и объеме литературной деятельности преп. Нестора — Изв. ОРЯС АН, т. XIX (1914), кн. 1, стр. 131—186, кн. 3, стр. 153—191.

9. К вопросу о первоначальном тексте жития вел. кн. Александра Невского — Изв. ОРЯС АН, т. XIX (1914), кн. I, стр. 261—290.

10. Главнейшие характерные черты Московского периода русской литературы. Чернигов, 1917, 11 стр.

11. К литературной истории „Памяти и похвалы“ князю Владимиру — Изв. ОРЯС АН, т. XXIX (1925), стр. 105—159; отд., Л., 1925.

12. Памятки XI—XVIII вв. про князів Бориса та Гліба (Розвідка та тексти). У Києві, 1928 (Збірник історично-філологічного Відділу Всеукраїнської Академії Наук № 77), XXXIII + 206 + 11 стр.

13. Литературная традиция в северо-восточной русской агиографии — Статьи по славянской филологии и русской словесности. Сборник статей в честь акад. А. И. Соболевского. Изд. АН СССР, Л., 1928, стр. 332—336.

14. Звуковые элементы в творчестве Горького — Музыкальный альманах. Сборник статей под общей редакцией Н. И. Челябинова, М., 1932, стр. 65—69.

15. Песенные традиции в России XVIII—XIX веков — Сборник статей к сорокалетию ученой деятельности акад. А. С. Орлова. Изд. АН СССР, Л., 1934, стр. 143—151.

16. Слово о полку Игореве. Историко-литературный очерк. Гослитиздат, М., 1938, 24 стр.

17. Горький и русская народная песня — Литературный критик, 1938, № 6, стр. 82—101.

18. Рецензия: Н. К. Гудзий. История древней русской литературы. М., 1938 — „Октябрь“, 1939, № 2, стр. 215—218.

19. Рецензия: Ю. М. Соколов. Русский фольклор. М., 1938 — „Октябрь“, 1939, № 5, стр. 304—306.

20. Русские народные песни в записи Пушкина. Временник Пушкинской комиссии, VI, изд. АН СССР, М.—Л., 1931, стр. 183—210.

21. История русской литературы, т. I. Изд. АН СССР, М.—Л., 1941, стр. 315—337.

22. История русской литературы. Под общей редакцией проф. В. А. Десницкого, т. I, ч. 1, Учпедгиз, М., 1941, стр. 230—241.

23. „Повесть временных лет“ (Списки, редакции, первоначальный текст). — „Старинная русская повесть“. Статьи и исследования под редакцией Н. К. Гудзья. Изд. АН СССР, М.—Л., 1941, стр. 7—37.

24. История русской литературы, т. II, ч. 1. Изд. АН СССР, М.—Л., 1945, стр. 61—66, 70—71, 234—240.

25. Русская земля в литературе Киевской Руси XI—XIII вв. — Ученые записки МГУ им. Ломоносова, вып. 118, М., 1946, стр. 3—26.

26. Творчество пинежской сказительницы А. И. Гладобородовой: А. И. Гладоборова. Сказы и песни. Архангельск, 1947, стр. 3—18.

СПИСОК ИЛЛЮСТРАЦИЙ

	Стр.
„Рифмологион“ Симеона Полоцкого. (Рукоп. ГИМ, Синод. собр., № 287, л. № 432)	136—137
„Рифмологион“ Симеона Полоцкого. (Рукоп. ГИМ, Синод. собр., № 287, л. 515 об.)	—
„Рифмологион“ Симеона Полоцкого. (Рукоп. ГИМ, Синод. собр., № 287, л. 559)	—
„Слово Даниила Заточника“. (Рукоп. Института истории, языка и литературы Карело-финской базы АН СССР, № 22, л. 252)	196—197
Былина об Иване Годиновиче. (Рукоп. конца XVII — начала XVIII в. Ленинградского отделения Института истории Академии Наук СССР, собр. Н. П. Лихачева, № 201, л. 20)	344—345
С. А. Бугославский	410

СО Д Е Р Ж А Н И Е

Статьи и исследования

	Стр.
В. П. Адрианова-Перетц. Основные задачи изучения древне-русской литературы в исследованиях 1917—1947 гг.	5
И. П. Еремин. „Слово о полку Игореве“ в советском литературоведении . . .	15
А. Н. Робинсон. Поэтическая повесть об Азове и политическая борьба донских казаков 1642 г.	24
И. П. Лапидский. Повесть о суде Шемяки и судебная практика второй половины XVII в.	60
Д. С. Лихачев. Елаинский летописец второго вида и правительственные круги Москвы конца XV в.	100
Н. В. Шарлемань. Из реального комментария к „Слову о полку Игореве“	111
И. П. Еремин. Поэтический стиль Симеона Полоцкого	125
А. П. Евгеньев. О некоторых поэтических особенностях русского устного эпоса XVII—XIX вв. (постоянный эпитет)	154

Материалы и сообщения

В. И. Малышев. Новый список Слова Даниила Заточника	193
В. П. Адрианова-Перетц. „Задонщина“ (опыт реконструкции авторского текста)	201
М. О. Скрипиль. Повесть об Улянии Осорьиной (исторические комментарии и тексты)	256
М. О. Скрипиль. Неизвестные и малоизвестные русские повести XVII в. . .	324
Д. С. Лихачев. Плач о реке Нарове 1665 г.	333
П. Г. Ширяева и В. А. Кравчицкая. Две былины в записях конца XVII—XVIII вв.	339
В. И. Малышев. Усть-Цилемское предание о протопопе Аввакуме	372
С. А. Щеглова. Неизвестная драма о смерти Петра I.	376

Хроника

Д. Л. Юбилей члена-корреспондента АН СССР В. П. Адриановой-Перетц . . .	407
Н. К. Гудзий. С. А. Бугославский. (Некролог)	410